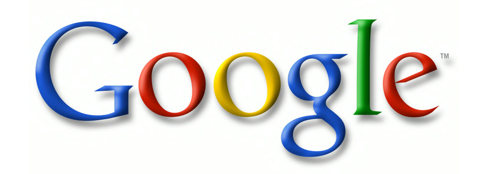
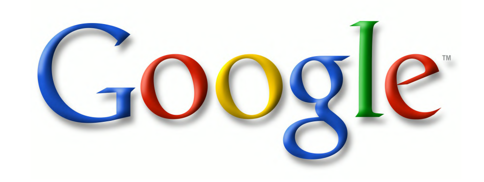

Google

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ · ПОЛИТИКИ · ЛИТЕРАТУРЫ.

ПЯТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 5-ая.

МАЙ. 1870.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 5-ая. — МАЙ, 1870.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ.

1870
5

ПЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

ПЯТЫЙ ГОДЪ.

ТОМЪ III.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Невскомъ просп., у Казан. моста № 30.

Экспедиція журнала: на Екатерингофскомъ проспектѣ, № 41.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1870.

"VESTNIK EVROPY"

СТРУЭНЗЕ

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ и прозѣ.

Михаила Бэра.

Трагедія Михаила Бэра (братъ композитора Мейеръ-Бэра, написавшаго къ ней извѣстные въ музыкальномъ мірѣ антракты и увертюру), вскорѣ послѣ своего перваго появленія на мюнхенской сценѣ, въ 1828 г., вызвала, въ одномъ изъ нѣмецкихъ періодическихъ изданій, статью Гейне, которая содержитъ въ себѣ, независимо отъ весьма вѣрной и тонкой оцѣнки этой пьесы, еще и краткій очеркъ предшествующей дѣятельности ея автора. Эта статья не вошла въ извѣстное русское изданіе собранія сочиненій Гейне, а потому будетъ кстати присоединить ее теперь къ переводу самой трагедіи.

Мюнхенъ.—Апрѣль, 1828 г.

„27-го марта, дана была на мюнхенскомъ національномъ театрѣ трагедія М. Бэра „*Струэнзе*". Прежде чѣмъ приступить къ оцѣнкѣ ея, мы считаемъ нужнымъ бросить взглядъ на прежніе драматическіе опыты ея автора. Разсмотрѣвъ произведенія М. Бэра, въ ихъ послѣдовательности и внутренней связи, и указавъ мѣсто занимаемое имъ въ драматической литературѣ, мы получимъ вѣрный масштабъ для хвалы и порицанія, и для опредѣленія его относительнаго значенія.

„Юношески незрѣла, какъ и самый возрастъ автора, была его „*Клитемнестра*". Поклонниками ея явились „избранники", видящіе въ Грильпарцеровской Сафо высшій образецъ этого греческаго рода; порицателями же были отчасти такіе люди, которые только порицаютъ, но отчасти и такіе, которые дѣйствительно были правы. Нужно согласиться, что образы этой трагедіи отличались лишь внѣшней, призрачной жизнью, и что въ рѣчахъ ихъ точно также не слышалось ни малѣйшей

правды. Тутъ не было дѣйствительнаго чувства, а все было ходульно и театрально; — ни одного вдохновеннаго слова, а только комедіантскія, придворныя фразы [1]). Чего нельзя было однакоже отрицать—это драматическаго таланта, сквозившаго, несмотря на самое жалкое веденіе пьесы, на безобразную ея неестественность. Что авторъ предчувствовалъ въ себѣ этотъ талантъ, доказывается его второй пьесой „Аррагонскими невѣстами", въ которой кое-гдѣ пробивается истинный огонь, дѣйствительная страсть и не совсѣмъ отсутствуетъ поэзія.

„Хотя бумажные цвѣты исчезаютъ здѣсь и замѣняются живыми, органическими цвѣтами, однакожъ эти послѣдніе все-таки носятъ на себѣ отпечатокъ своей почвы, т.-е. театра. Видно сейчасъ, что они распустились не на вольномъ, солнечномъ свѣтѣ, а при бѣдномъ мерцаньи закулисныхъ лампъ. Запахъ и краски ихъ очень сомнительны. Но драматическій талантъ проявляется здѣсь еще въ сильнѣйшей степени.

„Но какъ утѣшительны были за то дальнѣйшіе шаги автора! Что навело его такъ внезапно на настоящую дорогу? Сознаніе ли своихъ ошибокъ? Безсознательное ли влеченіе его натуры? Или какая-нибудь внѣшняя, переполнившая его сила? Появился его „Парія". Въ этотъ образъ уже не вдохнулъ души своей никакой несчастный театральный суфлёръ. Пламя, горѣвшее въ этой груди — не было пламенемъ театральнаго колофонія [2]), и заученныя наизусть страданія не пробивались сквозь это пламя. Тутъ есть слова, западающія въ каждое сердце... и жгущія каждое сердце огонь...

„Г. Бэръ посмѣется, пожалуй, когда прочтетъ, что мы приписываемъ превосходный пріемъ, оказанный публикой его пьесѣ, удачному выбору содержанія. Мы нисколько не отрицаемъ того, что въ этой пьесѣ есть несомнѣнная поэзія, которая заставляетъ насъ воздать автору всѣ почести, подобающія истиннымъ поэтамъ, и не причислять его къ тѣмъ гомеопатическимъ стихотворцамъ, у которыхъ, въ ихъ водянистыхъ трагедіяхъ, едва отыщется десятитысячная доля поэзіи; но все-таки мы должны сказать, что главная причина успѣха „Паріи" лежитъ въ содержаніи. Никогда такъ называемая „чистая" поэзія, an und für sich—не доставляла поэту знаменитости. Возьмемъ напримѣръ Гётевскаго „Вертера". Его первоначальная публика никогда не сознавала его истиннаго значенія. Только то, что было потрясающаго и интереснаго въ самомъ фактѣ, привлекало или отталкивало массу. Книга читалась потому, что тамъ было самоубійство. И „Николаиты" писали по поводу ея о самоубійствѣ. Но есть еще элементъ въ „Вертерѣ", привлекавшій меньшинство толпы. Мы разумѣемъ разсказъ о томъ, какъ юнаго Вертера изгнали изъ высшаго дворянскаго общества.

---

[1]) За исключеніемъ немногихъ душистыхъ фіалокъ,—все попадались одни вырѣзные бумажные цвѣты.

[2]) Колофоніумъ—вещество, посредствомъ котораго производятъ на сценѣ молнію.

„Появись „Вертеръ“ въ наше время, эта часть книги потрясла бы сердца въ несравненно большей степени, нежели весь эффектъ пистолетнаго выстрѣла. Съ развитіемъ цивилизаціи, въ новѣйшемъ европейскомъ обществѣ пробудилось, въ безчисленномъ множествѣ людей, негодованіе противъ неравенства сословій и общественныхъ положеній; съ глубоко непріязненнымъ чувствомъ стали смотрѣть на всякое исключительное право, оскорблявшее цѣлый классъ людей, отвращеніе вселяли въ сердца предразсудки, продолжающіе требовать себѣ, подобно запоздавшимъ отъ временъ невѣжества и мрака, безобразнымъ идоламъ, человѣческихъ жертвъ, и въ честь которыхъ избивается столько прекрасныхъ и добрыхъ людей. Отсюда вѣрный успѣхъ каждаго произведенія, гдѣ выступаетъ эта идея. Принципъ человѣческаго равенства одушевляетъ и согрѣваетъ наше время; и поэты, являющіеся жрецами этого божественнаго солнца, всегда могутъ быть увѣрены, что тысячи преклоняютъ съ ними колѣни, что тысячи плачутъ и ликуютъ съ ними. Два писателя, одинъ во Франціи, другой въ Германіи, сходятся нынче, въ выборѣ предмета для воплощенія этой идеи. Казимиръ Делавинь и Михаилъ Бэръ—оба написали „Парію“. Мы не будемъ доискиваться, который изъ двухъ поэтовъ заслужилъ лучшіе лавры. Намъ довольно знать, что лавры обоихъ были орошены благороднѣйшими слезами. Мы позволимъ себѣ только сказать, что хотя „Парія“ Бэра и исполненъ поэзіи, но все еще отзывается чѣмъ-то театральнымъ. Нельзя не замѣтить, что этотъ „Парія“ выросъ не подъ индійскими бананами, а скорѣй подъ деревьями берлинскихъ кулисъ, и состоитъ въ родствѣ „съ Клитемнестрой“ и „Аррагонскими невѣстами“.

„Мы нашли нужнымъ предпослать этотъ обзоръ прежней дѣятельности М. Бэра, разбору его новой пьесы, для того, чтобы имѣть возможность короче и точнѣе высказаться о ней.

„Прежде всего скажемъ, что недостатки, за которые мы не могли не порицать „Паріи“, совершенно исчезаютъ въ „Струэнзе“, написанномъ, чистымъ и яснымъ языкомъ, который можетъ служить образцомъ хорошаго стиха.

„Мы должны удѣлить много мѣста хвалѣ; потому что здѣсь г. Бэръ рѣзко выдается изъ всей этой ватаги нашихъ, такъ-называемыхъ, драматурговъ—образные ямбы которыхъ, подобно цвѣточному вѣнку, или пестрымъ лентамъ, обвиваютъ глупыя мысли. Невыразимо отрадно было для насъ обрѣсть, въ этой песчаной пустынѣ, называемой нѣмецкимъ театромъ, такой освѣжительный, чистый источникъ.

„Что касается до содержанія пьесы, то г. Бэръ опять былъ руководимъ своей счастливой звѣздой, или лучше счастливымъ инстинктомъ.

„Исторія „Струэнзе“, событіе слишкомъ новое и извѣстное, для того, чтобы намъ нужно было его пересказывать, и какъ это обыкновенно принято, развивать фабулу пьесы. Легко угадать, что содержаніе ея осно-

вано частью на борьбѣ мѣщанскаго министра съ высокомѣрной аристократіей, частью на любви Струэнзе къ Каролинѣ-Матильдѣ Датской.

„Объ этой второй темѣ мы не станемъ распространяться, хотя авторъ считалъ ее столь существенной, что въ 4-мъ и 5-мъ актахъ, почти забылъ для нея первую свою тему; и разныя другія лица придаютъ второй темѣ не менѣе важности, такъ что это даже послужило препятствіемъ къ постановкѣ пьесы на нѣкоторыхъ сценахъ. Вопроса же, роняетъ ли достоинство либеральнаго государства запрещеніе драматическихъ представленій, исполненныхъ поучительныхъ истинъ, мы обѣщаемъ коснуться когда-нибудь впослѣдствіи. Наша народная комедія, на упадокъ которой такъ жалуются, совсѣмъ должна погибнуть безъ этой свободы сцены, которая еще старѣе, чѣмъ свобода прессы, и всегда существовала въ широкихъ размѣрахъ тамъ, гдѣ процвѣтало драматическое искусство,—какъ напр., въ Аѳинахъ, во времена Аристофана, или въ Англіи при Елизаветѣ, дозволявшей, какъ извѣстно, изображать на сценѣ — страшныя дѣла — даже своихъ родителей.

„Возвратимся однако къ первой темѣ „Струэнзе“, къ борьбѣ мѣщанства съ аристократизмомъ. Нельзя отрицать родства этой темы съ темой „Паріи“. Одна должна была естественно вытекать изъ другой. И тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалы внутреннее развитіе поэта и его свободное чувство, наводящія его всегда на главные, спорные вопросы нашего времени.

„Въ „Паріи“ мы видѣли утѣсненнаго, поверженнаго во прахъ, и раздавленнаго желѣзной ногой утѣснителя. Этотъ разрывающій сердце голосъ, проникшій намъ въ душу, былъ вопль оскорбленнаго человѣчества. Въ „Струэнзе“ мы видимъ, напротивъ, утѣсненныхъ въ борьбѣ съ своими утѣснителями, почти низверженными; здѣсь слышится полный достоинства протестъ, которымъ человѣческое общество требуетъ себѣ возвращенія попранныхъ правъ и гражданскаго уравненія всѣхъ его членовъ. Въ разговорѣ съ гр. Ранцау, представителемъ аристократіи, Струэнзе произноситъ сильныя и прекрасныя слова объ этихъ привилегированныхъ, объ этихъ каріатидахъ трона, которымъ хотѣлось бы, чтобы ихъ считали за дѣйствительную опору его. Само собой разумѣется, что герой, декламирующій такіе стихи, долженъ былъ найти себѣ много всякихъ недоброжелателей, и что ложнымъ толкованіямъ не было конца. Недовольные тѣмъ, что ему въ пятомъ актѣ отрубаютъ голову, эти недоброжелатели еще прибѣгли къ разнымъ эстетическимъ демонстраціямъ и начали разбирать по ниточкѣ ошибки автора. Между прочимъ его обвиняли въ томъ, что въ его трагедіяхъ есть только образы и дѣйствіе, но нѣтъ никакихъ глубокихъ и прекрасныхъ размышленій. Этимъ критикамъ, должно быть, незнакомы ни „Клитемнестра“, ни „Аррагонскія невѣсты“, гдѣ нѣтъ недостатка въ глубокихъ и прекрасныхъ размышленіяхъ. Другой упрекъ относится къ выбору сюжета,

будто бы не подлежащаго еще исторіи. Потомъ находили неумѣстнымъ, въ рамкѣ исторической трагедіи, касаться интересовъ современныхъ партій, разжигать страсти дня, въ особенности въ такое время, когда повсемѣстно замѣчается грозящая опасностями напряженность. Но мы другого мнѣнія. Мы думаемъ, что никогда не рано выводить на сцену ужасы, совершавшіеся при дворахъ;—изъ сцены нужно напротивъ сдѣлать судилище мертвыхъ, какое нѣкогда существовало въ Египтѣ, для произнесенія приговора надъ сильными земли. Что же касается до теоріи, вслѣдствіе которой достоинство пьесы измѣряется той долей пользы или вреда, какую она можетъ сдѣлать, то мы также далеки отъ того, чтобы раздѣлять эту теорію, но если даже допустить ея справедливость, то и тогда нужно признать, что г. Бэръ, изобразивъ намъ такъ жизненно, съ такой ужасающей правдой—эту исключительность кастъ, принесъ гораздо больше пользы, чѣмъ думаютъ.

„Въ народѣ существуетъ повѣрье, что василискъ—страшнѣйшее и сильнѣйшее животное, какое только есть въ мірѣ, и что его не поранишь ни огнемъ, ни мечомъ. Убить его можно однимъ только способомъ: нужно, чтобъ нашелся смѣльчакъ, который бы рѣшился подержать передъ нимъ зеркало; и когда онъ увидитъ въ немъ себя, то такъ испугается своего безобразія, что тутъ же умретъ. „Струэнзе“ и „Парія“ были такимъ зеркаломъ, которое отважный поэтъ рѣшился держать передъ злѣйшимъ василискомъ нашего времени;—и мы благодаримъ его за эту услугу.

„Можетъ быть, мы были неправы относительно критиковъ, обвинявшихъ г. Бэра въ недостаткѣ хорошихъ размышленій. Можетъ быть, это обвиненіе заключало въ себѣ иронію, подъ которой скрывается похвала; если же это было сказано серьезно (всѣ мы слабые люди), то мы на это возразимъ, что они—за деревьями лѣса не видали. Они говорятъ, что не нашли въ пьесѣ ничего кромѣ образовъ и дѣйствія, но они и не замѣтили, что эти самые образы представляютъ собой — прекраснѣйшія размышленія, такъ что все цѣлое есть не что иное, какъ одно прекраснѣйшее размышленіе. Мы удивляемся драматической мудрости и знанію сцены, съ помощью которыхъ авторъ достигаетъ такихъ (хорошихъ) результатовъ. Онъ не только достаточно мотивируетъ, подготовляетъ и развиваетъ каждую сцену; но каждая сцена сама по себѣ вытекаетъ изъ органической необходимости и изъ главной идеи пьесы; такъ, напр., народная сцена, которою начинается 4-й актъ, можетъ показаться близорукому зрителю, и дѣйствительно показалась многимъ, ненужною. А между тѣмъ безъ нея катастрофа была бы мотивирована только вполовину. Мы даже вовсе не хотимъ принять здѣсь въ соображеніе того, что зрителю, потрясенному событіями, развивающимися въ первыхъ трехъ актахъ, нужно было отдохнуть надъ комической сценой. Сущность этой сцены все-таки остается трагическою и изъ-подъ смѣющейся маски ко-

медіанта видѣнъ глубоко-грустный, страдальческій взглядъ Мельпомены. Только послѣ этой сцены понимаемъ мы, что гибель, къ которой могла привести Струэнзе одна уже любовь его къ королевѣ, должна была ускориться еще тѣмъ обстоятельствомъ, что реформы его были антинаціональны, и что народъ ненавидѣлъ ихъ, что онъ не дозрѣлъ до великихъ идей его либеральнаго сердца. Сцена эта превосходна. Не подлежитъ сомнѣнію, что свобода печати находитъ себѣ противниковъ и въ низшихъ классахъ также какъ въ высшихъ, и что даже самая отмѣна рабства бываетъ ненавистна рабу. Все это черты глубоко вѣрныя, и сцена эта выясняетъ намъ всю трагичность изолированнаго положенія Струэнзе, который неминуемо долженъ пасть, въ этой борьбѣ одного съ массой. Но тонкое чутье поэта нашло нужнымъ умѣрить великую скорбь, причиняемую герою пьесы такимъ паденіемъ, и онъ заставляетъ его прозрѣвать передъ смертью то время, когда благодѣтели народа и народъ составятъ одно.

„Высказавшись относительно основной идеи, языка и дѣйствія пьесы, мы должны въ заключеніе поговорить объ „образахъ ея“. Мы нарочно употребляемъ здѣсь выраженіе „образы“, а не характеры, обозначая первымъ внѣшнее, какъ вторымъ — внутреннее въ явленіи. Струэнзе—да проститъ намъ авторъ жёсткость этого отзыва—вовсе не образъ. Эта расплывчатость, чувствительность, этотъ избытокъ мягкости, можетъ быть, составляютъ его характеръ, и мы охотно готовы признать это за характеръ, но это лишаетъ его всякой внѣшней образности; тоже можно сказать и о Ранцау, въ которомъ болѣе благороднаго, нежели дворянскаго, и который расплывается подобно Струэнзе, страдая наслѣдственнымъ порокомъ Бэровскихъ героевъ, — сантиментальностью. Только заглянувъ ему глубже въ сердце, мы увидимъ, что это дѣйствительный характеръ, хотя и слабо очерченный, но все-таки характеръ. Та черта, что онъ, при всей своей ненависти къ Юліанѣ, вступаетъ съ ней однакоже въ заговоръ противъ Струэнзе, и многія другія—сообщаютъ ему индивидуальность, внутреннюю особенность, короче—это характеръ. Отчасти можно примѣнить сказанное и къ пастору, отцу Струэнзе, получившему внѣшній образъ скорѣй благодаря прекрасному исполненію актера, изображавшаго его, нежели автору. (Одинъ изъ нашихъ друзей находитъ въ этомъ лицѣ сходство съ отцомъ Делавиневскаго Паріи, но это несправедливо, по нашему мнѣнію). Характеръ Матильды, какъ это само собой разумѣется, весь—милая женственность,—и если мы не ошиблись, то при созданіи этого лица передъ поэтомъ носился образъ несчастной Маріи-Антуанеты. Самая сцена, гдѣ возмутившаяся гвардія идетъ на дворецъ, вызываетъ въ нашей памяти осаду тюльерійскаго дворца. (Здѣсь Гейне прерываетъ характеристику дѣйствующихъ лицъ драмы, замѣчаніями объ игрѣ актрисы, исполнявшей роль Матильды, которыя мы не считаемъ нужнымъ приводить. Скажемъ только, что онъ обвиняетъ нѣмецкихъ актрисъ того времени въ тѣхъ же самыхъ недостаткахъ, которыми отличается боль-

шая часть современныхъ представительницъ нашей русской сцены: а именно, въ рутинной пѣвучей дикціи, въ однообразіи тона, манерности и ходульности. Молоденькія, простыя дѣвушки, — говоритъ онъ между прочимъ, — полныя естественности, вступая на театральные подмостки считаютъ себя обязанными подлаживаться подъ этотъ тонъ; и какъ только усвоятъ себѣ эту традиціонную неестественность и ходульность, такъ сейчасъ начинаютъ именоваться „художницами“.)

„Несмотря на наше анти-аристократическое чувство (продолжаетъ Гейне свою оцѣнку „Струэнзе“), мы должны отдать королевѣ Юліанѣ предпочтеніе передъ Матильдой. Это ужъ настоящій образъ, настоящій характеръ. Здѣсь нечего прибавить ни къ рисунку, ни къ краскамъ. Здѣсь есть что-то новое, самобытное, и поэтъ обнаруживаетъ свою высшую божественную способность творить людей. Здѣсь, кажется намъ, г. Бэръ проявилъ нѣчто бо́льшее, нежели то, что мы обыкновенно называемъ талантомъ. Мы назвали бы это геніальностью, еслибъ были менѣе скупы на это драгоцѣнное слово...

„Но поэты, заключаетъ Гейне, народъ непостоянный, и положиться на нихъ въ этомъ отношеніи нельзя; даже лучшіе изъ нихъ часто мѣняютъ свои мнѣнія, изъ суетной страсти къ перемѣнамъ. Философы на этотъ счетъ гораздо благонадежнѣе. Они сильнѣе любятъ истины, разъ ими высказанныя, и дольше и упорнѣе борются за нихъ, потому что сами старательно извлекали эти истины изъ глубины своего мышленія, тогда какъ празднымъ поэтамъ онѣ обыкновенно достаются какъ легкій подарокъ. Да вѣетъ же во всѣхъ послѣдующихъ произведеніяхъ М. Бэра, какъ въ „Паріи“ и „Струэнзе“, дыханіе того бога, который еще болѣе великъ, нежели самъ великій Аполлонъ и всѣ другіе медіатизированные боги Олимпа. Мы говоримъ о богѣ свободы“.

Но пожеланія Гейне не сбылись. Бэръ умеръ въ началѣ 30-хъ годовъ, не написавъ уже ничего болѣе. Незадолго до своей смерти онъ переработалъ почти весь третій актъ „Струэнзе“, который въ этомъ новомъ видѣ и игрался потомъ на германскихъ сценахъ. По этому же варіанту перевели и мы 3-й актъ; какъ намъ показалось, онъ въ первоначальномъ своемъ видѣ заключаетъ въ себѣ нѣсколько сценъ совершенно излишнихъ и замедляющихъ дѣйствіе.

Въ заключеніе скажемъ, что Бэръ посвятилъ своего „Струэнзе“ королю Людвигу баварскому, дозволившему играть его на мюнхенской сценѣ и лично присутствовавшему на первомъ его представленіи. Энтузіазмъ, возбужденный драмой, по словамъ Гейне, былъ таковъ, что публика, просидѣвшая въ театрѣ около пяти часовъ, по окончаніи представленія оставалась еще около часу, въ ожиданіи, не явится ли авторъ, котораго неистово вызывали.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

КАРОЛИНА-МАТИЛЬДА, принцесса уэльская, жена Христіана VII-го, короля датскаго.
ЮЛІАНА-МАРІЯ, вдова короля Фридриха V-го, свекровь королевы Матильды.
ГРАФЪ ФРИДРИХЪ СТРУЭНЗЕ, государственный министръ.
ГРАФЪ РАНЦАУ АШБЕРГЪ, генералъ-лейтенантъ, бывшій членъ упраздненнаго государственнаго совѣта.
ПОЛКОВНИКЪ КЕЛЛЕРЪ, командиръ кавалерійскаго полка.
ГРАФЪ ЭНЕВАЛЬДТЪ БРАНДТЪ, первый каммергеръ.
БАРОНЪ ШАКЪ-РАТЛОВЪ, тайный совѣтникъ.
ФОНЪ-ГУЛЬДБЕРГЪ, секретарь вдовствующей королевы.
ФОНЪ-ЛЕВЕНСКЬОЛЬДЪ, капитанъ въ норвежской гвардіи.
ГРАФИНЯ УЛЬФЕЛЬДЪ } придворныя дамы королевы Матильды.
ГРАФИНЯ РЭЦЪ }
СЭРЪ РОБЕРТЪ КЕЙТЪ, англійскій посланникъ при датскомъ дворѣ.
РУССКІЙ КНЯЗЬ.
ПАСТОРЪ СТРУЭНЗЕ, отецъ министра.
ЭММИ, каммеръ-фрау королевы Матильды.
ДЭТЛЕВЪ, пажъ гр. Струэнзе, 16-ти лѣтъ.
ЮГАННЪ, слуга пастора Струэнзе.
ОФИЦЕРЪ изъ полка Келлера.
НАЧАЛЬНИКЪ ПОЛИЦІИ.
КОМЕНДАНТЪ замка Фридрихсбурга.
ХРИСТІАНЪ СВЕННЕ, солдатъ норвежской гвардіи.
ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.
БАБЕ, хирургъ.
ГОГЪ }
ФЛИНСЪ } поселяне. }
АНДРЕАСЪ } }
ТРАКТИРЩИЦА. } Въ деревнѣ близъ Рендсбурга въ Шлезвигѣ.
КОНРАДЪ, ея сынъ. }
ТЮРЕМЩИКЪ.
ДУХОВНОЕ ЛИЦО.

Слуги министра; слуги вдовствующей королевы; слуги въ королевскомъ дворцѣ, офицеры, пажи, придворные обоего пола, стража.

Время дѣйствія: 1772-й годъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

У Струэнзе, въ замкѣ Христіансбургѣ, въ Копенгагенѣ. ДЭТЛЕВЪ — стоитъ у открытаго окна; потомъ слуги министра.

ГОЛОСА СОЛДАТЪ — на улицѣ.

Да здравствуетъ король! Виватъ, король Христіанъ!

ПЕРВЫЙ СЛУГА — къ другимъ, входя.

Говорятъ вамъ, ступайте за мной! Отсюда отлично увидимъ. А! господинъ Дэтлевъ! Вотъ вы, — любимецъ графа; его мысли и намѣренія бываютъ вамъ иногда лучше извѣстны, нежели самому королю; скажите же намъ, что значитъ, что тамъ на плацу, передъ дворцомъ—распускаютъ теперь норвежскихъ гвардейцевъ? Какая жалость! Лучшій полкъ во всей арміи! Я всегда ужасно любилъ этихъ норвежцевъ.

ДРУГІЕ СЛУГИ.

Да, да, разскажите, за что это? Что они сдѣлали?

ДЭТЛЕВЪ.

Не знаю право, чему и приписать ваши разспросы, глупости или только излишнему любопытству. Неужели вы думаете, что если графъ ко мнѣ добръ; если я съ самаго дѣтства пользуюсь его расположеніемъ, то изъ этого слѣдуетъ, что онъ долженъ повѣрять мнѣ всѣ свои сокровенные помыслы и посвящать меня въ государственныя дѣла? Я могу только догадываться, предполагать, а вы требуете отъ меня точныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній.

ПЕРВЫЙ.

Но все-таки вы догадываетесь, предполагаете? Ну, скажите-же—чѣмъ провинился полкъ.

ДЭТЛЕВЪ.

Провинился? Развѣ вы такъ увѣрены, что это дѣлается ему въ наказанье?

СЛУГИ.

Ну́, такъ скажите, что́ вы думаете? Мы хотимъ знать, что́ вы думаете?

ДЭТЛЕВЪ.

По́тише! Хоть я и не имѣю причинъ скрывать отъ васъ своихъ мыслей, но вы такъ назойливо ко мнѣ приступаете, что я, кажется, ничего не скажу вамъ.

ТРЕТІЙ СЛУГА.

Если г. Дэтлеву не угодно говорить—такъ я скажу.

ЧЕТВЕРТЫЙ СЛУГА.

Слушайте, слушайте! Онъ тоже кое-что знаетъ! У него есть свои ходы...

ТРЕТІЙ СЛУГА.

Полкъ распускаютъ для того, чтобы досадить дворянству. Офицеры норвежской гвардіи, что̀ скрежещутъ теперь зубами, слушая приказъ о своемъ увольненіи, всѣ изъ дворянъ... Никто изъ нихъ не хотѣлъ служить вмѣстѣ съ дѣтьми простыхъ гражданъ. Такое ужъ у нихъ было правило.

ПЕРВЫЙ.

Въ самомъ дѣлѣ?

ТРЕТІЙ.

Истинно такъ. Ужъ вы мнѣ повѣрьте. Ну, а дворянство-то,—это намъ всѣмъ извѣстно,—нашъ графъ не очень долюбливаетъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ старается отнять у него хоть частичку его старинныхъ правъ. Нынче онъ попалъ ему прямо въ сердце! Для высокорожденныхъ господъ будетъ очень обидно, если ихъ смѣшаютъ со всѣми; и право, нашему графу слѣдовало бы подумать, каково переносить это дворянской душѣ! Конечно, тотъ, въ чьихъ жилахъ не течетъ старая, благородная кровь, не можетъ понять, какъ тяжело дворянину, который крѣпко держится за свои преимущества, если первый встрѣчный вырываетъ ихъ у него изъ-подъ носу.

ПЕРВЫЙ.

Смотри, какъ бы я тебя не отдулъ! Развѣ намъ графъ первый встрѣчный?

ВТОРОЙ.

Оставь его, Іенсъ. Его ужъ на передѣлаешь. Онъ всегда

былъ за недовольныхъ, потому что отецъ его служитъ у королевы Юліаны. А тамъ скопище завистниковъ и клеветниковъ. Все, что онъ знаетъ, онъ знаетъ оттуда.

ДЭТЛЕВЪ.

Клевета и зависть внушили ему и это. Не для того, чтобы оскорблять, не для того, чтобы нанести кому-бы то ни было, изъ ненависти, неизлечимую рану, распускаютъ полкъ. А просто хотятъ сократить расходы. Золото, украшающее ихъ мундиры, будетъ полезнѣе для казны, если обратятъ его въ деньги. Маленькая страна кормитъ слишкомъ большое войско. Его думаютъ уменьшить, и потому король желаетъ...

ВТОРОЙ.

Не говорите—король. Нашъ графъ—это будетъ вѣрнѣе.

ДЭТЛЕВЪ.

Гейнрихъ!

ВТОРОЙ.

Конечно! Это извѣстно каждому въ Даніи; а мы его слуги,—будемъ объ этомъ молчать? Король слабъ и боленъ... онъ не можетъ трудиться. Графъ Струэнзе—король въ Даніи. Онъ держитъ страну въ порядкѣ и повиновеніи, пускай онъ не умѣетъ рубить мечомъ, но, какъ правитель, онъ все-таки герой. Говорятъ, что онъ былъ врачъ... Если это правда, то теперь онъ сталъ еще лучшимъ врачемъ, потому что лечитъ Данію.

ПЕРВЫЙ.

Да... да... Это человѣкъ, какихъ мало... Онъ никогда не былъ слѣпъ, какъ многіе на этомъ свѣтѣ. Если счастье выпадало ему на долю, онъ умѣлъ имъ пользоваться, и не выпускалъ ужъ его изъ рукъ... Такимъ я всегда его видѣлъ, съ тѣхъ поръ какъ графъ Ранцау представилъ его въ первый разъ королю.

ВТОРОЙ.

Что? Графъ Ранцау? Да это его смертельный врагъ... который не можетъ ему простить, что онъ уничтожилъ государственный совѣтъ. Вѣдь по милости его, графъ Ранцау теперь ничего не значитъ, и никто не заботится о немъ при дворѣ.

ПЕРВЫЙ.

Графъ Ранцау точно ввелъ его ко двору. Постойте, когда это было? Да не очень еще давно... какъ разъ въ то время,

когда король поѣхалъ путешествовать; нашъ графъ сопровождалъ его, разумѣется, какъ докторъ. Онъ не былъ еще тогда министромъ и графомъ.

ТРЕТІЙ.

И ужъ конечно тѣ, которые доставили ему мѣсто лейбъ-медика, не думали, что онъ сдѣлается тѣмъ, что онъ теперь. Тогда нужно было вытѣснить графа Голька, королевскаго любимца. Вотъ былъ человѣкъ! Молодой, ловкій... проворный! Гордъ и надмененъ со всѣми мужчинами и кротокъ какъ ягненокъ, когда его гладила женская ручка.

ПЕРВЫЙ.

Зналъ я его! Никто въ Даніи до сихъ поръ не можетъ вспомнить о немъ и объ его времени безъ тяжелаго вздоха...

ТРЕТІЙ.

Ну,—вздыхать-то не разучились кажется и теперь...

ПЕРВЫЙ.

И не разучатся никогда. На всѣхъ не угодишь. Прежде Голькъ былъ бѣльмомъ на глазу у Ранцау, какъ теперь Струэнзе. Кто самъ хотѣлъ сѣсть на коня, тотъ всегда найдетъ за что осудить ѣздока, сѣвшаго раньше.

ТРЕТІЙ — про себя.

Вѣрно сказано!

ПЕРВЫЙ.

Ранцау зналъ нашего графа за ловкаго человѣка и послалъ его вмѣсто Голька сопровождать короля. Бѣдный Голькъ порхалъ около королевскихъ милостей, какъ мотылекъ около огня... сначала грѣлся и радовался; но потомъ вообразилъ себѣ, что можно совсѣмъ имъ довѣриться... и слишкомъ далеко сунулъ въ огонь головку... Когда онъ погибъ, нашъ графъ, котораго онъ едва замѣчалъ, преспокойно занялъ его мѣсто...

ТРЕТІЙ.

Такъ, такъ... И тутъ ужъ онъ пошелъ прытко. Во время королевской поѣздки, еще докторъ... а по возвращеніи ужъ членъ государственнаго совѣта, и такъ все дальше и дальше... пока не сдѣлался министромъ и графомъ. Это все королева изъ благодарности...

ДЭТЛЕВЪ — быстро прерывая его.

Бросьте эти глупые пересуды! Перестаньте толковать о судьбѣ вашего господина... Предоставьте это его датскимъ завистникамъ, которымъ не нравится быстрое возвышенie иностранца при дворѣ короля ихъ. Вы, его слуги, должны-бы разсуждать иначе... и понимать, что съ его счастьемъ связано ваше собственное.

ЧЕТВЕРТЫЙ СЛУГА.

Смотрите, смотрите!

ВСѢ.

Что такое?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Вонъ, изъ бокового корпуса вышелъ графъ, съ полковникомъ Келлеромъ. Они о чемъ-то горячо разговариваютъ. Войско увидало ихъ. Слышите, какой поднялся ропотъ.

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Какъ графъ сердитъ!

Троекратное vivat солдатъ.

Кому это они кричатъ?

ТРЕТІЙ.

Должно быть полковнику, который ими командовалъ. Смотрите какъ торопливо проходитъ графъ по рядамъ. Онъ идетъ сюда. Уйдемте... чтобъ не застали насъ здѣсь. Разбѣгаются.

ДЭТЛЕВЪ.

Невѣрные, продажные рабы!
Вы измѣнить ему всегда готовы;
Мое лишь сердце предано ему.

СЦЕНА II.

СТРУЭНЗЕ, КЕЛЛЕРЪ—входятъ горячо разговаривая. ДЭТЛЕВЪ—въ глубинѣ сцены.

СТРУЭНЗЕ.

Я не хочу, полковникъ Келлеръ, дольше
И слушать васъ. Отставку офицерамъ
Прошу, скорѣй какъ можно, изготовить.

КЕЛЛЕРЪ.

Позвольте, графъ...

СТРУЭНЗЕ — перебивая его.

Ни слова въ ихъ защиту!
Оправдывать ихъ больше не пытайтесь,
Я вамъ сказалъ, что эти гордецы
Весь полкъ своимъ упрямствомъ заразили.
Ихъ головамъ безпутнымъ угодить
Нельзя ничѣмъ... и полкъ при нихъ готовъ
Всегда служить орудіемъ измѣны. —
Или страна для нихъ лишь существуетъ?
Иль для того въ поту крестьянинъ пашетъ,
И гражданинъ покорно взноситъ подать,
Чтобъ ихъ мундиръ могъ золотомъ блестѣть?
Имъ каждый—врагъ, кто любитъ бережливость.
Они народъ къ возстанью возбуждаютъ...

КЕЛЛЕРЪ.

Но, графъ, они кричали королю
«Виватъ!» какъ имъ отставку объявляли.

СТРУЭНЗЕ.

И трижды вамъ привѣтствіе гремѣли,
Когда я ихъ ряды обозрѣвалъ!

КЕЛЛЕРЪ.

Я возразить осмѣлюсь, графъ, что это
Честь дѣлаетъ и войску и вождю.
Солдатъ чтитъ власть въ особѣ короля, —
Въ вождѣ своемъ привыкъ онъ видѣть друга,
Звѣзду, его ведущую въ бояхъ.
Солдата жизнь на полѣ битвы;—тамъ
Себѣ друзей онъ ищетъ, и блаженъ...

СТРУЭНЗЕ — быстро.

Довольно! Я, полковникъ, избавляю
Васъ отъ труда закончить эту рѣчь....
И еслибъ я не зналъ, что отличались
Вы вѣрностью суровою всегда,

Я смѣлыхъ словъ излишнюю горячность
Почесть бы могъ за духъ сопротивленья.
Но знаю я, что воля короля
Для васъ свята; и потому я снова
Вамъ повторю, достойный мой полковникъ,
Отставку дать должны вы офицерамъ.

КЕЛЛЕРЪ.

Такъ значитъ полкъ—во всемъ его составѣ—
Уволенъ?

СТРУЭНЗЕ.

Да, такъ королю угодно.
И всѣхъ солдатъ въ другіе корпуса
Перемѣстить... Весь этотъ трудъ на васъ
Довѣріе монарха возложило.
Вы оправдать должны такую милость
И не терпѣть ни въ комъ сопротивленья—
Рапорта жду отъ васъ я въ Фридрихсбургѣ.

СЦЕНА III.

Тѣже, ПАЖЪ, НАЧАЛЬНИКЪ ПОЛИЦІИ.

СТРУЭНЗЕ — оборачивается, и увидѣвъ пажа, киваетъ ему головой, чтобъ онъ подошелъ.

ПАЖЪ — подаетъ письмо.

Отъ ея величества королевы.

СТРУЭНЗЕ — поспѣшно распечатываетъ письмо, читаетъ.

«Мы намѣрены нынче испытать коня, присланнаго намъ въ подарокъ нашимъ августѣйшимъ братомъ, королемъ англійскимъ. Его величество король будетъ сопровождать насъ. Мы бы очень желали, любезный графъ, видѣть васъ въ числѣ нашей свиты, если государственныя дѣла дозволяютъ это.—Матильда.»

СТРУЭНЗЕ — пажу.

Я къ услугамъ ея величества. Пажъ уходитъ.
Начальнику полиціи.
Что васъ ко мнѣ приводитъ?

НАЧАЛЬНИКЪ ПОЛИЦІИ.

Въ руки намъ

Одинъ памфлетъ попался, графъ, какого
Досель еще не видано въ печати.
Постыдной лжи, ругательствъ ядовитыхъ
Исполненъ онъ....

СТРУЭНЗЕ — съ живостью.

Памфлетъ на короля?

НАЧАЛЬНИКЪ ПОЛИЦІИ.

Не названъ тамъ монархъ, но ваше имя....

СТРУЭНЗЕ.

Мое! Такъ пусть идетъ на судъ къ народу,
Пути ему въ толпу не преграждать.
Трусливый вѣкъ стянулъ свободу крѣпко;
Но въ Даніи, рука моя успѣла
Съ богини снять гнетущія оковы.
Теперь у насъ печать свободна. Право
Дано здѣсь всѣмъ высказываться смѣло.
Никто уйти не можетъ отъ суда
Свободнаго карающаго слова!
Одинъ лишь есть.... онъ выше всякихъ мнѣній
Въ странѣ, какъ божество стоитъ, король.
На подданныхъ же всѣхъ безъ исключенья
Печать равно свой судъ распространяетъ.
Пусть тотъ, кого пугаетъ это право,
Не на него пеняетъ, — на себя.
И я готовъ передъ судомъ печати —
Стать наравнѣ съ послѣднимъ изъ народа.

Къ начальнику полиціи.

Я вамъ еще сказать два слова долженъ.

Уходитъ въ кабинетъ съ начальникомъ полиціи.

СЦЕНА IV.

КЕЛЛЕРЪ — одинъ.

Хвались, хвались, безумецъ ослѣпленный,
Что бросилъ ты въ страну горящій факелъ;
Огонь пожретъ и самого тебя
И все, тобой воздвигнутое, зданье.
Какъ для совы, что̀ лишь во мракѣ видитъ,
Невыносимъ бываетъ свѣтъ дневной,

Такъ и тебя блескъ счастья ослѣпляетъ.
Пускай же тьма опять тебя объемлетъ,
И зрѣнье возвратитъ тебѣ, злодѣй!
Мы на себя беремъ работу эту.
О! какъ бы я желалъ въ такую бездну
Тебя столкнуть, чтобы въ твоемъ паденьи
Та высота, которой ты достигъ,
Тебѣ горячки бредомъ показалась!

СЦЕНА V.

КЕЛЛЕРЪ, графъ РАНЦАУ, за нимъ СЛУГА.

СЛУГА.

Сейчасъ доложу о вашемъ сіятельствѣ.

КЕЛЛЕРЪ — графу, который съ недовольнымъ видомъ бросается на кресло.

Ужели васъ я точно здѣсь встрѣчаю?
Васъ — графъ Ранцау? Въ пріемной у министра?
Ну, признаюсь, измѣнчивъ свѣтъ! такъ значитъ —
Вы отреклись отъ ненависти старой,
Отъ той вражды, что заставляла васъ
Отказывать въ почетѣ фавориту?
Ужъ если вы поколебались, графъ,
То нечего теперь ему бояться!
Да! счастливъ онъ! его я поздравляю!
Заклятый врагъ.... знатнѣйшій изъ датчанъ —
Ждетъ у него почтительно въ пріемной!

РАНЦАУ.

Я—врагъ его. Я не скрываю это.
Когда-то я любилъ его; и даже
Кремнистый путь, на эту высоту,
Ему рукой поспѣшною разчистилъ.
То знаютъ всѣ. — Теперь я врагъ его,
Теперь его я *долженъ* ненавидѣть
Во имя тѣхъ святыхъ и вѣчныхъ правъ,
Что для меня всего дороже.... Ими
Не королю — и никакимъ Струэнзе,
А небу лишь, да предкамъ — я обязанъ.
Но что же вамъ онъ сдѣлалъ, что о немъ

Вы съ худо скрытой злобой говорите?
Вы другъ его, возвышены вы имъ,
И потому онъ васъ не опасался.
Зачѣмъ же вы позорите свѣтило,
Которое питаетъ васъ и грѣетъ?

КЕЛЛЕРЪ.

Проклятье всѣмъ его благодѣяньямъ!
Я ненависть глубокую къ нему
Питаю, какъ питалъ ее къ измѣнѣ....
И полюбилъ измѣну съ той поры,
Какъ началъ я Струэнзе ненавидѣть.
Вы на меня глядите съ удивленьемъ?
Такъ знайте же, я тайную игру
Давно веду предателю на гибель,
А Даніи на благо и спасенье.
Быть можетъ, графъ, и вы возьмете карту?
Я былъ бы радъ, не скрою, еслибъ рискъ
И выигрышъ мы съ вами раздѣлили.

РАНЦАУ.

Что слышу я? Какая рѣчь и гдѣ же?

КЕЛЛЕРЪ.

Мнѣ все равно, гдѣ мы и что̀ вокругъ.
Но дорогá мнѣ каждая минута.
Какъ знать, что насъ на завтра ожидаетъ?
На васъ моя надежда, графъ.... Повѣдать
Я тайну вамъ свою хочу не медля,
Пока еще рѣшительной стопою
Не перешли вы этого порога....

РАНЦАУ.

Что долженъ я услышать — говорите,
Хотя меня страшитъ двуличность ваша.
Въ чьей маскѣ вы.... любимца иль врага?
Межъ тѣмъ какъ онъ довѣрчиво читаетъ
У васъ въ глазахъ и преданность и дружбу, —
Вы съ яростью здѣсь высказали мнѣ
Вражду къ нему, вскипѣвшую внезапно.

КЕЛЛЕРЪ.

Внезапно, графъ? Пускай въ меня онъ вѣритъ,

Мнѣ дѣла нѣтъ. Но видятъ небеса,
Я не искалъ его расположенья....
Я въ первый разъ съ нимъ въ Пруссіи сошелся.
Тогда былъ миръ. Солдатъ лишь несъ одинъ
Всю тяготу безплодную войны.
Трудами я пресыщенъ былъ по горло.
Мнѣ отдохнуть хотѣлось. Юный медикъ—
Онъ знаменитъ ужъ былъ въ столицѣ вашей,—
О Даніи разсказывалъ мнѣ часто.
Онъ говорилъ, что служба тамъ спокойнѣй,
Что легче тамъ добиться повышенья.
И Франціею сѣвера—страну
Ту называлъ, гдѣ юная чета,
Вступивъ на тронъ, къ свободной новой жизни,
Полна надеждъ, народъ свой призывала....

РАНЦАУ—со вздохомъ.

Быстрѣе сна исчезнувшее время!

КЕЛЛЕРЪ.

Прибывъ сюда на службу, я вступилъ
Въ нѣмецкій полкъ. Мы съ докторомъ веселымъ
Сошлись тѣснѣй; и сталъ ему я вскорѣ
Необходимъ. Хоть благосклонность женщинъ
Пріобрѣтать привыкъ онъ безъ труда,
Но испыталъ онъ также не однажды
Коварство ихъ причудливаго пола;
Вотъ какъ-то разъ я къ дѣвушкѣ одной
Его повезъ.... Я зналъ ее съ полгода.
О, еслибы я въ силахъ былъ словами
Все высказать.... Нѣтъ, солнце никогда
Не видѣло созданія прекраснѣй!
Я сердцемъ былъ ея покорный рабъ—
Она мои всѣ думы наполняла....
Но лишь предсталъ предъ нею этотъ демонъ—
И взглядъ его зажегъ въ ней страсть мгновенно.

РАНЦАУ.

Да... Этотъ взглядъ таитъ въ себѣ огонь,
Какъ молнья жгущій женскія сердца.

КЕЛЛЕРЪ.

Но тутъ король поѣздку за границу

Предпринялъ. — Вамъ извѣстно, графъ,
Какъ близко сталъ тогда Струэнзе къ трону....
Не пожалѣлъ, примкнувъ къ блестящей свитѣ,
Онъ существа, покинутаго имъ.
Не думалъ онъ о томъ, что жгучихъ слезъ,
Тоски и мукъ ея онъ былъ виною.
Вотъ наконецъ вернулся онъ. На встрѣчу
Къ нему она бросается въ восторгѣ;
Но онъ ужъ былъ не тотъ.... Ужъ измѣнилась
Его душа.... и зимній счастья лучъ
Въ немъ охладить успѣлъ былое чувство.
Слова его не много утѣшенья
Дарили ей.... Онъ сталъ на ласки скупъ,
И приходилъ все рѣже къ ней и рѣже....
Какъ страстно ни ждала она свиданья.
Когда-жъ слеза, блеснувъ въ ея глазахъ,
О прежнихъ дняхъ ему напоминала,
Придворный рабъ цѣпями золотыми
Предъ ней звучалъ.... Теперь благоволенье
Успѣлъ снискать онъ — юной королевы, —
Грядущаго ворота золотыя
Предъ этимъ наглымъ взоромъ отворились.
А бѣдная, отверженная имъ,
Простила все.... На недостойный блескъ
Измѣнника — отъ слезъ потухшимъ взоромъ,
Взглянувъ еще.... она на вѣкъ заснула....
Да! онъ прощенъ, но ею лишь, — не мной:
Я мстить врагу клялся ея могилой.

РАНЦАУ.

Я вѣрю вамъ теперь.... Но это дѣло....
Не Даніи касается.... а васъ....

КЕЛЛЕРЪ.

Оно должно и Даніи коснуться.
Прошу еще у васъ вниманья, графъ.
Съ тѣхъ самыхъ поръ за нимъ слѣжу я тайно.
Я не искалъ довѣрія Струэнзе,
Когда-жъ онъ съ нимъ на встрѣчу шелъ ко мнѣ,
Не находилъ я нужнымъ уклоняться.
Какъ датчанамъ онъ вѣритъ не охотно,
Такъ нѣмецъ къ сердцу бурному его
Имѣетъ доступъ.... Этимъ объяснялъ

Я и къ себѣ его расположенье.
Я въ мужество его донынѣ вѣрилъ, —
Теперь узналъ, что трусить онъ. — Сегодня
Онъ распустить рѣшился лучшій полкъ,
Тотъ полкъ, что былъ всегда дворянству преданъ;
На этотъ шагъ отвага въ немъ нашлась,
Когда-жъ «виватъ» солдаты мнѣ кричали,
Онъ трепеталъ!... Пришла пора борьбы,
И робкій духъ презрѣннаго врага
Побѣды намъ залогомъ вѣрнымъ служитъ:
Кого страшитъ паденье — тотъ падетъ!
Готово все....

РАНЦАУ.

Готово! Неужель....

КЕЛЛЕРЪ.

Да! мы — союзъ.... — Входитъ слуга.

СЛУГА.

Графъ проситъ извиненья....
Онъ приметъ васъ чрезъ нѣсколько минутъ.

РАНЦАУ.

Ступай!... я ждать, ты видишь самъ, умѣю....

После небольшой паузы, во время которой оба ждутъ ухода слуги, — Ранцау беретъ Келлера довѣрчиво за руку.

Вы мнѣ сейчасъ, полковникъ, говорили....

КЕЛЛЕРЪ.

Да... я хотѣлъ...—Подавая ему бумагу нерѣшительно—И ежели на васъ
Разсчитывать мы можемъ, графъ, прочтите.

РАНЦАУ.

Что-жъ это? вы колеблетесь, полковникъ?
Но развѣ вы не сами поспѣшили
Открыться мнѣ! Но если вы въ душѣ
Раскаянье внезапно ощутили,
Прошу васъ взять назадъ свою бумагу....

КЕЛЛЕРЪ.

Признаться, графъ, мнѣ было какъ-то странно
Васъ встрѣтить здѣсь.... По прихоти любимца
Вы у него въ пріемной ждать рѣшились....

Скажите мнѣ.... Вы, оскорбленный имъ,
Чего могли искать вы въ этомъ домѣ?
Или того, чтобъ хитрый временщикъ
Сталъ подкупать и ласками и лестью
Врага, что всѣхъ враговъ ему страшнѣй?

РАНЦАУ.

А я въ глазахъ полковника такъ мелокъ,
Что подкупить себя позволю....

КЕЛЛЕРЪ.

Графъ!

РАНЦАУ.

Пусть будетъ такъ! Я знаю, что людей
Мы по себѣ обыкновенно судимъ,
И то, что намъ самимъ пришлось извѣдать,
У ближняго въ душѣ подозрѣваемъ.

КЕЛЛЕРЪ.

Простите мнѣ минутное сомнѣнье....
Безъ страха я открылъ предъ вами сердце;
Ужель я необдуманнаго слова
Ничѣмъ теперь не въ силахъ искупить?
Читайте, графъ. Я васъ молю, читайте.

РАНЦАУ.

Нѣтъ! Развѣ не довольно льву, что жало
Противника слабѣйшаго, безъ гнѣва
Онъ чувствуетъ: съ покойнымъ благородствомъ
Онъ побѣдить великодушьемъ долженъ.
Колеблясь, вы пришли ко мнѣ съ признаньемъ,
Но прежде, чѣмъ вы кончите его,
Я въ свой чередъ намѣренъ вамъ открыться
И объяснить, какъ я попалъ сюда.
Подходитъ часъ послѣднихъ, крайнихъ мѣръ.
Во всѣхъ сердцахъ кипитъ негодованье,
Имъ и моя исполнена душа.
Такихъ невзгодъ еще не испытала
Страна моя, съ тѣхъ поръ какъ гордый Бельтъ
Ея брега волнами омываетъ.
И никогда дворянству, что у трона
Стоять должно скалой неколебимой,

Переносить того не приходилось,
На что теперь пришлецъ безумный хочетъ
Его обречь.... Терпѣть нѣтъ больше силъ.
Въ комъ есть еще намѣренья благія
Кто чувствуетъ, что къ дѣлу призванъ онъ,
Не будетъ тотъ бездѣйствовать ни часу.
Не отступать и я давно рѣшился,
Ни передъ чѣмъ, что̀ можетъ намъ спасенье
И перемѣну къ лучшему принесть.
Но прежде, чѣмъ рожденье тьмы ночной,
Ту гидру, что названье бунта носитъ,
Спустить, и мечъ внести въ страну родную,
Еще одно я испытаю средство,
И средство то—есть слово убѣжденья.

КЕЛЛЕРЪ.

Что̀ слышу, графъ?

РАНЦАУ.

Никто еще досель
Временщику счастливому въ лицо
Высказывать всей правды не рѣшался.
Я выскажу... Я все ему открою:
Какъ нашъ народъ спасенья тщетно ждетъ...
Какъ за свои безмѣрныя страданья,
Всѣ втайнѣ шлютъ проклятье чужеземцу.
Какъ жаждутъ всѣ — и королева-мать,
И дворянинъ послѣдній въ государствѣ —
Ему отмстить, и попранное право
Себѣ путемъ кровавымъ возвратить.

КЕЛЛЕРЪ.

И ждете вы...

РАНЦАУ.

Я жду, что малодушный
Предъ этою картиной содрогнется.
И если въ немъ замѣчу колебанье,
То указать готовъ ему исходъ:
Отречься онъ отъ всякой власти долженъ.
Пусть не глядятъ глаза его отнынѣ
На ту звѣзду, которой ложный блескъ
Привелъ его на край ужасной бездны.
И развѣ онъ родился не во мракѣ?

Ему судьбой указанъ низкій путь, —
Пускай же онъ во мракъ и возвратится.
Тогда межъ нимъ и партіей враждебной
Берусь я быть посредникомъ. Прощенья
Онъ можетъ ждать отъ старой королевы:
И гдѣ-нибудь въ далекомъ уголкѣ,
Онъ будетъ жить безпечно, и ничьихъ
Проклятій на себя не навлекая...
Возстанье мы въ зародышѣ подавимъ,
И Данія подъ мудрымъ управленьемъ
Вновь процвѣтетъ! Смѣетесь вы, полковникъ?

КЕЛЛЕРЪ.

Я радуюсь... я вижу, что найдутъ
Пособника въ васъ планы королевы...
Скажите, графъ, ужели въ самомъ дѣлѣ
Осуществить задуманное вами
Возможнымъ вы считаете?... Нѣтъ... нѣтъ!
Скорѣе вы свирѣпаго Нерона
Въ Аврелія могли бы превратить,
Чѣмъ пробудить возвышенною рѣчью
Раскаянье въ душѣ Струэнзе гордой.
Что завело такъ далеко его —
То заведетъ еще и дальше. Пусть
Не видитъ онъ, счастливецъ опьяненный,
Какъ втайнѣ мы ему могилу роемъ —
Тѣмъ лучше! Самъ онъ свалится въ неё.
Прочтите-жъ, графъ, — и если вамъ удачи
Не будетъ здѣсь... тогда пойдемте съ нами.
Нашъ путь вѣрнѣй. Достигнемъ цѣли мы!

РАНЦАУ — читаетъ.

«Королева, моя высокая повелительница, возложила на меня порученіе пригласить васъ, господинъ полковникъ, нынче вечеромъ во дворецъ ея. Вы будете имѣть возможность познакомиться тамъ съ благородными гостями, приглашенными на праздникъ, который ея величество намѣрена дать въ честь короля и Даніи. Когда и гдѣ будетъ данъ этотъ праздникъ—рѣшатъ нынче гости на общемъ совѣтѣ. Вашъ голосъ пользуется такимъ значеніемъ, такъ уважается, что вы ни въ какомъ случаѣ не должны отсутствовать. Королева ожидаетъ отъ васъ свѣдѣній о настроеніи только-что распущенныхъ гвардейцевъ. Она надѣется, что войско съ чувствомъ благоговѣйной преданности ввѣритъ судьбу

свою августѣйшему монарху, возлюбленному сыну ея величества. Ужинъ долженъ начаться въ полночь. Вашъ — Гульдбергъ.»

Полночный пиръ! на этомъ торжествѣ,
Обѣщанномъ отчизнѣ злополучной,
Взамѣнъ вина — рѣкой польется кровь.

КЕЛЛЕРЪ.

Его лишь кровь прольется, графъ! Надѣюсь,
Что вмѣстѣ мы отправимся на ужинъ.
Желанный гость! Скорѣе ваше слово.

СЦЕНА VI.

Изъ кабинета Струэнзе выходитъ начальникъ полиціи, кланяясь имъ обоимъ. Они становятся поодаль другъ отъ друга; по уходѣ его, КЕЛЛЕРЪ отводитъ РАНЦАУ на авансцену.

КЕЛЛЕРЪ — довѣрчиво.

Спасти его, повѣрьте мнѣ, нельзя,
И не желалъ бы я, чтобъ было можно.
Я извѣщу сегодня королеву,
Что въ нашъ союзъ вступаете и вы.
Теперь она безтрепетно пойдетъ
На встрѣчу дня давно желанной мести.
Мы знали всѣ, что имя ваше, графъ,
Запечатлѣть должно святое дѣло.
Лишь знамени ея вы присягнете —
И побѣдить не трудно будетъ намъ.
Но если рокъ предательски у насъ,
Сверхъ чаянья, изъ рукъ побѣду вырветъ,
И если мы увидимъ, что безплодно
Боролись мы, надѣялись и ждали...
Тогда взойду на плаху смѣло я,
И встрѣчу казнь, какъ подобаетъ мужу...

Уходитъ.

СЦЕНА VII.

РАНЦАУ — одинъ.

Ступай себѣ! и жертвуй личной мести
Спокойствіемъ страны тебѣ чужой.
Но я—не ты... Стремлюсь я къ высшей цѣли.

Пускай въ твоемъ себялюбивомъ сердцѣ
Живетъ лишь чувство мелочной вражды.
Мое-жъ для тѣхъ и бодрствуетъ и бьется,
Кто съ именемъ наслѣдовалъ отъ предковъ
И кровью ихъ стяжанныя права.
Ни у меня, ни у другихъ не въ силахъ
Тѣхъ правъ отнять какой-нибудь смѣльчакъ.
Борьбѣ за нихъ я посвящаю жизнь.
Не нужно цѣль отодвигать далеко;
Пусть онъ падетъ! И чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.
Мы королю больному одному
Тогда бразды правленья не довѣримъ.
Найти себѣ помощника онъ долженъ...
Кто-жъ будетъ имъ? Въ такія времена,
Конечно, власть за сильнымъ остается.
Когда грозитъ опасность кораблю,
Отъ ярыхъ волнъ, бунтующихъ вокругъ,
Охотнѣй всѣ ввѣряются тому,
Кто у руля безтрепетно стоялъ,
И править имъ привыкъ рукою твердой.
Тутъ все молчитъ, и зависть, и вражда,
И мысль одна у каждаго: спасенье!
Увѣренъ я, что русская царица
Теперь свою предложитъ помощь намъ,
Временщика страшась отважныхъ плановъ;
Но на ея признательность считать
Нельзя... и еслибъ даже можно было,
Я не хочу, чтобъ внутреннихъ враговъ
Въ моей странѣ смиряли чужеземцы,
И зло на зло не станемъ мы мѣнять.
Когда-бъ одинъ все выполнить я могъ,
Когда-бъ одинъ рукой своей разрушилъ
Все это зданье темнаго мѣщанства!
Пусть на себя навлекъ бы я опасность,
Но мужествомъ и прирожденнымъ правомъ
Вооруженъ, — вступилъ бы въ бой открытый,
Лишь на свою разсчитывая силу!
Но нѣтъ! Хитрить, вывѣдывать я долженъ,
И къ партіямъ притворно примыкать...
Я руку жму довѣрчиво врагамъ,
Которыхъ я когда-то не хотѣлъ
Поклономъ чуть замѣтнымъ удостоить.
Всего же мнѣ противнѣй, ненавистнѣй

Сообщество старухи-королевы.
Мнѣ помыслы ея давно извѣстны:
Я знаю, какъ искусно и хитро
Она въ свои поймать умѣла сѣти
И Келлера, и всѣхъ ему подобныхъ;
Какъ тайною заманивала слабыхъ, —
Вѣдь низшіе охотно вѣрятъ знатнымъ, —
И самую опасность уменьшаетъ
Союзъ съ такимъ лицомъ, какъ королева.
Вотъ почему, о, блѣдное свѣтило,
Вокругъ твоихъ негрѣющихъ лучей
Кипитъ весь рой продажный недовольныхъ.
И горе намъ, коль тѣ лучи должны
Странѣ принесть возвратъ весны желанной.
Изъ всѣхъ враговъ, что бѣдною отчизной
Взлелѣяны на материнскомъ лонѣ,
Опаснѣе тебя и злѣе нѣтъ!
И съ ужасомъ я вижу, что связать
Меня съ тобой должна необходимость.
Чтобъ отъ тебя и всей презрѣнной свиты
Твоей отдѣлаться, предпринялъ я
Послѣднюю, труднѣйшую попытку.
Я выскажу Струэнзе, что́ волнуетъ
Насъ всѣхъ, и дамъ почувствовать, какая
Грозитъ ему опасность, если онъ...

КАМЕРДИНЕРЪ.

Министръ просить васъ приказалъ...

РАНЦАУ.

Иду!
Какъ сердце вдругъ забилось!... Я дрожу...
Но не предъ нимъ... Нѣтъ! то негодованье
Кипитъ во мнѣ... Съ приниженнымъ челомъ
Не можетъ графъ Ранцау отсюда выйти!

Уходитъ.

СЦЕНА VIII.

Перемѣна. Кабинетъ Струэнзе.

СТРУЭНЗЕ — одинъ, въ мундирѣ, со звѣздой. Встаетъ изъ-за письменнаго стола.

Зачѣмъ ко мнѣ Ранцау? Чего онъ хочетъ?
Чего и самъ хочу я отъ него?
Привлечь его? но если не удастся, —
Не безопасенъ будетъ этотъ шагъ.
Сурово съ нимъ и гордо обойтись —
Я не хочу... Не скрою, мнѣ пріятна
Съ противниками сильными борьба, —
Такъ пусть меня готовымъ къ оборонѣ
Онъ встрѣтитъ. Я не уклонюсь отъ боя.

СЦЕНА IX.

СТРУЭНЗЕ и РАНЦАУ.

СТРУЭНЗЕ.

Вы-ль это, графъ? Глазамъ не смѣю вѣрить.
Сердечно радъ, что́-бъ васъ ни привело.

РАНЦАУ.

Визитъ мой вамъ едва-ль пріятенъ будетъ.
Я прихожу не съ радостной душой.

СТРУЭНЗЕ.

Могу-ль я чѣмъ помочь вамъ, иль утѣшить
Васъ въ скорби, графъ? Скажите мнѣ скорѣй...

РАНЦАУ.

Меня гнетётъ не собственное горе.

СТРУЭНЗЕ.

Такъ стало-быть несчастіе друзей,
Вамъ дорогихъ?

РАНЦАУ.

Вы угадали... Да!

Я бѣдствіями друга опечаленъ, —
И лучшаго изъ всѣхъ своихъ друзей!

СТРУЭНЗЕ — съ участіемъ беретъ его за руку.

О! еслибы я могъ ему помочь...
Повѣрьте мнѣ, я счелъ бы это долгомъ...

РАНЦАУ.

Да! Это долгъ... но можете-ль его
Исполнить вы — извѣстно только Богу.
А бѣдный другъ ждетъ помощи давно.
И если вы дѣйствительно хотите,
Не на словахъ лишь, вѣрнымъ долгу быть, —
То Даніи несчастной помогите!

СТРУЭНЗЕ — смѣясь.

О! если рѣчь идетъ объ этомъ другѣ,
То и въ моей душѣ любви къ нему
Не менѣе, чѣмъ въ вашей... Я горжусь
Тѣмъ, что всегда дѣлилъ его заботы....

РАНЦАУ.

Но Данія вамъ все же не отчизна, —
И ропотъ волнъ, вокругъ нея шумящихъ,
Не дорогъ вамъ, какъ пѣсня дѣтскихъ лѣтъ,
Звучавшая надъ вашей колыбелью!
И чтó для васъ дѣла чужой страны,
Исторія народа вамъ чужого?
Я высказать рѣшаюсь это вамъ;
Я лишь затѣмъ пришелъ сюда. Какъ воинъ,
Какъ дворянинъ — свободно, откровенно
Всю правду вамъ въ лицо скажу я, графъ.

СТРУЭНЗЕ.

Слова: свобода, правда — для меня
Всегда равно и дороги и святы,
Изъ чьихъ бы устъ я ни услышалъ ихъ,
Изъ устъ дворянъ, иль изъ крестьянскихъ устъ.

РАНЦАУ.

«Изъ устъ дворянъ, иль изъ крестьянскихъ устъ!»
Я узнаю васъ въ этомъ выраженьи!
По вашему, не долженъ дворянинъ

Ни въ чемъ имѣть надъ низшимъ перевѣса.
Теперь въ ходу подобное ученье
Во Франціи далекой... и оно,
Я знаю, въ васъ нашло себѣ адепта...
Тамъ ничего святого больше нѣтъ;
И пасть должно все, чтó преградой служитъ
Безумному стремленію къ равенству;
Но неужель надѣетесь и вы
Такимъ путемъ достичь нововведеній,
И безнаказаннымъ остаться? Нѣтъ!
Здѣсь короли не могутъ за собою
Такъ много дѣлъ великихъ насчитать
И подвиговъ великихъ, какъ дворянство.
Оно одно спасти себѣ умѣло,
Въ годины бурь, остатки вѣчныхъ правъ.
Оно источникъ жизни для народа,
Его душа... И кто уничтоженье,
Какъ вы теперь, дворянства замышляетъ,
Тотъ Даніи приготовляетъ гибель!

СТРУЭНЗЕ.

Я изумленъ!... Ужель уничтоженьемъ
Зовете вы желанье обуздать,
Законы всѣ поправшій, произволъ?
Но гдѣ, въ какой исторіи, скажите,
Читали вы, чтобъ имя предковъ право
Давало ихъ потомкамъ унижать
Достоинство святое человѣка?
И Цезарь самъ, великій Цезарь палъ,
Когда забылъ, гордыней обуянный,
Что замѣнить отечеству нельзя,
Ни отъ боговъ идущимъ славнымъ родомъ,
Ни собственнымъ величіемъ своимъ,
Похищенной свободы... и она
Измѣну даже *въ немъ* не пощадила!
На трудный постъ, по волѣ короля,
Назначенъ я, и главная забота
Моя—свой долгъ исполнить честно, графъ.
Я не привыкъ считать ночей безсонныхъ,
Ни долгихъ дней, что отдаю труду,—
Но ужъ за то и въ дѣйствіяхъ своихъ
Лишь одному обязанъ я отчетомъ,
Кому и благодарностью обязанъ.

Но если вы, съ такою прямотой,
Такъ искренно и смѣло мнѣ довѣрить
Рѣшились мысль завѣтную свою;
Я не хочу въ долгу у васъ остаться,
И правдой вамъ за правду заплачу.
Пусть будетъ такъ... Допустимъ, что народъ
Дворянство чтить обязанъ. Но скажите,
Ужель могли еще терпимы быть
Та наглость, то бездушіе, съ которымъ
Оно, стоя близъ трона, хлопотало
Лишь о себѣ и выгодахъ своихъ?
Скажите мнѣ, благословилъ-ли кто
Хоть за одно дѣяніе благое
Сановника, что мной на-дняхъ уволенъ
И за кого меня клянетъ дворянство?
Иль не былъ онъ стѣной позолоченной,
Межъ королемъ стоявшей и народомъ?

РАНЦАУ.

Оплотомъ былъ онъ старыхъ нашихъ правъ...

СТРУЭНЗЕ.

И тормозилъ все новое упрямо!
Не вы-ли, графъ, впервые ко двору
Меня ввели... Не вы-ль тогда сказали:
Король въ дурныхъ находится рукахъ!
Признайтесь-же, что онъ не въ лучшихъ былъ,
Въ то время, какъ вступилъ я въ управленье?
Надменность, мракъ дѣлили въ государствѣ
Всѣ высшія мѣста между собой,
Предъ ними умъ и честность сторонились...
Продажныхъ слугъ толпѣ подобострастной
Оставленъ былъ служебный низшій трудъ.
Народа кровь сосалъ презрѣнный сводникъ,
Которому позорныя дѣла
Таинственно въ лакейской поручали,
И должностью платили за молчанье.
Сынки дворянъ тѣснились на ступеняхъ
Той лѣстницы, что къ почестямъ вела.
Ихъ молодымъ ногамъ не трудно было
Перескочить всѣ низшія мѣста
Однимъ прыжкомъ. Они взбирались ловко
На узкую вершину государства,

Гдѣ достаетъ пространства для немногихъ
Испытанныхъ... И въ ужасѣ страна
Взирала, какъ толпа мальчишекъ знатныхъ
Всѣхъ лучшихъ гражданъ, всѣхъ людей труда,
Назадъ, во тьму съ презрѣньемъ оттѣсняла!

РАНЦАУ — смѣясь.

Ну что-жъ, когда орла могучимъ крыльямъ
Доступнѣе заоблачныя выси,
Чѣмъ низкому полету воробья.

СТРУЭНЗЕ.

Но эти крылья я подстригъ немножко,
И обуздалъ законами отвагу
Птенцовъ,.. чтобъ колесницей государства
Какой-нибудь новѣйшій Фаэтонъ
По прежнему не вздумалъ управлять...
И неужель за это порицанья
Достоинъ я? И вѣрите вы точно,
Что Данія страдаетъ и томится
Съ тѣхъ поръ, какъ тронъ не окружаетъ больше
Всѣхъ этихъ притѣснителей толпа?
Съ тѣхъ поръ, какъ взоръ, увлаженный слезами,
Не обращаетъ пахарь на столицу,
Гдѣ властелинъ его, въ былые дни,
Собравъ плоды трудовъ его кровавыхъ
И, при дворѣ вращаясь круглый годъ,
Все расточалъ на оргіи ночныя,
Потомъ, скорбя о тяжкихъ временахъ,
Къ монарху шелъ съ надеждою пополнить
Свой кошелекъ щедротами его!
Хвала Творцу! Все это миновало.
Король усталъ кассиромъ знатныхъ быть:
Я указалъ ему, что истощало
Его казну такъ быстро. Стонъ народа
Достигъ къ нему. Всеобщая нужда
Ему теперь извѣстна... и безсиленъ
Сталъ наглецовъ придворныхъ буйный ропотъ,
Истощены всѣ средства государства;
И многое излишнимъ показаться
Должно теперь,—что можетъ быть вчера
Считалося еще необходимымъ...
И самъ король примѣръ намъ подаетъ:

Любимый полкъ его распущенъ нынче
И уменьшенъ быть долженъ блескъ двора.

Пристально глядитъ на Ранцау.

Вы видите, достойный графъ, что если
Недугъ страну дѣйствительно постигъ,
То мы еще найти съумѣемъ средство
Отъ гибели спасти больного друга...

РАНЦАУ.

Я вижу, какъ искусно вы умѣли
Оружіе изъ рукъ дворянства вырвать.
Зато народъ вооружили вы...
Зато теперь, неслыханное право
Вы дали всѣмъ и каждому въ печати
Всю наглость буйной мысли изливать.

СТРУЭНЗЕ.

Кто можетъ запретить народу мыслить?
Пускай-же онъ открыто, не стѣсняясь,
Ввѣряетъ мысль свободному станку.

РАНЦАУ.

Вы слѣпы, и не видите той бездны,
Къ которой вы идете торопливо.
Оружіе, что дали вы толпѣ,
На перваго на васъ она направитъ.

СТРУЭНЗЕ.

Кто не отъ сердца далъ, лишь тотъ боится,
Что даръ его во зло употребятъ;
Намѣренія чистыя дѣламъ
Равняются великимъ; и того
Счастливымъ назову я человѣка,
Которому,—съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ въ немъ,
Намѣренье впервые зародилось,—
До полнаго его осуществленья,—
Звѣзда побѣдъ сіяла благосклонно.

РАНЦАУ.

Не вамъ сіять звѣзда такая можетъ!
Повѣрьте, графъ Струэнзе, что дворянство
Страшнѣй для васъ, чѣмъ думаете вы.
Во всѣхъ сердцахъ таится жажда мести.

Я шелъ сюда, чтобъ васъ предостеречь.
Послушайтесь моихъ предупрежденій,
Оставьте, графъ, я умоляю васъ—
Оставьте путь, который вы избрали...

СТРУЭНЗЕ.

Мнѣ странно, какъ могли вы позабыть,
Что всѣ мои распоряженья служатъ
Лишь отголоскомъ воли короля.
И если на себя дворянство смотритъ,
Какъ на оплотъ, какъ на защиту трона,
Оно должно ту волю свято чтить!

РАНЦАУ.

Я вижу, вы шутить со мной хотите;
Но фразъ пустыхъ блестящимъ фейерверкомъ
Не обмануть вамъ опытность мою.
Вы эту тѣнь больного Христіана
За короля хотите выдать мнѣ?
Но ужъ давно отъ тяжести короны
Усталая отвыкла голова...
Скажите, кто-жъ имъ управляетъ? Мать,—
И та теперь удалена отъ трона.

СТРУЭНЗЕ.

Извѣстно всѣмъ и каждому въ странѣ,
Что графъ Ранцау правдивъ и прямодушенъ,
Но въ этотъ мигъ—не сердце говоритъ
Его устами. — Отводитъ его въ сторону. — Фридриха вдову
Назвали вы. Но помните-ль то время,
Какъ сами вы разсказывали мнѣ,
Бродя со мной по Ашберскимъ аллеямъ,
Что видите въ Мегерѣ той проклятье,
На короля ниспосланное небомъ.
И неужель къ супругамъ молодымъ
Её опять приблизить вы хотите?
Чтобы зерно вражды она могла
Въ сердца ихъ примиренныя посѣять,
И завистью и злобой отравить
Дни юной и прекрасной королевы?

РАНЦАУ.

Объ юной и прекрасной королевѣ

Вы кстати, графъ, упомянули здѣсь...
Насъ смѣлая британка обманула
И порвала всѣ узы наконецъ...
Ей властвовать хотѣлось безраздѣльно —
И цѣль ея достигнута вполнѣ.
Но весь народъ узнать однакожъ жаждетъ:
Вы-ль служите игрушкой для нея —
Или она для васъ игрушкой служитъ?...

СТРУЭНЗЕ — вспыхнувъ.

Довольно, графъ! Я смѣлость вамъ прощалъ,
Но не могу простить вамъ неприличья...
Разстанемтесь... Вы съ ненавистью шли,—
Въ васъ не было желанья примириться.
Такъ уносите-жъ распрю, какъ ее
Вы принесли съ собою.

РАНЦАУ.

Да! разстаться
Намъ лучше, графъ. Упорную борьбу
Ведетъ законъ издавна съ произволомъ, —
Я перваго поборникъ — вы второго...
Разстанемся-жъ...

СТРУЭНЗЕ — останавливаетъ его.

Еще одну минуту...
Ничтожностью меня вы не считали,
И къ сильному пришли вы съ смѣлымъ словомъ;
Наказана не будетъ смѣлость ваша...

Ранцау, быстро взглянувъ на него, уходитъ.

СЦЕНА X.

СТРУЭНЗЕ — одинъ.

Иди, гордецъ! Теперь я за презрѣнье
Плачу тебѣ презрѣньемъ равнымъ. Даже —
Ее назвать рѣшился онъ, — ее!

Закрываетъ лицо руками.

Ты совладать не могъ съ собой, несчастный!
Зачѣмъ, зачѣмъ въ мое больное сердце
Стучала кровь, какъ кающійся грѣшникъ,
Когда я это имя услыхалъ,—
И тайна, что на днѣ душѣ моей

Глубокимъ сномъ спала,—какъ призракъ встала!
Мнѣ не дано душевныя движенья
Таить въ себѣ, незримо для людей:
Открыта всѣмъ душа моя была!
И вотъ, теперь,—когда свои страданья
Хранить она должна-бъ отъ чуждыхъ взоровъ,—
Она себя предъ ними выдаетъ,
И можетъ врагъ признанье роковое
Прочесть въ моихъ взволнованныхъ чертахъ?

СЦЕНА XI.

Пасторъ СТРУЭНЗЕ и графъ СТРУЭНЗЕ.

СТРУЭНЗЕ — увидѣвъ отца.

Отецъ! Ужель? О милостивый Боже!
Я вновь могу прижать его къ груди...

ПАСТОРЪ.

Мой милый сынъ!

СТРУЭНЗЕ.

Отрадный сердцу голосъ!
Какъ я давно молю объ этомъ небо!...
Какъ долго я надѣялся напрасно,
Напрасно ждалъ тебя увидѣть здѣсь!
Звѣзда семейныхъ радостей сокрылась
Отъ глазъ моихъ, съ тѣхъ поръ какъ засіяло
Мнѣ солнце благосклонности монаршей.
О, дай же глубже, глубже заглянуть
Мнѣ въ этотъ взоръ, гдѣ нѣжность я и ласку
Всегда читалъ... Но что съ тобой?... Зачѣмъ
Лицо свое ты отвратилъ... отъ сына?...
Иль тайную заботу, огорченье
Скрыть отъ него ты хочешь? Боже мой!
О матери еще я не спросилъ!
Что съ нею, гдѣ она?

ПАСТОРЪ.

Она скончалась!

СТРУЭНЗЕ.

Скончалась!

ПАСТОРЪ.

Я ея благословенье
Тебѣ принесъ, мой сынъ... Въ послѣдній мигъ
Она твое произносила имя!

СТРУЭНЗЕ.

Мое! О мать! Въ твоемъ предсмертномъ взорѣ
Еще горѣлъ благословенья лучъ,
И небеса меня его лишили!
Угасло сердце полное любви!
О! горе мнѣ, что вздохъ ея послѣдній
Не принялъ я... что нечестивый блескъ
Меня отъ ложа смертнаго ея
Могъ отдалить! За взглядъ ея единый
Теперь бы я охотно отдалъ жизнь!

Молчаніе. Отецъ и сынъ стоятъ безъ словъ, подавленные горемъ.

СТРУЭНЗЕ.

И какъ она добра была!—Ты помнишь...
Когда бывало въ дѣтствѣ слишкомъ круто
Я обращаться съ сверстниками стану,
Ихъ подчинить своей желая волѣ;
Съ неумолимой строгостью она,
Чтобъ обуздать ребенка властолюбье,
Грозила мнѣ суровымъ наказаньемъ...
Но доброе, смягчающее слово
У ней всегда въ запасѣ было... Да!—
Любить лишь и прощать она умѣла.

ПАСТОРЪ.

Молись, мой сынъ, чтобъ вѣчное блаженство
Душѣ ея Всевышній даровалъ,
И отпустилъ ея всѣ прегрѣшенья.—

СТРУЭНЗЕ — съ горечью.

Печальную обязанность ты избралъ,
О мой отецъ... И къ сыну своему
Пришелъ не въ дни счастливые его.
Не короля его благоволенье,
Не взоры изумленнаго народа—
Что отъ него благихъ дѣяній ждетъ,
Тебя къ свиданью съ сыномъ побудили.

Нѣтъ! ты его тогда лишь посѣтилъ,
Какъ въ бѣдное жилище, гдѣ осталось
Все милое ему и дорогое,
Внезапно смерть отчаянье внесла...
И вѣстникомъ несчастія явился
Мнѣ—устъ твоихъ нерадостный привѣтъ!

ПАСТОРЪ.

Для насъ, дѣтей земли слѣпыхъ и бѣдныхъ,
Двулицей жизнь является... Зовемъ
Тѣ два лица мы—счастьемъ и несчастьемъ.
Но тотъ, кто жизнь даетъ и отнимаетъ,
Кто видитъ все, что въ сердцѣ мы таимъ,—
Я думаю,—что онъ названья эти
Порой не такъ, какъ мы, распредѣляетъ.
И никогда несчастье отъ него,—
Повѣрь мнѣ,—не исходитъ... никогда!
Но я боюсь, что счастьемъ называешь
Свое несчастье—ты, мой милый сынъ.

СТРУЭНЗЕ.

Я знаю, ты не можешь мнѣ простить,
Зачѣмъ я сферу узкую покинулъ,
Гдѣ ждалъ меня лишь низкой доли мракъ.
Зачѣмъ не счелъ лжецомъ я голосъ тайный,
Твердившій мнѣ о поприщѣ иномъ,
И отъ одра недужныхъ призывавшій
На высоту блестящую меня,
Куда теперь я вознесенъ такъ быстро.
Но развѣ я явился недостойнымъ
Довѣрія, оказаннаго мнѣ,—
И отдался мечтамъ властолюбивымъ?
Пусть кто-нибудь изъ облеченныхъ властью
Отважится сказать мнѣ, что сильнѣе
Желалъ онъ блага общаго, чѣмъ я.
Одна лишь мысль всѣмъ существомъ моимъ
И разумомъ и сердцемъ овладѣла:
Какъ разрѣшить старинный трудный споръ,
Что власть ведетъ съ правами гражданина,
Чтобъ менѣе чувствительна народу
Была правленья кроткаго рука....
Чтобъ огражденъ онъ былъ отъ произвола
Сознаніемъ разумнымъ правъ своихъ,

И чтобъ его къ невольному отпору
Иной суровый кормчій не привелъ...
Захлопнуть дверь отъ подлаго шпіона
Теперь свободно можетъ гражданинъ.
Его очагъ домашній безопасенъ,
Вознагражденъ достойно честный трудъ...
Не тратится безплодно государство
На созиданье мраморныхъ дворцовъ.
Свободна мысль, съ нея оковы сняты,
И знанья свѣтъ ужъ всходитъ надъ страной!...
Когда жъ мы всѣ въ могилѣ будемъ тлѣть
И смѣнитъ насъ иное поколѣнье,
Оно мой прахъ, быть можетъ, посѣтитъ—
И вспомянувъ меня съ любовью, скажетъ,
Что счастьемъ мнѣ обязано оно!

ПАСТОРЪ.

Не скажетъ,—нѣтъ! По волѣ одного
Не создается счастіе народа;
Какъ можешь ты народу поручиться,
Что вслѣдъ тебѣ не явится другой,
Еще сильнѣйшей властью облеченный,
И не разрушитъ зданья твоего?
И кто же ты, чтобъ могъ изъ рукъ твоихъ
Народъ принять свободу какъ подарокъ,
Котораго по прихоти другихъ
Онъ былъ лишенъ. Ужели ты умѣлъ
Глубоко такъ ту почву изучить,
Гдѣ деревцо свободы молодое
Пустило корни,—что не можетъ ихъ
Задѣть ничей топоръ неосторожный,
Ни королевскій произволъ, ни твой?
Нѣтъ! этого—увы!—не могъ ты сдѣлать,—
Ни даже пожелать великодушно....
Ты можешь лишь ближайшее обдумать.
Своей судьбой ужъ больше управлять
Не властенъ ты, у трона бросивъ якорь.
Какіе бы ни создавались планы
Въ умѣ твоемъ, въ виду имѣть ты долженъ,
Что слишкомъ близко сталъ ты къ королю.
Боюсь, что не однѣ заботы власти
Тебя, мой сынъ, удерживаютъ тамъ,—
Что тайными, волшебными сѣтями

Опутанъ ты?... Графъ Струэнзе отворачивается.
О Боже! Онъ смущенъ.
Смотри сюда! Взгляни въ лицо мнѣ прямо!
Ну что-жъ? Иль это старческое пламя
Отцовскихъ глазъ не въ силахъ вынесть ты?
О горе мнѣ! Такъ эта вѣсть, что́ всюду
Какъ гибельный пожаръ распространилась—
Не клевета, не ложь... ты любишь? Да?
Ты королеву любишь—злополучный!

СТРУЭНЗЕ.

Отецъ!

ПАСТОРЪ.

Прочь! Прочь! На голову сѣдую
Отца твой грѣхъ ужасный долженъ пасть.
И алтаря служитель дряхлый молитъ,
Отчаянья исполненъ, чтобъ Всевышній
Конецъ ему скорѣе низпослалъ,
Пока еще изъ устъ твоихъ дрожащихъ
Не услыхалъ того онъ, что̀ сказать
Они хотятъ...

СТРУЭНЗЕ.

Иль слышать ты страшишься,
Что робкія уста произнести
Страшатся сами?.. Все же,—не могу
Скрыть отъ тебя я тайну роковую,
И облегчить хочу признаньемъ сердце.
Да! королеву я свою люблю...
И жажду я любви ея безумно!
Тогда какъ долженъ былъ-бы на нее
Глядѣть благоговѣйно-робкимъ взоромъ!
Оставь, отецъ, суровый приговоръ:
Мнѣ этотъ ядъ, такъ тихо, незамѣтно
Прокрался въ сердце!.. но однакожъ я
Назвать могу тотъ часъ, какъ я внезапно
Почувствовалъ себя перерожденнымъ,
И какъ душой моею безоружной
Очарованье мощно овладѣло...
Занемогла въ то время королева.
Король изъ путешествія вернулся;
И мой успѣхъ предметомъ разговоровъ
Былъ при дворѣ. Услужливой толпой

Превознесенъ былъ юный врачъ не въ мѣру
За скромныя заслуги; и меня
Увидѣть королева пожелала.
Всегда одна, отвергнута супругомъ,
Глубоко ненавидима свекровью,
Не находя вокругъ себя друзей,
Она въ тоскѣ безвыходной томилась;
И отъ нея не скрылъ я, что нашелъ
Ее такой. Когда жъ въ моихъ глазахъ
Она участья слезы увидала,
И изъ ея задумчивыхъ очей
Онѣ обильнымъ хлынули потокомъ,
И вспыхнуло лицо ея;—она
Потупилась; смущенная, стыдясь,
Что въ сердце королевы заглянулъ
И въ немъ прочелъ страданье—незнакомецъ.
И этотъ мигъ рѣшилъ мою судьбу!
Внезапно страсть мнѣ охватила душу
И надо мною властвуетъ съ тѣхъ поръ.
Она меня слезами отравила,
И съ этими слезами утекли
Навѣкъ мое спокойствіе и счастье!
Я каждый день, въ присутствія ея,
Ужасныя испытываю муки.
Когда она стоитъ передо мной,
Я избѣгать ея стараюсь взоровъ,
Чтобъ въ нихъ себѣ проклятья не прочесть.
Услышу-ль я изъ устъ ея привѣтъ,
А сердца лживый голосъ увѣряетъ
Меня, что въ нихъ звучало страсти слово...
То содрагаюсь я передъ собой,
То вдругъ опять несчастная надежда
Наполнитъ грудь... И ищетъ и находитъ
Себѣ больное сердце утѣшенье
Затѣмъ, чтобъ вновь чрезъ нѣсколько мгновеній
Отчаянью предаться и тоскѣ!
Истерзанъ я борьбою непрестанной...
Чтобъ демона достойно покарать
За дерзкое возстанье противъ неба,
Изобрѣтать не нужно новыхъ мукъ.
Нельзя найти ужаснѣй тѣхъ, которымъ
Душа моя на жертву отдана!

ПАСТОРЪ.

Мой бѣдный сынъ! Ужели станешь ты
Еще терпѣть подобныя мученья?..
Я не жестокъ... и осуждать тебя
Не въ силахъ я; я все тебѣ прощаю.
Бѣги скорѣй отъ этого двора;
Духовными дарами надѣлила
Тебя природа щедро, и прожить
Въ уединеньи можешь ты. Пойдемъ,
Пойдемъ со мной, — ты такъ несчастливъ здѣсь...
Быть можетъ, тамъ забудешь...

СТРУЭНЗЕ.

Никогда!
И еслибъ даже могъ, то не хотѣлъ-бы.
Лишь дѣло... лишь величье долга, могутъ
Меня поднять... Для нихъ я существую.
Мнѣ—отъ любимыхъ цѣлей отказаться
И умереть — одно...

ПАСТОРЪ.

Умри, но только
Пойдемъ со мной... Ужаснѣе всего,
Мой милый сынъ, когда принуждены
Мы наконецъ бываемъ сдѣлать то,
Что не хотѣли сдѣлать добровольно.
Сойди скорѣй съ опасной высоты,
Пока съ нея враждебною судьбою
Не свергнутъ ты.—Пойдемъ со мной, мой Фридрихъ:
Я одинокъ и грустно доживаю
Свой дряхлый вѣкъ. Съ тобою снова радость
Войдетъ въ мой домъ... Послѣдуй-же за мной!

СТРУЭНЗЕ.

Я не могу, отецъ!

ПАСТОРЪ — опускается передъ нимъ на колѣни.

У ногъ твоихъ
Молю—покинь жилище короля!

СТРУЭНЗЕ — стараясь поднять его.

Отецъ!

ПАСТОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Колѣнопреклоненнымъ
Оставь меня, — какъ въ часъ мольбы предъ Богомъ...
Дай заклинать тебя!.. Священныя мѣста,
Гдѣ вѣчнымъ сномъ твоя почила мать,
Миръ возвратятъ душѣ твоей тревожной.
Она зоветъ, зоветъ возлюбленнаго сына;
Зоветъ его, какъ въ часъ предсмертный свой,
И просвѣтленный духъ ея витаетъ
Надъ нимъ... Спѣши, спѣши на зовъ ея,
О дорогой мой Фридрихъ...

СТРУЭНЗЕ—подымая отца.

Не могу!

ПАСТОРЪ—порывисто прижимая его къ груди.

Что могъ — то сдѣлалъ я! Господь съ тобой...

СТРУЭНЗЕ.

Ты отъ меня уходишь прочь — отецъ?

ПАСТОРЪ.

Предостеречь тебя я приходилъ,
Но не хочу твое паденье видѣть...
Да защититъ тебя Господь... Уходитъ.

СТРУЭНЗЕ—потрясенный, глядитъ ему вслѣдъ

Отецъ! — Послѣ нѣкоторой борьбы.
Къ ней!—Громко звонитъ. Вбѣгаютъ слуги.
Къ королю!

А. Плещеевъ.

ПОѢЗДКА

на

СУЭЗСКІЙ КАНАЛЪ

Путевыя замѣтки *).

Пароходы Генуэзской компаніи Рубатино дѣлаютъ періодическіе рейсы между Генуей и Александріей, заѣзжая на пути въ Ливорно, Неаполь и Мессину. Находясь въ Неаполѣ, мы рѣшились воспользоваться этимъ сообщеніемъ съ Египтомъ.

Въ понедѣльникъ, 8-го ноября, около полудня, мы отправились изъ гостинницы на пароходъ «Сицилія», пришедшій ночью изъ Генуи и ожидавшій въ портѣ пассажировъ, съ которыми черезъ нѣсколько часовъ онъ долженъ былъ отплыть въ Египетъ.

День былъ ясный и яркіе лучи солнца обдавали окружающую насъ живописную мѣстность. Передъ нами лежалъ Неаполь, раскинутый по берегу залива; красивыя каменныя постройки поднимались амфитеатромъ надъ портомъ; на самомъ верху и какъ-бы господствуя надъ всею окружающею мѣстностью покоились два массивныя зданія: упраздненный нынѣ монастырь Санъ-Мартино и фортъ Сантъ-Эльмо. Съ правой стороны величественно возвышался Везувій; около подошвы горы живописно разстилались города и селенія, которыми унизанъ весь Неаполи-

---

*) Въ декабрьской книгѣ «Вѣстника Европы», 1869 г. стр. 784 и слѣд., была помѣщена исторія Суэзскаго канала и описаніе послѣднихъ работъ, приведшихъ его къ окончанію. — *Ред.*

танскій заливъ. Портичи, Резина, Торре-дель-Греко, Торре-дель-Аннунціата, Кастелламаре — слѣдуютъ одинъ за другимъ, почти безъ промежутковъ, такъ что трудно замѣтить, гдѣ конецъ одного и гдѣ начало другого селенія. Необыкновенная прозрачность и чистота воздуха позволяли обнимать взоромъ весьма далекое пространство. Первый планъ картины былъ ярко освѣщенъ солнцемъ; далѣе, горы были въ туманѣ, который придавалъ особенную мягкость всѣмъ контурамъ и линіямъ, покрывая даль сѣровато-голубымъ колоритомъ, составляющимъ особенную прелесть южно-итальянскихъ видовъ. Съ противоположной стороны вдали, подъ солнцемъ, виднѣлся также въ туманѣ островъ Капри, омываемый бирюзово-голубыми волнами Неаполитанскаго залива.

Въ ожиданіи отъѣзда, палуба парохода «Сицилія» все болѣе и болѣе оживлялась. Прислуга суетилась, размѣщая багажъ подъѣзжавшихъ пассажировъ; матросы чистили пароходъ, подготовляли снасти, растягивали для защиты отъ лучей солнца парусный тентъ надъ палубой и погружали въ трюмъ товарныя мѣста, подвозимыя на самыхъ разнообразныхъ лодкахъ, къ передовой части парохода. Кромѣ постоянныхъ пассажировъ на пароходъ нахлынула цѣлая стая временныхъ посѣтителей въ лицѣ продавцевъ всѣхъ возможныхъ товаровъ, явившихся предлагать отъѣзжающимъ свои произведенія. Продавцы коралловыхъ издѣлій, камей, фотографическихъ видовъ, стереоскоповъ, лорнетокъ, тросточекъ и разныхъ съѣстныхъ припасовъ — превратили палубу корабля въ совершенный рынокъ; явился и продавецъ умственной пищи, приглашавшій пассажировъ запастись книгами на дорогу, — но вся его библіотека состояла исключительно изъ книженокъ легкаго эротическаго содержанія, начиная съ итальянскихъ переводовъ «Фоблаза» до новѣйшихъ произведеній итальянской литературы подобнаго же рода.

Раздались звуки гитары и для дополненія картины рынка, мы увидѣли на передовой части парохода слѣпого гитариста съ женщиной, которыхъ обступила группа солдатъ, переѣзжавшихъ вмѣстѣ съ нами въ Мессину.

Женщина пѣла подъ акомпаниментъ гитары разныя народныя пѣсни, постоянно напѣваемыя по всѣмъ улицамъ Неаполя. Живые блестящіе глаза слушателей, слѣдившіе за каждымъ движеніемъ пѣвицы—ясно выражали удовольствіе, доставляемое имъ незатѣйливыми артистами, и долго послѣ ухода ихъ, въ публикѣ слышались напѣвы мотивовъ особенно любимыхъ неаполитанцами народныхъ пѣсенъ «Santa Lucia» и «Marianina».

Покончивъ концертъ на передовой части парохода, слѣпой ар-

тистъ и его спутница перешли на корму, чтобы не лишить эстетическаго наслажденія и первоклассныхъ пассажировъ; но, вѣроятно не разсчитывая произвести большого эффекта на образованную часть публики простонародными мелодіями, они замѣнили, къ не малому нашему удивленію, «Маріанину» аріей изъ «Belle-Hélène», за которою послѣдовали разныя другія Оффенбаховскія мелодіи.

Уже начинало темнѣть, когда пароходъ снялся съ якоря. Ошибка въ объявленіи побудила его простоять лишнихъ 5 часовъ въ портѣ. Когда мы проходили мимо Капри, взошла луна; островъ казался освѣщеннымъ какимъ-то таинственнымъ свѣтомъ; вдали горѣлъ маякъ и виднѣлись огоньки въ домахъ Неаполя, представляя естественную береговую иллюминацію. На слѣдующее утро мы поровнялись съ Липарскими островами; вулканъ Стромболи выдавался конусообразно изъ воды, походя правильностью формы на гигантскую сахарную голову. Вскорѣ послѣ прохода Липарскихъ островов, показался берегъ Сициліи, мы вошли въ проливъ, называемый нынѣ Стретта ди-Мессина а въ древности носившій названіе Сциллы и Харибды. До сихъ поръ Мессинскій проливъ считается весьма безпокойнымъ, потому что въ этой мѣстности постоянно господствуютъ противоположное теченіе и сильные вѣтры.

Намъ однако какъ-то посчастливилось, легкая зыбь едва рябила воду и мы совершенно спокойно приближались къ Мессинѣ. Видъ обоихъ береговъ пролива чрезвычайно живописенъ, но представляетъ рѣзкую противоположность съ Неаполитанскимъ заливомъ. Все здѣсь дышетъ какою-то дикою грандіозностью. Съ правой стороны высокія скалистыя горы Калабріи подходятъ къ самому морю, мѣстами изрѣдка желтовато-сѣрый цвѣтъ каменныхъ уступовъ оживленъ зеленью,—на высотахъ горъ виднѣются развалины древнихъ замковъ и какія-то уединенныя четыреугольныя каменныя башни; на берегу моря разбросано нѣсколько селеній. Дома́ построены изъ того же сѣраго камня, который представляетъ здѣсь господствующую породу, и потому весьма мало отдѣляются отъ лежащихъ за ними горъ. Въ ущельяхъ и долинахъ извиваются зигзагами широкія сѣрыя полосы, походящія на горные потоки, но въ которыхъ однако совершенно не было воды. Мы рѣшительно не могли понять, что это такое, пока намъ не объяснили, что это русла высохшихъ горныхъ потоковъ. Эти потоки наполняются водою только на нѣсколько недѣль весною послѣ таянія снѣговъ въ горахъ, но тогда сила и стремительность ихъ до того значительны, что они заносятъ довольно широкую полосу земли, представляющую временно ихъ русло,

иломъ и пескомъ въ такой мѣрѣ, что въ теченіи года на этомъ пространствѣ не успѣваетъ развиться никакая растительность, несмотря даже на благодатный итальянскій климатъ. Эти изсохшіе потоки, по срединѣ которыхъ мѣстами разбросаны острова, покрытые богатою растительностью, и мѣстами перекинуты мосты съ одного берега на другой, представляютъ весьма оригинальное явленіе, которое намъ до сихъ поръ не удавалось видѣть ни въ Швейцаріи, ни въ другихъ горныхъ мѣстностяхъ Европы.

Берегъ Сициліи начинается песчаною низменностью, которая, возвышаясь все болѣе и болѣе, переходитъ также въ высокую гористую мѣстность, у подошвы которой лежитъ Мессина. Горная стѣна, къ которой она прислонилась, покрыта богатою растительностью; сады расположены террасами и нѣсколько напоминаютъ издали виды виноградниковъ на берегу Рейна. Мы прошли мимо маяка, построеннаго изъ бѣлаго камня, обошли мессинскую крѣпость Санъ-Сальвадоре и въ полдень бросили якорь въ Мессинскомъ заливѣ. Такъ какъ пароходъ долженъ былъ остаться здѣсь часа два для пріемки товаровъ и пассажировъ, то мы воспользовались этимъ случаемъ, чтобы осмотрѣть городъ. Лодочникъ, перевозившій насъ съ парохода, началъ намъ объяснять окрестности. Указавъ на крѣпость, защищающую входъ въ портъ, онъ замѣтилъ, подмигнувъ какъ-то особенно лукаво, что она не помѣшала однако Гарибальди пристать къ Сицилійскому берегу. Затѣмъ онъ намъ сталъ немедленно разсказывать, какъ около этого мѣста крейсировалъ до послѣдней минуты французскій флотъ, подъ видомъ защиты береговъ, какъ онъ ночью, когда должна была послѣдовать высадка, удалился на нѣсколько миль, и какъ Гарибальди воспользовался этимъ временемъ, чтобъ пристать къ берегу со своей дружиной. При этомъ разсказѣ вся его физіономія необыкновенно оживилась; видно было, что это происшествіе составляло для него одно изъ самымъ драгоцѣнныхъ воспоминаній жизни. Память о подвигахъ Гарибальди сохранилась въ южной Италіи особенно живо. Имя Гарибальди здѣсь постоянно въ устахъ народа; это единственный ихъ политическій идеалъ, получившій даже значеніе легенды, ибо почти весь народъ убѣжденъ въ южной Италіи, что Гарибальди умеръ въ крѣпости Александріи, куда онъ былъ временно заключенъ послѣ сраженія при Варезе.

Мессина значительный торговый городъ, имѣющій до 75,000 жителей. Онъ расположенъ вдоль порта, прислоняясь спиною къ горамъ, подобно Неаполю, но только строенія, лежащія у самой подошвы хребта, поднимаются не такъ высоко въ гору. Вдоль порта тянется широкая набережная «Marina», обстроенная

каменными домами, украшенными колоннадами; за набережной расположены неизбѣжныя въ каждомъ итальянскомъ городѣ улицы: Corso и Strada Garibaldi. Домá большею частью двухъэтажные, не высокіе; этотъ образъ постройки обусловленъ весьма часто бывающими здѣсь землетрясеніями. Едва-ли найдется въ Европѣ другой городъ, который столько выстрадалъ отъ болѣзней, землетрясеній и войнъ, какъ Мессина.

Въ XVII-мъ столѣтіи Мессина сдѣлалась, вслѣдствіе внутреннихъ междоусобій, театромъ войны между французской арміей Людовика XIV и испанско-голландскими войсками; рядомъ осадъ и сраженій городъ былъ доведенъ до такого изнуренія, что народонаселеніе со 120,000 человѣкъ уменьшилось на 20,000. Въ 1740 г., въ Мессинѣ свирѣпствовала чума, отъ которой погибло до 40,000 человѣкъ. Въ 1783 г., ужасное землетрясеніе разорило почти весь городъ. Въ 1848 г., послѣ революціи, Мессина была почти разрушена бомбардированіемъ; наконецъ въ 1854 года, погибло отъ холеры до 16,000 человѣкъ. Несмотря на всѣ эти несчастія Мессина стала быстро развиваться въ послѣднее время, благодаря своему выгодному мѣстоположенію: въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ количество ластовъ приходящихъ судовъ удвоилось, превышая въ настоящее время 1.000,000 тоннъ. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что вся интеллигенція, промышленность и торговля Сициліи сосредоточены въ немногихъ береговыхъ пунктахъ; изъ нихъ главные: Мессина и Палермо. Вся внутренность Сициліи остается до сихъ поръ въ полудикомъ состояніи, причиняя не мало заботъ итальянскому правительству. Разбойничество развито здѣсь до крайнихъ размѣровъ, а преслѣдованіе разбойниковъ становится почти невозможнымъ, потому что всѣ жители служатъ имъ укрывателями. Намъ разсказывали, будто дѣло дошло до того, что полиція, отчаяваясь схватить разбойниковъ на мѣстѣ, или добыть противъ нихъ какія-либо улики, которыя дозволили бы предать ихъ правильнымъ судамъ, нѣсколько разъ распоряжалась — людей, завѣдомо-извѣстныхъ за разбойниковъ, просто убивать на дорогѣ. Ихъ подстрѣливаютъ какъ дикихъ звѣрей; другихъ средствъ не находили, чтобы отъ нихъ отдѣлаться. До сихъ поръ правительство не получаетъ со всего острова, кромѣ прибрежныхъ городовъ, почти никакого дохода. При Бурбонахъ въ Сициліи существовалъ налогъ на соль и на муку. Когда Гарибальди высадился въ Сициліи, первымъ его дѣломъ было уничтоженіе этихъ налоговъ, ненавистныхъ народу, но которые по старой привычкѣ платились довольно аккуратно. По смыслу его прокламаціи, уничтоженныя подати должны были быть замѣнены впослѣдствіи по-

доходнымъ и поземельнымъ налогами. Но вводить новые налоги въ странѣ полудикой, необразованной, безъ всякихъ средствъ сообщенія — дѣло нелегкое; старые налоги отмѣнены, а новые до сихъ поръ еще не введены, такъ что Сицилія не даетъ ровно никакихъ доходовъ, представляя одну изъ существенныхъ причинъ постоянныхъ дефицитовъ итальянскаго бюджета.

Побывавъ въ соборѣ и осмотрѣвъ нѣкоторыя достопримѣчательности города, мы возвратились на пароходъ, который около трехъ часовъ по полудни снялся съ якоря и отправился въ дальнѣйшій путь. За Мессиной горы начинаютъ быстро возвышаться, показываются вершины, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ; наконецъ, вдали представляется взорамъ величайшій изъ европейскихъ вулкановъ, огнедышущая Этна, имѣющая болѣе 10,000 футовъ высоты. Къ вечеру мы обогнули послѣдній выдающійся въ море пунктъ материка, городъ Реджіо, лежащій на Калабрійскомъ берегу, и, простившись съ Италіей, вышли въ открытое море. Не развлекаясь болѣе видомъ живописныхъ береговъ, мы стали присматриваться къ нашимъ спутникамъ. Скоро всѣ перезнакомились и начались бесѣды о Египтѣ и Суэзскомъ каналѣ, объ успѣхѣ котораго большинство лицъ отзывалось съ большимъ недовѣріемъ.

За обѣдомъ мы замѣтили, что всѣ взоры обращались на человѣка среднихъ лѣтъ красивой и симпатичной наружности. Мой сосѣдъ, итальянецъ, объяснилъ мнѣ, что это Ричіотти Гарибальди, второй сынъ народнаго героя, о которомъ мы такъ много наслышались въ Мессинѣ. Онъ держалъ себя весьма просто, безъ всякой аффектаціи, нисколько не выставляя своей личности, но и не уклоняясь отъ общихъ разговоровъ.

Дальнѣйшее наше плаваніе, продолжавшееся еще три съ половиною дня, было довольно однообразно. За исключеніемъ острова Кандіи, мимо котораго мы прошли въ четвергъ, мы не видали земли до самой Александріи. Гористый южный берегъ острова, вдоль котораго мы шли часа четыре, почти лишенъ всякой растительности, и мы не видѣли на немъ какихъ-либо поселеній, только изрѣдка показывались на берегу отдѣльныя, каменныя лачужки, повидимому покинутыя жителями. Всѣ главнѣйшіе города и селенія находятся на сѣверномъ берегу острова. Проходя мимо этой исторической мѣстности, мы не могли не вспомнить о кровавой драмѣ, разыгрывавшейся здѣсь въ теченіи двухъ лѣтъ, и недавно окончившейся такъ неудовлетворительно во всѣхъ отношеніяхъ. Казалось, что на островѣ царствуетъ ненарушимый покой,—но скоро-ли изгладятся воспоминанія кровавыхъ происшествій и долго-ли будетъ продолжаться

этотъ покой? Замѣчательно впрочемъ, что многія изъ лицъ, бывавшихъ въ Кандіи и повидимому хорошо знакомыхъ съ мѣстными условіями жизни, съ которыми намъ пришлось встрѣтиться на Востокѣ, увѣряли насъ, что желаніе присоединенія къ Греціи далеко не всеобщее въ Кандіи.

Тамъ существуетъ большая партія, которая желаетъ только полнѣйшей автономіи; идеаломъ этой партіи—судьба острова Самоса, а не Іоническихъ острововъ, живущихъ въ настоящее время далеко не въ ладу съ Греціею. Но въ началѣ возстанія восторжествовала греческая партія, и партія автономистовъ должна была ей подчиниться. Теперь они говорятѣ что ежели бы съ самаго начала они водрузили знамя автономіи, не грозя Турціи совершеннымъ отпаденіемъ, то, можетъ быть, эта цѣль и была бы достигнута, особенно если бы съумѣли воспользоваться тѣмъ благопріятнымъ моментомъ, когда Франція повидимому склонялась на сторону Россіи и когда устрашенная Турція была готова на всѣ возможныя уступки, кромѣ только совершеннаго отдѣленія острова. Но этотъ благопріятный моментъ былъ пропущенъ, захотѣли большаго, и въ окончательномъ результатѣ теперь положеніе кандіотовъ несравненно хуже, чѣмъ оно было до возстанія.

На слѣдующій вечеръ мы подошли уже довольно близко къ Александріи, но такъ какъ входъ въ Александрійскій портъ въ темнотѣ не совершенно безопасенъ, то намъ пришлось крейсировать всю ночь въ морѣ, чтобы раннимъ утромъ войти въ портъ. Ночь была спокойная, теплая. Луна отражалась серебристыми нитями въ мелкихъ волнахъ окружавшихъ пароходъ, а за нимъ тянулась широкая полоса, блестѣвшая фосфорнымъ свѣтомъ—явленіе хорошо извѣстное всѣмъ плававшимъ по Средиземному морю.

Наконецъ въ субботу, рано утромъ, мы завидѣли берегъ. Показался маякъ, затѣмъ отдѣльные передовые форты, между которыми главнѣйшій фортъ Марабу, и наконецъ самый портъ и Александрія.

Известковатые, сѣровато-бѣлые берега Александрійскаго залива не представляютъ особенно живописной картины; берега эти изрыты катакомбами, въ которыхъ скрывались и жили христіане во время гоненій. По лѣвой сторонѣ города прежде всего бросается въ глаза безчисленное количество вѣтряныхъ мельницъ, расположенныхъ на вершинахъ известковыхъ холмовъ. За тѣмъ взглядъ останавливается на большой мечети и на громадномъ строеніи въ европейскомъ стилѣ — дворцѣ вице-короля, лежащемъ у самаго порта. Весь портъ, довольно обширный, былъ

наполненъ военными и купеческими судами всѣхъ націй; между ними мелькали по зеленовато-голубому морю лодки съ гребцами въ восточномъ костюмѣ. Особенно красовался старый арабъ, бронзовато-темнаго цвѣта, въ бѣлой какъ снѣгъ бедуинѣ, который стоялъ въ одной изъ этихъ лодокъ. По величественности его осанки и бѣлому одѣянію мы его приняли сначала за очень важное лицо, но потомъ скоро разубѣдились, когда замѣтили тоже выраженіе величаваго спокойствія на лицахъ всѣхъ мѣстныхъ жителей, и тѣ же бѣлыя одѣянія на кучерахъ, сидящихъ на козлахъ извощичьихъ колясокъ, ожидавшихъ пассажировъ въ портѣ.

Мы поспѣшили сѣсть въ лодку и отправиться на берегъ, гдѣ пришлось прежде всего прописать нашъ паспортъ. Совершивъ въ первый разъ по выѣздѣ изъ Россіи эту церемонію, мы отправились въ русское консульство, находящееся на другой сторонѣ города. Кромѣ нѣкоторыхъ узкихъ улицъ прилегающихъ къ порту, въ которыхъ сгруппировалось арабское населеніе, вся остальная часть Александріи похожа на любой второклассный европейскій городъ, довольно грязный, хотя и съ красивыми каменными строеніями. Если бы не верблюды на улицахъ, арабскіе костюмы рабочихъ и изрѣдка выдающіеся изъ-за прочихъ строеній минареты мечетей и сады съ пальмовыми деревьями,—то можно бы совершенно забыть, проѣзжая по Александріи, что находишься на Востокѣ.

Посреди города расположенъ довольно обширный и красивый скверъ, гдѣ устроено для гуляющихъ нѣчто въ родѣ бульвара; это мѣсто, называемое консульскою площадью (Place du Consulat), окружено высокими каменными строеніями, въ нижнихъ этажахъ которыхъ красуются магазины. Здѣсь же въ сосѣдствѣ находится зданіе биржи.

Александрія, одинъ изъ древнѣйшихъ историческихъ городовъ, сохранилъ въ своей внѣшней обстановкѣ весьма мало слѣдовъ прежняго своего историческаго значенія.

Помпеевская колонна, стоящая на возвышенности за городомъ возлѣ мусульманскаго кладбища, и два обелиска Клеопатры, находящихся близъ новаго порта, служатъ почти единственными представителями памятниковъ древности въ Александріи. Впрочемъ, ежели обратить вниманіе на то, какъ здѣсь обходятся съ остатками древности, то не удивительно, что онѣ не сохраняются, и что даже слѣды ихъ исчезаютъ. Между станціей желѣзной дороги и городомъ недавно проложена новая дорога, для которой пришлось прорыть траншею въ небольшихъ холмахъ, лежащихъ за городомъ и покрытыхъ пальмовымъ лѣсомъ.

При этой работѣ напали на весьма хорошо сохраненные остатки древнихъ построекъ; оказалось, что эти холмы суть древнія зданія, вѣроятно часть прежняго города, которая въ теченіи вѣковъ была занесена слоемъ земли столь значительнымъ, что на немъ могъ вырости пальмовый лѣсъ. Это открытіе однако нисколько не остановило землекопныхъ работъ. Остатки древнихъ зданій, расположенныхъ по линіи пролагаемой дороги, были выломаны и обломки выброшены вмѣстѣ съ землею; о дальнѣйшихъ археологическихъ раскопкахъ или о какихъ-либо изслѣдованіяхъ, которыя могли бы повести къ открытію части древняго города, подъ лачужками арабской деревни, находящейся по эту сторону Александріи, никто и не помышлялъ. Когда пріѣзжаешь изъ Италіи и видишь, съ какою осторожностью и съ какимъ тщаніемъ тамъ происходитъ раскрытіе находящихся подъ землею древнихъ построекъ, напримѣръ въ Римѣ и въ Неаполѣ, то подобное варварское обращеніе съ драгоцѣнными остатками древности кажется совершенно непонятнымъ. Проѣзжая по этой дорогѣ, мы видѣли остатки древнихъ сводовъ и другихъ строеній, обломки которыхъ печально торчатъ изъ земли, какъ-бы взывая къ проѣзжающимъ, чтобы хотя они обратили вниманіе на зодчество прежнихъ вѣковъ, безъ пользы погибающее здѣсь для исторіи и для науки.

Совершенно равнодушное къ остаткамъ древности, которые могли сохраниться въ Александріи, египетское правительство за то обращало постоянное вниманіе на развитіе экономическихъ интересовъ города, съ которыми до сихъ поръ было тѣсно связано благосостояніе всей страны. Въ торговомъ отношеніи положеніе Александріи чрезвычайно благопріятно, такъ какъ этотъ городъ лежитъ на перепутьи дороги между Индіей и Европой, и кромѣ того Александрійскій портъ принадлежитъ къ числу лучшихъ портовъ въ этой части Средиземнаго моря. Нынѣшняя Александрія построена на узкой полосѣ земли, отдѣляющей портъ отъ обширнаго, но мелководнаго озера Мареотисъ, лежащаго за городомъ. Уже Мегмедъ-Али, такъ много сдѣлавшій для величія Египта, обратилъ вниманіе на улучшеніе этого порта. При немъ же былъ возстановленъ въ двадцатыхъ годахъ древній каналъ Клеопатры, соединяющій Александрію съ Розеттскимъ притокомъ Нила, въ который онъ впадаетъ около Кафръ-Саида. Каналъ этотъ, по значительной ширинѣ и глубинѣ своей, имѣлъ назначеніемъ не только снабжать Александрію прѣсною водою изъ Нила и орошать всю мѣстность, по которой онъ проходитъ, но и открыть водяное товарное сообщеніе между Александріей и Ниломъ, для рѣчныхъ судовъ средней величины. Надъ рас-

чисткою этого канала, названнаго Махмудіэ — въ честь султана Махмуда — работало до 250,000 феллаховъ, изъ которыхъ до 10%, т.-е. 25,000 человѣкъ погибло во время работъ большею частію отъ разныхъ болѣзней, вызванныхъ непредусмотрительностью и отсутствіемъ всякой заботливости объ участи этихъ несчастныхъ рабочихъ. Каналъ Махмудіэ содержится въ весьма удовлетворительномъ состояніи, такъ что по немъ можетъ до сихъ поръ происходить весьма оживленное товарное сообщеніе на рѣчныхъ судахъ, несмотря на то, что вдоль его проходитъ въ настоящее время желѣзная дорога, соединяющая Александрію съ Каиромъ.

Настоящее торговое значеніе Александрія получила однако только благодаря постройкѣ этой желѣзной дороги и продолженію ея до Суэза. Изъ Каира желѣзная дорога была проведена первоначально прямо на Суэзъ вдоль горнаго хребта Джебель-Ауэбѣтъ. Но съ самого начала эта дорога оказалась неудовлетворительною и потому она была совершенно покинута, а вмѣсто нея построена другая вѣтвь, отдѣляющаяся отъ александрійско-каирской дороги, не доходя Каира близъ станціи Бенъ-Ха, и направляющаяся къ городамъ: Загазигу и Измаиліи, а затѣмъ вдоль Горькихъ озеръ и канала къ Суэзу. По этому пути проходитъ въ настоящее время такъ-называемая Over-Land-Mail т.-е. сухопутная англо-индійская почтовая дорога, по которой привозится въ Англію почта и нѣкоторые высокоцѣнные товары. Между Индіей и Суэзомъ содержится періодическое сообщеніе громадными пароходами англійской Peninsular and Oriental Company. По приходѣ парохода въ Суэзъ, почта и товары отправляются немедленно по желѣзной дорогѣ въ Александрію, откуда они слѣдовали до сихъ поръ на пароходахъ Messageries Impériales черезъ Марсель и Кале въ Доверъ. Но въ прошломъ году, съ улучшеніемъ порта въ Бриндизи и съ постройкой желѣзной дороги изъ Бриндизи въ Фоджіа,—Over-Land-Mail направилась на Италію, именно на: Бриндизи, Туринъ и Монъ-Сенисъ. Такое измѣненіе направленія англо-индійскаго почтоваго пути вызвало неудовольствіе во Франціи, которая завистливо слѣдитъ за развитіемъ морского и торговаго значенія Италіи. Франція начинаетъ уже сильно опасаться торговаго и морского соперничества Италіи въ Средиземномъ морѣ, соперничество, которое нынѣ, съ открытіемъ Суэзскаго канала, должно получить новую силу и новое значеніе.

Находясь на исходномъ пунктѣ египетскаго транзита, Александрія должна была, благодаря этому обстоятельству, получить необыкновенное торговое значеніе. О развитіи торговли въ Алек-

сандрійскомъ портѣ можно судить, напримѣръ, по развитію народонаселенія, которое съ 40,000 душъ въ 1836 г. поднялось въ настоящее время до 120,000 душъ, т.-е. ровно утроилось. Сознавая ясно всю опасность, которая грозитъ этому транзиту съ открытіемъ Суэзскаго канала, александрійское купечество не только не подписалось ни на одну акцію Суэзской компаніи, но даже постоянно высказывало сильнѣйшую оппозицію всему предпріятію.

Въ настоящее время въ Александріи сосредоточено не малое число весьма богатыхъ торговыхъ домовъ, но весьма немногіе изъ нихъ пользуются хорошею и честною репутаціею. Большинство этихъ лицъ принадлежитъ къ людямъ, которымъ всѣ средства наживать деньги кажутся позволительными. Примѣромъ того, на какомъ уровнѣ находится здѣсь общественная нравственность, можетъ служить слѣдующее обстоятельство: намъ указывали, какъ на весьма почтенную и честную личность, на одного армянскаго купца, который, сдѣлавшись опекуномъ малолѣтныхъ наслѣдниковъ весьма богатаго торговаго дома, воспользовался ихъ состояніемъ, чтобы начать коммерческія дѣла на собственный счетъ. Операція его удалась, и когда черезъ нѣсколько лѣтъ онъ нажилъ себѣ громадное состояніе, тогда онъ возвратилъ своимъ питомцамъ тѣ ихъ капиталы, которыми онъ воспользовался для собственнаго дѣла. Каждая опека считается въ Александріи положительно разореніемъ для наслѣдниковъ, потому что большая часть опекуновъ немедленно же расхищаетъ все имущество малолѣтныхъ, порученныхъ ихъ опекѣ. Вотъ почему опекунъ, хотя и поступившій такимъ же образомъ, но впослѣдствіи возвратившій наслѣдникамъ ихъ капиталы, считается въ Александріи необыкновенно честнымъ человѣкомъ. Александрія сдѣлалась въ послѣднія двадцать лѣтъ сборищемъ отребья европейскаго населенія. Люди, которые довели свою репутацію до того, что имъ уже невозможно оставаться въ своемъ отечествѣ, отправляются въ Александрію наживать тамъ деньги всякой правдой и неправдой, и большею частію достигаютъ своей цѣли, потому что не останавливаются ни передъ какими средствами. Такимъ образомъ Александрія сдѣлалась сбродомъ разныхъ проходимцевъ Италіи, Франціи и Греціи; эти элементы дополняются армянами и левантійцами, стоящими тоже не на очень высокой степени нравственнаго развитія. Начиная съ игорныхъ домовъ и до коммерческихъ фирмъ, обманъ принадлежитъ здѣсь къ совершенно обыкновеннымъ явленіямъ. Явныя покражи и убійства съ корыстною цѣлью случаются тоже довольно часто, особенно опасною репутаціею пользуется въ этомъ

отношеніи греческій кварталъ. Въ низкой нравственной средѣ александрійскаго населенія греки и армяне занимаютъ низшее мѣсто. Почти всѣ игорные дома содержатся греками. Явную противоположность съ европейскимъ представляетъ здѣсь мѣстное арабское населеніе. Въ средѣ его кражи и убійства почти неизвѣстное явленіе. Намъ говорили что не только въ Александріи и Каирѣ, но и во всемъ Египтѣ можно разъѣзжать безъ оружія, и почти съ открытымъ чемоданомъ, не подвергаясь никакой опасности со стороны арабскаго населенія. Въ теченіи послѣднихъ лѣтъ былъ только одинъ случай, составляющій исключеніе изъ этого общаго правила. Какой-то американецъ отправился съ двумя лодочниками-арабами изъ Суэза на сѣверный берегъ залива, осмотрѣть мѣстность, называемую Моисеевымъ источникомъ. Ни американецъ, ни лодочники никогда не возвратились, и есть поводъ къ подозрѣнію, что послѣдніе убили американца съ цѣлью его ограбить. Хотя это происшествіе случилось болѣе полутора года тому назадъ, однако мы видѣли еще въ Александріи, Измаиліи и Суэзѣ печатныя объявленія на стѣнахъ домовъ, обѣщающія значительную денежную награду тому, который сообщитъ какія-либо свѣдѣнія о погибшемъ. Происшествіе это надѣлало много шума и обратило на себя всеобщее вниманіе; уже это одно обстоятельство доказываетъ его исключительность, потому что, напримѣръ, въ Александріи нерѣдко случаются убійства въ игорныхъ домахъ и никто не обращаетъ на то особеннаго вниманія какъ на дѣло обыденное.

Главную причину развращенности европейскаго населенія въ Александріи слѣдуетъ искать въ отсутствіи всякаго суда и полиціи для европейцевъ. Каждый европеецъ можетъ быть преслѣдуемъ и судимъ только въ своемъ консульствѣ. Это обстоятельство обращается для всѣхъ мошенниковъ и негодяевъ почти въ полную безнаказанность. Консула считаютъ здѣсь по большей части своей обязанностью защищать интересы каждаго соотечественника даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло далеко не сообразно съ требованіемъ справедливости. Нельзя не замѣтить, что въ этомъ отношеніи русское консульство, пользующееся въ Александріи большимъ уваженіемъ, составляетъ весьма почтенное исключеніе. Весьма энергически поддерживая справедливыя требованія русскихъ подданныхъ, — а въ числѣ русскихъ подданныхъ въ Египтѣ весьма много грековъ и армянъ, — оно не считаетъ себя обязаннымъ безусловно держать ихъ сторону въ тѣхъ случаяхъ, когда оно наталкивается на явную несправедливость или обманъ. Кромѣ того, при легкости, съ которою совершается здѣсь переходъ изъ одного подданства въ дру-

гое, процессы затягиваются до безконечности, и всякое преслѣдованіе преступленія становится почти невозможнымъ. Обвиняемый изъ-подъ покровительства одного консульства переходитъ подъ опеку другого, третьяго, перемѣняя свою націальность, и каждый разъ дѣлопроизводство начинается съизнова, — однимъ словомъ, это такое положеніе дѣла, которое ровняется полной безнаказанности.

Вотъ почему египетское правительство, желая помочь этому злу, не нарушая правъ европейскихъ державъ, предложило, нѣсколько времени тому назадъ, учредить международныя судилища, состоящія изъ депутатовъ различныхъ европейскихъ державъ, которыя бы вѣдали дѣлами всѣхъ европейцевъ безъ исключенія. Послѣ долгихъ переговоровъ, европейскія державы согласились съ справедливостью и цѣлесообразностью этого проекта въ общемъ основаніи, и для обсужденія практической возможности и способовъ осуществленія его въ Каирѣ была учреждена спеціальная коммиссія изъ делегатовъ египетскаго правительства и всѣхъ европейскихъ консуловъ подъ предсѣдательствомъ Нубаръ-Паши. Засѣданія этой коммиссіи начались осенью и успѣли уже придти къ удовлетворительному результату. Коммиссія разсмотрѣла и одобрила представленный ей проектъ, по которому предполагается учредить три судебныя палаты первой инстанціи: одну въ Александріи, одну въ Каирѣ и одну въ Загазигѣ, одну апелляціонную палату въ Александріи и одну высшую кассаціонную палату въ Каирѣ. Судьи должны избираться частію изъ европейцевъ, частію изъ мѣстныхъ жителей, но съ тѣмъ, чтобы европейцы всегда были въ большинствѣ. Европейцы, принимая судейское званіе, вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняютъ однако свое подданство и считаются чиновниками своего государства. Срокъ судейской должности для каждаго изъ нихъ полагается шестилѣтній. Египетское правительство обязуется платить этимъ судьямъ довольно значительное содержаніе, отказываясь вмѣстѣ съ тѣмъ отъ права смѣнять ихъ съ должности, перемѣщать съ одной должности на другую или переводить въ высшій окладъ.

Засѣданія судовъ должны быть публичны съ полнымъ обезпеченіемъ правъ защиты; пренія должны происходить на итальянскомъ или французскомъ языкахъ. Генеральный прокуроръ, на котораго возлагается обязанность обвинителя, секретари и прислуга судовъ должны быть также избираемы изъ европейцевъ. Разбирательству этихъ судовъ должны подлежать всѣ гражданскіе и торговые иски между европейцами и мѣстными жителями,—не исключая самого вице-короля, членовъ его фамиліи и управленія государственныхъ имуществъ. За консулами признается

право наблюденія за правильностью дѣйствій новыхъ судовъ. Наконецъ, предполагается выработать сводъ законовъ, который бы имѣлъ однообразную силу для европейцевъ всѣхъ націй который могъ бы служить основаніемъ рѣшеній египетскихъ судовъ. Вотъ въ общихъ чертахъ проектъ, который одобренъ коммиссіею, и въ настоящее время ожидаетъ только окончательнаго утвержденія европейскихъ державъ для полнаго своего осуществленія. Какъ ни велико взаимное недовѣріе, съ которымъ европейскія державы постоянно смотрятъ другъ на друга во всѣхъ дѣлахъ касающихся Востока, — но явная потребность судебной реформы до того несомнѣнна и польза, которую всѣ имѣющіе какія-либо дѣла съ Египтомъ должны извлечь изъ подобной реформы, до того очевидна, что можно надѣяться, что въ настоящемъ случаѣ согласіе европейскихъ державъ установится скорѣе, чѣмъ бы это можно было ожидать по каждому другому вопросу.

Несмотря на то, что въ Александріи весьма много богатыхъ домовъ, вечера, бальные или просто семейные пріемы составляютъ здѣсь весьма рѣдкое исключеніе вслѣдствіе затруднительности, въ которую поставленъ каждый при выборѣ лицъ, съ которыми онъ желалъ бы имѣть постоянныя семейныя сношенія. Единственное мѣсто, гдѣ встрѣчается все александрійское общество, это театръ. Во время нашего пріѣзда въ Александрію, играла посредственная итальянская труппа и театръ былъ полонъ, почти во всѣхъ ложахъ сидѣли дамы въ весьма нарядныхъ туалетахъ и между ними мы могли замѣтить нѣсколько весьма красивыхъ лицъ греческаго и восточнаго типа. Театръ Зизиніа — красивое зданіе, нѣсколько больше нашего Михайловскаго театра. Онъ содержится, кажется, частною компаніею, получающею большія субсидіи отъ правительства.

Общимъ разговоромъ дня было столкновеніе между Египтомъ и Турціей. Разсказывали, что форты вооружаются нарѣзными пушками и что дѣлаются разныя военныя приготовленія. Общественное мнѣніе было встревожено происшествіемъ, случившимся нѣсколько дней тому назадъ. Въ Александрійскій портъ пришло судно съ турецкими солдатами, которыхъ было на немъ человѣкъ 600, безъ всякаго предувѣдомленія египетскому правительству. Послѣднее встревожилось, приказало не выпускать солдатъ на берегъ, и послало просить объясненія отъ командира парохода. Командиръ извинился, что не успѣлъ увѣдомить о своемъ приходѣ, потому что онъ зашелъ въ Александрійскій портъ случайно, такъ какъ онъ собственно слѣдуетъ въ Сирію, куда ему поручено перевезти отрядъ солдатъ. На другой день онъ вышелъ изъ порта и на этомъ дѣло пока и кончилось. Но всѣ утверждали

въ Александріи, что это была намѣренная попытка турецкаго правительства, чтобы узнать, насколько внимательно слѣдятъ египтяне за судами, приходящими въ портъ, а также чтобы нѣсколько болѣе ознакомиться съ его мѣстными условіями, на случай войны и необходимости десанта.

На слѣдующій день, послѣ пріѣзда въ Александрію, мы должны были отправиться, въ числѣ прочихъ гостей, на египетскомъ пароходѣ Эль-Мазръ въ Портъ-Саидъ. Сильный вѣтеръ продержалъ насъ однако цѣлый день въ портѣ. Наносная песчаная отмель, лежащая у входа въ Александрійскій портъ, чрезвычайно стѣсняющая фарватеръ въ томъ мѣстѣ, была покрыта высокими пѣнящимися бурунами. Волна за волною, набѣгая на отмель и, разбиваясь на ней, покрывали всю мѣстность густой кипящей пѣной. Насъ окружалъ цѣлый флотъ судовъ, вдали виднѣлись два огромныхъ пловучихъ дока, заказанныхъ въ Европѣ и недавно привезенныхъ въ Александрію. Изъ порта вышло нѣсколько англійскихъ и французскихъ пароходовъ, — а мы все стояли на якорѣ. Оттого-ли, что пароходъ Эль-Мазръ былъ слишкомъ великъ, или благодаря излишней осторожности нашего капитана, но было рѣшено, что мы остаемся ночевать въ портѣ. Наконецъ, въ понедѣльникъ утромъ, при нѣсколько уменьшившемся, но все еще довольно сильномъ вѣтрѣ, мы вышли благополучно изъ Александрійскаго порта. Какъ ни значительны были размѣры нашего парохода, но его качало порядочно, такъ что на палубѣ появились больные. На слѣдующій день, еще до восхода солнца, большая часть пассажировъ высыпала на палубу въ нетерпѣливомъ ожиданіи увидѣть Портъ-Саидъ. Солнце поднялось изъ моря въ видѣ краснаго огненнаго шара, освѣтило сначала горизонтъ, а потомъ и всю мѣстность багровымъ свѣтомъ. По мѣрѣ приближенія къ Портъ-Саиду, намъ стали попадаться на пути другіе пароходы, идущіе по этому же направленію. Наконецъ передъ нами вдали показалась какая-то башня — это былъ маякъ Портъ-Саида; скоро представился нашимъ глазамъ и самый городъ. Зрѣлище было довольно необыкновенное. Вдали виднѣлся лѣсъ мачтъ, на которыхъ развѣвалось безчисленное количество разноцвѣтныхъ флаговъ, и затѣмъ, какъ бы на воздухѣ, рядъ невысокихъ домовъ и построекъ. Песчаный берегъ, на которомъ построенъ городъ, до того низокъ, что вдали его почти нельзя было отличить отъ поверхности воды; море, ярко освѣщенное солнцемъ, блестѣло какъ зеркало, а берегъ казался узкою темною полосою, отдѣляющею постройки отъ поверхности воды; постройки какъ будто висѣли на воздухѣ.

Пароходъ нашъ приближался все болѣе и болѣе, и скоро мы

могли разглядѣть простыми глазами двѣ огромныя каменныя дамбы или мола, далеко выдающіеся въ море и обхватывающіе какъ двѣ гигантскія руки Саидскій портъ.

Выборъ этой песчаной плоской косы, лишенной всякой растительности и едва выдающейся изъ моря для постройки новаго города, былъ обусловленъ тѣмъ обстоятельствомъ, что только въ этомъ мѣстѣ Пелузійскаго залива необходимая глубина моря находится на самомъ близкомъ разстояніи отъ берега. Пелузійскій же заливъ лежитъ на исходномъ пунктѣ кратчайшей линіи сообщенія между Краснымъ и Средиземнымъ морями.

Суэзскій каналъ проведенъ почти въ прямой линіи между Пелузійскимъ и Суэзскимъ заливами и потому нисколько не могъ воспользоваться многочисленными притоками Нила, къ которымъ примыкали всѣ прежніе каналы, существовавшіе въ древности. Всѣ древніе каналы, извѣстные подъ разными названіями: канала Дарія, канала Птолемеевъ, канала Траяна, канала Омара,— были собственно не что иное, какъ соединеніе Пелузійскаго рукава Нила съ Герóополитскимъ заливомъ Краснаго моря, нынѣшними Горькими Озерами. Составители проекта, который впослѣдствіи былъ принятъ въ основаніе работъ по сооруженію настоящаго канала, Мужель-Бей, Линанъ-Бей, пришли съ самаго начала къ убѣжденію, что для того, чтобы всемірная торговля могла воспользоваться новымъ путемъ, слѣдовало провести сообщеніе не по прежнему древнему направленію между Ниломъ и Краснымъ моремъ, а въ видѣ прямого морского канала, непосредственно соединяющаго оба моря на кратчайшемъ разстояніи и имѣющаго достаточную глубину, чтобы по немъ могли проходить значительныя суда безъ разгрузки, т.-е. не менѣе 8 метровъ или 26 футовъ.

Самою удобною въ этомъ отношеніи оказалась мѣстность, пролегающая какъ бы по естественному углубленію почвы вдоль четырехъ озеръ: Мензалэ, Белла, Тимзà и Горькихъ Озеръ. Всѣ эти озера, частію мелководныя, частію высыхающія по временамъ, раздѣлены между собою песчаными и изрѣдка каменистыми порогами, незначительно только возвышающимися надъ уровнемъ моря, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстъ около озера Тимза.

Такая естественная ложбина песчаной пустыни вмѣстѣ съ тѣмъ представляла кратчайшую линію между Пелузійскимъ и Суэскимъ заливами, соединяя оба моря на разстояніи 160 верстъ; вотъ почему она и была окончательно избрана мѣстностію для сооруженія канала, и этотъ выборъ обусловилъ вмѣстѣ съ тѣмъ топографическое положеніе Портъ-Саида.

За Саидскимъ портомъ находится большой внутренній бассейнъ, къ которому примыкаютъ еще три небольшіе бассейна.

Къ западу отъ большого бассейна, вдоль берега расположенъ самый городъ, построенный въ видѣ паралеллограмма, прорѣзаннаго прямыми улицами, — дома большею частію въ одинъ и два этажа, въ срединѣ города довольно большая площадь, обнесенная двухъ-этажными домами, въ центрѣ которой красуется фонтанъ. Числительность народонаселенія Портъ-Саида простирается отъ 5,000 до 8,000 душъ; измѣненіе этой цифры зависитъ отъ прилива и отлива работниковъ. Магазины, кофейни и рестораны въ настоящее время уже довольно многочисленны, — такъ, напримѣръ, нижніе этажи почти всѣхъ домовъ, окружающихъ площадь, заняты исключительно кофейнями и магазинами. Кофейни устроены довольно прилично, на французскій ладъ, и нельзя жаловаться на чрезвычайную дороговизну.

Несмотря на громадное стеченіе разнаго народа, наполнявшаго въ день открытія канала всѣ кофейни въ Портъ-Саидѣ, мы платили не болѣе полу-франка за бутылку пива или за чашку кофе, т.-е. почти дешевле чѣмъ въ Петербургѣ. Въ Портъ-Саидѣ оказался даже café chantant, въ которомъ весьма зрѣлыя француженки напѣвали французскіе комическіе романсы, къ немалому удовольствію публики, состоявшей на половину изъ матросовъ всѣхъ національностей.

Смотря на Портъ-Саидъ и на толпы людей, наполнявшихъ всѣ улицы города, мысль невольно переносилась къ тому времени, когда здѣсь была совершенная пустыня. Многіе дома должны были быть первоначально построены на сваяхъ, въ избѣжаніе затопленія волнами, набѣгающими на берегъ, такъ что первый этажъ висѣлъ на воздухѣ и въ него приходилось подниматься по лѣстницѣ. Только мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ расчищался портъ, мѣстность города возвышалась, пока наконецъ насыпь не достигла до уровня перваго этажа домовъ, предохранивъ ихъ навсегда отъ посѣщенія морскихъ волнъ. Къ этому надо присовокупить, что нигдѣ въ окрестностяхъ Портъ-Саида не оказалось колодцевъ; прѣсную воду въ теченіи 5-ти лѣтъ подвозили на верблюдахъ и на баркахъ, изъ Даміэтты; когда привозъ оказывался недостаточнымъ, тогда приходилось раздавать воду рабочимъ порціями. При такихъ условіяхъ положеніе первыхъ инженеровъ, высадившихся на этотъ берегъ, должно было быть довольно безотрадное, и много энергіи и выдержки потребовалось отъ этихъ лицъ, чтобы перенести всѣ невзгоды вѣтра и моря, которымъ они въ началѣ подвергались. Вотъ какъ одинъ изъ первыхъ прибывшихъ описываетъ ихъ положеніе въ 1859 году:

«Мы живемъ въ узкой низменной песчаной полосѣ, расположенной между Средиземнымъ моремъ и озеромъ Мензалэ.

При малѣйшемъ вѣтрѣ волны набѣгаютъ на песокъ то съ одной, то съ другой стороны. Ближайшія населенныя мѣстности отъ насъ—Даміэтта въ 60 верстахъ, и Александрія въ двухъ дняхъ разстоянія отъ будущаго Портъ-Саида. Въ бурное время всякое сообщеніе съ этими городами прекращается, а другихъ въ окрестности не имѣется, если не считать двухъ-трехъ рыбачьихъ поселеній, разбросанныхъ на берегу озера Мензалэ,—самыя значительныя изъ нихъ Матаріэ и Мензалэ, въ которыхъ до 2,000 душъ жителей, тоже на разстояніи 30 верстъ отъ Портъ-Саида,—притомъ единственная провизія, которою можно запастись въ этихъ поселеніяхъ, это рыба и сушеная икра. Намъ обѣщаютъ построить деревянные бараки, но пока мы помѣщаемся въ весьма неудобныхъ палаткахъ. Въ теченіе дня въ этихъ палаткахъ, находящихся подъ лучами солнца, нестерпимый зной, а ночью втягивается сырость и такой холодъ, что покрывшись всѣмъ своимъ гардеробомъ, въ добавокъ къ одѣяламъ, не успѣваешь согрѣться. Въ дополненіе всего, палатки наполняются въ темнотѣ разными земноводными животными, которыя сотнями ползаютъ около постели. Роса скопляется на поверхности палатки, которая подъ тяжестію воды совершенно вгибается и принимаетъ форму воронки».

Повторяемъ, сколько нужно было твердости характера и энергіи, чтобы перенести всѣ эти страданія, а между тѣмъ даже имена храбрыхъ тружениковъ, которые впервые высадились здѣсь на берегъ — забыты, или значатся только гдѣ-нибудь въ счетныхъ книгахъ компаніи; по крайней мѣрѣ, никакой памятникъ не гласитъ о нихъ въ Портъ-Саидѣ.

Войдя въ Саидскій портъ, мы очутились посреди весьма многочисленнаго флота военныхъ и коммерческихъ судовъ всѣхъ націй. Вездѣ было движеніе, кипѣла жизнь, вездѣ замѣчалось какое-то особенное праздничное настроеніе. Вдругъ всѣ суда расцвѣтились флагами, матросы разошлись по реямъ, началась пушечная пальба. При входѣ въ портъ показался красивый французскій пароходъ «Эгль», на палубѣ стояла императрица Евгенія, окруженная блестящей свитой. Скоро послѣ нея вошелъ пароходъ «Грейфъ», на которомъ находился австрійскій императоръ, затѣмъ пароходъ «Грилле» съ прусскимъ наслѣднымъ принцемъ; затѣмъ показался русскій флагъ — это паровой клиперъ «Яхонтъ», на которомъ прибылъ русскій посолъ генералъ Игнатьевъ со свитой изъ Константинополя. Каждое приходящее судно салютовалось, со всѣхъ находящихся въ портѣ военныхъ кораблей, и отвѣчало имъ на салютъ, — канонада продолжалась все утро, представляя совершенно подобіе морской

битвы. Наконецъ, около 11 часовъ все нѣсколько успокоилос въ портѣ, суда заняли указанныя имъ мѣста, въ два часа долж на была происходить религіозная церемонія на берегу, а н другой день рано утромъ былъ назначенъ входъ судовъ въ ка налъ. Мы воспользовались этимъ временемъ для поѣздки н «Яхонтъ». Здѣсь ожидали пріѣзда вице-короля, который, по при нятому этикету, долженъ былъ сдѣлать первый визитъ посл Возлѣ насъ раздался оглушительный выстрѣлъ огромнаго ору дія, которымъ вооруженъ клиперъ, затѣмъ послѣдовалъ дру гой, третій, вдали показалась лодка, украшенная краснымъ бар хатнымъ шитымъ золотомъ балдахиномъ, подъ нимъ сидѣло дв человѣка въ красныхъ фесахъ и темно-синихъ богато-вышитых золотомъ мундирахъ; это были вице-король, хедивъ Измаилъ-паша и его министръ иностранныхъ дѣлъ Нубаръ-паша. Двѣнадцать, одѣтыхъ въ красивые мундиры, египетскихъ лодочниковъ дружно ударяли по водѣ веслами, лодка быстро приближалась, плавно обогнула корму нашего парохода и пристала къ трапу. Вице-король—человѣкъ средняго роста, довольно полный, черты лица его, нѣсколько смуглаго, имѣютъ южно-европейскій характеръ; онъ свободно объясняется по-французски и вообще во всемъ своемъ обращеніи напоминаетъ болѣе европейца, чѣмъ властелина Востока. Нубаръ-паша выше ростомъ, чрезвычайно красивый и стройный мужчина; судя по умному и хитрому взгляду его, Нубаръ-паша долженъ быть человѣкомъ далеко не обыкновенныхъ способностей и повидимому чрезвычайно проницательный; вмѣстѣ съ тѣмъ его ловкое и нѣсколько самоувѣренное и важное обращеніе напоминаетъ, что онъ долго вращался въ дипломатическихъ кружкахъ въ Парижѣ. Нубаръ-паша армянинъ; благодаря своему уму и знанію обращаться съ людьми, онъ пользуется необыкновеннымъ вліяніемъ въ Египтѣ и почти безусловною довѣренностію вице-короля. Если вопросъ о замѣнѣ консульской юрисдикціи международными судами будетъ окончательно проведенъ въ Египтѣ, то это только благодаря такту и уму, съ которымъ Нубаръ-паша, предсѣдатель коммиссіи, повелъ все это дѣло.

Вскорѣ послѣ отъѣзда вице-короля, мы стали собираться на берегъ, чтобы присутствовать при религіозной церемоніи освященія канала, которая должна была совершиться въ этотъ день. На песчаномъ берегу была устроена деревянная пристань, около которой толпились сотни лодокъ, яликовъ и ботовъ всѣхъ размѣровъ и формъ;—египетскіе лодочники, французскіе, англійскіе, прусскіе и русскіе матросы перекрикивались между собою, съ трудомъ пролагая себѣ путь. Весь берегъ на значительномъ

разстояніи былъ украшенъ мачтами, на которыхъ развивались разноцвѣтные флаги. Немедленно за пристанью возвышались деревянныя, довольно пестро украшенныя, тріумфальныя ворота, за которыми другой рядъ флаговъ указывалъ путь, по которому должна была шествовать процессія къ трибунамъ, предназначеннымъ для богослуженія. Вдоль всей этой дороги были выстроены шпалеромъ египетскія войска. Шествіе всей процессіи происходило въ довольно живописномъ безпорядкѣ по узкимъ деревяннымъ мосткамъ, проложеннымъ по глубокому песку, на которомъ мѣстами стояли большія лужи морской воды. Вслѣдъ за вице-королемъ, императрицей Евгеніей и иностранными принцами, хлынула толпа зрителей, и совершенно перемѣшалась съ лицами свиты; всѣ толпились и спѣшили, какъ бы только добраться первымъ, чтобы занять выгодныя мѣста. Разнообразные дипломатическіе и военные мундиры смѣшивались съ сюртуками и пиджаками мѣстныхъ жителей и бурнусами арабовъ; кое-гдѣ пробивались дамы, въ нарядныхъ туалетахъ,—все это текло живою пестрою струей, между войсками, вдоль ряда деревянныхъ домовъ, окна коихъ были наполнены любопытными лицами, смотрѣвшими на эту пеструю картину, освѣщенную яркими лучами солнца. Послѣ десятиминутнаго шествія мы прибыли къ мѣсту, гдѣ должна была происходить религіозная церемонія. Здѣсь на песчаной площадкѣ между двумя пространствами воды, озеромъ Мензалэ и моремъ, были выстроены три трибуны, весьма красиво разукрашенныя флагами и пальмовыми вѣтками. Въ большой средней трибунѣ были устроены мѣста для хедива и прочихъ высочайшихъ особъ; лѣвая трибуна была назначена для магометанскаго духовенства, а правая для католическаго. Говорятъ, что первоначальная мысль была совершить богослуженіе по обряду всѣхъ главнѣйшихъ религій, въ видѣ символа братства всѣхъ народовъ, экономическіе интересы которыхъ должны соединиться во вновь проложенномъ пути. Это однако не вполнѣ удалось, потому что изъ представителей христіанскихъ религій никто, кромѣ католическаго духовенства, не согласились въ этомъ участвовать. По окончаніи богослуженія, оглушительные залпы артиллеріи возвѣстили, что освященіе канала совершилось.

Слѣдующій день былъ то пятое (17) ноября, которое уже за шесть мѣсяцевъ предъ тѣмъ было провозглашено днемъ открытія канала. Входъ судовъ въ каналъ былъ назначенъ рано утромъ, такъ какъ предстоялъ довольно продолжительный путь въ Изманлію, куда первыя суда должны были придти къ вечеру. Намъ объявили, что пароходъ «Эл-Мазръ» едва-ли пойдетъ въ этотъ день, такъ какъ вслѣдствіе его большихъ размѣровъ онъ могъ

засѣсть гдѣ-либо въ каналѣ и преградить путь другимъ судамъ вслѣдствіе того, пассажиры «Эль-Мазра» должны были перебраться рано утромъ на другой пароходъ, «Эль-Габіэ», который долженъ былъ везти ихъ по каналу. Едва начало свѣтать, как уже всѣ пассажиры поднялись на ноги, толпясь около трапа чтобы поскорѣе пробраться на лодки, которыя должны был перевезти ихъ на новый пароходъ, опасаясь, что въ случаѣ запозданія придется оставаться въ Портъ-Саидѣ. «Эль-Габіэ» стоялъ во внутреннемъ бассейнѣ, близъ входа въ каналъ, и мы причалили къ нему часовъ въ 6 утра. Пароходъ этотъ нѣсколько меньше «Эль-Мазра», но тоже довольно значительныхъ размѣровъ, отличался особенно роскошнымъ убранствомъ общаго пассажирскаго салона. Золоченая мебель, бронза и хрусталь, флорентійская мозаика столовъ, богатыя атласныя драпировки надъ дверьми и окнами, драгоцѣнные ковры, весьма артистическая живопись, которыми украшены были стѣны, все это придавало салону парохода сказочно-роскошный восточный характеръ, а мягкіе, низкіе, атласные диваны, окружающіе всѣ стѣны какъ-бы напоминали, что пароходъ «Эль-Габіэ», прежде любимое судно хедива, пока онъ не пріобрѣлъ парохода «Махруся», былъ отдѣланъ для пріема гарема вице-короля, а совершенно не для той весьма разнохарактерной и разнообразной толпы, которая теперь въ немъ прохаживалась. Тутъ были и медіатизированный нѣмецкій принцъ, и австрійскій ученый, и англійскій туристъ и американскій журналистъ и голландскій мичманъ съ военнаго судна, и кого тутъ не было. Нѣкоторые весьма безцеремонно развалились въ сапогахъ на роскошные диваны, другіе расположились съ записными книжками около столовъ, — но всѣ, оставивъ «Эль-Мазръ» на тощакъ, съ особеннымъ вниманіемъ посматривали, не подадутъ ли завтрака. Повидимому, однако, кухня не поторопилась такъ рано перебраться на пароходъ какъ нетерпѣливые пассажиры, потому что очевидно не дѣлалось никакихъ приготовленій для питанія голодающихъ; но опасенія умереть съ голода скоро разсѣялись, когда около восьми часовъ утра къ пароходу пристала лодка съ провизіей и французскимъ кухмистеромъ. Еще не успѣли перенести всѣ ящики на пароходъ и накрыть столы, какъ уже часть хлѣба, вина и фруктовъ, привезенныхъ въ открытыхъ корзинахъ, разошлась по рукамъ пассажировъ, которые весьма безцеремонно спѣшили утолить первый голодъ. Пароходъ между тѣмъ преспокойно лежалъ на якорѣ и не дѣлалось еще никакихъ приготовленій къ отплытію. Стали даже поговаривать, что мы сегодня совсѣмъ не отправимся, что какой-то пароходъ, пошедшій впередъ, чтобъ осмотрѣть все ли въ порядкѣ по ка-

налу, засѣлъ на отмели, и что затѣмъ прочимъ судамъ невозможно войти въ каналъ. Мы уже начинали сожалѣть, что понапрасну рано поднялись съ нашего парохода, такъ какъ въ портѣ все равно, стоять ли на «Эль-Мазрѣ» или на «Эль-Габіэ»,— а войти въ каналъ оставалось мало надежды; но къ счастію мы скоро убѣдились, что всѣ эти слухи были неосновательны. Окружающія насъ суда вдругъ пришли въ движеніе и ровно въ 8 часовъ утра мы увидѣли какъ пароходъ «Эгль» съ императрицею Евгеніей вошелъ въ каналъ. Затѣмъ потянулись всѣ другіе по очереди, которая впередъ была назначена; у каждаго судна на мачтѣ висѣлъ четыреугольный синій флагъ съ номеромъ, по которому онъ долженъ былъ вступить въ ряды другихъ судовъ, отправлявшихся въ каналъ.

Суда шли медленно и на разстояніи 500 метровъ одно отъ другого, такъ какъ въ противномъ случаѣ, при почти одновременномъ входѣ 40 большихъ судовъ въ каналъ, береговое волненіе могло бы сдѣлаться весьма значительнымъ и размыть мѣстами песчаный берегъ канала. Дальнѣйшее теченіе канала было скрыто отъ взоровъ лицъ, находившихся еще въ бассейнѣ, невысокою береговою насыпью, а потому идущія по каналу суда казались какъ бы плывущими по песку пустыни, представляя такимъ образомъ весьма оригинальное и своеобразное зрѣлище. Очередь дошла до насъ довольно поздно. Около 2 часовъ и у насъ стали поднимать якорь, и ровно въ три часа пополудни мы прошли между двумя деревянными, выкрашенными подъ цвѣтъ краснаго песчаника обелисками, украшенными пальмовыми вѣтьвями, которые стоятъ при входѣ въ Суэзскій каналъ. Послѣ долгого ожиданія, энтузіазмъ пассажировъ возросъ значительно; многіе бросились на самый носъ парохода, чтобы *первымъ* войти въ каналъ. Передъ нами открылось обширное низменное озеро Мензалэ, прорѣзываемое каналомъ почти по прямой линіи и отдѣленное отъ канала широкою, но невысокою, насыпью. Передъ нами вдали виднѣлось до 10 пароходовъ, которые какъ черныя точки двигались впередъ по каналу въ равномъ разстояніи. За нами лежалъ Портъ-Саидъ.

Первыя пятьдесятъ верстъ за Портъ-Саидомъ каналъ проложенъ почти по совершенно прямому направленію, имѣя на всемъ этомъ протяженіи полную ширину въ 100 метровъ.

Пароходъ нашъ подвигался медленно, около пяти верстъ въ часъ. Волна, гонимая пароходомъ, едва доходила до берега, нисколько не размывая песчанаго берегового откоса. Все пространство, обнимаемое глазомъ, представляло пустынную равнину безъ всякихъ признаковъ обитаемыхъ мѣстностей. Переносясь

мысленно во времена древности, трудно вѣрится, что въ этой пустынѣ нѣкогда тѣснились богатыя народонаселенія, что здѣсь стояли города въ нѣсколько сотъ тысячъ жителей, какъ напр. Пелузій, подъ стѣнами которыхъ проходили войска Рамзэса, Камбиза, Дарія, Александра Македонскаго, — сюда же присталъ Помпей послѣ фарсальской битвы и былъ здѣсь убитъ по приказанію Птолемея. Нынѣ взоръ путешественника тщетно ищетъ какихъ-либо признаковъ древности, которые бы свидѣтельствовали о прежнемъ историческомъ значеніи этой мѣстности. Время стерло неумолимой рукой всякое вещественное воспоминаніе прошлаго.

По правую сторону канала разстилается однообразная песчаная волнистая степь, — это такъ-называемый азіатскій берегъ. Съ лѣвой стороны, на африканскомъ берегу разлилось озеро Мензалэ. Поверхность стоячей, болотистой воды отражала, какъ зеркало, солнечные лучи. Мѣстами эта блестящая поверхность прерывалась пустынными песчаными островами. Вдали за ними виднѣлся Портъ-Саидъ, изъ-за котораго выглядывалъ маякъ и мачты стоящихъ въ портѣ судовъ. Отъ времени до времени намъ попадались на встрѣчу лодки, которыя тянулись на бичевой вдоль берега. Ихъ тянули бурлаки-арабы, медленно ступая босыми ногами мѣстами по песку и мѣстами въ водѣ.

На пятнадцатой верстѣ отъ Портъ-Саида мы встрѣтили на берегу канала первое поселеніе — Раз-эл-эхъ. Нѣсколько одноэтажныхъ деревянныхъ домиковъ служатъ помѣщеніемъ инженерамъ, смотрителямъ и рабочимъ на этой части канала. Кромѣ того здѣсь устроенъ запасный магазинъ, госпиталь, почтовое и телеграфное отдѣленія. Около нѣкоторыхъ домовъ уже начинаютъ разводить сады; въ сторонѣ возвышается чугунное цилиндрическое строеніе — это резервуаръ прѣсной воды, проведенной изъ Нила вдоль всего берега морского канала. Прѣсноводный каналъ, идущій изъ Гасасина, доходитъ до Измаиліи и затѣмъ направляется на право къ Суэзу. Влѣво прѣсная вода идетъ по чугуннымъ водопроводнымъ трубамъ, проложеннымъ по береговой насыпи и отъ времени до времени прерываемымъ чугунными же резервуарами.

Не имѣя возможности дойти раньше поздняго вечера до слѣдующей стоянки Эль-Кантара и опасаясь плыть въ темнотѣ, мы бросили якорь, рѣшившись переночевать въ Раз-эл-эхъ. Вечеръ былъ чудный, теплота воздуха напоминала наши іюльскіе вечера, а это было въ ноябрѣ. Обѣденный столъ накрыли на палубѣ, потому что никто изъ пассажировъ не рѣшался идти въ каюту, желая насладиться чуднымъ зрѣлищемъ заката солнца, которое

спускалось на горизонтѣ въ озеро Мензалэ, освѣщая всю мѣстность краснымъ заревомъ. Передъ нами слетѣли на воду два пеликана, которыхъ около этой мѣстности должно водиться много, если судить по тому, что одинъ изъ близълежащихъ песчаныхъ островoвъ называется «островомъ пеликановъ». Населеніе Разэл-эха высыпало на берегъ посмотрѣть на проѣзжающихъ, по береговой насыпи прошелъ отрядъ кавалеріи, по направленію къ Измаилліи; нѣкоторыя лошади рвались и бѣсились едва сдерживаемыя сѣдоками, ловко ими управлявшими; одна лошадь скатилась съ песчаной насыпи, повидимому, не причинивъ никакого вреда ни себѣ, ни своему сѣдоку. Вскорѣ послѣ обѣда совершенно стемнѣло,—но вотъ вышла луна и освѣтила серебристыми лучами всю окружающую мѣстность. На палубѣ заигралъ оркестръ военной музыки и такъ какъ между пассажирами было нѣсколько дамъ, то начались оживленные танцы; около 9 часовъ музыка смолкла, но долго еще пассажиры оставались на палубѣ въ веселой бесѣдѣ, любуясь теплою, чудною ночью. Мы отправились въ каюту писать письма; здѣсь мы застали ѣхавшихъ съ нами корреспондентовъ англійскихъ, американскихъ и нѣмецкихъ газетъ, трудящихся уже надъ составленіемъ отчетовъ о Суэзскомъ каналѣ.

Проложеніе канала по болотистой мѣстности озера Мензалэ представляло не мало затрудненій. Выкапывать илъ машинами ни къ чему не вело, потому что прокопанное пространство вскорѣ опять заносилось иломъ, притомъ и число самыхъ машинъ въ распоряженіи строителей было въ началѣ весьма незначительно. Затрудненія были преодолѣны только благодаря трудамъ мѣстнаго населенія, разбросаннаго по озеру Мензалэ и привыкшаго работать въ водѣ и илѣ, растягивая рыболовныя сѣти. Они голыми руками выкопали первое углубленіе канала, по которому впослѣдствіи, когда барщина была прекращена, были проведены на ботахъ тѣ машины, которыми докончена копка. Говорятъ, что администрація, соображаясь съ способомъ копки европейскихъ рабочихъ, устроила надъ водою деревянные помостки, съ которыхъ работники могли бы выгребать лопатами и заступами землю изъ-подъ воды; но арабы, не привыкшіе къ употребленію этихъ орудій, никакъ не могли съ ними совладать: работа не шла, пока имъ не разрѣшили обратиться къ своему собственному весьма элементарному способу копки. Они становились ногами въ воду, выгребали руками илъ, выжимали изъ него воду, и полученныя такимъ образомъ глыбы твердой липкой массы раскладывали по краямъ канала, образуя искусственную ручную плотину, достаточную для противодѣйствія на нѣкоторое время приливу жидкаго ила въ

только-что выкопанное пространство. Этимъ первобытнымъ способомъ было вырыто первое углубленіе канала на протяженіи 44 верстъ, т.-е. вдоль всего озера Мензалэ.

Но обратимся къ нашему плаванію.

Дальнѣйшее плаваніе до озера Белла довольно однообразно; каналъ тянется постоянно по пустыннымъ равнинамъ отчасти песчанымъ, отчасти болотистымъ. На всемъ этомъ пространствѣ послѣ Разъ-эль-эха встрѣчаются только два болѣе значительныя поселенія: Кантара и Эль-Ферданъ. Кантара или Касне-Кантара, значитъ по-арабски *мостъ сокровищъ*, вѣроятно потому, что черезъ это мѣсто пролегаетъ караванный путь изъ Египта въ Сирію. Арабское поселеніе, въ которомъ останавливаются караваны, находится на азіатскомъ берегу въ двухъ верстахъ отъ канала. На самомъ берегу расположено европейское поселеніе, въ которомъ живутъ инженеры и рабочіе канала; характеръ построекъ и вся обстановка въ Кантарѣ и Эль-Ферданѣ весьма похожи на поселеніе Разъ-эль-эхъ, только нѣсколько большихъ размѣровъ. Всѣ эти мѣстности были украшены зеленью и флагами. За Эль-Кантара начинаютъ появляться первые признаки растительности. Тощіе тамарисовые кусты изрѣдка разбросаны по песчаной почвѣ. Легкостью, съ которою принимаются тамарисы при малѣйшемъ орошеніи даже на голомъ песку, намѣреваются воспользоваться, чтобы засадить ими береговые откосы и такимъ образомъ утвердить песокъ, нынѣ легко подверженный дѣйствію вѣтра. Берега канала впрочемъ далеко не на всемъ протяженіи состоятъ изъ зыбучаго песку. Пески преобладаютъ только на срединѣ канала, въ пятидесяти-верстномъ протяженіи между Эль-Кантара и Горькими озерами, хотя и тутъ мѣстами, какъ напримѣръ около Эль-Гшира встрѣчаются известковые и глинистые слои, образующіе довольно твердый грунтъ. По всему протяженію первыхъ пятидесяти верстъ, проложенныхъ по озеру Мензалэ, береговыя дамбы и откосы, состоящіе изъ высохшаго ила съ пескомъ, совершенно отвердѣли и не представляютъ уже никакой опасности. Доказательствомъ твердости и солидности береговой насыпи вдоль Мензалэ можетъ служить то обстоятельство, что по ней уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ проложенъ водопроводъ, который въ теченіе всего этого времени остался цѣлъ и невредимъ. Очевидно, что если бы береговая дамба гдѣ-либо значительно осѣла, или была бы вымыта водой, то водопроводныя трубы на такомъ мѣстѣ должны бы были покривиться или лопнуть, чего однако не случилось.

За Эль-Кантара песчаный берегъ образуетъ значительные холмы, высотою отъ 8 до 10 саженей. Они достигаютъ наи-

большаго возвышенія около Эль-Фердана, такъ что въ этой мѣстности пришлось не только съузить мѣстами ширину канала до 80 и даже до 60 метровъ, но кромѣ того допустить довольно крутой изгибъ, чтобы воспользоваться естественной ложбиной между двумя холмами. Вотъ почему проходъ этого пространства представляетъ нѣкоторую трудность, что намъ и пришлось испытать на собственномъ опытѣ. Нѣсколько не доходя Эль-Фердана, пароходъ нашъ коснулся праваго берега и долженъ былъ остановиться. Благодаря ловкимъ распоряженіямъ капитана, онъ однако скоро снялся съ мели, но при этомъ былъ выведенъ изъ нормальнаго положенія, не могъ немедленно войти въ фарватеръ, и нѣсколько далѣе вторично врѣзался въ берегъ уже гораздо глубже прежняго. Послѣ первыхъ попытокъ сняться съ мели, оказалось, что на это потребуется по крайней мѣрѣ нѣсколько часовъ работы. Пассажирамъ предложили пересѣсть на два небольшихъ рѣчныхъ парохода, которые оказались подъ рукою; всѣ наскоро перебрались на нихъ съ багажемъ; послѣдній занялъ большую часть палубы, такъ что съ трудомъ можно было отыскать мѣсто присѣсть гдѣ-либо на чемоданѣ или ящикѣ. Странствованіе это продолжалось впрочемъ не долго; часа полтора послѣ выхода изъ озера Белла, мы вошли въ обширный бассейнъ озера Тимза, который былъ наполненъ судами, шедшими впереди насъ.

Городъ Измаилія лежитъ въ нѣсколькихъ тысячахъ шаговъ отъ берега озера, отъ котораго онъ отдѣленъ прѣсноводнымъ каналомъ. Широкая песчаная равнина между озеромъ и городомъ представляла удивительное зрѣлище; казалось, что всѣ племена Востока сошлись здѣсь съ представителями всѣхъ европейскихъ странъ. Трудно представить себѣ болѣе пестрое смѣшеніе костюмовъ и лицъ... Вся равнина, лежащая передъ городомъ, преобразовалась въ лагерь; на ней были раскинуты сотни палатокъ для пріюта прибывшихъ гостей. Въ каждой палаткѣ помѣщались по двѣ постели и самая необходимая мебель; передъ палатками валялись чемоданы, ящики, картонки; нѣсколько въ сторонѣ были раскинуты арабскія палатки, въ которыхъ пріютились представители мѣстнаго населенія, приглашенные хедивомъ на праздникъ. По дорогѣ отъ пристани до города и по главной улицѣ были выстроены египетскія войска; повсюду двигалась густая пестрая толпа, въ которой съ трудомъ пробивали себѣ дорогу ослы съ погонщиками, всадники на кровныхъ арабскихъ жеребцахъ и экипажи всѣхъ возможныхъ формъ и самой разнообразной упряжи: тутъ были обыкновенныя коляски, похожія на любой фіакръ въ Вѣнѣ или Парижѣ, коляски, запря-

женныя верблюдами, и изящные фаэтоны à la Daumont, шестерикомъ съ жокеями верхами.

Измаилія—названная такъ въ честь нынѣшняго вице-короля Измаилъ-паши—уже довольно значительный городъ, расположенный по правильно разбитому плану, и перерѣзанный довольно широкими прямоугольными улицами, изъ коихъ нѣкоторыя макадамизированы съ троттуарами по краямъ. Главная улица, Quai Mehmet-Ali, идущая вдоль прѣсноводнаго канала и обращенная лицомъ къ озеру Тимза, обстроена красивыми каменными и деревянными одно-этажными домами, украшенными по фасаду деревянной рѣзьбой въ родѣ швейцарскихъ шалэ. Предъ каждымъ домомъ разведенъ красивый садъ, акаціи перемежаются съ бананами, между деревьями раскинуты клумбы съ яркими цвѣтами. Здѣсь живутъ главнѣйшіе дѣятели Суэзкаго канала: Лессепсъ, Лаваллэ, Гишаръ и другіе. Отыскивая знакомаго, мы вошли въ одинъ изъ этихъ домовъ; внутри дома, на четырехугольномъ дворѣ былъ разведенъ въ восточномъ вкусѣ второй садъ, нѣсколько меньшихъ размѣровъ, въ которомъ прогуливались ручныя серны, пугливо посматривающія на пришельца; кругомъ сада была обведена четыреугольная галлерея, а по угламъ выставлены глиняные арабскіе сосуды съ водою, которою приходящій могъ утолять жажду, возбужденную палящими лучами солнца. На концѣ улицы возвышается дворецъ Измаилъ-паши, еще не совершенно оконченный, въ которомъ вечеромъ былъ назначенъ балъ. За набережной Мехметъ-Али, считающейся аристократическимъ кварталомъ, расположены четыреугольниками группы каменныхъ домовъ, чисто и хорошо построенныхъ; въ одной изъ внутреннихъ улицъ расположены въ видѣ базара лавки, магазины, кофейныя, трактиры и разныя другія увеселительныя заведенія; ими же наполненъ такъ-называемый греческій кварталъ. По значительному количеству подобныхъ заведеній можно было заключить, что запросъ на нихъ не маловаженъ. Въ Измаилію стекалось и стекается рабочее населеніе со всего канала, чтобы запастись нужными вещами, а вмѣстѣ и повеселиться. Намъ доводилось слышать, какъ упрекали компанію Суэзскаго канала въ томъ, что она слишкомъ покровительствуетъ увеселительнымъ заведеніямъ, изъ которыхъ многія устроены на ея счетъ. Въ этихъ винныхъ погребахъ, пивныхъ лавкахъ и рулеткахъ многіе рабочіе спускали всѣ заработанныя деньги, такъ что послѣ продолжительной тяжкой работы возвращались домой почти нищими. Посреди города на большомъ скверѣ, обстроенномъ каменными домами, разведенъ городской садъ, богато убранный цвѣтами и красивыми вьющимися растеніями. Тутъ же въ саду при насъ

какой-то арабъ совершалъ молитву: снявъ верхнее платье и положивъ его на траву, онъ сталъ на колѣни и обратившись лицемъ къ солнцу, по правиламъ Корана, погрузился въ молитву, не обращая никакого вниманія на проходящихъ. При выходѣ изъ сада намъ попался на встрѣчу большой четыреугольный ящикъ, везомый на двухколесной телѣгѣ; на ящикѣ была надпись: *Compagnie d'arrosage public*, точь-въ-точь какъ въ Парижѣ, но въ телѣжку былъ запряженъ верблюдъ, котораго велъ арабъ въ дырявомъ бурнусѣ.

На углу одной изъ улицъ помѣщенъ въ стѣнѣ памятникъ изъ бѣлаго мрамора, посвященный графу Сала, одному изъ первыхъ строителей канала, умершему нѣсколько лѣтъ до окончанія этого громаднаго предпріятія. Вообще многимъ изъ главныхъ дѣятелей не суждено было видѣть осуществленіе дѣла, которому они посвятили всѣ свои труды и заботы. Такъ напримѣръ, Боррель, производившій вмѣстѣ съ Лаваллэ машинную копку большей части канала, умеръ за нѣсколько мѣсяцевъ до открытія его.

Впослѣдствіи намъ удалось еще разъ побывать въ Измаиліи. Видѣвъ Суэзскій каналъ въ праздничномъ нарядѣ, намъ хотѣлось посмотрѣть на него въ обыкновенное время. Нѣсколько дней послѣ окончанія всѣхъ празднествъ, мы отправились въ обществѣ нѣкоторыхъ соотечественниковъ изъ Каира обратно въ Измаилію, снабженные рекомендаціею къ Лессепсу отъ нашего генеральнаго консула. Послѣдняя дала намъ возможность нѣсколько ближе познакомиться съ этимъ замѣчательнымъ дѣятелемъ и провести почти цѣлый день въ его обществѣ.

Лессепсъ не молодъ, ему за шестьдесятъ лѣтъ, но несмотря на то, все въ немъ дышетъ еще необыкновенною энергіей и даже относительною моложавостью, хотя умныя черты лица его и окаймлены густыми сѣдыми волосами. Во всѣхъ его движеніяхъ высказывается нѣкоторая живость и даже отрывочность; по всему видно, что это человѣкъ способный на неутомимую дѣятельность, и привыкшій не терять ни минуты дорогого для него времени. Мы случайно пріѣхали въ Измаилію нѣсколько дней послѣ свадьбы Лессепса. Онъ женился на молодой и красивой дѣвушкѣ, дочери богатаго судостроителя въ Марсели. Все въ домѣ отличалось необыкновенною простотою. Самый домъ, находящійся на набережной Мехметъ-Али, не великъ; по размѣрамъ и устройству комнатъ онъ напоминаетъ наши дачи средней величины. Комнаты меблированы просто, но со вкусомъ и украшены цвѣтами. Большой букетъ, въ красивой вазѣ, стоявшій на столѣ въ гостинной, напоминалъ, что это жилище новобрачныхъ. Около дома,

въ боковомъ флигелѣ расположенъ цѣлый рядъ маленькихъ комнатъ для пріѣзжающихъ гостей, чисто и уютно, но тоже весьма просто убранныхъ. Лессепсъ отличный верховой ѣздокъ и большой любитель лошадей. Однообразная песчаная степь, окружающая Измаилію, служитъ для измаильскихъ жителей, хорошо знакомыхъ со всѣми окрестностями, мѣстностію весьма разнообразныхъ прогулокъ, окрещенныхъ болѣе или менѣе свойственными названіями, напоминающими парижскія окрестности. Такъ напр., мѣстность, обросшая низкими можевельными кустарниками по дорогѣ въ Туссумъ, называется у нихъ Bois de Boulogne, находящееся посрединѣ его болото—les lacs, и т. д.

Лессепсъ не богатъ, несмотря на то, что онъ ворочалъ сотнями милліоновъ; онъ не позаботился при этомъ обезпечить самого себя. Кто знаетъ, съ какою нецеремонною легкостію французскіе антрепренеры и учредители разныхъ обществъ наживаютъ милліоны, тотъ не можетъ не преклониться съ почтеніемъ предъ безкорыстіемъ Лессепса, который служилъ только дѣлу и своей идеѣ, не заботясь о всемъ остальномъ, и выказывая равное пренебреженіе какъ къ деньгамъ, какъ и къ орденамъ, которыми его осыпали со всѣхъ сторонъ.

Мы не станемъ описывать всѣхъ празднествъ, происходившихъ въ Измаиліи въ день открытія канала. Наши читатели вѣроятно уже давно познакомились съ ними по корреспонденціямъ разныхъ газетъ, своевременно и отчетливо о нихъ повѣствовавшихъ. Даровые обѣды, напоминающіе пиршества Раблэ, балъ во дворцѣ хедива, присутствіе разныхъ высочайшихъ особъ, обо всемъ этомъ нынѣ по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ трудно сказать что-либо новое.

На другой день флотъ, собравшійся въ озерѣ Тимза, отправился въ дальнѣйшій путь. При входѣ въ каналъ на этотъ разъ не было соблюдено того строгаго очередного порядка, какъ въ Портъ-Саидѣ. Одно судно старалось перебить путь у другого и опередить его; но такъ какъ поднялся небольшой вѣтеръ, то не разъ случалось, что судно, идущее впереди, вытѣснялось вѣтромъ изъ фарватера, и при медленномъ ходѣ трудно было дѣйствовать рулемъ. Этою неудачею немедленно старались воспользоваться другія судна, чтобы занять очистившееся передовое мѣсто. Несмотря на происходившій безпорядокъ, всѣ суда къ вечеру благополучно вошли въ каналъ. Русскій черноморскій пароходъ «Адмиралъ Коцебу», на которомъ намъ удалось помѣститься, вошелъ въ каналъ около трехъ часовъ и благополучно продолжалъ плаваніе до вечера. Каналъ течетъ на этомъ пространствѣ между высокими песчаными берегами. Къ вечеру

мы подошли къ самому опасному мѣсту, «Серапеумъ», у котораго каменный кряжъ прорѣзываетъ каналъ поперекъ; въ этомъ мѣстѣ ко дню открытія удалось только углубить каналъ до 19 футовъ. Мы шли медленно, слѣдя усиленнымъ вниманіемъ за движеніемъ предшествующихъ намъ судовъ. Еще не совершенно стемнѣло, какъ шедшій передъ нами громадный пароходъ Messageries Impériales «Пелузій» сталъ на мель; пришлось и намъ бросить якорь.

Въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ пассажировъ мы отправились на лодкѣ осмотрѣть то мѣсто, гдѣ остановился пароходъ. Объѣхавъ «Пелузій», мы вышли на азіатскій берегъ и взобрались по высокой насыпи — ноги тонули въ пескѣ почти по колѣни. Съ вершины насыпи взоръ блуждалъ по безконечной волнистой песчаной степи, освѣщенной бѣловатымъ луннымъ свѣтомъ.

Утромъ «Пелузій» лежалъ все еще на прежнемъ мѣстѣ. Мы рѣшились обойти его, хотя нашъ пароходъ, какъ колесный, занималъ много мѣста. Послали промѣрить глубину части канала, оставшейся свободною, и оказалось, что она достаточна. Очевидно было, что «Пелузій» сѣлъ на мель не вслѣдствіе недостатка глубины, а вслѣдствіе затруднительности управлять рулемъ при медленномъ ходѣ столь громаднаго судна, недостаточно нагруженнаго и потому въ значительной мѣрѣ подвергавшагося дѣйствію вѣтра; — оно на ходу отклонилось отъ средины канала и сѣло на мель, упершись въ берегъ. Тихо и осторожно нашъ пароходъ подошелъ къ «Пелюзію»; поровнявшись съ нимъ перебросили на него канаты, чтобы одерживаться во время прохода и не уклониться въ другую сторону. Всѣ пассажиры съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за движеніемъ судна; черезъ нѣсколько минутъ восторженные крики «ура» возвѣстили, что мы благополучно прошли, — съ «Пелузія» экипажъ и пассажиры махали шапками и кричали bravo!

Послѣ непродолжительнаго плаванія между тѣми же однообразными песчаными берегами, мы вошли въ Горькія Озера. Здѣсь видъ мѣстности совершенно измѣняется; пароходъ плыветъ по обширному водному пространству; небольшой вѣтеръ волнуетъ поверхность воды; берегъ виднѣется только издали; — это уже не болотистая и иловатая лужа, какъ Мензалэ, а настоящее озеро. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега уступами возвышаются три хребта горъ, Джебель Генефе, Авебель и Джебель Атака, подходящій къ Чермному морю около самого Суэза. Скалистые хребты горъ, освѣщенные вечернимъ солнцемъ, представляли всѣ оттѣнки цвѣтовъ, отъ бураго до свѣтло-желтаго и ярко-краснаго. Растительности на нихъ не было замѣтно.

Горькія Озера — остатки прежняго дальнѣйшаго углубленія въ материкъ Суэзскаго Залива, — представляли до начатія работъ совершенно высохшій бассейнъ, мѣстами покрытый слоемъ морской соли. Для наполненія его потребовалось впустить до 1,720 милліоновъ кубическихъ метровъ воды (для наполненія озера Тимзá потребовалось только 4 милліона куб. метр.), изъ которыхъ до 300 милліоновъ было поглощено почвой и испареніемъ во время процесса наполненія озеръ. Вслѣдствіе своей величины Горькія Озера служатъ нынѣ уравнителями прилива и отлива воды въ каналѣ. Приливъ и отливъ, неизвѣстные въ Средиземномъ морѣ, существуютъ въ Чермномъ морѣ въ довольно значительномъ размѣрѣ, потому что послѣднее можетъ считаться открытымъ бассейномъ, находящимся въ непосредственномъ сношеніи съ океаномъ. Приливъ и отливъ бываетъ на берегахъ Чермнаго моря отъ 1 до $2^1/_2$ футовъ, а въ исключительныхъ случаяхъ даже до 6 футовъ; между тѣмъ въ Горькихъ Озерахъ уровень воды никогда не измѣняется болѣе какъ на $^1/_2$ фута, а за ними всякое вліяніе прилива и отлива на каналѣ исчезаетъ.

Мы плыли по Горькимъ Озерамъ (ихъ два: большое и малое, соединенныя проливомъ) часа три, по пути проложенному по срединѣ озера между рядомъ маяковъ и вѣхъ. Чугунные пловучіе маяки на якоряхъ устроены по новой системѣ, и вечеромъ освѣщаются электрическимъ огнемъ. Существуетъ предположеніе освѣтить такимъ же электрическимъ огнемъ все протяженіе канала, предположеніе, которое по всей вѣроятности осуществится, какъ скоро судоходство по каналу получитъ такое развитіе, что выскажется потребность въ плаваніи судовъ въ ночное время.

Отъ Горькихъ Озеръ до Суэза не болѣе 20 или 25 верстъ; эта послѣдняя часть канала проходитъ по глинисто-каменистой мѣстности. Окружающія горы все болѣе возвышаются, выступая яснѣе и приближаясь къ морю. Въ четвертомъ часу по полудни предъ нами открылся широкій бассейнъ Суэзскаго залива; за нимъ Чермное море и позади, какъ бы прислоняясь къ горному хребту Атака—самый городъ Суэзъ, который однако въ дѣйствительности лежитъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ горнаго хребта, не доходящаго въ этомъ мѣстѣ до морского берега.

Такимъ образомъ, мы употребили на проходъ канала отъ Портъ-Саида до Суэза ровно три дня. Но въ числѣ этихъ трехъ сутокъ заключаются: цѣлый день проведенный въ Измаиліи и двѣ ночевки въ Разъ-эль-Эхѣ и въ Серапеумѣ. При нормальномъ хотя и медленномъ плаваніи пароходовъ, полагается допу-

стить скорость до 10 верстъ въ часъ, — на проходъ всего канала потребуется 16 часовъ: 8 часовъ отъ Портъ-Саида до Тимза, и столько же отъ Тимза до Суэза. Если затѣмъ прибавить 12-часовую ночевку на озерѣ Тимза, для избѣжанія плаванія по каналу въ ночное время, то на слѣдованіе каравана судовъ въ одинъ конецъ отъ Портъ-Саида до Суэза будетъ потребно 28 часовъ, или нѣсколько болѣе однѣхъ сутокъ.

Суэзскій портъ отдѣляется отъ стараго города мелководными лагунами, по временамъ высыхающими; поперегъ этихъ лагунъ проходитъ, на разстояніи отъ 2 до 3 верстъ, песчаная насыпь саженей десять ширины, соединяющая портъ съ городомъ, по которой проложены рельсы для желѣзной дороги. Но вплоть у самаго порта начинаетъ уже возникать новый городъ, который вѣроятно скоро превзойдетъ значеніемъ старый Суэзъ. Тутъ, во-первыхъ, построенъ громадный сухой докъ, въ который могутъ входить для исправленія величайшіе пароходы англійской компаніи (Peninsular and Oriental), содержащей періодическія сообщенія между Суэзомъ и Индіею. Эта компанія имѣетъ въ настоящее время 67 пароходовъ, всего въ 19,000 силъ, вмѣстимостію до 100,000 тон. Ежегодный приходо-расходный оборотъ ея доходитъ до 120 милліон. франковъ. Возлѣ дока большой каменный домъ, принадлежащій той же компаніи; нѣсколько правѣе расположенъ по берегу цѣлый рядъ другихъ построекъ. Съ открытіемъ Суэзскаго канала, вѣроятно, большая часть пароходныхъ компаній построитъ у самаго порта агентуры и прочія необходимыя зданія; а за ними переселятся вѣроятно изъ стараго Суэза въ новый городъ купцы, коммисіонеры, агенты, маклера. Въ настоящее время приступлено къ осушенію мелководныхъ лагунъ, лежащихъ между портомъ и городомъ, и большая часть вновь созидаемой мѣстности уже роздана египетскимъ правительствомъ разнымъ компаніямъ для постройки пристаней, доковъ, агентуръ и тому подобныхъ учрежденій. Французская компанія Messagerie Impériale, австрійскій Лойдъ, русское Черноморское Общество находятся въ числѣ первыхъ обществъ, получившихъ надѣлы на вновь созидаемой землѣ. Старый Суэзъ, преимущественно арабскій городъ, тѣсный, грязный, съ немощеными пыльными улицами, проходящими между мазанками, окруженными грудами разнаго сора. Въ европейской части города—дома, большею частію съ плоскими крышами, построены изъ желтаго необожженнаго кирпича. Почти во всѣхъ домахъ нижній этажъ занятъ лавками, трактирами, кофейными, передъ дверями которыхъ сидятъ разодѣтыя женщины. По всему видно, что это городъ, въ которомъ главную роль играютъ ма-

тросы и офицеры, съѣзжающіе на берегъ отдохнуть послѣ продолжительнаго морского путешествія, повеселиться и запастись въ магазинахъ необходимыми предметами и разными издѣліями восточной роскоши. Въ Суэзѣ, лежащемъ на перепутьи изъ Китая и Японіи въ Европу, находится, между прочимъ, извѣстный магазинъ китайскихъ и японскихъ фарфоровыхъ вещей, принадлежащій торговому дому Бурдонъ и К°. Но кромѣ того, цѣлыя улицы наполнены лавчонками, въ которыхъ продаются исключительно издѣлія китайскія, японскія, индѣйскія и малайскія.. Близъ дебаркадера желѣзной дороги возвышаются нѣсколько большихъ красивыхъ каменныхъ домовъ, въ томъ числѣ двѣ громадныя гостинницы Hotel d'Orient и Hotel de Suez, устроенныя на англійскій ладъ; вся прислуга въ нихъ состоитъ изъ китайцевъ. Народонаселеніе Суэза, доходившее нѣсколько лѣтъ тому назадъ едва до 4,000 жителей, возрасло уже въ настоящее время до 10,000. До проведенія прѣсноводнаго канала жители Суэза много страдали отъ недостатка воды, которая подвозилась издали на верблюдахъ, а впослѣдствіи по желѣзной дорогѣ, въ особенныхъ вагонахъ-систернахъ. Расходъ на доставку воды доходилъ до 120,000 франковъ ежегодно. Вотъ почему, когда былъ открытъ прѣсноводный каналъ (соединяющійся съ моремъ шлюзами) радость мѣстныхъ жителей была безпредѣльная; — арабы бѣгали по берегу канала, погружали въ воду голову и руки, и никакъ не хотѣли вѣрить, что эта драгоцѣнная вода не утечетъ вся въ море и навсегда сдѣлается даровымъ достояніемъ всѣхъ жителей Суэза.

На другой день рано утромъ мы отправились съ экстреннымъ поѣздомъ желѣзной дороги, предоставленнымъ въ распоряженіе русскаго посла, изъ Суэза въ Каиръ. Дорога пролегаетъ нѣсколько часовъ по голой песчаной степи, почти параллельно съ прѣсноводнымъ каналомъ, берега котораго едва начинаютъ покрываться растительностью; мелкій кустарникъ и трава окаймляютъ его узкой зеленоватой лентой. Мѣстами однообразіе степи прерывается небольшими каменными станціями, между которыми отъ времени до времени попадаются убогія мазанки, въ которыхъ живутъ сторожа дороги,—арабы, какъ и вся прислуга поѣзда. Странно было смотрѣть, какъ изъ этихъ полукруглыхъ кучекъ глины и грязи выходилъ арабъ въ лохмотьяхъ, и совершенно по-европейски отдавалъ честь проходящему поѣзду, поднимая въ рукѣ небольшой четвероугольный зеленый флагъ. Поровнявшись съ Измаиліей, у станціи Нефишъ поѣздъ поворачиваетъ почти подъ прямымъ угломъ налѣво, продолжая путь по песчаной степи еще съ полчаса до станціи Максама. От-

сюда онъ выходитъ изъ степного пространства въ полосу растительности, которая, по мѣрѣ того какъ приближаешься къ Загазигу и Каиру, становится все роскошнѣе. Мѣстность эта, называемая долиною Гессенъ, издавна славится плодородіемъ. Слово *Гессенъ* значитъ по-арабски *земля пастбищъ*; о плодородіи этой мѣстности упоминается уже въ Ветхомъ Завѣтѣ. Поля маисовыя, рисовыя, хлопковыя чередуются по обѣимъ сторонамъ дороги; далѣе попадаются поля сарго и сахарнаго тростника, между полями разбросаны группы тѣнистыхъ деревъ: акацій, платанъ и финиковыхъ пальмъ; повсюду проведены канавы для орошенія полей, на которыхъ поставлены для этой цѣли ручные черпальные приводы. Орудія обработки полей самыя первобытныя: плугъ замѣняется срубленнымъ деревомъ съ заостреннымъ сукомъ, которое влекутъ два верблюда, сопровождаемые арабомъ. Мѣстами верблюды замѣняются въ упряжи буйволами; на нѣкоторыхъ поляхъ жали хлѣбъ, или молотили его подъ открытымъ небомъ волами, медленно движущимися около круговыхъ приводовъ. Стаи голубей летали надъ поверхностью земли; нерѣдко попадались ибисы. Вся эта мѣстность дышетъ какою-то древней библейской поэзіей; воспоминанія о временахъ фараоновъ и о судьбахъ еврейскаго народа невольно возникаютъ въ памяти, даже еслибы древнія библейскія имена, какъ на прим. *Источники Моисея*, и не напоминали здѣсь на каждомъ почти шагу путешественнику, что онъ находится на почвѣ самыхъ богатыхъ историческихъ преданій. Но только-что путешественникъ, забывъ, что онъ летитъ на поѣздѣ желѣзной дороги, успѣетъ погрузиться мыслями въ глубокую древность, какъ глаза его внезапно поражаются представителями новѣйшей промышленной цивилизаціи въ видѣ локомобиля или парового плуга, стоящаго по серединѣ поля. Большая часть плодородныхъ и богатыхъ полей, лежащихъ по обѣимъ сторонамъ желѣзной дороги, принадлежатъ вице-королю или частнымъ людямъ капиталистамъ; феллахскія земли расположены вверхъ по Нилу. Впрочемъ, около Загазига начинаютъ появляться изрѣдка и арабскія деревни; это груды грязныхъ землянокъ, мазанокъ съ плоскими крышами, тѣсно скученныхъ на одномъ мѣстѣ; свободное пространство между двумя землянками обыкновенно наполнено навозомъ; — легко себѣ представить какая въ этихъ жилищахъ, въ коихъ часто люди помѣщаются вмѣстѣ со скотомъ, должна господствовать нечистота, и какое должно быть въ нихъ изобиліе разнаго рода насѣкомыхъ. Если, несмотря на то, здѣсь рѣдко развиваются повальныя болѣзни, то это только благодаря благотворному,

здоровому и сухому египетскому климату; впрочемъ, почти всѣ арабы страдаютъ разными глазными болѣзнями.

Отчасти вслѣдствіе низкой степени умственнаго и промышленнаго развитія, отчасти вслѣдствіе обремененія разными налогами, египетскій народъ, отличающійся необыкновенною добротою, чрезвычайно бѣденъ, несмотря на то, что онъ живетъ посреди плодородной мѣстности, богато надѣленной всѣми дарами природы. Одною изъ главныхъ причинъ бѣдности слѣдуетъ считать существовавшую долгое время въ Египтѣ систему монополій. Эта система была введена, или по крайней мѣрѣ развита до крайности при Мехметъ-Али. Земледѣлецъ и вообще всякій сельскій производитель былъ принужденъ, подъ опасеніемъ строгаго взысканія, сдавать хлѣбъ и всѣ свои произведенія, за исключеніемъ небольшого количества необходимаго для собственнаго потребленія, въ казенные магазины, гдѣ они принимались по извѣстной таксѣ. Если собственныхъ запасовъ не хватало для продовольствія семейства на весь годъ, то производитель долженъ былъ для покупки недостаточнаго количества хлѣба обращаться въ тѣ же казенные магазины, гдѣ онъ принужденъ былъ платить за нихъ гораздо больше, чѣмъ сколько онъ самъ получилъ при сдачѣ въ магазинъ. Результатомъ подобной системы была страшная бѣдность; голодъ и болѣзни господствовали въ деревняхъ, здоровое населеніе которыхъ истощалось кромѣ того постоянными войнами, веденными во время царствованія Мехметъ-Али. Смертность развилась ужасная; многія деревни совершенно опустѣли, поля превратились въ пустынныя земли, которыя подъ названіемъ *Чифликъ* (покинутыя селенія) были присоединены къ имуществу вице-короля, который раздалъ ихъ разнымъ членамъ своего семейства.

Эта убійственная монополія была отмѣнена, когда вступилъ на престолъ Саидъ-паша. Феллахамъ была дарована возможность продавать и покупать произведенія по вольнымъ цѣнамъ и произвольно измѣнять мѣсто жительства. Но лучшія земли остались въ рукахъ вице-короля и его семейства, которымъ принадлежитъ нынѣ въ собственность восьмая часть всего Египта. Самое выгодное производство, воздѣлываніе хлопка, преимущественно сосредоточено на земляхъ вице-короля. Обработка хлопка, получивъ необыкновенное развитіе въ Египтѣ, вытѣснила мѣстами воздѣлку разныхъ хлѣбовъ. Вслѣдствіе того Египетъ, который когда-то славился житницею Европы, въ послѣднее время сталъ нуждаться въ привозномъ хлѣбѣ. Изъ всѣхъ земель, воздѣлываемыхъ феллахами, около одной пятой принадлежитъ имъ въ собственность, а около четырехъ пятыхъ составляютъ соб-

ственность казны; за воздѣлку послѣднихъ они платятъ оброкъ, или отбываютъ барщину. За собственныя земли они платятъ кромѣ того 10% подоходную подать. Какъ тѣ, такъ и другія земли находятся у нихъ въ личномъ владѣніи; ни общиннаго владѣнія, ни общиннаго хозяйства въ Египтѣ не извѣстно. Значительную статью дохода селянина составляютъ финиковыя пальмы, — каждая пальма даетъ ежегодно дохода среднимъ числомъ около 6 таларисовъ (до 30 франковъ), но за то и обложена налогомъ по одному таларису или около 5 франковъ съ дерева.

Послѣ получасовой остановки въ Загазигѣ, довольно большомъ арабскомъ городѣ, въ которомъ производится значительная торговля хлѣбомъ и разными сельскими произведеніями, поѣздъ желѣзной дороги отправился далѣе; намъ осталось только около двухъ часовъ ѣзды до Каира.

Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда. До сихъ поръ мы видѣли только каналъ и степную часть Египта. Александрія тоже не можетъ дать понятія о восточномъ городѣ, — это Петербургъ Египта. Но столица Египта, священный городъ Мазръ-Эль-Каиръ, городъ пальмъ, мечетей, арабскихъ базаровъ и дворцовъ, представлялся нашему воображенію чѣмъ-то сказочнымъ и какъ-бы явленіемъ изъ тысячи и одной ночи. Наконецъ, въ семь часовъ вечера поѣздъ остановился у станціи Каира. Уже совершенно стемнѣло, и потому при въѣздѣ города не было видно. У станціи толпилось множество людей и экипажей. Въ то время, какъ мы возились съ нашимъ багажемъ, къ намъ подошелъ египетскій коммиссаръ, и объявилъ намъ по-французски, что мы можемъ ѣхать прямо въ Shepherds-Hôtel, въ которомъ для гостей хедива приготовлены комнаты. Пользуясь указаніемъ коммиссара, мы сѣли въ коляску и отправились въ Shepherds Hôtel, по улицамъ обстроеннымъ европейскими домами и освѣщеннымъ газомъ къ немалому нашему разочарованію. Въ гостинницѣ, помѣщавшейся въ большомъ каменномъ домѣ на Эзбекіэ, и устроенной на англійскій ладъ, мы дѣйствительно немедленно нашли приготовленное для насъ помѣщеніе. Едва мы размѣстились, какъ пришлось собираться на балъ, который вице-король давалъ въ этотъ вечеръ во дворцѣ Казръ-Эль-Нилъ. Экипажи по этому случаю были внѣ всякой цѣны; за коляску платили по сту франковъ за вечеръ, и даже за эту цѣну трудно было получить экипажъ. При такомъ положеніи дѣла мы рѣшились послѣдовать примѣру большинства пріѣзжихъ и отправиться на балъ верхомъ на ослахъ. Дорога въ Казръ-Эль-Нилъ, версты три, шла по хорошому шоссе, окаймленному каменными троттуарами, между

садами и неоконченными постройками, изъ-за которыхъ мѣстами выглядывали пальмы. Дорога эта, только-что отдѣланная, напоминаетъ нѣкоторыя изъ боковыхъ новыхъ улицъ (Avenues) въ Champs Elysées въ Парижѣ. На концѣ улицы горѣлъ весь въ разноцвѣтныхъ огняхъ дворецъ Казръ-Эль-Нилъ. Это длинный рядъ строеній, окружающій съ трехъ сторонъ два большихъ четыреугольныхъ сквера, прилегающихъ четвертой стороной непосредственно къ берегу Нила. Правая половина этихъ построекъ составляетъ собственно дворецъ, а лѣвая половина —казармы, непосредственно граничащія съ дворцомъ. Эти постройки представляются впрочемъ днемъ въ совершенно другомъ видѣ. Несмотря на то, что зданіе построено очень недавно, вся часть его, отведенная подъ казармы, находится въ полномъ разрушеніи; стекла разбиты, рамы въ окнахъ переломаны, на дворѣ груды мусора и обломковъ, посреди которыхъ разстянуты палатки, въ которыхъ теперь живутъ солдаты, такъ какъ строеніе уже почти необитаемо. Это одинъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ египетской системы экономіи. Каждый годъ строются новые дворцы и казенныя зданія, но ничего не расходуется на поддержаніе ихъ: когда зданіе приходитъ въ ветхость, его покидаютъ и строютъ новыя.

На слѣдующій день, когда мы проснулись, теплое каирское солнце освѣщало не большой, но красивый садъ гостинницы, разбитый на дворѣ передъ нашими окнами и наполненный тѣнистыми акаціями, огромными пенданеа (деревья, пускающія корни изъ вѣтвей, находящихся на разстояніи двухъ, трехъ саженей отъ земли), разнообразными кустарниками, между которыми отличалось индѣйское растеніе съ большими красными цвѣтами (polincetia pulcherrima), розами и другими цвѣтами; посреди сада возвышался фонтанъ изъ бѣлаго мрамора. Мы поспѣшили одѣться и отправиться на подъѣздъ гостинницы, устроенной въ видѣ широкаго балкона. Отсюда можно было обнять взоромъ почти всю европейскую часть города. Передъ гостинницей находится обширный скверъ и садъ Эзбекіэ, обнесенный красивою желѣзною рѣшеткой. Эзбекіэ окруженъ каменными постройками, большею частію гостинницами: Shepherds-Hôtel, Oriental-Hôtel, въ углу сквера окруженный группою пальмъ, наконецъ New-Hôtel, громаднѣйшее зданіе изъ сѣраго камня, похожее на старинный дворецъ, и устроенное со всѣми удобствами утонченнаго европейскаго комфорта. Передъ New-Hôtel расположены три большія зданія: опера, франнузскій театръ и циркъ. Эта часть города напоминаетъ отчасти Брюссель, отчасти итальянскіе города. О Парижѣ вспоминаешь только благодаря новымъ

неоконченнымъ постройкамъ, которыя встрѣчаешь на каждомъ шагу; вездѣ строятъ, ломаютъ, подвозятъ кирпичъ и известку, обдающія васъ пылью при малѣйшемъ вѣтрѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ гостинницы Oriental-Hôtel, начинается арабскій городъ съ улицею Муски, Невскимъ проспектомъ Каира. Муски, самая широкая изъ арабскихъ улицъ Каира, не шире однако любого изъ нашихъ переулковъ, окаймлена высокими домами, построенными въ восточномъ стилѣ. Мѣстами черезъ всю улицу съ одной крыши на другую были переброшены зеленые и красные ковры, для защиты отъ лучей солнца. Эти покрывала въ обыкновенное, не праздничное время замѣняются просто досками, которыя раскладываются съ крыши на крышу и отѣняютъ улицу. По всей Муски нижніе этажи домовъ заняты магазинами и лавками, которые придаютъ этой улицѣ чрезвычайно пестрый видъ; сначала идутъ разные европейскіе магазины модные, галантерейные, книжныя лавки, аптеки; затѣмъ магазины начинаютъ перемежаться арабскими лавками; число которыхъ постоянно увеличивается, по мѣрѣ того какъ подвигаешься далѣе по улицѣ. Передъ каждой лавкой стоятъ стулья или скамьи, на которыхъ сидятъ покупатели, разговаривая съ хозяиномъ лавки и разсматривая товары, часто самъ лавочникъ - ремесленникъ тутъ же на улицѣ занимается выдѣлкою предметовъ своей торговли. Около средины улицы возвышается мечеть, которая издали кажется сложенною изъ бѣлаго и краснаго мрамора, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что она оштукатурена известкой и раскрашена бѣлымъ и краснымъ цвѣтомъ. Муски всегда наполнена массою народа; тутъ толпятся и европейцы, и арабы въ полосатыхъ бурнусахъ, и нубійскіе негры, черные какъ смоль, одѣтые въ лохмотья, и армяне въ полуевропейскомъ, полуазіатскомъ костюмѣ, и евреи; — тоже разнообразіе и въ женскихъ типахъ: тутъ можно видѣть и арабскую женщину-работницу въ синемъ или черномъ бумажномъ балахонѣ, перетянутомъ черезъ голову и соединенномъ съ нижнею частію одежды металлическимъ украшеніемъ, которое приходится противъ носа, такъ что видны одни ея глаза, и турчанку въ пестромъ одѣяніи изъ бумажной матеріи, и левантинку, никогда не выходящую пѣшкомъ, а разъѣзжающую всегда на ослѣ, завернутую въ широкое черное тафтяное одѣяніе, которое она поддерживаетъ съ обѣихъ сторонъ растопыренными руками, такъ что издали похожа на какой-то черный пузырь; и представительницъ восточнаго demi-monde'а въ голубыхъ и розовыхъ атласныхъ одѣяніяхъ; и европейскихъ дамъ въ роскошныхъ парижскихъ модныхъ костюмахъ;—все это образуетъ одну пеструю толпу. Посреди этой толпы бѣжитъ,

крича, человѣкъ съ палкою въ рукѣ, въ красивомъ бѣломъ одѣ нiи, опоясанный широкою пестрою шалью, съ босыми ногам длинные бѣлые рукава развѣваются на воздухѣ какъ крылья,- это *саисъ*; передъ нимъ толпа расходится въ стороны, давая д рогу коляскѣ, которая за нимъ несется. Въ Каирѣ ни один экипажъ не разъѣзжаетъ по городу безъ саиса или скороход даже часто всадники вмѣсто жокеевъ сопровождаются саисам при узкихъ невымощеныхъ, постоянно наполненныхъ народом улицахъ безъ саиса трудно было бы и ѣздить, такъ какъ эки пажъ катится по мягкой дорогѣ безъ шуму: приходилось б ѣхать шагомъ или постоянно подвергаться опасности задавит кого-либо изъ проходящихъ. По Муски проходятъ постоянн всѣ религiозныя процессiи; тутъ можно встрѣтить почти еже дневно или свадебную процессiю, ведущую невѣсту, закутанну съ головы до ногъ въ красное кумачевое покрывало, обвѣ шанную разными золотыми монетами и украшенiями, тихо мѣрно шествующую подъ балдахиномъ, поддерживаемомъ четырьмя копьями, при оглушительныхъ звукахъ болѣе или менѣе значительнаго оркестра музыки, въ сопровожденiи всего семейства, родственниковъ и мусульманскаго духовенства, — или погребальную процессiю такъ-называемыхъ арабскихъ святыхъ, гробъ которыхъ несутъ на плечахъ, окруженный разными знаменами, и разныя другiя процессiи. Пробравшись съ трудомъ черезъ всю эту пеструю толпу до середины улицы и поворотивши налѣво, мы входимъ въ безконечный рядъ самыхъ узкихъ переулковъ, исключительно наполненныхъ лавками—это знаменитый базаръ Ханъ-Халифъ. Тутъ продаются арабскiя, сирiйскiя и другiя восточныя ткани, шитыя золотомъ и шелкомъ, готовые костюмы, ковры, туфли и разныя кожаныя издѣлiя, драгоцѣнные чубуки, древнее оружiе, бирюза, золотыя и серебряныя издѣлiя — и все это въ маленькихъ грязныхъ лавчонкахъ. Продавецъ обыкновенно арабъ, не понимающiй ни слова ни на одномъ европейскомъ языкѣ; вы показываете какую-нибудь вещь и знаками спрашиваете цѣну; на это онъ, молча, пальцами начинаетъ отсчитывать вамъ число франковъ или золотыхъ, составляющихъ цѣну означеннаго предмета. Покупателя и продавца немедленно обступаетъ толпа зѣвакъ, которые съ интересомъ слѣдятъ за результатомъ торга; изъ толпы отдѣляется обыкновенно армянинъ, который предлагаетъ вамъ служить переводчикомъ; наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ и выторговавъ весьма значительную уступку, покупка совершается. Вы отправляетесь далѣе, но услужливый переводчикъ, если вы разъ обратились къ его услугамъ, уже не отстаетъ отъ васъ ни на

шагъ и продолжаетъ служить вамъ проводникомъ, довольствуясь весьма умѣреннымъ вознагражденіемъ двухъ-трехъ франковъ за нѣсколько часовъ проведенныхъ съ вами.

Противъ базара Ханъ-Халифа, направо изъ Муски, ведетъ большая улица къ каирской цитадели, окруженной гробницами халифовъ. Цитадель, вмѣстѣ съ мечетью Мехметъ-Али, лежитъ на высокомъ скалистомъ холмѣ, господствуя надъ всѣмъ городомъ. Необыкновенно высокіе и стройные минареты мечети, какъ два исполинскихъ копья, возвышаются на переднемъ фасадѣ строенія. Въ этой мечети погребенъ Мехметъ-Али; его великолѣпную гробницу, высѣченную изъ камня съ разными арабскими надписями и золотыми украшеніями, показываютъ всѣмъ путешественникамъ, при чемъ проводникъ обыкновенно разсказываетъ разные факты изъ жизни этого замѣчательнаго лица, такъ высоко поднявшаго въ свое время значеніе Египта. Всѣ подобные разсказы интересны тѣмъ, что они рисуютъ нѣсколькими рельефными чертами, легко врѣзывающимися въ память слушателя, весьма удачную характеристику той смѣси жестокости, энергіи и грандіозности, которыя отличали всѣ дѣйствія Мехметъ-Али. Такъ, напримѣръ, разсказываютъ вамъ, находясь на пути въ Верхній Египетъ, Мехметъ-Али получилъ извѣстіе о вспыхнувшемъ въ Каирѣ бунтѣ; съ быстротою молніи возвратился онъ въ свою столицу для подавленія возстанія и наказанія виновныхъ; его несчастный саисъ палъ мертвымъ отъ изнеможенія, въ тотъ самый моментъ, какъ онъ въѣзжалъ въ каирскія ворота.

Въ цитадели происходила, 1-го марта 1811 года, рѣзня мамелюковъ. Мамелюки, какъ извѣстно, составляли въ Египтѣ родъ преторіанской гвардіи, пользовавшейся необычайнымъ вліяніемъ и накопившей несмѣтныя богатства. Желая избавить страну отъ пагубнаго вліянія этого всемогущаго войска, Мехметъ-Али пригласилъ всѣхъ начальниковъ мамелюковъ на пиръ въ цитадель. Они явились въ праздничныхъ одѣяніяхъ безъ оружія; но едва только они вошли въ цитадель, какъ въ узкомъ проходѣ бросились на нихъ албанцы, которые для этой цѣли предварительно были помѣщены въ засадѣ по приказанію Мехметъ-Али, и всѣхъ ихъ перерѣзали. Изъ приглашенныхъ на пиръ мамелюковъ спасся только одинъ Гананъ-Бей, соскочившій на конѣ съ высоты восьми-саженной скалы. Мѣсто это до сихъ поръ показывается всѣмъ путешественникамъ; оно называется *Прыжокъ Мамелюка* (le Saut du Mameluk). Конь его палъ мертвымъ, — всадникъ же отдѣлался нѣсколькими ушибами и ему удалось спастись; но ощущенія, испытанныя имъ во время этой катастрофы, по-

дѣйствовали на несчастнаго такъ сильно, что онъ вслѣдъ затѣмъ сошелъ съ ума. Все громадное имущество мамелюковъ было конфисковано въ пользу вице-короля. За мечетью находится небольшой дворъ, на которомъ похоронены всѣ вмѣстѣ мамелюки, умерщвленные 1 марта 1811 г.; находясь въ мечети возлѣ гробницы Мехметъ-Али — изъ окна мы видѣли у самой стѣны мечети кладбище мамелюковъ. Такимъ образомъ, и виновникъ этой рѣзни и его жертвы покоются теперь мирно вѣчнымъ сномъ въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другого.

У подошвы холма, на которомъ стоитъ цитадель, по обширному пустынному каменисто-песчаному мѣсту разбросаны въ безпорядкѣ гробницы древнихъ халифовъ. Это полу-разрушенныя четвероугольныя постройки изъ желтаго песчаника, въ древнемъ арабскомъ стилѣ, накрытыя куполомъ, разукрашеннымъ самыми затѣйливыми арабесками и арабскими письменами, высѣченными въ камнѣ. Къ сожалѣнію, почти ничего не дѣлается для сохраненія этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ древней арабской архитектуры.

Съ терассы цитадели взорамъ посѣтителя представляется чудная панорама. Почти необозримая масса домовъ, между которыми разбросаны группы роскошныхъ тѣнистыхъ деревъ и пальмъ, мѣстами возвышаются куполы мечетей, шпицы легкихъ минаретовъ; на второмъ планѣ широкая сѣрая полоса Нила, окаймляющая городъ; за нимъ степь, а на горизонтѣ пирамиды Гизé. Вдоль самого Нила расположена загородная часть Каира— форштадты. Здѣсь многое напоминаетъ южную Италію, напр. высокія стѣны, окаймляющія по обѣимъ сторонамъ улицы, изъ-за которыхъ выглядываетъ зелень оранжевыхъ деревъ. Въ архитектурѣ каирскихъ домовъ проявляется какая-то смѣсь восточнаго стиля съ греческимъ и итальянскимъ. Очевидно, что греки какъ въ южной Италіи, такъ и здѣсь оставили свой отпечатокъ. Даже утварь, которая попадается на глаза путешественнику, часто представляетъ необычайное сходство съ утварью отрытою въ древней Помпеи. Въ Помпеи вино хранилось въ большихъ глиняныхъ остроконечныхъ сосудахъ, которые устанавливались въ нѣсколько рядовъ вдоль стѣны дома и засыпались по горло землей для сохраненія прохлады. Тѣ же сосуды и совершенно въ томъ же видѣ расположенные мы видѣли и въ Каирѣ. Такимъ образомъ, въ Египтѣ сохранились до сихъ поръ въ первообразномъ своемъ видѣ формы и обычаи, которые господствовали въ южной Италіи около 2000 лѣтъ тому назадъ; не служитъ ли это лучшимъ доказательствомъ того, что и самый способъ производительности народа остался до сихъ поръ въ Египтѣ

на той же степени развитія, на которой онъ находился тысячу лѣтъ тому назадъ, весьма мало затронутый тѣмъ внѣшнимъ напускомъ цивилизаціи, которую уже болѣе тридцати лѣтъ египетское правительство старается укоренить въ странѣ.

Осмотрѣвъ самый городъ, намъ оставалось еще ознакомиться съ окрестностями Каира. Дорога, параллельная съ Ниломъ, ведущая въ Шубру,—роскошный садъ, въ которомъ помѣщается гаремъ Галимъ-паши, дяди вице-короля, живущаго нынѣ въ Константинополѣ—представляетъ любимую прогулку каирскихъ жителей. Ряды величественныхъ сикоморъ и акацій, окаймляя дорогу, придаютъ ей видъ безконечной тѣнистой аллеи. Зелень этихъ деревъ до того густа, что лучи солнца почти не могутъ проникать на дорогу. По обѣимъ сторонамъ дороги расположены роскошные дворцы и виллы родственниковъ и приближенныхъ вице-короля. Всѣ эти зданія большею частью въ новѣйшемъ итальянскомъ стилѣ и окружены небольшими, но весьма красиво устроенными садами. На второй или третьей верстѣ отъ Каира строенія прекращаются и передъ глазами зрителя открывается широкій кругозоръ: съ лѣвой стороны Нилъ, а за нимъ безпредѣльная степь; на берегахъ Нила мелькаютъ вдали пальмы и группы лиственныхъ деревъ;—съ правой стороны разстилаются богатыя поля, прорѣзываемыя прѣсноводнымъ каналомъ. Каждый день около трехъ часовъ пополудни по Шубрской аллеѣ прогуливается и проѣзжаетъ весь каирскій beau-monde. На концѣ аллеи за желѣзной рѣшеткой въ боскетѣ кустовъ, тѣнистыхъ деревьевъ, и окруженный самыми яркими цвѣтами Востока, возвышается дворецъ, въ которомъ и помѣщается гаремъ Галимъ-паши. Рѣдко приходится видѣть такую массу мандариновыхъ деревьевъ, вѣтви коихъ изгибаются подъ тяжестью спѣлыхъ плодовъ, обдающихъ всю мѣстность душистымъ ароматомъ,—какъ въ Шубрскомъ саду. Для посѣтителей, снабженныхъ входнымъ билетомъ, садъ открытъ ежедневно до 3-хъ часовъ. Послѣ 3-хъ часовъ онъ предоставленъ въ исключительное распоряженіе обитательницъ дворца, въ который не допускаются нескромные взоры постороннихъ посѣтителей.

Кромѣ Шубрской аллеи по обоимъ берегамъ Нила разбросано еще нѣсколько дворцовъ Измаилъ-паши, изъ которыхъ несомнѣнно самый красивый Эль-Джезиръ, лежащій по ту сторону Нила и отличающійся особенною роскошью убранства; мраморныя колоннады, фонтаны, золото и всякія драгоцѣнныя украшенія останавливаютъ взоры посѣтителя на каждомъ шагу.

Напротивъ Эль-Джезира, по-сю сторону Нила находится знаменитый бюлакскій музей египетскихъ древностей, открытыхъ

большею частію въ гробницахъ и древнихъ храмахъ, находящихся вблизи пирамидъ, устроенный египетскимъ правительствомъ по указанію извѣстнаго археолога Маріатта и состоящій подъ его управленіемъ.

На нѣкоторомъ разстояніи отъ Шубры, внизъ по Нилу, расположено поперегъ рѣки громадное каменное сооруженіе — шлюзы, извѣстныя подъ названіемъ *barrage du Nil*. Эта постройка изъ краснаго кирпича, сооруженная въ готическомъ стилѣ, представляетъ рядъ каменныхъ шлюзовъ поперегъ всего Нила, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ развѣтвляется на Розетскій и Даміетскій рукава. Главная задача этихъ шлюзовъ—регулированіе воды Нила послѣ разлитія. Когда разливъ бываетъ сильный, какъ въ прошломъ году, шлюзы открываются и лишняя вода безпрепятственно стекаетъ въ Средиземное море. Если же весенній разливъ, вслѣдствіе недостатка дождей, не великъ, тогда шлюзы закрываются, и вода сдержанной въ своемъ теченіи рѣки возвышается въ уровнѣ и распредѣляется почти на тоже пространство, какъ и въ года сильныхъ разливовъ. Кромѣ того, около этого мѣста устроено весьма значительное укрѣпленіе для защиты Каира отъ непріятеля, который вздумалъ бы подняться вверхъ по Нилу. Укрѣпленіе Баража—это каирскій Кронштадтъ.

Около пятидесяти верстъ за станціей желѣзной дороги расположенъ, въ степной мѣстности, ипподромъ и всѣ необходимыя устройства для скачекъ Аббассіэ.

Поѣздка на знаменитыя пирамиды Гизе́ представляетъ нѣсколько болѣе дальнюю экскурсію. Пирамиды эти находятся верстахъ въ десяти отъ берега Нила, на рубежѣ воздѣлываемой плодоносной полосы земли и голой степи. Съ осмотромъ пирамидъ путешественники соединяютъ обыкновенно дальнѣйшую поѣздку въ степь, до развалинъ храма Сераписа, лежащихъ близъ древняго Мемфиса...

Послѣ десятидневнаго пребыванія въ Каирѣ и вторичнаго посѣщенія Измаиліи, о которомъ мы упоминали выше, пришлось собираться въ обратный путь. 21-го ноября (3-го декабря) мы отправились съ утреннимъ поѣздомъ желѣзной дороги въ Александрію, простившись съ каирской роскошной природой, съ каирскимъ синимъ небомъ и благодатнымъ климатомъ. Какъ бы предвѣстникомъ европейской и особенно петербугской осени, мы въ Александріи застали уже сѣрое небо и бурную дождливую погоду.... На другой день пароходъ *Il Principe Carignano* отправился съ нами въ Бриндизи.

Обращаясь къ вопросу о вліяніи открытія Суэзскаго канала на преобразованіе всемірной торговли вообще и русской въ частности, необходимо прежде всего дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, до какой степени сооруженіе канала можно считать удовлетворительнымъ, т.-е. до какой степени онъ будетъ соотвѣтствовать всѣмъ условіямъ и потребностямъ такъ-называемаго большого морского судоходства. Принятый размѣръ глубины 8 метровъ, или около 27 футовъ, совершенно достаточенъ для прохода самыхъ большихъ морскихъ судовъ, съ полнымъ грузомъ; но до какой степени этотъ размѣръ осуществленъ въ дѣйствительности и въ какой мѣрѣ обезпечены условія существованія канала въ будущности?

Нельзя не сознаться, что до самаго послѣдняго времени общественное мнѣніе большей части европейскихъ странъ относилось съ крайнимъ недовѣріемъ къ необыкновенному предпріятію Лессепса. Громадность потребныхъ сооруженій и самая новость дѣла не могли однако служить причиною этого недовѣрія, потому что во время начатія работъ уже были достигнуты столь необычайные результаты по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Европѣ, что нельзя было сомнѣваться въ томъ, что техника механическаго искусства будетъ въ состояніи совладать и съ возникающимъ новымъ дѣломъ. Существовавшее предубѣжденіе было скорѣе вызвано съ одной стороны неумѣренностью, съ которою въ разныхъ французскихъ журналахъ и даже въ собственномъ органѣ Лессепса, газетѣ «Isthme de Suez», расточались преувеличенныя похвалы его предпріятію;—а съ другой стороны, опасеніемъ перестановки въ разныхъ существующихъ экономическихъ и промышленныхъ интересахъ, перестановки, которая могла последовать за измѣненіемъ направленія всемірнаго торговаго пути; наконецъ, въ этомъ же смыслѣ могли дѣйствовать и нѣкоторыя политическія опасенія, о которыхъ мы упомянули выше. Но какія бы ни были тому причины, нельзя оспаривать, что строгость далеко недоброжелательныхъ критическихъ отзывовъ о каналѣ ясно указывала на существованіе почти всеобщаго предубѣжденія противъ предпріятія Лессепса. Недовѣріе доходило до того, что даже въ Портъ-Саидѣ, въ моментъ открытія канала, носились самые разнообразные слухи о томъ, что плаваніе по немъ оказывается невозможнымъ, что первое, сѣвшее на мель, судно остановитъ всѣ остальныя и что можетъ быть не одному изъ нихъ не удастся достигнуть до Суэза. Другіе выражали опасеніе, что собравшіеся въ Портъ-Саидѣ пароходы можетъ быть и дойдутъ до Суэза, но что вслѣдствіе сильнаго движенія воды, произведеннаго проходомъ столь значительнаго числа парохо-

довъ, берега канала будутъ размыты и русло его засорится такъ, что при невозможности слѣдовать обратно тѣмъ же путемъ всѣмъ судамъ, желающимъ возвратиться въ Европу, придется избрать дальній круговой путь около мыса Доброй Надежды.

Къ счастію, ни одно изъ этихъ опасеній не осуществилось на дѣлѣ. Сорокъ девять судовъ всѣхъ величинъ и размѣровъ, вошедшія въ каналъ у Портъ-Саида, благополучно достигли Суэза. Были остановки, нѣкоторыя суда садились на мель и задерживали временно движеніе слѣдовавшихъ за ними судовъ (впрочемъ, изъ всѣхъ 49, это случилось, сколько намъ извѣстно, только съ двумя пароходами, именно: «Пелузомъ» и «Эль-Габіэ»); но не только они не заносились пескомъ, какъ это предсказывали многіе, а снимались послѣ нѣкоторыхъ усилій и затѣмъ благополучно продолжали путь. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывалась даже возможность обходить сѣвшія на мель суда, какъ это случилось напр. съ русскимъ колеснымъ пароходомъ «Адмиралъ Коцебу», который въ довольно узкомъ проходѣ Серапеума обошелъ сѣвшій на мель пароходъ общества Messageries Impériales «Пелузій». Между тѣмъ это былъ первый опытъ плаванія большихъ пароходовъ по каналу, и опытъ, сдѣланный разомъ полсотней судовъ, причемъ строгій порядокъ слѣдованія не всегда могъ быть соблюденъ; при выходѣ изъ озера Тимза суда перебивали другъ другу дорогу, стараясь пройти одно раньше другого, сталкивались между собою, относились вѣтромъ въ сторону и временно выходили изъ фарватера и, несмотря на то, проходили благополучно, кромѣ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ. При значительномъ числѣ судовъ, для всѣхъ не хватило лоцмановъ, такъ что нѣкоторыя проходили каналъ безъ нихъ; но и самые лоцмана еще не имѣли полной опытности, потому что имъ впервые приходилось вести по каналу суда столь значительныхъ размѣровъ, сила давленія коихъ на воду и условія движенія въ каналѣ еще не были достаточно изслѣдованы. Такимъ образомъ, можно сказать, что проходъ судовъ чрезъ Суэзскій каналъ въ день открытія происходилъ при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, каковыхъ разумѣется впослѣдствіи при нормальномъ плаваніи уже болѣе не встрѣтится; суда будутъ входить въ каналъ по опредѣленному порядку, лоцмана пріобрѣтутъ бóльшую опытность и потому будутъ дѣйствовать съ большею увѣренностію.

Касательно размѣровъ глубины канала можно сказать, что суда должны были разгрузиться до 18 футовъ, потому что на скалистомъ порогѣ Серапеума была ко дню открытія достигнута только глубина въ 19 футовъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что

три четверти канала имѣли нормальную глубину 8 метровъ, и только на порогахъ Эль-Гишра, Серапеума и Шалуфа глубина измѣнялась между $5^1/_2$ и 7 метрами. Однимъ словомъ, ко дню открытія каналъ еще не былъ совершенно оконченъ и это было ошибкою со стороны компаніи. Почти за годъ впередъ было объявлено, что открытіе канала послѣдуетъ 5-го (17-го) ноября 1869 года, и дѣйствительно 5-го (17-го) ноября, въ 10 часовъ утра, суда собравшагося въ Портъ-Саидѣ всемірнаго флота начали входить въ каналъ. Какъ это ни было эффектно, но можетъ быть было бы благоразумнѣе отложить время открытія до совершеннаго окончанія работъ, которое не могло потребовать весьма продолжительнаго времени, при тѣхъ громадныхъ механическихъ средствахъ, коими располагала компанія канала. Въ подтвержденіе нашихъ словъ мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь отзывъ капитана Нэрса, командовавшаго англійскимъ судномъ «Ньюпортъ», которое было послано великобританскимъ правительствомъ въ Египетъ съ порученіемъ присутствовать при открытіи канала, для производства изслѣдованія относительно его годности для плаванія большихъ судовъ. Въ отчетѣ, представленномъ лондонскому гидрографическому бюро, онъ подтверждаетъ, что три четверти канала можно было считать совершенно оконченными ко дню открытія, прибавляя касательно расчистки каменнаго порога у Серапеума и дополнительнаго углубленія канала около Эль-Гишра и Шалуфа, что нельзя сомнѣваться, что эти работы будутъ окончены въ весьма непродолжительное время. Далѣе, собственно о судоходности канала, онъ говоритъ слѣдующее: «если какое-либо судно и попадетъ на мель, то при мягкомъ песчаномъ грунтѣ канала это нисколько не можетъ ему повредить; впрочемъ, лоцмана скоро пріобрѣтутъ необходимую опытность; имѣя опытныхъ людей и выбросивъ по лоту съ каждой стороны судна, плаваніе по каналу не представляетъ никакихъ затрудненій, если только держаться средины. Еслибы впослѣдствіи въ фарватерѣ гдѣ-либо образовалась песчаная отмель, то она легко можетъ быть расчищена, благодаря тѣмъ средствамъ (машинамъ), которыя находятся въ распоряженіи компаніи. Необходимыя мѣры предосторожности ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, которыя надо имѣть въ виду при плаваніи въ каждой рѣкѣ, и притомъ небольшое число и слабость изгибовъ представляютъ важное преимущество при плаваніи въ Суэзскомъ каналѣ».

Предсказанія капитана Нэрса относительно непродолжительности времени, которое потребуется на совершенное окончаніе канала, вполнѣ подтвердились. Телеграфическою депешею изъ Измаилiи, отъ 8-го февраля нов. ст., правленіе компаніи объявило,

дополнительнымъ выпускомъ акцій, добыть тѣ сто милліоновъ франковъ, которые въ настоящее время едвали бы удалось собрать компаніи.

Обращаясь къ вопросу о вліяніи Суэзскаго канала на всемірную торговлю, казалось бы, что даже a priori, т.-е. не входя въ разсмотрѣніе подробностей, нельзя сомнѣваться въ томъ, что проложеніе канала по столь важной мѣстности, какъ Суэзскій перешеекъ, вызоветъ глубокій переворотъ не только въ торговомъ мореплаваніи, но и вообще во всѣхъ условіяхъ торговыхъ сношеній съ Востокомъ. Суэзскій каналъ, соединяя Средиземное море съ Чермнымъ, доставляетъ необыкновенное сокращеніе въ пути, сравнительно съ плаваніемъ вокругъ мыса Доброй Надежды, какъ показываютъ нижеслѣдующія цифры:

	Длина пути въ морскихъ миляхъ:		
	Около мыса Доброй Надежды.	Чрезъ Суэзскій каналъ.	Количество сокращенія пути.
Изъ Англіи въ Бомбей .	10,860	6,020	4,840
» Нью-Іорка . . .	11,520	7,920	3,600
» С.-Петербурга . .	11,610	6,770	4,840
» Марсели	10,560	4,620	5,940
» Одессы	12,000	4,000	8,000

Можетъ ли столь громадное сокращеніе пути не отозваться на удешевленіи фрахтовъ и на пониженіи цѣнъ главнѣйшихъ произведеній Востока на европейскихъ рынкахъ, и наоборотъ, европейскихъ произведеній на восточномъ рынкѣ, и не вызвать вслѣдствіе того значительнаго расширенія всѣхъ торговыхъ сношеній съ Востокомъ!?

Несмотря на то, не мало выражалось сомнѣній относительно ожидаемаго вліянія Суэзскаго канала на азіатскую торговлю; сомнѣнія эти основались главнымъ образомъ на опасности судоходства въ Красномъ морѣ и на существованіи уже транзитнаго желѣзно-дорожнаго пути въ Египтѣ.

Посмотримъ, насколько эти возраженія основательны.

Въ настоящее время дѣйствительно судоходство по Чермному морю считается опаснымъ—но преимущественно для парусныхъ судовъ. Возможность пароходнаго сообщенія по этому морю доказана пароходами Peninsular and Oriental Company, содержащими уже нѣсколько лѣтъ періодическіе рейсы между Бомбеемъ и Суэзомъ. Съ устройствомъ бóльшаго числа маяковъ и съ изданіемъ болѣе подробныхъ морскихъ картъ, существующая опасность судоходства по Чермному морю будетъ постоянно уменьшаться и для парусныхъ судовъ. Но мы готовы допустить,

что выгода, которую парусныя суда будутъ извлекать изъ прохода по Суэзскому каналу, будетъ несравненно менѣе той выгоды, которая выпадетъ на долю пароходовъ, такъ что во всякомъ случаѣ благоразумнѣе основывать всѣ разсчеты пока исключительно на паровомъ судоходствѣ. По Чермному морю вѣтры (муссоны) дуютъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ одномъ направленіи, а это не можетъ не затруднять плаваніе парусныхъ судовъ въ водахъ этого моря. Кромѣ того, парусныя суда не могутъ проходить по каналу иначе, какъ съ помощью буксирныхъ пароходовъ, что́ съ другой стороны будетъ значительно увеличивать для нихъ расходы; эти два обстоятельства, по нашему мнѣнію, гораздо болѣе, чѣмъ опасность плаванія по Чермному морю, будутъ удерживать парусныя суда отъ направленія на новый путь чрезъ Суэзскій проливъ.

Обращаясь къ существующему желѣзно-дорожному транзиту чрезъ Египетъ, нельзя не принять въ разсчетъ необходимость двойной перегрузки товара въ Суэзѣ и въ Александріи и неизбѣжныхъ задержекъ при отправленіи значительныхъ количествъ товаровъ по желѣзной дорогѣ, управленіе которой далеко нельзя признать безукоризненнымъ. Но кромѣ того, самыя цифры указываютъ на несравненно бо́льшую дешевизну провоза по каналу. Въ настоящее время, при провозѣ товара цѣльными вагонами, египетская желѣзная дорога взимаетъ плату по 35 франковъ съ ласта среднимъ числомъ, кромѣ того, за выгрузку и нагрузку въ Александріи платится 7 франковъ; въ Суэзѣ особенной платы за это не взимается, такъ какъ нагрузка включается въ провозную плату на пароходахъ Peninsular and Oriental Company. На основаніи приведеннаго разсчета, ластъ товара, платящій на каналѣ всего 10 франковъ, при провозѣ сухимъ путемъ чрезъ перешеекъ платитъ около 42 франковъ, т.-е. вчетверо болѣе. Нельзя поэтому не придти къ заключенію, что сухопутный транзитъ не будетъ въ состояніи конкуррировать съ провозомъ по каналу.

Такимъ образомъ, весь вопросъ въ сущности сводится къ тому, какое значеніе имѣютъ паровыя суда въ настоящее время въ восточной торговлѣ, и какъ велико общее количество товара, которое питаетъ эту торговлю.

На основаніи этихъ двухъ данныхъ, въ современной прессѣ выведены разсчеты о количествѣ товаровъ, на проходъ которыхъ можетъ разсчитывать Суэзскій каналъ, до крайности несходные между собою.

Между тѣмъ какъ французскіе журналы доходятъ до цифры

11 милліоновъ тоннъ, англійскіе журналы, и въ главѣ ихъ «Экономистъ», предвидятъ не болѣе одного или двухъ милліоновъ.

Чтобы понять столь громадную разницу, необходимо нѣсколько ближе вникнуть въ систему разсчетовъ каждой стороны.

Французскіе писатели, какъ напр. Маріюсъ Фонтанъ (La marine marchande), берутъ за основаніе разсчетовъ 1865 годъ. Въ этомъ году итогъ морского торговаго движенія между европейскими и американскими портами и портами Востока доходилъ до 5.800,000 тоннъ. Принимая съ 1865 по 1870 тотъ же процентъ приращенія торговаго мореходства, какъ и въ предшествующее пятилѣтіе, т.-е. съ 1860 по 1865 г.—можно предположить, что итогъ всего движенія товаровъ между Востокомъ и Западомъ долженъ былъ достигнуть въ 1870 г. до цифры 8.500,000 тоннъ. Вышеприведенныя цифры основаны на оффиціальныхъ отчетахъ о емкости судовъ въ разныхъ портахъ, между тѣмъ извѣстно, что дѣйствительное количество товаровъ, погружаемое въ судно, стало значительно расходиться въ послѣднее время съ оффиціальною емкостію его. Благодаря устройству, позволяющему помѣщать значительное количество товара на палубу парохода, оказывается, что нѣтъ почти судна, въ которомъ бы не было погружено 25, 50 и до 100% товару болѣе того количества ластовъ, которое показано въ бумагахъ судна. Принимая среднее превышеніе дѣйствительной погрузки только въ 25%, оказывается, что вышеприведенную цифру 8.500,000 слѣдуетъ увеличить до 11.000,000 тоннъ. Половина этого количества, т.-е. отъ 5 до 6 милліоновъ, составляетъ, по французскимъ разсчетамъ, ту массу товара, которая можетъ направиться на Суэзскій каналъ.

Весь этотъ расчетъ основанъ такимъ образомъ не на дѣйствительной цифрѣ торговаго движенія 1869—1870 годовъ, а на приблизительно вычисленной, которая явно преувеличена уже потому, что пропорція приращенія въ 1865—1870 г. была далеко не такъ значительна, какъ въ предшествующій пятилѣтній періодъ. Если превышеніе дѣйствительной погрузки противъ оффиціальнаго исчисленія и можно считать неоспоримымъ фактомъ, то едвали на немъ можно основывать разсчеты прибылей компаніи, такъ какъ 10-франковая транзитная пошлина взимается по каналу съ оффиціальной емкости судна, объ увеличеніи же размѣра сбора включеніемъ добавочнаго груза въ разсчетъ едвали можетъ быть рѣчь, такъ какъ уже теперь жалуются на чрезмѣрность существующей пошлины. Наконецъ, предположеніе, что половина общаго итога представляетъ то

количество товара, которое должно пойти по Суэзскому каналу, также голословно, какъ и остальныя части разсчета.

Англійскій журналъ «Economist» принимаетъ за основаніе своего разсчета 1867 годъ, такъ какъ съ тѣхъ поръ, по его словамъ, судоходство на Востокѣ не увеличилось значительно, а за 1868 годъ еще нельзя было имѣть оффиціальныхъ свѣдѣній о судоходствѣ всѣхъ странъ.

Въ 1867 г. общій итогъ восточной торговли доходилъ до 5.500,000 тонъ, но изъ всего этого количества, по мнѣнію «Экономиста» на Суэзскій каналъ можетъ направиться только тотъ товаръ, который въ настоящее время перевозится сухопутнымъ транзитомъ чрезъ Александрію и Суэзъ, а также все количество пароходныхъ грузовъ, огибающихъ нынѣ мысъ Доброй Надежды.

Участіе Англіи въ сухопутной транзитной торговлѣ черезъ Египетъ опредѣляется въ настоящее время цифрою 231,900 тоннъ ежегодно; присоединяя къ этому торговлю прочихъ странъ и принимая въ разсчетъ естественное приращеніе этой цифры при облегченіи движенія товаровъ по каналу, «Экономистъ» увеличиваетъ выше приведенное количество втрое, опредѣляя его въ 695,000 тоннъ. Движеніе англійскихъ пароходовъ около мыса Доброй Надежды можно принять въ настоящее время въ 50,000 тоннъ; полагая, что при сокращенномъ пути по Суэзскому каналу каждый пароходъ можетъ сдѣлать удвоенное число рейсовъ и прибавляя такое же количество тоннъ на пароходы другихъ странъ — получается 200,000 тонъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію «Экономиста», 895,000 тонъ (695,000 + 200,000) или круглымъ числомъ около милліона тоннъ, представляетъ то количество товаровъ, которое нынѣ можетъ направиться на Суэзскій каналъ. Затѣмъ «Экономистъ» допускаетъ, что при самыхъ выгодныхъ обстоятельствахъ это количество, вслѣдствіе развитія пароходства, можетъ увеличиться черезъ нѣсколько лѣтъ до двухъ милліоновъ, что однако потребуетъ постройки сорока 2000-тонныхъ пароходовъ, совершающихъ не менѣе шести рейсовъ въ годъ.

Въ теченіе первыхъ трехъ, четырехъ лѣтъ вышеприведенный разсчетъ вѣроятно окажется довольно вѣрнымъ; но намъ кажется, что «Экономистъ», допуская при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ только приращеніе до 2.000,000 тоннъ, не принимаетъ достаточно во вниманіе условія общаго развитія пароходства въ сравненіи съ паруснымъ судоходствомъ и причины, замедлявшія до сихъ поръ это развитіе въ восточной торговлѣ.

Несмотря на то, что общее число парусныхъ судовъ въ Европѣ до сихъ поръ значительно превышаетъ число пароходовъ, процентъ приращенія послѣднихъ гораздо значительнѣе процента приращенія первыхъ.

Такъ, напр., въ самой Англіи построено:

Въ 1855	году	233	парохода	въ 81,108	тоннъ	и 865	парус. судовъ	въ 242,182
Въ 1865	»	382	»	» 180,000	»	» 922	»	» 236,000

Въ теченіи десяти лѣтъ количество тоннъ строимыхъ парусныхъ судовъ не только не увеличилось, но даже нѣсколько уменьшилось, между тѣмъ какъ постройка пароходовъ увеличилась почти на 125%.

Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ судоходства, напр. въ каботажномъ плаваніи, пароходы въ послѣднее время почти совершенно вытѣснили парусныя суда.

Если сравнивать, однако, общую пропорцію между пароходами и парусными судами, съ отношеніемъ между этими двумя категоріями судовъ въ мореходствѣ около мыса Доброй Надежды, то нельзя не замѣтить крайней несообразности. Общее количество тоннъ наличныхъ парусныхъ судовъ во Франціи и Англіи вмѣстѣ доходитъ нынѣ до 6.800,000; изъ нихъ около 932,000 тоннъ приходится на одни пароходы, т.-е. *около 14 процентовъ*. Между тѣмъ въ итогѣ торговаго движенія около мыса Доброй Надежды, достигающаго 5,500,000 [1]) тоннъ,—роль англійскихъ пароходовъ, по словамъ «Экономиста», ограничивается 50,000 тоннами, а если присовокупить пароходное движеніе остальныхъ странъ, то итогъ составитъ не болѣе 100,000 тоннъ, или *около 2% всего торговаго движенія*. Цифра эта въ семь разъ менѣе вышеприведеннаго отношенія. Такая разница объясняется тѣмъ, что до сихъ поръ при дальнихъ плаваніяхъ парусныя судна сохраняютъ еще безусловное преимущество передъ пароходными по той причинѣ, что пароходы принуждены отводить часть своего помѣщенія подъ уголь, питающій машину, между тѣмъ какъ парусныя суда могутъ почти всю свою ёмкость наполнять товарами, чѣмъ значительно удешевляется фрахтъ. Само собою разумѣется, что это невыгодное обстоятельство значительно уси-

[1]) Цифра 6,800,000 соотвѣтствуетъ ёмкости наличнаго числа судовъ во Франціи и Англіи, а цифра 5,500,000 количеству тоннъ торговаго движенія (причемъ одинъ пароходъ можетъ войти въ разсчетъ нѣсколькими рейсами), хотя по этому означенныя цифры не совершенно однородны, но такъ какъ здѣсь все дѣло только въ отношеніи, то это не вредитъ общему разсчету.

ливается по мѣрѣ удлинненія рейса, потому что чѣмъ продолжительнѣе плаваніе, тѣмъ бо́льшимъ количествомъ угля необходимо запасаться на дорогу. Вотъ почему при дальнемъ плаваніи около мыса Доброй Надежды пароходы играли до сихъ поръ столь незначительную роль. Но именно съ открытіемъ Суэзскаго канала главное затрудненіе устраняется; не только самый путь сокращается на половину, но, кромѣ того, проходя черезъ каналъ, пароходы могутъ дѣлать въ Портъ-Саидѣ и Суэзѣ новый запасъ угля,—а при этихъ условіяхъ ненормальное отношеніе между пароходами и парусными судами въ восточной торговлѣ должно быстро измѣниться. Если принять во вниманіе это весьма важное обстоятельство, то нельзя не придти къ заключенію, что по всей вѣроятности въ теченіе какихъ-нибудь пяти, шести лѣтъ общее товарное движеніе по Суэзскому каналу дойдетъ *по крайней мѣрѣ до трехъ милліоновъ тоннъ.*

Цифра эта такъ значительна, что она не можетъ не отозваться на условіяхъ всемірной торговли, — притомъ и въ финансовомъ отношеніи она будетъ достаточна для полнаго обезпеченія акціонеровъ.

Такъ какъ изо всего количества акцій въ Россіи подписано болѣе 24,000, такъ что, послѣ Франціи и Австріи, наше отечество является третьею изъ европейскихъ странъ по денежному участію въ Суэзскомъ предпріятіи, то мы считаемъ не излишнимъ нѣсколько пояснить и финансовую сторону вопроса. Весь расходъ по сооруженію канала составляетъ понынѣ около 420 милліоновъ франковъ. Изъ нихъ 200 милліоновъ внесены акціонерами, сто милліоновъ получены выпускомъ облигацій, которыя обошлись компаніи до 10%, а остальные 120 милліоновъ составились изъ 80 милліоновъ, полученныхъ отъ египетскаго правительства въ вознагражденіе за измѣненіе концессіи, и изъ 40 милліоновъ, полученныхъ подъ выпускъ такъ-называемыхъ *делегацій*, въ пользу которыхъ вице-король отказался отъ дивиденда, причитающагося на его часть акцій. Поэтому означенные 120 милліоновъ можно не принимать въ разсчетъ при опредѣленіи доходности предпріятія.

Пятипроцентный дивидендъ на акціи потребуетъ 10 милліоновъ франковъ въ годъ, такая же сумма необходима на уплату процентовъ по облигаціямъ (такъ какъ онѣ обошлись въ 10%); наконецъ, на расходы по управленію и по содержанію канала исчислено также по 10 милліоновъ въ годъ; такимъ образомъ, общая сумма составитъ 30 милліоновъ франковъ.

Компанія взимаетъ нынѣ по 10 франковъ съ тонна, и если

присовокупить пассажирскіе, якорные, портовые, буксирные и другіе мелкіе сборы, то весь доходъ можно принять въ 13 франковъ. Цифра эта при торговомъ движеніи въ 2 милліона тоннъ составитъ 26 милліоновъ франковъ, а при 3 милліонахъ тоннъ 39 милліоновъ франковъ ежегоднаго дохода.

Изъ всего этого разсчета оказывается, что пока торговое движеніе по Суэзскому каналу не превзойдетъ одного милліона тоннъ, компанія будетъ въ дефицитѣ; при двухъ милліонахъ покроются: расходъ на содержаніе канала, проценты по облигаціямъ, и кромѣ того останется на долю акціонеровъ отъ 2—3%. Наконецъ, при трехъ милліонахъ тоннъ, до которыхъ движеніе по каналу, по нашему исчисленію, можетъ дойти въ непродолжительное время, за уплатою расходовъ содержанія и процентовъ облигацій, останутся на долю акціонеровъ до 19 милліоновъ франковъ, или почти 10%.

Вліяніе открытія Суэзскаго канала спеціально на русскую торговлю трудно въ настоящее время опредѣлить съ нѣкоторою точностью. Изъ таблицы сокращенія пути по новому направленію оказывается, что наши черноморскіе порты находятся въ этомъ отношеніи въ самомъ выгодномъ положеніи; затѣмъ остается только желать, чтобы наше судоходство вполнѣ воспользовалось этимъ благопріятнымъ для него условіемъ. Общее количество торговаго движенія въ нашихъ южныхъ портахъ доходило въ 1868 году до 7842 судовъ—въ 1,382,000 тоннъ, изъ нихъ подъ русскимъ флагомъ было въ приходѣ и въ отходѣ 916 судовъ въ 225,460 тонъ, — что составляетъ среднюю ёмкость въ 300 тоннъ. Одна эта цифра показываетъ, что всѣ русскія суда не большихъ размѣровъ. На первое, по крайней мѣрѣ, время едвали, кромѣ пароходовъ черноморскаго Общества пароходства и торговли, найдутся у насъ на югѣ довольно значительныя суда, могущія предпринять плаваніе на Востокъ.

Въ товарахъ, получаемыхъ нами съ Востока, нѣтъ недостатка; одного чаю идетъ этимъ путемъ приблизительно до 600,000 пудовъ, если присоединить еще хлопокъ, индиго, разныя пряности и нѣкоторые другіе товары, то мы получимъ цифру превышающую полтора милліона пудовъ, весьма почтенную и могущую служить пищею для довольно значительнаго числа судовъ; но другой вопросъ — найдутъ-ли эти суда достаточное количество фрахта изъ Россіи на Востокъ? Разрѣшеніе этого вопроса можетъ послѣдовать только на основаніи указаній опыта. Въ послѣднее время мы стали вывозить на Востокъ (Египетъ) значительное число скота и нѣкоторое количество муки; вѣроятно къ

этимъ двумъ главнымъ статьямъ присоединятся со временемъ и разные другіе товары въ болѣе значительномъ количествѣ, но едвали въ настоящее время возможно сказать что-либо опредѣлительное.

Не предрѣшая вопроса о степени участія нашего собственнаго торговаго судоходства въ движеніи по Суэзскому каналу, можно однако принять за достовѣрное, что съ открытіемъ послѣдняго торговое значеніе нашихъ южныхъ портовъ должно во всякомъ случаѣ усилиться, потому что даже иностраннымъ судамъ, перевозящимъ въ настоящее время чай и разныя произведенія Востока, потребляемыя въ Россіи, окажется болѣе выгоднымъ доставлять грузъ въ Одессу и другіе южные россійскіе порты, чѣмъ привозить ихъ въ Петербургъ. Вотъ почему по всей вѣроятности значеніе для Россіи складочныхъ рынковъ чаю и другихъ восточныхъ товаровъ въ Лондонѣ, Гамбургѣ и Кёнигсбергѣ значительно уменьшится, между тѣмъ какъ начнутъ установляться подобные же склады въ Одессѣ и въ прочихъ русскихъ черноморскихъ и азовскихъ портахъ.

Такимъ образомъ, осуществленіе предпріятія Лессепса, при успѣшномъ ходѣ дѣла, можетъ только благопріятно отозваться на развитіи экономическихъ интересовъ Россіи.

Ѳ. Тернеръ.

БЕЗПРІЮТНЫЙ

Шоссейные типы, характеры, картины и сцены съ натуры.

....Я сидѣлъ у воротъ на лавочкѣ въ одной маленькой пришоссейной деревушкѣ, весь отдавшись нѣмому созерцанію шумныхъ шоссейныхъ проявленій.

Все обстояло благополучно: въ десяти домахъ, изъ которыхъ состояла деревушка, я насчиталъ шесть кабаковъ, три *бѣлыя* харчевни, два постоялыхъ двора и нѣсколько мелочныхъ лавочекъ. Такой широкій коммерческій размахъ и притомъ въ такомъ незначительномъ уголкѣ давалъ бы самое отличное понятіе о торговой предпріимчивости туземцевъ, еслибы вся деревенька, въ буквальномъ смыслѣ, не была залита мертвецки-пьяными толпами, которыя бѣсновались на улицѣ на разные манеры.

Звуки гармоникъ и балалаекъ, лившіеся изъ широко-распахнутыхъ кабаковъ, горластыя пѣсни и унылые взвизги искалѣченныхъ шарманокъ, — все это скорѣе располагало думать не о торговомъ пунктѣ, въ которомъ кипитъ энергическая и болѣе или менѣе молчаливая работа, а какъ бы о какомъ-то сказочномъ *островѣ безпрерывныхъ веселостей и наслажденій*...

Бравой походкой, нисколько несвойственной сивымъ бородамъ, ко мнѣ подскочилъ вдругъ какой-то старикъ, голова котораго вся поросла сѣдыми, лохматыми космами. Театрально подперши руки въ бока, онъ уставилъ въ меня свои маленькіе, съуженные глазки и съ азартомъ закричалъ:

— Подь сюда! подавай мнѣ, майору, сію же минуту лепортъ.

Тутъ старикъ топнулъ ногою, сморщилъ брови, повелительно надулъ губы—и въ такой позѣ долго и пристально всматривался въ меня, какъ будто заранѣе обсуждая содержаніе ожидаемаго отъ меня лепорта.

— Ха, ха, ха! разразился онъ наконецъ старческимъ хохотомъ, пополамъ съ удушливымъ кашлемъ. А ты думалъ, золотой, что это я на тебя вправду командую? А, ха, ха, ха! Нѣтъ, братъ, я добрый.

Несмотря на разныя развеселыя штуки, которыя продѣлывалъ старикъ, мнѣ легко было повѣрить словамъ его рекомендаціи: красноватые и слезливые глаза его, въ дѣйствительности, были очень добры и кротки.

Еще въ первые дни моего знакомства съ деревушкой, прежде всѣхъ ея шоссейныхъ дивъ, я уже примѣтилъ этого старика въ истасканномъ сыромъ чапанѣ, но молодецки накинутомъ на одно плечо и всегда безъ шапки. Случалось и такъ, что его выкрики залетали съ шоссе въ мою комнату и будили меня. Они даже предупреждали ранніе звуки пастушьяго рога. Однимъ еще только глазкомъ солнце поглядывало на шоссейныя безобразія, продѣланныя ночью, а уже мнѣ слышно было, какъ старикъ, то, какъ бы буйствуя, погаркивалъ на проѣзжавшіе по улицѣ народы, возводя ихъ, болѣе чѣмъ скромныя, общественныя положенія, въ высокіе ранги генералъ-майоровъ, полковниковъ и даже, какъ онъ говорилъ, фидьмаршаловъ,—то своимъ обыкновеннымъ ласковымъ тономъ онъ привѣтствовалъ всю эту трудовую, закорузглую и потому страшно обозленную, толпу граціозными эпитетами, въ родѣ: золотенькаго милашечки, голубочка, андельчика и т. д. до безконечности.

Еще на желтомъ отъ ночной росы шоссе рѣяли какіе-то сѣренькія, игривыя тѣни, обыкновенно летающія въ предутренней молчаливой природѣ,—еще изъ пьяныхъ головъ, безпомощно пріютившихся въ канавахъ, прохладная ночь не успѣла прогнать сумазбродныхъ грезъ, а старикъ уже дежурилъ на шоссе—и, по своему обыкновенію, пошумливалъ и погаркивалъ:

— Литенантъ! Ты што дѣлаешь, бѣсъ? А?

— Пааш-шол-лъ тты!.. уклончиво отвѣчало ему веселое утро угрюмымъ и пропившимся басомъ.

— Какъ пошолъ? Ты это, дьяволокъ, лошадей-то мутной водой поить вздумалъ? Ты рази не знаешь, какъ лошади на вашего брата за это серчаютъ?... А?...

— Па-аш-шолъ!...

— Осина горькая! Поди чаю напейся съ похмѣлья-то, али вина. Очнись! Я ужъ самъ коней-то напою. Нечево кулачиной-то намахиваться. Самъ тебя завсегда могу смазать, золотенькій! Этакъ ли тебѣ сладко покажется отъ моего засвѣту!.. Хе, хе, хе!

— Па-аш-шол-лъ! Вмѣстѣ съ пропившимся утреннимъ голо-

сомъ, погромыхивали бубенцы чьихъ-то измученныхъ и потому вздрагивавшихъ лошадей.

Слышно было, какъ кто-то пересиливалъ кого-то, потомъ что-то тяжелое грузно бухалось въ телѣгу, раздавался топотъ копытъ, сопровождаемый звономъ бубенцовъ — и, послѣ всего этого, на затихшемъ на минуту шоссе, снова полетывалъ беззаботною птицей веселый крикъ старика:

— Съ Бог-гомъ! Супругѣ! Дѣткамъ! Скажи имъ: дѣдъ, молъ вамъ по гостинчику обѣщалъ принесть. Хе, хе, хе! Любятъ ребята гостинцы-то ѣсть...

Какъ-то особенно пріятно было просыпаться отъ этого веселаго и шутливаго голоса.

Встанешь, разбуженный имъ, выйдешь къ воротамъ и видишь: стоитъ на шоссе какой-то отрепанный старикашка въ самой обезпеченной позѣ, — распѣваетъ онъ различныя веселыя пѣсни, прерывая ихъ по временамъ для того, чтобы предупредить путниковъ на счетъ пріятныхъ случайностей, могущихъ встрѣтиться съ ними на шоссейномъ пути.

— Э-э-э! Проснись, проснись поскорѣе, удалецъ! А то на одной оглоблѣ домой-то поѣдешь. Вишь вонъ молодцы-то какіе милые въ канавкѣ-то залегли. Это они твои боченочки облюбовываютъ...

— Што? што? торопливо спрашиваетъ сонный проѣзжій.

— Ничево! Губернаторъ проѣхалъ сейчасъ, такъ приказывалъ тебѣ верхнюю губу колесомъ отдавить. Распустилъ ты ее очень по дорогѣ-то. Эхъ! Не бережливъ же ты пареневъ на счетъ губъ,—шутилъ старикъ, между тѣмъ какъ милые молодцы, любовавшіеся на боченки проѣзжаго, подняли изъ канавы шаршавыя головы и принялись грозить старику:

— Погоди, майоръ! Погоди, старая шельма! Попадешься ты къ намъ когда-нибудь въ лапу. Мы тебя погладимъ...

— Ладно! соглашается старикъ—и въ ту же минуту всѣмъ его вниманіемъ овладѣваетъ какая-нибудь другая жизнь, появившаяся на шоссе.

Мнѣ давно хотѣлось затащить къ себѣ этого старика — и вотъ онъ сидитъ со мной на приворотной лавочкѣ, наивно рекомендуетъ свою собственную доброту, дружески поталкиваетъ въ бокъ и, осмотрѣвши меня своими, какъ-бы на что-то жаловавшимися глазами, вдругъ освѣдомляется:

— А что, полковничекъ (какъ бы тебѣ о семъ дѣлѣ доложить?), нѣтъ ли у тебя пятачка взаймы до завтрашняго утра? Вѣрь, другъ, отдамъ. Вотъ наношу завтра воды въ трактирѣ—

и отдамъ. Я на этотъ счотъ справедливъ. Ты, можетъ, полагаешь, что я, выпивши, забуяню, или за нехорошія слова примусь? Ни! Ни! Выпить я — выпью; но забидѣть кого... Да сохрани меня Царь небесный!

Говорилъ это старикъ убѣдительнымъ тономъ человѣка, который всѣ свои силы направилъ къ тому, чтобы и другіе, какъ и онъ, выпивать бы себѣ выпивали, а буянить, или нехорошими словами ругаться,—ни, ни! Сохрани Богъ!

— Ухъ! Забрусило какъ натощакъ-то! блаженно покряхтывалъ старикъ, закусывая крендълькомъ наскоро обдѣланную выпивку. Какъ есть по-майорски хватилъ — цѣльную косушку. Хе! То-есть такъ это пріятно съ просонья старичку Божьему опохмѣлиться. Очень дюже согрѣваетъ. Я только однимъ виномъ и держусь теперь. Ежели бы я имъ не занимался, давно бы ужъ и порѣшилъ. Такъ точно! Ты, братъ-полковникъ, не сомнѣвайся! Нечево на меня глазами-то вскидывать... Мнѣ объ этомъ лекарь одинъ говорилъ. Онъ теперь, извѣстно, самъ съ кругу спился—и, признаться даже въ запивойствѣ въ своемъ, приворовывать, помалости, сталъ; но л-леч-читъ... размое мое!.. Можно чести приписать! Имѣетъ похвальные листы отъ именитыхъ господъ. Бумаги широкія — и все съ разноцвѣтными печатьми: кое мѣсто изъ краснаго сургуча приляпана, кое изъ зеленаго. Ну теперича ходитъ онъ по нашимъ палестинамъ и къ примѣру исцѣляетъ... Такъ штоже я тебѣ скажу, сударь ты мой? Сидимъ мы съ нимъ однажды въ кабакѣ, онъ мнѣ и объявляетъ: ежели ты, говоритъ, Ѳедоръ, не желаешь скончаться скоропостижно, такъ до самой смерти безъ перерыву и пей. И не увидишь, говоритъ, какъ умрешь. Словно, какъ бы, на телѣжкѣ подъ гору скатишься... А перервешь, будетъ съ тобою ударъ. У него такихъ случаевъ много бывало, — какже! Я, признаться, вѣрю ему, потому, ахъ какой добрый человѣкъ этотъ лекарь! Да по нашимъ сторонамъ и всѣ ему вѣрятъ и денегъ съ него никто не беретъ, ни за ѣду, ни за ночлегъ; а бабы ему—такъ и рубашками жертвуютъ—старенькими. Нельзя, другъ, не жертвовать. Слабъ, слабъ; а все же онъ человѣкъ есть. Такъ ли я говорю, господинъ фидьмаршалъ?

— Такъ! Такъ! поспѣшилъ я согласиться съ старикомъ, не желая прерывать ринувшагося на меня словеснаго потока, который лился изъ стариковскихъ устъ съ тѣмъ поражающимъ обиліемъ, съ какимъ обыкновенно разговариваютъ люди, пріученные своею придорожною жизнію непремѣнно потолковать съ первымъ встрѣчнымъ.

— Не та̀кай, голубица! Не поддакивай! остановилъ старикъ

мое поспѣшное согласіе съ выраженнымъ имъ мнѣніемъ. Сами знаемъ, что добродѣтель-то значитъ. У насъ тутъ, вотъ я тебѣ разскажу, каковъ случаекъ былъ: плѣннаго турку ребята наши до смерти зашутили. Отъ Севастополю онъ остался. Встрѣтится кто, бывало, съ нимъ на улицѣ, сейчасъ его въ бокъ. Здраствуй,— говорятъ, — туретчина! Извѣстно, онъ одинокій — и опять же нехристь. Бывало, хватятъ—хватятъ по колпаку-то по ихнему; а онъ только что глаза уставитъ, ровно-бы барашечекъ бѣсноватый, а изъ глазъ у него слезы-то, слезы-то... Ахъ Б-бже ты мой милосердный! Помирать стану, такъ вспомню, какъ эти грѣшныя слезы точились... Три года мучился онъ такимъ-то манеромъ, — ругаться было понашенскому привыкать сталъ, и все-то это въ аккуратѣ; ну однако слегъ—не стерпѣлъ... Вижу я, расплохія его дѣлишки, прихожу: сейчасъ ему водки, горяченькаго пирожка такожде кое-откуда раздобылъ. Гляжу: онъ пялитъ на меня глаза, словно бы и я его, какъ ребята наши, бить собираюсь, — руками на небо кажетъ—и со слезами хрипитъ мнѣ: Русъ! Русъ! Старыкъ! Господы!.. Такъ вотъ ты и думай тутъ, господинъ полицмейстеръ, что значитъ добродѣтель-то свою объявить человѣку: нехристь, нехристь, а ежели ты съ ней по душевному обойдешься, такъ и ей, небойсь, Господь-то Богъ батюшка за первое дѣло припомнится....

— Но въ этомъ разѣ я очень грѣшонъ! сокрушенно исповѣдывался старикъ. Потому какъ,—растягивалъ онъ свою рѣчь,— повадился я къ тому турку каждый день съ винищемъ съ эстимъ— поганымъ—шататься,—полагалъ дуракъ, что это ему въ утѣшенье и въ усладу пойдетъ—и такъ это онъ отъ меня къ вину пріучился... Такъ пріучился, — страсть!.. Умирать когда сталъ, совсѣмъ на послѣдяхъ ужь бормочетъ: дай-ка, дай!.. говоритъ. Даешь!.. Потому какъ не дать больному человѣку?.. Но, милый генералъ, замѣсто тово, я всегда желалъ его, штобы, т.-е. къ христіанской вѣрѣ... Не попущено!.. Все грѣхи наши!.. А? Какъ ты разсуждаешь? Еж-жели бы не грѣхи-то?. А?...

Глубокое уныніе, съ которымъ старикъ дѣлалъ послѣдніе вопросы, было нарушено приходомъ къ намъ содержателя того постоялаго двора, въ которомъ я пріютился. Это былъ высокій, крѣпкій старикъ, въ дутыхъ, ярко-вычищенныхъ сапогахъ и съ большою связкой ключей, висѣвшей у него на поясѣ. Онъ тоже усѣлся съ нами на лавочку и, снисходительно улыбаясь, выслушивалъ, какъ Ѳедоръ Василичъ рекомендовалъ мнѣ его, какъ самаго лучшаго губернатора.

— Нѣтъ, ты гляди, баринокъ,—съ непоколебимой вѣрой въ состоятельность своихъ словъ покрикивалъ Ѳедоръ Василичъ.

Глянь: чѣмъ это не губернаторъ. Онъ всей деревнѣ у насъ комендантъ. Ах-хъ! И добръ же только! Какой онъ мнѣ — пьяницѣ — завсегда пріютъ даетъ: лѣтомъ на сѣнѣ, зимой на печи разлягусь,—бѣда!

Говоря это, старикъ любовно обнималъ и цѣловалъ степеннаго содержателя постоялаго двора, повертывалъ его предо мною вовсѣ стороны, показывая мнѣ, такимъ образомъ, то его широкую ситцевую спину и высокіе, свѣтлые задники сапогъ, то тоже ситцевую и широкую грудь и снисходящее до шутливой улыбки серьезное, стариковское лицо — и подобные переверты продолжались до тѣхъ поръ, пока какая-нибудь новая сцена на улицѣ не призывала майора на подмогу своей безпомощности.

— Майоръ! Другъ! кричалъ кто-то у окошка, колотясь головой объ грядушки телѣги, которую съ увлекающей бойкостью несла по шоссе маленькая вятка, увѣшанная бубенцами *малиноваго звону*. Пріостанови, сердечный, дьяволенка-то! Купилъ себѣ новаго чорта, низашто не стоитъ. Ужъ я ему и бубенцы-то новые понавѣшалъ (слышь вонъ, какъ позваниваютъ,—разлюли малина!), и розовыхъ лентъ-то въ гриву наплелъ,—бѣсится—и конченъ балъ!

— Хо, хо! завопилъ майоръ не своимъ голосомъ, покидая тряску, которую онъ задавалъ содержателю постоялаго двора и бросаясь на середину шоссе, прямо наперерѣзъ взбудораженной хозяйскими ласками лошади. Схвативши ее за узду въ то время, когда она бѣшено встала на дыбы отъ неожиданнаго препятствія, майоръ радостно вскрикиваетъ:

— А—а, Гаврюша! Т-ты? Какъ супруга? Дѣтки?

— Слава Богу! отзывается Гаврюша, барахтаясь въ телѣгѣ. Майоръ! Подними, милый человѣкъ...

— Вотъ чудачокъ-то у насъ, сударь! сказалъ мнѣ содержатель постоялаго двора про майора. Старъ, старъ; а сколько онъ этого винища осиливаетъ... Къ ночи иной разъ только ополоумѣетъ. А смолоду чтó было, ежели бы васъ извѣстить, такъ это истинно страсти Господни!..

— Да что же онъ у васъ такое? Кто? полюбопытствовалъ я.

— Ужъ и не знаю, какъ вамъ доложить про него, милостивый государь мой! Теперь онъ конешно-што въ родѣ полоумнаго, или блажного, но допрежь того звонкій былъ человѣкъ.

— Звонкій?

— Такъ точно-съ! Отличался Ѳедоръ Васильевъ, можетъ, на триста, или на пятьсотъ верстъ по всей округѣ.

— Вотъ какъ?!

— Сущую правду докладываю. Человѣкъ былъ одно слово: ажже!..

— Какъ вы говорите, хозяинъ? Какой человѣкъ?

— Ажже, господинъ! Это онъ встарину самъ себя прозвалъ на заграничный манеръ. Молодъ былъ, такъ передъ дѣвками хвастался, что онъ на всякихъ языкахъ научился. А по нашему ежели, по русскому, ха, ха, ха! по простому, такъ это выйдетъ— человѣкъ на всѣ руки, и въ рай, и въ муки. Да вы его, ежели вамъ скучно у насъ, порасспросите только, поразглядите,— чудородъ, я вамъ доложу-съ,—ей-богу! Я, сударь, признаться, росъ съ имъ — съ этимъ самымъ майоромъ — и какъ въ тѣ времена каменной дороги еще небывало, то наши родители шли больше, на счотъ щетины. Признаться, тогда сухопутъ былъ большой,— ну и обыкновенно родители наши хаживали тѣмъ сухопутомъ со щетиной въ Москву, такожде съ саломъ, съ кожами, а бывало и иное: занимались, примѣромъ, на счотъ пера, пуху... Вотъ мы и растемъ. Растемъ и играемъ. Наши игры деревенскія, извѣстно какія: что увидишь, въ то и играешь: орлишка молодого въ грядкахъ увидишь, его представляешь. Притаишься такъ-то, съежишься весь въ какомъ-нибудь уголку и для того, чтобы у тебя, какъ у орленка, губы бѣлыя были, то возьмешь, примѣромъ, слюны этакъ языкомъ наточишь...

— Въ рѣдьку тоже, бывало, примемся, продолжалъ хозяинъ. Другъ за друга ухватимся—орёмъ: дергай! Майоръ всегда всѣхъ повыдергивалъ — силенъ былъ!... Переняли, сударь мой, и мы отъ родителевъ нашихъ торговлю—и пошли по ней въ тихости съ Господомъ-Богомъ. Только вдругъ изъ Москвы къ намъ въ деревню вѣсть приходитъ (а въ Москву Өедоръ Васильева, какъ онъ былъ очень боекъ, мастерству учиться послали): Өедька, говорятъ, пропалъ! Извѣстно, въ деревнѣ новостей мало, такъ мы годика два объ Өедорѣ поахали. Думали все: какъ такъ? Куда наша заноза дѣвалась?...

— И вотъ, баринъ, какъ теперь вижу: сидимъ мы однажды на вечеринкѣ,—болтаемъ съ дѣвками, только вдругъ входитъ къ намъ мущина и говоритъ: вотъ они мы-то! Смѣется. Мы сразу Өедоръ Васильева признали и обрадовались ему. Спрашиваемъ: какъ? что? Гдѣ пропадалъ?

— Пошелъ онъ тутъ пробирать насъ стихами и прибаутками: былъ я, говоритъ (и все это скороговоркой отваливаетъ!), въ Италіи, немного подалѣе, — былъ въ Парижѣ, немного поближе. Совсѣмъ-было родимую сторону позабыть хотѣлъ, да припюдчи на четвертое небо, опросъ получилъ: а гдѣ, говорятъ, у

тебя, дѣтинка, пачпортъ?... Долженъ былъ по эфтимъ дѣламъ вертаться назадъ къ батюшкѣ съ матушкой...

— Въ лоскъ уложилъ онъ своимъ стихомъ всю компанью; а сертукъ былъ тогда надѣтъ на немъ суконный, разпервый сортъ! Фалбара назади запущона, — взгляни да ахни! На жилеткѣ цѣпочка блеститъ,—фу ты, ну ты, перевернись! Ходитъ онъ такъ-то по горенкѣ, сапогами поскрипываетъ; а дѣвки на него такъ глаза и уставили, словно бы коза передъ обухомъ....

— Садимъ мы, наконецъ тово, Ѳедора, играть съ собой въ карты, въ три листа. Сѣлъ — ухмыляется и усъ поглаживаетъ. Ну и обгладилъ же онъ насъ вмѣстѣ съ этимъ усомъ! Каждый конъ, каждую сдачу онъ, вражій сынъ, возьметъ, да всѣмъ хлюсты и навертитъ, а себѣ три туза и, обнаковенно, огребаетъ себѣ деньгу, яко щучину.... Но чести приписать ему надоть,—въ конецъ не сфальшивилъ. Обругалъ онъ насъ всѣхъ заодно нехорошимъ словомъ — и дѣвокъ не постыдился, а прямо это, сударь, напрямки запустилъ. Гдѣ вамъ, говоритъ, со мною играть? Попріутерли бы себѣ носы прежде. И тутъ же намъ всю механику объявилъ, т.-е. какъ хлюсты подбирать; а деньги, какія выигралъ, смаху всѣ пропилъ вмѣстѣ съ нами, по-товарищески, а кое дѣвкамъ и ребятенкамъ на гостинцы бросилъ. Мы, толкуетъ, въ этой гнили не нуждаемся; а самъ все цѣпочкой-то своей пошевеливаетъ....

— Еще пуще у дѣвокъ глаза на него разгорѣлись; а бабы, такъ тѣ пристали къ нему съ умильными разспросами: ну, какъ же ты теперича, Ѳедоръ Васильичъ, купецъ, али до господъ дослужился?...

— Засмѣялся онъ тогда и зычнымъ голосомъ вскрикнулъ: милые товарищи! Гайда въ харчевню! Нечего намъ, удалымъ молодцамъ, съ бабьемъ рѣчи тратить....

— Такъ и не далъ бабамъ никакого отвѣту!...

— Што, сударь мой, было тутъ у насъ, у ребятъ, всякаго буйства, я и сказать тебѣ не умѣю. Бѣсились года съ два. Не только наша деревня, а даже какіе по сосѣдству съ нами сидѣли, насквозь пропились.... Соберутъ, бывало, насъ старики на сходъ,—сучинять примутся: «ребятки! дѣтищи наши! Побойтесь вы Господа-Бога—войдите въ разумъ. Вѣдь васъ Ѳедоръ, ровно бы бѣсъ, обуялъ.» Глядя на стариковъ и мы прослезимся, бывало,—примемся въ ноги имъ кланяться.... А ночью, глядь, онъ ужъ и орётъ: эх-эх-э! Молодчики, вы что же это? Своихъ стали въ обиду допущать? Кто съ Ѳедоръ Васильевымъ за ведромъ отправляется?...

— Ни за что, бывало, не стерпишь, какъ это онъ такимъ

манеромъ погаркивать примется! Гужомъ за нимъ всѣ: иной изъ лавки къ нему летитъ, иной изъ-подъ отцовскаго караула шарахается, а тѣ отъ жонъ улепетываютъ.... Гамъ по деревнѣ-то, плачъ, драки; а мы-то себѣ на всю-то ночь-ноченскую закатимся! Грянемъ это пѣсню, въ гармоніи вдаримъ, въ балалайки.... Дорога-то у насъ, бывало, стономъ-стонетъ: о-го-го! по лѣсамъ-то, бывало, гудётъ.... Вотъ они какъ, Θедоръ Васильичи-то, маклирують!... Вал-ли!...

— Эхъ, раздолье! только, бывало, пошумливаетъ Θедоръ Васильевъ. И шутъ его, прости Господи, знаетъ, откуда онъ только выкапывалъ деньжищу эту страшенную? Всѣ вѣдь эти оравы, какія съ нимъ хаживали, нужно было ублаготворить до отвалу. Только, бывало, подплясываетъ, да подсвистываетъ. Гуляй, молодцы! Наша взяла!

— Вдругъ, глядь: опять нашъ Θедоръ Васильевъ сгасъ. Сгибъ, словно въ воду канулъ....

— Вошли мы маненечко, послѣ него, въ разумъ — и перекрестились: слава, молъ, тебѣ, Господи! Улетѣлъ, сатана!...

Съ немалымъ страхомъ наблюдалъ я послѣ надъ кочевавшимъ изъ кабака въ кабакъ съ разными субъектами Θедоромъ Васильевымъ, отыскивая въ немъ ужасныя черты того сатаны, отъ котораго открещивалось, бывало, цѣлое населеніе. Дѣйствительно, огромная голова, окаймленная лѣсомъ сѣдыхъ, волнистыхъ вихровъ, дѣлала этого человѣка похожимъ на статую Нептуна; но голова эта до того безпомощно клонилась къ груди.... А лицо такъ ужъ совсѣмъ не соотвѣтствовало грозно-божественнымъ очертаніямъ головы: оно представлялось испуганнымъ и болѣзненнымъ, словно бы какая-нибудь сильная рука долго сжимала его въ своемъ громадномъ кулакѣ и потомъ, вдругъ отпустивши, оттиснула на немъ такимъ образомъ слѣды своихъ линій въ видѣ красныхъ и синихъ морщинъ. По временамъ, впрочемъ, лицо это освѣщалось какою-то особенной энергіей, однако вовсе не той, отъ которой, по разсказу содержателя постоялаго двора, когда-то стономъ стояла дорога и разбойницки гайгакалъ лѣсъ. Напротивъ, старикъ выражалъ ее озадаченнымъ обращеніемъ красноватыхъ глазъ къ небу, колоченіемъ себя по разстегнутой груди и нервическимъ дрожаніемъ тонкихъ, блѣдныхъ губъ.

Въ такомъ непобѣдимомъ всеоружіи, майоръ часто устремлялся въ самую середину цѣлой толпы друзей, только-что сейчасъ угощавшихъ его, и которые теперь изъ кабацкой духоты

выбрались на шоссе, съ цѣлью разрѣшить какой-то, должно быть, весьма важный и до крайности запутанный споръ. Громкій, смѣшанный гулъ множества голосовъ, мускулистыя, высоко махавшія въ воздухѣ руки и наконецъ клочья летѣвшей во всѣ стороны холстины и пестряди,—все это дѣлало споръ до того оживленнымъ, что и проѣзжіе люди и мимо пробѣгавшія собаки описывали большія дуги для того, чтобы не быть втянутыми въ круговоротъ этой неописанной страсти и не завертѣться самимъ вмѣстѣ съ нею также бѣшено, какъ вертѣлась она.

— Мил-лые! Гарнадеры! Да што же это вы,—Христосъ съ вами? вопрошалъ старикъ, безбоязненно бросаясь въ самый разгаръ возбужденнаго на шоссе вопроса.

— Капутъ теперича майору пришелъ, потолковывали издали молодцы, вышедшіе съ гармониками полюбопытствовать для ради скуки, насчетъ того, какая такая на дорогѣ потѣха идетъ. Ужъ кто-нибудь его тамъ саданетъ!... Ха, ха, ха!

— Надо такъ полагать, что «съѣздіють», разсуждали другіе, хладнокровно ожидая счастливыхъ результатовъ отъ предполагаемой «ѣзды».

«Ѣзда» между тѣмъ въ самомъ дѣлѣ была до того необузданно-быстра, что при одномъ намѣреніи не только прекратить ее, а даже просто-нàпросто подступиться къ ней, духъ захватывало.... На подобіе громаднаго, во всѣ пары пущеннаго механизма, злобно, но непонятно ревѣла, стучала и грохотала мудреная поэма этой шоссейной «ѣзды».

— Каковъ ты есть своему дому хозяинъ? козелковато, но еще состоятельно подщелкивалъ буйству главнаго голоса въ механизмѣ другой зубецъ, вострый, и должно быть изъ самой крѣпкой стали....

— Мы хозява! глухо отвѣтилъ еще зубъ, видимо тупой и пугливый, потому-что скрежетнувъ одинъ разъ, онъ только черезъ долгое время повторилъ свое: м-мы хозява! и затѣмъ окончательно былъ заглушенъ тысячью другихъ голосовъ, хотя менѣе слышныхъ, но за то до того дружныхъ и бойкихъ, что сквозь ихъ слитно жужжавшую пѣсню изрѣдка только вырывалась азартно-басистая нота: н-нѣ-ѣтъ! С-стой! Шал-лишь!...

— А право сомнутъ они у насъ старика. Ишь вѣдь вертитъ какъ, — мельница словно! перебрасывались словцами зрители съ гармониками.

— Безпремѣнно! Какъ пить дадутъ,—соглашались другіе. Поминай теперь Ѳедоръ Василича, какъ его по имени звали, по отчеству величали. Они вѣдь, эти плотники-то владимірскіе,

черти! Съ ними поиграй только, такъ самъ въ дуракахъ останешься.... Ха, ха, ха!

— Быдто это плотники? Истинно черти! Сцѣпились какъ,— никого и не признаешь. Только клочья летятъ. И рубахи стали не милы, даромъ што жоны пряли....

Скоро, впрочемъ, хоръ, привлекшій публику, сталъ понемногу ослабѣвать,—и потому изъ него вырвался другой, знакомый голосъ майора, изъ всѣхъ силъ выкрикивавшій такую молитвенную скороговорку:

— Братцы! Да что же это вы? Перекреститесь! Плотнички-умнички! Что это вы, Господь съ вами, какъ себя надрываете? Петя-голубчикъ! Перестань лютовать. Всѣхъ ты, пѣтушокъ, пуще надсаживаешься.... Вѣдь это онъ въ шутку насчетъ, то-есть, жены.... Гдѣ ему?... Полковнички, цѣлуйтесь живѣе! Н-ну, миръ! А ты тоже галдишь: мы-ста хозява! Надъ чѣмъ это ты разхозяйничался съ пьяну-то?... Про тебя вонъ тоже ваши ребята толкуютъ, какъ ты рожь мірскую зажилилъ. Семь, другъ, четвертей—не картофельная похлебка. Только что-то добрые люди мало имъ вѣрятъ, ребятамъ-то вашимъ. Такъ-тось! Ну, мировую штоль? Ходитъ? Я ужъ, братъ, знаю.... Хе, хе, хе!

Пѣвшая съ такою дикой энергіей машина совсѣмъ расхлябла отъ этого голоса. Какъ бы въ глубокой устали она изрѣдка только попыхивала своими первыми басистыми голосами, между тѣмъ какъ голоса́ второстепенные, прежде-было забравшіе такъ бойко и дружно, теперь окончательно замолчали.... Наконецъ машина затихла совсѣмъ, какъ бы остановившись,—и тогда уже явственно можно было видѣть кучу людей, изъ которыхъ одни цѣловались, съ видимой цѣлью помириться и на будущее время жить какъ можно дружнѣе,—другіе умывали окровавленныя лица, третьи отыскивали сбитыя съ головъ шапки и сорванные съ шей кожаные кошели.

— Ишь вѣдь идолы расщепались какъ! Ополоумѣли ровно, удивлялся деревенскій публикатъ. Батюшки! Свѣту-преставленье, какъ есть! Гляньте-ко: у Ѳедоски-то носа нѣтъ, только кровь одна!... Ха, ха, ха! Урезонили же его....

— Добрые! похвалилъ нашъ майоръ кучку людей, теперь дружно и тихо о чемъ-то совѣщавшихся. Что за андели ребята, — сичасъ умереть! И оказія же только съ ними приключилась, — ей-богу! Допрежь все артелью живали, другъ за друга горой стаивали....

— У тебя все добрые! съ недовольствомъ отвернувшись отъ старика, отвѣтилъ ему содержатель постоялаго двора. Палка-матушка плачетъ по этимъ по добрымъ-то. Буйства какого надѣ-

лали посередь бѣлаго дня. Тутъ, братъ, тоже господа проѣзжающіе разъѣзжаютъ....

— Э-эхъ ты, другъ сердечный! почему-то пожалѣлъ его старикъ! Пр-роѣзжающіе!... Што же теперь и слова нельзя сказать никогда?... Проѣзжающіе!...

Проговоривши это, Ѳедоръ Васильевъ смиренно поплелся къ кабаку, изъ оконъ и дверей котораго давно уже ласково и плутовски-секретно подманивали его какіе-то чѣмъ-то какъ бы переконфуженныя лица толстыми и мозолистыми пальцами....

II.

Проснувшись однимъ утромъ, я увидѣлъ, что обжитая мною комнатка вмѣщаетъ въ себѣ не одну мою тоску. На полу, въ уголкѣ, какъ разъ напротивъ моей кровати, застланной пахучимъ сѣномъ, лежалъ какой-то сѣрый армякъ съ длиннымъ кожанымъ воротникомъ. Изъ-подъ армяка, съ тѣмъ многознаменательнымъ молчаніемъ, которое примѣчается въ ржавыхъ старинныхъ пушкахъ, разставленныхъ по нѣкоторымъ нашимъ городишкамъ, въ видахъ напоминанія славныхъ отечественныхъ событій, на меня сурово и презрительно поглядывали большіе, но истасканные и грязные сапоги. Затѣмъ уже виднѣлась косматая, сѣдая головища, безмятежно покоившаяся на большомъ, костистомъ кулакѣ.

— Ну ужъ это ты, майоръ, напрасно такъ-то, сердито заговорилъ содержатель постоялаго двора, входя ко мнѣ въ комнату съ звонко-кипѣвшимъ самоваромъ. Я, другъ, вашего брата не очень одобряю за такія дѣла. Эва! Къ господину въ горницу затесался!... Хор-рошъ!

— Толкуй про ольховые-то! по своему обыкновенію не задумываясь, отвѣтилъ майоръ, живо выхватывая изъ хозяйскихъ рукъ самоваръ и устанавливая его на столѣ. Я, братъ, теперь самъ стану служить барину, потому я очень его полюбилъ со вчерашняго числа. Мы съ нимъ таперича безъ тебя обойдемся чудесно! Ему со мною веселѣе будетъ, а я тоже за его харчами пріотдохну малость... Гдѣ у тебя чай-то, полковникъ? Въ шкатулкѣ, штоли? Такъ ключъ подавай.

Я покорно подалъ старику бумажный картузъ съ чаемъ.

— Вотъ это чаекъ! понюхивая и заваривая чай, толковалъ майоръ. Это, братъ, признаться... Точно что чай! Рубля три, небойсь, отсыпалъ за фунтъ-отъ?... Этого, другъ, ежели чаю попьешь,—наставительно обратился онъ къ хозяину,—такъ, по-

жалуй, и опохмѣляться не захочешь, сколь бы въ головѣ не звонило... А ты опохмѣляешься по утрамъ-то,—перескочилъ онъ вдругъ ко мнѣ. Дай-ка на косушечку, я прихвачу покамѣстъ на свободѣ. Оно передъ чайкомъ-то, старые люди толкуютъ, въ пользу...

— Вотъ всегда такой бѣсъ былъ! осуждающимъ тономъ заговорилъ хозяинъ послѣ ухода старика. Н-нѣтъ! Я вамъ, сударь, вотъ что доложу: в-вы его въ жилу! Я ужъ отъ него открещивался. Не разъ и не два выкурить отъ себя пробовалъ,— нейдетъ, хоть ты што хошь... Только и словъ отъ него, что притворится сичасъ казанской сиротой и начнетъ тебѣ про добродѣтель рацею тянуть: куда же, — говоритъ, — я дѣнусь, добрый? А винище... небойсь!... Такой фальшивый старичишка!.. Чай прикажите наливать? Какъ изволите кушать: въ накладочку, али съ прикуской? Лимонту у насъ на дняхъ партія изъ Москвы получена; ахъ сколь крупенъ плодъ и на скусъ пріятенъ! Мы съ старухой потонюсенькому вчера ломтику въ чай себѣ положили, духъ пошелъ на всю спальню. Молодцы пришли изъ стряпущей—спрашиваютъ: отъ чего отъ такого, говорятъ, у васъ, хозяинъ, такія благоуханія? Право,—ей-богу! Мы, значитъ, съ старухой засмѣялись и осмотрѣть имъ энтотъ самый фруктъ приказали. Дивились очень. Что значитъ простота-то? Хе-хе-хе! Такъ прикажете лимончику,—мы сейчасъ сбѣгаемъ. Ну а майора, конешно какъ къ примѣру, мнѣ постояльца своего спокоить нужно, кормить-поить его подобаетъ, то вы точно-што извольте его отъ себя вонъ. Потому, — добавилъ хозяинъ съ шутливой улыбкой, — окромѣ какъ онъ васъ обопьетъ и объѣстъ, онъ сичасъ въ горницу къ вамъ можетъ иное-што пустить. Такъ-тось! Мы довольно даже хорошо извѣстны, сколько разведено у нищихъ этой самой благодати. Я ужъ его и не пускаю никуда, кромѣ какъ на сѣновалъ, либо на печь въ избу съ извощиками. Для ихняго брата это все единственно... Привыкши!...

— Полно тебѣ судачить-то! перебилъ хозяйскую рѣчь возвратившійся майоръ. Небойсь, онъ тутъ про меня тебѣ наговаривалъ, штобы, т.-е. майора, въ три шеи. Звѣрьками, надо полагать, моими тебя запугивалъ? А ты ихъ не бойся, андельчикъ, потому они для горькихъ сиротъ все одно што золото... Ну-ка начинай, полковникъ, малиновку,—потомъ я за тобою съ молитвой...

— Такъ-то, другъ! развеселялъ старикъ иногда недолгіе дни нашего съ нимъ дружнаго сожительства, когда въ нихъ вкрады-

валась какая-нибудь пасмурная, молчаливая минута. Вотъ, братъ, мы топерича вмѣстѣ съ тобою живемъ. Живемъ-поживаемъ, добро наживаемъ, а худо сбываемъ... Тоже и я сказки-то знаю,—не гляди что старикъ. Што пріуныл? Авось не въ воду еще насъ съ тобой опускаютъ. Сбѣгать, штоли? подмаргивалъ онъ глазкомъ въ сторону одного увеселительнаго заведенія, которое всегда снабжало его самыми дѣйствительными лекарствами отъ всѣхъ болѣзней—душевныхъ и тѣлесныхъ.

Энергіи и умѣнью старика, съ какими онъ, смѣясь и разговаривая, подметалъ комнату, зашивалъ свою рубашку, наливалъ чай, ваксилъ сапоги, предательски захваченные еще съ вечера на сосѣдній съ нашимъ жильемъ сѣновалъ—рѣшительно не было предѣловъ. Вообще это было какое-то всѣми нервами дрожавшее и пѣвшее существо тогда, когда ему приходилось выхвалять доблести посторонних людей и какъ-то странно унывавшее и съёживавшееся въ случаяхъ, ежели чье-нибудь любопытство старалось заглянуть въ его собственную жизнь.

Неустанное шоссейное движеніе, которое мы обыкновенно созерцали съ старикомъ съ балкона, вызывало въ немъ тысячи разсказовъ, имѣвшихъ цѣлью не только что познакомить меня съ промелькнувшимъ сейчасъ человѣкомъ, но, такъ-сказать, ввести въ его душу, вглядѣться въ нее, вдуматься и потомъ уже, вмѣстѣ съ нимъ, одною согласною рѣчью удивиться той несказанной добротѣ, которая, по стариковымъ словамъ «сидитъ въ этой душѣ испоконъ вѣка».

— Другъ! Проснись! поталкивалъ онъ меня локтемъ въ бокъ, когда я принимался за какую-нибудь книгу, или просто такъ о чемъ-нибудь задумывался. Вишь: самоваръ-отъ какъ попыхиваетъ! Глядѣть лучше будемъ да чай пить, чѣмъ въ книжку-то... Смотри: сколько народу валитъ, бѣда!

Начинались нескончаемыя, одни другой страннѣе, характеристики проѣзжающаго народа. Разсказывались онѣ также быстро и смѣшанно, какъ быстро и смѣшанно, обгоняя другъ друга, стремились куда-то дорожные люди.

— Майоръ! какъ это тебя на балконъ-то взнесло? шутилъ какой-то благообразный купецъ, остановивши напротивъ насъ свою красивую телѣжку. Братцы мои! Да онъ съ господиномъ чаи расхлебываетъ, да еще съ ложечкой!... Ужъ пилъ бы ты лучше мать сивуху одну,—вѣрнѣе. Слѣзай—поднесу.

— Надо бѣжать! говорилъ мнѣ майоръ, послѣ запроса, предложеннаго имъ купцу, относительно благоуспѣшности его дѣлъ. Человѣкъ-то очень хорошъ. Больно покладистый гусаръ! Ты не глуши самовара докуда, я мигомъ назадъ оберну.

Возвращался старикъ со щеками, нѣжно подмалеванными ярко-розовой краской. Благодушно покашливая, онъ подчивалъ меня гостинцами, полученными отъ купеческихъ щедротъ и говорилъ:

— Кушай колбаску-то, не брезгай! Съ чесночкомъ! Она, братъ, чистая, только изъ лавки сейчасъ. Яблочкомъ вотъ побалуйся. Н-ну, другъ, вотъ такъ гражданинъ!

— Кто?

— А вотъ этотъ самый, который угощалъ-то! Капиталами какими ворочаетъ, не то что мы съ тобой. И съ чего только, подумаешь, взялся человѣкъ? Помню я, мальчишкой онъ иголками торговалъ. А теперь у него по дорогѣ, калашныхъ однихъ штукъ двадцать разсыпано. Кабаковъ сколько, постоялыхъ дворовъ,—не счесть! На бабъ какой молодчина,—такъ и ѣстъ ихъ поѣдомъ: женатъ былъ на трехъ женахъ—и все на богатыхъ. Родные ихніе какъ къ нему приставали: отдай,—говоритъ,—намъ обратно приданое; но онъ на нихъ въ судъ. Уменъ на эти дѣла,— всѣхъ перетягалъ... Теперь принялся огребать любовницъ. Какъ попадетъ къ нему какая, ужъ онъ ее вертитъ, до тѣхъ поръ вертитъ, пока она ему всѣхъ потроховъ-то своихъ не выложитъ. Нонишней порой обработалъ онъ вдовую помѣщицу—и живетъ съ ней. Помѣщица какъ есть настоящая барыня—и съ имѣніемъ. (Ужъ все имѣнье-то, дура, подъ него подписала). Такъ онъ, сударь ты мой, такъ ее вымуштровалъ, такъ вымуштровалъ... Ты, — говоритъ,—музыку-то эту забудь, а учись-ка лучше калачи печь. Штоже? Вѣдь выучилась. А какъ она ежели въ слезы когда, али въ какіе-нибудь другіе бабьи капризы ударится, онъ сейчасъ ее на цѣльный день садитъ въ ларь продавать калачи. Извощики-то грохочутъ, грохочутъ. Иному и калачъ-то не нуженъ, а все же подойдетъ: надъ барыней, какъ она, значитъ, мужику придалась, посмѣяться всякому лестно...

— Да чтоже тутъ хорошаго, дѣдъ? По настоящему-то онъ мерзавецъ выходитъ.

— А я про штожъ? отвѣчаетъ дѣдъ. Ты думаешь, я его хвалю за это, штоли? Да я его онамедни, вонъ въ энтой харчевнѣ, при всемъ при народѣ, такъ-то ли отхвостилъ, — не посмотрѣлъ, что богачъ. (Признаться, были мы съ нимъ тогда здорово подкутимши). Я шумлю ему: за чѣмъ ты изъ своихъ работниковъ кровь пьешь? Зачѣмъ имъ денегъ не платишь, — по мировымъ да по становымъ поминутно таскаешь? Попомни, — говорю,—меня: ужъ накажетъ тебя Господь-Богъ за такія дѣла, взыщетъ Онъ съ тебя за рабочія слезы, за каждую капельку... Што же ты думаешь онъ мнѣ въ отвѣтъ на это? Заплакалъ

вѣдь, — самою что ни есть горячей слезою залился и говоритъ: «Перестань меня срамить, Өедоръ Василичъ! Чувствую самъ — взыскъ съ меня большой будетъ на страшномъ судѣ; но иначе жить мнѣ невозможно никоимъ образомъ. Сначала, — говоритъ, — мошенничалъ я, кое отъ бѣдности, кое себя отъ другихъ аспидовъ сберегалъ, а теперь привыкъ, втянулся... Надуваю когда какого человѣка, или просто, смѣха для ради, каверзу ему какую-нибудь подстраиваю, все нутро изнываетъ у меня отъ радости, — голова, ровно у пьянаго, кружится... И никакими манерами въ тѣ поры мнѣ совладать съ собой невозможно... А што, — говоритъ, — Өедоръ Василичъ, на счетъ сердца, такъ я очень добёръ: бѣдность всячески сожалѣю и очень ее понимаю; но только чтобы я помогъ ей, — никогда! Хошь расказни, такъ ни гроша не дамъ, потому какъ только она, бѣдность-то, пооправится, встанетъ на ноги-то, пооперится бездѣлицу, надъ тобой же надсмѣется и тебя же обманетъ...»

— Вѣдь што только придумаетъ человѣкъ на свою муку? продолжалъ старикъ въ сильномъ раздумьи. Вотъ ты тутъ и суди про людей. Я, другъ, какъ услышалъ отъ него такія слова, не стерпѣлъ: самъ заплакалъ — и нетокма што срамить... Ужъ до сраму ли тутъ, когда видишь, что человѣкъ объ своихъ грѣхахъ сокрушается не слезами, а всей кровью... Утѣшалъ, утѣшалъ я его, такъ и бросилъ, потому принялся онъ въ трактирѣ скатерти рвать и посуду бить... Харчевнику это на руку, потому богачъ, — очнется, за все наликомъ платитъ... Еще харчевники-то нарочно такихъ людей поддражниваютъ: а ну-ка, — говорятъ, — разбей посудину при мнѣ... «Ежели бы ты, — натравливаютъ, — при мнѣ смѣлъ этакъ сбѣдокурить... А ну-ка, ну-ка тронь!... Тронь!...» Такъ-то другъ! Можно, можно, сердечный, къ такому привыкнуть, — самому на себя глядѣть тошно будетъ... Съ кѣмъ поведемся... По себѣ знаю...

Думалось въ это время, что старикъ, по любимому людскому обычаю, сейчасъ же начнетъ разсказывать какія-нибудь событія изъ своей собственной жизни, которыя бы подкрѣпляли его мысль на счетъ человѣческой способности переламываться и склоняться въ сторону, совершенно противоположную прирожденнымъ влеченіямъ, — такъ и ждалось, что вотъ-вотъ изъ стариковской памяти вырвутся разсказы и воспоминанія о тѣхъ людяхъ, связь съ которыми научила его *по себѣ знать* и видѣть разнообразныя человѣческія немощи, подвигающія на участіе къ нимъ, тамъ, гдѣ другіе люди видятъ одни грѣхи и преступленія, достойныя кары...

Но никогда не исполнялось мое ожиданіе. Подкарауливши

за собою словцо «по себѣ знаю», старикъ съёживался, конфузливо и секретно поглядывалъ на меня, бормоталъ что-то въ родѣ того, что слово не воробей, а летаетъ—и наконецъ стремительно перескакивалъ къ другимъ людямъ и толковалъ о другихъ людяхъ, попадавшихся на его зоркій глазъ.

Оглушащее и слѣпящее жужжанье и роенье разнохарактерной шоссейной толпы, ничуть не смущало старика и ни на волосъ не отвлекало его отъ глубоко-засѣвшей въ немъ мысли—неизбѣжно заканчивать самымъ оправдывающимъ и даже хвалебнымъ акаѳистомъ всѣ свои повѣствованія о различныхъ жизненныхъ промахахъ шоссейцевъ, объ ихъ умышленныхъ подлостяхъ, пошлостяхъ, содѣянныхъ, какъ говорится, *съ дубу* и т. д. и т. д.

— Што доброты въ этомъ человѣкѣ, Боже ты мой! неопредѣленно покивывая на кого-то головою, задумчиво говорилъ старикъ. Вотъ ужъ ей-богу! Зависти во мнѣ ни къ кому, а ему, ежели онъ примется людямъ милостыню дѣлать, завидую, — въ этомъ я грѣшонъ! Рубаху онъ тогда съ себя скидаваетъ,—смѣючись благолѣпно нищенькому ее отдаетъ, — на плечи къ нему съ цѣлованіемъ братскимъ головою поникнетъ и плачучи скажетъ: ахъ! нѣтъ у насъ съ тобой силушки-матушки! Потерпимъ собча, другъ мой сердечный, во имя Господне!...

— Это ты, дѣдушка, все на счетъ купца?

— Какое тамъ лѣшаго про купца? сердился дѣдъ и тыкалъ пальцемъ на шоссе; а тамъ шагалъ какой-то высокій, съ коломенскую версту, рыжій человѣкъ, худой и блѣдный, въ обдерганномъ тряпьѣ и босовикахъ, на которые прихотливыми фестонами опускались концы пестрядинныхъ штановъ. Шелъ этотъ человѣкъ широкимъ, но медленнымъ шагомъ, опустивши голову и сложивши руки на груди. Повременамъ его ввалившіяся, блѣдныя щеки вздувались — и тогда онъ болѣзненно кашлялъ. Гулко раздавался по деревушкѣ этотъ октавистый, напоминавшій гнѣвное львиное рыканіе, кашель; но старикъ, не обманываясь силой этого голоса, говорилъ мнѣ:

— Ты на голосину на эту не гляди! Не долго ей на семъ свѣтѣ осталось гудѣть. До осени, можетъ, какъ-нибудь перетерпитъ. Онъ къ намъ годовъ съ пятнадцать тому прилетѣлъ и сталъ наниматься траву косить. Говоритъ: больше ничего не умѣю! а у насъ, я тебѣ скажу, ежели захожій человѣкъ хорошъ, такъ на счетъ пачпортовъ слабо. Далъ тамъ что-нибудь Гаврилѣ Петровичу (писарь у станового живетъ) отъ своихъ трудовъ

праведныхъ,—шабашъ! Живи—не тужи! Вотъ онъ и живетъ у насъ да косьбой и дроворубствомъ себя и пропитываетъ...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа старикъ наклонился къ моему уху и таинственно зашепталъ:

— Мы, братъ, друзья съ нимъ бѣдовые! Онъ изъ Москвы, и отецъ у него, какъ бы тебѣ сказать, потомственный почетный гражданинъ. За свою торговлю самимъ царемъ произведенъ во дворяне и имѣетъ у себя на шеѣ генеральскія звѣзды всѣ до одной. Ну а этотъ изъ юности еще маненечко разсудкомъ тронутъ... Отъ библіи... Присталъ, — сказываютъ, — любименькій сынокъ къ отцу, штобы онъ, къ примѣру, роздалъ бы, какъ Іисусъ Христосъ повелѣлъ, все свое имущество бѣднымъ... Отецъ его сначала лечить принялся, а онъ ему все: «въ тебѣ,—говоритъ,—тятенька, правды нѣтъ! Ты,—разговариваетъ,—царства небеснаго не наслѣдуешь.» Старикъ смотрѣлъ, смотрѣлъ на него да и проклялъ... Онъ вотъ взялъ прибѣжалъ къ намъ — и живетъ,—смирно живетъ: дрова рубитъ, сѣно коситъ,—рыбки вонъ тоже кое-когда случается ему изловить,—продастъ—и питается. Смирно живетъ, только въ случаѣ, ежели пьяная муха ему въ голову залетитъ, къ богачамъ всячески придирается... Терпѣть ихъ не любитъ! А мѣсто у насъ, самъ видишь, бойкое,—проѣзжаетъ всякій человѣкъ. Отъ скуки, извѣстно, полуумнаго всякій напоитъ, а онъ, послѣ этого, только встрѣтитъ кого маломальски съ мошной,—сейчасъ руки въ карманы, по барскому, и пошумливаетъ себѣ: «дорогу дай московскому первой гильдіи купцу Аѳанасью Ларивонову! А то морду разшибу...»

Бьютъ его,—страсть какъ наши-то—и смѣются! По началу, когда еще силенъ былъ, отбивался—и самъ всѣхъ больно колачивалъ; теперича ослабѣлъ! Я вотъ иной разъ умаливаю, штобы отпустили... Опохмѣли ты его, Христа ради, голубчикъ! У него и радостей только всего осталось, что ежели сердце потеплѣетъ отъ выпивки. Ахъ, и добродѣтеленъ же этотъ человѣкъ передъ Господомъ Богомъ! Дай мнѣ, дурачокъ, гривенничекъ, — я ему снесу. Богъ съ нимъ! Ты не жалѣй, братъ, денегъ-то! Пусть онъ повеселится передъ своимъ послѣднимъ концемъ...

Такимъ образомъ шла наша жизнь съ старикомъ, какъ онъ говаривалъ, въ полномъ удовольствіи, безъ обиды....

— Ахъ ангелы небесные! восклицалъ онъ въ минуты внезапно откуда-то наплывавшаго на него счастья. Какъ это я, съ самаго съ измальства, люблю жить съ людями тихо, скромно, благородно...

— Дѣло вѣдомое! сатирически соглашался съ нимъ содержатель постоялаго двора, случайно подслушавшій стариковское воз-

званіе. То-то, должно быть, твое благородство и проходу-то никому никогда не давало.... Мальцемъ былъ, колотилъ всѣхъ....

— А дражнили вы меня очень, сердечный! Нельзя было, иначе-то.... Опять же глупость моя.... Силенка тоже.... Э-эх-хе-хе! Другъ! Другъ! За это взыскивать рази возможно?

— Выросъ, изъ ученья убёгъ — пропалъ....

— Люди нехорóшіе соблазнили, милъ-человѣкъ! Опять же холодъ энтотъ, мастеровой голодъ.... Ночей не спали, чорстваго куска не доѣдали.... Ты поживи-кось въ Москвѣ-то, другъ! Не даромъ про нее пословица ходитъ: Москва, — говоритъ, — слезамъ не вѣритъ.... Тутъ, братецъ ты мой, за кѣмъ хочешь, пойдешь, какъ бы собака какая голодная.... Передъ всякимъ хвостикомъ-то повиляешь....

— Што ты мнѣ про это разговариваешь? сердито продолжалъ свое обвиненіе содержатель постоялаго двора. — Ну прибѣгши къ намъ, што ты сталъ дѣлать? Опаивать, на всякое буйство травить.... Какой ты есть человѣкъ?

— А это мнѣ съ товарищами — съ друзьями — желательно было кручину мою разогнать....

— Сговоришь съ тобой — съ бѣсомъ! Зачѣмъ же ты опять-то пропалъ?

— А надоѣли вы мнѣ!... безъ запинки отвѣчалъ старикъ. Опротивѣли хуже соленаго озера — вотъ я и убѣгъ. Опять же къ тому времени у меня еще охота приспѣла — постранствовать, святымъ мѣстамъ помолиться, хорошихъ людей посмотрѣть....

— З-знаемъ! угрюмо говорилъ хозяинъ, выходя изъ комнаты и мимоходомъ бросая, видимо, ко мнѣ уже направленное замѣчаніе, насчетъ гдѣ-то, будто-бы, существующихъ господъ, которые до того безстыжи, что водятся со всякой шушерой:

— Мужикъ, такъ и то изъ одной милости, ночовку даетъ, можно сказать, ради Христа; а тутъ на-ка! За одинъ съ собой столъ пущаютъ.... Шуты!

Такимъ образомъ, чѣмъ тѣснѣе устанавливалась наша съ майоромъ дружба, тѣмъ хозяйскія нападки на него дѣлались чаще и ожесточеннѣе.

— Онъ всегда такъ! извиняющимъ шопотомъ говорилъ мнѣ майоръ, послѣ трёпокъ, задаваемыхъ ему нашимъ общимъ патрономъ. Онъ не любитъ этого, чтобы, т.-е., я къ свойнымъ господамъ вхожъ былъ. Всегда, всегда такъ!... А то онъ до-обрый!... Ты на него не жалобься. Онъ, братъ, гляди какой! Просто, я тебѣ скажу.... Поищи такого другого....

Старикъ при этомъ пугливо посматривалъ на дверь, обладавшую способностью разстраивать наши тихія бесѣды, какъ бы

ожидая, что вотъ-вотъ отворотится она — и покажетъ намъ сперва сѣдую, иронически-улыбающуюся голову, потомъ ярко-вычищенные дутые сапоги, которые, сверхъ всякаго человѣческаго ожиданія, заговорятъ намъ живымъ языкомъ, въ одно и тоже время и снисходительно и упречно:

«Ну что-молъ друзья? Какъ вы тутъ? Позвольте на васъ посмотрѣть?»

— Хорошій онъ, братъ, человѣкъ, все болѣе и болѣе оправдывался старикъ подъ вліяніемъ ожидаемаго ужаснаго видѣнія. Онъ тебя оборвать — оборветъ, — это правда! Потому у него зубъ ужъ такой.... Но за то, ежели бы ты зналъ, какъ онъ меня милуетъ?.. Вѣдь я тоже въ старину, о-охъ какой былъ! Ягода-малый! Вѣдь это онъ про меня все правду-матушку рѣжетъ. Много тоже и мы добрымъ людямъ тяготы понатворили. Запивахой былъ, буяномъ, драчуномъ былъ, — добрымъ человѣкомъ только не былъ.... Нечего грѣха таить?...

Большой страхъ нагонялъ содержатель постоялаго двора на старика, такъ что ему надобилось очень много времени для того, чтобы свалить съ себя тяжелое впечатлѣніе и снова войти въ колею своихъ нескончаемыхъ восхваленій мелькавшей передъ нами жизни, точно также какъ и съ моей стороны требовалось изрядное количество малиновки, чтобы онъ скорѣе и успѣшнѣе могъ изъ мокрой, застращенной курицы превратиться опять въ майора, и, вмѣсто унылаго раскаянія въ своихъ собственныхъ прошлыхъ грѣхахъ, принялся за убранство этой убогой людской суетни сокровищами своей доброй души.

— Уѣх-халъ! вдругъ иногда восклицалъ старикъ, живо порѣшивши съ тѣмъ оцѣпенѣніемъ, которое навелъ на него дворникъ. Слышь, енералъ? За сѣномъ отправился хозяинъ-то нашъ! Ишь какъ покатилъ, добренькій! Ахъ, жеребчикъ этотъ у него справедливъ очень—у мужичка тутъ его у одного по сосѣдству за долгъ заграбасталъ—и мужичокъ этотъ, я прямо тебѣ скажу: несчастненькій такой, — овдовѣлъ, самъ-сёмъ съ ребятишками остался съ маленькими; теща въ судъ его, пить принялся; зоветъ онъ, признаться, меня въ отцы къ себѣ....

— Чѣмъ тебѣ, — говоритъ онъ, — Ѳедоръ Василичъ, по чужимъ людямъ шататься, приходика-ка ко мнѣ. Авось на печи мѣсто найдется. Ну а я, когда онъ со мной начнетъ этакимъ маneромъ разговаривать, думаю про себя: вотъ кладъ нашелъ, чудачокъ! Къ малымъ-то да еще стараго захотѣлъ приспособить.... Нейду, — право слово! Думаю: лучше же я по улочкѣ какъ-ни-

будь разойдусь,—по крайности, хоть разомну жениховскія кости, чѣмъ имъ на чужой печи-то валяться.... хе, хе, хе!

Пользуясь драгоцѣнной свободной минутой, старикъ встаскивалъ на балконъ живо вскипяченный самоваръ,—съ стремительностью, свойственною только обезьянамъ да сумасшедшимъ, бѣгалъ изъ лавки въ кабакъ, изъ кабака въ бѣлую харчевню, гдѣ отыскивалъ всѣ возможныя произведенія природы и искусства, имѣвшія сугубо скрасить нашъ праздникъ—и наконецъ, запыхавшись, онъ садился напротивъ меня, освѣщалъ меня широкой, по всей бородѣ его сіявшей улыбкой и говорилъ:

— Получай сдачу! Три, братъ, гривенничка! Нарочно новенькихъ выпросилъ. Пущай, молъ, думаю—онъ ихъ въ кладъ положитъ.... А ты думалъ какъ? Ты, можетъ, думалъ—утаитъ, молъ, майоришка мои деньги.... Какъ же! Я з-знаю: ты и самъ мнѣ дашь. Хе, хе, хе! Ну, будь здоровъ! Тебѣ налить передъ чаемъ-то?...

Затѣмъ наша комната наполнялась разновозрастными ребятишками, которыя, картавя и взвизгивая отъ какихъ-то внезапно приспѣвшихъ радостей, вскакивали къ старику на колѣни, дергали его за бороду, щелкали его по лысинѣ, воровали пріобрѣтенныя имъ произведенія природы и искусства и съ громкимъ хохотомъ толковали мнѣ:

— Балинъ! Акшанъ Фанычь! Сто ты сталика не выгонисъ? Ево всѣ у насъ по сеямъ гоняютъ... Мамка говоритъ: онъ—дулакъ, пьяница!... Ха, ха, ха!

Старикъ барахтался съ дѣтьми, удерживая на своихъ колѣняхъ цѣлую охапку всевозможныхъ шалостей, и въ тоже время таинственно подмаргивалъ мнѣ: гляди, дескать, какъ разбѣсилисы! Уйму нѣтъ никакого! Смотри—не спугни только; а то все это веселье живо слетитъ съ нихъ, какъ птицы съ деревъ....

Въ полуотворенную дверь нашего обиталища, смѣясь, и робѣя, поглядывали какіе-то люди, съ которыми я отчасти былъ уже знакомъ, благодаря разсказамъ майора, и которыхъ, обыкновенно, мой хозяинъ сурово отгонялъ отъ своего дома. Видимо было, что имъ очень желалось проникнуть въ комнату; но изъ какой-то боязни они не шли внутрь нашего свѣтлаго ребячьей радостью чертога, а только почтительно улыбались и нерѣшительно толклись на одномъ мѣстѣ.

— Што заробѣлъ? ободрительно крикнулъ майоръ какому-то старику, вставившему въ дверь свою жидкую, черную съ рѣзкой просѣдью бороду. Ай ты не видишь, къ какому ты барину пришелъ? Не тронетъ,—будь спокоенъ!... Не пьянство тутъ какое у насъ идетъ,—Христосъ съ нами!

Ободренный этимъ приглашеніемъ, старикъ входитъ къ намъ и сочувственно спрашиваетъ:

— Што, уѣхала ваша кандала-то?... Запировали?

— Уѣхала, братъ! торжествуетъ майоръ. За сѣномъ укатила, только бубенцы зазвенѣли.... Ха, ха, ха! Пей чай, — садись!

Посторонній старикъ, желая показать мнѣ свою серьезность, не имѣющую ничего общаго съ звонкой веселостью набравшихся въ комнату ребятъ, начинаетъ со мной солидный и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжно-ласкающій разговоръ:

— Позвольте, сударь, спросить, въ какомъ чинѣ находились?... Видимъ — живетъ у насъ баринъ.... Оченно это антиресно....

— Што ты эту пустяковину-то разводишь? укоризненно перебиваетъ майоръ нескромный вопросъ. Ты прямо говори: желательно, молъ, мнѣ, сударь, водочки у васъ пропустить.... Вотъ тебѣ и сказъ весь! А то въ какомъ чинѣ?... Кушай-кось на доброе здоровье! Не обидитъ, — будь спокоенъ. Сказано ужъ! въ какомъ ч-чинѣ.... Ну-ка перекрестись!...

Дымъ пошелъ у насъ коромысломъ! Ребятишки весело возились, отбивая другъ у друга какую-то картинку, найденную ими на столѣ, — майоръ хохоталъ и подзадоривалъ ихъ; а посторонній старикъ, сдѣлавшійся уже непритворно серьезнымъ, то грозно прицыкивалъ на дѣтей, представляя имъ всю несообразность ихъ буйственныхъ поступковъ, продѣлываемыхъ передъ бариномъ, то съ манерой обличающей самаго свѣтскаго человѣка, указывалъ перстомъ на розовый полуштофъ и спрашивалъ меня заплетающимъ мыслете языкомъ:

— Ваше высокоблагородіе! Можно еще... Будьте безъ сумлѣнія: м-мы не какіе-нибудь.... Сами во всякое время во всякій часъ можемъ отвѣтить хорошему человѣку за его угощеніе.... Тоже вотъ состоялъ у насъ на знакомствѣ гос-сподинъ полковникъ одинъ, изъ военныхъ.... Такъ это, примѣромъ, на плечикахъ у него золотые палеты лежатъ.... Онъ мнѣ однажды говоритъ: др-руг-гъ!...

— Пош-шелъ ты, Господній человѣкъ! прекращаетъ майоръ эту откровенность, наливая знакомому съ полковникомъ человѣку полный стаканъ водки. Вотъ дёрни лучше, чѣмъ нёбо-то языкомъ обивать....

— Это такъ! меланхолически соглашается посторонній старикъ. Затѣмъ онъ, зажмуривши почему-то глаза, медленно выпиваетъ поднесенный ему стаканъ, тяжело вздыхаетъ и задумывается о чемъ-то, должно быть, весьма важномъ, потому что задумчивость эта разрѣшается громкимъ ударомъ по столу и буйственымъ крикомъ:

— Майоръ! Ѳедръ Васильевъ! Ты меня знаешь? Сколько разъ училъ я тебя? Говор-ри! Отчего ты мнѣ—здѣшнему обывателю— отвѣта не даешь никакого? Ты кто передо мной? Червь!...

— Свалился съ копытъ, — шабашъ! докончилъ майоръ эту рѣчь. Надо пойти—позвать сына сапожника, чтобы убралъ отца. Добёръ старичокъ-то очень, только вотъ забрусить у него ежели,— блажитъ.... Ахъ, какъ блажитъ! Бѣдовый! Ты не гляди, што онъ беззубый совсѣмъ....

— Што это какъ крѣпко нашъ тятенька захмѣлѣли? говорилъ приведенный майоромъ молодой парень въ загрязненномъ фартукѣ изъ толстаго полотна и съ ремнемъ, опоясывавшимъ его голову. Потѣшно это однако, какъ они накушались! Ахъ сударь! Вы намъ и не въ примѣту, — извините-съ! Мы тутъ, признаться, сапожники, — свое мастерство открыли, потому какъ въ Москвѣ, у этого у самаво Пироне, первымъ мастеромъ бымши-съ!... Нильзя-съ.... Пожалуйте ручку-съ.... Очень пріятно!

— Пей-ка вотъ, пей, да отца-то бери! подноситъ майоръ стаканчикъ и этому молодцу. Ахъ, не люблю я въ молодыхъ ребятахъ, какъ это они одни пустые разговоры разговариваютъ! Рады теперича, што баринъ молчитъ.... Да почемъ ты знаешь: онъ, можетъ, теперь про тебя самымъ поскуднымъ образомъ понимаетъ!... Можетъ, онъ надъ тобою надсмѣивается; а, можетъ, и жалѣетъ онъ насъ съ тобой — дураковъ....

— Нѣтъ-съ! Помилуйте, Ѳедръ Василичъ-съ! За чѣмъ же-съ? А какъ у насъ, по нашимъ окрестностямъ, нѣтъ настоящихъ господъ.... Самимъ вамъ это довольно даже извѣстно-съ.... Но за мѣсто тово въ Москвѣ у насъ, всегда тебѣ папиросу даютъ.... Извольте, — говорятъ, — вамъ, г. мастеръ, папиросу, — вѣрно-съ! Потому больше все въ долгъ отпущали.... Мы вотъ къ чему-съ!...

— Ну такъ ты, выходитъ дѣло, и пей!...

— А за это мы вамъ благодарны!.... Вотъ какъ, — одно слово!... Мы тоже, сударь, наслышаны объ вашей простотѣ, — обратился молодецъ съ своимъ глубокимъ поклономъ въ мою сторону, несмотря на то, что стаканъ подносилъ ему майоръ, а вовсе не я.

Все наше такъ нечаянно собравшееся общество глубоко увлеклось переноской посторонняго дѣда подъ его собственную кровлю. Майоръ кричалъ ребятишкамъ:

— Подхватывай, подхватывай его подъ голову-то! Ахъ, пострѣлы вы этакіе! Не видютъ, какъ она у него подъ гору завалилась! За што-же я васъ гостинцами всякими угощалъ?

— Да што, дяденька, — плаксиво отвѣчали ребятенки, совсѣмъ уже бросая порученную ихъ попеченію голову. Ты лучше къ головѣ самъ приступись, а мы за ноги будемъ.... А то онъ тутъ-то кусается.... За палецъ меня тяпнулъ сейчасъ....

Послѣ этой переноски, у насъ сдѣлалось еще веселѣе. Ребятишки начали *приставлять*, какъ большіе въ гостяхъ бываютъ,

что они тамъ дѣлаютъ,—съ умильными рожицами просили денегъ на гостинцы, — другъ передъ другомъ разбалтывали семейныя тайны; а майоръ, балуясь съ ними, въ тоже время говорилъ мнѣ, положивши свои руки на мои колѣни:

— Нѣтъ, ты гляди, што у насъ за ребята! У насъ ребята—воръ! Съ чево? А отцовъ у нихъ нѣтъ,—вотъ съ чево! Ха! Мы тоже, братъ, кое-что понимаемъ,—не лыкомъ шиты.... Вотъ они теперича говорятъ: дѣдъ-дуракъ. А кто ихъ этому выучилъ? Можешь ты объ этомъ понимать? Нужда выучила!... Отцы всѣ живутъ кое въ Питерѣ, а кое въ Москвѣ,—пишутъ оттуда женамъ: «ежели въ случаѣ чего, избави тебя Господи!... Лучше тебѣ живой въ могилу зарыться!...» Пописываютъ такъ-то, а сами по пяти годовъ въ погребахъ въ московскихъ торгуютъ, въ услуженіяхъ въ разныхъ живутъ, въ трактирахъ... И выходитъ такое дѣло, што бабы безъ мужьевъ смертной тоской тоскуютъ — дѣвокъ безъ ребятъ тоже одурь беретъ; а тутъ жиндары пришли къ намъ, всякій гулящій народъ идетъ.... Вотъ они безпутные ребятишки-то у насъ и рожаются....

— Н-ну только пошли ты, другъ сердечный, мнѣ, старичку, еще кое за чѣмъ, — потому старичку тошно разговаривать объ этомъ поскудствѣ.... Давай, — добѣгу....

— Куда ты тепель пойдешь, дѣдуска? говоритъ какой-то мальчуганъ, устремивши въ дѣда черные, любопытные глазки. Ты пьянъ теперь. Меня лучше пошли,—я тебѣ живо скомандую.

— Ужъ тебѣ-то и скомандовать! споритъ другой, болѣе взрослый малышъ. Ты вотъ штанишки-то поскорѣе учись подвязывать.... Ха, ха, ха! А то тоже за виномъ идти хочетъ.

— Меня мама завсегда посылаетъ. Дяденьки, какіе ежели у насъ бываютъ, тоже смѣются надо мной, — говорятъ: дѣйствуй, Мишутка, въ кабакъ,—тебя не обманутъ.... Нетаковскій!

— Добрые вѣдь; а чему съ самаго малолѣтства обучаются отъ этого гулящаго народа, — бѣда! лаская ребятишекъ, жалуется мнѣ старикъ. Изъ люльки прямо—маршъ въ кабакъ! На всякій соблазъ, на воровство, на буянство на всякое. Охъ, ребята, ребята! Жаль мнѣ васъ,—до смерти жаль; а подѣлать съ вами ничего не могу.... Ничего нѣтъ у дѣда,—обѣднялъ дѣдъ!...

Старикъ наклонился къ моему уху и зашепталъ:

— Вотъ я у тебя пальто вижу. Въ залишкѣ оно у тебя и ни къ чему тебѣ не пригодно. Отдай ты его вотъ этому ребеночку. Какую рацею я тебѣ доложу? У добрыхъ людей у иныхъ отъ ней сердца обмирали. Семь человѣкъ ихъ — вотъ этакихъ великановъ—въ домѣ живутъ—и хозяйствомъ заправляетъ этакая ли старуха! Узнаешь,—засмѣешься!... Одиннадцати, братъ,

годовъ, — вотъ въ какую старость пришла! Кажись бы этимъ воробьятамъ колѣть нужно,—нѣтъ, живутъ. Истинно Господь бережетъ, потому сосѣди любезные точно-что свои руки къ ихнимъ головенкамъ сиротскимъ любятъ прикладывать: даже пухнутъ у нихъ головенки-то!... Хе, хе, хе! Дай пальтишечко-то,—я снесу хозяйкѣ, старушкѣ-то Божьей.... Она всю семью имъ обернетъ. Голубь мой! Не зазри ты старика, што старикъ по какой-нибудь корысти орудуетъ....

— А отъ чего гнѣздо въ раззоръ пошло? Вотъ отъ чего: мужъ женѣ пишетъ изъ Москвы: «дошли какъ до насъ слушки на счетъ вашихъ негодныхъ дѣловъ, то мы объясняемъ вамъ, что шоссейному вахтеру этому головы на плечахъ не сносить и вамъ тожъ....» Мужикъ спыльчивый,—всѣ знали. Замотали сосѣди головушками, — думаютъ: какъ это у нихъ пойдетъ? Очень это антиресно! Но только вахтеръ, наслышамшись про мужицкую правду, со страху запился и сбѣжалъ куда-то.... За нимъ и бабенка укатила. А мужикъ, словно угорѣлый, прибѣжалъ на деревню—кричитъ: «гдѣ, гдѣ они, идолы? Ужъ отыщу же я ихъ!» Да вотъ четвертый годъ все и отыскиваетъ.... Отдай пальтишечко-то,—не жалѣй! Тебѣ Господь за это сторицей....

— Ахъ какъ это мы щедры на чужое добро! вдругъ налетѣлъ на насъ, какъ снѣгъ на голову, содержатель постоялаго двора съ своимъ полуснисходительнымъ, полунасмѣшливымъ языкомъ. Это онъ насчетъ чего, ваше благородіе, лепортуетъ? Насчетъ помоги? Можно! Ну, майоръ, вынимай — и мы вынемъ.... Ха, ха, ха!

Хозяинъ досталъ изъ штановъ длинный кожаный кошель, началъ имъ трясти предъ глазами вдругъ почему-то обробѣвшихъ ребятишекъ и говорилъ сконфуженному майору:

— Вынимай! Вынимай! Поможемъ нашимъ сиротинкамъ, чѣмъ намъ чужого барина безпокоить. Вѣдь мы съ тобой здѣшніе обыватели, богачи.... Хе хе, хе! Раскашеливайся!

— Голубчикъ! заговорилъ мнѣ старикъ, перемѣнивши свое обыкновенное, такъ нравившееся въ немъ благодушіе на тонъ человѣка негодующаго и жалующагося. Смотри на него, какъ старый человѣкъ по пустякамъ зубы-то скалитъ. Вѣдь это онъ меня просмѣять предъ тобой норовитъ, штобы ты видѣлъ какой я передъ нимъ необстоятельный человѣкъ выхожу....

— Ну, ну, майоръ, разойдись! посмѣивался содержатель постоялаго двора.

— А ты думаешь, не разойдусь? Цѣлый вѣкъ протерплю?

— Про то и толкую: расходись!...

— Слышишь, баринъ, за что они меня майоромъ прозвали? Вотъ эти милые-то.... Сказалъ я имъ, муракъ, какъ я изъ купцовъ однажды, большую торговлю бросивши, на Кавказъ въ солдаты убёгъ,—не продался, а по своей охотѣ. Думаю: посмотрю, какая такая на свѣтѣ война бываетъ. Сижу я такъ-то однажды на часахъ, на горкѣ,—пчелки около меня жужжатъ, плетеньки какіе-то узорные по обрывамъ сбѣгаютъ,—сижу я это, судырь ты мой, съ ружьецомъ обнявшись и думаю: Господи! Хоть-бы капельку счастья!... Гдѣ-то, молъ, оно запропало отъ меня — отъ молодца? А *онъ* вдругъ меня изъ-подъ горы-то и проздравилъ.... Какъ грохнетъ въ пистолетъ! Я съ горы-то за нимъ,— бѣгу самъ не знаю куда и за чѣмъ,—настигъ, да какъ шарахну его штыкомъ въ бокъ.... Кровь на траву потекла,—захрипѣлъ!... Мущина, вижу, дюжій, — все тѣло у него ходенемъ пошло! Вздрагиваетъ, словно бы его холодной водой окатили.... Смотрѣлъ—смотрѣлъ я на него, ровно бы въ полоумствѣ какомъ— и заплакалъ, по бабьему закричалъ во весь голосъ. Господи! Думаю, за что это я человѣка-то ухлопалъ, словно барана какого?... Такъ вотъ они теперича надъ этимъ дѣломъ грохочутъ вотъ уже который годъ.... да майромъ и прозываютъ.

— Што же тебя за твои глупые разговоры хвалить, што ли?

— Нуждаюсь я въ твоей похвальбѣ! Ты понимай только, сколь это человѣку тяжело, ежели безъ пути про него подлые разговоры ведутъ.... Ради скуки.... Вѣдь это все одно, что петлю на шею надѣть человѣку и тянуть его, смѣючись, а особенно ежели какой человѣкъ въ понятіи состоитъ въ настоящемъ.... А? Вамъ этого не дано?... Вамъ только зубы скалить....

— Расходись! Расходись! подзадоривалъ дворникъ.

— Нечево, другъ! Меня не раззадоришь.... Наплясался я подъ эти ваши музыки-то, съ меня будетъ. А вы вотъ, баринъ, прислушайте, отъ чего я бѣденъ теперь сталъ, нагъ и босъ. Все вотъ отъ этихъ — отъ смѣхуновъ-то.... Не я ихъ смолоду спаивалъ, а они меня. У меня, глядя на ихъ поскудство, сердце все изболѣло. Я встарину молодецъ былъ, деньги умѣлъ изъ кремня доставать, потому было ли дѣло на свѣтѣ, какого бы Ѳедоръ Васильевъ не оборудовалъ? А на мразь на эту смотришь— смотришь, бывало, какъ она мается, — ну, думаешь: дай же я имъ душу-то хоть разъ отведу.... Пущай, молъ, хоть разокъ сердчишки-то у нихъ, какъ слѣдуетъ, поиграютъ.... И тутъ съ ними ничего, бывало, не сотворишь. Одинъ день на чужія деньги пропьянствуютъ, а на другой—нюнить примутся.... Родителямъ начнутъ жаловаться: Ѳедоръ Васильевъ ихъ въ соблазъ ввелъ.

— Вотъ онъ у насъ майоръ-то какой! подсмѣивался мнѣ хозяинъ, теряя однако въ значительной степени ту самоувѣренность, съ какою онъ обыкновенно нападалъ на старика. Я вамъ говорилъ сударь,—вы его раскусите только....

— За дѣло взялся,—продолжалъ старикъ, не слушая хозяйскихъ рѣчей, — ограбили. Сколько деньги моей разошлось по околотку,—конца краю нѣтъ! Жену изъ дальнихъ краевъ привезъ — смутили. И что только отъ скуки эти люди про нее не разговаривали: быдто, то-есть я ее *съ кобылы* взялъ, изъ-подъ палача.... Не снесла баба этой городьбы, — стала задумываться, чахнуть,—ну и сгасла!...

— Помню, сидишь гдѣ-нибудь бывало, а они шушукаютъ: «совсѣмъ вѣдь бабенку-то его стегать привезли на базаръ, а проходимецъ-то нашъ тутъ и случись. Сжалобился сейчасъ и говоритъ начальникамъ: не стегайте ее, почтенные господа, потому я съ ней вступлю въ законный бракъ....»

— Ну да нечего, что было—то прошло, — что будетъ — увидимъ, а теперь просимъ, сударь, прощенья!... Подошелъ ко мнѣ наконецъ старикъ, обнялъ и поцѣловалъ. Вѣдь онъ мнѣ никогда отдыху не даетъ, — прибавилъ майоръ, показывая на хозяина. Пріючусь я такъ-то у какого-нибудь хорошаго человѣка, такъ онъ ему такое на меня сплететъ.... Свѣжіе какіе люди отъ скуки этими разговорами съ нимъ пристально занимаются,—и вѣрятъ. Ты-то, я знаю, не повѣришь. А съ молоду, признаться, чтобы какъ-нибудь грызню-то унять ихнюю, дюже ухитрялся я приладиться къ нимъ: то-это форсъ, бывало, на себя напущу, то деньгами примусь одѣлять, то смиренствомъ пронять ихъ старался.... а они-то: ха, ха, ха!... ну, самъ виноватъ! не такъ нужно было! во всемъ самъ виноватъ! Объ этомъ у Господа-Бога моего на страшномъ судѣ буду прощеніе просить, чтобы онъ меня разсудилъ.... можетъ, и мнѣ выйдетъ прощенье отъ него — отъ батюшки....

Печально склонивши внизъ сѣдую, лохматую голову, старикъ вышелъ, а содержатель постоялаго двора, сидя на стулѣ, протяжно заговорилъ мнѣ:

— Вотъ за то никто и не любитъ стараго! какъ начнетъ, какъ начнетъ; а вѣдь кажись-бы при такой, при бѣдности, правду-то въ карманъ нужно прятать.... Всякая курица его теперь можетъ обижать, не токма́ человѣкъ.... Съ достаткомъ особенно!...

Болѣе уже не будили меня веселые стариковскіе крики.

Другой день, послѣ описаннаго разговора, начался въ шоссейной деревушкѣ страшнымъ гвалтомъ:

— Гдѣ, гдѣ онъ? звонко стукая сапогами, кричали на улицѣ люди. Кто-же это его отработалъ.

— Тутъ отработаютъ....

— Гдѣ онъ лежитъ-то? Надо взглянуть. Какъ онъ? Ножомъ кто-нибудь, али какъ?

— Кулакомъ кто-то ухитрился! Всю башку разнесъ. Говорили чудаку: не мѣшайся не въ свое дѣло.... эхъ, майоръ, майоръ! доколотился до какого дѣла!

— Укокошили, сударь, друга-то нашего! пояснилъ мнѣ людскую суетню содержатель постоялаго двора, вошедши въ комнату. Пойдемте туда. У вдовы тутъ у одной—у бѣдной—лежитъ. Надо свѣчекъ купить, ладонцу, того да другого, — помогите, ежели ваша милость будетъ. Нельзя-съ человѣку, какъ собакѣ какой умирать. Весь вѣкъ жилъ, какъ люди добрые не живутъ,— похоронимъ хоть по крайности.... по-христіански....

Мы съ хозяиномъ пришли въ какую-то маленькую развaленную избенку, гдѣ сидѣла сѣдая старуха, задумчиво и серьезно принимавшая отъ доброхотныхъ дателей различныя приношенія, имѣвшія сдѣлать конецъ стариковой жизни хоть сколько-нибудь похожимъ на всякій христіанскій конецъ.

Сморщенный старикъ, изъ отставныхъ солдатъ, дряхлый такой, то и дѣло понюхивая табакъ, уныло гнусилъ по псалтырю, переплетенному въ замасленную кожу: «Малъ бѣхъ въ братіи моей и юншій въ дому отца моего»...

Въ бѣлую, какъ китель, рубаху кто-то облачилъ старика. Она была не застегнута и показывала тощую, желтую грудь. Лѣвая щека и високъ были, какъ разговаривала улица, дѣйствительно разнесены какимъ-то лихимъ шоссейнымъ кулакомъ. Лѣвый глазъ выпятился изъ орбиты красной, одутловатой шишкой, накрытой сѣдыми разцвѣченными запекшейся кровью волосами; а правымъ уцѣлѣвшимъ глазомъ, мнѣ казалось, старикъ, какъ и во времена нашего съ нимъ добраго знакомства, шутливо и ласково помаргивалъ мнѣ и говорилъ:

— Андѣлъ, прости-ты меня, старика, Христа-ради, виноватъ! Сбѣгать,—что-ли? хе.... хе.... хе!...

А. Левитовъ.

БѢЛГРАДЪ

ЕГО

УСТРОЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Изъ записокъ путешественника.

II*).

Бѣлградская общественная жизнь: въ гостяхъ и въ семействѣ. — Мужчина и женщина.—Ихъ образованіе и взаимныя отношенія.—Измѣненіе жизни по календарю отъ перваго Юрьева дня. — Юрьевъ день. — Марковъ день и коло. — Куда дѣваться вечеромъ?—Наканунѣ топчидерской катастрофы и послѣ нея.— Политическіе дѣятели и ихъ органы.— Метаморфозы. — Вліяніе Австріи на политическую и умственную жизнь. — Въ новой гостинницѣ и въ новомъ обществѣ.— Паланчане.—Проявленіе новой жизни. — Замѣчаніе о театрѣ.—Въ редакціяхъ.—Въ читальняхъ.—Дѣти.—Заключеніе.

Въ Бѣлградѣ трудно найти центръ для общественной жизни. Гдѣ искать этого центра? Клубовъ и обществъ литературныхъ, торговыхъ или промышленныхъ здѣсь не существуетъ (нынѣшнимъ лѣтомъ только-что открылся одинъ клубъ подъ именемъ «Гражданское казино»); общественныхъ баловъ и другихъ увеселеній тамъ нѣтъ; нынѣшней только зимой открытъ театръ; есть, правда, «общество пѣвцовъ», но это горсть людей, которыхъ не связываетъ ни идея, ни даже любовь къ искусству, многіе поютъ, совершенно не имѣя ни слуха, ни голоса, и существуетъ это общество какъ-то безцѣльно и безслѣдно, заявляя о своемъ существованіи два раза въ годъ литературно-пѣвческими вече-

---

*) См. выше, апр. 530 стр.

рами, которые большею частію бываютъ неудачны; потомъ есть «читалище», которое слабо посѣщается и едва существуетъ; какихъ-нибудь вечеровъ, баловъ и другихъ собраній семейныхъ здѣсь также не имѣется: такія собранія, существуютъ только въ кругу здѣшняго дипломатическаго корпуса, у начальника таможни и у двоихъ-троихъ нѣмцевъ.

Довольно значительныя собранія у сербовъ вы можете видѣть только въ дни такъ-называемой *славы*. Всякое семейство имѣетъ патрона своего рода и этотъ день славитъ, т.-е. празднуетъ. Если кто не посѣтитъ родного или знакомаго въ день *славы* — это великая обида. А такъ какъ въ Бѣлградѣ всѣ почти между собою знакомы, то посѣтителей на *славѣ* бываетъ великое множество. Это происходитъ обыкновенно такъ. Съ утра служится молебенъ, при которомъ освящается особенно для того испеченный *колачъ* (плоскій, круглый хлѣбецъ, здобный, сладкій и съ разными пряностями) и *коливо* (въ родѣ нашей кутьи изъ риса); затѣмъ на столѣ зажигается восковая свѣча аршина полтора въ вышину, тутъ же ставятъ *колачъ* и *коливо*, и хозяева ждутъ посѣтителей. Всякій, войдя, поздравляетъ хозяина; гостю подаютъ коливо и колачъ, онъ съѣдаетъ того и другого понемногу; потомъ хозяйка или дочь (служанка почти никогда) подаютъ *сладкое* (варенье): вы съѣдаете ложечку варенья и запиваете водой; тутъ же подается рюмочка *ракіи* и *черный кофе*, иногда вмѣстѣ съ ракіей или отдѣльно стаканъ вина. Выпивая ракію или вино, вы выражаете ваши пожеланія дому. Кромѣ колива и колача остальное подается непремѣнно трижды. Тѣмъ кончается визитъ и вы уходите. Визиты эти дѣлаются утромъ или послѣ обѣда, что все равно, такъ что они продолжаются цѣлый день до вечера часовъ до семи, и перебываетъ, можетъ быть, въ день человѣкъ до 100, а то и до 200, если личность болѣе или менѣе популярная. Людей близкихъ хозяинъ приглашаетъ, если не на обѣдъ, то на ужинъ. Вечеромъ то и дѣло обносятъ гостей виномъ и кофе, подаютъ также разныя сласти и закуски: конфекты, пряники, орѣхи, фрукты. Всѣ пьютъ чрезвычайно понемногу, потому что нужно разсчитывать иногда на цѣлую ночь. Для увеселенія гостей являются непремѣнно музыканты, нѣсколько человѣкъ цыганъ-скрипачей, иногда тутъ же являются двѣ цыганки, которыя забавляютъ публику пляской. Воодушевившись, и сама публика принимается пѣть свои любимыя пѣсни, а если есть просторъ, то бываютъ и танцы. Большею частью *играютъ коло*, взявшись за руки и проходя изъ комнаты въ комнату (объ *коло* мы будемъ говорить послѣ). За ужиномъ обыкновенно послѣ *печенья* (жаренаго) начинаются *здравицы* (тосты), сначала за хо-

зяина, а потомъ за гостей, за народъ, за славянство и т. п. При этихъ здравицахъ можно порядочно упиться, когда здравицы предлагаются задирающаго свойства и притомъ людьми вліятельными въ томъ кружкѣ и съ добавкою «пить до *темеля*», т.-е. до дна. Впрочемъ до такого одушевленія дѣло доходитъ обыкновенно только въ провинціи, а въ Бѣлградѣ почти никогда.

Въ другіе дни посѣщеніе семейныхъ домовъ довольно затруднительно. Если хозяина нѣтъ дома, то хозяйка рѣдко васъ приметъ. Вы только входите, а ужъ она вамъ впередъ отвѣчаетъ: «господина дома нѣтъ»; это значитъ вы должны отправляться назадъ; а господина дома нѣтъ — обыкновенно цѣлый день. Господинъ обыкновенно, если чиновникъ, цѣлый день на службѣ до обѣда и послѣ обѣда, а наровитъ улучить свободную минуту, чтобъ сходить въ кофейню, выпить извѣстную порцію пива или вина и, пожалуй, прочитать какую-нибудь газетку. Нѣкоторые, какъ профессора гимназіи, страшно заняты цѣлую недѣлю, имѣя около 30 часовъ, а праздники посвящаютъ на приготовленіе лекцій или просматриваютъ какія-нибудь ученическія работы: такихъ людей конечно и въ праздникъ посѣщать значитъ отнять у нихъ время; а если онъ не занятъ въ праздникъ, то наровитъ и самъ куда-нибудь уйти. Такимъ образомъ, если вы желаете съ кѣмъ-нибудь видѣться, то поневолѣ должны идти въ кофейню. Купецъ, разумѣется, цѣлый день въ лавкѣ и также въ кофейнѣ. Итакъ, сербъ цѣлый день въ лавкѣ или въ канцеляріи; если дома, то занятъ также работой въ кабинетѣ, его отдыхъ въ кофейнѣ; семьѣ онъ принадлежитъ только ночью. Жены у людей небогатыхъ заняты цѣлый день по своему: онѣ часто не имѣютъ ни кухарки, ни другой прислуги, такъ что такой женѣ некогда заняться и дѣтьми, вслѣдствіе чего она торопится сдать ихъ въ школу, и въ Сербіи не рѣдкость, что школу посѣщаетъ шестилѣтній ребенокъ. У людей зажиточныхъ за то женѣ ужъ совершенно нечего дѣлать, и она должна страдать отъ скуки, если не найдетъ какихъ-нибудь развлеченій, потому что чтеніе и вообще занятіе какими-нибудь свободными профессіями здѣсь еще очень мало распространены. Впрочемъ нужно замѣтить, что барствовать женамъ удается немногимъ: мужья сознательно, кажется, не держатъ лишней прислуги, хотя бы имѣли средства, чтобъ жена не имѣла досуга, и жены людей зажиточныхъ часто цѣлый день проводятъ на кухнѣ, заботясь, чтобъ кушанье вышло непремѣнно во вкусѣ супруга, а вкусъ этотъ иногда довольно причудливъ и въ требованіяхъ своихъ деспотиченъ.

Не думайте, чтобъ мужъ, цѣлый день не бывающій дома, не былъ попечительнымъ мужемъ. Напротивъ, заботливость о се-

мействѣ — одна изъ главныхъ его добродѣтелей; онъ заботится, чтобъ семейство его ни въ чемъ не нуждалось и потому входитъ часто въ мельчайшія подробности кухоннаго хозяйства, костюма жены и дѣтей, любитъ во всемъ чистоту и аккуратность. Отъ его зоркаго глаза не укроется ни одна пуговка, недостающая въ костюмѣ его ребенка, ни одно новое пятно на стѣнѣ. Это не только у семейнаго человѣка, но и у всякаго холостяка: первая потребность быть чисто и порядочно одѣтымъ, безъ роскоши и щегольства, и содержать въ порядкѣ и чистотѣ свой домъ или квартиру; затѣмъ тотчасъ слѣдуетъ служеніе желудку и прочимъ матеріальнымъ потребностямъ. При аккуратности и разсчетливости эта цѣль достигается легко и затѣмъ дѣлается экономія и мало-по-малу копится капиталецъ, покупается домикъ, и отдается подъ постой. И все это достигается путемъ экономіи и разсчета и отчасти капитальцемъ за женой, безъ чего никто не женится. Взяточничество въ этомъ случаѣ рѣдко помогаетъ, потому что оно вообще въ Сербіи не распространено, да въ большихъ размѣрахъ и невозможно, исключая нѣкоторыя мѣста, какъ окружныхъ начальниковъ и капетановъ, которыя до-сихъ-поръ составляли нѣчто въ родѣ кормленій. Конечно, министры и другіе высшіе чиновники, имѣющіе въ своемъ распоряженіи значительныя казенныя суммы, порядочно нагрѣваютъ руки; но большинство чиновниковъ съ этой стороны почти безукоризненно, за то и жизнь ихъ на низшихъ степеняхъ очень бѣдственная. Вотъ почему несчастный практикантъ, въ родѣ нашего писца, получающій 4 дуката (12 р. сер.) въ мѣсяцъ, постоянно твердитъ о своемъ *сиромаштвѣ* (бѣдности) и ждетъ *аванжиранья* (повышенія) въ протоколисты и далѣе, какъ узникъ свободы, и на бѣду не имѣетъ права жениться, такъ что званіе практиканта что-то ужасное. Онъ постоянно ноетъ и стонетъ, но по этимъ стонамъ вы уже можете судить, что за идея гвоздемъ сидитъ въ его головѣ, и можете быть увѣрены, что онъ добьется своего, получитъ повышеніе, а тамъ, глядишь, женится и заживетъ въ довольствѣ, по своему нраву, хотя по временамъ все-таки не перестаетъ жаловаться на бѣдность, потому что ему мало того, что живетъ хорошо, ему нуженъ капиталецъ, онъ хочетъ скорѣе обезпечить свою будущность, чтобъ ему не угрожали никакія превратности судебъ, на которыя въ Сербіи постоянно нужно разсчитывать. «*Ми смо сиромаси*» (мы бѣдняки) ходячая фраза въ устахъ каждаго сербина — богатаго и бѣднаго одинаково, и указываетъ ясно, что главная цѣль всѣхъ — обогатиться, и нѣтъ сомнѣнія, что такъ упорно преслѣдуемая ими цѣль въ непродолжительномъ времени будетъ достигнута. Это громко исповѣ-

дуемое сознаніе своего *сиромашества* отнюдь не похоже на что-нибудь въ родѣ нищенскаго клянченья. Нищенства въ Сербіи нѣтъ: въ Бѣлградѣ есть одинъ нищій увѣчный, постоянно сидящій близъ бывшей Гайдукъ-Вельковой кофейни, и одна цыганка, также какъ-то больная, близъ делійской чесмы, которые однако не просятъ, а просто сидятъ молча, и проходящіе иногда имъ подаютъ. Побираются иногда какіе-нибудь странники и то рѣдко, потому что всѣ они имѣютъ своихъ земляковъ, которые и помогаютъ имъ общиной. Сербы довольно скупы или, вѣрнѣе сказать, разсчетливы, и потому помогать даромъ не любятъ и нищихъ не терпятъ; за то трудно себѣ представить, чтобъ и сербинъ изъ княжества протянулъ руку за милостыней.

Литература, наука, искусство — покуда не составляютъ насущной потребности серба. Что касается литературы, то сербы до страсти любятъ сами сочинять, но читать положительно не любятъ: въ наукѣ ищутъ непремѣнно практическаго примѣненія сейчасъ же, въ данный моментъ, польза отдаленная ихъ не прельщаетъ; музыку и пляску сербы любятъ, но ихъ вполнѣ удовлетворяетъ народная пѣсня и коло. Я знаю нѣкоторыхъ изъ молодежи со средствами, которые, взявши нѣсколько уроковъ на скрипкѣ, потомъ продолжаютъ доходить сами, и цѣлые часы пилятъ свои народныя мелодіи, не чувствуя ни малѣйшей потребности изучить пьесу хорошаго европейскаго композитора. Къ рисованью и лѣпному искусству у нихъ очень много способности, что можно видѣть на выставкахъ бѣлградской реальной школы, причемъ нельзя не пожалѣть, что школа эта бѣдна, какъ по личному составу, такъ и прочими средствами.

Сербъ — практикъ въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Это можно видѣть по лицейской молодежи. Всѣ они изучаютъ право, хотя по юридическимъ наукамъ не имѣютъ профессоровъ, которые могли бы привлечь своимъ чтеніемъ. Скажите любому изъ нихъ: «Почему вы не изучаете естественныхъ наукъ, для которыхъ вы имѣете такого отличнаго профессора (Панчича) и въ знаніи которыхъ въ настоящее время чувствуется всѣми насущная потребность, тѣмъ болѣе, что изъ вашей великой школы вы не можете выйти даже порядочнымъ юристомъ, и по самой программѣ школы видно, что назначеніе ея дать общее образованіе, а не приготовлять спеціалистовъ, для чего васъ послѣ отправляютъ въ заграничные университеты?» Всякій навѣрное начнетъ свой отвѣтъ словами: «Мы, сербы — практики» и т. д. Высшая цѣль его быть адвокатомъ и получать такимъ образомъ не меньше 1,000 дукатовъ въ годъ, или высокимъ чиновникомъ. Даже профессура не привлекаетъ (впрочемъ, въ ней

нѣтъ ничего привлекательнаго), и даже сами профессора постоянно смотрятъ какъ бы выйти на какое-нибудь другое мѣсто. Я былъ свидѣтелемъ, какъ въ коммиссіи для устройства школъ педагогическіе вопросы рѣшались фразою: «мы, сербы—практики... Считая реализмъ тожественнымъ съ грубымъ матеріализмомъ и узкой практичностью, сербы увѣрены, что въ своемъ узкомъ направленіи они идутъ за духомъ вѣка. Много заблужденій существуетъ у нихъ именно вслѣдствіе узкаго пониманія вещей, чему конечно помогаетъ узкій принципъ практичности, положенный въ основаніе ихъ школъ и всего образованія.

Сербу совершенно чуждъ идеализмъ, въ смыслѣ преданности какой-нибудь идеѣ; но поидеальничать дешевымъ образомъ, посантиментальничать онъ не прочь. Онъ любитъ часто поговорить о красотахъ природы, восхищаться звѣзднымъ небомъ и углубляться въ непостижимыя тайны міровово пространства, отдаваясь притомъ самымъ мистическимъ толкованіямъ, любоваться нѣжнымъ цвѣткомъ, воспѣвать голубиныя чувства, которыя даетъ семейная жизнь, любоваться идеальной красотой женскаго портрета на фотографіи и т. д. Но въ тоже время я положительно знаю, что онъ всѣмъ міровымъ задачамъ всегда предпочтетъ хорошее жалованье, всѣ красоты природы готовъ отдать за жирныя сармы въ виноградномъ или капустномъ листѣ (рублёное мясо), или за хорошій кусокъ молодого барашка, испеченнаго на *рожнѣ* (вертелѣ), прошпигованнаго чеснокомъ и посыпаннаго паприкой, и вовсе не идеальность прельщаетъ его въ красотѣ женщины.

Такое сантиментальничанье, невинное смѣшеніе дѣйствительности съ фикціей, противорѣчіе слова съ убѣжденіемъ, конечно дѣло неважное; но оно вноситъ ложь во всю жизнь общества: вы встрѣтитесь съ нимъ въ явленіяхъ жизни общественной и политической, гдѣ оно принимаетъ видъ гнуснаго ханжества и можетъ имѣть весьма серьезныя слѣдствія. Во время прошедшей катастрофы 29-го мая сантиментальные люди, движимые піэтетомъ къ погибшему князю, громко на улицахъ и на сборищахъ требовали казни, ни много ни мало, какъ всѣхъ, кто стоялъ въ оппозиціи къ прежнему правительству: это значило вырѣзать не одну сотню лучшихъ людей Сербіи! И не подумайте, чтобъ это былъ слѣпой фанатизмъ; нѣтъ, тутъ былъ разсчетъ выставить свою приверженность къ династіи Обреновичей, когда видно было, что она взяла верхъ, или чтобъ отклонить отъ себя подозрѣніе въ участіи въ заговорѣ, или наконецъ, чтобъ погубить того, кто стоялъ ему поперегъ дороги. Да, я былъ свидѣтелемъ, какъ смертный приговоръ надъ преступниками произносили сами пре-

ступники; я видѣлъ, какъ одинъ изъ приближенныхъ покойнаго князя, человѣкъ въ чинахъ и почетѣ, плевалъ въ лицо людямъ обреченнымъ на казнь, въ то время какъ ихъ вели къ столбу для разстрѣливанія; недавно цѣлая Европа могла читать проклятія, занесенныя въ уставъ новѣйшей сербской конституціи. Люди, стоящіе во главѣ Сербіи, конечно понимаютъ всю несообразность и гнусность подобныхъ вещей; но они, собравши кучу простаковъ, называемую народной скупштиной, рисуются тѣмъ передъ ними, дѣлаютъ поблажку тѣмъ именно дурнымъ инстинктамъ, которые есть во всякомъ народѣ, и проистекаютъ отъ его простоты и необразованности.

Все это конечно остатки туречины и варварства, сверху только покрытые лоскутами европейской цивилизаціи, и должны пасть съ распространеніемъ истиннаго образованія. Но гдѣ оно, это истинное образованіе?

Если измѣрять образованность народа количествомъ школъ и одною грамотностью, то Сербія въ короткое время сдѣлала громадный успѣхъ. Въ ней и теперь уже между молодежью рѣдко найдется безграмотный. На 1.200,000 жителей она имѣетъ около 400 низшихъ школъ, въ которыхъ учатся около 20,000 обоего пола дѣтей; двѣ полныхъ классическихъ гимназіи, и четыре полугимназіи, одну среднюю реальную школу и три низшихъ, военную академію и лицей; для духовенства семинарію. Для довершенія образованія кончившіе курсъ въ лицеѣ отправляются на казенный счетъ въ заграничные университеты каждый годъ до 40 человѣкъ, а изъ академіи въ высшія военныя заведенія за границей, изъ семинаріи поступаютъ въ русскія духовныя академіи. Кромѣ того, есть нѣсколько стипендій отъ сербскаго и русскаго правительствъ въ различныхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи. Многіе молодые люди отправляются за границу для усовершенствованія въ какихъ-нибудь спеціальныхъ знаніяхъ или для общаго образованія на свой счетъ, такъ что встрѣтить въ какой-нибудь канцеляріи на низшей должности человѣка съ заграничнымъ образованіемъ въ Сербіи нерѣдкость. Но отъ чего эта образованность такъ мало сказывается въ наукѣ, литературѣ и общественной жизни?

Всякій сербъ на это отвѣтитъ: «Чего вы хотите отъ насъ? мы недавніе; слава Богу, что и то имѣемъ!» Этотъ отвѣтъ я слышалъ отъ сербовъ сотни разъ и на сотни вопросовъ, и въ основаніи его лежитъ одна черта сербскаго характера — самодовольство. Нельзя дѣйствительно не признать, что Сербія сдѣлала по времени значительные успѣхи во всемъ; но, зная, какими она располагала средствами, сколько тратится на все, какъ

много и какъ охотно на это жертвовалъ сербскій народъ, нельзя не потребовать больше того, что сдѣлано, и не обратиться за отчетомъ къ тому, кто этими средствами распоряжается. Не требуя многого, можно, кажется, требовать, чтобъ въ томъ, что дѣлается, былъ толкъ и польза, а мы этого-то послѣдняго и не находимъ.

Разсматривая сербскую литературу съ половины прошлаго столѣтія до настоящаго времени, нельзя не замѣтить ея застоя въ послѣднее десятилѣтіе. Число сочиненій возрастаетъ, но въ какомъ направленіи? Значительно увеличилось число сочиненій на случаи, лирическія стихотворенія, по богословію, повѣсть и романъ, и календари; а наука совершенно остановилась: естественныя и математическія науки неподвижны, по историческимъ наукамъ и по филологіи стало меньше, учебниковъ стало издаваться также меньше, прибавилось только сочиненій по политической экономіи и нѣсколько педагогическихъ трактатовъ; я не говорю объ эпической поэзіи, о драмѣ, для полнаго развитія которыхъ, можетъ быть, еще и не пришло время. Много явилось сочиненій юридическихъ и военныхъ, которыя, впрочемъ, если не переводы, то простыя толкованія или руководства для практическаго употребленія [1]). Въ политической и общественной жизни Сербія 68-го года отстала отъ Сербіи 58-го года. Въ торговлѣ также не видно прогресса: какъ была мелочною, такъ и осталась. Промышленность не развилась ни на волосъ. Остается только войско и чиновничество (считая въ томъ числѣ адвокатовъ), съ умноженіемъ которыхъ увеличились расходы и число тяжбъ. Мы рѣшительно утверждаемъ, что съ тѣми средствами, какими постоянно располагало сербское правительство, и при той степени зрѣлости, на какой давно уже находится масса сербскаго народа, Сербія должна бы сдѣлать несравненно бо́льшіе успѣхи, и если не сдѣлала, въ томъ виновато правительство и сербская, такъ-называемая интеллигенція, которымъ народъ ввѣрилъ свою судьбу безотчетно.

Народъ сербскій желаетъ прежде всего просвѣщенія и жертвуетъ на эту цѣль охотно, сколько можетъ; а какъ распоряжается этимъ правительство? Оно изъ общаго бюджета почти ничего не тратитъ на учебныя заведенія, а пользуется для этого народнымъ фондомъ, который нѣсколько лѣтъ собирался по 1 рублю съ порезской души и назначенъ былъ для однихъ народныхъ школъ, что́ дало бы возможность прибавить жалованье сельскимъ учите-

[1]) См. статистическія замѣтки о сербской литературѣ составленныя по вышедшей въ прошломъ году «Сербской библіографіи», Новаковича, въ Спб. Вѣдом. 1869 года.

лямъ по крайней мѣрѣ въ полтора раза, и во всѣхъ отношеніяхъ значительно улучшить школы. А теперь эти школы содержатся весьма бѣдно и ни одинъ порядочный учитель не идетъ въ нихъ. Положеніе среднихъ и высшихъ заведеній также не улучшилось. Профессора гимназій завалены работой, занимаются непомѣрно большое число часовъ (до 30 и больше въ недѣлю) и получаютъ за то несоразмѣрно малое жалованье (въ Бѣлградѣ не больше 600 талеровъ). Въ одной провинціальной гимназіи я знаю профессора, который преподаетъ сербскій и французскій языки и исторію, получая за то 300 талеровъ; тогда какъ *капетанъ* (тоже что нашъ становой) получаетъ отъ 400 до 600 (чуть-ли не больше) тал. съ отличной квартирой и отопленіемъ;— и профессоровъ не больше 30, а капетановъ до 60, и притомъ у каждаго помощникъ, получающій жалованья только на $1/3$ меньше.

Вообще просвѣщеніе, медицина и почта получаютъ самое малое содержаніе, и на ихъ счетъ процвѣтаютъ полиція и войско.

Не входя въ разборъ школьной системы, методовъ и средствъ преподаванія, и личнаго состава школъ, мы укажемъ только на программу предметовъ въ лицеѣ, изъ которой можно убѣдиться, что даваемое тамъ образованіе рѣшительно не приготовляетъ ни къ чему. Въ немъ три отдѣленія: философское, юридическое и техническое. На философскомъ замѣтимъ, что всю филологію, какъ классическую, такъ и новую, преподаетъ одинъ профессоръ, для исторіи также одинъ; на юридическомъ, кромѣ спеціально юридическихъ предметовъ, на одномъ курсѣ читается зоологія, ботаника и неорганическая химія; на другомъ минералогія и органическая химія; исторія въ юридическомъ отдѣленіи не читается, а читается въ техническомъ; кромѣ того во всѣхъ отдѣленіяхъ читается логика и психологія. Подобнаго страннаго смѣшенія предметовъ, кажется, нельзя найти ни въ одной изъ европейскихъ школъ. Здѣсь не получаетъ человѣкъ ни общаго образованія, ни спеціальныхъ научныхъ знаній; а главное, онъ получаетъ еще ложное понятіе о наукѣ, выноситъ не любовь, а скорѣе отвращеніе къ ней и занимается ею единственно для того, чтобъ потомъ получить какое-нибудь мѣсто съ жалованьемъ. Это имѣетъ еще то дурное слѣдствіе, что и отправляясь за границу, молодые люди являются туда совершенно неприготовленными, или занимаются безъ охоты. Да и трудно имѣть охоту, когда онъ знаетъ, что, какъ бы онъ ни занимался, больше практиканта ему не дадутъ, и продержатъ на этомъ мѣстѣ годъ— два, и всячески будутъ помыкать, если онъ не съумѣетъ заискать въ начальствѣ. Чтобъ лучше познакомиться съ современ-

нымъ положеніемъ Сербіи, интересны бы были болѣе подробныя свѣдѣнія о школахъ, и вообще слѣдовало бы разсмотрѣть цѣлый бюджетъ Сербіи; но мы не можемъ останавливаться на этихъ подробностяхъ, такъ какъ цѣль нашей статьи не представить подробности, а захватить сколько возможно больше общихъ предметовъ и сторонъ жизни современной и отчасти прошлой, чтобъ въ приводимыхъ отдѣльныхъ фактахъ и явленіяхъ отразился, хоть сколько-нибудь, цѣльный типъ съ его національными, мѣстными и историческими особенностями, и потому ограничиваемся этими немногими замѣчаніями о состояніи сербскаго образованія, имѣя въ виду возвратиться къ этому при другомъ случаѣ.

До сихъ поръ я не сказалъ почти ни слова о сербской женщинѣ, а по той роли, которая ей въ настоящее время приписывается въ общественной жизни человѣчества, мы не должны бы обойти ее совершеннымъ молчаніемъ. Но писать о женщинѣ мужчинамъ вообще несовсѣмъ легко, а писать иностранцу, да еще о женщинѣ сербской, еще труднѣе. Я уже замѣтилъ, что сербская семья собственно состоитъ только изъ мужа и жены и изъ однихъ кровно родныхъ, семейнаго же круга почти нѣтъ: у мужа свои знакомы-*е*, у жены свои знакомы-*я*, и между ними сношеній весьма мало. Такимъ образомъ, несмотря на то, что у сербовъ нѣтъ затворничества женщины въ настоящемъ смыслѣ,—женскій кругъ для посторонняго человѣка мало доступенъ. Раздѣленіе знакомствъ мужа и жены отчасти происходитъ отъ того, что между самими супругами большая разница въ образованіи, слѣдовательно совершенно различны должны быть ихъ вкусы и въ выборѣ знакомыхъ. Дѣйствительно, вы часто встрѣтите мужа съ заграничнымъ образованіемъ, а жена его получила едва первоначальное образованіе; онъ занятъ наукой и политикой, она же не знаетъ ничего кромѣ своей кухни, шитья, вязанья и другихъ ручныхъ работъ. До недавняго времени для женскаго образованія существовали только низшія школы, да нѣсколько частныхъ пансіоновъ, въ которыхъ у какой-нибудь сербки изъ-према собиралось дѣвочекъ 10 и обучались онѣ почти тому же, чему и въ низшихъ народныхъ школахъ. Все преподаваніе въ нихъ до сихъ поръ ограничивается первыми началами грамотности, выучиваньемъ наизусть нѣсколькихъ плохихъ учебниковъ, и отчасти лепетаніемъ самыхъ обычныхъ фразъ на нѣмецкомъ или французскомъ языкѣ, и наконецъ рукодѣльемъ. О методѣ здѣсь и говорить нечего, а вспомогательными средствами служатъ обычныя наказанія—за уши, за волосы, на колѣни, и вдобавокъ сажаніе на нѣсколько часовъ въ подвалъ, гдѣ ре-

бенокъ можетъ натерпѣться разныхъ страховъ и еще схватить ревматизмъ. Такое варварство существуетъ понынѣ. Съ недавняго времени существуетъ здѣсь высшая женская школа, отвѣчающая нашему институту, и директрисою въ ней отъ самаго основанія воспитанница одесскаго института. Изъ этого заведенія сербы теперь могутъ получать своихъ образованныхъ женъ; а прежде этотъ недостатокъ пополняли единственно сербками изъ-према, а иногда даже нѣмками: и то, и другое сербамъ очень не понутру, потому что они любятъ непремѣнно все свое. Есть нѣсколько человѣкъ женатыхъ на русскихъ, которыми, къ чести ихъ должно сказать, мужья очень довольны; а это уже много! Итакъ, огромная разница въ образованіи кладетъ первую рѣзкую грань между мужемъ и женой, и затѣмъ эта разница становится еще больше вслѣдствіе совершенно различнаго образа жизни, о которой мы уже говорили: его никогда почти нѣтъ дома, а ей изъ дома никогда почти нельзя выйти. При всей этой разницѣ, въ жизни ихъ вы не найдете ни малѣйшаго разлада. Съ одной стороны мужъ имѣетъ весьма ограниченныя требованія отъ жены; а съ другой, нужно отдать справедливость сербской женщинѣ, что она умѣетъ подойти какъ разъ подъ уровень нравственныхъ понятій мужа, которыми обусловливаются всѣ ихъ семейныя отношенія, напр. къ дѣтямъ, къ знакомымъ и къ различнаго рода житейскимъ потребностямъ. Мало того, попавъ за порядочнаго мужа, она старается вознаградить недостатокъ образованія чтеніемъ. Я знаю нѣсколько сербскихъ женщинъ, которыя при недостаточности образованія умѣютъ держаться въ разговорѣ съ такимъ тактомъ, что недостатокъ ея становится почти непримѣтнымъ, и, сравнивая съ какою-нибудь институткой, вы поставите ее выше. Вообще я не встрѣчалъ здѣсь, чтобъ у хорошаго мужа была плохая жена. Дѣтей содержатъ въ своемъ родѣ хорошо, по крайней мѣрѣ чисто, и не преслѣдуютъ дисциплиной. Онѣ отлично готовятъ кушанья, особенно хороши у нихъ различныя пирожныя изъ тѣста—паты, штрудли, крофли, ливанцы, миндальныя, и т. п. и хороши всевозможныя варенья. Говорятъ, что онѣ слишкомъ любятъ наряжаться; я этого не замѣтилъ. Ихъ костюмъ почти униформа: на головѣ красный суконный фесъ съ кистью, но онъ обматывается кругомъ косою, перевитою съ какою-нибудь лентою, и концы кисти прихватываются такъ, что сверху вы видите только красную маковку, къ одной сторонѣ которой широкая полоса кисти, а кругомъ въ два или три ряда косы, которыя вмѣстѣ съ фесомъ составляютъ какъ бы одно. Спереди волосы съ прямымъ проборомъ, туго натянутые и плотно приглаженные. За недостат-

комъ своихъ хорошихъ волосъ, косы употребляются накладныя. У иныхъ весь этотъ головной уборъ какъ-то нахлобученъ и довольно некрасивъ; другія же умѣютъ покрыть имъ только незначительную часть головы, поставить немного насторону, спереди выпустить больше волосъ, не натягивая ихъ какъ на смычкѣ, а пустивъ свободно, сдѣлавъ по бокамъ височки,—и тогда это бываетъ очень красиво. У богатыхъ верхушка унизывается бисеромъ или золотыми монетами, а сзади мотается на шнуркѣ золотая пластинка, ромбовидная, съ изображеніемъ какого-нибудь святого и называется *тёшайлія* (что̀ значитъ, не знаю). Остальной костюмъ составляетъ юбка, потомъ корсетъ, иногда атласный и шитый серебромъ или золотомъ; изъ-подъ него виднѣется кисейная рубашка и на шеѣ носится платокъ, который на груди перекрещивается такъ, что формы рѣзко обозначаются; вмѣстѣ съ тѣмъ, на шеѣ различныя ожерелья, часто тоже изъ монетъ; сверхъ всего короткая до пояса кофточка (шкуртелька) съ широкими рукавами изъ атласа или бархата, опушенная дорогимъ мѣхомъ и иногда тоже расшита золотымъ или серебрянымъ шнуркомъ. Сверхъ всего теплый костюмъ, родъ кафтанчика, ниже колѣнъ (антерія). Все это, правда, дорого, но носится долго. Многія румянятся и бѣлятся, что сильно портитъ лицо и особенно зубы, которые постоянно у нихъ болятъ и чернѣютъ. Волосы красятъ хиной такъ, что у всѣхъ почти они имѣютъ рыжеватый оттѣнокъ. Красятъ волосы и дѣтямъ дѣвочкамъ, и тѣмъ ихъ страшно мучатъ. Я долго былъ въ недоумѣніи, откуда въ одной улицѣ всѣ почти дѣти рыженькія, тогда какъ взрослыхъ рыжихъ почти нѣтъ; оказалось, что все это крашеныя.

Сербская женщина все еще живетъ подъ деспотіей мужчины, но въ Бѣлградѣ она значительно эманципировалась, и разнузданная жизнь мужа не обходится ему даромъ: жена можетъ развестись. По этому поводу митрополитъ бѣлградскій имѣетъ множество дѣлъ, причемъ въ Бѣлградѣ и вообще въ городахъ часто требуютъ развода жены, а въ селахъ—мужья. Поводомъ служитъ большею частью супружеская невѣрность, а истинныя причины конечно коренятся глубже, въ ненормальныхъ отношеніяхъ супруговъ и въ способѣ женитьбы, не зная почти другъ друга.

Дѣйствительно, женитьба здѣсь совершается даже между образованными людьми очень странно. Мужчина совершенно не знаетъ дѣвушку, кромѣ того, что видѣлъ её въ лицо нѣсколько разъ и она ему понравилась лицомъ; онъ даже не разговаривалъ съ нею ни разу, а только распросилъ людей, справился о приданомъ и дѣлаетъ предложеніе. Обручившись, онъ бываетъ уже каждый день; но послѣ обрученья разойтись неловко. Впрочемъ, отказъ

можетъ быть только со стороны мужчины, а со стороны дѣвушки никогда: у нея единственная цѣль выйти поскорѣе замужъ, объ ея женихѣ говорятъ хорошо, другого мужчины она не знаетъ, слѣдовательно выбора съ ея стороны никакого быть не можетъ. Немудрено, что женившись потомъ каются. Дѣвушки обыкновенно не заперты, но видѣть дѣвушку довольно трудно, а поговорить съ ней и вовсе нѣтъ случая. Если вы пришли въ домъ въ гости, она подаетъ вамъ сладкое, ракію и кофе: подастъ и станетъ передъ вами немного поодаль, опустивши глаза въ землю и ждетъ только, чтобъ исполнить троекратный обрядъ угощенія, затѣмъ скроется въ другую комнату: она выходитъ всегда точно на показъ. Молодые люди обоихъ половъ не только не оставляются ни на минуту наединѣ, но дѣвушка ни на шагъ не смѣетъ отойти отъ матери, отца или какой-нибудь близкой пожилой родственницы. При недостаткѣ общественныхъ собраній и увеселеній — сербская дѣвушка дѣйствительно растетъ какъ затворница. Ее не пускаютъ даже въ церковь. На вопросъ мой одной молодой женщинѣ, почему это такъ, она мнѣ отвѣтила: «что дѣлать дѣвушкѣ въ церкви? она не станетъ молиться, а будетъ только на молодыхъ мужчинъ смотрѣть». А замужняя?... спросилъ я. «Замужняя не станетъ смотрѣть на чужихъ, потому что имѣетъ своего».

Опытъ показываетъ, что часто бываетъ совершенно не такъ; но этотъ принципъ вкорененъ глубоко, и дѣвушка растетъ такъ, что не видитъ ни солнца, ни мѣсяца «*нити знаде на чем жито расте*», по выраженію народной пѣсни.

Мужчины впрочемъ, даже получившіе заграничное образованіе (кромѣ воспитывавшихся въ Россіи), не чувствуютъ ни малѣйшей потребности въ женскомъ обществѣ, взглядъ ихъ на женщину слишкомъ матеріальный и односторонній, и покуда не измѣнятся ихъ понятія, не измѣнится и положеніе женщины; отъ полузатворничества ей будетъ постоянно только два исхода: быть работницей въ тѣсныхъ границахъ своего собственнаго дома или, подобно мужчинамъ, отдаваться самой разнузданной жизни.

Въ Бѣлградѣ много красивыхъ женщинъ, въ особенности дѣвушекъ. Вотъ вамъ типъ: правильный профиль, тонкія всѣ черты лица, большіе глаза черные или темноголубые, спокойно глядящіе черезъ бархатныя рѣсницы изъ-подъ тонкихъ смежныхъ черныхъ бровей; лицо бѣлое, какъ мраморъ, и рѣдко увидите на немъ игру румянца; какъ мраморъ, оно холодно и неподвижно. Когда молодая женщина, сидя дома, окутаетъ голову легкимъ платкомъ такъ, что онъ прикрываетъ и часть подбородка,

она напоминаетъ тѣ классическія головки въ такихъ же покрывалахъ, съ которыхъ у насъ въ школахъ учатся рисовать. Вѣчно потупленный взглядъ и какая-то неподвижность въ лицѣ молодой сербской женщины, какъ будто скрываютъ тайну ея мыслей и желаній, и отнимаютъ у него жизнь и выраженіе. Вся она тонкая и стройная, но грудь впалая, въ движеніи неловкость и вялость. Такая красота проходитъ очень рано: вскорѣ послѣ замужества такая женщина теряетъ всю свѣжесть лица и прибѣгаетъ къ вспомогательнымъ средствамъ. Многія изъ нихъ въ молодыхъ годахъ умираютъ чахоткой; поэтому у сербовъ очень много людей, которые женятся два и три раза, а между духовенствомъ въ Бѣлградѣ изъ 12 лицъ четверо вдовцовъ, людей еще молодыхъ. Не слѣдствіе ли это ненормальной, слишкомъ замкнутой жизни? Имъ вѣроятно обязано цѣлое поколѣніе сербовъ стройныхъ, съ хорошо развитыми, крѣпкими мышцами, но съ слабою грудью и также, какъ ихъ матери, часто умирающихъ отъ чахотки. Есть впрочемъ и другой типъ женщинъ, болѣе крѣпкихъ, кряжистыхъ, которыя въ годахъ становятся довольно широкими, но все-таки не столь дебелыми, какъ нѣкоторыя наши женщины, живущія въ изобиліи и довольствѣ. Толстыхъ и жирныхъ людей, какъ у насъ, въ Сербіи вовсе нѣтъ.

Вотъ вамъ сжатая характеристика различныхъ элементовъ, изъ которыхъ состоитъ бѣлградское общество. Мы коснулись нѣсколько и ихъ образа жизни и обыденныхъ привычекъ; сдѣлаемъ теперь легкій очеркъ измѣненій этой жизни по временамъ года или по различнымъ его раздѣленіямъ церковнымъ уставомъ и гражданскимъ обычаемъ, по праздникамъ и годовщинамъ.

Я пріѣхалъ въ великій постъ, который здѣсь однако не отличается отъ обыкновеннаго времени ни особеннымъ протяжнымъ звономъ въ церквахъ, ни прекращеніемъ увеселеній (первый годъ не было этихъ увеселеній совершенно по другимъ причинамъ, а на второй годъ продолжался весь постъ театръ), и пища въ большей части гостинницъ, да и въ частныхъ домахъ продолжалась скоромная. Каждый день можно было видѣть, какъ почтенный сербскій гражданинъ, надѣвъ на палецъ лопатку барашка, торопливо шелъ съ базара домой, чтобъ дать женѣ пораньше приготовить къ обѣду его любимое *печене*; иные для разнообразія постятся только въ середу и пятницу. Первый народный праздникъ, который мнѣ привелось видѣть въ Бѣлградѣ, былъ—*цвѣты* (такъ называютъ здѣсь вербное воскресенье). Праздникъ этотъ тѣмъ особенно важенъ для сербовъ, что на него совершилось второе возстаніе для освобожденія отъ турокъ, подъ предводительствомъ Милоша Обреновича (въ 1815 г.), и отъ него ведетъ свое воз-

рожденіе княжество Сербія. Наконецъ, за вечерней было освященіе вербы; но при этомъ присутствуютъ почти одни дѣти. Получивъ по вербочкѣ въ соборной церкви изъ рукъ митрополита, дѣти двинулись черезъ весь городъ по Абаджійской улицѣ къ церкви Вознесенія, оттуда поднялись на Теразіи и пошли назадъ. Впереди несли свѣчи, рипиды и другія какія-то церковныя принадлежности, за ними шли пѣвчіе въ особенныхъ костюмахъ, а остальное все съ вербочками, и все одни дѣти до нѣсколькихъ сотъ; все это идетъ и поетъ со всѣмъ усердіемъ, а у многихъ въ рукахъ колокольчики, которыми они то и дѣло позваниваютъ. Воротившись въ соборъ, всѣ оставили тамъ свои вербочки до заутрени. На другой день праздникъ былъ на весь городъ: всѣ лавки и гостинницы заперты, вездѣ вывѣшены трехцвѣтные флаги, всѣ консульства также распустили огромные флаги на высочайшихъ шестахъ, а въ чаршіи узенькія улицы до того были увѣшаны ими, что приходилось идти почти подъ ними. До обѣдни все войско, регулярное и народное, собралось передъ конакомъ на улицѣ, князь вышелъ на крыльцо въ своемъ дворѣ и войско передъ нимъ дефилировало. Затѣмъ всѣ отправились въ церковь. Вечеромъ была иллюминація, состоявшая въ томъ, что въ каждомъ домѣ на окнахъ выставлены были свѣчи, а въ одномъ мѣстѣ на теразіяхъ на столбѣ въ желѣзномъ сосудѣ горѣла смола и, кипя, огненнымъ потокомъ лилась черезъ края. Это зрѣлище въ особенности привлекало публику. Около 8 часовъ изъ крѣпости вышелъ военный оркестръ и игралъ все время, направляясь къ княжескому конаку. Впереди шла толпа ребятишекъ подъ предводительствомъ жандарма, и то и дѣло кричала «ура!» Передъ конакомъ музыка играла до 9 часовъ, а мальчишки три раза прокричали «ура» и потомъ всѣ разошлись. Въ то самое время нѣсколько музыкантовъ изъ гражданъ ходили по всему городу, играя страшную разладицу и тѣмъ забавляли публику, которая важно прогуливалась. Публика, надо замѣтить, никогда не принимаетъ участія въ этихъ крикахъ «ура» и въ другихъ выраженіяхъ подобнаго восторга; она считаетъ это ниже своего достоинства и предоставляетъ такія демонстраціи дѣтямъ, что послѣднія очень усердно выполняютъ, какъ гражданскую обязанность. Одинъ простой мальчишка ходилъ отдѣльно по всему городу и громкимъ речитативомъ пѣлъ все одну пѣсню, какъ кажется, свою импровизацію.

Пришла наконецъ страстная недѣля. Я все не замѣчалъ поста, потому что меня въ гостинницѣ продолжали кормить скоромнымъ. Однажды утромъ я схожу внизъ въ кофейню, чтобъ получить свой бѣлый кофе, сажусь на обычное мѣсто и въ пріятномъ ожиданіи

читаю газету. Но кельнеръ рѣшительно обо мнѣ не заботится; а между тѣмъ самъ преспокойно наслаждается у шкапчика, пропуская рюмочку *лютой ракіи*. Я рѣшился напомнить о себѣ. «Э! такъ господинъ ждетъ бѣлаго кофе?» спросилъ онъ, какъ бы удивленный. «Нынче великая пятница, нынче бѣлаго кофе нельзя получить; а если хотите чернаго?»—Ну хоть чернаго.—«Это можно.» Подавши мнѣ черный кофе, самъ снова приложился къ шкапчику; видимо повеселѣвъ, онъ подошелъ ко мнѣ и, утирая губы, началъ поучительно говорить, какой страшный грѣхъ не почитать великую пятницу. «Завтра суббота — ну, тогда можно опять», заключилъ онъ свое поученіе. Это былъ истинный славянинъ и вполнѣ былъ бы добрымъ русскимъ.

Съ четверга страстной недѣли до вечера субботы непрерывный базаръ, но ужъ продается не фасоль, лукъ, чеснокъ и коренья, а цѣлая батальджатійская площадь покрылась гурточками овецъ и ягнятъ: другой живности, птицъ и свиней, на этомъ базарѣ вовсе нѣтъ; птицы на обыкновенныхъ базарахъ, а свиньи больше осенью. Вы всюду встрѣчаете такую сцену: взваливши цѣлую овцу на плечи и держа её за ноги, свѣсивши напередъ, тащитъ её простой сербъ за своимъ покупателемъ горожаниномъ или самъ хозяинъ несетъ ягненка; кругомъ слышится блеянье ягнятъ и овецъ, разговоръ покупателей съ продавцами, которые впрочемъ держатся важно: одни выбираютъ пожирнѣе, другіе норовятъ продать подороже.

Пасха въ празднованіи не представляетъ ничего особеннаго: крашеныя яйца есть, но недостаетъ нашего христосованья. На пасхальной же недѣлѣ случился и Юрьевъ день (23 апр.), играющій важную роль въ жизни сербовъ. Юрьевымъ и Дмитровымъ днями опредѣляются сроки наймовъ: кухарокъ, горничныхъ, кучеровъ и другихъ рабочихъ людей; сроки найма квартиръ; съ Юрьева дня начинается настоящая весна, лѣсъ одѣнется листомъ, земля покроется травой; съ этого дня, тамъ, гдѣ есть общее стадо, всѣ сгоняютъ козъ и овецъ, доятъ ихъ въ одинъ разъ всякій своихъ, а потомъ уже въ продолженіи года доятъ, не разбирая кто чьихъ, а соображаясь только съ припадающимъ ему количествомъ. «Юрьевъ данакъ — гайдуцкій состанакъ (сборъ)», гласитъ сербская поговорка: въ этотъ день каждый гайдукъ приходилъ къ условленному дереву, дѣлалъ засѣчку и послѣ по этимъ засѣчкамъ всякій соображалъ, сколько ихъ осталось въ живыхъ, сколько убыло и сколько прибыло, и насколько слѣдовательно можно развернуть свою юнацкую дѣятельность. Много разныхъ обрядовъ и повѣрій соединено съ этимъ днемъ. Между прочимъ, добрый скотоводъ раньше этого дня не заколетъ ни

10*

одного ягненка; первый заколотый ягненокъ посвящается Юрьеву дню. Причина тому естественная, потому что ягнята до этого времени малы и не успѣваютъ еще напастись; но для прочности къ этому присоединяется нѣчто въ родѣ завѣта, соединеннаго съ религіознымъ преданіемъ. Народная религія и народная поэзія такъ тѣсно связаны между собою, въ такой степени вліяютъ одна на другую, что рѣшительно невозможно полное пониманіе одной безъ другой. Въ этомъ отношеніи, въ бѣлградской народной библіотекѣ и въ библіотекѣ «Ученаго общества» есть нѣсколько рукописей, интересныхъ для изученія этого взаимодѣйствія литературы, связанной съ христіанской религіею, и народной поэзіи, живущей въ устахъ народа и въ его преданьяхъ, ведущихъ свое начало отъ язычества. Въ одной рукописи, между прочимъ, среди другихъ весьма любопытныхъ статей (тамъ же сказаніе о «Стефанидѣ и Ихнилатѣ» —извѣстный животный эпосъ), есть «слово и чюдо великомученика Георгія, когда оживи животная Теописту», изъ котораго видно, откуда въ народѣ вошло вѣрованіе въ Георгія, какъ патрона скотоводства. Вотъ этотъ разсказъ вкратцѣ.

Нѣкто Теопистъ потерялъ воловъ, и перебравъ напрасно сначала всѣхъ святыхъ, призвалъ наконецъ Георгія, обѣщая для него зарѣзать вола, и тотчасъ нашелъ. Женѣ стало жаль вола, и она зарѣзала только курицу. Георгій три раза являлся во снѣ Теописту все грознѣй и грознѣй, и наконецъ довелъ его до того, что онъ порѣзалъ всѣхъ воловъ и позвалъ гостей. Явился и Георгій, и подъ страхомъ смерти запретилъ гостямъ ломать и перегрызать кости. Когда угощеніе кончилось, то по слову Георгія съѣденныя животныя встали и пошли, и съ тѣхъ поръ у Теописта стала всякая скотина непомѣрно умножаться. Тонъ и манера разсказа вполнѣ народныя, такъ что не знаешь, сложилось ли устное преданіе подъ вліяніемъ книжнаго, или наоборотъ.

У сербовъ и вообще у югославянъ Богъ и святые являются необыкновенно грозными и вѣру своихъ адептовъ подвергаютъ страшнымъ искушеніямъ. То требуется живую мать отъ живого ребенка замуровать въ стѣну; то самъ Саваоѳъ, путешествуя по свѣту для испытанія вѣры своихъ людей, является къ одному бѣдному человѣку и заставляетъ его испечь собственнаго ребенка.

Тотъ Юрьевъ день, который я провелъ въ Бѣлградѣ, былъ довольно холоденъ и ненастенъ, и потому собраніе народа было малое, была музыка, было и коло, но видѣть было нечего. Зато черезъ день *Марковъ день* былъ вполнѣ удаченъ.

Этотъ день не имѣетъ у сербовъ никакого особеннаго зна-

ченія, но въ Бѣлградѣ на него слава въ палилулской церкви, на кладбищѣ, и потому собирается народу множество и довольно изъ отдаленныхъ мѣстъ. Пропущу религіозную церемонію, которая въ городѣ не имѣетъ той интересной обстановки, какою она отличается въ селахъ, и перейду къ тому, что дѣлается послѣ нея и послѣ обѣда.

Праздникъ этотъ происходитъ на обширной площади между баталь-джаміей и кладбищемъ. На ней выставлено нѣсколько лавокъ или палатокъ, загороженныхъ изъ жердей, обставленныхъ досками; онѣ сверху покрыты свѣжими вѣтками съ листьями; а иныя и кругомъ обставлены такими же вѣтками вмѣсто досокъ. Въ нихъ продается вино и ракія, пряники, конфеты, жареное мясо, плоды, простыя дѣтскія игрушки, кромѣ того разнощики продаютъ шербеты различныхъ цвѣтовъ отъ ярко-зеленаго до ярко-краснаго, тутъ же одинъ разноситъ *бозу*—бѣлый кисловатый напитокъ изъ проса въ родѣ браги. Какъ ни велика площадь, но она полна народу. Женскіе костюмы самые разнообразные. Главное разнообразіе въ головномъ уборѣ. У замужнихъ женщинъ бѣлградскаго округа на головахъ нѣчто въ родѣ тарелокъ, поставленныхъ ребромъ кверху на манеръ кокошника, которыя сверху покрываются платкомъ краснымъ или желтымъ, съ концами пущенными назадъ; у другихъ шапка въ родѣ кивера, съуживающаяся кверху и также покрытая платкомъ; наконецъ, у иныхъ подобная шапка довольно высокая и вся унизаная бусами, монетами, блестками, украшеніями изъ фольги и др.: это молодица, и носитъ она такую шапку годъ, имѣя право все это время неработать на ряду съ другими. У дѣвушекъ голова не покрыта, на лѣвой сторонѣ довольно низко проборъ, волосы заплетены въ одну косу, зачесаны на правую сторону, гдѣ и положены чупомъ на вискѣ, и въ нихъ непремѣнно цвѣты естественные или искусственные. Остальной костюмъ составляютъ—юбка шерстяная съ продольными полосами яркихъ цвѣтовъ, корсетъ и бѣлая рубашка; на шеѣ и на груди монисты и монеты. У нѣкоторыхъ дѣвушекъ волосы пущены по спинѣ, раздѣленные на мелкія пасмы и на концѣ связаны лентами. Другихъ сельскихъ костюмовъ не касаюсь, потому что на мужчинахъ на всѣхъ такой, какъ мы описали на рабаджіи, а описаніе всѣхъ женскихъ костюмовъ заняло бы много мѣста. Но слѣдуетъ упомянуть главныя части мужского костюма горожанъ. Во-первыхъ, фесъ ярко-красный или чаще малиновый съ черною и рѣдко съ синею шелковою кистью; гуня, изъ синяго сукна, обшита шерстянымъ шнуркомъ и выложена по краямъ узорами. Подъ этимъ родъ жилета—елекъ—запахивающійся довольно далеко, расшитый серебря-

нымъ шнуркомъ, со множествомъ пуговокъ металлическихъ и съ петельками изъ серебрянаго же шнурка; поясомъ служитъ широкая шаль, большею частью бѣлая съ темными небольшими цвѣтами; штаны особенной формы: начиная отъ пояса необыкновенно широкія, со множествомъ крупныхъ складокъ, идущія до колѣнъ и сзади мотаются, какъ короткая юбка; у колѣна стягиваются и вся голéнь обтянута тозлукомъ, который вдоль голени застегиваютъ крючками; книзу надъ штиблетами дѣлаютъ шире и нога становится точно у мохноногаго голубя; но за то стройность ноги отъ колѣна до стопы выказывается вполнѣ, ноги вообще у сербовъ небольшія и обувью они любятъ щеголять.

Все это прогуливается, бесѣдуетъ, но яствію и питію предается весьма мало. Главное дѣло — коло. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ вы слышите однообразный звукъ сербской *свиралы* (простая деревянная дудка) и вокругъ играющаго кругомъ скачетъ коло. Остановимся передъ однимъ изъ нихъ. Впередъ выступаетъ *гайдашъ*: въ полинялемъ фесѣ, съ такимъ же полинялымъ морщинистымъ лицомъ, съ свѣтлоголубыми безжизненными глазами, бѣлобрысый; въ кафтанѣ бѣлаго сукна немного ниже колѣнъ, по швамъ отороченномъ чѣмъ-то чернымъ; на ногахъ нѣчто въ родѣ онучъ и башмаки. Не знаю, это сербъ или болгаринъ изъ Македоніи. У него инструментъ *гайда*, по которому и онъ самъ называется гайдашъ: это сшитый изъ бараньей кожи пузырь, въ который вставлены три дудки — одна, черезъ которую онъ надуваетъ его; другая, очень длинная, перекидывается черезъ плечо и издаетъ все время одинъ ревущій звукъ; третья въ самомъ низу съ ладами, которые онъ и перебираетъ пальцами; пузырь онъ держитъ подъ мышкой, слегка прижимаетъ, что и заставляетъ дудку издавать звуки.

Едва гайдашъ началъ наигрывать, какъ нѣсколько парней— три или четыре—схватили другъ друга за пояса и стали передъ нимъ скакать, топчась на одномъ мѣстѣ и выдѣлывая ногами какое-то пá. Къ нимъ живо пристаютъ парни и дѣвки, горожане и поселяне, прицѣпляясь другъ другу за пояса: одинъ конецъ, находящійся на краю *коловодья*, идетъ впередъ въ правую сторону, окружая музыканта, а къ другому постоянно пристаютъ новыя лица, и такимъ образомъ составляется кругъ человѣкъ во сто. Движеніе этого кола совершается съ нѣкоторой важностью: мужчины съ гордой осанкой, а женщины потупивъ глаза въ землю, пресерьезно выдѣлываютъ ногами пá, припрыгнутъ на одномъ мѣстѣ и двинутся впередъ, потомъ опять будто остановятся и даже будто нѣсколько подадутся назадъ, и снова въ нѣсколько прыжковъ двинутся впередъ. Такимъ прерывисто-поступатель-

нымъ движеніемъ коло завивается въ нѣсколько рядовъ, движенія постоянно дѣлаются живѣе, лица у всѣхъ одушевляются; мужчины начинаютъ дѣлать скачки все крупнѣй и крупнѣй, по временамъ вскрикиваютъ, дѣвушки подымаютъ свои скромные взгляды и не смотрятъ больше на свои некрасивыя ноги, обутыя въ опанки, точно въ лапти; при всякомъ сильномъ, порывистомъ движеніи впередъ кисти на фесахъ горожанъ откидываются въ одну сторону, раздается звонкій топотъ ногъ, обутыхъ въ штиблеты, и крѣпкое шлепанье ногъ въ опанкахъ; косы дѣвушекъ, распущенныя сзади, треплются, ихъ головные и шейные уборы мѣрно звякаютъ. Наконецъ коловодье заворачиваетъ назадъ и идетъ въ противоположную сторону, такъ какъ лѣвый конецъ все еще продолжаетъ идти по первому направленію: здѣсь коло сплетается въ два ряда такъ, что одни идутъ впередъ, другіе назадъ спинами другъ къ другу, смотря другъ на друга черезъ плечо, и одни съ другими почти касаются лицами. Это продолжается покуда весь кругъ не развернется. Музыкантъ также не относится къ этому пассивно: его игра становится громче, тактъ становится живѣе, въ его нотѣ слышится больше страсти; подъ конецъ, надувъ сколько возможно больше свой пузырь, онъ, закрывъ глаза, откидываетъ голову назадъ, дѣйствуетъ только руками, перебирая пальцами лады дудки и локтемъ слегка надавливая пузырь; одна нога выступила впередъ, мѣрно бьетъ тактъ, и какъ будто по его волшебному движенію цѣлый кругъ быстро носится передъ нимъ, высоко подпрыгивая кверху: отъ него вѣетъ вѣтеръ, изъ-подъ него взбивается пыль, и слышится только звяканье, топотъ и страстное вскрикиваніе парней, сильно опьянѣвшихъ въ этой дико-упоительной пляскѣ. Снять эту живую, полную страсти и сильныхъ движеній картину почти нѣтъ возможности.

Коло бываетъ нѣсколькихъ родовъ и называется различно: *мачванка*, *паратинка*, *влашка* и др. Разнятся они тактомъ; самая живая—мачванка, которая похожа на нашъ трепакъ. Становясь въ коло, берутся или за пояса, или за руки, или кладутъ другъ другу руки на плечи, какъ бы обнявшись. Въ ягодинскомъ округѣ и другихъ округахъ юго-восточной Сербіи оно называется *оро* (т.-е. *хоро*, но сербъ *Х* никогда не выговариваетъ); это уже приближается къ болгарскому. Говорили мнѣ, что есть у нихъ также нѣчто въ родѣ нашего хоровода, въ которомъ совершается нѣкоторое лицедѣйство, но я этого не видалъ.

Вообще коло у сербовъ существуетъ очень давно. Въ «Архивѣ» Кукулевича есть снимки съ рисунковъ на могильныхъ

камнахъ въ Босніи. Тамъ между прочимъ на двухъ камняхъ изображены люди, взявшіеся за руки и повидимому пляшущіе. На одномъ мужчины и женщины раздѣлены на двѣ партіи, а на другомъ всѣ вмѣстѣ и притомъ такъ, что каждый мужчина держитъ за руку женщину. Взглянувши на эти плохіе рисунки, нельзя не удивляться тому, какъ вѣрно схвачена манера въ держаніи рукъ, въ положеніи корпуса и ногъ, точно такомъ, какое теперь принимается при пляскѣ кола. Рѣзавшій эти фигуры былъ плохой художникъ, но видно, что коло ему было слишкомъ хорошо знакомо и что онъ не разъ водилъ его самъ. Камни эти во всякомъ случаѣ положены до прихода турокъ и по всей вѣроятности во время господства въ Босніи ереси богумильской, на что указываетъ отсутствіе на нихъ христіанскихъ аттрибутовъ; слѣдовательно, они могутъ относиться къ XII или къ XIII столѣтіямъ.

Коло это не простая пляска, а скорѣе военная игра: то двигаясь порывисто впередъ, то пріостанавливаясь и какъ будто подаваясь назадъ, оно выражаетъ какъ бы движеніе войска въ бою и какъ будто съ боя беретъ пространство впереди. У сербскаго историка и послѣдняго сербскаго воеводы Юрія Бранковича, умершаго въ концѣ XVII ст. въ австрійской тюрьмѣ, сохранилось описаніе кола XV ст., которое игралось на мѣстѣ побоища послѣ одной побѣды сербовъ надъ турками. Вотъ это описаніе, помѣщенное въ «Исторіи слав. народовъ», Раича: «Такъ какъ, столь славно была одержана побѣда (1480 г. въ Трансильваніи, подъ предводительствомъ сербскаго вождя Павла-Князя и трансильванскаго Батори) и турки были прогнаны, то Павелъ-Князь съ равнымъ ему сановникомъ и другомъ своимъ, воеводою Батори и со всѣми полками, веселяся, положили ужинать между мертвыми тѣлами. И поставивши трапезу, сѣли они на мертвыхъ тѣлахъ ѣсть и веселиться, а потомъ, вставши, начали играть воинственное хоро, припѣвая различныя юнацкія пѣсни. И Павелъ-Князь, *понудивъ себя въ скакательное игранье, середи того круга схвативъ зубами мертвую непріятельскую тѣлесину (трупъ), долго скакалъ съ нею, держа ее зубами.* Дѣйствіемъ этимъ онъ всѣхъ смотрящихъ привелъ въ великое удивленіе и убѣдилъ всѣхъ въ своей геркулесовской силѣ».

Передъ сумерками понемногу стали всѣ расходиться. По теразіямъ, подъ густымъ навѣсомъ каштановъ, важно прогуливались бѣлградскіе граждане подъ руку съ своими почтенными супругами, иные съ цѣлыми семействами, и направлялись уже по домамъ. Я съ однимъ пріятелемъ повернулъ на дартюлъ. Пройдя глухія улицы пустырей, мы вступили на дартюлскую чаршію, гдѣ

жизнь еще кипѣла: туда и сюда сновали цыгане и разные довольно отрепанные люди; передъ кофейнями, за рядомъ высокихъ олеандровъ, сидѣли гости, попивая кофе, вино, пиво, закусывая овечьимъ сыромъ съ молодымъ чеснокомъ; выпили и мы по чашкѣ турецкаго кофе, и пошли дальше. Свернувъ въ сторону, чтобъ подняться въ главный городъ, мы увидѣли на площадкѣ передъ закоптѣлой избушкой, прилѣпившейся къ какому-то разрушенному *палаццо*, цыганское коло. Двое цыганятъ играли на скрипкахъ, а вокругъ нихъ плясало десятка полтора тоже цыганятъ. Потомъ явилась цыганка лѣтъ 14, вся въ бѣломъ, подпоясанная красною лентою, двумя концами спускающеюся почти до земли; густые черные волосы природными локонами раскинулись по плечамъ; черты лица довольно красивы, только смуглость еще рѣзче выступала при бѣломъ костюмѣ; она тоже вступила въ дѣтское коло. За нею является старый цыганъ въ сербскомъ костюмѣ, только въ высокихъ сапогахъ и въ шляпѣ, изъ-подъ которой выбиваются его почти совсѣмъ сѣдые кудри, и также пускается въ коло. Удивительная смѣсь возрастовъ! Въ этомъ колѣ нѣтъ той важности и стройности, какъ въ сербскомъ; здѣсь каждый пляшетъ почти самъ по себѣ, выдѣлываетъ самые удивительные пассажи ногами и всѣмъ тѣломъ. Музыканты играютъ попеременно, но пляшущіе не знаютъ устали. Цыганка вся отдалась движенью; цыганъ сильно топаетъ и гикаетъ, ему вторитъ пронзительнымъ визгомъ весь хоръ цыганятъ. И длится эта пляска добрыхъ полчаса. Есть что-то чарующее въ этомъ необузданно-дикомъ движеніи вѣчно веселыхъ и беззаботныхъ скитальцевъ свѣта.

Полная луна, плавно поднимаясь надъ горизонтомъ, незамѣтно плыла по темносинему небу; а неподалеку на бугоркѣ, лежа на спинѣ и заложивши руки подъ голову, покоился безучастный зритель этой сцены, тоже цыганъ. Онъ, кажется, не видѣлъ пляски, не слышалъ ни музыки, ни дикихъ криковъ, въ какомъ-то неподвижномъ созерцаніи смотрѣлъ онъ въ глубокій сводъ неба, на плывущій мѣсяцъ и сверкающія звѣзды, и, видимо, по-своему наслаждался, предаваясь полнѣйшему бездѣйствію.

Въ городѣ движеніе уже унялось и все затихало; проходя мимо насъ, колбасникъ въ послѣдній разъ почти подъ носъ намъ крикнулъ пронзительнымъ голосомъ: «Ээ! вррруть... ссице са ррреномъ (горячія-колбасицы съ хрѣномъ)»! Пора и намъ по домамъ.

Но вѣдь еще рано, нѣтъ 9-ти часовъ; а дѣваться некуда, какъ идти на квартиру, потому что посѣщать знакомыхъ въ это время нельзя: они, если не спятъ, то собираются спать. Прихожу до-

мой. Ключъ, какъ оставленъ былъ мною въ дверномъ замкѣ, чтобъ убрали мою комнату, такъ и торчитъ, а комната все-таки не убрана, хотя въ то время въ моей гостинницѣ было три какихъ-то штумадли. Цѣлый почти домъ пустъ; по крайней мѣрѣ не слышится присутствіе человѣка. По коридору впрочемъ еще шлепаетъ въ избитыхъ сапогахъ, какъ тряпка по полу, мой хаускнехтъ, напѣвая какую-то пѣсню, въ которой слышатся тоска и голодъ, и всякая нужда, потому что онъ не получаетъ ни жалованья, ни пищи и существуетъ одними бакшишами (на водку), а вотъ уже цѣлый мѣсяцъ, какъ гостей почти я одинъ. Скрылся и онъ куда-то. Бьетъ 9 часовъ, сначала въ крѣпости, потомъ на соборной колокольнѣ, или гдѣ-то, должно быть въ великой школѣ. На крѣпости заиграла труба. Слушая этотъ звукъ цѣлый годъ, я не могъ привыкнуть къ нему, чтобъ не замѣчать его и не чувствовать какого-то особеннаго впечатлѣнія. Слышно, что трубачъ трубитъ, ходя по стѣнѣ взадъ и впередъ. Онъ начинаетъ не очень громко и довольно протяжно, дѣлая повышенія и удареніа на предпослѣдней нотѣ и тихо оттягивая послѣднюю, и будто тихо вызываетъ кого-то; но, не слыша отзыва, онъ трубитъ громче, какъ-то нетерпѣливо, торопливо, сильно ударяетъ на первомъ высокомъ звукѣ, а потомъ разомъ его опускаетъ и заканчиваетъ опять тихо. Едва замолчала труба, въ воздухѣ еще носится послѣдній звукъ и кажется, будто вы слышите, какъ трубачъ нетерпѣливо ходитъ туда и сюда, какъ вдругъ, словно ринувшись на кого-то, посыплется безконечная ровная дробь барабана; потомъ она будто смѣшается, и бьетъ барабанъ отрывисто, неровно, какъ-то сердито на различныя манеры и въ различные такты, затѣмъ снова зальетъ дробью, и льются эти дробные звуки долго, и разомъ оборвутся. (Такъ хорошо барабанятъ еще только въ Россіи; въ Австріи такъ не умѣютъ).

Тишина настаетъ окончательная. Слышно только, какъ по коридору тихо ходитъ легкій вѣтеръ: то потрясетъ раствореннымъ окномъ, то гдѣ-то скрыпнетъ дверью; да изъ крѣпости доносится наводящій тоску однообразный и цѣлую ночь неумолкающій звукъ какой-то ночной птицы, которую сербы прозвали *тю́къ* по издаваемому ею унылому звуку «*тюу!*»

Да, съ 9-ти часовъ здѣсь всѣ уже по домамъ и собираются спать, а въ 10 навѣрное всѣ спятъ, вкусно поужинавши и выпивши положенную порцію вина или пива. Такъ было по крайней мѣрѣ первые два мѣсяца (мартъ и апрѣль 1868 г.), проведенные мною въ Бѣлградѣ. Въ слѣдующемъ году стало нѣсколько живѣе, потому что открылся театръ, и легче сталъ политическій гнетъ; но все-таки и теперь жизнь въ Бѣлградѣ не-

достаточно жива и слишкомъ рано обитатели предаются сну, проводя цѣлые дни въ какомъ-то обрядномъ оффиціальномъ существованіи.

За нѣсколько мѣсяцевъ до топчидерской катастрофы чувствовалось въ обществѣ какое-то ненормальное состояніе. Общественныхъ увеселеній нѣтъ, а если и устраиваются, то не удаются; даже по домамъ и семействамъ не собираются, всѣ будто боятся другъ друга; въ кофейняхъ молчаливое чтеніе газетъ, питье и ѣда, и никакихъ разговоровъ; полное недовѣріе другъ къ другу (это взаимное недовѣріе не совсѣмъ прошло въ Бѣлградѣ и до сихъ поръ, вошло какъ будто въ плоть и кровь). Часто слышался ропотъ на министровъ и на князя; говорилось, что изъ внутренности Сербіи являлись къ князю люди и лично ему заявляли недовольство народа; говорили о какихъ-то письмахъ князю, министру внутреннихъ дѣлъ и митрополиту; носился слухъ о существованіи какого - то заговора; по ночамъ иногда ходили конные патрули, необычные въ обыкновенное время, значитъ и полиція что-то замѣтила. Были различныя предсказанія и предупрежденія въ иностранныхъ газетахъ. Министры продолжали дѣйствовать, игнорируя общественное мнѣніе, которое ясно высказывалось тѣмъ, что оппозиціонный журналъ «Сербія» съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ все больше подписчиковъ, а полуоффиціальный органъ министра внутреннихъ дѣлъ «Видовданъ» съ каждымъ днемъ терялъ ихъ, что однако не мѣшало ему, лая на луну, успокоивать своего хозяина и увѣрять, что все обстоитъ благополучно.

Въ Бѣлградѣ правительство собрало эмигрантовъ изъ разныхъ турецкихъ провинцій, сербовъ и болгаръ, размѣщало ихъ по разнымъ своимъ полкамъ, а изъ болгаръ сформировало отдѣльную роту и поэтому сносилось съ болгарскимъ комитетомъ; оставалось въ интимныхъ отношеніяхъ къ Россіи и въ тоже время заключался тайный договоръ съ мадьярами; г. Блазнавацъ отправлялся для какихъ-то совѣщаній съ австрійскимъ генераломъ Габленцомъ, объѣзжавшимъ въ то время австрійскую Военную границу; г. Ристичъ маневрировалъ въ Парижѣ и при другихъ западныхъ дворахъ. Князь со своими министрами велъ *высокую* политику, производя въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ величайшую путаницу и стараясь всѣхъ обмануть, всѣмъ обѣщая и всѣхъ увѣряя въ своей дружбѣ. Сербскому правительству удалось совершить два довольно важные акта: черезъ своего агента обманомъ убѣдить хорватовъ пойти на сдѣлку съ мадьярами, и возбудить ненависть въ болгарахъ тѣмъ, что ихъ постоянно обманывали и обманъ этотъ обнаружился, и что де-

вятерымъ болгарскимъ волонтерамъ предварительно отсыпали по 25 ударовъ палками.

Князь не показывался нигдѣ въ обществѣ. Два литературно-музыкальные вечера «пѣвческаго общества» не удостоились посѣщенія ни его, ни его министровъ; на вечеръ, данный чехами, онъ обѣщалъ быть, его ждали до послѣдней минуты, онъ велѣлъ только дать знать ему, когда всѣ соберутся, и не былъ, вслѣдствіе какой-то сплетни, а сплетенъ въ то время была тьма, потому что ими занималось и само правительство. Почти каждый день князь отправлялся въ общество своей двоюродной сестры Анны Константиновичъ, и ея прекрасной дочери Катарины въ Топчидерѣ, но и здѣсь они тоже не оставались тамъ, гдѣ были всѣ, а удалялись въ глухія мѣста *кошутника* (загороженный лѣсъ, гдѣ содержатся дикія козы, по-сербски—*кошуты*).

Всѣ отношенія были самыя натянутыя; во внутреннихъ дѣлахъ гнетъ и несправедливость; въ политикѣ ложь и путаница; въ обществѣ много шпіоновъ; провинціальные начальники тоже, что паши въ Турціи; жандармы и пандуры, набранные изъ разныхъ странъ, замѣнили янычаръ.

Не того я ожидалъ отъ Сербіи, не то я думалъ найти въ Бѣлградѣ, и въ первыхъ же числахъ мая предпринялъ экскурсію во внутренность.

Въ концѣ мая я прошелъ уже почти половину Сербіи, и готовился перейти на другую ея половину черезъ Мораву, какъ пришло извѣстіе объ убіеніи князя. Тогда было не до путешествія, и я поспѣшилъ вернуться въ Бѣлградъ.

Не доѣзжая немного до Бѣлграда, я встрѣтилъ телѣгу, набитую пассажирами, и между ними нашелся одинъ мой знакомый. Онъ вышелъ ко мнѣ изъ повозки: на фесѣ крепъ, на рукѣ также, держитъ въ рукахъ какую-то восковую свѣчу, тоже всю обвитую черными лентами; мнѣ показалось, точно весь онъ залитъ чернилами. Не здороваясь, онъ показывалъ мнѣ свѣчу, съ которой присутствовалъ при погребеніи князя, и безсмысленно лепеталъ: «Вотъ... дождались... нѣтъ нашего отца! мы теперь пропали!...», и началъ хныкать передо мной. Другіе тупо смотрѣли на эту сцену и сами старались настроиться печально; а я припоминалъ себѣ, что этотъ самый человѣкъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ бранилъ и князя и все его правительство.

Это была прелюдія того, что̀ я долженъ былъ найти въ Бѣлградѣ.

Я воротился въ Бѣлградъ 5-го іюня, когда князя уже схоронили, главные преступники были схвачены и продолжались аресты ихъ соучастниковъ. Въ наружности Бѣлграда произошла

большая перемѣна: всѣ дома были рѣшительно укрыты черными флагами, на иномъ домѣ было ихъ нѣсколько и такіе большіе, что отъ крыши спускались до земли; весь городъ сталъ точно какой-то закопченный. Но еще болѣе рѣзкая метаморфоза произошла съ людьми: иныхъ совершенно нельзя было узнать; такимъ образомъ, эта катастрофа показала мнѣ людей въ настоящемъ ихъ видѣ.

Ничтожество въ эту минуту ударилось въ ханжество, подлость пустилась въ доносы, тупость и варварство требовали пытокъ и казней; но къ чести гражданъ Бѣлграда должно сказать, что въ общемъ итогѣ они держались съ достоинствомъ, были сдержанны и умѣренны, какъ въ выраженіи сожалѣнія къ князю, такъ и въ обвиненіяхъ. Большинство, какъ это оказалось потомъ на скупштинѣ, винило во всемъ полицію и требовало реформъ. Были люди, которые когда-то либеральничали, а тутъ на нихъ напалъ такой страхъ, что они спѣшили куда-нибудь уѣхать. Напротивъ, я знаю одного человѣка, который больной, осужденный докторами на смерть, въ день катастрофы былъ уже въ Земунѣ, чтобъ отправиться за границу; когда это случилось и брошена была клевета на всю оппозиціонную партію, въ которой онъ былъ не послѣднимъ звеномъ, онъ остался, чтобъ раздѣлить долю своей партіи. Убогіе журналы вмѣстѣ съ толпой не находились ничего больше сказать, какъ предаваться плачу на всевозможныя варіаціи. Благо, что скоро провозглашенъ былъ Миланъ княземъ, по крайней мѣрѣ явилась новая тема: поздравленія молодого князя въ стихахъ и прозѣ, и прославленіе его будущихъ подвиговъ. Въ это время «Сербія», редактора которой таскали уже для допросовъ въ крѣпость, не предаваясь празднымъ ламентаціямъ, смѣло говорила, что не плакать время, а подумать о своемъ положеніи, что Сербія находится въ состояніи переворота и ей предстоитъ великая задача внутренняго переустройства и поддержанія своего положенія во внѣшней политикѣ. Нашлись люди, которые ухватились-было за это, какъ за доказательство причастности редактора къ дѣлу; но опять-таки общественное мнѣніе было серьезнѣе мнѣнія этихъ «кукавицъ», какъ ихъ называютъ сербы, и всякій честный человѣкъ въ то время отъ души сказалъ ему «спасибо и слава!»

Я не стану говорить о самой катастрофѣ и ея ближайшихъ слѣдствіяхъ, потому что объ ней такъ недавно и такъ подробно печаталось во всѣхъ газетахъ; скажу только, что съ этого момента собственно начинается политическая жизнь сербскаго общества. Несмотря на весь терроръ въ первое время, политиче-

скія убѣжденія даже тогда высказывались смѣлѣе, нежели то было прежде: явилась борьба партій, выступили наружу ихъ различные оттѣнки; много было и страху, нельзя было ручаться, что по какому-нибудь показанію, добытому палками и другими подобными способами, не потянутъ и васъ туда же въ крѣпость, но все-таки было какое-то движеніе, была жизнь между страхомъ и надеждой, а не прозябаніе, подобно растенію, когда въ немъ весь жизненный процессъ скованъ зимнею стужей.

По цѣли и объему статьи мы не можемъ останавливаться на политикѣ, потому что это само по себѣ составило бы отдѣльную тему; но сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о политическихъ дѣятеляхъ.

Политическіе дѣятели въ Сербіи раздѣляются на чиновниковъ и журналистовъ, которые усвоили себѣ названіе интеллигенціи въ отличіе отъ другого фактора въ политической жизни—*скупштины*, которая должна бы служить представителемъ цѣлаго народа и всѣхъ слоевъ его общества, но въ сущности есть не что иное, какъ представитель исключительно необразованной массы, горожанъ и поселянъ; изъ образованныхъ классовъ сюда могутъ попасть только священники, но къ сожалѣнію и большинство священства по развитію должно поставить въ одинъ разрядъ съ массою. Слѣдовательно *скупштина*, главный факторъ политической жизни, вслѣдствіе неразвитости ея активной дѣятельности, иниціативы ни въ чемъ имѣть не можетъ, и бываетъ пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства или какого-нибудь демагога. Но съ 1858 года въ продолженіи послѣднихъ 10-ти лѣтъ Сербія настолько перевоспиталась, что появленіе какого-нибудь демагога въ родѣ Вуича невозможно. Сербія съ того времени слишкомъ централизована. До 1858 года, внутри Сербіи постоянно происходили движенія независимыя отъ Бѣлграда; теперь безъ Бѣлграда оно немыслимо нигдѣ. Это показала прошлогодняя катастрофа. Внутри Сербіи никто не зналъ, да и не хотѣлъ знать Милана, и когда Блазнавацъ произвольно провозгласилъ его съ помощью войска, т.-е. главнымъ образомъ съ помощью жандармовъ, собранныхъ, какъ у насъ говорится, «изъ-подъ борка, изъ-подъ сосенки», — внутри Сербіи противъ этого было неудовольствіе: явно говорилось, что это что-то не такъ, что до скупштины никто не смѣетъ назначать князя и т. п.; но всякій почти сербъ теперь солдатъ, съ перваго же момента всѣ были поставлены подъ ружье, а какъ скоро человѣка поставили во фронтъ онъ перестаетъ быть человѣкомъ и дѣлается слѣпымъ орудіемъ дисциплины, слѣдовательно свободное, независимое движеніе невозможно. Я увѣренъ, что народному войску Сербіи

никогда не приведется освобождать своихъ братьевъ изъ-подъ турецкаго ига, для чего оно будто бы назначено, но оно служитъ и уже успѣло значительно услужить той самой цѣли, для которой Сербія опутана цѣлою сѣтью полицейскихъ чиновниковъ съ ихъ помощниками-пандурами и кметами (сельскіе старшины и городскіе головы), т.-е. централизаціи. Эта система, надъ которой особенно много работала цѣлая исторія Франціи и которая Наполеономъ доведена до совершенства, усвоена всѣми деспотическими правительствами Европы, и въ Сербіи имѣла самаго преданнаго адепта въ лицѣ князя, а главнымъ творцомъ ея былъ Гарашанинъ; министръ внутреннихъ при Михаилѣ, Никола Христичъ былъ только вѣрнымъ ея послѣдователемъ и исполнителемъ.

Итакъ, главный факторъ парализованъ невѣжествомъ и централизаціей; остается интеллигенція, между которою чиновники не могутъ быть дѣятелями, потому что въ скупштину они не допускаются, а чиновникъ въ канцеляріи тоже, что солдатъ во фронтѣ. Итакъ, остается только посредственный способъ дѣйствія, т.-е. дѣйствіе на общественное мнѣніе посредствомъ журналистики, въ которой участвуетъ вся интеллигенція. Слѣдовательно, говоря о политическихъ дѣятеляхъ, мы должны ограничиться одними журналистами.

Къ сожалѣнію, несмотря на то, что у сербовъ есть значительное количество журналовъ съ общественно-политическимъ характеромъ, централизація видна и въ нихъ. Двѣ газеты чисто правительственныя: «Сербскія Новины» (оффиціальная), и «Единство» (полуоффиціальная, получающая отъ правительства субсидію); одна, «Видовданъ», постоянно заявляетъ, что ея принципъ служить правительству; другая, «Световитъ», собственно политическаго характера не имѣетъ, но въ своей тенденціи ставитъ на первомъ планѣ услуги правительству, и потому ея страницы всегда открыты для статей Бана, безсмѣннаго слуги постоянно мѣняющихся правительствъ. Слѣдовательно, всѣ эти четыре органа не представляютъ никакого общественнаго мнѣнія, никакого политическаго принципа, такъ какъ принципъ служенія лицу, династіи или кликѣ не заключаетъ въ себѣ ничего политическаго. Остается поэтому одна «Сербія», какъ органъ по крайней мѣрѣ одной партіи и именно партіи либеральной, о которой единственно и можно говорить, какъ о политическомъ дѣятелѣ.

Во время самаго тяжелаго гнета при князѣ Михаилѣ [1]), въ

---

[1]) Сербы изъ ханжества и піэтета къ покойному князю вмѣсто имени кн. Михаила постоянно употребляютъ имя Н. Христича, когда говорятъ о той системѣ, ко-

особенности направленнаго противъ либеральной партіи, люди, принадлежавшіе къ ней держались 10 лѣтъ съ твердостью и мужествомъ, какія можно найти только у людей крѣпкихъ убѣжденій другихъ просвѣщенныхъ націй: многіе подвергались изгнанію изъ отечества, другіе терпѣли тюремное заключеніе, ссылку во внутренность, лишеніе гражданскихъ правъ и устраненіе отъ всякой общественной дѣятельности; съ одинаковымъ мужествомъ они держались и во время террора послѣ 29-го мая 1868 года. Можно было сказать, что это люди идеи, крѣпкихъ убѣжденій и желѣзнаго характера. Но настало другое время, гнетъ снятъ, повѣяло какъ будто бы свободой, въ правительствѣ говорится о либеральныхъ принципахъ, какъ единственныхъ, могущихъ осчастливить Сербію и избавить ее на будущее время отъ переворотовъ; либеральные люди съ правителями въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ, нѣкоторые изъ нихъ получили важные государственные посты, одинъ даже получилъ портфель двухъ министерствъ; другіе министры, кромѣ одного, всѣ съ болѣе или менѣе либеральнымъ направленіемъ. Однимъ словомъ, либеральная партія и правительство, явно называемое всѣми либеральнымъ, слились воедино. Въ это время и «Видовданъ», кричавшій прежде постоянно, что сербскій народъ незрѣлъ для свободныхъ учрежденій, сталъ проповѣдывать, что сербскій народъ способенъ къ тому больше, чѣмъ всякій другой. Но конечно тотъ былъ бы крайне глупъ, кто повѣрилъ бы въ такую неестественную и быструю метаморфозу. Либералы въ этомъ отношеніи, изобличая неискренность «Видовдана», не замѣчали той дисгармоніи, которая была очевидно въ ихъ союзѣ съ новымъ правительствомъ. Источникъ этого заблужденія двоякій: съ одной стороны неясное пониманіе, а съ другой, какъ будто, желаніе отдохнуть и нежеланіе продолжать оппозицію, которая уже начинала сильно утомлять ихъ. Впрочемъ, послѣднее эгоистическое побужденіе было причиною второстепенною, а главною причиною остается то ихъ заблужденіе, будто возможно моментальное измѣненіе убѣжденій, и неопредѣленность ихъ собственныхъ принциповъ, такъ что, собственно говоря, между либералами и консерваторами коренной разницы въ политическихъ принципахъ не существуетъ. Въ Сербіи всякій демо-

---

торая собственно и была радикальною причиною катастрофы и осуждена всѣмъ народомъ и новымъ правительствомъ. У сербовъ этотъ піэтетъ поставленъ каждому въ обязанность: цѣль этого какъ можно возвысить династію Обреновичей, и тѣмъ втоптать въ грязь Карагеоргіевичей. Мы, не имѣя никакихъ обязанностей по отношенію къ той или другой династіи, обозначаемъ тотъ тяжелый періодъ именемъ Михаила, такъ какъ онъ былъ главою, а всѣ другіе были только его орудія.

кратъ и либералъ; но для яснаго пониманія этихъ принциповъ и проведенія ихъ въ жизни необходима извѣстная доля просвѣщенія, которою *всякій* конечно не обладаетъ. Проводя параллель между консерваторомъ и либераломъ въ Сербіи, перебирая по одиночкѣ людей того и другого направленія, мы не найдемъ между ними большой разницы, если не сказать почти никакой. Въ либералахъ найдемъ только больше стремленія мотивировать свою дѣятельность чистымъ принципомъ: но стремленіе къ цѣли не есть еще постигнутая цѣль. На либералахъ наглядно видны слѣдствія ложныхъ основаній, положенныхъ въ ихъ образованіе. Слишкомъ матеріально понимаемый реализмъ и узко понимаемая практичность и здѣсь, какъ въ наукѣ, сбиваютъ серба съ истиннаго пути. Во всемъ у нихъ компромиссъ, вѣчная сдѣлка ума съ капризной волей, реальной истины съ ея практическимъ ограниченіемъ, и бродятъ они безъ этой истины, какъ въ темномъ подземельи безъ свѣта, и не находятъ выхода изъ своего тѣснаго лабиринта. Смѣшно и жаль было смотрѣть на этихъ людей, когда они, служа подножіемъ хитрому эгоисту, съ дѣтской наивностью говорили: «мы—правительство». Теперь и имъ стало ясно ихъ положеніе; но что они бѣдные выстрадали! Правительство третировало ихъ какъ своихъ рабовъ, которые не смѣютъ поднять головы, консерваторы съ полнымъ правомъ упрекали ихъ въ холопствѣ, а со стороны либеральной молодежи, которая единственная была за нихъ, дожили до скандала. Имѣвши въ провинціи прежде доброе имя людей честныхъ и служащихъ народу и идеѣ, они въ послѣднее время потеряли тамъ уваженіе и всякое значеніе.

Я нѣсколько долго остановился на томъ политическомъ процессѣ, который совершился въ послѣднее время въ сербскомъ обществѣ потому только, что и въ этомъ высказываются основныя черты сербскаго характера. Сербъ отваженъ и не боится насилія: силой и страхомъ изъ него ничего не сдѣлаешь. Но вы можете всего достигнуть, дѣйствуя на его самолюбіе, что́ очень легко, потому что онъ крайне самодоволенъ и легко поддается самообольщенію. Онъ любитъ, по сербскому выраженію «уживати», т.-е. наслаждаться жизнью, и это его главная цѣль; онъ боится умереть, не вкусивши этой сладости, и потому, перенесши очень много, терпя и страдая, онъ вдругъ останавливается, схватываетъ то, что́ ему даютъ, и сорвавъ эту, иногда весьма ничтожную ставку, забастуетъ. Онъ упрямъ и, сдѣлавши ошибку, понимая ее самъ, не сознается передъ людьми и будетъ дѣйствовать вопреки своему убѣжденію, чтобъ не выдать себя; сознаться въ своей ошибкѣ по указанію другого, онъ еще меньше способенъ,

вслѣдствіе крайняго самолюбія. Не имѣя достаточнаго просвѣщенія, но, сдѣлавши нѣкоторый успѣхъ настолько, что это замѣтно и постороннему, сербы преувеличиваютъ свои успѣхи и приписываютъ ихъ какимъ-то особеннымъ способностямъ, которыми обладаетъ ихъ народъ. Этому помогаютъ отчасти и отзывы путешественниковъ, между которыми иные лгутъ изъ политическихъ видовъ, а иногда просто изъ матеріальнаго разсчета, такъ какъ эта ложь иногда награждается деньгами, — а другіе вслѣдствіе того, что не въ состояніи войти въ жизнь народа и судятъ объ немъ по одной выставкѣ, которая подготовляется часто правительствомъ. Вслѣдствіе этого самодовольства, является самонадѣянность, парализующая ихъ энергію и дѣятельность: они мало трудятся, не заботятся объ основательности, не любятъ ни во что углубляться, любятъ схватывать вершки и тотчасъ съ ними на показъ. Дѣйствуя на эти слабыя стороны сербскаго народа и оставляя его въ иллюзіяхъ, не затрогивая только національнаго чувства, имъ можно владѣть какъ угодно.

Произнося такой строгій приговоръ, можно сказать, не щадя ни мало ни національнаго чувства сербовъ, ни самолюбія отдѣльныхъ личностей, изъ числа которыхъ онъ задѣнетъ весьма многихъ, отрѣшившись вполнѣ отъ своихъ личныхъ симпатій по отношенію ко многимъ, я надѣюсь тѣмъ оказать мое уваженіе къ сербскому народу больше, чѣмъ снисходительно-сантиментальными похвалами тому, чего я не одобрилъ бы и у себя дома. Мѣрка, по которой я оцѣниваю сербскій народъ, служитъ та самая, которую я примѣняю къ Россіи и ко всякому другому народу, а не составляю особенной, принимая въ соображеніе различныя обстоятельства: время, средства, постороннія вліянія и т. п., съ чѣмъ я соображаюсь только тогда, когда касаюсь историческаго процесса, который произвелъ то или другое явленіе, и къ этому я прибѣгаю нерѣдко, чтобы связать слѣдствія съ ихъ причинами. Надѣюсь, что сербскій народъ нисколько не унизитъ то, что онъ во многомъ окажется стоящимъ гораздо ниже другихъ. Правда, отъ Сербіи, существующей политически всего полстолѣтія, я требую въ нѣкоторыхъ случаяхъ тѣхъ самыхъ успѣховъ, какихъ другія государства достигли въ продолженіи двухъ-трехъ столѣтій, слѣдовательно какъ бы упускаю изъ виду одного весьма важнаго фактора во всемъ—время. Въ этомъ отношеніи Сербія, какъ и всякое, въ новое время возникающее государство, имѣетъ ту выгоду, что многое, до чего другіе доходили долгимъ путемъ поисковъ и борьбы, она находитъ уже готовымъ: ей ненужно отыскивать, а только съумѣть примѣнить къ своимъ потребностямъ; время ей нужно только для укорененія того или

другого учрежденія, той или другой принадлежности современной жизни; потомъ, она имѣетъ выгоду выбора: ея молодежь воспитывается въ различныхъ университетахъ Европы. И еще одно важное преимущество Сербіи предъ другими государствами: она не связана преданіями, въ ней нѣтъ многаго, отъ чего другіе рады бы отказаться, еслибъ это не навязала имъ исторія и не связала со всею народною жизнью такъ, что трудно затронуть одно, не коснувшись цѣлаго организма. Такъ, напр., рѣзкое раздѣленіе на сословія, которое мѣшаетъ успѣхамъ соціальной жизни; привычка къ бюрократическимъ формамъ и правительственной опекѣ, ханжество религіозное и политическое, неравноправность и неравенство въ распредѣленіи богатствъ, множество предразсудковъ въ жизни политической и соціальной, которые теперь сознаются всѣми въ образованной Европѣ, но противъ которыхъ трудно бороться, потому что время связало ихъ съ коренными основами народной жизни. Все это чуждо сербскому народу, но, къ сожалѣнію, вносится въ жизнь его государственными людьми и учителями въ жизни культурной и общественной. Въ этомъ отношеніи нельзя не пожалѣть, что Сербія стоитъ подъ сильнымъ вліяніемъ Австріи, и еще какой Австріи? — баховской. Это непріятно поражаетъ васъ на каждомъ шагу. Начнемъ съ администраціи. Полиція въ Сербіи не только охраняетъ порядокъ, но во многихъ случаяхъ отправляетъ должность судейскую (въ послѣднее время въ этомъ отношеніи сдѣлано какое-то преобразованіе) и отъ нея вполнѣ зависитъ начало всякаго судебнаго процесса; она завѣдуетъ отчасти и государственнымъ хозяйствомъ, распоряжаясь суммами, доставляемыми почтой и телеграфами, и имѣніями малолѣтныхъ, состоящихъ подъ опекой; въ общественномъ хозяйствѣ также ничто не дѣлается безъ ея участія. Во всѣхъ городскихъ и сельскихъ общественныхъ собраніяхъ непремѣнно участвуютъ окружный начальникъ (нашъ исправникъ) или капетанъ (становой). Ни одинъ выборъ сельскаго кмета (старшины) не происходитъ безъ участія капетана; поэтому кметъ не что иное, какъ пандуръ (сельскій жандармъ). Такой бюрократической опеки, какъ въ Сербіи, нѣтъ даже у насъ, гдѣ бюрократическія формы введены гораздо раньше. Въ моей (Саратовской) губерніи, которая имѣетъ населенія въ полтора раза больше Сербіи, а также больше ея и по пространству, 20 становыхъ, а въ Сербіи ихъ 60, и получаютъ они каждый отъ 400 до 600 талеровъ, имѣя при томъ по одному помощнику, который называется *писаръ*, съ жалованьемъ въ 200—400 талеровъ, и по два *практиканта* (писца), получающихъ также казенное жалованье, и нѣсколько

пандуровъ, на которыхъ въ каждомъ срезѣ тратится, по государственному бюджету, по 5480 р. (министерство юстиціи имѣетъ своихъ пандуровъ особо). Такое множество охранителей порядка я находилъ (по крайней мѣрѣ 8 лѣтъ тому назадъ) только въ Австріи, гдѣ жандармы насажены были въ каждомъ мѣстечкѣ. Въ Сербіи община совершенно парализована полиціей. Подчинивши всю общественную и государственную жизнь бюрократіи, сербское правительство употребляетъ всѣ средства, чтобъ поставить непереходимую пропасть между чиновничествомъ и народомъ: чиновникъ не можетъ быть избранъ въ члены какого бы то ни было народнаго собранія; онъ не смѣетъ наединѣ сойтись съ поселяниномъ безъ того, чтобъ его не потребовало къ отвѣту начальство; за то на чиновника вы не можете жаловаться прямо суду, не спросивши на то разрѣшенія его ближайшаго начальства, а начальство это никогда не дозволитъ своего чиновника отдать подъ судъ по частной жалобѣ и даже по жалобѣ цѣлаго общества, и такимъ образомъ чиновникъ сталъ лицомъ неподсуднымъ, зависящимъ единственно отъ своего начальства, которое за то и помыкаетъ имъ, какъ хочетъ. Цѣль вполнѣ достигнута: чиновникъ смотритъ на народъ, какъ на нѣчто совершенно чуждое ему, которому онъ ничѣмъ не обязанъ, съ которымъ онъ не долженъ имѣть ничего общаго; народъ съ своей стороны смотритъ на чиновника еще хуже: онъ видитъ въ немъ своего врага, ненавидитъ его и не допускаетъ въ свое общество. Напрасны усилія людей благомыслящихъ съ той и другой стороны; всякая попытка къ ихъ сближенію отбивается взрывами негодованія. Такое же раздѣленіе было только въ Австріи, гдѣ въ каждую провинцію посылали чиновниками людей другой національности. Ей же Сербія должна быть благодарна за то, что всѣ дѣла, мельчайшія тяжбы между простымъ народомъ, рѣшаются на бумагѣ, съ помощью адвокатовъ. У насъ на сотни тысячъ торговыя дѣла ведутся часто безъ всякихъ письменныхъ документовъ, а здѣсь каждый крестьянинъ знаетъ облигаціи такъ, что торговля бланками облигацій довольно значительна въ Сербіи, и тутъ-то совершается бо́льшая часть мошенничествъ, отъ которыхъ наживаются многіе адвокаты. Въ одномъ округѣ не только горожане, но и поселяне между собою всѣ почти въ тяжбѣ. Сербъ теперь ненавидитъ адвоката, но не можетъ жить безъ него, ища постоянно случая, чтобы съ кѣмъ-нибудь потягаться. Въ самой Австріи это зло не такъ велико, но извѣстно, что всякое зло, входящее въ менѣе развитую массу изъ болѣе развитой, если только привьется,—становится ужаснѣе: такъ случилось во многихъ отношеніяхъ и съ Сербіей. Не только различныя учреж-

денія Австріи пересаживаются цѣликомъ на сербскую почву, но даже самыя чувства, политическія симпатіи и антипатіи. Сербское правительство никакъ не рѣшается открыть въ своей великой школѣ преподаваніе славянскихъ нарѣчій, и особенно боится русскаго языка и панславизма. Въ Австріи это имѣетъ смыслъ и резонъ существованія; а въ Сербіи что же, какъ не австрійскій прививокъ? Явленіе это понятно, когда вспомнимъ, что всѣ государственные люди Сербіи, не исключая и покойнаго князя Михаила, вскормленники Австріи. Въ то же время сербская интеллигенція, увлекаясь примѣромъ своихъ братій въ австрійскихъ провинціяхъ, боится швабизма и вмѣстѣ съ тѣмъ вообще европейской образованности, и старается разбудить въ своемъ обществѣ національно-патріотическія чувства, которыя покровительствуютъ многимъ привычкамъ чисто-варварскимъ. А это постоянное тасканье всѣхъ школъ въ церковь и съ учителями, регулированіе даже религіознаго чувства, развѣ не слѣдствіе вліянія австрійскаго католицизма? Результатомъ этого является религіозный индифферентизмъ, прикрываемый исполненіемъ формы, и этотъ индифферентизмъ, соединенный съ ханжествомъ, вообще оказываетъ вредное вліяніе на всю жизнь, внося во всѣ отношенія ложь и формализмъ, убивая всякій свободный порывъ, всякое стремленіе къ идеѣ и къ ея осуществленію на дѣлѣ. Я замѣтилъ даже въ молодежи какое-то неестественное отвращеніе отъ всего идеальнаго, отсутствіе всякаго увлеченія наукой и идеей, одно исполненіе формы и обязанностей. Индифферентизмъ въ религіи, которымъ сербы отчасти похваляются, порождая собою индифферентизмъ въ жизни и наукѣ, не приноситъ имъ того великаго блага, котораго ищутъ въ немъ другіе образованные народы, широкой терпимости не только религіозной, но и національной, гражданской и научной. Въ нихъ много нетерпимости ко всему чужому, и въ этомъ отношеніи они много грѣшатъ противъ своихъ братій *преко,* приписывая имъ все дурное, не сознаваясь въ томъ, что въ этомъ заключается ихъ свободный выборъ. Виноваты ли ихъ братья въ томъ, что сербское правительство ищетъ тамъ только Милошей Поповичей, Бановъ, Христичей и подобныхъ имъ людей, которыми сербы княжества постоянно попрекаютъ австрійскихъ сербовъ, забывая, что отъ нихъ же они имѣли Доситея Обрадовича, и что теперь еще Австрія имѣетъ много людей, которые всю свою дѣятельность, честную и плодотворную, посвятили Сербіи? Указывая на вредное вліяніе Австріи, мы остаемся при томъ убѣжденіи, что тамъ есть много и хорошаго для заимствованія, что брать оттуда дурное или хорошее зависитъ отъ самихъ же сербовъ. Въ этомъ слу-

чаѣ отвѣтственность падаетъ на правительство и на сербскую интеллигенцію, отъ которыхъ зависитъ дать направленіе политической, соціальной и умственной жизни народа, и мы становимся требовательны, потому что лица, которымъ досталась роль народныхъ вождей, имѣли всѣ средства стать на одномъ уровнѣ съ подобными людьми другихъ просвѣщенныхъ народовъ; у нихъ было время и возможность изъ всего выбирать лучшее, и если они сдѣлали иной выборъ, въ томъ не оправдываетъ ихъ ни недавнее существованіе ихъ государства, ни общій низкій уровень народнаго развитія, ни вредное вліяніе варварской Турціи, и никакія другія обстоятельства. Въ Сербіи меня одно удивляло: вездѣ въ другихъ странахъ люди, составляющіе интеллигенцію, развиты непропорціонально больше, чѣмъ масса; въ Сербіи напротивъ—интеллигенція стоитъ ниже того уровня, на которомъ должна бы находиться, чтобы вполнѣ отвѣчать развитію своего народа; она въ сущности слишкомъ мало отдѣляется отъ массы. Можетъ быть, въ этомъ залогъ будущаго счастливаго, гармоническаго устройства Сербіи, но покуда это весьма неблагопріятно отзывается на общемъ прогрессѣ.

Отъ этихъ общихъ разсужденій снова возвращаюсь къ своей жизни и наблюденіямъ въ Бѣлградѣ послѣ первой экскурсіи въ провинцію.

Во всемъ произошла перемѣна, которая коснулась и меня. Хозяинъ моей прежней гостинницы оказался также участникомъ заговора: онъ былъ посаженъ въ тюрьму, гостинница его закрыта и я долженъ былъ помѣститься въ другой. Теперь поселился я у «Греческой Королевы», хозяинъ которой во время нашего послѣдняго турецкаго похода былъ маркитантомъ и въ то время нажилъ нѣкоторую копѣйку, научился нѣсколько русскому языку и съ тѣхъ поръ питаетъ нѣкоторую симпатію къ русскимъ. Поэтому мы съ нимъ отъ начала до конца остались пріятелями и, живя вмѣстѣ цѣлый годъ, мы ни разу не имѣли случая жаловаться, чтобъ между нами, какъ говорится, проскочила черная кошка. Эта гостинница была совершенно другого характера отъ моей прежней. Какъ та была пустынна, такъ эта полна людей и подъчасъ очень шумна. Въ ней останавливались по преимуществу *паланчане*, т.-е. провинціальные торговцы, священство, чиновники, поселяне — все тутъ было. Помѣщаются здѣсь по нѣскольку человѣкъ въ одной комнатѣ, платя за кровать 25 коп.; а нѣкоторыя комнаты имѣютъ только миндерлукъ и подушекъ нѣтъ,— тамъ вовсе ничего не платится, только гость непремѣнно обязанъ въ этой гостинницѣ обѣдать и ужинать, платя за то и другое, съ сайдликомъ вина и рюмочкой ракіи передъ тѣмъ, 30 коп. сер.;

впрочемъ и другіе не совсѣмъ изъяты отъ того же условія. Здѣсь собственно познакомился я съ внутреннею Сербіею больше, чѣмъ во время самаго путешествія по ней, потому что имѣлъ случай жить по недѣлѣ и больше съ людьми изъ всѣхъ рѣшительно краевъ Сербіи, даже изъ Турціи. Благодаря этой гостинницѣ, послѣ, когда я пускался въ экскурсіи, не было мѣстечка, гдѣ бы меня не встрѣтили знакомые.

Говорить о томъ, что́ я въ нѣкоторомъ смыслѣ изучилъ въ этой средѣ, значило бы говорить о провинціи, но это выходитъ изъ моей настоящей задачи. Но не могу не сказать хоть нѣсколько словъ, передать хоть нѣсколько чертъ и сценъ.

За обѣдъ и ужинъ мы садились человѣкъ по 10, а иногда по 20, это называлось *таблето.* Меня, какъ русскаго, сажали всегда на первое мѣсто, я первый начиналъ каждое кушанье. Всякій вновь прибывшій, узнавая, что я русскій, задавалъ мнѣ вопросы о Россіи, которые были такого свойства: какая у насъ зима, есть ли горы, какой хлѣбъ сѣется, есть ли желѣзныя дороги, сколько жителей и пространства, какова у насъ скотина, чѣмъ торгуютъ, есть ли фабрики, какія школы, какъ велика подать, окончилось ли рабство, есть ли народное войско (милиція), какъ у нихъ, что думаетъ Россія объ нихъ, хочетъ-ли она на турка, и затѣмъ шла политика, впрочемъ исключительно внѣшняя, въ которой каждый сербъ знаетъ толкъ дать; многіе изъ нихъ постоянно читаютъ газеты и очень хорошо знаютъ по именамъ всѣхъ главныхъ, современныхъ политическихъ дѣятелей. Изъ нашихъ особенно хорошо знаетъ всякій имена Горчакова и Игнатьева и постоянно спрашиваютъ меня, каковы эти люди; а имъ они видимо очень нравились. Къ Россіи во всѣхъ ихъ величайшая симпатія.

О сербской внутренней политикѣ они въ обществѣ говорятъ неохотно, выражаются оффиціально, хваля правительство за его мудрыя распоряженія, выражая къ князю Михаилу глубочайшую признательность, ставя ему въ особенную заслугу пріобрѣтеніе крѣпостей, и видя въ заведеніи народнаго войска и устройствѣ оружейнаго завода въ Крагуевцѣ непремѣнное ручательство того, что онъ освободилъ бы и остальныхъ славянъ отъ турокъ, еслибъ пожилъ побольше. Наединѣ и въ маленькой кучкѣ шли разговоры интимные, и дѣло доходило до критики дѣйствій правительства прежняго и настоящаго. Одинъ изъ нихъ, съ которымъ я нѣсколько времени помѣщался въ одной комнатѣ, выразился по этому случаю такъ: «Вы не судите сербскій народъ по толпѣ, толпа идетъ за вождемъ, своей головы у нея нѣтъ; а вы поговорите съ нимъ между четырехъ глазъ, или придите ко мнѣ, я

позову своихъ близкихъ людей, да и поговорите, тогда и увидите, что такое сербинъ, чтó онъ думаетъ и чего онъ хочетъ». Въ этихъ словахъ много истины и смысла. Наединѣ и въ маломъ кружкѣ выражаемое мнѣніе у сербовъ сплошь да рядомъ противорѣчитъ заявленіямъ тѣхъ же людей въ какомъ-нибудь оффиціальномъ собраніи. И я всегда при этомъ припоминаю вышеприведенныя слова: «толпа идетъ за вождемъ»; а кто у нея теперь вожди, кромѣ правительства? Либеральная партія не можетъ выставить ни одного человѣка, который могъ бы стать во главѣ народа, въ противной также нѣтъ; и идетъ теперь народъ за правительствомъ, не разбирая, кто стоитъ во главѣ: «кто ни попъ, тотъ и батька!». Всѣ прежніе перевороты, не принесшіе народу ровно ничего, постоянно революціонное настроеніе, вызывающее особенныя мѣры, вѣчное ожиданіе чего-то, все это утомило народъ, надоѣло ему и онъ дошелъ также до политическаго индифферентизма. Мы можемъ говорить о различныхъ гражданскихъ добродѣтеляхъ сербскаго народа, о его достаточной политической развитости, пожалуй о его либеральномъ духѣ, но не можемъ придавать этому никакого политическаго значенія. Факторами его политической жизни остаются правительство и образованный классъ.

Торговцы изъ внутренности пріѣзжаютъ въ Бѣлградъ въ продолженіи года три или четыре раза и живутъ здѣсь по недѣлѣ и больше. Здѣсь они отъ бѣлградскихъ купцовъ набираютъ различнаго товару, а съ нимъ вмѣстѣ тутъ же берутъ уроки и въ торговлѣ, по которымъ конечно и поступаютъ у себя дома. Иные ѣздятъ за товаромъ въ Пештъ и въ Вѣну, и все-таки на перепутьи останавливаются въ Бѣлградѣ.

Какой это живой, оборотливый и дѣятельный народъ! Онъ въ день разъ 10 сбѣжитъ внизъ на Саву, спускаясь и поднимаясь по лѣстницѣ въ 140 ступеней, и все выбираетъ товаръ, и не станетъ онъ вамъ брать весь товаръ въ одной лавкѣ, а обойдетъ всѣ и осмотритъ предварительно, гдѣ что есть, на это убиваетъ дня два, и потомъ уже беретъ. Въ одну и ту же лавку онъ приходитъ по нѣскольку разъ, и норовитъ попасть, когда хозяина лавки нѣтъ, напр. въ обѣденную пору, чтобъ отъ его прикащиковъ, особенно если они молодые неопытные люди, выпытать всю истину, какая настоящая цѣна товару. Затѣмъ идетъ нагрузка и отправленіе товара на телѣги (съ рабаджіями) или на лошадей, осѣдланныхъ особенными сѣдлами (съ кириджіями). Товара всего на двѣ-три телѣги, но нагрузка идетъ долго, потому что это самый разнообразный товаръ и собирать его нужно, можетъ быть, изъ двадцати лавокъ.

Во время обѣда и ужина тоже нѣтъ покоя: въ это время являются въ гостинницу разносчики съ различными товарами; отъ нихъ паланчане покупаютъ очень охотно, потому что съ ними торговаться можно не стѣсняясь, обѣдая и будто бы въ шутку давая вмѣсто рубля гривенникъ; торговля эта поддерживается цѣлымъ обществомъ и дѣйствительно удается купить несравненно дешевле, чѣмъ въ лавкѣ.

Въ это же время приходитъ и Еремія Караджичъ, слѣпой поэтъ, издатель календарей, сонниковъ, стихотвореній на случаи, романовъ оригинальныхъ и переводныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ книжный торговецъ. Писать и читать онъ конечно самъ не можетъ, но ему замѣняетъ глаза, во-первыхъ, его жена, а, во-вторыхъ, какой-нибудь гимназистъ или лицеистъ-бѣднякъ, которому онъ за это платитъ какую-нибудь бездѣлицу. Средства у него конечно самыя ничтожныя, но онъ всякій годъ издаетъ по нѣскольку книжонокъ, которыя расходятся въ народѣ. Произведенія эти въ родѣ нашихъ, сбывающихся на толкучихъ рынкахъ; но онъ не прочь издать что-нибудь и порядочное, если есть кому надоумить, онъ въ своемъ родѣ тоже либералъ и терпитъ иногда отъ цензурныхъ запрещеній и прибѣгаетъ къ печатанію за границей. Сербскіе либералы впрочемъ относятся къ нему свысока, какъ къ человѣку совершенно простому и консерватору, чѣмъ дѣлаютъ очень важную ошибку, потому что онъ дѣятельнѣе ихъ и могъ бы имъ помочь, распространяя ихъ книги, еслибъ онѣ имѣлись. Къ несчастію такихъ книгъ не имѣется; календарь «омладины» выходитъ въ серединѣ года, а Еремія свой календарь во-время составитъ и онъ уже давно въ рукахъ народа.

Еремія человѣкъ уже лѣтъ 50, высокаго роста, статно сложенъ, хорошо одѣтъ по-сербски, сверху постоянно короткій кафтанчикъ, на головѣ феса никогда не носитъ, а шапку изъ чернаго барашка; онъ не стрижется гладко, какъ всѣ сербы, а изъ-подъ шапки у него висятъ сѣдыя кудри; онъ рябоватъ вслѣдствіе оспы, которая лишила его и зрѣнія. Какъ вообще слѣпцы, онъ держитъ голову высоко, что придаетъ ему гордую осанку, а Еремія и въ самомъ дѣлѣ не лишенъ нѣкоторой гордости, какъ литературный дѣятель. Входитъ онъ, ощупывая путь тросточкой, и направляется къ той комнатѣ, гдѣ всѣ обѣдаютъ. Черезъ плечо съ лѣвой стороны у него кожаная сумка съ книжками, подъ мышкой нѣсколько большихъ приходо-расходныхъ книгъ, на спинѣ въ большомъ платкѣ узелъ также съ книгами и разнымъ бумажнымъ товаромъ. Подходитъ онъ близко къ столу, остановится, какъ будто окинетъ всѣхъ взглядомъ и проговоритъ: «На здравье ручакъ (обѣдъ), господа трговци!»—«Фала (спасибо), газда Ере-

мія»,—отвѣчають ему нѣсколько человѣкъ.—«А, это вы Минія? когда вы прибыли?» — привѣтливо спрашиваетъ Еремія, узнавъ одного изъ гостей по голосу. «А меня знаешь?» — испытываетъ его другой. Узнаетъ и этого. Отзывается еще одинъ. «Тебя не знаю»,—отвѣчаетъ слѣпецъ. «Какъ же я-то тебя знаю?»—«Меня знаютъ всѣ; я одинъ, а васъ много, да должно быть покупаешь ты товаръ мой рѣдко»,—отвѣчаетъ онъ съ гордостью и какъ будто съ упрекомъ. «Не нужно-ли, господа торговцы, календарь, «Таковацъ», съ картинами, протоколы, тефтери (приходо-расходныя книги), облигаціи, букварн? Пѣсенки есть у меня хорошія, новыя, князю Милану». Больше всего покупаютъ приходо-расходныя книги и облигаціи; въ свое время идутъ хорошо календари, но «Таковацъ» Ереміи оказался слишкомъ дорогъ — три цванцига (60 коп. сер.), и покупался немногими; но любовался имъ всякій: на оберткѣ хромолитографированная картинка, представляющая, какъ Милошъ въ 1815 г., на цвѣты въ Таковѣ, является передъ народомъ, держа въ рукѣ знамя возстанія и говоря: «Вотъ вамъ я, вотъ вамъ война!»; въ серединѣ календаря портретъ князя Милана, намѣстниковъ и министровъ. Любо смотрѣть, да дорогъ, а смотришь, иной расщедрится и купитъ. Такъ-то онъ ведетъ свою торговлю; а въ лавочку его врядъ-ли кто заглядываетъ; большинство, мнѣ кажется, и не знаетъ, гдѣ она, кромѣ его сотрудниковъ и знакомыхъ. Иногда онъ придетъ, подойдетъ къ столу, слышитъ, что новаго почти нѣтъ и молча, не сказавъ никому ни привѣта, уходитъ. Вся почти торговля его здѣсь только зимой до поста или до масляницы.

Торговцы являются здѣсь какъ-то періодически, наплывомъ; то появится ихъ столько, что помѣститься негдѣ, тогда и мнѣ приходится кого-нибудь пустить въ свою комнату, то нѣсколько времени ровно никого нѣтъ, и за столомъ только три-четыре человѣка постоянныхъ посѣтителей.

Первое время отчасти надоѣдало мнѣ отвѣчать одно и тоже на одни и тѣже вопросы постоянно вновь пріобрѣтаемыхъ знакомыхъ; а послѣ это устранилось: кто ни прибудетъ, навѣрное уже знакомъ со мною, и тогда, вмѣсто разспросовъ, шелъ обычнымъ чередомъ разговоръ о разныхъ вещахъ, собственно интересовавшихъ меня. Они стали смотрѣть на меня, какъ на своего человѣка, стали, не стѣсняясь, разговаривать со мной о своихъ дѣлахъ, иногда даже совѣтуясь со мной; да и я привыкъ къ нимъ, втянулся въ ихъ жизнь, познакомился съ ихъ дѣлами настолько, что понималъ многое не хуже ихъ и дѣйствительно могъ дать совѣтъ.

Бывало пойдешь къ знакомымъ изъ интеллигенціи, побы-

ваешь у того у другого: всѣ они стали какіе-то странные, точно разбитая армія, нѣтъ у нихъ между собой никакой тѣсной связи, потому что нѣтъ связывающей общей идеи и общей дѣятельности, нѣтъ опредѣленныхъ отношеній къ правительству, стали они сами какими-то консерваторами, и носятъ только званіе либераловъ, которое въ послѣднее время стало очень жалкимъ и ничтожнымъ. Посидишь у нихъ немного, имъ не ловко передо мной, мнѣ тоже нечего дѣлать съ ними, и убираешься отъ нихъ поскорѣе къ своимъ милымъ паланчанамъ, которые навѣрное сидятъ уже за столомъ и ждутъ къ ужину своего руса.

Цѣлый день шелъ дождь (было въ концѣ ноября); вечеромъ тихо, дождь мелкій, какъ густой туманъ, такъ все и застилаетъ; темнота страшная; фонари, разставленные довольно рѣдко, смотрятъ сиротливо и едва мелькаютъ своимъ тусклымъ маслянымъ освѣщеніемъ; они едва въ состояніи освѣтить самихъ себя, а ужъ гдѣ тамъ освѣщать вашъ путь. И идѐте вы по мостовой, ступая иногда въ ямы и попадая по щиколку въ воду, разбираете-разбираете, да и начнете шагать, какъ попало, смѣло шлепая по грязи и по водѣ, и такъ бываетъ иногда лучше. Прихожу домой: меня дѣйствительно ждутъ. Гостей мало и мы усаживаемся за небольшимъ круглымъ складнымъ столомъ. Наслаждаемся сначала «киселой чорбой» (родъ селянки изъ потроховъ или изъ бараньей грудинки), потомъ паприкашемъ, печенемъ, и запиваемъ положеннымъ сайдликомъ вина. Ужинъ бываетъ обыкновенно рано (въ 7 часовъ) и только вслѣдствіе неуправки оттягивается до 9. Послѣ ужина компанія не расходится еще: спросятъ, кто вина, кто чистаго кофе, — и ведутъ дружественно бесѣду. Позвольте представить одну изъ такихъ бесѣдъ въ ненастный зимній вечеръ.

Компанію нашу составляютъ, кромѣ насъ, еще 5 человѣкъ. Ужичанинъ, молодой человѣкъ, служившій сначала въ сербскомъ войскѣ, потомъ въ греческой гвардіи въ Аѳинахъ, въ нынѣшнемъ лѣтѣ совершилъ путешествіе по Россіи черезъ Одессу, Кіевъ, на Москву и Петербургъ; человѣкъ онъ одинокій, имѣетъ нѣкоторое состояніе, свободный, но не знаетъ куда дѣваться со свободой и направить его некому: онъ снова хочетъ поступить въ сербскую военную службу, для чего и пріѣхалъ въ Бѣлградъ. Видъ его такой добродушный, взглядъ довольно смышленый; въ обществѣ онъ больше молчитъ и будто все наблюдаетъ. Затѣмъ слѣдуетъ практикантъ: молодой, недавно окончившій курсъ въ лицеѣ, прежде былъ очень благонамѣренный, теперь сталъ филистерски либераленъ и въ оппозиціи къ новому пра-

вительству; одѣтъ всегда очень прилично; имѣетъ небольшую итальянскую бородку и необыкновенно бѣлые зубы. Одинъ пожаревлянинъ (изъ города Пожаревца): высокій брюнетъ; лицо продолговатое, черты лица тонки, говоритъ басомъ, но мягко и плавно; въ сербскомъ костюмѣ. Неготинецъ—лѣтъ 50, изъ первыхъ тамошнихъ торговцевъ и привезъ вина на продажу; у него круглое лицо, носъ короткій, широкій у основанія, съ заостреннымъ концомъ, всѣ черты лица мелкія, ноги и руки маленькія, во всемъ тѣлѣ полнота; онъ въ европейскомъ сюртукѣ, но сверхъ сербская шубка съ широкими рукавами, опушенная лисицею. Онъ держится съ достоинствомъ, на поклоны отвѣчаетъ внимательно, но сдержанно, какъ будто не узнаетъ или старается узнать; въ движеніяхъ плавность, а иногда будто порывы нетерпѣнія; онъ то-и-дѣло барабанитъ по столу пальцами, плоскими съ тонкими оконечностями и унизанными перстнями. Наконецъ унтеръ-офицеръ въ сѣромъ мундирѣ съ краснымъ кантомъ и въ такой же шинели, въ фуражкѣ, сдвинутой на затылокъ. Вся его фигура топорной работы: высокій и широкій, носъ закругленный, лицо рябоватое, сѣрые глаза, темные волосы; простота и желаніе казаться очень умнымъ и даже нѣсколько ученымъ. Онъ прилежно читаетъ журналъ «Воинъ», вычитываетъ оттуда кое-какія свѣдѣнія по географіи и исторіи и при случаѣ можетъ высказать свои знанія. Кстати замѣчу, что «Воинъ» составляетъ весьма порядочное чтеніе, и на солдатъ производитъ дѣйствіе нѣсколько развивающее. Этотъ унтеръ-офицеръ—бывшій сослуживецъ ужичанина и по его приглашенію ужинаетъ съ нимъ. Сѣвши за столъ, онъ широко разставилъ ноги, такъ же раздвинулъ руки подъ шинелью, облокотившись всѣмъ корпусомъ на столъ, такъ что одна половина сильно угнулась, чего онъ однако не примѣтилъ; крѣпко прижалъ мою ногу къ ножкѣ стола и также не почувствовалъ ничего; высморкнулся въ салфетку совершенно откровенно, нѣсколько разъ утеревъ носъ туда и сюда, а не такъ какъ это дѣлаютъ другіе: будто утирая губы, захватываютъ носъ. У него все просто. Въ движеніяхъ самоуваженіе, въ убѣжденіяхъ лойяльность, въ цѣлой фигурѣ слоновая сила.

Послѣ ужина завязался разговоръ весьма разнообразный и интересный объективно по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія можно было изъ него почерпать, и субъективно по той характеристикѣ, которая вытекала сама собою изъ высказывавшихся тутъ мнѣній.

Сначала говорили о плаваніи по Дунаю отъ Неготина до Бѣлграда, гдѣ на пути представляютъ большое неудобство, такъ называемые, дердапы, т.-е. каменные пороги, пользуясь кото-

рыми австрійское пароходство только непомѣрно возвышаетъ плату за провозъ и не дѣлаетъ никакихъ улучшеній. Потомъ перешли къ новымъ порядкамъ. Неготинцу особенно не понутру были воскресныя школы, которыя вздумало новое правительство заводить вездѣ черезъ посредство полиціи. Говоря о школахъ, неготинецъ приходилъ въ странное негодованіе на то, что онъ долженъ посылать въ школу своего работника или прикащика: «Да развѣ я его для того держу, чтобъ онъ въ школу шлялся? Мой прикащикъ и въ воскресный день не смѣетъ у меня отлучиться: неравно на что понадобится. Хотятъ также, чтобъ мы своихъ дѣвочекъ туда посылали. Это еще къ чему? Да моя дочь и дома выучится всему, что ей надо. Выдамъ я и безъ того свою дочь за лучшаго человѣка, войдетъ она въ богатый домъ, въ полное хозяйство; не книжки ей тогда читать. Да и учить-то некому». Послѣднее заключеніе онъ сдѣлалъ на томъ основаніи, что лучшій, по его мнѣнію, учитель не принялъ участія въ этихъ школахъ; а достоинство того учителя, по словамъ его же, заключалось въ томъ, что у него дѣти по стрункѣ ходятъ, а что онъ много знаетъ, видно изъ нажитого имъ имѣнія и изъ того почета, въ какомъ онъ состоитъ у своего начальства.

Изъ этого не слѣдуетъ однако выводить, чтобъ сербъ не понималъ важности ученія; напротивъ, сербы очень охотно даютъ на школы и на каждой скупштинѣ дѣлаются предложенія новыхъ пожертвованій; но они не терпятъ навязыванія и особенно черезъ полицію, которая у всѣхъ въ страшной ненависти. «Да какъ и не быть ненависти! замѣтилъ пожаревлянинъ, вѣдь начальники у насъ все общество разстроили. Мы-то пошли другъ на друга, другъ къ другу вѣры нѣтъ». «У насъ тоже, подхватилъ неготинецъ, чуть что поговоришь въ кофейнѣ, ужъ начальству все извѣстно. На другой день зовутъ къ начальству: ты говорилъ то и то? Говорилъ. Взять его на протеканъ. А тамъ отъ министра приказъ: немедленно чтобъ явился въ Бѣлградъ; а не явится волей, препроводятъ съ жандармами. А за что? и куда жаловаться? Если мнѣ сдѣлаютъ какую неправду въ судѣ, я пойду въ аппелляцію; тамъ не найду управы,—въ кассацію; а на полицейскихъ и суда нѣтъ».

Унтеръ старался во всемъ обвинить общество, такъ какъ откуда, какъ не изъ него же и берутся и шпіоны. На это возражалъ пожаревлянинъ: «Легко найти дурного человѣка въ каждомъ обществѣ. У насъ есть одинъ такой, который тѣмъ только и живетъ, что лжетъ, да обманываетъ, да чужія дѣла разстроиваетъ. Бывало узнаетъ кто, что у насъ сладилось какое-нибудь дѣло, которое хотѣлось бы ему самому,—подошлетъ его, и дѣло

разстроилось. Вотъ такого-то человѣка найдетъ начальникъ и мутитъ черезъ него цѣлое общество. Всѣ его боятся, потому что онъ всегда можетъ оклеветать. Или возьметъ начальникъ какого-нибудь пандура, просто *геака* (поселянина, ничего, кромѣ земледѣльческаго труда, непонимающаго), научитъ его, онъ и шпіонитъ».

Что это не пустыя жалобы, подтвержденіемъ служитъ скупштина 1869 года, и то упорство, съ какимъ всѣ скупштины не допускаютъ къ выбору чиновниковъ. Какъ ни старался унтеръ отстоять начальство, все ему не удавалось: что ни скажетъ, все не впопадъ. Никто не проникся даже уваженіемъ къ его учености, и онъ сосредоточился на бесѣдѣ съ своимъ пріятелемъ ужичаниномъ, который держался все время очень скромно, не вступалъ въ споры, а только разсказывалъ, какъ учителя собираютъ съ учениковъ дань яблоками, какъ они въ школахъ держатъ гусей и другую домашнюю птицу, заставляютъ дѣтей работать въ огородѣ и т. п. Къ нему-то теперь обратился унтеръ: «Ты знаешь — говорилъ онъ какъ-то особенно конфиденціально — я теперь такъ узналъ науку, умѣю вести всякіе счеты и канцелярскіе порядки, и умѣю такъ *фино* (тонко) обмануть, что самъ Богъ не узнаетъ».

Черезъ нѣсколько времени онъ пересталъ быть лойяльнымъ, потому что его обошли при производствѣ, вышелъ въ отставку и сталъ выражать недовольство правительствомъ. Встрѣтившись однажды съ нимъ, я спросилъ его, почему онъ вышелъ въ отставку. «Не могу выносить, чтобъ мнѣ приказывалъ человѣкъ, который стоитъ ниже меня по познаніямъ», — отвѣтилъ онъ и потомъ таинственно добавилъ — «Вы не знаете, вѣдь я *либералецъ*!» Съ этого времени онъ почувствовалъ сильное призваніе къ дипломатическому поприщу, на которомъ въ Сербіи подвизаются многіе въ родѣ его, и почему-то принялся искушать русскій консулатъ, но и тутъ потерпѣлъ неудачу.

Практикантъ былъ молчаливъ и только, когда ругали прежнихъ чиновниковъ, многозначительно замѣтилъ: «Посмотримъ, каковы-то будутъ новые». Весь этотъ разговоръ я сообщаю въ томъ видѣ, какъ записалъ его въ тотъ самый вечеръ съ точностью, какую допускала моя память, ни прибавивши, ни убавивши и не измѣнивши ни іоты, и предлагаю его здѣсь читателю, какъ образчикъ того матеріала моихъ ежедневныхъ бесѣдъ, изъ которыхъ я въ другихъ случаяхъ предлагаю читателю одни выводы.

Живя почти годъ въ одномъ и томъ же обществѣ, какъ въ одной семьѣ, имѣя для наблюденія сотни лицъ, я замѣ-

тилъ нѣкоторыя характеристическія черты, отличающія не личности, а цѣлыя группы одну отъ другой и отвѣчающія отдѣльнымъ мѣстностямъ. Разница эта выражается иногда всей физіономіей, иногда языкомъ, а иногда особенной манерой и особенными тенденціями. У сербовъ, какъ и у насъ, жители одной мѣстности даютъ различныя прозвища жителямъ другой и разсказываютъ о нихъ разные характеристичные анекдоты. Удивительно встрѣтить такое сознаніе разности въ жителяхъ Сербіи на такомъ незначительномъ пространствѣ и при такомъ незначительномъ населеніи; но эта разница существуетъ дѣйствительно и причина ея заключается въ томъ, что княжество Сербія населялось и до сихъ поръ продолжаютъ въ него доселяться изъ различныхъ мѣстностей: изъ Босніи, Герцеговины, Старой Сербіи, Болгаріи и др. Не пускаясь въ подробную характеристику всего сербскаго народа, я представлю здѣсь нѣсколько характеристическихъ чертъ того только общества *паланчанъ*, въ которомъ жилъ въ Бѣлградѣ.

Шабацъ и Смедерево послѣ Бѣлграда самые важные торговые города Сербіи—первый на р. Савѣ, близъ западной границы, второй на Дунаѣ, къ востоку отъ Бѣлграда; поэтому изъ нихъ больше всего наѣзжаетъ торговцевъ; но въ характерѣ торговцевъ того и другого рода есть разница. Шабчане являются рѣдко, но всегда довольно большимъ обществомъ и держатся между собою дружно и особнякомъ отъ другихъ, въ разговорѣ либеральны, но неподатливы на разговоръ; ихъ занимаетъ больше всего торговля и они стремятся поставить ее на тѣ же самыя основанія, на какихъ она находится въ остальной Европѣ; бóльшая часть ихъ большого роста, говорятъ чистымъ сербскимъ нарѣчіемъ. Смедеревцы являются чаще, въ разсыпную, и иногда какъ будто избѣгаютъ другъ друга, но съ другими сходятся легко, третируютъ ихъ нѣсколько свысока, какъ люди болѣе просвѣщенные, любятъ говорить о политикѣ, поэтому иногда читаютъ газеты, они тщеславятся своимъ либерализмомъ и сразу же его заявляютъ; сильно желаютъ казаться европейцами и осуждаютъ варварство и необразованность другихъ изъ своей братіи, всѣ мѣры правительства подвергаютъ строгой критикѣ; общаго типа не имѣютъ, представляютъ значительную смѣсь, но все-таки въ физіономіи преобладаютъ черты мелкія и тонкія, въ языкѣ нѣкоторая изысканность, однако несовсѣмъ сербская. Къ смедеревцамъ примыкаютъ пожаревляне, только въ послѣднихъ больше связи другъ съ другомъ, больше духа общественности, во всѣхъ дѣлахъ, какъ въ торговыхъ, такъ и въ общественныхъ, напр. въ оппозиціи противъ полиціи держатся не-

обыкновенно дружно между собою и съ другими классами, съ чиновниками юстиціи и просвѣщенія; въ нихъ много гуманнаго развитія, есть любовь къ театру, литературѣ и другимъ свободнымъ искусствамъ; типъ болѣе общій и чисто сербскій, чѣмъ у смедеревцевъ. Крагуевчане вмѣстѣ съ рудничанами представляютъ самый чистый типъ серба: смотрятъ солидно, понимаютъ хорошо всякое дѣло, но ничѣмъ постороннимъ не увлекаются, такъ они относятся и къ политикѣ; торговля какъ бы не составляетъ ихъ призванія настолько, насколько у другихъ. Къ нимъ значительно подходятъ валевцы, хотя послѣдніе менѣе сдержаны и сосредоточены на одномъ своемъ дѣлѣ, политика внутренняя ихъ сильно интересуетъ; въ нихъ нѣтъ нисколько скрытности, но держатся въ то же время съ тактомъ, прямо и безъ всякой манерности; въ нихъ меньше чѣмъ въ другихъ самодовольства, они сильно жалуются на *каишарство* (мошенничества, совершаемыя съ помощью чиновничихъ продѣлокъ), которое, какъ зараза, вкоренилось у нихъ съ недавняго впрочемъ времени, именно около десятка лѣтъ; по наружности они одинаковы съ предыдущей группой: высоки, стройны; нарѣчіе ихъ считается самымъ чистымъ сербскимъ. Ужичанина вы отличите прежде всего по его наружности: высокій и тонкій, продолговатое лицо съ тонкимъ носомъ, блондинъ; въ немъ смѣсь добродушія съ хитростью, у него много пѣсенъ и разсказовъ, онъ любитъ и умѣетъ съострить, но совершенно наивно, никого не оскорбляя, это его потребность; въ политикѣ слабъ. Подринцы отличаются нѣкоторою застѣнчивостью и скромностью, они нѣсколько подходятъ подъ ужичанъ, но держатся больше въ обществѣ шабчанъ, отъ которыхъ учатся всему. Ягодинцы—плохо говорятъ по-сербски: въ выговорѣ слышится какое-то пришепетыванье, неправильно употребляютъ предлоги, часто пренебрегаютъ падежными окончаніями; веселый и бойкій народъ, горячи и суетливы; любятъ наслажденія, больше другихъ сербовъ проявляютъ черты турецкаго характера; хорошіе торговцы и въ политикѣ довольно либеральны. Другіе не имѣютъ особенно рѣзкихъ отличительныхъ чертъ. Такъ, тюпрійцы совершенно безхарактерны и напоминаютъ то смедеревцевъ, то ягодинцевъ, то крагуевчанъ; находящіеся въ томъ же окружіи паратинцы отличаются торговой предпріимчивостью, несмотря на то, что живутъ глубоко во внутренности Сербіи, стараются войти въ непосредственныя связи съ заграницей и многіе отправляются за товарами въ Вѣну. Торговцы изъ Алексинца наружностью напоминаютъ нѣсколько ужичанъ, изъ Княжевца — любятъ щегольство, и тѣ и другіе заняты идеей о заграничной торговлѣ; кру-

шевляне мнѣ знакомы меньше всѣхъ, но тѣ личности, которыя я видѣлъ, показались мнѣ менѣе развитыми, чѣмъ другія, и заняты были медкими счетами до того, что въ бесѣдахъ остального общества не принимали никакого участія. Заичарцы и неготинцы—представители особеннаго типа восточной Сербіи. У заичарца короткое лицо, значительно выдавшееся впередъ, носъ кругловатый или нѣсколько вздернутый, глаза большіе на выкатъ, всѣ почти брюнеты; въ манерѣ простота, въ разговорѣ рѣзкость, въ образѣ мыслей они самостоятельны и къ правительству относятся критически; угрюмы, земледѣліе предпочитаютъ торговлѣ. Неготинецъ—смуглый, съ круглымъ лицомъ, съ короткимъ нѣсколько заостреннымъ носомъ, глаза также на выкатъ, но чрезвычайно живые, во всей манерѣ подвижность; онъ любитъ повеселиться самъ и угостить другого, любитъ поплясать, любитъ цыганъ, музыкантовъ, которые въ Неготинѣ славятся на цѣлую Сербію и воспѣваютъ тамошняго героя Гайдукъ-Велька. Во всѣхъ сербахъ, даже въ поселянахъ меня поражали необыкновенно маленькія и деликатныя руки, стройность, ловкость и нѣкоторое изящество манеръ. Сербъ не станетъ размахивать цѣлою рукою до плеча, какъ нашъ братъ русакъ, вся жестикуляція ограничивается у него кистью руки; въ лицѣ необыкновенно развита мимика, но тонкая, легкая, быстрая. Облекаясь изъ своей гуни въ военный мундиръ или въ нѣмецкій сюртукъ, онъ нисколько не кажется неловкимъ и въ этомъ новомъ костюмѣ. Всѣ формы европейской жизни усвоиваются ими весьма легко.

Этимъ мы закончимъ характеристику моего провинціальнаго бѣлградскаго общества, изъ котораго я вынесъ много воспоминаній лично для меня весьма дорогихъ; этимъ можно почти покончить и съ Бѣлградомъ, потому что жизнь до катастрофы и послѣ нея существенной разницы не представляетъ. Жизнь во время осаднаго положенія, продолжавшагося полгода, была совершенно такая же, какъ и въ первые два мѣсяца. По снятіи его все какъ будто нѣсколько ожило, но общественныхъ собраній по прежнему не было никакихъ. Въ частныхъ домахъ стали собираться чаще и свободнѣе для празднованія *славы* или другихъ годовщинъ, чаще и громче стали раздаваться здравицы, при чемъ заявлялось, что «вотъ молъ до какого блаженнаго времени мы дожили, какъ свободно собираемся и какъ свободно можемъ говорить!» Но все, что говорилось въ этихъ собраніяхъ, было узко частнаго свойства и по прежнему не касалось никакого, ни политическаго, ни общественнаго, ни научнаго или культурнаго вопроса, и заявленія о свободѣ показывали только, что

прежде было ужасное стѣсненіе. Много лѣтъ болѣе свободной жизни нужно, чтобъ жители Бѣлграда исцѣлились отъ той сдержанности, доходящей до скрытности и недовѣрія другъ къ другу, къ чему ихъ пріучила вся предшествовавшая жизнь.

Впрочемъ, новая жизнь меньше чѣмъ въ годъ успѣла заявить себя нѣкоторымъ движеніемъ въ обществѣ. Она дала существованіе нѣсколькимъ новымъ журналамъ: «Единству» (политич.), «Школѣ» (педагогич.), «Правдѣ» и «Судскому листу» (юридич.); «Селяку» (земледѣльческо-промышлен.), «Зарѣ» (литературн.); вызвала учрежденіе банка и общества для перевозки товаровъ; между ремесленниками также явилась идея ассоціаціи; по разнымъ городамъ стали то-и-дѣло открываться «читалища» и общества съ художественно-литературными цѣлями; во всѣхъ отрасляхъ государственной жизни предприняты реформы; составлена коммиссія для преобразованія всѣхъ школъ Сербіи. Все это только движеніе, изъ котораго покуда еще ничего не видать, но отъ котораго во всякомъ случаѣ можно ожидать бо́льшаго, чѣмъ отъ прежняго застоя. Если Сербія будетъ продолжать идти хоть по этому скромному пути, можно будетъ довольствоваться и тѣмъ. Покуда это зависитъ отъ личностей, въ рукахъ которыхъ находится регентство, но черезъ годъ, кажется, власть и съ нею судьба Сербіи перейдетъ въ руки ея молодого князя, которому можно пожелать, чтобъ онъ, послѣдуя дядѣ и дѣду, усвоилъ ихъ добрыя качества и отказался бы отъ тѣхъ, которыя задерживали народную жизнь и были причиною ихъ собственной гибели. На регентахъ и наставникахъ князя конечно лежитъ обязанность открыть ему и то и другое со всею искренностью, какой требуетъ отъ нихъ довѣріе поставившаго ихъ народа, поручившаго имъ воспитать хорошаго правителя.

Слѣдовало бы поговорить о театрѣ, но тогда привелось бы коснуться цѣлаго репертуара, что̀ завело бы насъ слишкомъ далеко; поэтому я ограничусь только двумя-тремя замѣчаніями о томъ, какъ относится къ нему публика. На театръ сербы смотрятъ очень серьезно и съ точки зрѣнія чисто реальной: они требуютъ, чтобъ онъ изображалъ имъ дѣйствительную жизнь, настоящую или прошлую, и въ этомъ изображеніи ищутъ разрѣшенія занимающихъ ихъ политическихъ и общественныхъ вопросовъ. Къ сожалѣнію, сербская литература, хотя для изображенія прошлаго имѣетъ кое-какія историческія драмы и трагедіи, но къ настоящей жизни и не прикасалась, и потому угощаетъ свою публику переводами, и. то неудачно: она довольствуется только пустыми водевилями и фарсами, или странными, разсчитывающими на одинъ грубый эффектъ мадьярскими комедіями,

въ которыхъ не знаешь, плакать или смѣяться и вся основа держится на небывалой и невѣроятной случайности. Поэтому публика къ театру довольно равнодушна; но нужно посмотрѣть на эту публику, когда дается пьеса, задѣвающая ея чувство: она вся отдается сценѣ, и шлетъ свое одобреніе или неодобреніе не актерамъ, а тому или другому дѣйствію или личности, выведенной на сценѣ. Я слышалъ, какъ вся публика съ актерами вмѣстѣ пѣла пѣсню: «Возстань, возстань сербинъ, возстань за свободу! На ноги, сербы-братья! свобода насъ зоветъ!» Одинъ разъ на сценѣ выведенъ былъ шпіонъ и пролаза, публика пришла въ ярость и крикнула: «Вонъ Бана, вонъ!»—и Банъ, чиновникъ какихъ-то тайныхъ порученій, презираемый всякимъ честнымъ человѣкомъ, но ласкаемый всякимъ сербскимъ правительствомъ, долженъ былъ уйти изъ театра. Въ нынѣшнемъ году Субботичъ поставилъ на сцену ничтожнѣйшую и нелѣпѣйшую пьесу «Сонъ на яву», гдѣ сначала служится панихида по князѣ Михаилѣ, а потомъ является св. Савва и, точно фокусникъ, показываетъ прошлое Сербіи такимъ образомъ, что по сценѣ проходятъ при освѣщеніи бенгальскимъ огнемъ всѣ бывшіе сербскіе крали, и Савва поясняетъ исторію каждаго точь-въ-точь, какъ въ звѣринцахъ показываютъ звѣрей. Театръ въ продолженіи трехъ спектаклей былъ полонъ, потому что публика не знала впередъ пьесы, но теперь эта пьеса не смѣетъ больше появиться на сербской сценѣ: она забракована публикой на основаніи критики чисто реальной. Въ этомъ смыслѣ у публики несравненно больше смысла и вкуса, чѣмъ у господъ сочинителей, которые однако третируютъ публику свысока и винятъ её въ равнодушіи къ искусству.

Мы видѣли съ читателемъ, какъ шьется обувь и платье, какъ подковываются быки и лошади, какъ пекутся хлѣбы, какъ строятся сербскіе дома и т. д.; прошу теперь заглянуть въ лабораторіи, приготовляющія пищу, которою насыщается умъ сербскаго народа. Мы пропустимъ поэтовъ, поющихъ въ одно и тоже время—и слезныя іереміады, и хвалебные гимны; не затронемъ и философовъ, думающихъ объ томъ только, чтобъ выдумать то, чего никто другой не выдумаетъ; но заглянемъ въ тѣ святилища, откуда идетъ импульсъ политической жизни, въ формѣ различнаго рода «Новинъ».

Вотъ вамъ одинъ изъ этихъ жрецовъ отыскиваетъ самое видное мѣсто въ своемъ журналѣ для помѣщенія статьи, *присланной ему* безъ авторской подписи, въ которой побивается въ прахъ все, чѣмъ онъ прежде жилъ, чему онъ отдалъ лучшіе годы своей жизни, за что онъ шелъ въ тюрьму и готовъ былъ пойти хоть на висѣлицу. Взглянувши на него въ этотъ моментъ

можно было замѣтить, что онъ теперь страдаетъ больше, чѣмъ когда-то въ тюрьмѣ, въ сырости, на голой землѣ безъ постели, не зная, что его ожидаетъ впереди; а между тѣмъ онъ старается всѣхъ увѣрить, что это такъ и слѣдуетъ, что эта гнусная статейка вполнѣ согласна съ его убѣжденіемъ. Это—сербинъ, который не поддался ни страху, ни корысти, но за *инатъ* (наперекоръ), по упрямству, готовѣ отрицать цѣлому свѣту очевидную истину.

Въ другомъ подобномъ святилищѣ происходитъ другая сцена. Сочиняется корреспонденція изъ Лондона: «Непроницаемый туманъ покрываетъ столицу Альбіона, еще непроницаемѣе туманъ, покрывающій дѣйствія здѣшней дипломатіи» и т. д. Это пишетъ одинъ; другой на основаніи такой корреспонденціи сочиняетъ цѣлую передовую статью въ такомъ родѣ: «Нашъ лондонскій корреспондентъ очень мѣтко выражается, что туманъ покрываетъ истинныя мысли англійской дипломатіи» и т. д. Такимъ образомъ весь нумеръ составляется двоими лицами. Но какъ ни трудились они, остается еще на листѣ значительное пустое пространство, несмотря на непрошенное помѣщеніе множества объявленій.

«Ваша передовая статья, докторъ, великолѣпна, — говоритъ корреспондентъ: — но вы могли бы написать еще что-нибудь по вашей спеціальности относительно народнаго здоровья, вотъ хоть бы напр. по поводу анатеринской воды». Объ этой водѣ объявленіе вы могли найти въ каждомъ нумерѣ той газеты, а теперь спеціалистомъ написана цѣлая статья въ томъ смыслѣ, что молъ мы объявляли объ анатеринской водѣ для полосканья зубовъ не даромъ; послушайте, что это за вода: она полезна старымъ и молодымъ, для больныхъ и здоровыхъ зубовъ и т. п. Такимъ образомъ нумеръ наполнился и выходитъ въ свѣтъ. Иногда, несмотря на всѣ усилія, онъ не въ состояніи наполниться; тогда въ слѣдующемъ нумерѣ является статья, объясняющая причины невыхода: во-первыхъ, новая почта опоздала вслѣдствіе идущаго по Дунаю льда, а во-вторыхъ, въ свѣтѣ нѣтъ ничего интереснаго, поэтому публика ничего не теряетъ,—что между прочимъ она давно уже догадывается и сама, и постепенно перестаетъ читать эту газету.

Есть газета «Свѣтовидъ», которая выходитъ въ недѣлю три раза. Она напускаетъ на себя характеръ *всеславянскій* и потому, вѣроятно, пишется особеннымъ языкомъ, составляющимъ нѣчто среднее между сербскимъ, болгарскимъ и русскимъ, отъ послѣдняго въ особенности заимствуетъ правописаніе и упорно держится ъ, а и ѣ; въ ней часто помѣщаются цѣликомъ статьи на болгарскомъ языкѣ, и все-таки не на чистомъ, а съ подмѣсью— все же ради всеславянства. Политическія извѣстія играютъ второ-

степенную роль, но главное—передовыя статьи и корреспонденціи. Въ составленіи первыхъ часто отличается Банъ и разные славяне, а послѣднія сообщаютъ ужасныя исторіи, изобличающія варварство турокъ. Въ фельетонѣ много переводовъ съ русскаго, какъ «Смерть Іоанна Грознаго» соч. Толстого, переведена почти цѣликомъ, да мѣстами вовсе не переведена, а просто перепечатана. Въ каждомъ почти нумерѣ стихотвореніе, оплакивающее смерть покойнаго Михаила или пророчащее великую судьбу новому князю Милану, а то пожалуй поздравленіе черногорскому князю Николаю. Замѣчательно слѣдующее: не знаю, платитъ-ли кому-нибудь изъ сотрудниковъ редакторъ, но знаю, что ему нѣкоторые платятъ за напечатаніе отъ одного и до двухъ дукатовъ за одно какое-нибудь небольшое стихотвореніе.

Есть наконецъ сатирическій журналъ «Ружа» (роза), наполняющійся остроуміемъ одного лица, но для наполненія помѣщающій также переводъ съ русскаго, напр. «Ревизора»—Гоголя, съ сокращеніяхъ, передѣлкахъ, а отчасти почти цѣликомъ перепечатывая оригиналъ.

Поэзія и журналистика составляютъ достояніе цѣлаго народа, потому что на этомъ поприщѣ подвизаются рѣшительно всѣ классы: поселянинъ, торговецъ, чиновникъ, учитель и ученикъ, священникъ, солдатъ и т. д. Написать какое-нибудь стихотвореніе на случай или настрочить корреспонденцію изъ внутренности Сербіи обличительнаго свойства, а то пожалуй представить свои соображенія по случаю той или другой реформы или экономической затѣи, можетъ всякій. Этому помогаетъ довольно распространенная грамотность, слѣдовательно чтеніе и легкость сербской орфографіи, которая отбросила всѣ историческія ненужности и слѣдуетъ одному выговору. Потомъ нельзя не замѣтить, что въ сербскомъ народѣ довольно развито участіе къ дѣламъ общественнымъ и политическимъ, что прямо вытекаетъ изъ его непосредственнаго участія въ этихъ дѣлахъ, какъ ни недавня Сербія, какъ независимая страна, какъ ни низокъ тамъ уровень наукъ, но общее развитіе въ массѣ стоитъ несравненно выше, чѣмъ у насъ, и масса несравненно больше живетъ политическою жизнію, чѣмъ въ Россіи, такъ-называемое, общество.

Зайдемъ наконецъ въ народное читалище. Оно помѣщается въ одномъ домѣ съ училищемъ, рядомъ съ соборною церковью. Несмотря на весьма тѣсный и невидный входъ съ улицы, вы тамъ найдете весьма просторное помѣщеніе, состоящее изъ трехъ большихъ комнатъ. Въ одной библіотека, въ которой замѣчательно собраніе всѣхъ сербскихъ журналовъ и газетъ отъ стараго времени и до новѣйшаго; другая назначена собственно для чтенія:

въ ней нѣсколько столовъ большихъ и малыхъ, три диванчика, стулья и кресла; въ третьей тоже читаютъ, но могутъ посѣтители курить и бесѣдовать и отъ второй она отдѣляется стеклянной дверью. Молодежь и люди средней руки читаютъ во второй комнатѣ, а старики и люди болѣе почтенные и важные читаютъ въ комнатѣ назначенной для бесѣдъ и куренья, во-первыхъ чтобъ не смѣшиваться съ мелкими людьми, а во-вторыхъ, потому что тамъ кругомъ миндерлукъ съ мягкими тюфяками и подушками слѣдовательно больше комфорта. По стѣнамъ во всѣхъ комнатахъ картины и ландкарты, большею частью старыя, и вообще въ этомъ *украшеніи* не видно ни плана, ни цѣли, такъ какъ все это попало сюда случайно, потому что пожертвовано; не случайно попалъ только во весь ростъ портретъ Милоша Обреновича. Между портретами знаменитостей рядомъ съ царями и юнаками съ Релей-Крылатымъ и Кралевичемъ-Маркомъ красуется портретъ Субботича, изъ чего можно пожалуй заключить, что онъ составляетъ первую знаменитость въ современномъ сербствѣ. Газетъ достаточно: всѣ сербскія, и главныя или по крайней мѣрѣ одна или двѣ газеты другихъ славянскихъ народовъ, и между прочимъ три русскихъ («Русскія Вѣдомости», присылаемыя даромъ, и «С.-Петербургскія Вѣдомости» выписываемыя, и «Иллюстрація»), одна польская и одна чешская. Между ними больше всего читаются «С.-Петерб. Вѣд.», чешская газета «Наши Листы» читается много меньше, а польскую (краковскій «Часъ») я постоянно находилъ нетронутою. Нѣмецкихъ газетъ достаточно, есть двѣ спеціальныя (медицинская и судебная), всѣ онѣ большею частью австрійскія; двѣ французскихъ «Débats» и «Indépendance». Французскія большею частью уносятся въ комнату старичковъ; а аугсбургская «Всеобщая Газета» почти не трогается съ мѣста: ее мало читаютъ, потому что она не похожа на газету, а точно книга какая. Англійскихъ нѣтъ ни одной. Вообще, въ читалищѣ достаточно газетъ и довольно комфортно, но существованіе его весьма шатко. Комната, назначенная исключительно для чтенія, не представляетъ большого интереса: всѣ только читаютъ и разговоровъ почти никакихъ. Но за то въ другой комнатѣ съ миндерлуками есть чего послушать. Утромъ обыкновѣнно мало посѣтителей, и все пожилые, досужіе люди. Ихъ разговоры утромъ не оживлены и съ толковъ о предстоящей войнѣ у кого-нибудь, на основаніи какихъ-нибудь грозныхъ и задирательныхъ противъ Россіи статей въ «Пестеръ-Лойдѣ» вмѣстѣ съ необыкновенными явленіями въ природѣ, въ родѣ грома въ декабрѣ мѣсяцѣ, переходятъ на разсужденія о томъ, какая баня лучше: илиджа, которая называется также русскою, или амамъ, турецкая баня.

часовъ въ 5 вечера соберется здѣсь много старичковъ, профессоровъ и чиновниковъ, и ведется живая бесѣда о политикѣ, впрочемъ только объ иностранной, а о своей, домашней— ни слова. Одно только время передъ созваніемъ «конституціонной коммиссіи» (6 дек. 1868 г.) сенаторы здѣсь чрезвычайно свободно выражали мнѣніе, что новое правительство не имѣетъ права измѣнять уставъ Сербіи; но, когда слово стало дѣломъ, они больше уже не говорятъ этого.

Когда-то эти старички стояли близко къ народу и играли важную роль въ судьбѣ Сербіи: они смѣняли князя, два раза прогоняли Обреновичей и одинъ разъ Карагеоргіевича; они знали народъ и народъ ихъ зналъ. Съ 1858 г., благодаря тому, что въ дѣлахъ приняли участіе люди съ европейскимъ образованіемъ и нынѣ находящіеся во главѣ сербской либеральной партіи, появленіе демагоговъ уже невозможно больше. Послѣднимъ демагогомъ былъ Вучичъ, который въ 1858 году уступилъ свою роль либеральной партіи и конечно пропалъ. Съ тѣхъ поръ въ Сербіи все дѣлается не именемъ народа, а именемъ князя и его правительства; съ тѣхъ поръ, можно сказать, Сербія сдѣлалась вполнѣ европейскою монархіею, и старички больше уже не бушуютъ, дорожа своими мѣстами, приносящими имъ хорошій доходъ отъ правительства.

Какъ ни серьезенъ, ни разсчетливъ, ни практиченъ сербъ, онъ часто отдается мечтамъ и фантазіямъ.

Вотъ напр. одинъ изъ важныхъ чиновниковъ, человѣкъ съ французскимъ образованіемъ, въ скучный зимній вечеръ, опочилъ отъ государственныхъ заботъ, весь отдался какой-то мечтѣ, задумалъ что-то и проситъ свою молодую супругу, съ великосвѣтскимъ образованіемъ, раскинуть на картахъ, сбудется или не сбудется. Она раскидываетъ карты нѣсколько разъ и все выходитъ какой-то ударъ въ видѣ пиковаго туза и ударъ этотъ отъ червоннаго короля. Оба супруги словно чѣмъ опечалены и озабочены. Но что это за мечта? Того намъ конечно не отгадать. Мы можемъ однако сказать вообще, какія мечты обуреваютъ серба, стоящаго на различныхъ степеняхъ: чиновникъ, будучи еще практикантомъ, мечтаетъ сдѣлаться министромъ или сенаторомъ, основываясь на томъ, что многіе попадали въ эти высокія званія едва зная грамотѣ; всякій министръ или сенаторъ мечтаетъ сдѣлаться, если не княземъ, то каймакамомъ или по крайней мѣрѣ первымъ лицомъ послѣ князя; а сколько теперь готовятся въ кандидаты на различные высокіе посты, которые должны открыться, когда Сербія присоединитъ къ себѣ Боснію, Герцеговину и Болгарію! Одинъ, напр., производя свой родъ отъ

Искендеръ-бега, живетъ надеждой сдѣлаться государемъ Албаніи. А такихъ въ Сербіи не одинъ.

Не удивляйтесь тому, что образованный человѣкъ прибѣгаетъ къ гаданью. Въ кабинетѣ также важнаго и образованнаго чиновника вы найдете книгу «Сановник и рожданик» (сонникъ и угадыванье судьбы по дню и году рожденія), къ которому прибѣгаетъ, если не онъ, то его супруга, великосвѣтская дама. И въ тоже время этихъ людей нельзя назвать суевѣрными, потому что они не вѣрятъ ничему. Это напоминаетъ мнѣ многихъ у насъ, которые въ особенно важныхъ случаяхъ жизни ставятъ свѣчи и заказываютъ молебны, а во все остальное время не вспомнятъ ни о Богѣ, ни о церкви. Неужели они вѣрятъ?...

Оставимъ важныхъ людей мечтать и гадать, и обратимся къ особенному, отдѣльному маленькому міру, не занимающему никакого общественнаго положенія, но тѣмъ не менѣе въ просвѣщенныхъ государствахъ составляющему главный предметъ заботливости, — я разумѣю міръ дѣтей. Въ Сербіи нельзя сказать, чтобъ объ дѣтяхъ заботились очень много, что может быть и лучше; благодаря отсутствію педагогіи, дѣти развиваются довольно свободно и самостоятельно, и въ этомъ дѣтскомъ мірѣ вы встрѣтите явленія, противорѣчащія всей общественной жизни.

Въ моихъ воспоминаніяхъ дѣтскіе образы занимаютъ далеко не послѣднее мѣсто. Сколько разъ мнѣ случалось, приходя къ одному знакомому и не заставая его дома, отъ старшихъ получать деликатно выпроваживающую фразу «господина дома нѣтъ», а семилѣтній ребенокъ въ тоже время, какъ полный хозяинъ, приглашалъ войти въ комнату и подождать отца, тащилъ за руку, усаживалъ, давалъ мнѣ послѣдній нумеръ газеты или занималъ разговоромъ, спрашивая, давно-ли я получилъ письмо отъ своихъ, когда я поѣду домой и т. п. Откуда въ немъ такая серьезность и такое умѣнье, когда при немъ же другіе поступали совершенно иначе?...

А вотъ вамъ другой экземпляръ. Этотъ лѣтами еще моложе. Онъ лежитъ на кровати отца; а отецъ велитъ ему идти въ свою комнату спать. «Не пойду», отвѣчаетъ онъ отцу. — «А я тебя ремнемъ!» — «Бей, а я все-таки не пойду». Такая рѣшимость на этотъ разъ озадачила отца, который въ другое время не замедлилъ бы привести угрозу въ исполненіе. «Почему же ты не хочешь меня послушаться»? — «Да вѣдь самъ же ты сказалъ, что мы должны ложиться спать въ 8 часовъ, а теперь только 7». Дѣйствительно, отецъ, разсудивъ, что нелѣпо гнать ребенка спать такъ рано, да и самому передъ нимъ нарушать законъ, оставилъ его въ покоѣ.

Въ одномъ переулкѣ постоянно сидѣла полунагая больная,

нищая цыганка. Одинъ мальчикъ вертѣлся передъ нею, фиглярничая и задирая несчастную. Это увидѣлъ другой, нисколько не больше, не старше того, и какъ истый сербинъ кипулся на него съ самою ярою бранью за то, что онъ трогаетъ бѣдную цыганку, и тотъ не смѣлъ ему противорѣчить, и поторопился убраться. Я никогда тамъ не видѣлъ, чтобъ дѣти глумились надъ какимъ-нибудь уродцемъ или нищимъ; я видѣлъ, какъ эти мальчишки съ какимъ-то презрѣніемъ или сожалѣніемъ сторонились отъ вѣчно пьянаго Миши, который самъ втирался въ ихъ толпу и напрашивался на обиды; только одного идіота иногда преслѣдовали, и то больше по наущенію взрослыхъ, но этотъ идіотъ самъ навязывался на обиды: кланяясь передъ каретами и передъ важными людьми, онъ съ презрѣніемъ относился къ простымъ людямъ, и иногда заявлялъ претензіи приказывать что-нибудь дѣтямъ.

Въ этихъ дѣтяхъ я не замѣтилъ ни боязни, ни застѣнчивости; а по разговорамъ и поступкамъ они точно взрослые. Вспоминаю я одного сельскаго мальчика. Въ субботу онъ воротился изъ школы (за два часа отъ той деревни), гдѣ онъ обыкновенно оставался цѣлую недѣлю. Его трясла лихорадка. Мать уложила его и закутала. Черезъ нѣсколько времени хватились, а его нѣтъ. Едва успѣлъ нѣсколько отдохнуть, онъ побѣжалъ посмотрѣть лошадей и, воротившись оттуда, обратился къ отцу съ упрекомъ, почему лошадь похудѣла. «Если вы будете такъ скряжничать, не станете, какъ слѣдуетъ, кормить, не будетъ она вамъ, какъ слѣдуетъ, и работать», заключалъ онъ свое увѣщаніе родителю, и снова полѣзъ бѣдный подъ шубу, потому что лихорадка еще не оттрясла.

Случилось мнѣ у однихъ знакомыхъ быть въ гостяхъ. Дома была только жена и повела меня въ садъ кормить черешнями. Вдругъ раздался рѣзкій плачъ ребенка. Мать побѣжала на крикъ. У ребенка (четырехлѣтняго) вся лѣвая сторона подъ ухомъ была въ крови. Это его ударилъ камнемъ товарищъ. По осмотрѣ оказалось, что рана незначительна, сорвана только кожа за ухомъ и немного съ уха; мать успокоилась, обмыла ему рану, но ребенокъ реветъ безъ уйму. «Что-жъ ты плачешь? урезонивала его мать,—развѣ ты не юнакъ, и не можешь самъ его камнемъ?»—Ребенокъ сію минуту стихъ, схватилъ камень, который едва могъ поднять, и спокойно уже сидѣлъ на порогѣ калитки, поджидая своего врага, тогда какъ глаза еще полны были слезъ.

Хватить другъ друга камнемъ—имъ ни почемъ, впрочемъ большіе ушибы почти не случаются; но рукопашныя драки очень рѣдки. Плачъ дѣтей также рѣдко мнѣ приводилось слышать.

Ихъ постоянныя игры или въ лапту (въ мячъ), для чего гурьбой отправляются на врачаръ или на кали-мегданъ, или въ купу, въ которой ставятъ нѣсколько орѣховъ (грецкихъ) на конъ и

сбиваютъ ихъ издали также орѣхомъ, стрѣляютъ изъ пистолета но чаще всего вы увидите, что они бросаютъ камни: берутъ камни большіе и стараются кидать ихъ кто дальше.

Надзора за ними нѣтъ почти никакого, они совершенно предоставлены сами себѣ, и при всемъ томъ проказъ у нихъ очень мало. Шляющихся дѣтей безъ дѣла тамъ нѣтъ: они непремѣнно исполняютъ какія-нибудь службы, такъ, напр., носить кувшинами воду отъ чесмы (водопровода) ихъ постоянная обязанность, или они въ школѣ, а въ свободное время играютъ, иногда въ кучку и хоромъ поютъ, расхаживая по кали-мегдану.

Учатся они и ходятъ въ школу очень охотно. Одинъ знакомый мнѣ маленькій мальчикъ пѣшкомъ пришелъ въ Бѣлградъ изъ Ужица, чтобъ поступить въ реальную школу, и это было его собственное сильное желаніе. Но въ тоже время случалось видѣть, какъ шестилѣтняго ребенка, барскаго воспитанія, тащитъ въ школу лакей.

Вообще здѣсь дѣтей очень рано отдаютъ въ школу, чтобъ избавиться отъ обязанности заботиться объ нихъ дома. Держатъ ихъ дома довольно порядочно, т.-е. не мучатъ дрессировкой и чисто одѣваютъ. Но иногда вы встрѣтите довольно оригинальное домашнее обученіе. Такъ, отецъ спрашиваетъ маленькаго сына (большею частью при гостяхъ): «кто ты?»—онъ отвѣчаетъ: «сербинъ».—«Гдѣ пропало сербское царство»?—На Косовомъ полѣ.—«Кто погибъ на Косовомъ полѣ»?—Царь Лазарь, 9 Юговичей и все сербское юнацтво. — «А еще кто»?—Царь Муратъ. «Какъ онъ померъ»?—Его зарѣзалъ Милошъ Обиличъ.—«Чѣмъ-же мы помянемъ царя Лазаря, Милоша Обилича и всѣхъ сербскихъ юнаковъ»?—Вѣчная имъ память.—«А Мурата»?—Будь онъ проклятъ. «Кто непріятель серба»? — Турокъ. «А еще кто?» — Шваба.—«Чего-жъ ты имъ желаешь»?—Я возьму саблю и посѣку имъ головы. — Конечно такой оригинальный катехизисъ преподается не во всѣхъ домахъ; но гдѣ только родители принимаютъ на себя роль воспитателей своихъ дѣтей активно, тамъ воспитаніе это идетъ, если не въ той формѣ, то въ томъ же духѣ.

На такой почвѣ конечно трудно ожидать, чтобъ могли пустить глубокіе корни гуманизмъ и гражданственность. Одинъ отставной капитанъ, человѣкъ рѣдкой честности и, несмотря на то, что не получилъ хорошаго первоначальнаго образованія и развился такъ-сказать въ казармѣ и въ войнѣ, принадлежащій къ лучшимъ людямъ либеральной партіи, именно въ этомъ воинственномъ духѣ и въ системѣ строгой дисциплины воспитываетъ своихъ дѣтей; но, какъ человѣкъ очень умный, понимая всю несообразность такого воспитанія, нерѣдко пояснялъ мнѣ: «Видите, въ какомъ мы положеніи: мы должны изъ нашихъ дѣтей

…овить вмѣсто гуманныхъ гражданъ—дикихъ солдатъ, потому …намъ еще грозитъ война съ турками и борьба съ варвара…, съ которыми нужно мѣряться тѣмъ же самымъ оружіемъ, …имъ пользуются и они противъ насъ». Конечно, все это только …нѣнія, не имѣющія за собою истины, но на этомъ основаніи …ается очень многое въ Сербіи: во имя постоянно грозящей …ны Сербія жертвуетъ своими истинно человѣческими интере…и. Вотъ откуда выходятъ эти характеры, въ которыхъ столь… твердости и упорства на время и которые такъ легко мѣ…ются и уступаютъ въ борьбѣ продолжительной и ведущейся … иныхъ началахъ; отсюда въ сербѣ развивается упрямство …есто твердости, жестокость вмѣсто истиннаго мужества.

Я уже говорилъ, что дѣти у сербовъ главные дѣятели при …личнаго рода торжествахъ и невинныхъ демонстраціяхъ; гдѣ …жно надѣлать шуму и крику «ура»! туда не только пускаютъ, … еще нарочно посылаютъ дѣтей. Роль эта конечно незавидная … отчасти невыгодно дѣйствующая на ихъ моральное развитіе … направленіе; но они исполняютъ это какъ гражданскую обя…нность, и бываютъ участниками въ демонстраціяхъ болѣе …рьезныхъ. Когда турки занимали крѣпость и жили вообще въ …лградѣ, дѣти постоянно дѣлали аттаки на крѣпость, пуская …да градъ камней и нерѣдко вступали въ бой съ часовыми ту…ецкими солдатами , а въ городѣ постоянно завязывали бой съ …урками и не съ равными себѣ дѣтьми, но взрослыми. Въ 1862 …оду въ одномъ изъ подобныхъ столкновеній у чéсмы турки …били одного мальчика и это послужило поводомъ бомбардиро…ванія Бѣлграда. И во время самаго бомбардированія, въ то …время какъ взрослые граждане отъ страха попрятались въ под…валы, а многіе бѣжали безъ оглядки въ Топчидеръ или куда …попало, дѣти смѣло шли подъ выстрѣлы и оказывали разнаго …рода услуги войску; а одна кучка подкралась подъ самую крѣ…пость, украла турецкую пушку и скатила ее подъ гору. Въ 1858 …году, въ то время, какъ въ концѣ города въ пивоваренномъ зда…ніи собралась скупштина и, рѣшившись прогнать Карагеоргіе…вича, разсуждала, какъ это сдѣлать, одинъ преданный династіи …офицеръ вывелъ изъ крѣпости отрядъ коннаго войска, чтобъ на…пасть на скупштину. Этотъ маневръ первыя замѣтили дѣти, они …засѣли въ одной узкой улицѣ и, когда показалось это войско, …осыпали его каменьями, такъ что оно смутилось и задержалось: …поднятый ими крикъ обратилъ вниманіе людей, дѣйствовавшихъ …со скупштиной, и заставилъ ихъ принять свои мѣры. Одинъ изъ …офицеровъ нѣсколько разъ наскакивалъ на толпу дѣтей и за…махнувшись саблей, заставлялъ ихъ кричать «живіо Карагеор-

гіевичъ!» но они, всякій разъ, разсыпавшись передъ нимъ, кричали «живили Обреновичи»!

Въ нихъ чрезвычайно много истинной отваги, много смѣтливости и ловкости; но что изъ нихъ выходитъ впослѣдствіи Можно ли подумать, что изъ этого бойкаго, смышленаго и смѣлаго мальчика современемъ выйдетъ филистеръ, бюрократъ и унижающійся передъ всякимъ, кто стоитъ выше, торгашъ? Куда дѣваются впослѣдствіи всѣ эти добрыя качества, гдѣ портятся и пропадаютъ эти живыя, здоровыя силы? Загляните въ школу разберите господствующую тамъ систему средняго и высшаго образованія, и вопросъ рѣшается самъ собою: вы удивитесь, какъ еще находятся люди, которые, несмотря на всѣ усилія испортить ихъ, попавъ въ болѣе благопріятныя условія, успѣваютъ развиться и впослѣдствіи являются крѣпкими и здоровыми дѣятелями, и если до сихъ поръ не могли оказать сильнаго вліянія на положеніе дѣлъ своего отечества, то подъ ихъ вліяніемъ приготовляются новыя силы, образуются новые борцы свободы и просвѣщенія, и въ то время, какъ прежнія либеральныя силы, одряхлѣвъ, постепенно переходятъ въ лагерь консерваторовъ, на ихъ мѣсто готовы уже новые дѣятели съ болѣе глубокими принципами и болѣе твердаго закала. Сербская молодежь, въ настоящее время оканчивающая образованіе въ различныхъ мѣстахъ за границей, стоитъ несравненно выше предшествовавшаго поколѣнія; а молодежь, остающаяся въ Сербіи, состоя въ живой связи съ своей заграничной братьей, идетъ по тому же направленію и изъ этого организуется новая сила, молодая Сербія.

Что же остается въ результатѣ? Настоящее положеніе Сербіи незавидно; ложный путь, на который она выступила съ самаго начала подъ неблагопріятнымъ вліяніемъ такихъ государствъ, какъ Австрія и Турція, принесъ ей уже много зла, подвергая ее ряду революцій, за которыми постоянно усиливается централизація и деспотія, принесъ ей систему, отнимающую у народа возможность правильнаго и самостоятельнаго развитія. Но въ народѣ много еще нетронутыхъ, свѣжихъ силъ: пусть ихъ гнететъ политическая система, портитъ школа, за то ихъ воспитываетъ духъ времени, господствующій въ цѣлой Европѣ, противъ котораго напрасны усилія всей сербской интеллигенціи, ищущей спасенія въ какомъ-то оригинальномъ «сербствѣ».

П. Ровинскій.

ВСТРѢЧА ОСЕНИ.

Давно-ль я видѣлъ, какъ природа,
Оцѣпенѣлая въ снѣгахъ,
Вставала въ почкахъ иросткахъ —
Надеждахъ молодого года!

И тамъ, гдѣ мракъ и мертвый сонъ
Царили холодно и вяло,
Вторгался свѣтъ со всѣхъ сторонъ,
И жизнь потоками бѣжала.

Я видѣлъ золото полей,
И цвѣтъ, и въ лѣтній зной отраду,
Лѣсовъ зеленую прохладу,
И плодъ подъ тайникомъ вѣтвей...

И вотъ, рѣдѣющею чащей
Иду и слышу стужи вой,
И листъ пожолклый и шуршащій
Ложится подъ моей ногой.

Я вижу немощный и хилый,
Поникшій горестнымъ челомъ,
Природы образъ, полный силы,
Недавно рдѣвшійся плодомъ...

Встрѣчаю думой сокрушенья
Глубокой осени приходъ
Я — листъ опавшій поколѣнья,
Сулившаго когда-то плодъ!

СМЕРТЬ.

Все въ жизни невѣрно, и смерть лишь одна
Вѣрна — неизмѣнно вѣрна!
Все кинетъ, минуетъ, забудетъ, пройдетъ —
Она не минуетъ, найдетъ
Покинутыхъ, скорбныхъ, послѣднихъ изъ насъ,
До мошки, незримой для глазъ.
Она не забудетъ, придетъ, приголубитъ,
Обниметъ, навѣки полюбитъ,
И брачный свой тяжкій надѣнетъ вѣнецъ...
И жизненной сказкѣ — конецъ!

Я не терплю готовыхъ приговоровъ
Самодовольной пустоты,
Не выношу я споровъ лишь для споровъ
И суеты для суеты.

Глубокій умъ—безмолвныхъ размышленій
Не открываетъ тайника
Тщетѣ суетъ и празднословью преній:
Онъ зрѣетъ, ждетъ — и нѣмъ пока.

Такъ горный ключъ, незримый и холодный,
Течетъ, покуда въ высоту
Не выброситъ своей струи свободной,
Пробивъ земную темноту.

Есть дни, когда душа безъ мѣры проситъ счастья,
Когда она полна прощенья и участья —
И вѣетъ тихій миръ забвеніемъ святымъ
На язвы старыхъ битвъ съ недобрымъ прожитымъ;
Когда готовъ врага привѣтствовать какъ брата,
Когда любовью грудь и нѣжностью объята....
Въ тѣ дни зовешь и ждешь — и кажется, вотъ-вотъ
Отцвѣтшая, но вновь желанная, придетъ
Она, мечта весны.... и трепетъ ожиданья
Захватываетъ духъ, какъ прежде въ мигъ свиданья....
Но меркнетъ день — и съ нимъ твой свѣтлый идеалъ!
И видишь ты, увы! что къ призраку взывалъ;
Что также, какъ вчера, дѣйствительность сухая
Бредетъ, костлявыми ногами ковыляя;
Что тотъ, кого простилъ, къ тебѣ пылаетъ зломъ,
Что исцѣленья нѣтъ, что только боль во всемъ, —
И другъ, который званъ такъ страстно и такъ нѣжно,
Привѣтствуетъ тебя такъ холодно-небрежно.

П. Ковалевскій.

ЕВРОПА И ЕЯ СИЛЫ

ВЪ 1869 ГОДУ.

The Athenaeum: 1869.
The Westminster Review: №№ LXIX—LXXII.

III.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ДВИЖЕНІЕ.

Въ первыхъ двухъ статьяхъ *) нашей цѣлью было сгруппировать главнѣйшія статистическія данныя такимъ образомъ, чтобы эти данныя могли послужить основою сужденія о той или другой сторонѣ государственнаго и общественнаго быта въ современной Европѣ, и въ тоже время представить по возможности самую картину этого быта, такую картину, которой статистическіе факты давали бы самый трезвый, непроизвольный колоритъ.

Присоединимъ, въ заключеніе, такой же фактическій очеркъ умственной дѣятельности Европы, какъ она проявилась за послѣдній годъ въ литературѣ разныхъ странъ. Цѣль наша остается таже, какъ и прежде; какъ и прежде, постараемся составить общую картину, если можно такъ выразиться, литературной статистики Европы.

Изъ массы указаній, по этому вопросу, мы отдали преимущество двумъ англійскимъ журналамъ: *Athenaeum* — еженедѣ-

---

*) См. выше, янв. 235, и февр. 691 стр.

дѣльный журналъ, который почти исключительно состоитъ изъ рецензій книгъ; *Westminster Review* — выходитъ книгою четыре раза въ годъ, и содержитъ, кромѣ отдѣльныхъ статей, богатый критико-библіографическій отдѣлъ, въ которомъ дается отчетъ о вновь выходящихъ книгахъ по всѣмъ отраслямъ знанія, искусства и литературы.

Начнемъ съ Англіи.

При обозрѣніи литературной дѣятельности за годъ въ Великобританіи, всего болѣе поражаетъ огромная масса сочиненій о богословскихъ предметахъ. Едвали даже, кромѣ политики, какая-либо отрасль умственной дѣятельности вызываетъ столько книгъ и брошюръ въ Англіи, какъ богословіе, со всѣми отраслями каноническаго знанія. Литературную производительность этого рода въ Англіи мы можемъ раздѣлить на два рода: къ одному принадлежитъ масса стереотипныхъ, неизбѣжныхъ церковныхъ сочиненій въ родѣ проповѣдей, біографій и философскихъ трактатовъ съ богословской точки зрѣнія; сюда же отнесемъ и огромное количество тѣхъ душеспасительныхъ «трактатцевъ» и благочестивыхъ разсказовъ, въ которыхъ отражается постоянная дѣятельность различныхъ сектъ, ихъ пропаганда, ихъ призывы къ учрежденію миссій и т. д. Во всемъ этомъ мало интереснаго въ смыслѣ литературномъ и большинство такихъ произведеній даже нельзя и причислить къ литературѣ. Ко второму роду принадлежатъ богословскія или религіозныя изслѣдованія, имѣющія спеціально-полемическій характеръ. Здѣсь мы различимъ два теченія, изъ которыхъ одно по спеціальности и даже узкости своей приближается къ первому роду; это теченіе — консервативное и даже архиконсервативное, ведущее къ «укрѣпленію дисциплины» разныхъ церквей, напр., къ введенію сильнѣйшаго авторитета и бóльшаго числа обрядовъ въ англиканскую high church, и т. д., и—стремленіе прогрессивное, стремленіе согласить пониманіе догматовъ съ требованіями свѣтской науки. Мы можемъ только сказать, что раціонализмъ не дремлетъ и въ Англіи, что текущая литература его весьма богата, и что стремленіе это имѣетъ цѣлью полное преобразованіе христіанства, допуская неограниченный просторъ въ толкованіи даже такихъ догматовъ, какъ напр., коренной догматъ о происхожденіи самого христіанскаго ученія. Но ограничимся этою мимоходною замѣткой о цѣломъ, богатомъ отдѣлѣ текущей литературы въ Англіи, и обратимся къ философіи.

«Habit and Intelligence, a series of scientific Essays», Морфи, есть серьёзная попытка построить философскія опредѣленія разума, разсудка, силы творческой и организаціонной на научныхъ

данныхъ. Морфи разсматриваетъ вопросъ о происхожденіи видовъ и предлагаетъ свои измѣненія къ теоріямъ Дарвина и Герберта Спенсера, отъ эмбріологіи переходитъ къ раздѣленію видовъ, указываетъ на прогрессивное ихъ развитіе и видитъ въ этомъ доказательство существованія верховнаго организующаго разума. Авторъ не отвергаетъ возможности происхожденія человѣческаго рода, въ животномъ смыслѣ, отъ обезьяны или существа близкаго къ обезьянѣ, но отличаетъ въ человѣкѣ духовную природу, которой отношеніе къ природѣ онъ называетъ «величайшею тайной», признавая низшею тайной отношеніе жизни животной къ матеріи. Но гдѣ начинается духъ и чѣмъ онъ отличается отъ жизни, этого авторъ не объясняетъ. Сущность духа въ его демонстраціи остается тѣмъ болѣе неясною, что онъ склоняется въ пользу тождественности разума съ понятливостью (mind and intelligence), понятій, которыя идеальная философія строго различала, предполагая особый актъ творчества между понятливостью или инстинктомъ и сознательнымъ умомъ. Морфи говоритъ, что различіе это естественно дѣлалось до тѣхъ поръ, пока творчество считалось дѣломъ нѣсколькихъ дней, но что теперь, когда доказано, что всякая органическая форма есть результатъ не единовременнаго акта созданія, а долговременнаго процесса развитія, «нѣтъ необходимости допускать новый актъ творческой силы при каждомъ изъ безчисленныхъ состояній этой формы», а слѣдуетъ видѣть въ постепенномъ развитіи единичный принципъ разумности, «который руководитъ всею органическою формаціею и всѣми побудительными инстинктами, и въ заключеніе возвышается до сознанія, въ мозгѣ высшихъ видовъ животныхъ, и до самосознанія въ человѣкѣ». Между тѣмъ Морфи, какъ только доходитъ до вопроса о «нравственномъ смыслѣ», опять отступаетъ отъ этого единства, и хотя допускаетъ, что нравственное чувство развилось изъ стремленія къ наслажденію и боязни страданія, однако объясняетъ, что въ этомъ чувствѣ есть такой элементъ, который совершенно выходитъ изъ сферы жизни органической и чувственной. Можно сказать, что Морфи, именно потому, что не избѣгнулъ пробѣловъ и даже противорѣчій, неразрѣшимыхъ при нынѣшнемъ состояніи науки, вѣрно отразилъ въ своемъ сочиненіи взглядъ, на которомъ пока остановилась масса современнаго образованнаго общества, за исключеніемъ развѣ одной только Германіи, гдѣ философскія воззрѣнія издавна отражались въ обществѣ съ большею рѣшительностью, чѣмъ въ другихъ странахъ.

Приведемъ здѣсь только заглавіе сочиненія Лекки, «History of European Morals», о которомъ былъ помѣщенъ въ «В. Е.»

подробный отчетъ, а также и сочиненія Милля «Subjection of Women». Вотъ что между прочимъ говоритъ о книгѣ Милля рецензентъ Westminster Review: «Мы думаемъ, что съ появленіемъ этой книги древняя эра подчиненности женщины окончательно заключилась... Прямая цѣль г. Милля состоитъ въ томъ, чтобы возбудить въ людяхъ любопытство и энергію до той степени, чтобы они стали неотступно подвергать въ своемъ умѣ перекрестному допросу существующіе семейные порядки, съ цѣлью узнать, въ самомъ ли дѣлѣ они — единственно-возможные или наиболѣе желательные. Этотъ благородный скептицизмъ, подъ предводительствомъ смѣлой фаланги мыслителей и филантроповъ, среди которой г. Милль занимаетъ не послѣднее мѣсто, уже произвелъ великіе результаты въ области философіи, религіи и политики. Область семейной жизни однако все еще оставалась почти нетронутой, а между тѣмъ она хотя и неприступнѣе другихъ, вслѣдствіе того, что тонко переплетается со всѣми остальными сферами человѣческихъ отношеній и практическихъ интересовъ, она-то именно и представляетъ наиболѣе цѣнное завоеваніе. Г. Милль своимъ высокимъ идеаломъ счастливаго супружества доказываетъ, что онъ и въ этой сферѣ, какъ и въ другихъ, не стремится къ безотчетному разрушенію. Онъ даже намекаетъ, что есть нѣкоторыя легкія тѣни умственнаго различія между полами, которыя, въ конечномъ результатѣ, укажутъ имъ различные виды дѣятельности. Будущее устройство общества, безъ сомнѣнія, утвердится на принципѣ равенства и и единства, котораго мы нынѣ еще не знаемъ, а вмѣстѣ и на принципѣ такого простора, въ смыслѣ свободы индивидуальности, спеціальности, разновидности, котораго мы теперь едвали видимъ еще и признакъ. Для того, чтобы достигнуть этого, первое дѣло—отбросить всѣ чисто случайныя разграниченія, начертанныя прежнимъ варварствомъ и деспотизмомъ».

Само собой разумѣется, что одна изъ самыхъ богатыхъ отраслей текущей литературы въ Англіи посвящена политикѣ, то-есть разсмотрѣнію возникающихъ вопросовъ и отношеній между партіями. Въ этой отрасли за истекшій годъ рѣшительно преобладаютъ книги и брошюры объ ирландской «господствовавшей» церкви и по поводу отмѣны ея господства. Исторія этого учрежденія, матеріальные интересы замѣшанные въ вопросѣ, нравственныя отношенія между Великобританіею и Ирландіею, судьба протестантскаго духовенства, право парламента, отношенія партій къ этому вопросу—все это разсматривается въ огромномъ числѣ сочиненій, начиная съ пространныхъ ученыхъ трудовъ и кончая памфлетами. Вопросъ рѣшенъ и излишне теперь зани-

маться которымъ либо изъ этихъ сочиненій. Но одно исключеніе мы должны допустить, именно для самого автора этой реформы, нынѣшняго англійскаго «премьера» Гладстона, который нѣкогда держался строгихъ оксфордскихъ понятій объ Establishment, а нынѣ самъ осуществилъ отмѣну его въ Ирландіи.

Гладстонъ счелъ своею обязанностью объяснить перемѣну, происшедшую въ личномъ его отношеніи къ этому вопросу, и издалъ въ концѣ 1868 г. такое объясненіе подъ заглавіемъ: «A Chapter of Autobiography». Гладстонъ въ прежнее время думалъ, что государственные люди, если они убѣждены въ истинности своей церкви, должны безусловно защищать всѣ ея права, такъ какъ безъ этого только одно развѣ единогласіе въ народѣ оправдывало бы господство церкви. Между тѣмъ, когда сильныя волненія въ Ирландіи заставили англійское правительство сдѣлать ей нѣкоторыя уступки и въ томъ числѣ назначить, въ 1844 году, государственное пособіе на содержаніе католической семинаріи въ Майнутѣ, то эта уступка доказала Гладстону практическую непримѣнимость системы безусловнаго поддержанія господства государственной церкви на основаніи одного религіознаго убѣжденія государственныхъ людей. Затѣмъ онъ уже рѣшительно старался освободиться отъ своего нерасположенія къ другой альтернативѣ, т.-е. къ критикѣ господства церкви на основаніи вопроса, до какой степени единодушно желаютъ его всѣ граждане. Исторія протестантской церкви въ Ирландіи за послѣдніе тридцать лѣтъ, какъ эта исторія создалась среди всевозможныхъ внѣшнихъ преимуществъ для этой церкви и невыгодъ для ея соперницы, болѣе и болѣе склоняла автора на другую сторону альтернативы, то-есть заставляла его болѣе и болѣе отстранять въ этомъ дѣлѣ свое личное религіозное убѣжденіе, въ пользу единственно-практическихъ, именно политическихъ соображеній. Реакція въ смыслѣ консервативномъ, происшедшая въ послѣдніе годы въ Оксфордѣ, и лично враждебная Гладстону, только подтвердила его въ новомъ убѣжденіи, и вотъ, поставленный въ необходимость примѣнить къ этому вопросу убѣжденіе, онъ, протестантъ, осуществилъ отмѣну господства протестантской церкви въ Ирландіи. Сочиненіе Гладстона, какъ отзываются сами англичане, интересно и по многимъ фактамъ, которые въ немъ собраны, но главный интересъ его въ нашихъ глазахъ, это — та благородная потребность высказать передъ всѣмъ обществомъ мотивы своихъ дѣйствій, которые руководили почтеннымъ авторомъ и въ которыхъ отражается высоко-нравственный характеръ свободной политической жизни.

Итакъ, самъ Гладстонъ даже и теперь не провозглашаетъ

прямо принципа отдѣленія государства отъ церкви, а только объясняетъ невозможность поддерживать государственную церковь тамъ, гдѣ въ населеніи нѣтъ религіознаго единогласія. Но дѣло, какъ оно стоитъ теперь, заключается уже только въ словахъ, и защитники установленной церкви въ Ирландіи недаромъ видѣли въ ея отмѣнѣ важный шагъ къ отмѣнѣ господства церкви въ самой Англіи. Люди, ненаходящіеся въ положеніи Гладстона, въ словахъ не стѣсняются и уже прямо доказываютъ, что религія и государство — два понятія совершенно отдѣльныя. Гомершэмъ-Коксъ, въ интересномъ обзорѣ дѣятельности министерствъ обѣихъ главныхъ партій въ теченіи послѣднихъ тринадцати лѣтъ (Whig and Tory administrations during the last thirteen years), открыто настаиваетъ на различіи этихъ двухъ понятій, которыхъ смѣшеніе въ настоящее время составляетъ уже почти единственный, послѣдній остатокъ особой политической программы партіи тори. Дизраэли еще можетъ, при смѣшеніи этихъ понятій, возставать противъ виговъ за то, что они допускаютъ «разлученіе политической власти отъ религіознаго принципа». Коксъ старается выяснить, что слитіе религіи съ государствомъ столь же невозможно, «какъ невозможно въ ариѳметикѣ сложеніе разнородныхъ величинъ». Вышла еще интересная книжка объ англійскихъ партіяхъ неизвѣстнаго автора: «Phases of Party». Авторъ даетъ историческій эскизъ всѣхъ оттѣнковъ партій, существующихъ нынѣ въ Англіи, подъ названіями: тори, виги, консерваторы, либеральные консерваторы, либералы и крайніе (advanced) либералы. Выводъ его таковъ, что «въ настоящее время большинство образованныхъ и развитыхъ англичанъ принадлежитъ не къ строгимъ тори и не къ крайнимъ либераламъ, а дѣлится на либеральныхъ консерваторовъ и на либераловъ по вигскому образцу, причемъ различіе этихъ двухъ партій заключается собственно только въ ихъ мнѣніи о степени своевременности отдѣльныхъ мѣръ. «Очевидно въ тоже время», прибавляетъ авторъ, «что въ нѣкоторымъ умахъ существуетъ надежда видимо измѣнить конституціи и именно въ смыслѣ республиканскомъ».

Здѣсь мѣсто упомянуть о книгѣ «Robert Owen, the Founder of Socialism in England», А. Буса (A. I. Booth). Это собственно біографія Оуэна. Вотъ что говорили по поводу этой книги въ Англіи: «Пришла пора оживить память о Робертѣ Оуэнѣ и его огромныхъ трудахъ на пользу человѣчества. Онъ участвовалъ въ возбужденіи каждаго изъ тѣхъ великихъ соціальныхъ опытовъ, которыми нашъ вѣкъ отличается отъ своихъ предшественниковъ. Онъ создавалъ школы для дѣтей перваго возраста, старался о введеніи въ основу воспитанія научныхъ, ра-

ціональныхъ принциповъ, вызывалъ законы о работѣ на фабрикахъ, возбуждалъ образованіе артелей производства и дѣлежа, рабочихъ обществъ, и болѣе всего—фермъ для бѣдныхъ, имѣющихъ цѣлью доставлять работу, съ нѣкоторымъ вознагражденіемъ, людямъ лишеннымъ работы. Всѣ эти виды борьбы со зломъ, сопровождающимъ бѣгъ индустріализма, были имъ или вчинаемы, или поощряемы, или поддерживаемы его въ высшей степени щедрою личною и денежною помощью. Несмотря на все это, біографія его производитъ грустное впечатлѣніе: такъ, ни одинъ изъ его проектовъ здѣсь и въ Америкѣ—за исключеніемъ первоначальной его Нью-Ланаркской колоніи—не удался. Въ отношеніи духа самопожертвованія и безкорыстной филантропіи, Оуэнъ стоитъ почти выше всякаго сравненія. Онъ имѣлъ также вѣрный взглядъ на многіе изъ истинныхъ источниковъ общественнаго бѣдствія и неравенства, и въ нѣкоторыхъ изъ его панацей заключается сущность дѣйствительныхъ лекарствъ. Но ему недоставало тихаго, научнаго духа изслѣдованія и спокойнаго вниманія къ историческимъ фактамъ и урокамъ опыта, того именно духа, который рѣдко бываетъ достояніемъ смѣлыхъ реформаторовъ, въ степени, необходимой для прочнаго успѣха ихъ предпріятій».

Дёдли-Бэкстеръ, въ сочиненіи «The Taxation of the United Kingdom» доказываетъ, что система податей должна быть преобразуема въ цѣлости, т.-е. именно, какъ система, и съ этой точки разсматриваетъ, какая доля податей должна быть взимаема съ земли, съ личныхъ доходовъ и съ промышленнаго пріобрѣтенія. Доказывая, что доходъ съ земли не представляетъ, подобно доходу съ движимости полную дѣйствительную рыночную цѣну капитала, Бэкстеръ находитъ, что было бы справедливо доходъ съ земли облагать на одну пятую высшимъ налогомъ, чѣмъ доходы личные. Но нынѣшній процентъ обложенія земли въ Англіи авторъ признаетъ слишкомъ высокимъ и совершенно несоотвѣтствующимъ проценту обложенія личныхъ доходовъ высшаго и средняго сословій. Онъ предлагаетъ отмѣнить всякое обложеніе податью зернового хлѣба, страхованія и передвиженія, отмѣнить патенты на продажу чая и сахара—въ видахъ облегченія рабочихъ классовъ, наконецъ уравнить оцѣнку въ Лондонѣ и другихъ большихъ городахъ. Главныя предложенія Бэкстера уже осуществлены въ прошлогоднемъ бюджетѣ министра финансовъ Лоу.

Весьма важное изслѣдованіе одного изъ главныхъ соціальныхъ вопросовъ написано Торнтономъ: «On Labour: its wrongful claims and rightful dues, its actual present and possible

future». Не рѣшаясь отнестись поверхностно къ сочиненію, посвященному вопросамъ такой капитальной важности, скажемъ только, что Торнтонъ писатель либеральный и что Милль отозвался съ похвалою о его книгѣ.

Наши успѣхи въ Средней Азіи вызываютъ въ англійской литературѣ политико-стратегическія изслѣдованія о возможностяхъ столкновенія Россіи съ Англіею на границѣ индійскаго владѣнія послѣдней. Капитанъ Гаркортъ въ книгѣ: «Our Northern Frontier» доказываетъ, что Россія съ 1840 года и въ особенности въ 1865 и 1868 годахъ постоянно подвигаетъ свою укрѣпленную линію къ британской границѣ, возможность дальнѣйшаго наступательнаго движенія Россіи, обусловленную неустройствомъ пограничныхъ ханствъ, важность средпеазіатской торговли и огромную торговую выгоду, какую пріобрѣтаетъ Россія, занимая новыя области, богатыя растительными и минеральными произведеніями. Капитанъ Гаркортъ, какъ видпо, лучшаго мнѣнія о нашихъ пріобрѣтеніяхъ въ центральной Азіи, чѣмъ большинство у насъ дома. Авторъ находитъ нынѣшнюю грани у британскаго владѣнія достаточною, но совѣтуетъ всячески ст раться о поднятіи мѣстнаго населенія ближе къ уровню англійской цивилизаціи, а также рекомендуетъ своимъ соотечественникамъ быть настороже и пользоваться всякимъ случаемъ къ лучшему ознакомленію со Средней Азіею.

Болѣе научнымъ характеромъ и болѣе спокойнымъ тономъ отличается отъ предъидущаго сочиненіе капитана Тренча: «The Russo-Indian Question Historically, Strategically and Politically considered», съ картою центральной Азіи. Авторъ стоялъ нѣсколько лѣтъ въ Пунджабѣ, и два года провелъ вблизи самой границы Авганистана. Уже по этому одному книга его можетъ представлять интересъ для насъ, независимо отъ того интереса, который находятъ въ ней англичане, и который, по отзыву многихъ, представляется самъ собою особенно точнымъ изложеніемъ и разборомъ всѣхъ отношеній Россіи къ Индіи, какъ географическихъ, такъ и историческихъ, и даже политическихъ. Сущность политическаго вывода, къ которому приходитъ капитанъ Тренчъ, состоитъ въ томъ, что въ настоящее время Россія не имѣетъ ни намѣренія, ни возможности сдѣлать рѣшительное наступленіе на британско-индійскую границу, но что, въ видахъ завладѣнія Константинополемъ и вообще вліянія на западно-европейскія дѣла, Россія непремѣнно включитъ со-временемъ въ свою программу «окалѣченіе» Англіи черезъ ея владѣнія въ Индіи. Лучшими средствами къ защитѣ авторъ указываетъ: проведеніе желѣзной дороги въ эвфратской долинѣ и увеличеніе вліянія Англіи

на Авганистанъ, чему положено самое благопріятное начало сношеніями съ Широмъ-Али.

Среднее мѣсто между политикою и литературою путешествій занимаетъ весьма интересное сочиненіе Россама: «Narrative of the British Mission to Theodore, King of Abyssynia». Армянинъ Россамъ, какъ извѣстно, былъ помощникомъ англійскаго резидента въ Аденѣ и, по порученію правительства, повезъ въ 1864 году къ Ѳеодору абиссинскому письмо королевы Викторіи съ требованіемъ возвращенія плѣненныхъ имъ консула Камерона и протестантскихъ миссіонеровъ. Россамъ считаетъ нужнымъ оговориться, что будучи по рожденію халдейцемъ, онъ признаетъ своимъ отечествомъ Англію. Онъ описываетъ Ѳеодора человѣкомъ необузданно жестокимъ, но проницательною и вообще замѣчательною личностію. Когда уже приближалась англійская армія, Ѳеодоръ сказалъ: «Еслибы я еще былъ могущественъ, какъ прежде, то конечно пошелъ бы на берегъ встрѣтить вашихъ при высадкѣ, или по крайней мѣрѣ послалъ бы спросить ихъ, зачѣмъ они пришли. Но такъ какъ я лишился всей Абиссиніи, за исключеніемъ этой скалы, то было бы смѣшно съ моей стороны дѣлать какое-либо заявленіе». Онъ говорилъ Россаму, что, начиная съ 1866 года, онъ не имѣлъ покоя, такъ какъ народъ не хотѣлъ платить правильныхъ податей и возсталъ противъ него. Россамъ говоритъ, что никогда не забудетъ грустнаго выраженія, съ какимъ Ѳеодоръ, взглянувъ на полуодѣтыхъ людей, втаскивавшихъ наверхъ пушки, воскликнулъ: «ну, какъ я могу показать моихъ оборванныхъ солдатъ вашему хорошо одѣтому войску?» Въ книгѣ Россама находится подробный отчетъ о плѣнѣ, объ экспедиціи и осадѣ, а также описаніе страны и ея населенія.

Англійская литература путешествій самая богатая, и при обзорѣ послѣднихъ явленій ея намъ придется ограничиться только самыми замѣчательными. Прежде всѣхъ назовемъ двѣ книги, по этой отрасли, которыя интересны не въ географическомъ, а въ политическомъ и соціальномъ смыслѣ, именно «Greater Britain» (1868) Чарльса Уэнтворта Дайлька и «Last Winter in the United States» Зинка (1868). Дайлькъ былъ спутникомъ Диксона и книга его служитъ какъ бы дополненіемъ извѣстной книги Диксона, не заключаясь въ спеціальности послѣдней. Сверхъ того, Дайлькъ говоритъ еще о Новой Зеландіи, Викторіи, и Индіи. Какъ на лучшій примѣръ наблюденій автора, можно указать вкратцѣ на его описаніе Мичигэнскаго университета. Въ этомъ университетѣ господствуютъ два принципа: свободный выборъ курсовъ учениками, и совершенное отсутствіе соперничества,

такъ какъ университетъ никакихъ степеней не даетъ. Кто ищетъ въ Мичиґэнскомъ университетѣ серьезнаго, научнаго пріобрѣтенія, тотъ найдетъ эту пользу, и больше никакой, а кто смотритъ несерьезно собственно на обогащеніе наукою, тому тамъ и дѣлать нечего. Прежде чѣмъ приступить къ курсу, студенты держатъ экзаменъ и затѣмъ выбираютъ себѣ предметы, которые желаютъ слушать въ университетѣ, и занимаются ими уже безъ всякаго вида на наружныя отличія. Мичигэнскіе профессора увѣряли автора, что этимъ путемъ «достигается гораздо болѣе серьезнаго труда и дѣйствительнаго знанія, чѣмъ въ тѣхъ учебныхъ учрежденіяхъ, гдѣ существуетъ соперничество». Мичигэнскій университетъ самый «дешевый» въ свѣтѣ: студентъ при поступленіи вноситъ 10 долларовъ, а потомъ по 5 долларовъ ежегодно, за ученье, и живетъ на своей квартирѣ въ городѣ. Всего 10 лѣтъ тому назадъ самого города Мичигэна не было, и мѣсто, занятое теперь университетскимъ дворомъ, было мѣстомъ охоты индійцевъ. Теперь въ Мичигэнскомъ университетѣ 1200 студентовъ.

Другое изъ названныхъ выше сочиненій спеціально занимается общими условіями жизни въ Соединенныхъ Штатахъ, такъ сказать «видомъ страны»; оно въ родѣ «American Notes» Диккенса, которыя теперь уже совсѣмъ устарѣли (написаны почти 30 лѣтъ тому назадъ). Необходимо было, чтобы какой-нибудь образованный и безпристрастный писатель сдѣлалъ обозрѣніе Соединенныхъ Штатовъ, какъ они есть теперь, послѣ войны, произведшей въ нихъ столько радикальныхъ перемѣнъ. Это и сдѣлалъ Зинкъ. Онъ, разумѣется, сочувствуетъ дѣлу Сѣвера, но это не мѣшаетъ ему указывать, какою великою, хотя и недорогою въ сравненіи съ великостью дѣла освобожденія, цѣною куплена свобода негровъ. Такое дѣло, конечно, не могло обойтись не только безъ огромныхъ пожертвованій государства, но и безъ разоренія множества людей и цѣлыхъ отраслей производства. Онъ говоритъ прямо, что во многихъ мѣстахъ негры употребили свободу на то, чтобы ничего не дѣлать и занимаются усердно только кражею плодовъ; что десятки тысячъ семействъ бѣлыхъ изъ роскоши впали въ бѣдность, даже въ нищету. Въ такомъ положеніи находится Южная Каролина. Но въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ удается переходъ отъ системы крупнаго хозяйства къ системѣ хозяйства мелкаго, т.-е. фермерскаго, дѣла скоро поправятся и пойдутъ лучше прежняго. Такъ уже и случилось въ Миссури и по всей вѣроятности тоже, еще въ высшей степени, будетъ съ Виргиніей. Любопытно описаніе Чикаго, огромнаго города, въ которомъ встрѣчаются въ числѣ еще молодыхъ

жителей люди, видѣвшіе какъ тутъ закладывались первые кирпичи, въ пустомъ мѣстѣ. Говоря о щедрости чикагскихъ купцовъ, Зинкъ заступается вообще за американцевъ противъ предразсудка, будто они «обожаютъ долларъ». Онъ замѣчаетъ, что нѣтъ страны, въ которой масса такъ занималась бы политическими интересами, давала имъ такое значеніе, столько читала, писала и говорила о политикѣ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. И не одинъ этотъ нравственный интересъ дѣйствуетъ въ Америкѣ такъ сильно: интересы религіозные тоже въ высшей степени занимаютъ и увлекаютъ американцевъ. Никто не издерживаетъ столько на свои семейства и на устройство своихъ домовъ, какъ американцы, а также на забавы, поѣздки, гостепріимство и благотворительность. Зинкъ часто бывалъ въ обѣихъ палатахъ и, по его отзыву, въ рѣчахъ американскихъ ораторовъ господствуетъ здравый смыслъ, но никакъ не краснорѣчіе. Когда американецъ хочетъ говорить хорошо, онъ тотчасъ впадаетъ въ декламацію. Для англичанина въ особенности, сочиненіе Зинка замѣчательно безпристрастно и можетъ быть полезно къ уменьшенію разныхъ глупыхъ предразсудковъ, еще дѣйствующихъ въ Англіи относительно американцевъ. «Единственная разница, говоритъ Зинкъ, въ манерахъ этихъ республиканцевъ отъ нашихъ маноръ состоитъ въ томъ, что они — вольнѣе, непринужденнѣе насъ; они свободны отъ нашего постояннаго кошмара — поддерживать или установить свое положеніе; дѣло въ томъ, что американцы вовсе не предполагаютъ себя каждый лучше другого. Прибавлю еще, что въ американскомъ обществѣ встрѣчаются очень рѣдко люди тупые». Какая разница во всемъ этомъ съ картинами и съ самымъ духомъ «Американскихъ замѣтокъ» Диккенса! Если огромное различіе въ картинахъ произведено гигантскими шагами Америки и войною, то различіе во взглядѣ даже англійскихъ писателей или, лучше сказать, въ «расположеніи» ихъ относительно сѣверо-американцевъ, безъ сомнѣнія, свидѣтельствуетъ объ одномъ изъ нравственныхъ успѣховъ самой Англіи.

Тѣмъ (немногимъ, конечно) читателямъ, которые слѣдили за интересною, геройскою борьбою Парагвая противъ Бразиліи и трехъ ея союзниковъ, продолжающеюся уже шесть лѣтъ, можно рекомендовать путешествіе по рѣкѣ Паранѣ Готчинсона: «The Parâna», въ которомъ описаны эпизоды этой войны и собрано много статистическихъ данныхъ и наблюденій относительно испанскихъ республикъ въ южной Америкѣ. Для нашихъ изслѣдователей восточнаго вопроса можетъ пригодиться сочиненіе Фэншау «Researches in the Highlands of Turkey», въ которомъ обра-

щено особое вниманіе на языкъ, обычаи и преданія новыхъ грековъ. Авторъ видитъ правильное рѣшеніе восточнаго вопроса въ замѣнѣ турецкаго государства на Балканахъ государствомъ греко-славянскимъ, въ нейтрализаціи Константинополя въ видѣ порто-франко, въ проведеніи желѣзныхъ путей между Бѣлградомъ и Салоникою, и Бѣлградомъ и Константинополемъ, въ соединеніи съ предполагаемою дорогою въ эвфратской долинѣ. Курьёзную книгу написали о Болгаріи капитанъ Сент-Клеръ и Чарльсъ Брофи: «A Residence in Bulgaria». Проживъ нѣкоторое время въ болгарской деревнѣ среди Балканъ, они убѣждены, что основательно изучили какъ характеръ болгарскаго народа, такъ и всѣ причины его неудовлетворительнаго положенія. Они берутъ на себя полную защиту турецкой администраціи и магометанскаго общества сравнительно съ національнымъ характеромъ и общественнымъ строемъ подвластныхъ Турціи болгаръ. По ихъ увѣренію, неудовлетворительное положеніе болгаръ зависитъ не отъ произвола турецкихъ властей, а отъ лѣности и испорченности самихъ болгаръ; авторы даже относятъ къ винѣ турецкихъ властей слишкомъ большое великодушіе ихъ къ райямъ! Болгары бѣдствуютъ оттого, что ничего не хотятъ дѣлать, оттого, что въ ихъ календарѣ 185 праздниковъ, оттого, что духовенство ихъ находится на низкой степени развитія, болгары вовсе не желаютъ соединенія съ Россіей, объ этомъ толкуютъ только немногочисленные интриганы и т. д., — полное изложеніе чисто-англійскаго воззрѣнія, въ духѣ дѣятелей школы лорда Радклиффа и лорда Пальмерстона.

Кромѣ сочиненія Россама, явилось еще нѣсколько книгъ о сѣверо-восточной Африкѣ; изъ нихъ упомянемъ «The Attractions of the Nile» Смита, въ которомъ, между прочимъ, описывается тягостное положеніе египетскихъ феллаховъ подъ системою обязательнаго труда, близкаго къ рабству, и возстаніе крестьянъ въ верхнемъ Египтѣ въ 1865 году.

Перейдемъ къ исторіи. Здѣсь важное мѣсто занимаетъ изданіе документовъ или обозрѣній документовъ, хранящихся въ государственныхъ архивахъ, а также изданіе древнѣйшихъ хроникъ. Новыхъ матеріаловъ является такъ много, что установляется мнѣніе, что всю англійскую исторію, какъ она излагалась до сихъ поръ, придется передѣлать. Одинъ изъ англійскихъ критиковъ замѣчаетъ по этому поводу, что и документы не всегда могутъ быть принимаемы на-слово. Такъ, въ царствованіе Георга III англійскіе посланники, по слуху, писали двоякія депеши: однѣ для короля, собственно съ цѣлью позабавить его, другія съ точными свѣдѣніями для министра. Оффиціальными при-

знаются первыя и онѣ однѣ находятся въ государственныхъ архивахъ, такъ какъ частная переписка министровъ осталась собственностью ихъ наслѣдниковъ. Но это возраженіе, весьма существенное, примѣнимо ко всей дипломатической перепискѣ, во всѣхъ государствахъ и во всѣ времена: реальная «подкладка» дѣла всегда заключалась въ перепискѣ полуоффиціальной, которую можно, пожалуй, разсматривать какъ частную и которая, конечно, очень часто не была сдана въ государственные архивы. Тѣмъ не менѣе, оффиціальныя бумаги, подлежащія, конечно, критикѣ, составляютъ самый надежный источникъ для опредѣленія фактовъ, если и не для освѣщенія ихъ. Изданія, о которыхъ мы говоримъ, хотя составляются частными людьми, но носятъ оффиціальный характеръ, такъ какъ составленіе это происходитъ подъ «главнымъ руководствомъ» правительственнаго лица, которое называется master of the rolls. Такъ въ минувшемъ году вышелъ новый томъ «Calendar of State Papers», относящихся къ частной жизни королевы Елисаветы, въ которыхъ есть много свѣдѣній о Сесиляхъ, Бэконѣ, графѣ Эссексѣ и о посѣщеніяхъ Америки англійскими мореплавателями Дрэкомъ и Гоукинсомъ. Для окончанія этой серіи документовъ, относящихся къ царствованію Елисаветы, потребуются еще два тома. Но кромѣ этой серіи, вышла еще серія документовъ по внѣшнимъ сношеніямъ въ царствованіе королевы Елисаветы; эта серія не только составлена подъ тѣмъ же «главнымъ руководствомъ», но на печатаніе ея потребовалось еще разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ. Нынѣ вышедшій томъ заключаетъ продолженіе обозрѣнія документовъ по французскимъ дѣламъ. Появились также новые томы такихъ же собраній и обозрѣній документовъ, хранящихся въ архіепископской библіотекѣ въ Ламбетѣ, и документовъ, относящихся къ царствованію Карла I, къ тому интересному времени, когда девять лѣтъ не собирался парламентъ и король былъ въ дѣйствительности самодержавенъ, а между тѣмъ уже приготовлялись возстанія.

Значительное впечатлѣніе произвела въ Англіи, вышедшая въ истекшемъ году книга Джона Госака: «Mary Queen of Scots and her Accusers». Авторъ является рѣшительнымъ защитникомъ Маріи Стюартъ, а слѣдовательно и энергическимъ обвинителемъ Суссекса, Сесиля, Муррея и другихъ англійскихъ государственныхъ людей того времени, представителей «варварской политики», какъ онъ выражается. Онъ подвергаетъ рѣзкой критикѣ новѣйшихъ писателей о томъ же предметѣ, обвиняя нѣкоторыхъ прямо въ умышленномъ подлогѣ. Приведемъ нѣкоторые вновь освѣщаемые имъ пункты спора. Англійскіе историки вообще счи-

таютъ доказаннымъ, что Марія Стюартъ приняла участіе въ тайномъ союзѣ, извѣстномъ подъ именемъ «священнаго», котораго цѣлью было искорененіе протестантизма. Госакъ доказываетъ, что это мнѣніе основано только на показаніи одного лица и такого именно лица, которое само не знало этого факта, а только слышало о немъ отъ другихъ. Наоборотъ, авторъ признаетъ вѣроятнымъ, что Елисавета участвовала въ заговорѣ, имѣвшемъ наружною цѣлью убіеніе Риччіо, а дѣйствительно стремившагося къ тому, чтобы извести самоё Марію, и намекаетъ, что дѣйствующими лицами въ этомъ заговорѣ были Рандольфъ и Бедфордъ. Обличающія Марію письма, найденныя въ шкатулкѣ, Госакъ считаетъ поддѣльными, хотя на этомъ пунктѣ весьма существенныя данныя опровергаютъ его мнѣніе. Какъ бы то ни было, книга Госака интересна уже потому, что защита Маріи основана въ ней на необнародованныхъ документахъ, частью мало извѣстныхъ, частью недавно открытыхъ. Одинъ изъ англійскихъ критиковъ говоритъ, что сочиненіе Госака не убѣдитъ публику, а другіе признаютъ, что аргументація его требуетъ опроверженія со стороны писателей, спеціально знакомыхъ съ этимъ историческимъ вопросомъ, и вызываетъ ихъ постараться опровергнуть положенія Госака. Но всѣ даютъ этой книгѣ почетное мѣсто въ текущей исторической литературѣ.

Другія замѣчательныя явленія въ этой отрасли англійской литературы: сочиненіе Фримана о нормандскомъ завоеваніи, Диксона историческіе эпизоды, связанные съ лондонскимъ Тоуэромъ, и «Жизнь Эдуарда III» Лонгмана. Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи замѣчательна глава объ управленіи Ирландіею, и исторія перваго заселенія Ирландіи англійскими землевладѣльцами; одною изъ главныхъ чертъ политики англійскихъ королей было постоянное стараніе о поддержаніи розни между этими землевладѣльцами и кореннымъ населеніемъ; Эдуардъ III даже запретилъ смѣшанные браки. Другой особенно замѣчательный фактъ въ исторіи Эдуарда, это—представленіе общинъ противъ большихъ издержекъ, потребовавшихся войною во Франціи, прославленною побѣдами при Креси и Пуатье. Это было первымъ парламентскимъ столкновеніемъ, о которомъ упоминаетъ исторія Англіи.

Близкое соотношеніе къ исторіи, но характеръ болѣе анекдотическій, имѣетъ сочиненіе сэра Бернарда Борка о перемѣнахъ судьбы древнихъ фамилій. Боркъ—авторъ геральдическаго сборника «Peerage and Baronetage» и сочиненія о «landed gentry». Въ новой книгѣ его собрано много историческихъ курьёзовъ: напр., какъ потомокъ Эдуарда I былъ мясникъ Оуэнъ, умершій

въ 1855 году; какъ прямые потомки Кромвелля были лавочниками, а одна женщина — нищею; какъ сэръ Джонъ Сонъ завѣщалъ 120,000 фунтовъ стерл. — націи, а своему сыну только 40,000 фунт. доходу въ годъ и т. п. Заслуживаетъ быть упомянутою новая біографія Христофора Колумба, Гельпса, трудъ серьёзный и удобочитаемый. Желателенъ бы былъ переводъ на русскій языкъ книги г-жи Мартино: «Biographical Sketches», въ которой съ художественною и строго-историческою вѣрностью представлены этюды о разныхъ замѣчательныхъ личностяхъ близкаго къ намъ періода англійской исторіи: лорда Герберта, лорда Брума, Нэпировъ, Оуэна, патера Мэтью, лэди Байронъ и т. д.

Образцовая историко-критическая монографія написана Ли (Lee) о Даніелѣ Дефо, авторѣ Робинзона Крузо: «Daniel Defoe: his Life and recently discovered Writings». Эта монографія составлена съ такой любовью къ ея герою, что авторъ старается извинить всѣ его дурныя стороны; но это не мѣшаетъ ему освѣщать эти стороны, ничего не скрывая, а, напротивъ, открывая такія дѣла Дефо, которыя никакъ не возбудятъ въ публикѣ того сочувствія къ нему, какимъ проникнутъ авторъ. Оказывается, что Дефо былъ правительственный шпіонъ самаго послѣдняго разряда, что «своими двумя руками онъ пользовался для того, чтобы одною писать за, а другою противъ» чего-либо. Мастерская критика Ли совершенно передѣлываетъ существовавшій до сихъ поръ каталогъ сочиненій Дефо. Больше семидесяти сочиненій, ему приписанныхъ, Ли отвергаетъ. Однимъ словомъ, монографія Ли совсѣмъ измѣняетъ понятіе, существовавшее о Дефо и его сочиненіяхъ, и къ строгому безпристрастію критики фактовъ плачевнаго свойства курьёзнымъ образомъ присоединяетъ какое-то обожаніе Дефо. У насъ когда кто-нибудь въ литературѣ проведетъ новый взглядъ на одну изъ «главъ» прошлаго, напр. хоть на Волынскаго или на Державина, тотчасъ поднимаются крики о святотатствѣ, а между тѣмъ въ Англіи, «странѣ, такъ глубоко почитающей свою національную славу», критика смѣло берется за извѣстныя и великія имена, и то защищаетъ опозоренныхъ, то развѣнчиваетъ перехваленныхъ, смотря потому, какія указанія даютъ вновь открываемыя историческія свидѣтельства. Такія попытки къ «развѣнчанію» сдѣланы были въ послѣднее время и противъ знаменитой Елизаветы и противъ знаменитаго Байрона. Госакъ, напримѣръ, у насъ тотчасъ бы прослылъ дурнымъ патріотомъ, опаснымъ человѣкомъ и въ самой печати нашлись бы òрганы, которые съ негодованіемъ стали бы спрашивать, ка́къ такихъ людей пускаютъ въ архивы

и обвинили бы, конечно, вѣдомство, завѣдывающее тѣми архивами, въ связяхъ съ какою-нибудь «всесвѣтною интригою».

По части критики замѣчательны «Miscellanies» Ньюмана. Ньюманъ, между прочимъ, старается также объ одномъ «возстановленіи»; онъ возстановляетъ значеніе Скотта какъ поэта, и противополагаетъ вѣрность его рисунка «избытку колорита» у нынѣшнихъ англійскихъ поэтовъ: Теннисона, Броунинга, Суинборна, Оллингема и другихъ. Въ «Смѣси» Ньюмана есть также превосходные политическіе этюды о формахъ правленія въ древнихъ государствахъ. Прежде чѣмъ перейти къ поэзіи и беллетристикѣ, упомянемъ еще о двухъ-трехъ сочиненіяхъ, не подходящихъ подъ принятую нами классификацію. Одно изъ нихъ — дѣльная книга о французской адвокатурѣ, Йонга: «An Historical Sketch of the French Bar», въ которой излагается исторія адвокатскаго сословія во Франціи и дѣлается сравненіе устройства прокуратуры и адвокатуры во Франціи и Англіи.

Вопросъ высшей педагогіи, именно о цѣли системы образованія, существующей въ общественныхъ школахъ (разумѣемъ не однѣ Public-schools), принадлежитъ къ числу наиболѣе обсуждаемыхъ въ Англіи въ настоящее время. Одинъ изъ ученыхъ авторитетовъ, именно Фроудъ, ректоръ университета св. Андрея, обнародовалъ свою вступительную рѣчь въ университетѣ, посвященную именно обсужденію той цѣли, какую должно имѣть образованіе большинства, стало быть системы преподаванія въ общественныхъ школахъ. По этому поводу выпишемъ нѣсколько словъ «Westminster Review» о разныхъ взглядахъ, высказываемыхъ нынѣ по этому вопросу. «Г. Милль, напримѣръ,—говорится здѣсь,—желаетъ, чтобы система преподаванія юношеству обнимала собою гораздо болѣе широкую область міровыхъ фактовъ, чѣмъ какъ то признается необходимымъ доселѣ, и обѣщаетъ серьёзному и настойчивому ученику пользу на всю жизнь отъ такого расширенія дѣйствительнаго знанія. Г. Карлейль предлагаетъ подвергнуть юношество благотворному вліянію ознакомленія съ біографіями великихъ людей, исторіею великихъ событій и вдохновительнымъ голосомъ великихъ произведеній. Г. Лоу, съ другой стороны, хочетъ внушить юношеству, что главная цѣль образованія—дать человѣку способность къ дѣятельности, а не только къ мышленію и сознательному бытію, воспитать дѣятелей въ виду тяжелаго труда, который предстоитъ имъ въ жесткихъ условіяхъ общества, и поэтому отвращаетъ молодые умы отъ исторіи и примѣровъ давнопрошедшихъ временъ къ исторіи новѣйшей, и предлагаетъ замѣнить ею, новѣйшими языками и реальными науками обыкновенную систему преподаванія англій-

скихъ школъ и университетовъ.... Г. Фроудъ обращаетъ все свое вниманіе на образованіе личнаго характера, отстраняя, въ смыслѣ главныхъ цѣлей, съ одной стороны — чисто-мыслительное развитіе, а съ другой — успѣхъ въ карьерѣ. Для достиженія спеціальной своей цѣли (воспитаніе характера) онъ признаетъ необходимыми пріобрѣтеніе какъ возможно-бо́льшей суммы знанія, такъ — и прежде всего — постоянной привычки къ терпѣливому, рутинному труду. Онъ напоминаетъ своимъ слушателямъ, что первый долгъ человѣка есть — заработывать себѣ хлѣбъ, а возможность заработывать себѣ хлѣбъ чисто-умственною работою представляется очень рѣдко.... Г. Фроудъ замѣчаетъ еще, что встарину въ англійскихъ университетахъ приготовляли человѣка быть ученымъ, пріучая его обходиться безъ роскошной жизни, а теперь университеты именно и служатъ главными подпорами и распространителями привычекъ роскоши». Фроудъ замѣчаетъ сверхъ того, что каждая либеральная профессія требуетъ нѣкоторой обще-научной подготовки, какъ-то знакомства съ латинскимъ языкомъ, новѣйшими языками и математикою, и что такъ какъ нигдѣ не представляется столь удобнаго случая пріобрѣсть это подготовительное знаніе, какъ именно въ университетѣ, то студентамъ и слѣдуетъ заняться этими предметами прежде приступленія къ избираемой ими спеціальности.

Нѣкоторое отношеніе къ вопросу объ англійскомъ воспитаніи имѣетъ книга Мэтью Арнольда: «Culture and Anarchy». Авторъ указываетъ на главный недостатокъ англійскаго національнаго характера: въ англійскомъ обществѣ много политической энергіи, много предпріимчивости, механической снаровки или соображенія, наконецъ спеціальнаго знанія; но ему рѣшительно недостаетъ мягкости, природной терпимости, любви къ идеямъ, способности сочувственно относиться къ убѣжденіямъ и чувствамъ прошлаго или иноземнымъ. Въ Англіи каждая спеціальность имѣетъ свои особые предразсудки и только знаетъ свою работу, «заработывается до-смерти или по крайней мѣрѣ до умственнаго застоя, каждая въ своей узкой области, и даже на политику здѣсь смотрятъ не какъ на результатъ всѣхъ наукъ и искусствъ, а берутся за нее въ томъ самомъ духѣ, какъ за каждое другое, ограниченное дѣло, отчего и происходитъ, что политика ведется по филистерскимъ пріемамъ». Недостатокъ мягкости и мыслительной терпимости по отношенію къ чужому дѣйствительно замѣчается въ англійскомъ характерѣ; онъ зависитъ какъ отъ недостатковъ мѣстной системы средняго образованія, такъ и отъ страшнаго соперничества, внесеннаго въ общество индустріализмомъ. Но Арнольдъ, указывая вѣрно на не-

достатокъ, самъ приходитъ къ чисто-филистерскимъ выводамъ изъ своего наблюденія, ополчаясь на либераловъ за то, что они нарушаютъ своею критикою и своими «декламаціями» какое-то олимпійское самодовольство и созерцаніе разныхъ возвышенныхъ вещей. Подобный взглядъ еще выражается иногда и у насъ старичками-эстетиками, и нелишне будетъ привесть слова самихъ англичанъ о книгѣ Арнольда: «Всѣ согласны, что знаніе, вкусъ, возвышенное нравственное чувство — драгоцѣннѣйшія въ свѣтѣ вещи, и главная цѣль какъ воспитанія, такъ и политической организаціи есть именно дать имъ преобладаніе въ обществѣ. Но только дѣтямъ можетъ придти въ голову ловить птицъ при помощи извѣстнаго пріема—посыпать соли на хвостъ. Либералы, на которыхъ жалуется г. Арнольдъ, точно также, какъ и самъ онъ, не видятъ ничего хорошаго въ анархическихъ смятеніяхъ и такихъ общественныхъ декламаціяхъ, которыя имѣютъ цѣлью одну декламацію. Но они признаютъ, вопреки его мнѣнію, что нація иногда должна начинать свое обновленіе съ удовлетворенія низшихъ своихъ потребностей, прежде чѣмъ она даже сознаетъ высшія, и что самые лучшіе плоды знанія и вкуса должны погибнуть или растратиться понапрасну, безъ крѣпкой поддержки брусьевъ умно и прямо возведенной системы политическаго устройства».

Изъ числа замѣчательныхъ сочиненій по естественнымъ наукамъ назовемъ книгу герцога Аргайля о «До-историческомъ человѣкѣ», новое изданіе «До-историческихъ временъ» Лоббока и новое изданіе элементарной физіологіи Гёксли, въ которомъ есть дополненія.

Гладстонъ, кромѣ упомянутой выше книги его, издалъ въ минувшемъ году новую обработку своего сочиненія о Гомерѣ, вышедшаго въ 1858 году; оно вышло теперь подъ заглавіемъ: «Juventus Mundi; the gods and men of the Heroic Age». Это— результатъ многостороннихъ знаній и огромнаго труда. «Westminster Review» замѣчаетъ по поводу новой книги Гладстона: «Нѣтъ человѣка, который бы лучше зналъ міръ Гомера, какъ тотъ проницательный наблюдатель, котораго задача въ настоящемъ есть—управлять дѣлами британскаго государства. По всей вѣроятности, въ наше время нѣтъ никого, кто былъ бы въ состояніи исполнить трудъ, представляемый этою книгою; никакой другой писатель не соединялъ бы въ себѣ въ равной степени столь многостороннихъ и глубокихъ свѣдѣній, столько практическаго знанія людей, и который, послѣ постоянныхъ и тяжелыхъ своихъ трудовъ, сохранялъ бы въ умѣ столько энергіи и эластичности». Упомянувъ о новомъ, пятомъ, томѣ извѣстнаго читате-

лямъ «Вѣстника Европы», по особой статьѣ, изданія «Life and Writings of Mazzini», мы закончимъ перечень англійскихъ книгъ, имѣющихъ отношеніе къ наукѣ, и перейдемъ къ беллетристикѣ.

На первомъ мѣстѣ здѣсь надо поставить новую поэму Броунинга: The Ring and the Book, которой вышелъ первый томъ. Когда пересчитываютъ современныхъ англійскихъ поэтовъ, то обыкновенно называютъ и Роберта Броунинга. Между тѣмъ онъ въ самой Англіи извѣстенъ только немногимъ и самъ про себя говоритъ, что публика его не любитъ (причемъ благословляетъ эту публику). Броунингъ слишкомъ «субъективенъ», чтобы быть популярнымъ; у него встрѣчаются великолѣпные стихи, но встрѣчаются и темнота, и намѣренное отступленіе отъ здраваго смысла, и пренебреженіе къ формѣ. Въ минувшемъ году вышло посмертное собраніе стихотвореній одного изъ извѣстныхъ англійскихъ современныхъ поэтовъ, Артура Клоу (Arthur Hugh Clough), который заслужилъ почетное названіе «поэта для мыслителей».

Огромная масса ежегодно выходящихъ англійскихъ романовъ побудила одного критика высказать мнѣніе, что романъ собственно не принадлежитъ къ области поэтическаго творчества, а есть плодъ механической производительности, для которой существуютъ готовые пріемы, размѣры, средства производить эффектъ и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ не выходитъ столько романовъ, какъ въ Англіи: они составляютъ предметъ необходимаго потребленія; англійское семейство, преимущественно женщины, конечно, необходимо должно имѣть извѣстную массу легкаго чтенія для наполненія вечеровъ. При правильности жизни, т.-е. при точности соблюденія часовъ въ англійской семейной жизни, не трудно вычислить, какая именно масса часовъ, въ среднемъ размѣрѣ, представляетъ эту потребность. Тутъ романъ необходимъ не потому, что онъ можетъ заинтересовать, а потому, что для чтенія его отведено извѣстное время каждый день; онъ необходимъ просто потому, что онъ романъ. Французская беллетристика не имѣетъ семейнаго назначенія; по преобладающему въ ней характеру она и не годилась бы для этого назначенія. Англійскій же романъ есть прежде всего предметъ домашняго потребленія и необходимъ, какъ печенье; есть хорошее печенье — его конечно предпочтутъ, но нѣтъ хорошаго романа, и плохой читать будутъ. Вотъ, намъ кажется, очень простое объясненіе не только огромнаго ежегоднаго производства романовъ въ Англіи, но и характера большинства ихъ. Чисто семейное назначеніе ихъ объясняетъ также, почему бо̀льшая половина англійскихъ романовъ пишутся женщинами.

Изъ числа романовъ, вышедшихъ въ минувшемъ году, доста-

точно будетъ назвать два новые романа Ливера: «The Bramleigh's» и «That Boy of Norcotts», романъ Троллопа: «He knew he was right», и романъ Сандерса «Hirel». Въ заключеніе, приведемъ отзывъ «Athenaeum» о состояніи драматической литературы въ Англіи въ настоящее время: «Что сдѣлалось съ драматической литературой? Такая вещь совсѣмъ не существуетъ. Встарину новая пьеса, имѣвшая успѣхъ, печаталась и находила немалое число читателей. Теперь же, вообще говоря, если пьесу печатаютъ, то развѣ для того, чтобы показать, что глупость, представленная актерами, въ самомъ дѣлѣ была написана для нихъ особыми авторами. Но нынѣшняя театральная публика даже не нуждается и въ такомъ удостовѣреніи. Она принимаетъ что̀ ей бросаютъ и ей — все равно. Нынѣ нѣтъ той опасности, которой подвергся нѣкогда актеръ-ирландецъ, забросанный гнилыми яблоками изъ рукъ критиковъ, сидѣвшихъ въ театрѣ; поднявъ кусокъ яблока, онъ подошелъ къ рампѣ и спросилъ: «что вы желаете этимъ сказать? Бросаете ли вы въ меня, или въ того человѣка, который написалъ пьесу»? Нынѣ нѣтъ въ театрѣ зрителей-критиковъ, нѣтъ и случая для подобныхъ вопросовъ: публика сидитъ и покорно переноситъ всякое искаженіе».

Въ Германіи трудно не только представить обстоятельный перечень всѣхъ замѣчательныхъ произведеній, но хотя бы очеркъ преобладающихъ направленій и тѣхъ областей изслѣдованія и творчества, которыя преимущественно привлекали къ себѣ въ теченіи года вниманіе «націи мыслителей»; характеристическая черта учено-литературной дѣятельности Германіи есть именно — всесторонность. Въ настоящемъ очеркѣ можно только указать вкратцѣ на нѣсколько капитальныхъ трудовъ. Первое мѣсто по праву принадлежитъ такимъ ученымъ, какъ Ранке, Зибель, Дройзенъ. Новый трудъ Ранке, «Исторія Валленштейна», основанъ на документахъ, находящихся въ вѣнскихъ архивахъ, и въ особенности на донесеніяхъ испанскихъ посланниковъ, которыя имѣются въ брюссельскомъ архивѣ. Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы Ранке открылъ много новаго относительно судьбы Валленштейна, но онъ прекрасно объясняетъ личный характеръ этого славнаго полководца, тщеславнаго, блестящаго и деспотическаго человѣка. Однимъ изъ принциповъ Валленштейна, какъ показываетъ Ранке, было стараться, чтобы всѣ ожидали отъ него того-то, между тѣмъ, какъ онъ дѣлалъ совсѣмъ другое. Другой важный трудъ, относящійся къ той же исторической эпохѣ, это — «Исторія тридцатилѣтней войны», Антона Гиндели, извѣстнаго уже изданіями чешскихъ памятниковъ и трудами по исторіи чешской реформаціи.

Авторъ смотритъ и на тридцатилѣтнюю войну съ чешской точки зрѣнія; до сихъ поръ вышелъ еще только первый томъ.

Большой трудъ профессора Дройзена, «Политическая исторія Пруссіи», продолжается. Въ нее входитъ отдѣльною частью «исторія Фридриха Великаго», которой теперь вышло два тома. Авторъ жалуется, что во всѣхъ предшествовавшихъ трудахъ о Фридрихѣ II замѣчаются поверхностность и даже карикатурность. Въ трудѣ Дройзена этихъ недостатковъ нѣтъ, но, по отзыву англійскихъ критиковъ, въ этомъ сочиненіи Фридрихъ слишкомъ мало выступаетъ, какъ человѣкъ; король слишкомъ заслоняетъ личность. Профессоръ Зибель издалъ второй томъ своихъ меньшихъ историческихъ работъ, въ числѣ которыхъ находятся исторія крестовыхъ походовъ, Леопольдъ II, письма Маріи-Антуанетты, Австрія и Пруссія въ эпоху революціонныхъ войнъ, и исторія боннскаго университета. Мимоходомъ упомянемъ новое большое, но неважное сочиненіе о прусской исторіи: «Пруссія подъ династіею Гогенцоллерновъ», Козеля, и затѣмъ перечень новыхъ сочиненій по исторіи Пруссіи закончимъ вновь вышедшими томами «Листовъ изъ исторіи Пруссіи» Фарнгагена-фонъ-Энзе, и его же «Дневника», извѣстныхъ читателямъ «Вѣстника Европы» по спеціальной статьѣ.

Очень важна для насъ изданная Альфредомъ Арнетомъ (Arneth) «Переписка Іосифа Второго съ Екатериною», большею частью на французскомъ языкѣ. А. Арнетъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ издалъ переписку Маріи-Терезіи съ Маріею-Антуанеттою, а вслѣдъ затѣмъ, письма этой послѣдней королевы къ братьямъ ея Іосифу и Леопольду. Подлинники всѣхъ этихъ писемъ находились прежде въ собственной коллекціи императора австрійскаго и только недавно сдѣлались доступными, бывъ переданы въ общій императорскій архивъ. Въ этомъ же архивѣ найдена и переписка Екатерины съ Іосифомъ. Переписка эта стала особенно частою и дружескою со времени путешествія германскаго императора въ Россію и продолжалась безъ перерыва цѣлыхъ десять лѣтъ послѣ этого свиданія его съ русскою императрицею. Дружественное расположеніе особенно проявляется въ соглашеніяхъ, состоявшихся между высокими корреспондентами въ маѣ 1781 года, но вообще тонъ писемъ *слишкомъ* сердечный и не вполнѣ подтверждается частными заявленіями обѣихъ сторонъ въ тоже время.

Въ современной исторической литературѣ Германіи есть спеціалистъ по части англійской исторіи—Рейнгольдъ Паули. Онъ издалъ теперь новый томъ «Очерковъ изъ исторіи Англіи», ко-

торый посвященъ «Черному принцу», Ричарду III, Генриху VIII, какъ королю Англіи и кандидату на имперскій престолъ, Кромвеллю, Мильтону, Каннингу и др. Паули—глубокій знатокъ англійской исторіи и англійской жизни, и превосходно владѣетъ своимъ матеріаломъ, сохраняя притомъ полную самостоятельность отъ англійскихъ авторитетовъ. Такъ, въ новомъ своемъ сочиненіи напр., онъ отвергаетъ культъ Мильтона, доказывая, что Мильтонъ совсѣмъ не эпическій поэтъ. «Густавъ Адольфъ», К. Дройзена, котораго вышелъ первый томъ, старается доказать, что въ интервенціи шведскаго короля въ дѣла материка преобладали побужденія не столько религіозныя, сколько политическія. Впрочемъ, въ первомъ томѣ, авторъ еще не могъ высказать ничего новаго относительно политической стороны дѣла, которая и до сихъ поръ была очень хорошо извѣстна.

Текущая богословская литература въ Германіи почти столь же обильна, какъ въ Англіи. Не касаясь этой отрасли знанія, мы упомянемъ только о двухъ новѣйшихъ трудахъ по церковной исторіи: «Лекціи объ исторіи церкви съ древнѣйшихъ временъ до XIX столѣтія», Гагенбаха, вышедшія теперь въ новомъ, переработанномъ изданіи, представляютъ полное изложеніе предмета (вышелъ 1-й выпускъ, всего будетъ 7 томовъ) въ духѣ умѣренномъ реформатскомъ; новый томъ «Исторіи церковныхъ соборовъ», профессора Гефеле, заключаетъ исторію констанцскаго собора. Въ связи съ этими трудами можно еще упомянуть «Исторію папъ», Баксмана.

По части древней исторіи, упомянувъ объ окончаніи «Исторіи Рима», Петера, и «Культурѣ и правѣ римлянъ», Арнольда, остановимся на обработкѣ г. Бушемъ недавно вышедшей «Древнѣйшей исторіи Востока» Ленормана, о которой скажемъ еще въ перечнѣ французскихъ книгъ. Бушъ основался главнымъ образомъ на книгѣ Ленормана, которая представляетъ сводъ древнѣйшей исторіи, какъ она представляется послѣ новѣйшихъ открытій; но будучи самъ спеціалистомъ по той же части, онъ подвергаетъ Ленормана критикѣ и мѣстами, въ особенности относительно исторіи израильтянъ, въ которой французскій авторъ слишкомъ преклоняется предъ освященнымъ преданіемъ, совсѣмъ расходится съ нимъ въ выводахъ. Для преподавателей древней исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ совершенно необходимо познакомиться съ книгою Ленормана и съ книгою Буша, которой мы и выпишемъ полное заглавіе: «Abriss der Urgeschichte des Orients bis zu den medischen Kriegen. Nach den neuesten Forschungen und vorzüglich nach Lenormant's

Manuel d'Histoire Ancienne de l'Orient, bearbeitet von Dr. Moritz Busch. Leipzig. 1869.

Біографическій отдѣлъ—одинъ изъ самыхъ богатыхъ въ текущей нѣмецкой литературѣ. «Жизнь Шеллинга», изданная П. Литтомъ есть только біографическій отрывокъ, за которымъ слѣдуютъ письма Шеллинга къ Гегелю и другимъ лицамъ, а также письма Гёте и Шиллера къ самому Шеллингу. Дѣло въ томъ, что жизнеописаніе философа было предпринято его сыномъ и доведено до совершеннолѣтія Шеллинга; затѣмъ сынъ его умеръ, и потому трудъ его является неоконченнымъ, а только дополненнымъ матеріалами для дальнѣйшей біографіи. Достаточно только упомянуть «Шиллера» Куно Фишера и «Жизнь Генриха Гейне» Штродтманна: первая книга—этюдъ біографическо-литературный; вторая—полная біографія, съ критикою сочиненій Гейне, извѣстная нашимъ читателямъ по спеціальной статьѣ. Но здѣсь же слѣдуетъ сказать о новомъ изданіи Штродтманна: «Послѣднія стихотворенія и послѣднія мысли Гейне». Въ числѣ новыхъ стихотвореній Гейне немногія могутъ сравниться съ произведеніями лучшихъ періодовъ дѣятельности поэта. Нѣкоторые изъ ново-изданныхъ отрывковъ отличаются такою безцеремонностью, которую, очевидно, самъ Гейне не допустилъ бы въ печать. Напр., говоря объ исторіи литературы Гервинуса, онъ вспоминаетъ о своемъ краткомъ, но блестящемъ очеркѣ и говоритъ: «Предстояла задача, какимъ образомъ то, что Гейне сдѣлалъ въ маленькой, но остроумной книгѣ, сдѣлать въ книгѣ большой, но неостроумной? Задачу эту блистательно рѣшилъ Гервинусъ». Новое изданіе Штродтманна не составляетъ важнаго обогащенія для полнаго собранія сочиненій поэта; въ этомъ отношеніи можно было бы ожидать только одного, въ самомъ дѣлѣ важнаго пріобрѣтенія, именно—записокъ Гейне. Къ сожалѣнію, фактъ, что онѣ куплены австрійскимъ правительствомъ именно съ цѣлью не давать имъ гласности, не былъ до сихъ поръ опровергнутъ никѣмъ, даже и самимъ братомъ поэта, Густавомъ Гейне, на котораго непосредственно ложится обвиненіе въ этой недостойной сдѣлкѣ. Гнейзенау, Шарнгорстъ, Веллингтонъ, Ричардъ Бэнтли, живописецъ Гильдебрандтъ, Шлейермахеръ, Гумбольдтъ — каждому изъ этихъ разнородныхъ дѣятелей посвящено по особому сочиненію въ нѣмецкой литературѣ 1869 года. Даже поэтъ Гейбель, находящійся въ живыхъ, нашелъ себѣ біографа, который издалъ одинъ толстый томъ, и обѣщаетъ другой. Надо замѣтить, что вообще біографическая литература уже потому богаче въ Германіи, чѣмъ гдѣ-либо, что «культъ великихъ», и даже иногда несовсѣмъ «великихъ людей» составляетъ одну изъ характери-

стическихъ чертъ національнаго характера. Изъ біографій дѣятелей сейчасъ перечисленныхъ замѣчательна въ особенности жизнь Гнейзенау, написанная Пертцомъ, который извѣстенъ, между прочимъ, своимъ сочиненіемъ о Штейнѣ.

Перейдемъ къ путешествіямъ. Этотъ отдѣлъ въ нѣмецкой литературѣ не такъ богатъ какъ иные, но въ немъ явились въ послѣднее время очень замѣчательные труды. Первое мѣсто здѣсь принадлежитъ «Путешествіямъ по Индіи и Верхней Азіи» братьевъ Шлагинтвейтовъ, которыхъ описаніе выходитъ теперь. Путешествія Германа, Адольфа и Роберта Шлагинтвейтовъ были совершены въ 1854—1858 годахъ, описаніе ихъ издается Германомъ Шлагинтвейтомъ. Они путешествовали по Индіи и Верхней (горной) Азіи на счетъ британско-индійскаго правительства и подъ покровительствомъ Гумбольдта и прусскаго короля Фридриха IV. Непосредственной цѣлью ихъ было провѣрить въ горахъ Средней Азіи нѣкоторыя термометрическія явленія, замѣченныя въ Альпахъ, а также и нѣкоторыя наблюденія надъ магнитными феноменами. Въ томѣ, вышедшемъ въ прошломъ году, рѣчь идетъ только объ англійской Индіи и заключается много интересныхъ свѣдѣній о мѣстныхъ обычаяхъ и обстоятельствахъ. Хотя братья Шлагинтвейты и путешествовали на счетъ индійскаго правительства, но это не мѣшаетъ имъ обратить вниманіе и на темныя стороны англійской «Wirtschaft» въ Индіи. Такъ, они излагаютъ въ подробности постыдную эксплуатацію страны распространеніемъ опіума, изъ котораго индійское правительство извлекаетъ огромный доходъ, именно до 74 милліоновъ рупій (въ 1865 году). Правительство эксплуатируетъ эту вредную культуру и непосредственно, какъ регалію—въ Бенгалѣ, и какъ акцизную статью—въ Бомбеѣ. Укажемъ, какъ относится къ этому дѣлу «Westminster Review»: «Этого рода торговая дѣятельность правительства въ столь вредной сферѣ, по нашему мнѣнію, заключаетъ въ себѣ двойное преступленіе: во-первыхъ, это—протекціонизмъ самаго существеннаго свойства; во-вторыхъ, и что бы ни говорили о пользѣ высокой цѣны для ограниченія потребленія, это есть административное покровительство производительности, завѣдомо въ высшей степени вредной, покровительство со стороны именно тѣхъ, чьею единственною и торжественно провозглашенною цѣлью въ этомъ дѣлѣ должно бы быть всяческое стараніе объ искорененіи этого зла».

Путешествія по Африкѣ барона фон-деръ Деккена, который палъ жертвою любви къ наукѣ, представляютъ большой интересъ; сочиненіе его раздѣлено на часть описательную и часть научную; изданіе его еще только начато. Въ тоже время окон-

чено изданіе «Путешествія по горной Америкѣ» Чуди (v. Tschudi), продолжавшееся уже четыре года. Въ вышедшемъ теперь послѣднемъ томѣ заключается путешествіе по Боливіи, въ Кордильеры, Вальпарайсо и Лиму, и на Панамскій перешеекъ.

«Зима въ Римѣ» Адольфа Штара и жены его Фанни Левольдъ, есть сборникъ политическихъ, соціальныхъ и археологическихъ статей. Назовемъ еще поѣздку на островъ Сардинію барона Мальцана и путешествіе въ Индійскій архипелагъ д-ра Бастіана.

Поучительно, какъ для германскихъ, такъ и для русскихъ читателей сочиненіе Рудольфа Гнейста, котораго заглавіе приведемъ въ подлинникѣ: Verwaltung, Justiz, Rechtsweg, Staatsverwaltung und Selbstverwaltung nach englischen und deutschen Verhältnissen. Berlin, 1869. Авторъ разъясняетъ идею самоуправленія и указываетъ главные виды развитія ея въ Великобританіи. На принципъ самоуправленія онъ указываетъ, какъ на основной фактъ самой конституціи; онъ былъ осуществленъ въ судебномъ, военномъ, полицейскомъ и податномъ отношеніяхъ еще до покоренія страны норманнами, легъ въ основаніе великой хартіи и послужилъ источникомъ парламентскаго могущества.

«Исторія труда», Вейнгольда, которой вышелъ первый томъ, есть изслѣдованіе о распредѣленіи труда въ разныя эпохи между разными сословіями. Авторъ даетъ такое нравственное опредѣленіе труда: въ первобытной эпохѣ на него смотрѣли какъ на «необходимость», въ классическія времена какъ на «бремя», въ средніе вѣка въ немъ видѣли «привилегію», въ новѣйшія время — «право», въ будущемъ на трудъ будутъ смотрѣть какъ на «обязанность». Вопросъ, которому посвящена книга — коренной вопросъ для существованія государства. Греція исполнила свое призваніе, показавъ примѣры наибольшаго благосостоянія отдѣльныхъ, частныхъ личностей. Римъ исполнилъ свое призваніе, показавъ, какова можетъ быть экономическая сила великой державы. Но и греческое, и римское общества погибли потому, что нравственныя и политическія понятія ихъ членовъ были заражены фактомъ существованія рабства, фактомъ, который не дозволялъ признать достоинство труда, а вмѣстѣ и необходимое равенство всѣхъ членовъ государства.

Важныя пріобрѣтенія для науки статистики представляютъ два изданія: «О смертности въ Саксоніи», Кнаппа, и «Пауперизмъ и законы о бѣдныхъ въ государствахъ Европы», Эмминггауза. Послѣдняя книга издана Эмминггаузомъ, но статьи о разныхъ государствахъ составлены мѣстными публицистами, въ томъ числѣ

очень извѣстными; такъ статья о Франціи написана Морисомъ Блокомъ. Англійскіе критики ожидаютъ отъ этого изданія болѣе практической пользы, чѣмъ отъ большинства упомянутыхъ выше новыхъ нѣмецкихъ книгъ, хотя многія изъ нихъ займутъ, конечно, болѣе почетное мѣсто въ общемъ мнѣніи.

Несомнѣнное практическое значеніе имѣетъ также книга доктора Лимана о «Сомнительномъ состояніи умственныхъ способностей, по отношенію къ судебной практикѣ». Автору часто случалось быть призваннымъ въ качествѣ эксперта для рѣшенія вопроса о невмѣняемости вслѣдствіе умственнаго разстройства, и вотъ онъ издалъ теперь подробный отчетъ о 85 такихъ сомнительныхъ случаяхъ, съ разборомъ всѣхъ обстоятельствъ. Въ предисловіи авторъ весьма точно опредѣляетъ разницу между точками воззрѣнія судьи и врача на вопросъ о помѣшательствѣ по отношенію къ приговору: врачъ ставитъ всегда альтернативу — помѣшательство *или* преступленіе; судебный же дѣятель не видитъ несовмѣстности въ сопоставленіи помѣшательства *и* преступленія. По судебнымъ понятіямъ, если обвиненный, въ моментъ совершенія преступнаго акта, сознавалъ, что совершаетъ преступленіе, то онъ долженъ быть признаваемъ виновнымъ и подлежать наказанію, хотя бы и было несомнѣнно, что онъ страдаетъ умственнымъ разстройствомъ. Д-ръ Лиманъ рѣшительно отвергаетъ такое воззрѣніе, доказывая его несправедливость. Онъ съ большою полнотою описываетъ случаи, которыхъ былъ свидѣтелемъ и изъ которыхъ многіе имѣютъ важность для практики. Сочиненіе Лимана не есть полный трактатъ о невмѣняемости вслѣдствіе разстройства умственныхъ способностей, но содержитъ матеріалы, годные для такого трактата.

Исторія искусства обогатилась двумя значительными трудами. «Исторія искусства въ Италіи», Эрнста Фёрстера (вышелъ 1-й томъ) обѣщаетъ стать на ряду съ первостепенными трудами по эстетической исторіи. Въ первомъ томѣ авторъ излагаетъ три періода: первый, отъ начала римской имперіи до IV вѣка по Р. Х., второй—до XI-го вѣка, третій—до XIII-го вѣка. Изложенію состоянія искусства въ каждомъ періодѣ предпосланъ живой очеркъ политической исторіи эпохи. Фёрстеръ съумѣлъ сдѣлать свое строго-ученое изслѣдованіе живымъ и очень интереснымъ, даже для обыкновеннаго читателя. Первый томъ останавливается тамъ, гдѣ собственно предметъ начинаетъ принимать грандіозные размѣры, но тѣмъ не менѣе увлекаетъ читателя. Другая замѣчательная книга по той же отрасли — «Собраніе историческихъ этюдовъ объ искусствѣ», Любке, извѣстнаго своею «Исторіею искусства». Изданные нынѣ этюды собраны изъ

разныхъ журналовъ, гдѣ они явились въ первый разъ. Предметы ихъ: Микель-Анджело, Веронезе, Тиціано, женщины въ исторіи искусства, готическій стиль и національности, старинныя печи въ Швейцаріи, старинная живопись на стеклѣ въ Швейцаріи же, современное пластическое искусство въ Берлинѣ, Корнеліусъ и т. д. Замѣчательно, до какой степени судьба была неблагопріятна Микель-Анджело: памятникъ папѣ Юлію II, надъ которымъ онъ трудился со всякими помѣхами болѣе сорока лѣтъ и который вышелъ все-таки несогласно съ его основною мыслью, былъ уничтоженъ жителями Болоньи; собраніе рисунковъ къ «Божественной Комедіи» Данта погибло съ кораблемъ, картина «Леда» потеряна во Франціи, потеряно также множество рисунковъ, моделей, картоновъ, которые онъ передалъ ученику своему, Антоніо Мини. Постройка собора св. Петра была рядомъ непріятностей и несчастныхъ случаевъ, и сверхъ того, зданіе было впослѣдствіи испорчено передѣлками Мадерны; знаменитая картина «Страшный судъ» во-первыхъ сильно пострадала отъ подновленія, а во-вторыхъ она, вмѣстѣ съ живописью на плафонѣ сикстинской капеллы, постоянно подвергнута дыму кадилъ и свѣчъ. Однимъ изъ самыхъ горькихъ событій для Микель-Анджело, при его жизни, было паденіе флорентинской республики. Англійскіе журналы сообщаютъ при этомъ, что потерянная «Леда» недавно открыта въ британской «Національной галлереѣ»: произведеніе Микель-Анджело оказалось подъ позднѣйшею плохою живописью на ту же тему; когда подъ этою живописью, стала проглядывать другая картина, то новѣйшимъ слоемъ пожертвовали для открытія того, что̀ мы можемъ назвать живописнымъ палимпсестомъ — и оказалась картина Микель-Анджело, во всемъ согласная съ итальянскими гравюрами и описаніями ея.

Подъ названіемъ «Гендель и Шекспиръ», извѣстный историкъ Гервинусъ издалъ нѣчто въ родѣ pendant къ своимъ этюдамъ о Шекспирѣ. То мѣсто, которое принадлежитъ Шекспиру по отношенію къ новой драмѣ, въ музыкѣ Гервинусъ отводитъ Генделю. Но въ новомъ сочиненіи Гервинуса, кромѣ характеристики Генделя, излагается взглядъ автора на эстетику музыки, источники пѣсни, музыкальное искусство у эллиновъ, хоральное пѣніе въ средніе вѣка, пѣсни миннезингеровъ, и дѣлается обзоръ родовъ музыкальной драмы, инструментальныхъ аккомпаниментовъ и исторіи чисто инструментальной музыки. Другая монографія, обнимающая также гораздо больше чѣмъ непосредственно свой предметъ, это — «Исторія концертовъ въ Вѣнѣ», Ганслика. Вѣну, въ которой жили Моцартъ и Бетховенъ, можно признать

столицею музыки, на-ряду съ Парижемъ, и исторія концертовъ въ Вѣнѣ обнимаетъ значительную часть исторіи музыки; въ книгѣ Ганслика есть перечень всѣхъ пьесъ, исполненныхъ въ концертахъ, бывшихъ въ Вѣнѣ со временъ Гайдна и Моцарта до времени Вагнера, перечень, который очень важенъ какъ матеріалъ для полной исторіи музыки. Упомянувъ о Вагнерѣ, упомянемъ и о брошюрѣ его «Жидовство въ музыкѣ», которая въ прошломъ году надѣлала шуму въ музыкальномъ мірѣ. Это—памфлетъ, не имѣющій никакого серьезнаго значенія, но обличающій громадное самолюбіе, а вмѣстѣ и значительную долю шарлатанства въ характерѣ Вагнера. Съ тѣхъ поръ, какъ музыку стали сочинять музыкальные критики, а музыканты заниматься критикою, въ музыкѣ пошло основаніе «новыхъ школъ», не столько плодотворнымъ и неоспоримымъ путемъ непосредственнаго творчества, созданія геніальныхъ образцовъ, сколько путемъ литературной пропаганды и полемики. Наполеону, навѣрное, не удалось бы завоевать большую часть Европы, еслибы онъ думалъ помочь своимъ завоеваніямъ лекціями о стратегіи и сочиненіемъ брошюръ о «военной игрѣ». Геніальные люди, дѣйствительные преобразователи музыки, ограничивались тѣмъ, что преобразовывали ее на дѣлѣ; съ ними нельзя было и спорить. Вагнеръ и Берліозъ оба только повредили своему дѣлу, полемизируя и доказывая словами превосходство тамъ, гдѣ оно можетъ быть доказано геніальными созданіями. Изъ нихъ Вагнеръ виновенъ еще и въ томъ, что въ число средствъ успѣха включаетъ пріемы, не имѣющіе съ музыкою ничего общаго: придворныя интриги, политическія убѣжденія и наконецъ личные нападки, доходящіе до клеветы. Брошюрою «Жидовство въ музыкѣ» онъ силится объяснить свой неуспѣхъ (ибо несомнѣнный успѣхъ Вагнера далекъ отъ его цѣли) какимъ-то еврейскимъ заговоромъ противъ себя въ музыкальномъ мірѣ, во славу Мейербэра, Мендельсона, Галеви и т. д. Въ смыслѣ скандала, брошюра эта пикантна, тѣмъ болѣе, что у Вагнера бойкое перо. Само собою разумѣется, что брошюра отца «музыки будущности» не осталась безъ возраженій; появились: «Вагнеръ и жидовство», «Вагнеръ—музыкальный Спаситель», «Вагнеръ—жидоѣдъ».

Въ области беллетристики назовемъ только капитальныя произведенія: «Дача на Рейнѣ» Ауэрбаха, и «Молотъ и наковальня», Шпильгагена, извѣстныя русской публикѣ, и новый выпускъ «Моральныхъ повѣстей» Пауля Гейзе, въ которыхъ хвалятъ юморъ, знаніе человѣческой природы и прекрасный языкъ и которыя рекомендуются для дѣтскаго чтенія. О Шекспирѣ, котораго значеніе нѣмцы много помогли выяснить, въ

Германіи продолжаютъ писать не мало; существуетъ даже «нѣмецкое шекспировское общество», которое выпустило четвертый томъ записокъ, посвящаемыхъ твореніямъ Шекспира, его біографіи, отношеніямъ и т. д. Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть книгу д-ра Гумберта: «Мольеръ, Шекспиръ и нѣмецкая критика», которая, кромѣ дѣльной критической стороны, отличается удобочитаемостью.

Переходимъ къ Франціи. Нашъ обзоръ начинаетъ здѣсь съ издательской дѣятельности правительства и здѣсь на первомъ планѣ указываетъ на великолѣпныя монографіи по исторіи Парижа; это — огромное изданіе, котораго текстъ распредѣленъ между нѣсколькими писателями, а внѣшняя сторона отличается роскошью хромолитографіи, печати и бумаги. Выходитъ оно выпусками, и скоро будетъ кончено. «Французское историческое общество», послѣ изданія хроники Жуанвилля, выпустило первый томъ мемуаровъ г-жи Дюплесси-Морне́ и теперь принялось за изданіе хроники Фруассара. Академія «Надписей и изящной словесности» продолжаетъ бенедиктинское изданіе Histoire littéraire de la France. Г. В. Пальме̇ печатаетъ новыя изданія старинныхъ французскихъ историковъ и лѣтописцевъ. Къ началу новой исторіи относятся два вышедшіе тома «Histoire des Princes de la Maison de Condé», герцога Омальскаго, которые представляютъ интересную и хорошо написанную монографію по исторіи XVI вѣка. Еще болѣе изучаются и описываются во Франціи эпохи ближайшія къ нашему времени: первая имперія, реставрація, іюльская монархія, и оффиціальное изданіе «Переписки Наполеона I» дополнилось очень важнымъ изложеніемъ сношеній Наполеона съ римскимъ дворомъ, д'Оссонвилля (d'Haussonville), составленнымъ по документамъ, «которые или были незнакомы издателямъ наполеоновской корреспонденціи, или оставлены ими съ намѣреніемъ въ сторонѣ». «Histoire de Napoléon», Ланфре, свидѣтельствуетъ, какъ уже поколебленъ «престижъ маленькаго капрала», но написана слишкомъ пристрастно. Невыгодныя стороны второй имперіи, естественно, вызвали борьбу противъ наполеоновскаго культа на почвѣ исторіи. Прославленіе Наполеона Тьеромъ не могло остаться безъ возраженія въ настоящее время. Такое возраженіе представляетъ небольшое сочиненіе Жюля Барни «Napoléon I et son historien M. Thiers», которое вышло теперь вторымъ изданіемъ. Ж. Барни старается представить рядомъ съ тьеровской апологіею далеко не хвалебную дѣйствительность. Такъ, напр., когда Тьеръ видитъ въ устройствѣ рейнскаго союза великую мысль и продолженіе политики Карла

Великаго, Барни объясняетъ, что смыслъ рейнскаго союза заключался въ полномъ подчиненіи Германіи интересамъ Франціи, при помощи всякихъ средствъ, какъ бы деспотичны и ненавистны они ни были. Сюда же принадлежитъ книга Пасваля Груссе «Les origines d'une Dynastie».

Къ исторіи первой революціи относится сочиненіе Мортимера Терно, «Histoire de la Terreur», котораго теперь вышелъ седьмой томъ, заключающій въ себѣ, подобно прежнимъ, множество документовъ, по бòльшей части еще неизданныхъ и относящихся къ паденію жирондистовъ. Историко-полемическое значеніе имѣетъ еще «Histoire du Second Empire» Таксиля Делòра, которой вышелъ пока первый томъ, останавливающійся на мирѣ послѣ крымской войны. Делоръ—республиканецъ и смотритъ на 2-е декабря, какъ на принесеніе достаточными классами страны въ жертву вѣчнаго права личному страху, въ чемъ и состоялъ смыслъ «спасенія общества» принцемъ-президентомъ республики. Къ тому же историко-политическому разряду относятся «Mélanges politiques et historiques» Гизо. Знаменитый доктринеръ соединилъ въ этой книгѣ разныя статьи, писанныя имъ въ теченіи пятидесяти лѣтъ. Въ предисловіи этой книги, Гизо, оставаясь вѣренъ своей чисто-конституціонной точкѣ зрѣнія, видитъ главную вину нынѣшняго императора въ томъ, что онъ диктатуру, то-есть по существу своему временное и чрезвычайное средство, обратилъ въ постоянное учрежденіе; согласно съ этимъ, были совокуплены самыя противорѣчивыя начала и всѣ временныя мѣры обращены въ постоянный составъ правленія. Гизо ни на іоту не перемѣнилъ своихъ убѣжденій и теперь столько же расходится съ Тьеромъ по отношенію даже къ прошлому, какъ въ то время, когда это прошлое было настоящимъ. Правда, и онъ винитъ Людовика-Филиппа за «излишнее» вмѣшательство въ дѣйствія министровъ, но все-таки отвергаетъ извѣстную формулу «le roi règne et ne gouverne pas», доказывая, что король не можетъ быть безличенъ и что въ дѣйствительности король все-таки будетъ имѣть участіе въ управленіи или самъ внушая мѣры, или налагая свое veto на мѣры министровъ, или, наконецъ, хотя бы даже сохраняя молчаніе; то-есть не высказываясь прямо, онъ все-таки будетъ оказывать вліяніе на дѣла.

Послѣ книгъ историческихъ, кстати будетъ упомянуть о тѣхъ, которыя или описываютъ современное общество, или имѣютъ отношеніе къ политикѣ. Первое мѣсто между ними мы дадимъ книгѣ Мориса Блока «l'Europe Politique et Sociale», которая послужила намъ главнымъ источникомъ для предшествующихъ статей.

Сочиненіе Максима Дюкана «Paris, ses organes, ses fonctions, sa vie», котораго пока вышелъ только первый томъ, имѣетъ ту же цѣль, какъ извѣстныя статьи А. Эскироса объ Англіи, помѣщавшіяся въ «Revue des deux mondes»: l'Angleterre et la vie anglaise, которыя тоже собраны въ отдѣльную книгу. Главный интересъ книги Эскироса относится къ Лондону, и англійскіе критики говорятъ, что «она даетъ очень точное и интересное описаніе такихъ предметовъ и учрежденій, которые окружаютъ жителей Лондона, и о которыхъ тѣ, однакоже, знаютъ очень мало». Тоже самое можно сказать о первомъ томѣ Дюкана, который подробно описываетъ устройство почты, телеграфовъ, судоходство по Сенѣ и т. д. Сюда же можно, пожалуй, причислить «Parisine» Нестора Рокплана, которая впрочемъ даетъ не описаніе чего-нибудь реальнаго, а одни, разсужденія объ особомъ какомъ-то парижскомъ духѣ.

Замѣчательна книга Жюля Ле-Бергье (Le Berguier) «Le Barreau moderne», въ которой собраны статьи объ адвокатурѣ, помѣщенныя имъ первоначально въ «Revue des deux mondes». Авторъ показываетъ, какъ французская адвокатура, подъ вліяніемъ умноженія дѣлъ и въ особенности учрежденія присяжныхъ, должна была измѣнить свои древнія преданія и «классическую» манеру защищенія. Онъ дѣлаетъ сравненіе порядковъ пріема въ сословіе адвокатовъ и дисциплины этого сословія въ разныхъ странахъ, именно даетъ свѣдѣнія объ устройствѣ этого сословія въ Англіи, Австріи и Пруссіи.

Къ философіи и политикѣ относятся «Nouvelles Etudes morales sur le temps présent», Э. Каро. «Мы, англичане», говоритъ одинъ изъ англійскихъ критиковъ (и едвали вполнѣ справедливо первое его положеніе), «не совсѣмъ обладаемъ той стойкостью, которая нужна чтобы сондировать наиболѣе скрытыя и зловредныя язвы, которыя въ стольких мѣстахъ подтачиваютъ нашу нравственную и общественную жизнь. Французъ, подобно Э. Каро, исполняетъ эту операцію по отношенію къ своей странѣ съ такой суровой научной готовностью къ самымъ жестокимъ надрѣзамъ, если они необходимы, которую мы можемъ если не усвоить себѣ, то по крайней мѣрѣ обратить себѣ въ пользу, въ ея результатахъ». Каро, между прочимъ, даетъ очень любопытную статистическую статью о самоубійствѣ, которое, по его выводу, особенно часто повторяется въ классахъ, подверженныхъ частымъ перемѣнамъ условій жизни, и въ которыхъ наибольшую роль играетъ случайность, распаляющая страсти. Сверхъ того, авторъ показываетъ, что самоубійство бываетъ еще результатомъ особаго религіознаго убѣжденія и даже временного литературнаго, «поэ-

тическаго» вкуса. Въ теченіи первой половины нынѣшняго столѣтія во Франціи было 300 тысячъ (!) самоубійствъ. Отдѣлъ «нравственной гигіены» излагаетъ вліяніе внутренней силы человѣка, т.-е. воли на его здоровье и состояніе духа. Въ философскихъ воззрѣніяхъ Каро расходится съ христіанствомъ, но не сходится и съ матеріализмомъ. Въ книгѣ его есть біографическіе очерки Ламенне и Гейне.

Сюда же принадлежитъ книжка Э. Дютампля: «De l'indifférence en matière de politique». Авторъ, молодой человѣкъ, не говоритъ въ сущности ничего новаго, но краснорѣчиво настаиваетъ на той истинѣ, что многое въ обществѣ легко было бы исправить, еслибы просто не апатія большинства. Политическое дѣйствіе авторъ раздѣляетъ на три категоріи: правительственное или административное, общественное и дипломатическое. Предоставляя участіе въ послѣднемъ только нѣсколькимъ людямъ, авторъ требуетъ участія въ первыхъ двухъ всей массы гражданъ. Женщины, по его мнѣнію, вслѣдствіе своей страстной, любящей и честолюбивой природы, способны были бы чувствовать глубокій интересъ въ политикѣ и могли бы помогать мужчинамъ въ разработкѣ политическихъ вопросовъ. Но вслѣдствіе тѣхъ же свойствъ своего темперамента, по мнѣнію автора, онѣ не могутъ съ пользою заниматься практикою какого либо политическаго дѣла. «Англійскія женщины, говоритъ англійскій критикъ, едвали согласятся съ этимъ распредѣленіемъ занятій, а еще менѣе съ тѣми доводами, на которыхъ оно основано».

Во французской литературѣ также явилась книга подъ названіемъ «Отцы и дѣти» (Les pères et les enfants au XIX siècle); авторъ ея—Э. Легуве, и вышла она теперь третьимъ изданіемъ. Трудно опредѣлить, къ какому роду она принадлежитъ, такъ какъ въ ней, для живости поученія, есть даже драматическія сцены. Но цѣль автора — педагогическая, хотя педагогическіе пріемы тутъ рекомендуются не совсѣмъ научнаго свойства, да и возрастъ для педагогической обработки взятъ до 18 лѣтъ. Легуве указываетъ на тотъ несомнѣнный фактъ, что рядомъ съ многочисленными и разнообразными перемѣнами въ политической, общественной и умственной жизни, произошло значительное измѣненіе въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми. Физическая, деспотическая сила утратила свое значеніе, и если на мѣсто ея не вступила сила нравственнаго вліянія, то отношенія между родителями и дѣтьми представляютъ въ наше время полную анархію. Исходя изъ этой мысли, Легуве даетъ совѣты отцу, какъ относиться къ сыну, уже достигшему юности. Сущность ихъ состоитъ въ томъ, что отецъ не долженъ остав-

лять сына и въ этомъ возрастѣ на произволъ случая, а долженъ играть при немъ роль нѣкоего ментора, т.-е. «серьезнаго друга». Само собою разумѣется, что эта роль тѣмъ болѣе затруднительна, что она предполагаетъ нѣкоторое участіе отца въ забавахъ сына, и намъ достаточно будетъ напомнить отлично обрисованные Эженомъ Сю (въ «Найденышѣ») типы графа и виконта, чтобы указать всю опасность такой роли именно для нравственнаго авторитета отца. Пусть даже отецъ и не участвуетъ самъ въ увеселеніяхъ и похожденіяхъ сына, но все-таки если онъ, какъ допускаетъ это Легуве, будетъ заглядывать въ любовныя письма, которыя получаетъ сынъ, то и это не лишено нѣкоторой опасности для авторитета отца. Тѣмъ не менѣе основная мысль автора, что отецъ долженъ стараться пріобрѣсть довѣріе взрослаго, но еще не созрѣвшаго сына и не оставлять его совсѣмъ на произволъ опасныхъ увлеченій — очевидно вѣрна, а такъ какъ Легуве писатель очень талантливый и въ сущности человѣкъ либеральныхъ убѣжденій, то книга его вѣроятно произведетъ полезное впечатлѣніе, хотя къ серьезной педагогикѣ ее причислить невозможно.

Обратимся теперь къ работамъ французовъ по части географіи и путешествій. Здѣсь представляется прежде всѣхъ популярное и великолѣпно-иллюстрированное изданіе «Le Tour du Monde». Нѣкоторые изъ помѣщенныхъ въ немъ разсказовъ оригинальные, другіе переведены или скомпилированы съ англійскихъ. Въ числѣ оригинальныхъ особаго вниманія заслуживаютъ вышедшее теперь и отдѣльно «Путешествіе въ Японію», Эме Омбера (Humbert), и «Изслѣдованіе Нигера», лейтенанта Мажа. Эта книга, а также сочиненіе Аббади объ Эѳіопіи, котораго вышелъ только первый томъ, развиваютъ мысль о соперничествѣ съ англійскимъ вліяніемъ въ Африкѣ. Открытіе Суэзскаго канала подало поводъ къ составленію весьма основательнаго сочиненія Оливіе Ритта о Суэзскомъ перешейкѣ; книга эта была подробно изложена въ «В. Е.» Итакъ, по части самостоятельныхъ географическихъ изслѣдованій французы посвящаютъ все вниманіе Африкѣ. Въ періодическомъ перечнѣ или словарѣ Вивьенъ де-Сенъ-Мартена заключается полное указаніе на результаты, добытые по части всеобщей географіи въ теченіи года.

Необходимость дополнять и измѣнять отъ времени до времени существующіе энциклопедическіе или справочные словари, въ особенности по части точныхъ наукъ, побудила извѣстныхъ издателей Гашеттъ, предпринять изданіе цѣлаго ряда словарей на замѣну устарѣвшихъ энциклопедій Гёфера, Дюкетта и др. Только-что окончился «Dictionnaire de mathématiques appliquées»,

составленный Сонне́, какъ появился и первый томъ химическаго лексикона, составленнаго подъ руководствомъ Вурца, члена академіи наукъ. Вотъ что говорятъ объ этомъ изданіи иностранцы: «Сочиненіе это, въ которомъ помѣщена въ видѣ введенія краткая исторія успѣховъ химіи со временъ Лавуазье́, безспорно, не имѣетъ соперниковъ, и какъ философъ, такъ и практикъ-работникъ могутъ съ великою пользою обращаться къ нему въ своихъ изслѣдованіяхъ». «Histoire des Plantes» Балльона представляетъ полное описаніе родовъ растеній (болѣе полное, чѣмъ въ сочиненіи Эндлихера). Анатомія органовъ растеній, классификація семействъ, географическое распредѣленіе растеній основательно изложены и въ дополненіе присоединены очень цѣнныя библіографическія замѣтки. Балльонъ находитъ, что ботанисты слишкомъ усложнили классификацію растеній, то-есть приняли слишкомъ много самостоятельныхъ родовъ и видовъ. Отличительныя черты, по которымъ сдѣланы многія спецификаціи, кажутся Балльону недостаточно существенными, и вотъ въ своемъ сочиненіи онъ значительно упрощаетъ классификацію, сокращая множество родовъ. Такъ, въ одномъ семействѣ ranunculaceae, онъ число родовъ сокращаетъ съ шестидесяти до девятнадцати. Первый томъ заключаетъ монографію шести отдѣловъ или семействъ, и снабженъ болѣе чѣмъ пятьюстами гравюръ. Фигье́ продолжаетъ заниматься популяризированіемъ ученыхъ открытій и вообще естественныхъ наукъ; Симоненъ популяризируетъ спеціально минералогію.

По части физики и химіи выходитъ много новыхъ трудовъ и руководствъ. Очень интересно изложены «Notions de Physique» Фабро и его же (въ сотрудничествѣ съ Малагути) «Notions de Chimie»; руководства эти составлены по программѣ, предложенной министерствомъ народнаго просвѣщенія. Вышелъ еще хорошо составленный и отлично изданный учебникъ—«Traité de Physique» Прива-Дешанеля (Privat-Deschanel). По случаю всемірной выставки 1867 года, французское правительство предприняло изданіе коллекціи отчетовъ; изъ вышедшихъ въ прошломъ году замѣчательны отчетъ Поля Дезена объ успѣхахъ, сдѣланныхъ въ теченіи послѣднихъ двадцатипяти лѣтъ теоріею теплоты, и сочиненіе де-Бомона о стратиграфіи. Достоинство разныхъ частей коллекціи, издаваемой правительствомъ, далеко не одинаково; есть отчеты очень поверхностные, но въ нихъ заключаются и весьма почтенные труды Катрфажа, Аршіака, Равессона и Мори.

Для поднятія классическихъ трудовъ, которые сильно упали во Франціи, основалось общество pour l'encouragement des let-

tres grecques. Эллинистъ Александръ издалъ отдѣльно съ комментаріями «сивиллинскія книги», очень важный относительно происхожденія христіанства памятникъ такъ-называемой апокрифической литературы. Этотъ текстъ, съ комментаріями Александра, былъ уже помѣщенъ имъ въ «Bibliotheca graeca», издаваемой Дидо̀. Теперь этотъ трудъ вышелъ отдѣльно, съ новыми коментаріями и съ возраженіями французскаго критика нѣмецкому ученому Эвальду, который оспаривалъ мнѣніе Александра о происхожденіи и времени этихъ любопытныхъ оракуловъ. Кромѣ Дидо̀, изданіями древне-греческихъ авторовъ занимаются еще фирмы Панкукъ и Гашеттъ. Въ числѣ замѣчательныхъ изданій и трудовъ по классической литературѣ, слѣдуетъ между прочимъ упомянуть новое критическое изданіе Иліады, Пьерона, «Etudes sur la Poésie latine» Патена, и лекціи Эмиля Эггера о вліяніи эллинизма на французскую словесность.

Одна изъ отраслей знанія, наиболѣе обогащаемая французами—восточная лингвистика. По этой части замѣчательны слѣдующіе новые труды: Бартелеми-Сентъ-Илера — Этюды о жизни и ученіи Будды (въ Journal des Savants); Станислава Жюльена—«Syntaxe de la langue chinoise»; далѣе, два тома исторіи іудеевъ въ царствованіе Ирода и періодъ Маккавеевъ, Нейбауэра, и Деранбура — географія Палестины по талмудическимъ писаніямъ; Вейля—біографія знаменитаго философа Леви-бенъ-Герсона; Леона де Рони—«Etudes orientales», спеціально посвященныя японской исторіи, литературѣ и японскимъ обычаямъ. Сравнительная грамматика Боппа переведена Бреалемъ. Лучшее доказательство огромныхъ результатовъ, произведенныхъ по разнымъ отраслямъ филологіи, можно найти въ превосходномъ руководствѣ древней исторіи Франсуа̀ Ленормана; пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ такая книга не могла бы быть издана, и можно сказать, что масса свѣдѣній, добытыхъ изъ разбора клинообразныхъ и гіерографическихъ подписей, произвела настоящій переворотъ въ нашихъ представленіяхъ о великихъ народахъ, которые процвѣтали до появленія христіанства.

«Философія», въ прежнемъ смыслѣ этого слова, во Франціи не обогащается. Эклектическая школа, основанная Кузеномъ, пала вслѣдствіе внутренней своей несостоятельности, произведя впрочемъ тотъ хорошій результатъ, что познакомила французовъ съ обширною областью германскаго трансцендентальнаго мышленія, а въ особенности —вызвала много важныхъ трудовъ по исторіи философскихъ системъ. Эклектизмъ, по самому существу своему, долженъ былъ произвесть именно этотъ результатъ. Пропуская нѣкоторые новые труды, относящіеся къ исторіи философіи, упо-

мянемъ только о «Philosophie francaise au dix-neuvième siècle» Тэна. Затѣмъ, отвлеченная философія сосредоточивается въ области, принадлежащей къ богословію, и въ полемикѣ преимущественно объ отношеніяхъ вѣры къ наукѣ. Здѣсь мы должны ограничиться простою ссылкою на имена участниковъ этой теолого-философской борьбы: Эрн. Ренана съ его книгою о св. Павлѣ; Вашерò, съ его противопоставленіемъ научнаго принципа потребности сердечнаго чувства; протестантовъ, Ревилля съ его «Histoire du dogme de la Divinité de Jésus-Christ» и Кокереля-сына, съ его «Histoire du Crédo». Изъ защитниковъ положительнаго религіознаго догмата заслуживаютъ вниманіе аббатъ Гратри, котораго сочиненіе въ защиту догматовъ, направленное преимущественно противъ Вашерò, въ Англіи очень хвалятъ; и Т. Анри-Мартенъ, который старается согласить знаніе и вѣру и отрицаетъ полную доказательность одиночныхъ геологическихъ или палеонтологическихъ фактовъ противъ вѣры вѣковъ. Нейтральное, т.-е. полемическое и вмѣстѣ очень любопытное сочиненіе Прессансе: «Исторія первобытной церкви», заключаетъ изложеніе борьбы разныхъ ученій, возникшихъ въ христіанствѣ. Прессансе, вмѣстѣ съ Ревиллемъ и Кокерелемъ — представители современнаго либеральнаго французскаго кальвинизма.

Изъ французскихъ произведеній по части беллетристики слѣдуетъ упомянуть «l'Homme qui rit», Гюго, съ содержаніемъ котораго читатели В. Ев. знакомы въ подробности.

Бельгійская литература, за исключеніемъ собственно народной, можетъ быть отнесена къ литературѣ французской. Отводя ей особое мѣсто, приходится все-таки отдѣлить ее отъ литературы фламандской, съ которой она не имѣетъ ничего общаго; такъ что бельгійская литература выходитъ двойственная. Во французской письменности Бельгіи выражается участіе этой страны въ разработкѣ научныхъ и политическихъ вопросовъ; въ фламандской литературѣ отражаются только поэтическія воспоминанія о прошломъ, если къ литературѣ не относить газетъ и книгъ для первоначальнаго чтенія. Въ 1869 году, бельгійская французская литература обогатилась цѣнными трудами по части исторіи. Такова монографія «Jeanne la Folle» Гошара. Авторъ доказываетъ, что Іоанна Безумная была въ самомъ дѣлѣ безумною и содержалась въ заключеніи только по этому, а не потому, что впала въ ересь, какъ то утверждаетъ другой писатель, Бергенротъ. Замѣчательна еще другая книга Гошара—«La bibliothéque des princes Corsini, à Rome». Это интересная исторія корсиніевской библіотеки, состоящей изъ 53 тысячъ печатныхъ

книгъ, 3 тыс. рукописей и 6 т. гравюръ. Библіотека эта основана въ половинѣ прошлаго вѣка.

Очень занимательно написано «Le soulevement de la Hollande en 1813», Т. Жюста, съ предисловіемъ, въ которомъ описывается царствованіе Людовика Бонапарта, отца нынѣшняго императора французовъ. «Прочитавъ эту первую часть,—говоритъ одинъ изъ критиковъ,—нельзя ли почувствовать уваженія къ добродушному отцу Людовика-Наполеона и удивленія къ тому, такъ сказать, оставленію въ забвеніи его императоромъ, который между тѣмъ любитъ отдавать дань почтенія матери своей Гортензіи». Сочиненіе Жюста относится къ эпохѣ, богатой событіями, и не будучи романомъ, представляетъ романическую занимательность. Менѣе популярно и болѣе научно сочиненіе Луи Иманса (Hymans): «Histoire politique et parlementaire de la Belgique de 1814 — 1830», котораго пока вышелъ первый томъ. Къ серьёзной исторіи уже не относится «Les Proscrits français en Belgique», написанное А. Сенъ-Ферреолемъ, который былъ членомъ французскаго законодательнаго собранія. Онъ пишетъ такъ годъ своего предисловія: «l'an 17 du coup d'Etat». Здѣсь даются эскизы французскихъ политическихъ изгнанниковъ, съ почти неизбѣжными преувеличеніями мартирологовъ; такъ есть намекъ, что Кавеньякъ умеръ отравленный. Фактъ царствованія нынѣшняго императора французовъ выводитъ автора изъ терпѣнія, но онъ не можетъ также равнодушно упомянуть и самое имя Англіи. Лучшая сторона книги — этюды изъ валлонской и фламандской жизни. Упомянемъ еще о вышедшемъ въ третьемъ изданіи первомъ томѣ сочиненія извѣстнаго статистика Кетлé (Quételet), «La Physique Sociale», которымъ мы также воспользовались въ одной изъ предшествующихъ статей. Сочиненіе Кетлé вышло лѣтъ тридцать тому назадъ, но теперь, судя по первому тому, оно является съ значительными дополненіями. Мы должны однако сказать, что очень многія таблицы, помѣщенныя въ первомъ томѣ, слишкомъ устарѣли и представляются не доказательными при нынѣшнихъ, во многомъ измѣнившихся условіяхъ общественной жизни.

Изъ сочиненій на французскомъ языкѣ, вышедшихъ внѣ предѣловъ Франціи, можно между прочимъ остановиться еще на изданныхъ въ Бельгіи, но нѣмцемъ, саксен-кобургскимъ подданнымъ, «Archives judiciaires», барона Кетшендорфа. Здѣсь, въ одномъ томѣ, заключается полное собраніе всѣхъ законодательныхъ преній по поводу происходившихъ во Франціи государственныхъ процессовъ, касавшихся династій, какъ-то: суда

надъ Людовикомъ XVI, его женою и сестрою, надъ министрами Карла X, и двухъ судовъ надъ Людовикомъ-Наполеономъ Бонапартомъ. Сочиненіе это, посвященное Кобургскому герцогу Эрнсту, заключаетъ до 500 страницъ въ два столбца компактнаго шрифта. Здѣсь отпечатаны вмѣстѣ подлинные документы и свидѣтельства, которые подвергались стольким искаженіямъ въ цитатахъ и извлеченіяхъ. Трудъ компилятивный, но имѣющій «неоцѣнимое значеніе для историковъ и біографовъ, и огромный интересъ даже для обыкновенныхъ читателей».

Фламандская литература въ настоящее время похожа на всѣ литературы «воскрешаемыхъ» нарѣчій и національностей. Цѣль воскресителей здѣсь состоитъ въ томъ, чтобы отстоять германскій элементъ въ фламандской національности. Они исполнены надеждъ. Общество «Дидерика фанъ-Ассенеде» издало альманахъ, о которомъ одинъ фламандскій критикъ отзывается такъ: «Этотъ альманахъ — новое доказательство, что любовь къ нашему дорогому родному языку постоянно растетъ и растетъ посреди насъ, и что число дѣятелей, выработывающихъ его, ежедневно возрастаетъ, а литература его съ каждымъ днемъ распространяетъ свои предѣлы». Но въ подтвержденіе такихъ ожиданій можно указать развѣ только тотъ фактъ, что «Фламандская газета», выходившая до 1869 три раза въ недѣлю, въ прошломъ году выходила ежедневно. Затѣмъ можно еще указать на процвѣтаніе фламандской поэзіи, о которой сейчасъ упомянемъ. Изъ серьёзныхъ пріобрѣтеній для установленія литературнаго фламандскаго языка, можно указать только одно, именно «Vlaamsche Idioticon», профессора Шюрманса. Фламандскія повѣсти, которыя недавно являлись въ большомъ числѣ, почти совсѣмъ перестали выходить. Можно пожалуй указать только на одну изъ такихъ новыхъ повѣстей—«Племянникъ и племянница», которая замѣчательна, но въ которой все-таки уже сглаживается національный характеръ.

Фламандскій театръ также пришелъ въ упадокъ. Зданіе этого театра въ Брюсселѣ закрылось, несмотря на приношенія фламандской партіи, и едвали не навсегда. Зато фламандская поэзія процвѣтаетъ. Она питается прошлымъ и производитъ баллады и идилліи. Есть впрочемъ и сатирическій поэтъ, Ноле́ де Броверъ-ванъ-Стеландъ, котораго произведенія имѣютъ политическій характеръ.

Въ литературѣ голландской явилось много произведеній по всѣмъ отраслямъ знанія, искусства и политики. Англійскій рефе-

рентъ сообщаетъ, что число вышедшихъ уже за истекшій годъ голландскихъ книгъ (томовъ?) составляетъ около 1700, а можетъ быть дойдетъ до 2000. Свободная страна, населенная предпріимчивымъ и талантливымъ народомъ, Голландія имѣетъ богатую литературу по части исторіи, путешествій, богословія, филологіи. Вмѣсто того, чтобы называть отдѣльныя произведенія голландской литературы за прошлый годъ, мы лучше передадимъ нѣсколько общихъ свѣдѣній о ней. Въ 1869 году, голландская періодическая печать освободилась отъ тяжелой штемпельной пошлины и разныхъ стѣсненій. Всѣ политическіе, общественные и научные вопросы разработываются въ этой литературѣ, и число самостоятельныхъ произведеній на голландскомъ языкѣ тѣмъ болѣе замѣчательно, что образованные голландцы всѣ знакомы съ языками англійскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ, къ которому голландскій языкъ близокъ. Каждый годъ выходитъ огромная масса переводовъ со всѣхъ этихъ языковъ. Что касается самостоятельныхъ произведеній, то ими голландцы, конечно, не могутъ сравниться съ великими націями Запада. Упомянувъ о переводахъ, замѣтимъ мимоходомъ, что Тургеневъ переводится на голландскій языкъ. Оригинальныхъ романовъ за годъ вышло тридцать, драматическихъ пьесъ болѣе двадцати (но по большей части передѣлокъ съ французскаго) и семь томовъ поэзіи. Во всякомъ случаѣ, важно то, что голландецъ могъ бы, зная только одинъ свой языкъ, пріобрѣсти достаточныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знанія.

Въ итальянской текущей литературѣ рѣшительно преобладаютъ политика и политическая исторія. Итальянцы, какъ единая политическая нація, еще сами для себя составляютъ новость и не мудрено, что исторія патріотовъ-мучениковъ за свободу и основателей свободы, а также описанія самаго процесса образованія итальянскаго государства привлекаютъ наиболѣе вниманія. Если мы вспомнимъ, что до новѣйшаго времени въ большей части Италіи политическіе писатели не пользовались большою свободою, и что въ теченіи многихъ годовъ политическое преслѣдованіе изгоняло изъ страны наиболѣе развитыхъ писателей, то, принявъ во вниманіе наличное положеніе итальянской литературы, мы можемъ весьма основательно разсчитывать на ея будущность».

Изъ новыхъ сочиненій по исторіи замѣчательна «Storia della monarchia piemontese», Рикотти, которая отличается безпристрастіемъ, основательностью и ясностью изложенія. Современная

исторія обработана въ сочиненіи Дзини, «Storia d'Italia dal 1850 al 1865», въ которой описываются усилія Кавура возвесть Піемонтъ на степень великой державы и встрѣченныя имъ препятствія. Рядомъ съ этимъ сочиненіемъ слѣдуетъ упомянуть великолѣпное изданіе рѣчей Кавура, исполненное по опредѣленію итальянскаго парламента въ знакъ уваженія къ великому министру. Къ исторіи основателей свободы и вмѣстѣ къ исторіи парламентской жизни новаго королевства относится сочиненіе профессора Бонги: «La Vita e i Tempi di V. Pasini». Пазини былъ венеціянскій патріотъ и біографія его обнимаетъ исторію и нравы венеціянскаго общества за послѣднія 35 лѣтъ. Пазини не дожилъ до освобожденія своего родного города (онъ умеръ въ 1864 г.), но со времени объединенія остальной Италіи засѣдалъ въ ея парламентѣ и былъ спеціалистомъ по финансовымъ вопросамъ. Пазини, можно сказать, какъ и Кавуръ, отличался той спокойной энергіей, которую такъ рекомендуетъ своимъ соотечественникамъ Массимо д'Адзеліо, въ своей превосходной автобіографіи «I miei Ricordi».

Воспитательное значеніе именно въ этомъ смыслѣ можетъ имѣть книга Лессоны: «Volere e Potere», написанная въ подражение «Self-Help» Смайльса. Здѣсь разсказываются біографіи итальянцевъ, достигшихъ замѣчательнаго положенія въ странѣ, начавъ, какъ говорится, съ ничего. Лессона жалуется на недостатокъ въ итальянскомъ обществѣ самодѣятельности и выдержки. Изъ новѣйшихъ поэтическихъ произведеній, кромѣ «Canti» патріотическаго пѣвца Алеардо-Алеарди, извѣстнаго уже съ конца пятидесятыхъ годовъ, замѣчательны поэмы Занелла, которыя отличаются стилемъ сильнымъ и вѣрнымъ. Тигри издалъ «Canti» popolari toscani, съ дѣльными примѣчаніями. Въ поэзіи, какъ и въ исторіи, Италія теперь болѣе всего занята собою, стремится выяснить себѣ недавно-прошлое и настоящее. Но вотъ труды, посвященные и дѣламъ отдаленнымъ: «Vita di Giordano Bruno» Доминика Берти,—одинъ изъ важнѣйшихъ историческихъ трудовъ, вышедшихъ въ Италіи съ начала нынѣшняго столѣтія; эта превосходная біографія Джордано Бруно основывается на документахъ, по большей части недавно обнародованныхъ. Къ сожалѣнію, изъ судовъ надъ Бруно въ ней могъ быть описанъ только судъ, происходившій въ Венеціи. Болѣе важный, окончательный судъ надъ нимъ, бывшій въ Римѣ, описанъ быть не могъ, такъ какъ авторъ не нашелъ доступа къ документамъ, хранящимся въ Ватиканѣ.

«Storia critica della Superstizione», Стефанони, очень подроб-

но, сжатымъ и яснымъ языкомъ излагаетъ исторію суевѣрій, съ точки зрѣнія полнаго безпристрастія. Книга эта, конечно, уже занесена въ Index запрещенныхъ. Похвальный отзывъ англійскихъ критиковъ объ очеркѣ Стефанони, посвященномъ мормонамъ, доказываетъ, что книга Стефанони очень замѣчательна. Въ Италіи выходили два большіе литературные журнала «Rivista Contemporanea» и «Nuova Antologia», но полной критической обработки новой литературы нѣтъ, и «Discorsi sulla Letteratura Italiana», недавно изданные Сеттембрини, не пополняютъ этого пробѣла.

Сохраняя строго предѣлы, обозначенные нашимъ заглавіемъ, мы должны были бы опустить ту часть литературнаго очерка, которая касается Соединенныхъ Штатовъ. Но такъ какъ у насъ, кромѣ желанія дать фактическій очеркъ текущей европейской литературы, есть еще другая цѣль—представить справочный перечень, то мы нарушимъ эти предѣлы, и изложимъ вкратцѣ и часть очерка «Athenaeum», которая посвящена американской республикѣ.

Въ американской литературѣ въ высшей степени преобладаютъ практическія цѣли; она почти совершенно посвящена американскимъ дѣламъ и вопросамъ, начиная съ американской исторіи, американскихъ учрежденій, обстоятельствъ и т. д. до религіозныхъ курьезовъ, которыми такъ богата сѣверная Америка. Но начнемъ съ двухъ книгъ, посвященныхъ Англіи: «The Literature of the Age of Elizabeth, by E. V. Whipple есть собраніе публичныхъ лекцій, читанныхъ Е. Уипплемъ въ теченіи послѣднихъ лѣтъ. Публичные лекторы въ Соединенныхъ Штатахъ пользуются большимъ значеніемъ, и Уиппль среди ихъ одинъ изъ наиболѣе замѣтныхъ. Уиппль обожаетъ Шекспира и его разборъ стремится собственно доказать, что Шекспиръ обладалъ всѣми достоинствами, какія только мыслимы въ драматическомъ писателѣ и поэтѣ. «Letters from London 1850—1860, by J. M. Dallas»: Далласъ былъ вице-президентомъ Соединенныхъ Штатовъ и посланникомъ въ Лондонѣ; надѣялся даже на президентство. Письма его изъ Лондона обсуждаютъ политическіе вопросы американскіе, британскіе и континентальные, свѣтскіе толки, и замѣчательныхъ людей, и написаны недурно, но отличаются пристрастіемъ не только ко всему американскому, но и собственно къ своей партіи; «надъ всѣмъ не-американскимъ, кажется ему, тяготѣетъ проклятіе природы, а каждый американецъ, не принадлежащій къ «демократической» партіи, представляется ему ходящимъ въ какомъ-то туманѣ».

Теперь перейдемъ къ сочиненіямъ американскаго интереса. «The Life of Jefferson Davis, with a secret History of the Confederacy, by E. A. Pollard» — стоитъ на первомъ планѣ. Самъ авторъ—южанинъ, жившій во все время междоусобной войны въ Ричмондѣ; всѣ сочувствія его—чисто южанскія, и онъ до сихъ поръ убѣжденъ въ справедливости дѣла Юга. Авторъ сперва объясняетъ «давно извѣстный въ Америкѣ, но находившій мало довѣрія въ Англіи», фактъ, что война была навязана Югу немногими честолюбцами, составившими тайный уговоръ. Бо̀льшая часть книги Полларда посвящена разсмотрѣнію причинъ неудачнаго для Юга исхода войны, и главная причина указывается въ личныхъ свойствахъ того человѣка, которому Югъ слѣпо довѣрился. Онъ указываетъ въ Джефферсонѣ Девисѣ человѣка честолюбиваго, краснорѣчиваго, но не знавшаго людей, и не имѣвшаго истинно государственныхъ способностей. Онъ безпрестанно хватался за временныя средства, не цѣнилъ дѣльныхъ людей, окружалъ себя фаворитами. По отзыву Полларда, Девисъ тратилъ понапрасну тотъ великолѣпный матеріалъ, какой имѣлъ подъ своею властью, и это побудило подвижныхъ южанъ отстать отъ дѣла такъ же скоро, какъ они пристали къ нему. Такова основная мысль сочиненія, подкрѣпленная большимъ числомъ фактовъ. Въ книгѣ Полларда есть еще интересные этюды надъ нѣсколькими предводителями Юга, напр. этюдъ, посвященный Стонуоллу Джексону.

Минувшая война, которая потрясла-было въ основахъ великое сѣверо-американское государство, все еще даетъ матеріалъ для обработки. Такъ, Гоульдъ (Gould) издалъ статистическія свѣдѣнія о количествѣ и качествѣ военныхъ силъ Союза при началѣ и по окончаніи войны, изъ которыхъ приведемъ нѣсколько цифръ: изъ 660 т. сѣверо-американскихъ солдатъ, взятыхъ наудачу — 325 т. принадлежали къ классу земледѣльческому, 170 т. — къ ремесленному, 100 т. — городскихъ чернорабочихъ, 23 т. — къ торговому, 11 т. — къ либеральнымъ профессіямъ. Неграмотныхъ солдатъ, природныхъ американцевъ, всего $^1/_{22}$, т.-е. приблизительно $3^1/_2{}^0/_0$. Относительно степени образованности, интересно еще, что изъ около $10^1/_2$ т. солдатъ (включая и иностранцевъ, которыхъ масса вообще менѣе образована, чѣмъ американцы) слишкомъ $4^1/_4$ т. имѣли хорошее среднее образованіе, а 443 — высшее образованіе. Миссъ Алькоттъ, одна изъ женщинъ, съ такимъ самоотверженіемъ служившихъ во время войны въ походныхъ лазаретахъ и госпиталяхъ, издала книгу «Hospital Sketches and Camp Stories», которую хвалятъ, какъ рядъ прямо изъ жизни схваченныхъ эскизовъ.

Книга «Wild Sports of the Adirondacks», бостонскаго пастора Муррея, произвела переворотъ въ «лѣтнемъ сезонѣ». Множество людей бросилось въ увлекательно описанныя авторомъ пустыни и горы съ озерами, такъ что пустыни эти, вѣроятно, перестанутъ быть пустынями. «A Thousand Miles across South America», Бишопа, — полное приключеній путешествіе молодого натуралиста въ испанскую Америку.

По части точныхъ наукъ рекомендуется «Chemical Physics» профессора Кука; по части беллетристики — «Among the Hills», новое произведеніе извѣстнаго поэта Уиттьера.

Въ настоящемъ перечнѣ, по самому его характеру, мы могли только указать нѣкоторыя черты, представляющія мысли и интересы, которые особенно преобладаютъ въ данный моментъ въ отдѣльныхъ странахъ Запада. Но достаточно и этого перечня, чтобы усмотрѣть въ великой умственной работѣ его двѣ черты общія: стремленіе, съ одной стороны, къ подчиненію человѣческому уму условій физической жизни развитіемъ того знанія, которое есть «сила», а съ другой — къ освобожденію самаго человѣческаго ума отъ тѣхъ предвзятыхъ мнѣній и гибельныхъ предразсудковъ, которые столь долго тормозили его развитіе и отдаляли шествіе его къ истинной, великой цѣли: достиженія наибольшаго благосостоянія путемъ знанія и свободы.

Л. П.

УССУРІЙСКІЙ КРАЙ

Новая территорія Россіи [1]).

Уссурійскій край, пріобрѣтенный нами окончательно по пекинскому договору 1860 года, составляетъ южную часть нашей Приморской Области. Онъ заключаетъ въ себѣ бассейнъ правыхъ притоковъ Уссури [2]) и ея верхняго теченія; кромѣ того сюда же, въ обширномъ смыслѣ, можно отнести весь за-Уссурійскій край, до границъ съ Манчжуріею и Кореею, а также побережье Японскаго моря, до широты устья Уссури.

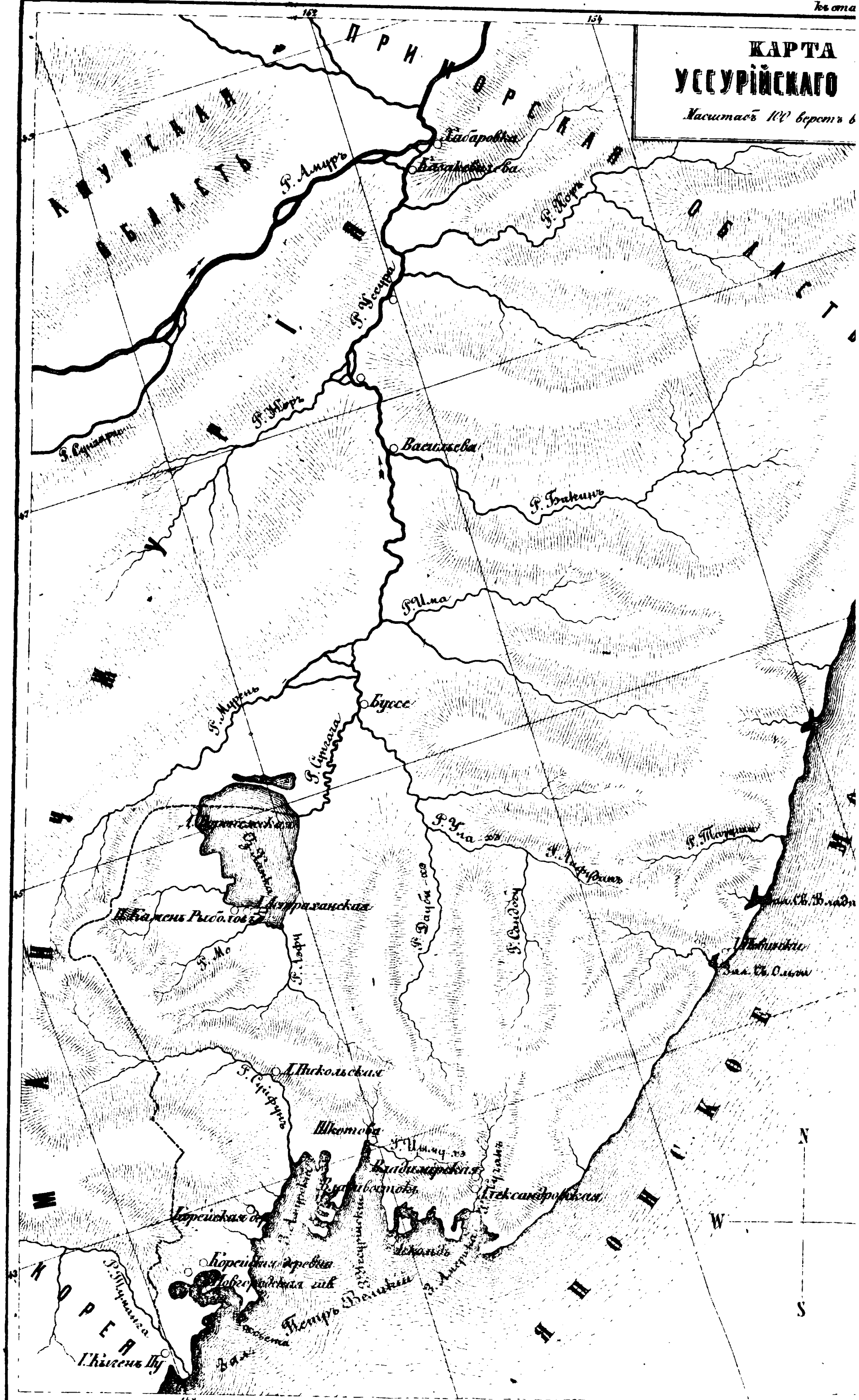
Эта страна лежитъ между 42° и 48° сѣв. шир., слѣдовательно подъ *одною* широтою съ сѣверною Испаніею, южною Франціею, сѣверною и среднею Италіею и южною Россіею, но подъ вліяніемъ различныхъ неблагопріятныхъ физическихъ условій имѣетъ климатъ совершенно иного склада, чѣмъ вышеназванныя европейскія мѣстности. Съ другой стороны, растительный и животный міръ Уссурійскаго края, при своемъ громадномъ богатствѣ, представляютъ, въ высшей степени оригинальную, смѣсь формъ, свойственныхъ, какъ далекому Сѣверу, такъ и далекому Югу. Наконецъ, по отношенію къ удобству колонизаціи, описываемая страна, въ особенности въ своихъ южныхъ частяхъ, составляетъ наилучшее мѣсто изъ всѣхъ нашихъ земель на берегахъ Японскаго моря.

Такимъ образомъ, Уссурійскій край, независимо отъ своего

---

[1]) Статья эта составляетъ нѣсколько главъ изъ приготовляемаго къ печати полнаго описанія Уссурійскаго края, гдѣ авторъ провелъ около двухъ лѣтъ, занимаясь различными (преимущественно естественно-историческими) изслѣдованіями.

[2]) Лѣвая сторона Уссури принадлежитъ китайцамъ. См. ниже прилагаемую карту Уссурійскаго края.

Лит А Беггрова

научнаго интереса, важенъ еще и относительно той будущности, которую онъ можетъ имѣть, конечно, при условіяхъ правильной колонизаціи.

Обращаясь къ устройству поверхности этого края, можно сказать, что топографическій его характеръ опредѣляется положеніемъ главнаго хребта, который извѣстенъ подъ именемъ *Сихотэ-Алинъ* и, начинаясь въ манчжурскихъ предѣлахъ, тянется невдалекѣ и параллельно берегу Японскаго моря, отъ южной части за-Уссурійскаго края, до самаго устья Амура. Средняя высота его 3 — 4,000′, и только въ нѣкоторыхъ точныхъ своихъ южныхъ частей онъ поднимается до 5,000′.

Восточные отроги этого хребта коротки, но притомъ гораздо выше западныхъ и, направляясь перпендикулярно берегу Японскаго моря, оканчиваются здѣсь высокими, отвѣсными утесами.

Западныя же отрасли Сихотэ-Алиня носятъ болѣе мягкій характеръ, и наполняютъ собою все пространство, между главною осью этого хребта съ одной стороны, Уссури и Амуромъ — съ другой.

Вслѣдствіе того, принадлежащая намъ часть Уссурійскаго бассейна [1]), представляетъ собою страну гористую, въ которой, однако, горы достаютъ лишь средней высоты и, при мягкости своихъ формъ, вездѣ могутъ быть удободоступны.

Относительно орошенія слѣдуетъ сказать, что оно здѣсь весьма обильно, и что Уссури составляетъ главную жилу всей страны.

Небольшимъ горнымъ ручьемъ, въ нѣсколько футовъ ширины, вытекаетъ эта рѣка изъ южныхъ частей Сихотэ-Алиня, всего верстахъ въ семидесяти отъ берега Японскаго моря: затѣмъ, съ характеромъ горной рѣчки, течетъ она въ узкой долинѣ, до принятія слѣва р. *Лифудинъ*, и на всемъ этомъ протяженіи извѣстна подъ именемъ *Сандогу*.

Далѣе, отъ устья Лифудина, Уссури принимаетъ имя *Улахэ* [2]), но все еще сохраняетъ характеръ горной рѣки, до впаденія въ нея справа р. *Дауби-хэ*, откуда уже, соединенная рѣка, несетъ манчжурское названіе *Уссури*, или китайское *Има-Хузе*.

---

[1]) Наша государственная граница съ Китаемъ идетъ сначала по Уссури, потомъ по Сунгари, а отъ истока этой рѣки изъ озера Ханка къ устью р. Туръ, или Беленъ-Хэ, и далѣе вверхъ по этой рѣкѣ. Потомъ, направляясь по нѣсколькимъ горнымъ хребтамъ и рѣчкамъ, выходитъ на р. Тумангу (Гаоли-дзянъ) въ двадцати верстахъ выше ея устья, и по ней спускается къ Японскому морю.

[2]) Слово «хэ» по-китайски собственно означаетъ вода и часто прикладывается къ собственному имени рѣкъ.

По принятіи Дауби-хэ, Уссури имѣетъ саженъ семьдесятъ ширины, но, по причинѣ своей быстроты и частыхъ мелей, можетъ быть удобна для плаванія небольшихъ пароходовъ только во время высокой воды.

Къ постоянному же пароходному сообщенію, эта рѣка дѣлается годною, лишь по впаденіи въ нея слѣва *Сунгари*, которая составляетъ стокъ озера Ханка.

Начиная отсюда, Уссури сохраняетъ постоянно меридіональное направленіе съ юга на сѣверъ, и принимаетъ нѣсколько большихъ рѣкъ: справа *Има*, *Бикинъ*, *Хоръ*, а слѣва *Мурень и Норъ*.

Всѣ эти боковыя рѣки негодны для пароходнаго плаванія, и притомъ еще почти совершенно неизслѣдованы.

Съ принятіемъ большихъ вышеназванныхъ притоковъ, Уссури дѣлается многоводною рѣкою и, при впаденіи своемъ въ Амуръ, имѣетъ болѣе полутора верстъ ширины.

Къ за-Уссурійскому, или такъ-называемому, Южно-Уссурійскому краю, слѣдуетъ отнести бассейнъ озера Ханка [1]) и южное побережье Японскаго моря.

Характернымъ отличіемъ первой мѣстности является преобладаніе равнинной формы поверхности, которая, на южной, восточной и сѣверной сторонѣ озера состоитъ изъ обширныхъ болотъ, а на юго-западѣ и частію западѣ представляетъ волнистую степь, чрезвычайно удобную для земледѣлія и скотоводства. Побережная же полоса наполнена восточными отрогами Сихотэ-Алиня, которые *вообще выше западныхъ его отраслей* и заключаютъ въ себѣ узкія долины быстрыхъ береговыхъ рѣкъ, изъ коихъ наиболѣе замѣчательны по величинѣ: *Седеми*, *Мангугай*, *Суйфунъ*, *Цыму-хэ*, *Сучанъ*, *Пхусунъ* и *Тазуши*. При томъ же море образуетъ здѣсь нѣсколько большихъ заливовъ: *св. Владиміра*, *св. Ольги* и обширная впадина, извѣстная подъ общимъ именемъ залива *Петръ Великій*.

Послѣдній состоитъ изъ нѣсколькихъ меньшихъ частей, каковы заливы: *Америка*, *Уссурійскій*, *Амурскій* и *Поссьета* [2]).

Между двумя средними изъ нихъ, т.-е. Амурскимъ и Уссурійскимъ заливами, лежитъ полуостровъ *Муравьевъ-Амурскій*, на южной оконечности котораго находится портъ *Владиво-*

---

[1]) Озеро Ханка имѣетъ въ окружности около 250 верстъ, а поверхность его занимаетъ 3,400 кв. верстъ; притомъ же оно чрезвычайно мелко, такъ что наибольшая глубина, до сихъ поръ найденная, равняется только 24 футамъ.

[2]) У иностранцевъ всѣ эти заливы имѣютъ свои собственныя названія, данныя имъ французами и англичанами, открывавшими и описывавшими ихъ во время крымской войны.

стокъ, выстроенный на берегу прекрасной бухты, извѣстной подъ именемъ *Золотой Рогъ.*

Въ растительномъ мірѣ Уссурійскаго края мы встрѣчаемъ замѣчательное богатство, а вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальную смѣсь, сѣверныхъ и южныхъ формъ.

Дремучіе лѣса, сплошь покрывающіе всѣ горы, состоятъ, главнымъ образомъ, изъ лиственныхъ деревьевъ: ильма, дуба, черной березы, ясени, клена, липы, тополя, грабба, акаціи, черешни, грецкаго орѣха и пробковаго дерева, вмѣстѣ съ которыми, въ особенности ближе къ горнымъ вершинамъ, растутъ и хвойныя породы: ель, пихта, лиственница, кедръ, изрѣдка сосна и тиссъ.

Многія изъ этихъ деревьевъ достигаютъ весьма большихъ размѣровъ, но всего громаднѣе разрастаются ильмъ и кедръ, которыя иногда имѣютъ 80 — 100 футовъ вышины и стволъ толщиною 3—5 фут. на высотѣ груди человѣка.

Подлѣсокъ образуетъ непроходимыя зарости, и состоитъ изъ различныхъ кустарниковъ, каковы: лещина, леспедеца, бузина, сирень, жасминъ, колючая азалія и элейтерококкусъ, шиповникъ, калина, боярка и др.

Такая древесная и кустарная растительность всего роскошнѣе развивается на западной сторонѣ Сихотэ-Алиня по горнымъ скатамъ, защищеннымъ отъ вѣтра и въ невысокихъ падяхъ, орошаемыхъ быстрыми ручьями. Здѣсь растительная жизнь является во всей своей силѣ и часто, на небольшомъ пространствѣ, тѣснятся самыя разнообразныя породы деревьевъ и кустарниковъ, образующихъ густѣйшіе заросты, переплетенные различными вьющимися растеніями. Въ особенности роскошно развивается въ такихъ мѣстахъ виноградъ [1]), который, то стелется по землѣ и покрываетъ ее сплошнымъ ковромъ зелени, то обвиваетъ, какъ ліаны тропиковъ, кустарники и деревья, и свѣшивается съ нихъ самыми роскошными гирляндами.

Невозможно забыть впечатлѣнія, производимаго, въ особенности въ первый разъ, подобнымъ лѣсомъ.

Правда, онъ также дикъ и недоступенъ, какъ и всѣ прочія сибирскія тайги, но въ тѣхъ однообразіе растительности, топкая, тундристая почва, устланная мхами, или лишаями, навѣваютъ на душу какое-то уныніе; наоборотъ здѣсь,

---

[1]) Ягоды уссурійскаго винограда весьма мелки (не крупнѣе обыкновенной клюквы) и притомъ кислы, такъ что для ѣды почти негодны. Впрочемъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, въ особенности на побережьи моря, вкусъ дикаго винограда становится нѣсколько лучше.

на каждомъ шагу, встрѣчаешь роскошь и разнообразіе, такъ что не знаешь, на чемъ остановить свое вниманіе. То высится передъ вами громадный ильмъ съ своею широко-вѣтвистою вершиною, то стройный кедръ, то дубъ и липа съ пустыми, дуплистыми отъ старости стволами, болѣе сажени въ обхватѣ, то орѣхъ и пробка, съ красивыми перистыми листьями, то пальмовидный диморфантъ, довольно впрочемъ рѣдкій.

Какъ-то странно, непривычному взору, видѣть такое смѣшеніе формъ Сѣвера и Юга, которые сталкиваются здѣсь, какъ въ растительномъ, такъ и въ животномъ мірѣ. Въ особенности поражаетъ видъ ели, обвитой виноградомъ, или пробковое дерево и грецкій орѣхъ, растущіе рядомъ съ кедромъ и пихтою. Охотничья собака отыскиваетъ вамъ медвѣдя или соболя, но тутъ же, рядомъ, можно встрѣтить тигра, неуступающаго, въ величинѣ и силѣ, обитателю джунглей Бенгаліи.

И торжественное величіе этихъ лѣсовъ не нарушается присутствіемъ человѣка: развѣ изрѣдка пробредетъ по нимъ звѣроловъ, или раскинетъ свою юрту кочующій дикарь, но тѣмъ скорѣе дополнитъ, нежели нарушитъ, картину дикой, дѣвственной природы...

Животное царство Уссурійскаго края также весьма богато, и въ немъ мы, опять, находимъ формы, свойственныя, какъ далекому Сѣверу, такъ и далекому Югу.

Медвѣдь и соболь живутъ здѣсь вмѣстѣ съ тигромъ и барсомъ; гималайская куница истребляетъ сибирскую бѣлку. Кромѣ того, въ лѣсахъ водится множество соболей, изюбрей, пятнистыхъ оленей, косуль и кабановъ. Рѣже попадаются: лось, дикая кошка, рысь, антилопа, кабарга, выдра, барсукъ и енотовидная собака.

Среди птицъ, встрѣчается еще болѣе представителей южныхъ, даже тропическихъ странъ.

Такимъ образомъ здѣсь живутъ: японскій ибисъ, японскій журавль, китайская или мандаринская утка, австралійскій куликъ, кохинхинская иволга, бенгальскій зимородокъ; въ тоже время, какъ зимою, съ далекаго Сѣвера, прилетаютъ: виристель, подорожникъ и бѣлая сова.

Водныя и голенастыя породы гнѣздятся, во множествѣ, по болотамъ и озерамъ этого края, а во время весенняго и осенняго пролета, являются здѣсь безчисленными стаями.

Наконецъ, воды Уссурійскаго края полны всякою рыбою, между которою чаще попадаются: осетръ, калуга (болѣе 30 пудовъ вѣсу), таймень, сигъ, сазанъ, чебакъ, лещъ, бѣлая рыба, щука, сомъ, касатка и налимъ; здѣсь же водится и черепаха особаго вида.

Словомъ, естественныя богатства Уссурійскаго края весьма велики, и еще совершенно не тронуты человѣкомъ.

Климатъ этой страны представляетъ особенныя, оригинальныя свойства, и, несмотря на близость моря, имѣетъ гораздо болѣе континентальный, нежели морской характеръ.

Такимъ образомъ, зимою морозы доходятъ здѣсь до—29° Р. [1]), а снѣгъ часто покрываетъ землю на три фута толщины.

Ледъ, не только на Уссури, но даже на озерѣ Ханка, достигаетъ трехъ футовъ толщины, и на озерѣ окончательно уничтожается только въ концѣ апрѣля, или даже въ началѣ мая.

Весною, мартъ характеризуется частыми сильными холодами [2]); между тѣмъ какъ, въ апрѣлѣ, днемъ бываетъ очень тепло, даже жарко, а по ночамъ термометръ падаетъ на нѣсколько градусовъ ниже нуля [3]). Даже въ началѣ мая еще случаются ночные морозы, но потомъ разомъ наступаетъ жара, и растительность, которая съ половины апрѣля едва начинаетъ прозябать, теперь станетъ развиваться вдругъ необыкновенно быстро, и чрезъ недѣлю, много двѣ, является во всемъ блескѣ обновленной юности.

Лѣто Уссурійскаго края проявляетъ уже свойства морского климата, и хотя жары достигаютъ здѣсь до + 24,4° Р. въ тѣни, но тѣмъ не менѣе это время года характеризуется обиліемъ водныхъ осадковъ, являющихся внутри страны въ видѣ дождей, къ которымъ на побережьи моря присоединяются еще сильные туманы.

Дождливый періодъ, въ описываемой странѣ, бываетъ обыкновенно въ іюлѣ, рѣдко въ августѣ, и продолжается 3—4 недѣли. Въ это время, дождь идетъ иногда сутокъ по трое и болѣе безъ перерыва, такъ что Уссури прибываетъ болѣе чѣмъ на двѣ сажени, противъ обыкновеннаго уровня, и затопляетъ всю свою долину. Тоже самое происходитъ въ это время и во всѣхъ другихъ рѣкахъ. Такимъ образомъ, лѣтніе дожди (а на побережьи моря и туманы), совпадающіе съ періодомъ сбора жатвы, составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ тормазовъ для развитія земледѣлія въ Уссурійскомъ краѣ.

Что же касается до осени, то она, въ особенности на побережьи моря, можетъ считаться лучшимъ временемъ года, такъ

---

[1]) Такой морозъ я наблюдалъ 2-го января 1868 г. при устьѣ р. Дауби-Хэ, слѣдовательно подъ 45° сѣв. шир.

[2]) Наибольшій морозъ, наблюдавшійся мною въ мартѣ, былъ 4-го числа этого мѣсяца и равнялся—21, 3° Р.

[3]) Весною 1869 г., изъ 30 дней апрѣля, термометръ minimum 23 раза показывалъ морозъ, доходившій до—6° Р.

какъ въ этотъ періодъ погода стоитъ постоянно ясная и притомъ умѣренно теплая, хотя на самой Уссури ночные заморозки случаются уже въ первой половинѣ сентября.

Таковъ въ общихъ краткихъ чертахъ характеръ природы и климата Уссурійскаго края. Обратимся теперь къ его населенію, образующему двѣ группы: населеніе русское и инородческое.

I.

Русское населеніе.

Русское населеніе въ Уссурійскомъ краѣ составляютъ: *казаки*, поселенные по р. Уссури, и *крестьяне*, пришедшіе изъ Россіи [1]) и поселившіеся въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, а также на побережьи Японскаго моря.

По всему правому берегу Уссури, отъ ея устья до впаденія р. Сунгари, поселенъ уссурійскій пѣшій баталіонъ амурскаго казачьяго войска. Онъ занимаетъ 28 станицъ [2]), которыя расположены въ разстояніи 10—25 верстъ одна отъ другой, и всѣ выстроены по одному и тому же плану. Онѣ вытянуты, вдоль по берегу Уссури, иногда на версту длины, и состоятъ изъ одной улицы, по которой, то въ одну линію, то въ двѣ — справа и слѣва — расположены жилые дома. Эти послѣдніе имѣютъ обыкновенно одну, рѣдко двѣ комнаты, въ которыхъ помѣщается хозяинъ-казакъ съ своимъ семействомъ.

Сзади дворовъ лежатъ огороды, но особыхъ хозяйскихъ угодій не имѣется, такъ какъ казаки держатъ свой скотъ постоянно подъ открытымъ небомъ, а хлѣбъ, послѣ сбора, складываютъ въ скирды на поляхъ.

Въ трехъ станицахъ имѣются церкви, а въ болѣе обширныхъ живутъ торговцы, занимающіеся, главнымъ образомъ, продажею водки казакамъ и покупкою соболей у китайцевъ.

Вообще, наружный видъ казачьихъ станицъ далеко не привлекателенъ, но еще болѣе незавидно положеніе ихъ обитателей.

По вѣдомости 1868 г., въ уссурійскомъ баталіонѣ считалось 2,933 души мужского пола и 2,325 женскаго, слѣдовательно 5,258 человѣкъ.

---

[1]) Слово «Россія» во всей Сибири употребляется въ смыслѣ Европейской Россіи.

[2]) Собственно на Уссури 27 станицъ и двѣ почтовыхъ станціи: 28-я станица расположена на берегу Сунгари, въ десяти верстахъ отъ ея устья.

Всѣ эти казаки были переселены сюда, въ періодъ 1858—1862 г., изъ Забайкалья, гдѣ они выбирались по жребію, волею или неволею должны были бросить свою родину и идти въ новый, невѣдомый для нихъ край. Только богатые, на долю которыхъ выпадалъ жребій переселенія, могли отдѣлаться отъ этой ссылки, нанявъ вмѣсто себя охотниковъ, такъ какъ подобный наемъ былъ дозволенъ мѣстными властями.

Разумѣется, продавать себя въ подобномъ случаѣ соглашались только одни бобыли, голь, которые явились нищими и въ новый край. Притомъ, даже и тѣ, которые были побогаче, забрали съ собою достаточно скота и разнаго имущества, и тѣ, большею частію, лишились всего этого отъ различныхъ несчастныхъ случаевъ въ продолженіи трудной и дальней дороги.

Такимъ образомъ, казаки съ перваго раза стали смотрѣть враждебно на новый край, а на себя самихъ какъ на ссыльныхъ. Дальнѣйшее десятилѣтнее житье нисколько не перемѣнило такихъ воззрѣній, и не улучшило ихъ положенія. Какъ прежде, такъ и теперь, вездѣ на Уссури слышны горькія жалобы на разныя невзгоды и тоскливое воспоминаніе о прежнихъ, покинутыхъ мѣстахъ. «Какое тутъ житье, обыкновенно говорятъ казаки; зимою ѣсть нечего, съ голоду умирай, а лѣтомъ отъ гнусу [1] ни самому, ни скотинѣ дѣться некуда. Вотъ въ Забайкалѣ было хорошо; не одинъ разъ вспомнишь про тамошнее житье. У меня, добавлялъ иной, тамъ водилось головъ пятьдесятъ рогатаго скота, а здѣсь есть только двѣ коровенки, да и за нихъ слава Богу; у другихъ того даже нѣтъ. Теперь возьмемъ про хлѣбъ: съ весны всегда онъ ростетъ хорошо, высокій, густой, просто сердце радуется, глядишь, лѣтомъ, или водою зальетъ, или дождемъ сгноитъ, червякъ поѣстъ, и не соберешь ты почти ничего за всѣ свои труды.

«Или напр. купить что-нибудь; тутъ отдай въ два, въ три раза дороже, да и то еще такого товару не возьмешь, какъ въ Забайкальѣ; купцы здѣшніе рады содрать съ тебя послѣднюю шкуру. Вотъ и лонись [2]), дабы кусокъ купила, четыре рубля отдала, а

---

[1]) Общимъ именемъ «гнусъ» казаки называютъ комаровъ, мошекъ и оводовъ, которые бываютъ лѣтомъ на Уссури, въ несмѣтномъ количествѣ, и дѣйствительно невыносимо мучатъ какъ животныхъ, такъ и человѣка.

[2]) Казаки на Уссури, да и въ Забайкальѣ, употребляютъ довольно много особенныхъ мѣстныхъ словъ, «лонись лонской» значитъ въ прошлый разъ. Притомъ же, каждому новому человѣку, какъ на Уссури, такъ и на Амурѣ, бросается въ глаза безпрестанное употребленіе жителями слова «однако». О чемъ бы вы ни заговорили, вездѣ вклеютъ это «однако». Бывало спросишь у казака: это твоя мать? «Однако да» отвѣчаетъ, подумавъ онъ, какъ будто сомнѣвается даже и въ этомъ случаѣ.

что тамъ: всего 16 аршинъ, развѣ двѣ юпки выйдетъ, да старику выгадаю на рубашку, добавляла съ своей стороны, хозяйка, вздыхая при этомъ и приговаривая: «пришлось на старости лѣтъ горе мыкать и нужду во всемъ терпѣть».

«Теперь возьмемъ про всякое хозяйское снадобье, продолжала словоохотливая баба. Бывало за Байкаломъ всего было вдоволь: масла цѣлую кадку за лѣто наготовливала, квасъ былъ непереводный, говядины тоже въ волю, ягоды всякія.... а здѣсь что? въ свѣтлый праздникъ не видишь того, что прежде имѣлось каждый будній день. Пропади она совсѣмъ эта Уссури; такъ бы все и бросили, пѣшкомъ бы назадъ пошли въ Забайкалье».

Эти, и тому подобные, разсказы можно услышать на Уссури въ каждой станицѣ; вездѣ недовольство, жалобы, тоска о прежнемъ житьѣ за Байкаломъ.

Дѣйствительно, бытъ казаковъ, за весьма немногими исключеніями, крайне незавидный.

Не говоря уже про какое-нибудь довольство жизни, большая часть изъ нихъ не имѣетъ куска хлѣба насущнаго и каждый годъ, съ половины зимы до снятія жатвы, казна должна кормить большую часть населенія, чтобы хотя сколько-нибудь спасти его отъ голода. Обыкновенно въ это время выдаютъ заимообразно неимущимъ казакамъ по 30 фунтовъ муки въ мѣсяцъ; но такъ какъ этой дачи для многихъ семействъ недостаточно, и притомъ же она не вдругъ выдается всѣмъ голодающимъ, то казаки, къ получаемому провіанту, подмѣшиваютъ сѣмена различныхъ сорныхъ травъ, а иногда даже глину. Испеченный изъ этой смѣси хлѣбъ имѣетъ цвѣтъ засохшей грязи, и сильно жжетъ во рту послѣ ѣды.

Главнымъ подспорьемъ къ этому, и то далеко не у всѣхъ, служитъ кирпичный чай, завариваемый съ солью, или такъ-называемый *бурдукъ*, т.-е. ржаная мука, разболтанная въ теплой водѣ.

За неимѣніемъ того и другого, казаки приготовляютъ изъ высушенныхъ гнилушекъ березы и дуба особый напитокъ, называемый *шульта*, и пьютъ его въ огромномъ количествѣ вмѣсто чаю.

Рыбную и мясную пищу, зимою, имѣютъ весьма не многіе, едвали двадцатая часть всего населенія; остальные же довольствуются шультой и бурдукомъ, т.-е. такими явствами, на которыя нельзя, безъ омерзѣнія, и взглянуть свѣжему человѣку.

Результатами такой ужасающей нищеты являются съ одной стороны различныя болѣзни, а съ другой — крайняя деморали-

зація населенія, самый гнусный развратъ и апатія ко всякому честному труду.

Дѣйствительно, небывалому человѣку трудно даже повѣрить, до какой степени доходитъ развратъ среди уссурійскаго населенія. Здѣсь вездѣ мужья торгуютъ своими женами, матери дочерьми и дѣлаютъ это, не задумываясь, часто публично, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Въ нѣсколько минутъ, обыкновенно, слаживается дѣло, и невинная дѣвушка, иногда едва достигшая пятнадцатилѣтняго возраста, продается своею же матерью много, много за 25 рублей, а часто и того менѣе.

Не только мѣстные, но даже проѣзжіе жители обыкновенно запасаются такимъ товаромъ, нисколько не думая о будущей судьбѣ несчастной жертвы. Для послѣдней исходъ, въ подобномъ случаѣ, всегда бываетъ одинъ и тотъ же: наскучивъ, чрезъ годъ или два, своему первому владѣльцу, она идетъ къ другому, потомъ къ третьему, четвертому, наконецъ пускается на всѣ стороны и гибнетъ безвозвратно.

Во многихъ станицахъ можно видѣть подобныя личности, для которыхъ стыдъ, совѣсть и другія лучшія стороны человѣческой природы не существуютъ. Мало того, развратъ до такой степени проникъ все населеніе, что нисколько не считается порокомъ и на зимнихъ вечернихъ сходбищахъ, или такъ-называемыхъ «вечеркахъ», постоянно разыгрываются такія сцены, о которыхъ даже и неудобно говорить въ печати.

Съ другой стороны, не менѣе рѣзко бросается въ глаза совершенное равнодушіе казаковъ къ своему настоящему положенію, и полная апатія ко всякому необязательному труду. Конечно, съ перваго раза кажется весьма страннымъ: какимъ образомъ населеніе можетъ умирать съ голоду въ странѣ, гдѣ воды кишатъ рыбою, а лѣса полны всякаго звѣря? Вѣдь здѣсь стóитъ только пойти съ ружьемъ, чтобы убить козу или изюбря, а не то забросить сѣть, или какой-нибудь другой снарядъ, чтобы наловить сколько угодно рыбы. Къ тому же передъ глазами каждаго живой примѣръ инородцы, обитающіе рядомъ съ казаками, несѣющіе даже хлѣба, но тѣмъ не менѣе умѣющіе прокормить и себя, и свою семью круглый годъ.

При ближайшемъ знакомствѣ съ казаками, эта загадка разрѣшается довольно легко. Тысячи примѣровъ, встрѣчаемыхъ на всякомъ шагу, вскорѣ убѣждаютъ каждаго новичка, что независимо отъ другихъ постороннихъ причинъ, уссурійское населеніе много и само виновно въ томъ безъисходномъ положеніи, въ которомъ оно находится въ настоящее время.

Всеобщая лѣнь и апатія—вотъ тѣ двѣ язвы, которыя глу-

боко проникли все это населеніе и довели его до подобнаго грустнаго, если только не сказать, отчаяннаго положенія.

Дѣйствительно, можно указать, изъ десяти разъ на девять, что голодный казакъ скорѣе будетъ сидѣть не ѣвши, но сложа руки, нежели отправится на промыселъ, или на работу, если только она не доставляетъ уже черезъ чуръ большіе барыши. Апатичное бездѣйствіе составляетъ для него высшее благо жизни, и въ этомъ отношеніи онъ не уступаетъ итальянскимъ лаццарони, съ тою только разницею, что послѣдніе пользуются, по крайней мѣрѣ, благодатнымъ климатомъ, а наши казаки, вдобавокъ ко всему, еще мерзнутъ зимою въ тѣхъ нищенскихъ лохмотьяхъ, которыми они прикрываютъ свое грѣшное тѣло.

Борьба съ нуждою, голодомъ и различными невзгодами, отражается не только на нравственной сторонѣ, но даже и на самой физіономіи уссурійскихъ казаковъ. Блѣдный цвѣтъ лица, впалыя щеки, выдавшіяся скулы, иногда вывороченныя губы, по большой части невысокій ростъ и общій болѣзненный видъ— вотъ характерныя черты физіономіи этихъ казаковъ. Не увидите вы здѣсь красиваго, великорусскаго мужика, съ его окладистою бородою, или молодого, краснощекаго парня. Нѣтъ! самыя дѣти казаковъ живой типъ своихъ отцовъ, какія-то вялыя, безжизненныя. Ни разу не слыхалъ я на Уссури русской пѣсни, которая такъ часто звучитъ на берегахъ Волги, не запоетъ ямщикъ, который васъ везетъ, про «не бѣлы снѣги» или про что-либо другое въ этомъ родѣ; нѣтъ даже здѣсь обычнаго русскаго покрикиванія на лошадей, а какое-то особенное, въ родѣ цоши, цсшги, цсши...., которое произносится тихо, въ полголоса, и такъ звучитъ непріятно, что иногда морозъ деретъ по кожѣ.

Вообще все, что́ вы видите на Уссури, и казаковъ и ихъ бытъ, все дѣйствуетъ крайне непріятно, въ особенности на свѣжаго человѣка. Вездѣ встрѣчаешь грязь, голодъ, нищету, такъ что невольно болѣетъ сердце при видѣ всѣхъ этихъ явленій.

Но помимо лѣни и апатіи, есть также и другія причины, которыя поставили казаковъ въ такое неутѣшительное положеніе; насильственность переселенія занимаетъ первое мѣсто между такими причинами.

Мы уже замѣтили что уссурійскіе казаки выбирались, по жребію въ Забайкальѣ, что богатымъ былъ дозволенъ наемъ вмѣсто себя охотниковъ, и что казаки съ перваго шагу стали враждебно смотрѣть на новый край, куда явились не по собственному желанію, а по приказу начальства. Притомъ же, большая часть изъ нихъ лишилась во время трудной дороги и послѣдняго имущества, которое они забрали было съ собою.

Скотъ передохъ во время плаванія на баржахъ внизъ по Амуру; хлѣбъ и сѣмена подмокли, или совсѣмъ потонули на тѣхъ же самыхъ баржахъ; много добра пропало при перегрузкахъ, или просто безъ вѣсти, на казенныхъ транспортахъ; однимъ словомъ, казаки являлись на Уссури въ полномъ смыслѣ голышами.

Къ такому населенію подбавлено было еще въ слѣдующіе года около 700 штрафованныхъ солдатъ [1]), которые зачислены въ казачье сословіе и живутъ, или отдѣльными дворами [2]), или большею частію между другими казаками. Мало можно сказать хорошаго и про казаковъ-то, а про этихъ солдатъ—рѣшительно ничего, кромѣ дурного. Это самыя грязныя подонки общества, сбродъ людей со всевозможными пороками, приведенныхъ изъ Россіи, и поселенныхъ здѣсь на вѣчныя времена. Даже сами казаки недружелюбно смотрятъ на этихъ солдатъ, которые извѣстны на Уссури подъ общимъ именемъ «гольтепаковъ»; между ними много типичныхъ и весьма интересныхъ личностей. Здѣсь можно видѣть и лакея прежнихъ временъ, сданнаго бариномъ въ солдаты за какія-нибудь художества, а на службѣ опять накуралесившаго, и мастерового съ казеннаго завода, и поляка, пытавшагося дезертировать за границу, но пойманнаго на дорогѣ, проворовавшагося жида, петербургскаго мазурика, недоучившагося семинариста и т. д., словомъ, между этими солдатами встрѣчается всевозможный сбродъ.

Понятно, что люди съ такими нравственными задатками всего менѣе способны сдѣлаться хорошими земледѣльцами, особенно въ странѣ дикой, нетронутой, гдѣ всякое хозяйское обзаведеніе требуетъ самаго прилежнаго и постояннаго труда. Только какъ исключительную рѣдкость, можно встрѣтить между ними человѣка, хотя сколько-нибудь работящаго; остальные же живутъ какъ придется, и шатаются по разнымъ мѣстамъ не только на Уссури, но даже по Амуру до Николаевска. Однако отъ гольтепаковъ есть и небольшая польза въ томъ, что между ними встрѣчаются разные мастеровые, которые полезны здѣсь своими знаніями. Но во всякомъ случаѣ, эта малая выгода далеко не искупаетъ зла, которое внесъ собою въ уссурійское населеніе этотъ безпардонный людъ.

Среди уссурійскаго населенія число совершеннолѣтнихъ мужескаго пола, т.-е. такихъ, которымъ свыше 18 лѣтъ, равняется 1812. Однако эта цифра далеко не выражаетъ собою количество здоровыхъ работниковъ, какими можно считать только

---

[1]) Въ 1867 году такихъ солдатъ считалось 680.

[2]) Отдѣльными домами живутъ только 110.

тѣхъ, которые признаются годными на службу, и имѣютъ не менѣе 50 лѣтъ отъ роду. Число такихъ казаковъ (940) равняется только половинѣ общей суммы совершеннолѣтнихъ и ясно говоритъ о той, сравнительно весьма малой, рабочей силѣ, которую можетъ доставить населеніе Уссурійскаго края. Вслѣдствіе же ежегоднаго наряда на службу, эта цифра сокращается еще болѣе, такъ какъ поступающіе въ нарядъ казаки исполняютъ только служебныя обязанности по станицамъ и въ штабѣ баталіона [1]) и, по истеченіи годичнаго срока, возвращаются домой.

Теперь, если возьмемъ цифру всей обработанной на Уссури земли (2,350 десятинъ), то увидимъ, что, среднимъ числомъ, приходится только около $^1/_2$ десятины на каждую душу, — количество малое, въ особенности если припять во вниманіе, что бо́льшая половина этихъ пашень лежитъ на мѣстахъ затопляемыхъ, гдѣ, слѣдовательно, сборъ хлѣба подверженъ весьма большимъ случайностямъ. Чтобы избѣжать такихъ случайностей, казаки должны обработывать землю на мѣстахъ возвышенныхъ, а такія мѣстности вездѣ покрыты здѣсь дремучими лѣсами, разчистка которыхъ требуетъ много времени и труда. Поэтому можно судить насколько дорогъ для семьи каждый работникъ, и насколько малое количество здоровыхъ рабочихъ рукъ въ средѣ уссурійскаго населенія вредно отзывается на самомъ ходѣ здѣшняго земледѣлія.

Какъ относительно здоровыхъ работниковъ, такъ и относительно животно-рабочей силы казаки находятся въ весьма невыгодныхъ условіяхъ. Число содержимаго ими рабочаго скота очень невелико сравнительпо съ населеніемъ, и притомъ же есть много такихъ хозяевъ, которые не имѣютъ ни одной скотины, слѣдовательно только руками могутъ обработывать землю. Кромѣ того, гоньба почты и провозъ проѣзжающихъ составляютъ весьма тяжелую повинность казаковъ, которые, ради этой цѣли, ведутъ очередь отдѣльно по станицамъ, и каждая смѣна стоитъ, съ своими лошадьми, по одной недѣлѣ.

Поэтому выходитъ, что въ станицахъ бѣдныхъ лошадьми, при сильномъ разгонѣ, казакамъ приходится ѣздить почти безсмѣнно цѣлую зиму, тогда какъ въ станицахъ, гдѣ лошадей довольно, тяжесть почтовой гоньбы менѣе ощутительна.

За гоньбу почты казаки ничего не получаютъ отъ казны, кромѣ прогоновъ, а каждый знаетъ, какъ ничтожно такое воз-

---

[1]) Поступающіе въ нарядъ получаютъ продовольствіе отъ казны по два пуда муки въ мѣсяцъ.

награжденіе, тѣмъ болѣе въ странѣ, гдѣ прокормъ лошадей очень дорогъ, такъ какъ пудъ овса стоитъ здѣсь, обыкновенно, около рубля, а иногда и того болѣе.

Притомъ, даже прогоны казаки получаютъ далеко не сполна, такъ какъ за провозъ почты имъ выдаютъ только квитанціи, по которымъ еще ни разу не платили денегъ, по словамъ тѣхъ же самыхъ казаковъ; и во-вторыхъ, такъ какъ лошади обыкновенно плохи, то казаки, для облегченія, запрягаютъ подъ проѣзжающихъ одною лошадью болѣе противъ числа, положеннаго закономъ. Изъ этого выходитъ, что запрягая, напр., трехъ лошадей, они получаютъ прогоны только за двухъ, а такъ какъ лошади берутся по одной у разныхъ хозяевъ, то, послѣ дѣлежа прогонной платы, каждый изъ нихъ получаетъ только нѣсколько десятковъ копѣекъ.

Между тѣмъ почтовая гоньба до того изнуряетъ лошадей, что большая часть изъ нихъ, къ концу зимы, едва волочитъ ноги, и не можетъ быть употреблена для весеннихъ работъ.

Кромѣ того, почти ежегодно на Уссури бываютъ значительные падежи скота, всего чаще отъ безкормицы, и вообще скотоводство идетъ здѣсь весьма плохо. Причины этому заключаются: во 1) въ самомъ характерѣ пастбищъ, покрытыхъ громадною, неудобною для корма травою; во 2) въ чрезвычайномъ обиліи насѣкомыхъ, отъ которыхъ скотъ бѣжитъ какъ бѣшеный къ дымокурамъ, и не ѣстъ ничего, такъ что за лѣто худѣетъ, а не отъѣдается; наконецъ, въ 3) главнымъ образомъ, отъ небрежности самихъ казаковъ, которые всякое хозяйское дѣло ведутъ спустя рукава, и совершенно апатичны ко всякому труду. Въ подтвержденіе этихъ словъ можно указать на то, что у китайцевъ, живущихъ рядомъ съ казаками, скотъ превосходный, потому что китаецъ постоянно заботится о томъ, когда выгнать его на пастбище, когда загнать въ хлѣвъ отъ насѣкомыхъ, гдѣ разложить дымокуры, и т. д., а наши казаки выгонятъ скотину въ поле, и по русскому обыкновенію, предоставляютъ ее на волю Божію.

Одна изъ важнѣйшихъ причинъ, препятствующихъ развитію земледѣлія во всемъ Уссурійскомъ краѣ, есть излишняя сырость климата, которая, насколько способствуетъ развитію богатой растительности, настолько же препятствуетъ успѣхамъ земледѣлія. Проливные дожди идутъ здѣсь обыкновенно въ іюлѣ, слѣдовательно въ періодъ сбора жатвы, такъ что хлѣбъ гніетъ на корню, и нѣтъ возможности убрать его, какъ слѣдуетъ. Кромѣ того, вода затопляетъ всѣ долины, а вмѣстѣ съ ними и пашни, лежащія на низкихъ мѣстахъ. Такія наводненія случались два

раза на моихъ глазахъ, именно въ іюлѣ 1867 и августѣ 1868 года. Въ послѣднемъ случаѣ, вслѣдствіе проливныхъ дождей, вода, прибывая чрезвычайно быстро, поднялась болѣе чѣмъ на двѣ сажени противъ своего обыкновеннаго уровня [1]), и не только затопила большую часть казацкихъ пашень, но даже и нѣкоторыя станицы, такъ что жители принуждены были, въ это время, жить на чердакахъ. Кромѣ того, вслѣдствіе излишней сырости, въ дождливый періодъ появляется множество гусеницъ, которыя поѣдаютъ на корню хлѣбъ, въ особенности же огородныя овощи. Всѣ эти исторіи повторяются изъ года въ годъ, то въ бóльшей, то въ меньшей степени, и сильно тормозятъ развитіе земледѣлія на Уссури, отбивая у казаковъ всякую охоту къ труду, который часто не даетъ никакого вознагражденія. Однако, если поближе всмотрѣться въ дѣло, то можно видѣть, что неблагопріятныя для земледѣлія климатическія условія далеко не такъ страшны, какъ они кажутся съ перваго раза. Правда, всегдашніе іюльскіе дожди много мѣшаютъ сбору поспѣвшаго хлѣба, но мнѣ кажется, нѣтъ никакой надобности сѣять его такъ рано, чтобы созрѣваніе приходилось именно въ дождливое время. Тѣмъ болѣе, что въ августѣ во всемъ Уссурійскомъ краѣ, по бóльшей части, стоитъ превосходная погода, которая вполнѣ можетъ благопріятствовать и созрѣванію и сбору хлѣба. Поэтому весенній посѣвъ долженъ быть здѣсь производимъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы во время дождей происходило не созрѣваніе, а только ростъ хлѣба, которому эти дожди будутъ тогда скорѣе полезны, нежели вредны. Мѣстные китайцы съумѣли примѣниться къ такимъ условіямъ климата: они засѣваютъ свои поля довольно поздно, и получаютъ превосходную жатву, которую собираютъ въ сентябрѣ, а въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, даже въ началѣ октября. Затѣмъ, вредныя послѣдствія паводненій, истребляющихъ бóльшую часть казацкихъ хлѣбовъ, не только можно, но даже должно устранить разработкою земли на мѣстахъ возвышенныхъ, на что, конечно, потребуется много труда, но за то этотъ трудъ принесетъ уже не гадательные, а вѣрные результаты.

Кромѣ всѣхъ вышеизложенныхъ причинъ, не малую долю вліянія на настоящее грустное положеніе казаковъ имѣли ошибки тѣхъ дѣятелей администраціи, которые руководили какъ самымъ переселеніемъ, такъ и дальнѣйшею судьбою уссурійскихъ казаковъ. Безъ сомнѣнія, слишкомъ крута, уже сама по себѣ, мѣра—

[1]) По измѣреніямъ, произведеннымъ г. Лопатинымъ въ ст. Буссе, вода поднималась здѣсь на $2^1/_2$ сажени надъ уровнемъ зимняго льда.

вырвать человѣка изъ его родины и бросить въ неизвѣстный край, но еще болѣе непохвально деморализировать его, въ конецъ, на новомъ мѣстѣ жительства. Съ уссурійскими казаками случилось именно то и другое: силой, по приказу велѣли имъ бросить родину, а затѣмъ, поселивъ на Уссури, цѣлымъ рядомъ неудачныхъ административныхъ мѣръ, иногда прямо одна другой противоположныхъ, довели это населеніе до полнаго моральнаго упадка, заставили его махнуть на все рукою и апатично покориться своей злосчастной участи.

Такимъ образомъ, съ перваго раза не было обращено достаточно строгаго вниманія на правильную систему земледѣлія, принаровленную къ условіямъ новой страны, на разработку земли въ мѣстахъ незатопляемыхъ, на снабженіе казаковъ необходимыми земледѣльческими орудіями, сѣменами и рабочимъ скотомъ, который хотя многіе изъ нихъ взяли съ собою изъ Забайкалья, но потеряли вслѣдствіе различныхъ случайностей, во время труднаго плаванія на баржахъ внизъ по Амуру.

Между тѣмъ, при недостаткѣ земледѣльческихъ орудій и животно-рабочей силы, казаки, конечно, не могли заняться, какъ слѣдуетъ, трудною разработкою земли на новыхъ мѣстахъ своего поселенія, а принимались пахать тамъ, гдѣ было полегче, т.-е. на лугахъ, гдѣ разлитіе рѣкъ, на первыхъ же порахъ, уничтожало иногда уже поспѣвшую жатву.

Такая неудача съ перваго раза охлаждала послѣднее рвеніе лѣниваго казака, который безъ того уже недружелюбно относился къ новому краю, а теперь потерялъ всякую надежду на пригодность его для земледѣлія: вмѣсто того, чтобы съ усиленною энергіею работать, вновь выбирая мѣста безопасныя отъ наводненій, онъ предавался полной лѣни, хорошо зная, что, за неимѣніемъ собственнаго, получитъ казенное продовольствіе. Такое продовольствіе выдавалось, заимообразно, изъ казенныхъ складовъ, всѣмъ желающимъ казакамъ, которые рады были лѣзть въ долгъ по горло, лишь бы только не работать дома.

Подобная дармовая прокормка, производившаяся притомъ безъ всякаго строгаго разбора дѣйствительно нуждающихся отъ лѣнивыхъ, была одною изъ тѣхъ ошибочныхъ мѣръ, вліяніе которыхъ иногда чувствуется очень далеко.

Правда, въ первые годы заселенія выдача казеннаго продовольствія, для большей части казаковъ, пришедшихъ сюда голышами и не успѣвшихъ еще достаточно обзавестись хозяйствомъ, являлась необходимостію, но такая выдача должна была производиться съ самымъ строгимъ разборомъ, чтобы населеніе видѣло въ ней не потворство своей лѣни, а только временную

помощь дѣйствительной нуждѣ. Нѣсколько лѣтъ сряду дѣла шли подобнымъ образомъ: казаки работали мало, у казны брали очень много, и перебивались черезъ это съ году на годъ.

Наконецъ, видя несостоятельность подобнаго порядка, съ 1866 года круто повернули въ другую сторону. Вездѣ, по станицамъ, былъ учрежденъ строгій надзоръ, требовали, чтобы каждый непремѣнно работалъ, задавали даже работу по урокамъ, а за невыполненіе ихъ наказывали немилосердно.

Такія суровыя мѣры, правда, имѣли результатомъ, что земли было разработано болѣе противъ прежняго, но все-таки онѣ нисколько не улучшили положенія казаковъ, которые большую часть своихъ заработковъ должны были отдавать теперь въ уплату прежде сдѣланнаго долга.

Принудительная, барщинная система и суровыя мѣры, ея сопровождавшія, достигли своего апогея въ 1867 году. У казаковъ забирали не только хлѣбъ, но даже продавали коровъ и лошадей, однимъ словомъ, «выбивали» казенный долгъ, какъ довольно мѣтко они сами выражались. У многихъ брали хлѣбъ еще въ снопахъ, обмолачивали его обществомъ и отдавали въ казну, такъ что иные казаки украдкою молотили свой хлѣбъ на поляхъ, и потихоньку приносили его домой, слѣдовательно воровали у самихъ себя.

Подобныя крайнія мѣры, въ особенности послѣ прежнихъ послабленій, конечно, не могли выгодно отозваться ни на матеріальной, ни на нравственной сторонѣ населенія, среди котораго, въ половинѣ зимы 1867 года, по прежнему, оказалось болѣе тысячи душъ голодныхъ и, въ добавокъ, появилась сильная возвратная горячка, такъ что казна, волею или неволею, должна была выдавать, обратно, забранный съ осени хлѣбъ.

Слѣдующій 1868 годъ прошелъ для казаковъ не лучше прежнихъ лѣтъ. Правда, излишнія строгости и наказанія были уничтожены, но въ бытѣ самого населенія не произошло никакихъ благопріятныхъ перемѣнъ. Сильные дожди и разливы, въ августѣ, уничтожили болѣе чѣмъ на половину собранный хлѣбъ и сѣно, такъ что зимою на Уссури опять начался сильный голодъ, а вмѣстѣ съ нимъ, въ бо́льшей части станицъ, снова появилась возвратная горячка.

Чтобы избѣжать крайнихъ послѣдствій голода, бѣднѣйшимъ казакамъ, по прежнему, начали отпускать по 30 фунтовъ муки въ мѣсяцъ на каждую душу. Но все это въ долгъ и въ долгъ! когда же онъ будетъ выплаченъ? Если уссурійское населеніе, съ самаго своего появленія, не было въ состояніи ни одинъ круглый годъ прокормить само себя, то какимъ же образомъ

оно станетъ платить казенные долги? Или, быть можетъ, все еще надѣются на лучше будущее для казаковъ. Но увы! едвали это будущее можетъ быть лучшимъ. Безъ коренныхъ измѣненій въ самомъ устройствѣ населенія, нѣтъ никакой вѣроятности надѣяться на что-либо болѣе отрадное противъ настоящаго. Десятилѣтній опытъ убѣждаетъ въ этомъ, какъ кажется, довольно сильно. Деморализованное, апатичное и развратное населеніе не можетъ воскреснуть вдругъ, ни съ того ни съ сего. Искусственныя, временныя средства не направятъ его на прямой путь. Худая закваска слишкомъ сильна, и нужны слишкомъ рѣзкія мѣры, чтобы повернуть дѣло въ другую, лучшую сторону. Пусть не надѣются мѣстные администраторы, что новое поколѣніе, выросшее въ новой странѣ, будетъ лучше стараго. Нѣтъ! Оно растетъ при тѣхъ же самыхъ условіяхъ, видитъ тѣже самые примѣры разврата и всякихъ мерзостей, какія совершаютъ его отцы и, воспитываясь въ такой средѣ, конечно, осуждено, современемъ, быть ни чуть не лучше, если только не хуже того, которое сойдетъ въ могилу.

Послѣ всего вышесказаннаго является вопросъ: какія же мѣры могутъ быть приняты, чтобы вывести уссурійское населеніе изъ того безнадежнаго положенія, въ которомъ оно находится въ настоящее время? Положительный отвѣтъ на подобный вопросъ, конечно, весьма затруднителенъ, тѣмъ болѣе, что для его рѣшенія должно быть принято въ соображеніе множество побочныхъ обстоятельствъ, недоступныхъ или ускользнувшихъ отъ частнаго наблюдателя. Поэтому, говоря о мѣрахъ, могущихъ способствовать улучшенію, или даже совершенному измѣненію настоящаго положенія уссурійскихъ казаковъ, я выскажусь въ общихъ чертахъ.

Прежде всего, необходимо дозволить всѣмъ желающимъ казакамъ вернуться обратно въ Забайкалье, и перевезти ихъ туда на казенный счетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что три четверти всего населенія, если только не болѣе, изъявятъ желаніе на обратное переселеніе, но все это будетъ самая голь, дрянь, которая и безъ того составляетъ язву здѣшней страны. Пусть лучше останется вмѣсто пяти тысячъ одна тысяча, даже нѣсколько сотъ, но за то людей, дѣйствительно, работающихъ и зажиточныхъ. Они составятъ основу, зачатки будущей культуры Уссурійскаго края, и конечно эта основа будетъ далеко прочнѣе, хотя и малочисленнѣе той, которая посажена въ немъ въ настоящее время. Если же по какимъ-либо соображеніямъ, или наконецъ по принципу, обратное переселеніе не можетъ быть допущено, то лучше будетъ разселить желающихъ уссурійскихъ

казаковъ по наиболѣе зажиточнымъ станицамъ амурской конной бригады. Нѣсколько семействъ такихъ казаковъ, приписанныхъ къ каждой станицѣ, могли бы, въ случаѣ нужды, получить поддержку со стороны своихъ собратій безъ особеннаго отягощенія для послѣднихъ, а кромѣ того, имѣя постоянно добрый примѣръ передъ глазами, быть можетъ, исподволь сдѣлались бы и сами болѣе энергичными и трудолюбивыми.

Необходимо также удалить изъ края, всѣхъ до единаго, штрафованныхъ солдатъ, которые вносятъ только одни пороки, и безъ того уже проявляющіеся во всевозможныхъ формахъ среди уссурійскаго населенія, и простить всѣ казенные долги, которые и безъ того никогда не получатся, а между тѣмъ, даже прилежные казаки работаютъ неохотно, зная, что если будетъ лишній хлѣбъ, то его возьмутъ въ счетъ прежде забраннаго.

Всѣмъ бѣднымъ, оставшимся здѣсь, казакамъ, слѣдуетъ дать вспомоществованіе лошадьми, рогатымъ скотомъ, сѣменами, земледѣльческими орудіями, и притомъ объявить, чтобы они впредь не ожидали никакой помощи отъ казны, а заботились бы сами о себѣ.

Такъ какъ безопасность прочнаго владѣнія нами Уссурійскимъ краемъ уже достаточно установилась, то, мнѣ кажется, нѣтъ никакой необходимости заселять Уссурію непремѣнно казачьимъ населеніемъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь граница вполнѣ обезпечена безлюдностью и непроходимостью прилежащихъ частей Манчжуріи. Опытъ 1868 года показалъ, что если и можетъ намъ грозить какая-либо опасность, то всего скорѣе въ пространствѣ между озеромъ Ханка и заливомъ Поссьета, гдѣ наша граница вездѣ удободоступна и совершенно открыта. Притомъ, съ учрежденіемъ конной казачьей сотни, которая будетъ постоянно содержать разъѣзды въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, подобная опасность и здѣсь уже достаточно гарантирована.

Принимая въ соображеніе всѣ эти обстоятельства, мнѣ кажется возможнымъ обратить въ крестьянъ тѣхъ казаковъ, которые пожелаютъ остаться на Уссури, и которые, будучи, такимъ образомъ, освобождены отъ всякой службы и всякаго военнаго значенія, могутъ успѣшнѣе сдѣлаться хорошими земледѣльцами,

Наконецъ, слѣдуетъ стараться привлечь на Уссури крестьянское населеніе, конечно болѣе пригодное, нежели казаки, къ первоначальной колонизаціи страны. Пусть оно разселится между оставшимися станицами, займетъ мѣста, гдѣ угодно, и своимъ добрымъ примѣромъ внесетъ благіе зачатки туда, гдѣ въ настоящее время процвѣтаютъ одни пороки и апатія ко всякому честному труду.

Поселенія крестьянъ раскинуты въ бассейнѣ озера Ханка и на побережьи Японскаго моря.

Такихъ поселеній 12 [1]) и въ нихъ живетъ 214 семействъ въ числѣ 1,259 душъ обоего пола [2]).

Эти крестьяне пришли сюда изъ Россіи, въ различное время и изъ различныхъ губерній, преимущественно Астраханской, Воронежской, Тамбовской, Пермской и Вятской. Нѣкоторые изъ нихъ прямо попали на свои настоящія мѣста, другіе жили первоначально нѣсколько лѣтъ на Амурѣ, а потомъ уже перекочевали въ Южно-Уссурійскій край.

Самыя обширныя и лучшія, по своему благосостоянію, деревни лежатъ на западныхъ берегахъ озера Ханка, и въ степной полосѣ, которая широко раскинулась между юго-западною оконечностію этого озера и р. Суйфуномъ.

Первая изъ этихъ деревень, какъ по давности своего основанія, такъ и по благосостоянію жителей, есть *Турій-Рогъ* или *Воронежская*, расположенная въ сѣверо-западномъ углу озера Ханка, въ двухъ верстахъ устья отъ пограничной рѣки Селенъ-Хэ [3]).

Эти крестьяне пришли на Амуръ, въ 1860 году, изъ губерній Воронежской, Тамбовской и Астраханской, и были первоначально поселены на лѣвомъ его берегу, верстахъ въ двадцати ниже устья Уссури. Затѣмъ, когда это мѣсто оказалось негоднымъ, потому что его заливаетъ водою, тогда черезъ годъ ихъ перевели на правую сторону Амура; но когда и здѣсь разлитіе рѣки затопило всѣ пашни, тогда, уже въ 1862 году, этихъ крестьянъ поселили на сѣверо-западномъ берегу озера Ханка, тамъ гдѣ они живутъ въ настоящее время.

Мѣстность, на которой расположена ихъ деревня, представляетъ собою холмистую степь, съ суглинистою и черноземною почвою, покрытою чрезвычайно разнообразною травою. Благодаря такой удобной мѣстности, крестьяне распахали уже достаточное количество земли (239 десят.), на которой засѣваютъ различные хлѣба, и получаютъ хорошій урожай, такъ что даже имѣютъ возможность продавать ежегодно небольшой излишекъ.

Кромѣ того въ самой деревнѣ находятся обширные огороды, а на поляхъ устроены бакчи, на которыхъ сѣются арбузы и

---

[1]) Поселеніе, въ которомъ также живетъ нѣсколько крестьянскихъ семействъ, есть постъ Камень-Рыболовъ, на юго-зап. берегу озера Ханка, мѣсто расположенія 3-го линейнаго баталіона.

[2]) Въ томъ числѣ собственно крестьянъ 1,160 человѣкъ обоего пола, 633 мужч. и 517 женщинъ; поселенцевъ 54 души и отставныхъ солдатъ 34 съ 21 женщиною.

[3]) Въ этой деревнѣ считается 32 двора, въ которыхъ обитаетъ 241 душа обоего пола.

дыни. Послѣднія родятся довольно хорошо, но арбузы далеко не дают такихъ великолѣпныхъ плодовъ, какъ напримѣръ, въ Астраханской губерніи, откуда крестьяне принесли съ собою сѣмена.

Кромѣ того, бурундуки, которыхъ на озерѣ Ханка безчисленное множество, сильно портятъ всѣ плоды вообще, а арбузы и дыни въ особенности. Они прогрызаютъ въ нихъ съ боку дырки и достаютъ сѣмена, до которыхъ чрезвычайно лакомы. Такая операція обыкновенно производится передъ самымъ созрѣваніемъ плода, и никакіе караулы не помогаютъ, потому что звѣрекъ пробирается тихомолкомъ, ночью, и въ то время, когда сторожъ ходитъ на одномъ концѣ огорода или бакчи, онъ спокойно работаетъ на другомъ.

Скотоводство у жителей деревни Турій-Рогъ развивается также довольно обширно, благодаря степной мѣстности, представляющей на каждомъ шагу превосходныя пастбища.

Изъ скота крестьяне всего болѣе содержатъ быковъ, на которыхъ здѣсь производится обработка полей. Сверхъ того быкъ служитъ какъ упряжное животное, такъ что лошадей здѣсь сравнительно немного. Наконецъ, овцеводство также начинаетъ развиваться, находя на здѣшнихъ степяхъ всѣ выгодныя условія, которыхъ нѣтъ на самой Уссури. Вообще, принявшись съ энергіею за устройство своего быта, жители деревни Турій-Рогъ уже достигли того, что имѣютъ почти всѣ необходимыя домашнія обзаведенія, живутъ довольно хорошо, и въ будущемъ могутъ надѣяться еще на бо̀льшее довольство.

Двѣ другія деревни, расположенныя на западномъ берегу Ханка — *Троицкая* и *Астраханская* [1]) гораздо моложе Турьяго-Рога, по времени своего существованія. Первая изъ нихъ основана въ 1866 году, а вторая только въ началѣ 1868 года, крестьянами изъ губерній Астраханской и Воронежской.

Обитатели деревни Троицкой жили первоначально на Амурѣ, верстахъ въ двухъстахъ ниже г. Благовѣщенска и уже, вторично, перекочевали на Ханка, соблазнившись разсказами о плодородіи здѣшнихъ мѣстностей.

Вообще громкіе, и часто преувеличенные, слухи о богатствахъ Южно-Уссурійскаго края заставляютъ крестьянъ, поселенныхъ на Амурѣ, бросать уже обсиженныя мѣста и ежегодно, по нѣсколько десятковъ семействъ отправляться на озеро Ханка.

---

[1]) Дер. Троицкая расположена возлѣ устья р. Сіянъ-хэ, а дер. Астраханская верстахъ въ десяти далѣе къ югу. Въ первой 20 дворовъ и 120 душъ обоего пола; во второй же 30 дворовъ и 205 душъ.

Но этотъ переходъ не представляетъ и сотой доли тѣхъ трудностей, которыя приходилось терпѣть имъ, идя на обѣтованный Амуръ изъ Россіи. Теперь, при переселеніи на Ханка и вообще по Амуру, крестьянъ обыкновенно перевозятъ на баржахъ, буксируемыхъ пароходами, такъ что переселенцы могутъ брать съ собою скотъ, телѣги, плуги и прочія хозяйственныя принадлежности.

Постъ Камень-Рыболовъ, единственное мѣсто, гдѣ пристаютъ пароходы, плавающіе по озеру Ханка [1]), есть вмѣстѣ съ тѣмъ и пунктъ высадки новыхъ поселенцовъ.

Обыкновенно, по прибытіи сюда, нѣсколько человѣкъ изъ нихъ отправляются розыскивать удобныя для поселенія мѣстности.

Хотя вся степная полоса, раскинувшаяся въ длину на цѣлую сотню верстъ, между озеромъ Ханка и рѣкою Суйфуномъ, представляетъ на каждомъ шагу такія мѣста, но уже по привычкѣ, сродной русскому крестьянину, вновь прибывшіе долго затрудняются выборомъ новаго пункта. Въ одномъ мѣстѣ кажись и хорошо, луговъ, полей много, да мало воды, въ другомъ до лѣса далеко и т. д.; перебирая подобнымъ образомъ, долго колеблются крестьяне въ выборѣ мѣста, долго совѣтуются между собою и наконецъ рѣшаютъ, или поселиться въ одной изъ деревень, уже существующихъ, или основать новую.

Замѣчательно, что даже здѣсь, гдѣ на квадратную милю едвали придется три, четыре человѣка осѣдлаго населенія, и здѣсь уже крестьяне начинаютъ жаловаться на тѣсноту и на то, что прибывшіе ранѣе ихъ заняли самыя лучшія мѣста.

Возвращаясь затѣмъ къ деревнямъ Астраханской и Троицкой, слѣдуетъ сказать, что первая изъ нихъ почти не уступаетъ Турьему-Рогу по благосостоянію своихъ жителей. Въ особенности богато живутъ нѣсколько семействъ молоканъ, которые принесли сюда, изъ Россіи, свое трудолюбіе и свои религіозныя убѣжденія.

Въ тоже время у крестьянъ дер. Троицкой, основанной еще такъ недавно, сразу замѣтно меньшее довольство, нежели у обитателей деревни Астраханской или Турьяго-Рога. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что черезъ нѣсколько лѣтъ и эти крестьяне обстроятся какъ слѣдуетъ и заживутъ ничуть не хуже своихъ сосѣдей, которые также много потерпѣли при первоначальномъ обзаведеніи.

Кромѣ хлѣбопашества и скотоводства, рыбный промыселъ

[1]) Одно изъ важныхъ неудобствъ, представляемыхъ озеромъ Ханка, для плаванія, заключается въ отсутствіи заливовъ, удобныхъ для пристанища пароходовъ, что особенно невыгодно при извѣстной бурливости этого озера.

можетъ доставить большія выгоды крестьянамъ, живущимъ по берегамъ озера Ханка, чрезвычайно богатаго различною рыбою. До сихъ поръ этотъ промыселъ начинаетъ появляться только въ дер. Астраханской, жители которой, будучи рыбаками еще на родинѣ, успѣли уже обзавестись большимъ неводомъ. Нужно замѣтить, что для ловли этимъ снарядомъ лучшаго мѣста, какъ озеро Ханка, трудно даже и представить, такъ какъ, при небольшой глубинѣ, оно вездѣ имѣетъ дно песчано-илистое и гладкое какъ полъ; притомъ постоянно мутная вода также много помогаетъ успѣху ловли. Крестьяне занимаются ею во всякое свободное отъ полевыхъ работъ время, всего чаще по праздникамъ, или наканунѣ ихъ.

Ловъ всегда производится на одномъ и томъ же мѣстѣ, возлѣ дер. Астраханской, и способъ его самый простой. Обыкновенно завозятъ на лодкѣ неводъ на полверсты въ озеро, потомъ спускаютъ его тамъ, и на веревкахъ тянутъ полукругомъ къ берегу.

За одну такую тоню вытаскиваютъ обыкновенно 3—7 пудовъ разной рыбы, а при счастіи пудовъ десять, или даже того болѣе.

Самое лучшее время для ловли неводомъ бываетъ, по разсказамъ крестьянъ, весною и осенью, когда рыба во множествѣ приближается къ берегамъ. Зимою рыбной ловли вовсе не производится.

Въ самой южной части степной полосы расположены еще двѣ нашихъ деревни: *Никольская* и *Суйфунская*. Впрочемъ, послѣдняя составляетъ не болѣе какъ выселокъ изъ первой, и лежитъ отъ нея въ разстояніи пяти верстъ на берегу рѣки Суйфуна.

Суйфунское селеніе весьма небольшое и состоитъ изъ 5-ти дворовъ, между тѣмъ какъ въ Никольскомъ считается 47 дворовъ, и въ обѣихъ деревняхъ 313 душъ обоего пола. Какъ Никольская, такъ и Суйфунская основаны, въ 1866 году, одновременно съ селеніемъ Астраханскимъ и выходцами изъ тѣхъ же самыхъ губерній, т.-е. Астраханской и Воронежской. Но здѣшнимъ крестьянамъ съ перваго раза не повезло, и въ маѣ 1868 года, обѣ деревни были сожжены партіею китайскихъ разбойниковъ (хунъхузовъ), ворвавшихся въ наши предѣлы.

Однако, несмотря на недавній погромъ, Никольская и Суйфунская уже успѣли немного оправиться и даже расшириться, такъ какъ въ томъ же 1868 году сюда перекочевали крестьяне, жившіе первоначально на верхней Уссури и Дауби-хэ [1]).

Во всякомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, что Никольское селеніе въ скоромъ времени достигнетъ полнаго благосостоянія, чему

---

[1]) Въ деревняхъ Романовкѣ и Сысоевкѣ.

лучшимъ ручательствомъ служитъ трудолюбивая энергія ея обитателей съ одной стороны, и прекрасная мѣстность съ другой.

Дѣйствительно, обширная, немного всхолмленная степь съ весьма плодородною черноземною и суглинистою почвою, представляетъ здѣсь, на каждомъ шагу, отличныя луга и пашни; двѣ небольшія рѣчки: *Чагоу и Тундагоу* и наконецъ въ пяти верстахъ рѣка Суйфунъ; кромѣ того, обиліе лѣса возлѣ послѣдней рѣки—все это такія выгодныя условія, что нѣтъ сомнѣнія въ быстромъ развитіи Никольской, даже въ недалекомъ будущемъ, въ особенности если состоится предполагаемое передвиженіе сюда, изъ поста Камень-Рыболовъ, штаба 3-го линейнаго баталіона.

Вблизи описываемой деревни находятся замѣчательные остатки двухъ старинныхъ земляныхъ укрѣпленій, которыя, впрочемъ, попадаются изрѣдка и въ другихъ частяхъ нашего Южно-Уссурійскаго края.

Первое изъ этихъ укрѣпленій лежитъ верстахъ въ трехъ отъ деревни и представляетъ правильный четыреугольникъ, бока котораго расположены по странамъ свѣта. Каждый изъ этихъ боковъ имѣетъ около версты длины, и состоитъ изъ земляного вала, сажени двѣ съ половиною вышины, со рвомъ впереди.

Внутреннее пространство укрѣпленія представляетъ мѣстность совершенно ровную, и только съ западной стороны здѣсь придѣлана небольшая земляная насыпь. Сверхъ того, саженяхъ въ пятидесяти впереди южнаго бока, устроенъ небольшой земляной квадратъ, вѣроятно для боковой обороны.

Другое укрѣпленіе лежитъ всего въ полверстѣ отъ деревни, и не представляетъ правильнаго четыреугольника, хотя въ общемъ своемъ очертаніи все-таки напоминаетъ подобную фигуру. Валъ этого укрѣпленія имѣетъ три сажени вышины, но рва впереди его нѣтъ вовсе. Какъ бы взамѣнъ этого рва, въ самомъ валу сдѣлано много выдающихся частей.

Внутри второго укрѣпленія находится много небольшихъ возвышеній, въ родѣ кургановъ, на которыхъ иногда лежатъ остатки кирпичей, а въ одномъ мѣстѣ стоятъ двѣ каменныя плиты съ нѣсколькими продѣланными въ нихъ дырками.

Кромѣ того, по дорогѣ къ дальнему укрѣпленію, въ полуверстѣ отъ нашего селенія, на небольшомъ бугоркѣ, лежитъ высѣченное изъ красноватаго гранита грубое изображеніе черепахи, имѣющее семь футовъ въ длину, шесть въ ширину, и три въ толщину. Рядомъ съ нею, валяется каменная плита, которая, какъ видно по углубленію въ спинѣ черепахи, была вставлена сверху.

Эта плита сдѣлана изъ мрамора и имѣетъ около восьми

футъ длины; тутъ же лежитъ отбитая ея верхушка, съ изображеніемъ дракона.

Въ самой деревнѣ стоятъ, найденныя въ лѣсу, два каменныхъ грубыхъ изображенія какихъ-то животныхъ, величиною въ большую собаку.

Кому принадлежали всѣ эти обдѣланные камни и укрѣпленія? Нѣкоторые относятъ ихъ къ XII вѣку по Р. Х., ко временамъ династіи Нюжчень, которая въ то время владычествовала въ Южной Манчжуріи, но мнѣ кажется, что такое предположеніе не болѣе какъ гадательное. Позднѣйшія археологическія изысканія, вѣроятно, прольютъ бо́льшій свѣтъ на этотъ предметъ, и разъяснятъ намъ темную исторію этой страны, которая долго была мѣстомъ кровавыхъ столкновеній, сначала корейскихъ (гаолійскихъ), а потомъ манчжурскихъ племенъ съ китайцами, и здѣсь, нѣсколько разъ, смѣнялось владычество тѣхъ и другихъ.

Во всякомъ случаѣ, съ большею достовѣрностію можно предполагать, что нѣкогда на этихъ, теперь пустынныхъ мѣстностяхъ, были не одни военные лагери, но и пункты постоянной осѣдлости, быть можетъ даже города.

Подтвержденіемъ такому предположенію служатъ изсѣченія изъ камня, которыя конечно не были бы сдѣланы въ мѣстахъ временной стоянки; тѣмъ болѣе что гранитъ, изъ котораго высѣчена черепаха, приходилось везти издалека, такъ какъ этотъ камень, сколько извѣстно, не встрѣчается въ ближайшихъ частяхъ Суйфуна.

Но давно, очень давно совершилось все это, такъ что между нынѣшнимъ скуднымъ населеніемъ не осталось даже никакихъ положительныхъ преданій о тѣхъ временахъ....

Остальныя крестьянскія поселенія нашего Южно-Уссурійскаго края расположены по самому берегу Японскаго моря, въ слѣдующемъ порядкѣ: *Шкотова* на устьѣ р. Цыму-хэ, въ вершинѣ Уссурійскаго залива [1]), *Александровская и Владимірская* на рѣкѣ Сучанѣ [2]) впадающей въ заливъ Америка; наконецъ *Новинки*, *Фудинъ*, *Арзамасовка* и *Пермская* [3]) возлѣ гавани Св. Ольги.

---

[1]) Дер. Шкотова также была сожжена китайскими разбойниками весною 1868 г., но потомъ опять возобновлена.

[2]) Въ двѣнадцати верстахъ отъ ея устья.

[3]) Число дворовъ и жителей въ этихъ деревняхъ слѣдующее:

	Число дворовъ.	Мужч.	Женщ.
1. *Шкотова*	6	25	16
2. *Александровская* . .	7	8	8
3. *Владимірская* . . .	5	15	12
4. *Новинки*	25	68	68

Изъ всѣхъ этихъ деревень только одна, Новинки, лучшая какъ по своей величинѣ, такъ и въ особенности по благосостоянію своихъ жителей. Остальныя же, вообще, не могутъ похвалиться въ этомъ отношеніи, частію по неудобству мѣстности, на которой расположены, болѣе же всего по безпечности и лѣни своихъ обитателей, среди которыхъ встрѣчается много поселенцевъ, т.-е. каторжниковъ, выслужившихъ срокъ своихъ работъ, и отставныхъ солдатъ, добровольно оставшихся на жительство въ здѣшнемъ краѣ.

Бытъ собственно крестьянъ здѣсь, на далекой чужбинѣ, тотъ же самый какъ и въ Россіи, откуда переселенцы принесли съ собою всѣ родимыя привычки, повѣрья и примѣты.

Всѣ праздники, съ различными къ нимъ приложеніями, исполняются ими также аккуратно, какъ бывало на родинѣ, и каждое воскресенье, въ деревняхъ, можно видѣть наряженныхъ парней и дѣвокъ, которые спѣшатъ къ обѣдни въ церковь, тамъ гдѣ она уже выстроена [1].

Затѣмъ, въ праздничные дни, послѣ обѣда, въ хорошую погоду, какъ тѣ такъ и другія, нарядившись, прогуливаются по улицѣ, или сидятъ на завалинахъ у своихъ домовъ. Однако пѣсни случается слышать очень рѣдко; видно, крестьяне еще дичатся на чужой сторонѣ.

Что же касается до воспоминаній о родинѣ, то крестьяне теперь уже нисколько объ ней не тоскуютъ.

«Правда, сначала, особенно дорогою было немного грустно, а теперь Богъ съ нею, съ родиною» обыкновенно говорятъ они: «что тамъ? земли мало, тѣснота, а здѣсь видишь какой просторъ: живи гдѣ хочешь, паши гдѣ знаешь, лѣсу тоже вдоволь, рыбы и всякаго звѣря множество; чего же еще надо? А дастъ Богъ обживемся, поправимся, всего будетъ вдоволь, такъ мы и здѣсь Россію сдѣлаемъ», говорятъ не только мужчины, но даже и ихъ благовѣрныя хозяйки.

Что же касается до самого переселенія сюда изъ Россіи, то дальняя дорога, въ которой крестьяне бываютъ обыкновенно отъ 2-хъ до 3-хъ лѣтъ, вообще весьма сильно отзывается на ихъ матеріальныхъ средствахъ.

Вспомоществованіе, даваемое заимообразно отъ казны [2] (день-

---

5. *Фудинъ*	15	28	25
6. *Арзамасовка* . . .	5	21	13
7. *Пермская*	8	21	13

[1] Церкви находятся въ Турьемъ-Рогѣ и на посту Камень-Рыболовъ возлѣ дер. Астраханской; кромѣ того во Владивостокѣ и гавани св. Ольги.

[2] Впрочемъ, такое вспомоществованіе дается, въ Южно-Уссурійскомъ краѣ,

гами по сту рублей на каждое семейство и продовольствіемъ въ теченіи перваго года) какъ нельзя болѣе необходимо. Оно помогло многимъ изъ нихъ обзавестись хозяйствомъ и зажить довольно порядочно, даже хорошо. Правда, нѣкоторыя деревни еще не оправились до сихъ поръ, но въ этомъ виноваты частію сами ихъ обитатели, частію же невыгодныя условія мѣстностей, на которыхъ они поселились.

Такимъ образомъ, во всѣхъ деревняхъ, расположенныхъ на побережьи Японскаго моря, сильные лѣтніе туманы, обыкновенно господствующіе здѣсь въ іюлѣ, вмѣстѣ съ дождями, много вредятъ созрѣванію раннихъ хлѣбовъ. Впрочемъ, такіе туманы всего сильнѣе бываютъ въ самой береговой полосѣ, замѣтно слабѣютъ съ удаленіемъ внутрь страны, и еще рѣже показываются на западномъ склонѣ Сихотэ-Алиня.

Количество всей обработанной, собственно крестьянами, земли составляетъ 962 десятины, слѣдовательно около 0,8 на каждую душу вообще. Хотя, конечно, такое число ничтожно въ сравненіи съ громаднымъ пространствомъ цѣлаго края, но это зачатки будущей культуры, которая широко можетъ развиться, въ особенности въ степной полосѣ Южно-Уссурійскаго края.

Во всякомъ случаѣ, вся будущность этого края, какъ страны земледѣльческой, заключается, насколько уже показываетъ опытъ, не въ поселенныхъ тамъ казакахъ, или тѣмъ менѣе инородцахъ, а исключительно въ крестьянахъ, отъ большаго или меньшаго прилива которыхъ изъ Россіи будетъ зависѣть и самый ходъ колонизаціи.

Но для привлеченія такихъ переселенцевъ, мнѣ кажется, прежде всего слѣдуетъ улучшить самый способъ передвиженія ихъ съ родины на новыя мѣста.

Въ настоящее время, крестьяне, идущіе изъ Россіи на Амуръ бываютъ въ пути обыкновенно два, даже три года, терпятъ всевозможныя невзгоды и, уже окончательно истощившись въ своихъ матеріальныхъ средствахъ, являются, наконецъ, на избранныя мѣстности.

Между тѣмъ, еслибы доставка на Амуръ этихъ переселенцевъ происходила путемъ водянымъ, т.-е. кругомъ свѣта, то на проѣздъ тратилось бы только шесть или семь мѣсяцевъ, такъ какъ судно, выходящее изъ Кронштадта въ сентябрѣ или октябрѣ, является здѣсь обыкновенно въ маѣ. Притомъ же, всѣ пожитки, забранныя съ собою крестьянами, могли бы бла-

---

только тѣмъ крестьянамъ, которые пришли сюда прямо изъ Россіи; тѣ же, которые перекочевываютъ съ Амура, не получаютъ означеннаго пособія, такъ какъ они уже пользовались имъ по приходѣ на Амуръ.

гополучнѣе достигать новаго мѣста, а вмѣстѣ съ тѣмъ переселенцы сохраняли бы значительное количество собственныхъ денегъ, которыя они теперь тратятъ на продовольствіе во время пути, такъ какъ отпускаемыхъ отъ казны порціоновъ[1]) не вездѣ бываетъ достаточно.

Наконецъ, если по какимъ бы то ни было соображеніямъ, о морской перевозкѣ не можетъ быть и рѣчи, то слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, хотя на Амурѣ имѣть пароходъ, спеціально предназначенный для буксировки баржъ съ переселенцами, отъ г. Срѣтенска, вдоль по Амуру и по Уссури на озеро Ханка.

Правда, въ настоящее время переселенцы также возятся здѣсь на пароходахъ, но, при отсутствіи правильныхъ рейсовъ, они часто подолгу ждутъ то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, и тратятъ на переѣздъ отъ Срѣтенска на озеро Ханка почти цѣлое лѣто. Притомъ же, являясь сюда осенью, они не имѣютъ уже времени ни распахать земли для посѣва, ни заготовить сѣна для корма скота въ наступающую зиму, а черезъ это, обыкновенно, бываютъ поставлены въ самое затруднительное положеніе.

Между тѣмъ, еслибы имѣлся на Амурѣ пароходъ, спеціально предназначенный для перевозки переселенцевъ, то они совершали бы весь свой переѣздъ менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ, и, отправляясь изъ Срѣтенска, напримѣръ, въ началѣ мая, въ іюнѣ были бы уже на мѣстѣ, слѣдовательно могли бы тотчасъ же приступить къ различнымъ работамъ.

Вмѣстѣ съ крестьянами, въ деревняхъ нашего Южно-Уссурійскаго края, живутъ еще, какъ земледѣльцы, такъ-называемые поселенцы, т.-е. каторжники, выслужившіе срокъ своихъ работъ, и отставные солдаты, или матросы, оставшіеся здѣсь добровольно на вѣчныя времена.

Число первыхъ, т.-е. поселенцевъ равняется 54 [2]) (27 мужчинъ и 27 женщинъ); они живутъ особою деревнею Александровскою на Сучанѣ, и между крестьянами въ деревняхъ Шкотова, Новинки и Пермская. Немного можно сказать утѣшительнаго про этихъ людей вообще. Будучи, по бо́льшей части, нравственно испорченными, привыкшіе, въ теченіи долгихъ лѣтъ своей ссылки, къ самому строгому присмотру и требованіямъ, но, увидавъ теперь себя свободными, они, обыкновенно, даютъ полный про-

---

[1]) Порціоны всѣмъ переселяющимся крестьянамъ выдавались прежде во время пути различно, по губерніямъ, также какъ, напримѣръ, безсрочно-отпускнымъ солдатамъ. Въ настоящее время, кажется, порціоновъ уже не выдаютъ и крестьяне продовольствуются на собственный счетъ.

[2]) Эта цифра была къ 1-му января 1868 г.; впрочемъ послѣ того она едвали увеличилась, развѣ на нѣсколько человѣкъ.

сторъ своимъ порочнымъ склонностямъ и, за весьма немногими исключеніями, дѣлаются тѣми же, какими были прежде.

Разумѣется, при такихъ условіяхъ невозможно быть хорошимъ земледѣльцемъ и, дѣйствительно, между всѣми поселенцами очень рѣдко можно встрѣтить хотя сколько-нибудь трудолюбиваго человѣка. Бо́льшая же часть изъ нихъ перебивается кое-какъ, и весьма мало заботятся о завтрашнемъ днѣ.

Не лучшій отзывъ можно сдѣлать и объ отставныхъ солдатахъ, или матросахъ, добровольно оставшихся на жительство въ этомъ краѣ и поселившихся, частію во Владивостокѣ, гаваняхъ Новгородской и св. Ольги, частію же между крестьянами въ деревняхъ: Турій-Рогъ, Никольская, Шкотова, Фудинъ, Арзамасовка и на постѣ Камень-Рыболовъ. Къ счастію, число солдатъ, живущихъ между крестьянами, не велико, всего 34 человѣка съ 21 женщинами; да изъ этого числа, только 18 живутъ отдѣльными дворами, остальные же или нанимаются въ работники, или просто шатаются безъ всякой опредѣленной цѣли.

Хотя закономъ и положено, чтобы ближайшіе начальники ручались за поведеніе остающихся на жительство солдатъ, но такой законъ одна мертвая буква, которая никогда не исполняется, потому что изъ числа этихъ солдатъ, по крайней мѣрѣ двѣ трети отъявленные негодяи, оставшіеся здѣсь только затѣмъ, чтобы получить и промотать 130 руб., которые выдаютъ всѣмъ имъ на первоначальное обзаведеніе хозяйствомъ. Многіе изъ нихъ, тотчасъ же по полученіи, проматываютъ эти деньги до послѣдней копѣйки, являются на избранное мѣсто жительства нищими, и, такимъ образомъ, вносятъ одинъ развратный пролетаріатъ въ наши, только-что начинающія возникать, колоніи.

Что же касается вообще до способности отставныхъ солдатъ къ земледѣлію, то объ этомъ, конечно, нечего и распространяться. Дѣло слишкомъ ясно само по себѣ. Скажу только, что, за исключеніемъ четырехъ или пяти, хотя сколько-нибудь прилежныхъ солдатскихъ семействъ, остальные воздѣлываютъ обыкновенно по одной десятинѣ земли, или даже того менѣе, а нѣкоторые не имѣютъ ни одного распаханнаго клочка «по непривычкѣ къ такой работѣ», какъ они сами выражаются.

Изъ числа солдатъ, живущихъ внѣ деревень, болѣе всего поселилось во Владивостокѣ [1]). Немногіе изъ нихъ занимаются различнымъ мастерствомъ, бо́льшая же часть ничего не дѣлаетъ, и ничуть не лучше своихъ собратій, поселившихся въ дерев-

[1]) Цифру солдатъ, обитающихъ внѣ деревень, я не могъ узнать положительно. По всему вѣроятію, это число, если не болѣе, то уже никакъ не менѣе того, которое показано для деревень.

нихъ. Такимъ образомъ, въ посту св. Ольги находится пять солдатскихъ дворовъ (четыре съ 1862 года и одинъ съ 1864 года), обитатели которыхъ поселились, какъ земледѣльцы; но всѣми ими, къ 1-му января 1868 года, было разработано только $^3/_4$ десятины земли.

Такіе факты, мнѣ кажется, ясно указываютъ, что поселеніе отставныхъ солдатъ въ краѣ приноситъ для него одно зло, но никакъ не пользу, тѣмъ болѣе, что оно дорого стоитъ правительству, выдающему, какъ сказано выше, 130 руб. каждому, остающемуся здѣсь солдату. Это-то пособіе и составляетъ главную приманку для всѣхъ негодяевъ, готовыхъ за деньги продать себя на какое угодно дѣло.

Можно утвердительно сказать, что когда выдача денегъ прекратится, то гораздо менѣе будетъ оставаться здѣсь солдатъ на жительство; но за то, если, въ данномъ случаѣ, правительство проиграетъ въ количествѣ, такъ навѣрное выиграетъ въ качествѣ, потому что будутъ оставаться только люди, дѣйствительно желающіе трудиться и заработать себѣ кусокъ хлѣба. Пособіе имъ можно давать не деньгами, а различными предметами, необходимыми для первоначальнаго обзаведенія хозяйствомъ, какъ-то: скотомъ, сѣменами, земледѣльческими орудіями, или наконецъ выдавать тѣже самыя деньги, но только въ видѣ преміи за разработку извѣстнаго количества земли, за усердное занятіе какимъ-либо промысломъ или мастерствомъ и т. п.

Притомъ же, есть еще одно, весьма важное обстоятельство; препятствующее благосостоянію многихъ солдатъ и поселенцевъ—это ихъ безсемейная жизнь. Дѣйствительно, можетъ ли хорошо идти хозяйство у человѣка одинокаго, даже при всемъ желаніи съ его стороны? Кромѣ того, семейная жизнь всегда благодѣтельно дѣйствуетъ и на нравственную сторону человѣка. Придя съ тяжелой работы домой, семьянинъ можетъ свободно вздохнуть въ кругу жены и дѣтей, любовь къ которымъ заставляетъ его трудиться цѣлые дни. Одинокій же солдатъ, или поселенецъ не знаетъ ничего этого; не для кого ему особенно трудиться, нѣтъ у него семейства, съ которымъ онъ могъ бы подѣлить радость, или горе и, поневолѣ, бросается такой горемыка въ крайность, изъ которой для него уже нѣтъ возврата. Жениться же здѣсь, при большомъ недостаткѣ женщинъ, весьма трудно, да притомъ крестьянинъ и не отдастъ свою дочь за человѣка, пользующагося въ его глазахъ самою дурною репутаціею.

Въ заключеніе, обращаясь къ мѣстностямъ, удобнымъ для будущихъ поселеній, я могу сказать, что въ этомъ отношеніи, на первомъ планѣ, должны стоять Ханкайскія степи и Сучанская долина.

Первыя, т.-е., степи, раскинулись между юго-западною оконечностію озера Ханка и р. Суйфуномъ, болѣе чѣмъ на сто верстъ въ длину и отъ 25 — 40 въ ширину. На востокѣ онѣ ограничиваются болотистыми равнинами рѣки Лэфу, а на западѣ, мало-по-малу, переходятъ въ гористую область верхняго теченія рр. Мо и Сахэзы.

На всемъ, вышеозначенномъ пространствѣ, только двѣ болотистыя долины, средняго и нижняго теченія этихъ рѣкъ, нѣсколько нарушаютъ однообразіе мѣстности, представляющей или обширные луга, или холмы, покрытые мелкимъ дубнякомъ и лещиною, съ рощами дуба и черной березы.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ, на водораздѣлѣ Мо и Сахэзы, мѣстность принимаетъ даже гористый характеръ, но вскорѣ степь опять беретъ свое, и на десятки верстъ разстилается широкою, волнистою гладью [1].

Травяной покровъ всей этой степи являетъ чрезвычайное разнообразіе, совершенно противоположное тому однообразію растительности, которая покрываетъ болотистыя равнины на Уссури и Сунгачѣ. Достигая невысокаго (1—2 фут.) роста, и не представляя тѣхъ громадныхъ, непроходимыхъ зарослей, которыя характеризуютъ уссурійскіе и сунгачинскіе луга, эта трава въ высшей степени удобна для корма скота, такъ что здѣсь современемъ, кромѣ земледѣлія, обширно можетъ развиться и скотоводство.

Вообще, Ханкайскія степи есть самое лучшее, во всемъ Уссурійскомъ краѣ, мѣсто для нашихъ будущихъ поселеній. Не говоря уже про плодородную черноземную, или суглинистую почву, не требующую притомъ особеннаго труда для первоначальной разработки, про обширныя прекрасныя пастбища, важная выгода заключается въ томъ, что степи не подвержены наводненіямъ, которыя вездѣ на Уссури дѣлаютъ такую огромную помѣху земледѣлію. Правда, есть одинъ недостатокъ этихъ степей—именно малое количество воды, — но его можно устранить, копая колодцы, или запрудивъ небольшіе, часто пересыхающіе, ручейки въ лощинахъ и чрезъ то образовать тамъ пруды.

Долина Сучана, по своему плодородію, едвали не превосходитъ степную полосу. Эта долина имѣетъ верстъ шестьдесятъ въ длину, при средней ширинѣ 2—4 верстъ, и почву черноземную, чрезвычайно плодородную. Однако и у нея есть недоста-

---

[1]) Замѣчательно, что въ южной части степной полосы, на водораздѣлѣ, между бассейномъ озера Ханка и р. Суйфуна, впадающаго уже прямо въ Японское море, проходящій здѣсь хребетъ Сихотэ-Алинь до того не высокъ, что почти совершенно не измѣняетъ характера степи, лежащей по обѣ его стороны. Вообще, сколько до сихъ поръ извѣстно, главная ось этого хребта много ниже боковыхъ его отроговъ.

токъ, общій, впрочемъ, всему морскому побережью, — именно обиліе лѣтнихъ тумановъ, препятствующихъ правильному вызрѣванію раннихъ хлѣбовъ, такъ что земледѣліе болѣе успѣшно можетъ здѣсь идти въ верхнемъ и среднемъ теченіи рѣки, гдѣ вредъ отъ тумановъ гораздо менѣе ощутителенъ.

Что же касается до другихъ мѣстностей, удобныхъ для заселенія, то хотя долины береговыхъ рѣкъ Японскаго моря, каковы: Седеми, Манчугай, Суйфунъ, Цыму-хэ, Та-Уху, Пхусунъ и Тазуши имѣютъ почву весьма плодородную, но, за исключеніемъ только немногихъ, болѣе возвышенныхъ пространствъ, эти долины подвержены затопленію въ періодъ сильныхъ дождей, такъ что для значительныхъ поселеній онѣ негодны. Здѣсь могутъ быть раскинуты, современемъ, только небольшія деревни, подобно тому, какъ и нынѣ стоятъ, то въ одиночку, то по нѣскольку вмѣстѣ, земледѣльческія фанцы китайцевъ. Впрочемъ, въ окрестностяхъ залива Поссьета есть много мѣстъ удобныхъ и для большихъ поселеній.

Внутри Уссурійскаго края, кромѣ самой Уссури, удобныя для заселенія мѣстности лежатъ разбросанными оазисами по долинамъ Лифудина, Сандагу, Ула-хэ, Суду-хэ, а еще болѣе по Дауби-хэ, на обширныхъ пологихъ скатахъ, окаймляющихъ эту рѣку слѣва, и не подверженныхъ затопленію, даже въ самую высокую воду.

Кромѣ того, хорошія для земледѣлія мѣста находятся, какъ говорятъ, по нижнему теченію Има, Бикина и Хора, т.-е. большихъ правыхъ притоковъ Уссури.

Конечно, при дальнѣйшемъ заселеніи и лучшемъ разслѣдованіи Уссурійскаго края, можетъ быть найдется много и другихъ благопріятныхъ мѣстностей, но, во всякомъ случаѣ нынѣшнія поселенія должны осѣдаться на мѣстахъ, уже извѣданныхъ относительно своей пригодности для земледѣлія.

Такими мѣстностями слѣдуетъ считать, прежде всего, Ханкайскія степи, съ ихъ широкимъ просторомъ и благодатною почвою. Много тысячъ семействъ умѣстится здѣсь совершенно свободно, и если только новые поселенцы примутся съ энергіею за устройство своего житья-бытья, то можно ручаться, что черезъ нѣсколько лѣтъ они станутъ жить въ полномъ довольствѣ и не пожалѣютъ о томъ, что рискнули бросить свою родину.

Н. Пржевальскій.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

въ

ГЕРМАНІИ.

ЛУДВИГЪ БЁРНЕ.

IV*).

Около того времени, когда Бёрне весь отдался своему истинному призванію—литературной дѣятельности, положеніе журналистики, литературы достигло въ Германіи крайнихъ предѣловъ вялости, безцвѣтности, безжизненности. Во всей странѣ не раздавалось болѣе ни единаго живого слова, громъ патріотической рѣчи и патріотическихъ пѣсней замѣнился какимъ-то злокачественнымъ безмолвіемъ. Реакція, наступившая послѣ 1815 года, застращала своими преслѣдованіями, своими казематами все и всѣхъ. Старые литературные дѣятели или исчезли, точно скрылись подъ землю, или, чтó во сто разъ хуже, превратились въ недостойныхъ слугъ реакціоннаго порядка. Въ немногихъ либеральныхъ, не забитыхъ страхомъ кружкахъ слышались горькія жалобы на такое позорное состояніе литературы, всѣ понимали, какое благодѣтельное вліяніе на общество могла бы имѣть журналистика, еслибы на ея поприще вышелъ человѣкъ съ сильнымъ талантомъ и рѣшился бы заговорить болѣе смѣлымъ языкомъ. Бёрне слышалъ эти жалобы, а люди, знавшіе его, слѣдившіе за его первыми шагами и угадывавшіе въ немъ, быть можетъ, будущаго безподобнаго публициста, поощряли

---

*) См. выше, мартъ, 338; апр. 729 стр.

его выступить болѣе рѣшительно въ журнальной дѣятельности, основать собственный журналъ и объявить борьбу на жизнь и на смерть существующему политическому порядку. Эти внѣшнія побужденія какъ нельзя болѣе совпадали съ его внутренними побужденіями. Онъ съ негодованіемъ смотрѣлъ на усиливавшуюся безсмысленную реакцію, онъ понималъ очень хорошо, что она въ конецъ развратитъ собою общество, если не оказывать ей хоть какого-нибудь сопротивленія; для него было ясно, что страшный упадокъ литературы является результатомъ не нравственной безсодержательности націи, а чисто внѣшнихъ политическихъ причинъ. На эти-то политическія причины Бёрне и рѣшился направить всѣ свои баттареи, съ твердымъ намѣреніемъ пользоваться всѣми средствами, чтобы имѣть только возможность наносить удары той политической системѣ, которая придушила свободное развитіе нѣмецкаго народа. Будить нѣмецкій народъ и пріобщать его къ новымъ политическимъ идеямъ, къ новому политическому міросозерцанію, вышедшему изъ французской революціи — такова собственно съ этой минуты сдѣлалась задача цѣлой жизни Лудвига Бёрне.

Друзья его, привыкшіе къ тому, что Бёрне чрезвычайно медленно принималъ какое бы то ни было рѣшеніе, должны были быть удивлены, когда онъ, безъ долгихъ приготовленій, безъ особенныхъ колебаній, рѣшился начать издавать журналъ и немедленно разослалъ по всей Германіи свое объявленіе о новомъ журналѣ «Вѣсы». Объявленіе это не могло не привлечь къ себѣ всеобщаго вниманія, такъ какъ давно уже въ Германіи никто не говорилъ подобнымъ языкомъ. Бёрне ясно опредѣляетъ въ своей программѣ значеніе журналистики, обязанности журналистовъ, и смѣло бросаетъ перчатку господствующему направленію общественнаго мнѣнія. Нѣмцы перестали видѣть въ журналахъ, толкующихъ о близкихъ общественныхъ вопросахъ, о дѣлахъ родной страны, необходимое проявленіе здоровой человѣческой мысли, они смотрѣли на подобныя разсужденія только какъ на стоны «удрученной груди». Какая польза, какой прокъ отъ журналовъ, отъ всей этой борьбы мнѣній, отъ рѣзко высказываемыхъ убѣжденій? начинали спрашивать себя нѣмцы, какъ зайцы, испугавшіеся отъ одного звука перваго удара реакціоннаго бича. Бёрне не отворачивался съ презрѣніемъ отъ подобныхъ вопросовъ, какъ незаслуживающихъ даже отвѣта, нѣтъ, онъ отвѣчалъ на возгласы о безполезности и ненужности журналовъ, какъ человѣкъ, у котораго на умѣ одна мысль — благо народа. «Слитки истины, складываемые богатыми духомъ въ большихъ произведеніяхъ, не годятся для удовлетворенія повсе-

дневныхъ, житейскихъ потребностей людей бѣдныхъ духомъ. Эту годность имѣетъ только вычеканенное въ ходячую монету знаніе. Вотъ эту-то монету составляютъ журналы». Бёрне нѣтъ дѣла до того, что ходячая монета немыслима безъ примѣси неблагороднаго металла, онъ понимаетъ, что лучше какая-нибудь монета, чѣмъ никакая, и что до тѣхъ поръ, пока народъ не будетъ обладать небольшимъ капиталомъ хоть изъ мелкой монеты, до тѣхъ поръ онъ не въ состояніи будетъ пріобрѣсти себѣ драгоцѣнныхъ слитковъ.

Какъ ни былъ самъ Бёрне «богатъ духомъ», онъ не давалъ своимъ знаніямъ, своимъ произведеніямъ формы недоступныхъ для «нищихъ духомъ» слитковъ, напротивъ, онъ мѣнялъ ихъ на такую монету самаго чистаго чекана, которая свободно могла бы проходить въ массу народа. Бёрне ужасался тяжеловѣсности произведеній нѣмецкаго духа, потому что зналъ, что никогда народъ не въ состояніи будетъ переварить ихъ. Эти произведенія должны быть пропущены черезъ журнальную, газетную, или иную, но только популярную реторту, чтобы сдѣлаться возможными для питанія. Если журналы необходимы, то точно также необходима и борьба мнѣній, которая ведется въ нихъ, потому что изъ этой борьбы рождается истина, потому что въ ней растетъ и крѣпнетъ святая правда. Обманываются тѣ, которые требуютъ, чтобы заставили молчать журналистовъ, надѣясь, что тогда прекратится и ожесточенная война мнѣній, Заставить молчать не значитъ еще погасить вражду. Утверждать это, все равно, говоритъ Бёрне, что сказать: «больной человѣкъ излечится отъ всѣхъ своихъ страданій, коль скоро зажмутъ ему ротъ, жалующійся на нихъ». Пусть будетъ лучше самая ожесточенная война, чѣмъ могильное спокойствіе, потому что одна говоритъ о жизни, другая означаетъ смерть. Не бѣда, если въ этой страстной борьбѣ раздаются громкіе удары; спокойствіе, умѣренность въ этихъ случаяхъ не только не всегда возможны, но часто бываютъ вредны, потому что спокойствіе и умѣренность часто скрываютъ подъ собою самый отвратительный іезуитизмъ. «Умѣнью красиво и граціозно покачиваться — говоритъ Бёрне въ своей программѣ «Вѣсовъ»—и падать на кораблѣ, кидаемомъ вверхъ и внизъ бурею, не можетъ выучить ни одинъ балетмейстеръ. А отъ глашатаевъ общественнаго мнѣнія, которое вотъ уже столько лѣтъ несется съ быстротою молніи, отъ адвокатовъ общаго горя требуютъ, чтобы они, когда земля шатается подъ ними, вѣжливо сгибали спины, осторожно проходили между гнилыми яйцами и тихо стучались въ каждую дверь, прежде чѣмъ открыть ее. Скромность, и вѣчно скромность! Но

природа проявляетъ свои страданія въ крикѣ и только на деревянныхъ сценическихъ подмосткахъ скорбь поетъ въ A-moll». Этими словами Бёрне какъ будто бы впередъ хотѣлъ заявить публикѣ, что въ своемъ журналѣ онъ вовсе не думаетъ «вѣжливо сгибать спины», что онъ не въ силахъ подавить въ себѣ крикъ негодованія, ненависти, который невольно вызывается совершающимися злоупотребленіями. Онъ не только не въ силахъ подавить въ себѣ этотъ крикъ, но еслибы онъ даже могъ побороть въ себѣ тяжелое чувство боли, то и въ такомъ случаѣ, онъ не сталъ бы сдерживать своего крика, потому что онъ приноситъ несравненно болѣе пользы, нежели вреда. Всегда въ странѣ находится слишкомъ много писателей, изъ груди которыхъ не вырываются стоны и пронзительные крики, во-первыхъ, оттого, что они не чувствуютъ боли отъ страданіи своей родины, и во-вторыхъ, оттого, что они знаютъ, что крики эти имъ невыгодны, что они раздражаютъ собою благородный слухъ сильныхъ міра, съ которыми разумѣется спокойнѣе и безопаснѣе жить въ мирѣ. «Умѣренныхъ» писателей Бёрне считаетъ самыми опасными. «Льстя одинаково правителямъ и народамъ, легко защищая право первыхъ на полновластіе, право другихъ на свободу, въ однихъ они развиваютъ духъ деспотическаго обладанія, въ другихъ вялость, и портятъ такимъ образомъ тѣхъ и другихъ». Эти «умѣренные» писатели являются обыкновенно врагами полной свободы прессы, и если иногда и возвышаютъ свой голосъ въ пользу *принципа* свободы печати, то вмѣстѣ съ тѣмъ не упускаютъ случая доносить на тѣхъ неосторожныхъ журналистовъ, которые позволяютъ себѣ только сказать рѣзкое правдивое слово объ общественныхъ уродствахъ. Тотчасъ тогда начинается крикъ о злоупотребленіяхъ предоставленной свободы, о неблагодарности, о желаніяхъ возбуждать недовѣріе и вражду къ правительствамъ. «Но такъ какъ въ наше время, говоритъ Бёрне, легче обманывать другихъ, чѣмъ самого себя, то пусть эти хитрые антагонисты, въ ту минуту, когда они одни и никто не видитъ ихъ, пусть, положа руку на сердце, спросятъ самихъ себя: что̀ кажется имъ болѣе опаснымъ: *пользованіе* свободою печати или *злоупотребленіе* ею? Отвѣтъ они не замедлятъ услышать». Отвѣтъ этотъ даетъ и самъ Берне, опасаясь вѣроятно, что совѣсть тѣхъ писателей, къ которымъ онъ обращается, до такой степени извращена, такъ привыкла ко лжи и обману, что и оставшись наединѣ, они тѣмъ не менѣе будутъ неискренни.

Слово должно быть свободно и ничто такъ не нагубно для общества, какъ заглушенное, задавленное слово. Если въ обществѣ найдутся умы, которые воспользуются свободою, чтобы проповѣдывать

превратныя мысли, превратныя идеи, то найдутся всегда и другіе умы, которые, вооруженные правдою и свѣтлою мыслію, окажутъ отпоръ, противовѣсъ этимъ превратнымъ теоріямъ. Само общество, если ничто не препятствуетъ свободному развитію его силъ, выправитъ все, что есть ложнаго въ проповѣдуемыхъ мысляхъ. Но нужно знать, что разумѣть подъ этими превратными теоріями? Продажные журналисты, безсовѣстные, хотя часто и талантливые торговцы своимъ умомъ, своимъ перомъ, объявляютъ превратными идеями именно тѣ идеи, которыя направлены ко благу общества, тѣ идеи, которыя должны поселить въ обществѣ болѣе трезвыя понятія на права общества и отдѣльнаго человѣка, которыя должны вызвать въ обществѣ пробужденіе всѣхъ жизненныхъ силъ, серьезныя требованія всего того, безъ чего не можетъ дышать цивилизованное государство. Вы требуете свободы печати. Безсовѣстные журналисты кричатъ: они проповѣдуютъ превратныя теоріи! Вы требуете широкаго народнаго образованія, которое не находилось бы въ рукахъ лицемѣрныхъ лакеевъ, испытанныхъ въ преданности господамъ,—жалкіе писаки восклицаютъ: они проповѣдуютъ превратныя теоріи! Вы требуете уничтоженія тайныхъ судилищъ, и слышите крикъ: превратныя теоріи! Вы толкуете и доказываете пользу самоуправленія, васъ преслѣдуетъ крикъ: превратныя теоріи! Вы заикнетесь о томъ, что народное богатство, народное достояніе транжирится самымъ безсовѣстнымъ образомъ,—вы слышите шипѣніе и въ этомъ шипѣніи различаете слово: превратныя теоріи. Вы скромно высказываете мысль, что громадныя арміи разоряютъ страну и служатъ только къ тому, чтобы держать народъ въ рабствѣ, — вокругъ васъ подымается гвалтъ, среди котораго до васъ явственно долетаетъ вопль: превратныя теоріи! Вы наконецъ начинаете теряться, недоумѣвать, вы начинаете сомнѣваться въ самихъ себѣ, и съ ужасомъ спрашиваете себя: да неужели же это правда, ужъ и въ самомъ дѣлѣ не проповѣдую ли я превратныя теоріи. Человѣкъ болѣе спокойный, менѣе довѣряющій тому, что кричатъ вокругъ, ставитъ себѣ просто на разрѣшеніе вопросъ: что такое превратныя теоріи и что такое непревратныя теоріи? Отвѣтъ какъ нельзя болѣе простъ: превратными теоріями называется все то, всѣ тѣ мысли, идеи, всѣ тѣ понятія, которыя должны служить къ тому, чтобы общество, народъ становился совершеннолѣтнимъ, освобождался отъ непрошенной и, главное, ненужной опеки, чтобы обществу было предоставлено право распоряжаться своими дѣлами по своему разумѣнію, чтобы другіе только не безпокоились, худо ли, хорошо ли оно распоряжается. Непревратными же теоріями, по мнѣнію такихъ продажныхъ журналистовъ, называется все то, что служитъ для

упроченія въ странѣ произвола и для развращенія общественной совѣсти. Этотъ людъ боится какъ огня свободы печати, потому что тогда роль ихъ, значеніе исчезаютъ, и они дѣлаются или всеобщимъ посмѣшищемъ или предметомъ всеобщаго и законнаго презрѣнія. Свобода печати, и самая полная свобода представляется самымъ необходимымъ условіемъ для всякаго здороваго политическаго организма, такъ какъ только при ней правительству становятся извѣстными всѣ желанія, всѣ требованія страны. Когда страна обладаетъ такою свободою печати, тогда она не должна жаловаться, и не можетъ сваливать на правительство всѣ свои бѣды, такъ какъ при ней народъ можетъ достигать осуществленія всѣхъ своихъ желаній удовлетвореніемъ всѣхъ своихъ требованій. «Въ томъ, что̀ общественное мнѣніе требуетъ *серьезно*, говоритъ Берне, никто не можетъ отказать ему; если оно не получаетъ чего-нибудь по своему желанію, это значитъ, что требованіе было высказано вяло и равнодушно». Въ концѣ своего объявленія объ изданіи «Вѣсовъ» Берне, мимоходомъ, остроумно насмѣхается надъ тѣмъ, что «*объемистыя* сочиненія идутъ своей дорогой почти безпрепятственно; маленькія часто спотыкаются о преграды и заставы»—однимъ словомъ, онъ смѣется надъ тѣмъ, что книги свыше двадцати листовъ освобождаются отъ цензуры, а ниже подвергаются самой строгой, свирѣпой цензурѣ.

Такова была конечно причина, отчего онъ рѣшился издавать «Вѣсы» не въ опредѣленные сроки, а когда случится, смотря по обстоятельствамъ. «Вѣсы» будутъ двигаться, говоритъ онъ только тогда, когда исторія или наука нагрузитъ ихъ». Берне впередъ извиняется, если въ его «Вѣсахъ» будетъ попадаться и неудобоваримая пища, что̀ рѣшительно неизбѣжно, когда во что бы то ни стало нужно наполнить столько-то листовъ, чтобы книга шла, не натыкаясь на преграды. «Поэтому, о почтенный читатель, восклицаетъ авторъ «Парижскихъ писемъ», если ты будешь находить, что въ нашихъ словахъ не все умъ и кровь, но что есть въ нихъ и безполезная дрянь, то не забывай, отчего это происходитъ; книги будутъ начинять себя излишнимъ матеріаломъ для того, чтобы казаться толще и объемистѣе». Сколько горечи скрывалось подъ этою шуткою — не трудно догадаться, особенно когда читаешь признаніе Берне, которое онъ сдѣлалъ нѣсколько лѣтъ спустя, говоря о той минутѣ, когда онъ начиналъ только издавать свои «Вѣсы». «О небо! восклицаетъ онъ, въ вѣсахъ у меня не было недостатка, но мнѣ нечего было вѣсить. На рынкѣ было пусто, народъ оставался безъ дѣла, народецъ же въ высшихъ сферахъ торговалъ воздухомъ да вѣт-

ромъ и вообще невѣсомыми матеріями. Я былъ въ большомъ затрудненіи. Журналъ былъ объявленъ, типографія въ ходу, деньги съ подписчиковъ были собраны, а я еще не зналъ, какимъ образомъ могу я выполнить всѣ мои обѣщанія». Причина затрудненія Берне какъ нельзя болѣе понятна, если читатель только припомнитъ, что Берне начиналъ издавать свой журналъ въ минуту самой полной реакціи, когда всѣ ея аристократическія, іерархически-іезуитскія и абсолютистскія цѣли, какъ выражается Гуцковъ, быстро осуществлялись, при помощи отлично организованной полиціи, когда реакція, распускавшая свои пары, выражалась все рѣзче и рѣзче на конгрессахъ ахенскомъ, карлсбадскомъ, веронскомъ, когда всѣ либеральные государственные люди должны были удалиться со сцены, потому что всѣ их надежды, всѣ иллюзіи, которыя они раздѣляли съ цѣлымъ народомъ, были разбиты въ прахъ, уничтожены, когда Германія, послѣ стольких войнъ, послѣ столькихъ жертвъ, не только не сдѣлалось свободною, не только не освободилась отъ застарѣлыхъ средневѣковыхъ язвъ, но подпала подъ болѣе тяжкій деспотизмъ, подъ болѣе суровое иго. Въ пудовыя цѣпи заковано было теперь все тѣло Германіи. Въ пришибленной литературѣ торжествовали одни продажные писаки, которые, фиглярничая, распинались, доказывая всю прелесть абсолютизма — этой истинно отеческой, заботливой формы правленія. Время это было торжествомъ для тѣхъ гончихъ собакъ, которыя съ яростью набрасывались на всякаго, у кого хватало только духу «смѣть свое сужденіе имѣть». Для того, чтобы дѣйствовать въ такое время, когда всюду преслѣдовались «демагогическіе происки», когда казематы всѣмъ тюремъ и крѣпостей были переполнены несчастною молодежью, «освободившею» Германію отъ французскаго господства, мало еще было одной смѣлости, нужна была необыкновенная ловкость, необыкновенное искусство и умѣнье. Одна смѣлость могла привести только къ одному результату, къ лаконическому приказу: журналъ закрыть, редактора и сотрудниковъ засадить! Цѣль Бёрне была не такова. Онъ хотѣлъ говорить, хотѣлъ писать, будить Германію, проводить свѣтлыя идеи, проповѣдовать такъ-называемыя «превратныя теоріи», «безнравственныя мысли». Ему нужно было бороться съ непріятелемъ такъ, чтобы онъ не зналъ, что̀ ему дѣлать, сердиться ли, желчно смѣяться или представляться нечувствующимъ удары.

Бёрне въ этомъ отношеніи выказалъ замѣчательное искусство. Посвящая свой журналъ «гражданской жизни, наукѣ, искусству» онъ съ такимъ мастерствомъ перемѣшивалъ эти три отдѣла, что трудно было прямо къ чему-нибудь придраться, и вмѣстѣ съ

тѣмъ не было у него ни одной строчки, которая не скрывала бы самой злой сатиры, которая не бичевала бы то или другое злоупотребленіе, то или другое уродство. Успѣхъ «Вѣсовъ» былъ огромный. Первую книжку скоро онъ долженъ былъ печатать вторымъ изданіемъ, съ разныхъ сторонъ до него доходили поздравленія, выраженіе сочувствія, пожеланія, чтобы онъ продолжалъ, чтобы онъ шелъ впередъ по своему пути. Ничто не даетъ, конечно, такого хорошаго понятія о первыхъ шагахъ Бёрне на этомъ поприщѣ, какъ отзывы его современниковъ, и потому нельзя не привести того, что писали о Бёрне съ одной стороны Рахель Фарнгагенъ, съ другой—достойный сподвижникъ Меттерниха—Фридрихъ Генцъ. «Читали-ли вы, писалъ этотъ послѣдній Рахели Фарнгагенъ, статью въ «Вѣсахъ», подписанную именемъ Лудовика Бёрне? Прочтите. Со времени Лессинга я не читалъ ничего столь остроумнаго и столь хорошо написаннаго». Рахель не замедлила послѣдовать совѣту Генца, и, прочитавши статью, тотчасъ же написала одному изъ своихъ друзей: «Докторъ Бёрне редактируетъ журналъ «Вѣсы», Генцъ рекомендовалъ мнѣ его какъ самое замѣчательное изъ всего, что только появлялось, онъ разсыпался въ самыхъ восторженныхъ похвалахъ. Со времени Лессинга, говорилъ онъ, упоминая объ одной статьѣ, не было писано больше подобной драматической критики. Конечно, я вполнѣ довѣряла сужденію Генца; но то, что пишетъ Бёрне, своимъ остроуміемъ и красотою языка значительно превосходитъ всѣ эти похвалы. Все у него выходитъ необыкновенно остро, глубоко, удивительно вѣрно и вмѣстѣ смѣло; у него нѣтъ пустой модной новизны, у него въ самомъ себѣ все ново и оригинально. Безъ претензій, какъ въ доброе старое время! И какое негодованіе противъ всего фальшиваго въ искусствѣ. Что это совершенно честный человѣкъ, это также вѣрно, какъ то, что я живу. Если вы читаете его драматическія рецензіи и никогда не видѣли самыхъ пьесъ, то все же вы знаете ихъ, какъ будто бы сами видѣли. Каждой пьесѣ онъ указываетъ ея мѣсто. Постарайтесь непремѣнно прочесть его статью... Генцъ сильно нападаетъ на его политическія мнѣнія, но онъ находитъ естественнымъ, что онъ держится ихъ». Впослѣдствіи Генцъ перемѣнилъ свое мнѣніе о Бёрне, и разумѣется не рекомендовалъ бы читать его статью. Говоря о статьяхъ о Франціи Гейне, Генцъ писалъ: «Я вполнѣ понимаю, что и подобная статья находитъ цѣнителей и даже многихъ цѣнителей, такъ какъ значительная часть публики отъ души увеселяетъ себя наглостью и злостью какого-нибудь Бёрне или Гейне...» Эта «наглость» и эта «злость» свидѣтельствуютъ только объ одномъ, что въ то время, когда

писалъ Генцъ, значеніе Бёрне уже значительно выросло, и статьи его сильно досаждали Генцу, этому «другу порядка». Рахель Фарнгагенъ впослѣдствіи также достаточно охладѣла къ Лудвигу Бёрне, вѣроятно за то, что этотъ позволялъ себѣ вѣрно цѣнить Гёте, какъ человѣка и не смотрѣть на него, какъ на бога, и находить въ немъ больше пятенъ, чѣмъ на солнцѣ; но тѣмъ не менѣе она никогда не объясняла его литературнаго характера «наглостью и злостью», хотя эта послѣдняя, т.-е. злость, вовсе не есть еще недостатокъ въ писателѣ. Она часто высказывала свое мнѣніе о Бёрне; и между прочимъ по поводу одной изъ его статей она говорила: «По началу это Жанъ-Поль, безъ подражанія, очень хорошо. Душа его несравненно мрачнѣе Жанъ-Поля Рихтера». Изъ приведенныхъ сужденій уже видно, съ кѣмъ сравнивали Бёрне съ самого начала его дѣятельности. Лессингъ и Жанъ-Поль Рихтеръ, несмотря на все разнообразіе, несмотря на всю громадную разницу этихъ двухъ писателей, были у всѣхъ на умѣ, когда говорили о Бёрне.

Дѣйствительно, Жанъ-Поль Рихтеръ и Лессингъ вмѣстѣ съ Вольтеромъ имѣли неоспоримое вліяніе на развитіе Бёрне, на его литературную выработку, на его стиль, на его манеру. Онъ любилъ этихъ трехъ писателей болѣе всѣхъ остальныхъ, потому быть можетъ, что имѣлъ много общаго съ каждымъ изъ нихъ. Онъ соединялъ въ себѣ независимый характеръ, ясный, свободный отъ предразсудковъ умъ Лессинга, живость, легкость и остроуміе Вольтера вмѣстѣ со страстностью и увлеченіемъ Жанъ-Поля, Рихтера. Гуцковъ въ своей книгѣ: «Жизнь Бёрне», какъ нельзя лучше опредѣляетъ вліяніе этого послѣдняго на автора «Парижскихъ писемъ», когда говоритъ, съ какимъ глубокимъ сочувствіемъ относился Бёрне не только къ образу мыслей и благородному міросозерцанію Рихтера, но также къ его образному стилю и пышнымъ оборотамъ рѣчи. Его притягивала иронія Жанъ-Поля, съ которою онъ изображалъ властителей и сильныхъ міра, его обольщала его сатира на политическое состояніе Германіи, его горячее сердце, его любящая, всеобъемлющая, сочувствующая всему человѣчеству душа. Какъ ни любилъ Бёрне стиль Рихтера, сколько бы ни проглядывало въ стилѣ самого Бёрне вліяніе Жанъ-Поля, но онъ никогда ему не подчинялся, для него всегда ясны были его недостатки, заключавшіеся главнымъ образомъ въ излишней манерности, а потому онъ всегда оставался свободнымъ отъ нихъ. Самъ Бёрне отлично опредѣляетъ вліяніе на него Жанъ-Поля Рихтера, когда онъ остроумно замѣчаетъ: «Я долженъ читать Жанъ-Поля не для того, чтобы ему подражать, совсѣмъ напротивъ. Но онъ для меня тоже, что для войска хорошій генералъ;

ободряемый имъ, я выражаюсь такъ смѣло, какъ никогда бы не рѣшился выразиться безъ него». Свою признательность Жанъ-Полю Рихтеру Бёрне выразилъ послѣ его смерти въ надгробномъ словѣ, которое вызвало въ Германіи всеобщій восторгъ. Если Бёрне удержался отъ излишняго пристрастія къ цвѣтистому стилю Поля Рихтера, то, быть можетъ, онъ долженъ быть за это благодаренъ Вольтеру, который рано сдѣлался его любимымъ писателемъ и поселилъ въ немъ наклонность къ «афоризмамъ, сентенціямъ, антитезамъ». Необыкновенная ясность и необыкновенная острота формы — вотъ собственно существенныя черты стиля Бёрне, который онъ точно выработалъ для того, чтобы быть понятымъ всѣми, чтобы слово его глубоко проникало въ общественные слои, и всюду производило броженіе и возбужденіе. Такимъ именно стилемъ долженъ былъ обладать человѣкъ, который желалъ пробудить нѣмецкую націю. Въ необыкновенномъ успѣхѣ «Вѣсовъ» Бёрне былъ безъ сомнѣнія много обязанъ именно своему стилю. Безъ него, безъ этой мѣткости, силы, рѣзкости выраженій, онъ быть можетъ не заставилъ бы такъ скоро говорить о своихъ драматическихъ рецензіяхъ, въ которыхъ всѣ должны были рано или поздно узнать достойнаго преемника Лессинга, безсмертнаго автора «Гамбургской драматургіи».

V.

На драматическихъ рецензіяхъ Бёрне отразилось конечно вліяніе на него Лессинга, но и тутъ, какъ и вездѣ, онъ является не подобострастнымъ ученикомъ, а самостоятельнымъ писателемъ, смѣлымъ продолжателемъ Лессинга. Но, можно спросить, что побудило Бёрне обратить въ это время свою главную дѣятельность на театръ, что принудило его сдѣлаться самымъ горячимъ драматическимъ рецензентомъ? Было ли у него особенное призваніе къ драматической критикѣ, чувствовалъ ли онъ непреодолимую, страстную любовь къ театру? На эти вопросы, кажется, съ полною увѣренностію можно отвѣчать отрицательно. Причины, побудившія его обратиться именно въ эту сторону, были чисто внѣшняго свойства. Какъ для Лессинга театръ, драматическая критика были чисто средствомъ для достиженія его цѣли — проводить въ массу нѣмецкаго общества свои свободныя политическія идеи и свое широкое философское міросозерцаніе, точно также и для Бёрне театръ, критика, служили главнымъ образомъ орудіемъ, съ помощью котораго въ данную минуту

онъ могъ удобнѣе всего бороться съ общественною деморализаціею, съ апатіею, летаргіею нѣмецкой націи, съ раболѣпными наклонностями да съ произволомъ нѣмецкихъ деспотическихъ правительствъ. Театръ былъ для него только средствомъ, чтобы шевелить, пробуждать сонный народъ. Говорить прямо о томъ, что больше всего лежало у него на сердцѣ, къ чему онъ чувствовалъ больше всего склонности и пристрастія, говорить однимъ словомъ о нравственно-политическихъ вопросахъ, о безправномъ положеніи народа, о безсмысленныхъ привилегіяхъ одной касты, о нелѣпости и позорѣ абсолютизма — сплошь и рядомъ бывало невозможно, бо́льшею же частію представляло такія необыкновенныя трудности, что по неволѣ приходилось отказываться отъ прямого нападенія, отъ прямой аттаки и довольствоваться только небольшими, но за то постоянными, вылазками, которыя Бёрне съ такою необыкновенною ловкостію производилъ въ своихъ драматическихъ рецензіяхъ.

Бёрне самъ простодушно разсказываетъ, какимъ образомъ началъ онъ писать свои драматическія рецензіи, какъ простой случай натолкнулъ его на эту дѣятельность. Горько жаловался бѣдный нѣмецкій публицистъ, что объ изданіи «Вѣсовъ» было давно объявлено, деньги собраны, типографія въ ходу, а вѣсить, какъ выразился онъ, было нечего. Что́ дѣлать въ такомъ критическомъ положеніи? О чемъ писать, когда надъ всѣмъ лежитъ запрещеніе? «Пишите о театрѣ!» произнесъ ему кто-то на ухо этотъ совѣтъ, и лицо Бёрне угрюмо-радостно озарилось. «Совѣтъ былъ хорошъ, говоритъ Бёрне, и я послѣдовалъ ему. Я одѣлъ почтенный парикъ и сталъ рѣшать въ самыхъ важныхъ и самыхъ горячихъ спорныхъ дѣлахъ нѣмецкихъ гражданъ—въ дѣлахъ комедіантскихъ. Какъ присяжный, судилъ я по моему чувству, по моей совѣсти; о правилахъ, законахъ я безпокоился мало, да я вовсе и не зналъ ихъ. Что Аристотель, Лессингъ, Шлегель, Тикъ, Мюльнеръ и другіе приказывали или запрещали драматическому искусству, мнѣ было совершенно чуждо. Я былъ, прибавляетъ Бёрне шутя, натуральный критикъ (Natur-Kritiker) въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ прозвали натуральнымъ стихотворцомъ, двадцать лѣтъ назадъ, крестьянина, сочинявшаго стихи — его имя кажется было Maus...»

Бёрне въ своей драматургіи исходитъ изъ того же самаго пункта какъ и Лессингъ. Лессингъ восклицалъ: «Смѣшная мысль желать, чтобы у нѣмцевъ былъ національный театръ, когда они сами не составляютъ еще націи!»—такъ точно и Бёрне говоритъ, «что коренной порокъ нѣмецкаго театра заключается въ

отсутствіи національности, въ ничтожествѣ нѣмцовъ, въ отсутствіи свободы. Въ драмѣ я увидѣлъ зеркальное отраженіе жизни, и когда образъ мнѣ не понравился, я ударилъ по немъ; но когда онъ мнѣ снова представился, я разбилъ самое зеркало. Дѣтскій гнѣвъ! прибавляетъ Бёрне, въ осколкахъ я увидѣлъ этотъ образъ, повторенный сотню разъ». Если Бёрне со злобою разбилъ зеркало на сотни кусковъ, то должно быть образъ, отраженіе жизни въ драмѣ было въ самомъ дѣлѣ отвратительно, также отвратительно, ни болѣе, ни менѣе, какъ и самая нѣмецкая жизнь въ то время. Онъ возмущался тѣмъ, что онъ видѣлъ на театрѣ постоянное раболѣпство, страшное низкопоклонничество, вѣчное униженіе слабыхъ передъ сильными; онъ не находилъ никакого утѣшенія въ томъ, что эти ненавистныя оскорбленія человѣческаго достоинства, какъ выражается Гуцковъ, составляли дѣйствительную черту нравовъ нѣмецкаго общества. Но собраніе такихъ чертъ, какъ раболѣпство, униженіе, безусловное уваженіе къ сильнымъ и презрѣніе къ слабымъ, не можетъ быть достаточнымъ для національной драмы. Для того, чтобы она существовала, нужна національность, «всѣ же недостатки, говоритъ Бёрне, нѣмецкой драмы указываютъ, прямо на отсутствіе національности». Бёрне подобно Лессингу съ ожесточеніемъ нападаетъ на безхарактерность нѣмецкаго народа, на отсутствіе въ немъ самостоятельности, и въ своемъ предисловіи къ собранію драматическихъ рецензій, составляющихъ какъ бы въ параллель «Гамбургской драматургіи» франкфуртскую драматургію, указываетъ, какъ и отчего нѣмецкая нація лишена драматической поэзіи: «Народъ, который потому только народъ, что онъ, какъ стадо, пасется на одномъ полѣ; народъ, который боится волка и почитаетъ собаку, а когда грянетъ гроза, скорѣй прячетъ голову и терпѣливо ожидаетъ, пока минуетъ громъ; народъ, который ни во что не ставится въ ежегодныхъ итогахъ исторіи, и который самъ себя не ставитъ ни во что даже тогда, когда онъ выполнилъ какую-нибудь задачу — такой народъ можетъ быть очень добръ, хорошо прясть ленъ, быть полезнымъ въ домашнемъ хозяйствѣ, но никогда такой народъ не будетъ имѣть драматической поэзіи; онъ всегда будетъ только хоромъ въ каждой чужой драмѣ, представляющимъ мудрыя разсужденія, но никогда такой народъ самъ не будетъ героемъ. Всѣ наши драматическіе поэты, дурные, хорошіе и самые лучшіе, общаго между собою, національнаго имѣютъ только одно—отсутствіе національности, и характернаго — безхарактерность». Источникъ такого печальнаго состоянія, лежитъ не во внутреннемъ характерѣ народа, а во внѣшнихъ причинахъ; онъ выйдетъ изъ такого состоя-

нія, когда рѣшится сбросить съ себя желѣзную узду, когда онъ рѣшится высвободиться изъ позорной опеки нѣсколькихъ деспотовъ, когда онъ рѣшится сказать себѣ: не хочу больше рабства, не хочу выносить произвола! когда онъ твердо и опредѣленно заявитъ свое требованіе—быть не стадомъ барановъ, а свободнымъ народомъ. Бёрне еще прежде говорилъ: «въ томъ, что̀ общественное мнѣніе требуетъ серьезно, никто не можетъ отказать ему»; если народу смѣютъ отказывать въ его законныхъ требованіяхъ, значитъ, требованія эти выражались ненастойчиво, «вяло и равнодушно».

Если для драматической поэзіи, какъ и для всѣхъ остальныхъ отраслей человѣческой дѣятельности, пагубно отсутствіе національности, то еще болѣе пагубно отсутствіе политической свободы. О чемъ могъ писать поэтъ, литераторъ въ странѣ, находившейся подъ произволомъ, въ странѣ абсолютнаго правленія? Надъ всѣмъ лежало запрещеніе, повсюду стоялъ бдительный стражъ, стражъ грубый, дикій—цензура. И какая цензура? Та, которая видима для всѣхъ, цензура — учрежденіе еще не такъ опасное; есть другая цензура, во сто разъ болѣе опасная. «Не та цензура, говоритъ Бёрне, которая препятствуетъ напечатанію того или другого, а та, которая мѣшаетъ писать, несравненно вреднѣе, и эта цензура дѣйствуетъ на всю страну. Мы родимся цензурованными, молоко, которое мы всасываемъ изъ груди матери, цензуровано. Нѣмецъ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ можетъ быть великимъ инквизиторомъ, и онъ не разучится свободно мыслить; но бросьте его на безлюдный островъ, гдѣ онъ будетъ самъ себѣ королемъ, и онъ все-таки не будетъ писать свободно... Мы такъ привыкли быть предусмотрительны, что предусмотрительность превратилась у насъ въ животный инстинктъ, и мы въ ней вовсе не нуждаемся болѣе. Нѣмцу совершенно неизвѣстно, сколько человѣкъ, не подвергаясь смерти, можетъ перенести правды, суровости, сатиры. Еще менѣе знаетъ онъ, что человѣкъ отъ всего этого вовсе не умираетъ, а становится сильнѣе и здоровѣе. Самъ испорченный и усыпленный, онъ портитъ и усыпляетъ произведенія своего духа»... Потому-то, справедливо думаетъ Бёрне, нѣтъ и жизни въ драматической поэзіи, потому что все въ ней уродливо и неестественно. Уродливость и неестественность въ драмѣ, какъ и вообще въ литературѣ, происходитъ тогда, когда нѣтъ того воздуха, которымъ она можетъ дышать— а воздухъ этотъ есть не что иное, какъ политическая свобода. Отсутствіе этой свободы леденитъ писателя, его творческая способность притупляется, писатель становится робкимъ, боится коснуться одного, дотронуться до другого. Да и какъ, спрашивается,

можетъ быть иначе, какимъ образомъ въ странѣ, непользующейся политической свободой, можетъ быть сильная драматическая поэзія, живая литература, когда писатели, изъ десяти представляющихся имъ сюжетовъ, по крайней мѣрѣ девяти не смѣютъ касаться, подъ опасеніемъ быть заподозрѣнными въ «демагогическихъ проискахъ»? Кромѣ того, еслибы даже въ писателѣ хватило настолько смѣлости, чтобы подвергнуться подозрѣнію во всевозможныхъ козняхъ противъ правительства, то какъ и о чемъ писать, когда въ странѣ нѣтъ общественной жизни, когда всякое проявленіе ея преслѣдуется и подавляется? Пока общество лишено самостоятельности, пока оно водится на помочахъ, пока оно безполезно лежитъ въ пеленкахъ, до тѣхъ поръ нельзя и претендовать имѣть серьезную литературу, и она невольно будетъ носить на себѣ дѣтскій характеръ. Дайте этому обществу вдохнуть въ себя свѣжую струю свободнаго воздуха, не останавливайте развитія мощной политической жизни, и тогда тотчасъ литература, какъ драматическая, такъ и всякая другая пріобрѣтетъ серьезный характеръ. До тѣхъ же поръ, несмотря ни на какія отдѣльныя, исключительныя явленія, удѣлъ литературы будетъ самый жалкій, недостойный. До тѣхъ поръ безцвѣтны и безжизненны будутъ писатели, поэты, точно также безцвѣтны и безжизненны, какъ и выводимыя ими лица, характеры, образы, проводимыя ими мысли, идеи. Вотъ на это-то отсутствіе развитой общественной жизни, политической свободы въ Германіи, какъ на источникъ безцвѣтности писателей, всего нѣмецкаго театра и билъ Бёрне въ своихъ драматическихъ рецензіяхъ. До пьесъ, до авторовъ ему собственно было очень мало дѣла; если онъ бранилъ однѣ, нападалъ на другихъ, то вовсе не потому, чтобы онъ ими особенно интересовался; ему важно было не столько то, что пьесы и писатели дурны, сколько то, отчего они дурны. Не имѣя часто возможности нападать на причину, на корень ихъ негодности, на данный политическій строй, онъ нападалъ и безжалостно глумился надъ послѣдствіями этой причины, и если сначала его понимали только люди дальнозоркіе, то впослѣдствіи стала понимать и вся читающая публика. Однимъ словомъ, въ сужденіяхъ своихъ о томъ или другомъ художественномъ произведеніи онъ руководился главнымъ образомъ политическими идеями, ко всему болѣе или менѣе онъ прилагалъ свое политическое мѣрило, и это, разумѣется, было бы безуміемъ ставить въ упрекъ Бёрне.

Но политическій элементъ не исключительно поглощалъ вниманіе Бёрне. Онъ съ такою же силою нападалъ на все неестественное, на все ходульное, на всякіе предразсудки, всякую узкость по-

нятій, на всѣ національные недостатки, а тѣмъ болѣе пороки. Бёрне былъ грозою всѣхъ драматурговъ, даже актеровъ, которыхъ онъ преслѣдовалъ за фальшь, искуственность, неестественность; его драматическія рецензіи создали ему цѣлую бездну враговъ, которые доходили до того, что угрожали опасностью самой жизни Берне. Бѣдный критикъ долженъ былъ пріобрѣсти себѣ пару пистолетовъ, чтобы выходить съ ними на улицу, такъ какъ могъ подвергнуться всякимъ непріятнымъ случайностямъ. Разумѣется, еслибы обиженные авторы только знали, какъ мало желалъ Бёрне нападать именно на нихъ, то едвали они питали бы къ нему такую ненависть. Именно эта-то публицистическая такъ-сказать сторона его драматическихъ рецензій и дѣлаетъ то, что онѣ до сихъ поръ сохраняютъ значительный интересъ. Будь эти рецензіи исключительно эстетическаго свойства, нѣтъ сомнѣнія, что ихъ давно бы никто не читалъ. Нѣтъ кажется такого сюжета, не было такой пьесы, говоря о которой Бёрне не съумѣлъ бы коснуться какого-нибудь общественнаго зла, не съумѣлъ бы ввести политическую мысль. Онъ пользовался самыми ничтожными пьесами, о которыхъ не стоило бы сказать двухъ словъ, для того, чтобы потолковать или высказать такую вещь, которая никогда бы не прошла въ статьѣ болѣе «серьезной», чѣмъ драматическая рецензія. Эти-то разбросанныя идеи, составляющія вмѣстѣ одно стройное гармоническое цѣлое, эта политическая пропаганда, выражавшаяся въ легкихъ, полныхъ остроумія и блеска, драматическихъ рецензіяхъ, и дѣлаетъ его драматургію столь драгоцѣнною; безъ этого никогда конечно его театральная критика не имѣла бы такого успѣха и вмѣстѣ такого значенія для нѣмецкаго общества. Значеніе это было чисто воспитательнаго свойства. Бёрне училъ просто, какъ нужно относиться къ извѣстнымъ явленіямъ, онъ разъяснялъ тутъ, какъ бы вскользь, мимоходомъ, самыя основныя понятія, касавшіяся общественнаго организма, политическаго устройства, онъ прививалъ, такъ-сказать, общія, элементарныя идеи, необходимыя для здоровой политической жизни народа.

Въ дѣлѣ пробужденія нѣмецкаго общества къ новой политической и нравственной жизни драматургія Бёрне составляетъ такимъ образомъ непосредственное продолженіе Лессинга. Чтобы понять, какъ умѣлъ Бёрне по поводу какой-нибудь пьесы задѣть извѣстное политическое положеніе вещей, для этого вовсе не нужно долго рыться въ двухъ томахъ его драматической критики. Стóитъ открыть любую страницу, и методъ Бёрне тотчасъ же обрисуется. Напримѣръ, возьмемъ первую по порядку рецензію, написанную на одну изъ плохихъ трагедій Раупаха подъ названіемъ «Крѣпост-

ные». Всѣ герои въ этой драмѣ пали жертвами крѣпостничества, такъ что борьба тутъ представляется съ одной стороны между людьми, съ другой—съ возмутительнымъ, безчеловѣчнымъ закономъ. Но подобная завязка, т.-е. людская борьба съ извѣстнымъ началомъ, закономъ, неудобна для трагедіи. Когда главнымъ героемъ трагедіи является не человѣкъ съ плотью и кровью, а только призракъ, принципъ, хотя бы даже политическій принципъ, тогда, по мнѣнію Бёрне, трагедія лишена свойственнаго ей основанія, и она грѣшитъ въ самомъ корнѣ. Тѣмъ не менѣе—драматурги сплошь и рядомъ прибѣгаютъ къ подобной завязкѣ. Показавъ, какъ невыгодна она для трагедіи, Берне обращается къ разбираемой имъ пьесѣ и прибавляетъ: «Мы не станемъ впрочемъ ставить этого въ укоръ поэту, такъ какъ такого рода недостатокъ долженъ быть отнесенъ скорѣе къ недостаткамъ его времени. Драма есть отраженіе жизни, а когда жизнь мелка,—мельчаетъ и искусство. Совершались и совершаются великія дѣла въ наше время, но ради борьбы элементовъ, а не живыхъ свободныхъ существъ. Человѣчество велико, люди ничтожны. Наша жизнь шахматная игра. Самое мѣсто дѣйствія сдѣлано изъ дерева, и раздѣлено на отмѣренныя поля, которыя выкрашены въ бѣлую или черную краску. Фигуры также изъ дерева, стоятъ, по обычаю, на право и на лѣво, впереди или сзади, на темномъ или свѣтломъ полѣ. Они не ходятъ, ихъ переставляютъ, какъ предписано; одна дѣлаетъ маленькіе, другая большіе шаги, одна двигается прямо, другая вкось, они сталкиваются, потомъ дерутся. И за кого они борются? За короля. И всѣ, оставшіяся стоять, не считаются, побѣда тамъ, гдѣ остался стоять король. А что такое король? деревяшка, какъ и всѣ.... Разумнаго изъ этого ничего не можетъ выйти, самое большое—комедія». Такъ пользуется Бёрне всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы показать читателю свой сатирическій бичъ и по поводу даже вздорной пьесы навести его на серьезное размышленіе объ ограниченности и тупоуміи общества, позволяющаго, чтобъ имъ управляли, какъ управляютъ деревянными пѣшками. «Не будьте пѣшками, говоритъ онъ, попробуйте двигаться сами и, быть можетъ, вы превратитесь изъ бездушной массы въ крѣпкихъ и здоровыхъ людей, и, быть можетъ, вы ужаснетесь изъ-за чего вы спорили и дрались! Быть можетъ вы вздрогнете отъ одной мысли, какъ безумно-преступно вы проливали и проливаете вашу кровь, потому что лилась и льется она не ради справедливости, не для защиты слабыхъ отъ насилія сильныхъ, не для вашего блага, а только ради грубого произвола одного, или во всякомъ случаѣ немногихъ!»

Бёрне никогда не останавливался на поверхности произве-

денія, онъ всегда углублялся въ самую суть комедіи или драмы, и старался представить мысль произведенія во всей ея наготѣ, безъ всякихъ прикрасъ, срывая съ нея мнимую, кажущуюся только справедливость, если ему казалось, что мысль въ основаніи своемъ не вѣрна, хотя на первый взглядъ и представлялось иначе. Никого менѣе чѣмъ Бёрне нельзя было обмануть внѣшнимъ либеральнымъ построеніемъ комедіи, внѣшнимъ либерализмомъ мысли: онъ тотчасъ подмѣчаетъ всякую фальшивую ноту, всякій фальшивый аккордъ; и если даже авторъ совершенно искренно кладетъ въ основаніе своей пьесы, какъ ему кажется, вполнѣ либеральную, какъ нельзя болѣе, по его убѣжденію, чистую мысль, то Бёрне, вникая въ это основаніе, пронизывая эту мысль своимъ пытливымъ взоромъ, и находя ее вовсе не такою либеральною, вовсе не такою чистою, тотчасъ бросаетъ яркій и истинный свѣтъ на всю драму, и говоритъ: нѣтъ, авторъ заблуждается, мысль, которая ему кажется либеральною, вовсе нелиберальна, и понимать извѣстное положеніе, извѣстный характеръ нужно такъ, а не иначе. Для Бёрне было рѣшительно все равно въ этомъ случаѣ написалъ ли эту пьесу какой-нибудь Раупахъ, Иффландъ, или написана она Лессингомъ или Шиллеромъ. Если что-нибудь кажется ему невѣрно, онъ съ одинаковымъ жаромъ набрасывается на это невѣрное, кому бы оно ни принадлежало — истина для него дороже всякихъ авторитетовъ, и умъ его не принадлежалъ къ тѣмъ узкимъ и робкимъ умамъ, которые боятся прикоснуться ко лжи и неправдѣ только потому, что эта ложь и эта неправда высказана великимъ человѣкомъ. Чѣмъ выше человѣкъ, чѣмъ крупнѣе его талантъ, тѣмъ болѣе строго нужно относиться ко всякой его ложной концепціи, ко всякой вкравшейся въ его произведеніе фальши, такъ какъ читатели и безъ того слишкомъ склонны въ подобномъ писателѣ принимать все на вѣру и смотрѣть какъ на божественное откровеніе на всякое слово, брошенное имъ на бумагу. Бёрне отлично понималъ, что если извѣстная ложь высказана мелкимъ писателемъ, то на нее не стоитъ обращать особеннаго вниманія, такъ какъ и безъ нападенія на нее она скоро заглохнетъ; но если подобная же ложь, подобное невѣрное отношеніе къ той или другой идеѣ встрѣчается у крупнаго писателя, то на него слѣдуетъ обрушиться со всею силою правды, такъ какъ ложь крупныхъ талантовъ проникаетъ очень глубоко и можетъ заразить собою значительную массу читателей.

Какъ примѣръ такого строгаго отношенія Бёрне къ идеѣ драматическаго произведенія, можно привести его рецензіи на «Эмилію Галотти» Лессинга, и на «Вильгельма Телля» Шил-

лера. «Эмилія Галотти» принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ самымъ смѣлымъ произведеніямъ своего времени, такъ какъ Лессингъ позволилъ себѣ изобразить въ этой пьесѣ представителя верховной власти вовсе не въ особенно привлекательномъ свѣтѣ. Тѣмъ не менѣе Бёрне показалась въ этомъ произведеніи какая-то фальшь. Фальшь эта заключается въ основаніи, въ фундаментальной идеѣ произведенія, которую можно резюмировать такъ: какъ пагубны бываютъ послѣдствія того, что князь окружаетъ себя дурными совѣтниками. Послѣдствіемъ этого въ «Эмиліи Галотти» является убіеніе отцомъ своей собственной дочери. «Когда такое страшное, неестественное дѣло, говоритъ Бёрне, случается такъ себѣ, напрасно, какъ здѣсь, когда отецъ убиваетъ свою дочь, не ради боговъ, не ради отчизны, не для того, чтобы сохранить чистоту ея сердца, которое онъ не считаетъ даже способнымъ къ порчѣ, но только для того, чтобы спасти ея анатомическую невинность, тогда съ отвращеніемъ отворачиваешься отъ подобнаго изображенія. Нравственное поученіе, исходящее изъ устъ принца, не удовлетворяетъ справедливаго требованія зрителя. Даже истина была бы слишкомъ дорого куплена подобною жертвою, а тѣмъ болѣе ложь. «Развѣ не достаточно для несчастія стольких людей и того, что князья простые люди: неужели нужно, чтобы они находили еще чорта въ своемъ другѣ»! «Нѣтъ, мой принцъ, прибавляетъ Бёрне, отвѣтственность министровъ хороша въ государственныхъ дѣлахъ; тамъ же, гдѣ князья являются простыми людьми, и гдѣ они перестаютъ поступать по-человѣчески, тамъ подпадаютъ они подъ общій законъ. Хорошіе правители всегда имѣютъ и хорошихъ совѣтниковъ». Такимъ образомъ, Бёрне нападаетъ на Лессинга, хотя Лессингъ въ сущности вовсе не виновенъ въ томъ, что мысль его выразилась въ такой мягкой формѣ для принца. Лессингъ взвалилъ всю вину на совѣтника князя только потому, что взвалить ее на самого правителя, быть можетъ, оказалось бы несовсѣмъ удобнымъ и пьеса едва ли была бы пропущена. Но Бёрне опасается, что зрители въ самомъ дѣлѣ поймутъ мысль такъ, какъ она является недальнозоркому человѣку и что они пожалуй въ самомъ дѣлѣ скажутъ: ахъ, бѣдный принцъ, какое несчастіе, что у этого хорошаго молодого человѣка такіе дурные совѣтники. Извините, говоритъ этимъ зрителямъ Бёрне, этотъ хорошій молодой человѣкъ ни болѣе, ни менѣе, какъ негодяй, и крайне прискорбно, что изъ-за такого негодяя случилось такое страшное дѣло, какъ убіеніе дочери собственнымъ ея отцомъ. Принца этого нечего жалѣть, потому что онъ не что иное, какъ развратникъ, незнающій границъ своему произволу

іезуитски сваливающій свою вину на своего совѣтника. Пословица, говорящая: tel maître, tel valet, какъ нельзя болѣе справедлива, и въ настоящемъ случаѣ вполнѣ приложима. Никогда у гуманнаго правителя, у истинно либеральнаго человѣка не будетъ совѣтникомъ низкій слуга съ самыми звѣрскими инстинктами. Очевидно, что Бёрне, какъ нельзя болѣе правъ, когда онъ отбрасываетъ все, что есть наноснаго и фальшиваго въ драмѣ Лессинга, когда онъ выправляетъ такъ-сказать мысль, лежащую въ основаніи произведенія и толкуетъ своимъ читателямъ, какъ нужно понимать эту драму и относиться къ данному положенію.

Если Бёрне всюду въ своей драматургіи ищетъ повода для пропаганды трезвыхъ политическихъ идей, и съ энергіею нападаетъ на всякое уклоненіе отъ политической правды, какъ онъ ее понимаетъ, и всякое извращеніе ея старается замѣнить свѣтлымъ разумнымъ воззрѣніемъ, то почти съ одинаковою силою нападаетъ онъ на произведенія, которыя, по его мнѣнію, грѣшатъ противъ нравственности. Нравственность Бёрне понимаетъ по-своему, и въ своемъ оригинальномъ пониманіи ея онъ даже не всегда бываетъ правъ. Его понятіе о нравственности чрезвычайно возвышенно, и въ своихъ строгихъ требованіяхъ отъ писателя, чтобы произведеніе его не оскорбляло нравственнаго чувства общества, онъ доходитъ подчасъ до такого пуританскаго ригоризма, который можетъ показаться даже неискреннимъ, хотя не можетъ быть никакого сомнѣнія, что Бёрне во всей своей жизни не написалъ ни одного слова, которое не выходило бы изъ самой глубины его души; ему нельзя не вѣрить, когда онъ пишетъ: «что я говорилъ, тому я всегда *вѣрилъ*. Что я писалъ, то диктовалось мнѣ моимъ сердцемъ». Чтобы представить примѣръ, до чего доходилъ Бёрне въ своей нравственной строгости, можно указать на разборъ его «Вильгельма Телля», на котораго онъ нападаетъ со всѣмъ своимъ остроуміемъ, нападаетъ за безнравственный поступокъ Телля, заключающійся, по его мнѣнію, въ томъ, что Телль рѣшился выстрѣлить въ яблоко, положенное на головѣ его сына. Этотъ выстрѣлъ исполняетъ Бёрне негодованіемъ. Чтобы тамъ ни было, разсуждаетъ онъ, отецъ не могъ, не долженъ былъ стрѣлять въ своего сына — это безнравственно. Подобное мнѣніе, высказанное другимъ писателемъ, было бы еще более или менѣе понятно, но когда оно высказывается такимъ горячимъ борцомъ за свободу, какимъ былъ Бёрне, когда мы слышимъ его отъ человѣка, котораго вся жизнь была посвящена одному политическому освобожденію своей родины, можно спросить себя съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ: какимъ образомъ Бёрне впадаетъ въ такое про-

тиворѣчіе, какимъ образомъ онъ, который взялъ девизомъ слова: «j'aime mieux ma patrie que ma famille», отступается вдругъ отъ словъ начертанныхъ на его политическомъ знамени. Еслибы нужно было непремѣнно отыскать причину кажущагося противорѣчія, еслибы мы стали добиваться его отъ самого Бёрне, то быть можетъ мы бы услышали въ отвѣтъ: да, я говорю, что отечество должно быть поставлено выше семьи, выше моего я, для освобожденія его человѣкъ долженъ дѣлать все, что въ его силахъ, но для этой благородной цѣли должны быть употреблены благородныя средства, убіеніе же собственнаго сына я считаю безнравственнымъ, слѣдовательно оно и не можетъ быть обращено въ средство для достиженія цѣли—блага родины! Едвали это не единственное объясненіе, которое можно дать его ярымъ нападкамъ на поступокъ Вильгельма Телля. «Онъ долженъ былъ въ ту же минуту убить тирана, но не стрѣлять въ своего сына». Но если Бёрне и неправъ, когда онъ смотритъ на поступокъ Вильгельма Телля, какъ на безнравственный, то вся критика его на это замѣчательное произведеніе Шиллера представляетъ собою одинъ изъ лучшихъ образчиковъ его драматическихъ рецензій. Взглядъ его на Телля совершенно оригинальный. Бёрне относится къ нему больше чѣмъ равнодушно, съ нелюбовію, потому что Телль выдается за героя, въ то время, когда онъ по его понятію вовсе не удовлетворяетъ понятію политическаго дѣятеля, политическаго героя. Вильгельмъ Телль герой! Бёрне смѣется надъ этимъ, говоря: «мнѣ очень жаль бѣднаго Телля, но онъ большой филистеръ». И это положеніе доказываетъ онъ во всей своей критикѣ. Это политическій герой, какъ бы спрашиваетъ Бёрне, это человѣкъ, освобождающій родину, это сильный характеръ? Нѣтъ, Телль далеко не удовлетворяетъ бёрневскому идеалу политическаго дѣятеля. «Характеръ Телля—подчиненность», говоритъ Бёрне и этимъ опредѣляется вся его дѣятельность. Это человѣкъ, по его мнѣнію, съ очень узкимъ и ограниченнымъ кругозоромъ; онъ сознаетъ свои обязанности, но обязанности эти не смѣлаго и мужественнаго гражданина, а простого, скромнаго человѣка. Телль обладаетъ мужествомъ, которое проистекаетъ изъ сознанія физической, тѣлесной силы, но не силы сердца, которой ему не хватаетъ. Телль видитъ только то, что̀ его окружаетъ, то что̀ передъ его глазами, но чтобы сразу обнять своимъ взоромъ дальній горизонтъ, отъ этого онъ очень далекъ. Онъ не любитъ преслѣдователей, онъ спасаетъ преслѣдуемыхъ; но для того, чтобы быть политическимъ дѣятелемъ—этого мало, нужно еще ненавидѣть самый принципъ преслѣдованія, нужно ненавидѣть не только деспотовъ и тирановъ, но самый принципъ про-

произвола и насилія. Телль не даетъ своей клятвы въ Рютли въ то время, когда тамъ собрались лучшіе граждане страны. «Отчего, спрашиваетъ Бёрне, у него не хватаетъ мужества пристать къ заговору? Когда онъ произноситъ:

Der Starke ist am mächtigsten allein —

то это только философія безсилія. Тотъ, кто имѣетъ силы лишь настолько, чтобы управлять собою, тотъ, разумѣется, сильнѣе всего когда онъ одинъ; но когда послѣ самообладанія у него остается еще излишекъ силы, тогда онъ будетъ управлять другими и въ союзѣ съ другими будетъ несравненно сильнѣе». Телль не отдаетъ поклона шляпѣ, вздернутой на колъ, но онъ волнуется этимъ, опасается, у него не хватаетъ духа исполнить это спокойно; онъ не противопоставляетъ благороднаго упорства свободы наглому упорству произвола, все, что у него есть—это «филистерская гордость», чувство собственнаго достоинства соединяется въ Теллѣ съ чувствомъ боязни и страха. «Чтобы соединить это чувство чести со страхомъ, онъ проходитъ мимо столба со шляпою съ опущенными глазами, для того, чтобы имѣть возможность сказать, что онъ не видѣлъ шляпы, и потому не преступилъ приказанія». Развѣ можно признавать Телля за героя, спрашиваетъ Бёрне, когда онъ всюду является малодушнымъ, до того малодушнымъ, что становится стыдно за него. Развѣ онъ не извиняется, «что онъ не отдалъ поклона шляпѣ вслѣдствіе невниманія и что это болѣе не повторится»? Бёрне упрекаетъ Телля, онъ предаетъ его посмѣянію за то, что онъ, когда его принуждаютъ стрѣлять по яблоку на головѣ сына, не нападаетъ на тирана, а предпочитаетъ обращаться къ нему съ просьбами, съ мольбою, называть его «lieber Herr» и, проходя черезъ рядъ униженій, доходитъ до безнравственнаго поступка—выстрѣла. Все это недостойно политическаго героя. Но что болѣе всего приводитъ Бёрне въ негодованіе, это смерть Гесслера. «Я не понимаю, говоритъ онъ, какъ можно находить этотъ поступокъ нравственнымъ и еще болѣе, какъ можно находить его прекраснымъ». Телль прячется и безъ опасности для себя убиваетъ врага, который думалъ, что жизни его ничто не угрожаетъ. Зачѣмъ, спрашиваетъ какъ бы Бёрне, не убилъ Телль врага его родины тогда, когда онъ долженъ былъ его убить, когда необходимость понуждала его, когда онъ долженъ былъ убить его, хотя бы ради того, чтобы не стрѣлять въ своего сына, и зачѣмъ убиваетъ онъ его теперь, какъ трусъ, предпочитая безопасную для себя месть?

Таковъ въ главныхъ чертахъ разборъ Бёрне «Вильгельма

Телля». Онъ не хочетъ, чтобы нѣмцы могли такого человѣка считать политическимъ героемъ, идеаломъ политическаго дѣятеля. Телль, по его мнѣнію, не представляетъ собою свободнаго человѣка, въ своихъ поступкахъ онъ выказываетъ себя трусомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ жестокимъ, лицемѣріе служитъ для него девизомъ, такъ точно, какъ оно служитъ девизомъ деспотическихъ правительствъ. Въ образѣ дѣйствій свободнаго человѣка ничего не должно быть общаго съ образомъ дѣйствій этихъ послѣднихъ. Если имъ дозволено ехидно нападать на своихъ враговъ, то это естественно, потому что по самому принципу деспотическія правительства могутъ держаться только ехидствомъ и страхомъ, какъ давно уже сказалъ Монтескьё, но люди свободные для торжества своихъ политическихъ идей должны употреблять только честныя орудія. Правда, быть можетъ именно оттого, что для торжества политическихъ идей свободныхъ людей употребляются только честныя средства, торжество это такъ долго не наступаетъ и такъ медленно осуществляется идеалъ тѣхъ людей, которыхъ привыкли называть мечтателями, безумцами, утопистами и даже глупцами. Rira bien qui rira le dernier, говоритъ пословица, и весьма можетъ быть, что глупцами окажутся въ концѣ концовъ вовсе не тѣ, которые противъ всевозможныхъ козней и изощреній сѣдовласаго деспотизма употребляютъ всегда честныя орудія, ведутъ, такъ-сказать, открытую игру съ произволомъ, а именно тѣ, которые питаютъ надежду при помощи ехидства, лицемѣрія и ряда насилій держать вѣчно народы въ оковахъ и трепетномъ страхѣ. Таковы были быть можетъ мысли, которыя роились въ головѣ Бёрне, когда онъ нападалъ на недостаточную искренность, на недостаточную прямоту въ образѣ дѣйствій Вильгельма Телля; и нельзя не сказать, что если въ теоріи Бёрне и правъ, если подобный взглядъ на образъ дѣйствій политическаго дѣятеля въ высшей степени честенъ и благороденъ, и какъ нельзя болѣе вѣрно обрисовываетъ характеръ автора «Парижскихъ Писемъ», то на практикѣ онъ не всегда приложимъ. Вильгельмъ Телль вовсе не такъ виноватъ, когда онъ держится правила: съ волками жить, по-волчьи выть, и когда во время страстной борьбы, горячей схватки онъ на минуту вырываетъ орудіе у своего вѣкового врага и доказываетъ ему на практикѣ, что палка страха и гоненій о двухъ концахъ, и если въ продолженіи столѣтій однимъ концомъ она бьетъ народъ, то настаетъ минута, когда другимъ своимъ концомъ она наноситъ смертельный ударъ всемогуществу деспотовъ. Нѣтъ, нельзя обвинять людей, когда они, возбужденные ненавистью и негодованіемъ, доведеннымъ до послѣднихъ границъ цѣлымъ рядомъ преступныхъ дѣяній ихъ прави-

телей, рѣшаются поступать съ ними такъ, какъ они привыкли обращаться съ ними самими; нельзя обвинять людей за то, что чаша страданій ихъ переполнилась и они принуждаютъ хлѣбнуть изъ нея тѣхъ, которые постарались именно ее переполнить. Правда, Теллей, убившихъ одного человѣка, называютъ убійцами, въ то время когда Гесслеровъ, убивавшихъ сотнями, тысячами, по какой-то странной логикѣ, называютъ мучениками. Правда впрочемъ и то, что народы не привыкли, чтобы къ дѣяніямъ ихъ относились когда-нибудь справедливо. Вильгельмъ Телль, какъ представитель массы, представитель народа, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ не порицанія, а глубокаго состраданія и сочувствія. Тайный, внутренній голосъ подсказывалъ это, разумѣется, Бёрне, потому что иначе онъ не написалъ бы въ концѣ своей критики, что «Вильгельмъ Телль остается тѣмъ не менѣе одною изъ лучшихъ трагедій, какою только обладаютъ нѣмцы. Съ произведеніями искусства, добавлялъ онъ, бываетъ тоже, что и съ людьми: при самыхъ большихъ недостаткахъ они могутъ быть милы намъ». Вильгельмъ Телль не могъ не быть все-таки милъ Бёрне, несмотря на всѣ свои недостатки, несмотря на то, что его образъ дѣйствій не удовлетворялъ требованіямъ строго-нравственнаго политическаго дѣятеля XIX столѣтія, не могъ не быть милъ ему, потому что въ концѣ концовъ онъ все-таки представляется олицетвореніемъ протеста противъ того порядка, съ которымъ съ такимъ благороднымъ мужествомъ, съ такою неутомимою энергіею боролся всю жизнь самъ Бёрне.

Критика на «Вильгельма Телля» принадлежитъ безспорно къ лучшимъ драматическимъ рецензіямъ Бёрне, и если въ его драматургіи встрѣчаются критики, поражающія еще болѣе тонкимъ анализомъ, какъ, напр., знаменитый разборъ его «Гамлета», то ни одна не даетъ такого полнаго понятія о манерѣ Бёрне, какъ эта. Въ ней соединяются оба элемента, составляющіе отличительныя свойства критики Бёрне: элементъ политическій и элементъ нравственный. Не слѣдуетъ однако думать, что, всюду преслѣдуя одну политическую цѣль, изъ всего дѣлая предметъ политической пропаганды, онъ въ своихъ литературныхъ критикахъ вовсе забывалъ пользу самой литературы. Нѣтъ, онъ слишкомъ хорошо зналъ, что значитъ здоровая литература для общественнаго развитія, чтобы пренебрегать ею. «Новаторъ въ политикѣ и въ поэзіи, справедливо говоритъ одинъ изъ самыхъ еще посредственныхъ его біографовъ, онъ ведетъ рука объ руку свою двойную задачу. Далеко отъ того, чтобы не признавать независимость искусства, онъ желалъ бы, чтобы могущественная и свободная литература

свидѣтельствовала собою жизнь, силу, безостановочное развитіе національнаго духа. Такимъ образомъ, политика и искусство занимаютъ его въ одно и тоже время и соединяются для него, но не перемѣшиваясь». Правда, политикѣ онъ всегда отдавалъ преимущество, онъ больше заботился о пропагандѣ новыхъ политическихъ идей, но оттого, что онъ видѣлъ, что главная причина застоя нѣмецкой націи, главная причина ея грустнаго политическаго и нравственнаго состоянія заключается именно въ томъ, что до сихъ поръ политическое воспитаніе народа еще не было вовсе начато. Народъ не понималъ просто всей возмутительной несправедливости своего безправнаго существованія, такъ точно какъ не понималъ, что безграничная власть, которою такъ злоупотребляли нѣмецкія правительства, не имѣетъ никакого законнаго основанія, кромѣ развѣ одного—людской «глупости», какъ выражался обыкновенно Бёрне. Что̀ дѣлало до сихъ поръ драматическое искусство въ Германіи? За немногими, но яркими исключеніями, нѣмецкіе драматурги не только не содѣйствовали распространенію здоровыхъ понятій въ обществѣ, но, изображая существующіе нравы безъ всякой руководящей идеи, изображая нѣмецкое пресмыкательство, чинопочитаніе, раболѣпство, и тому подобныя добродѣтели, не осмѣивая ихъ даже, не предавая позору, они укрѣпляли въ обществѣ мысль, что если оно такъ, то такъ и должно быть. Въ этомъ ли заключается цѣль искусства? Искусство, какъ и всякая другая отрасль человѣческой дѣятельности, должно быть направлено къ одному — къ общественному благоденствію, къ общественной пользѣ. Очевидно, что главнымъ условіемъ общественнаго благополучія служитъ то, чтобы во взаимныхъ отношеніяхъ людей между собою господствовала справедливость, чтобы люди понимали свои права и обязанности. Этой-то справедливости, этого пониманія правъ и обязанностей и не было въ современномъ ему обществѣ, оттого и происходило торжество грубой силы, торжество произвола. На долю однихъ тогда выпадаетъ право господствовать, право повелѣвать, право пользоваться всѣми удобствами, всѣми преимуществами жизни; на долю же другихъ достаются однѣ обязанности, обязанность подчиняться, обязанность тянуть жизнь полную лишеній и униженій. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если дѣятельность драматическаго поэта, или вообще литературнаго таланта, будетъ направлена не на то, чтобы поселять въ обществѣ болѣе справедливыя понятія о человѣческихъ отношеніяхъ, не на то, чтобы приводить людей къ разумному пониманію ихъ правъ и обязанностей, а напротивъ, если они своими произведеніями будутъ освящать

такъ-сказать и укрѣплять съ одной стороны законность произвола, привилегій, права однихъ на господство, а съ другой, будутъ поддерживать естественность жалкаго положенія массы, законность ея безправности, ея рабства, тогда, какимъ бы талантомъ ни обладалъ человѣкъ, онъ дурно служитъ дѣлу искусства, потому что дурно служитъ дѣлу человѣчества. Однимъ словомъ, драматическая поэзія, литература должна быть всегда проводникомъ новыхъ идей, выработываемыхъ исторіею, для того, чтобы произвести улучшеніе въ жизни всего человѣческаго общества. Бёрне, какъ и Лессингъ въ свое время, видѣлъ, что нѣмецкая драматическая поэзія, нѣмецкая литература, не только не служатъ такимъ проводникомъ новыхъ идей, но напротивъ являются хранилищемъ всего ветхаго, износившагося, рутиннаго и прогнившаго. Онъ направилъ всѣ свои старанія, чтобы заставить ее сбросить съ себя эту гнилость и сдѣлать ее способнымъ къ новой жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ понималъ, что главною преградою для того, чтобы литература вступила на тотъ путь, на которомъ она только и можетъ сдѣлаться сильнымъ двигателемъ въ дѣлѣ развитія общества, заключается въ политическомъ гнётѣ, подавлявшемъ собою всю Германію. На этотъ политическій гнётъ онъ направилъ всѣ свои стрѣлы. Одною изъ нихъ была и его драматургія. Развивая въ ней свои свѣтлые взгляды на всѣ стороны жизни, онъ старался пробуждать въ драматической поэзіи подавленную въ ней національную силу. Оттого-то его драматургія и пользовалась такимъ успѣхомъ.

VI.

Политическій темпераментъ Бёрне не удовлетворяется однако одними намеками; ему мало было того, что́ онъ высказывалъ по поводу дрянныхъ пьесъ; несмотря на все искусство, говоря о пѣніи Зонтагъ или танцахъ Тальони, толковать въ одно и тоже время о глупости и безсмысленности нѣмецкихъ правительствъ, ему нужно было подчасъ выливать еще свою остроумную злобу прямо, не прикрываясь какою-нибудь комедіею Коцебу или драмою Гувальда. Одними драматическими рецензіями нельзя было наполнять ему его «Вѣсы», и потому онъ пишетъ цѣлую пропасть публицистическихъ, критическихъ и политическихъ статей. Впрочемъ, какъ ни жалуется Бёрне на политическое положеніе своей родины, тѣмъ не менѣе положеніе это не было уже такъ отчаянно, какъ то можетъ представляться

намъ. О самыхъ деликатныхъ политическихъ вопросахъ онъ говорилъ съ большою свободою, если примѣнить къ тогдашней Германіи другое мѣрило. При этомъ нужно прибавить, что подобныя политическія статьи Бёрне появлялись, и не только не влекли за собою какого-нибудь позорящаго наказанія для автора, но не имѣли даже послѣдствіемъ ни запрещенія, ни остановки журнала. Хотя, разумѣется, этого не нужно и прибавлять, нѣмецкія правительства смотрѣли крайне недружелюбно на смѣлаго политическаго писателя и не разъ конечно готовы были бы его проглотить, но.... предпочитали оставлять автора въ покоѣ. Къ этому первому періоду его журнальной дѣятельности должны быть отнесены, напримѣръ, такія статьи, какъ «Большой заговоръ», «Свобода печати въ Баваріи», «Робкія замѣчанія объ Австріи и Пруссіи» и многія другія.

Чтобы видѣть, какъ мѣтко и остроумно нападалъ Бёрне на политическое тупоуміе и всевозможныя дикія выходки нѣмецкихъ правительствъ, можно указать на любую изъ этихъ статей, ну хоть на «Большой заговоръ», помѣченный 1819 годомъ. Всѣмъ извѣстно, каково было время послѣ покоренія Франціи, послѣ торжества союзниковъ, послѣ основанія пагубнаго «Священнаго Союза». Время это было временемъ самой злой реакціи. Каждый день открывались новые заговоры, разумѣется, совершенно мнимые.

Одинъ изъ подобныхъ заговоровъ былъ открытъ въ 1819 году, и прусская правительственная газета оповѣстила міръ, что государство «волею Божіею» избавилось отъ страшной грозившей ему опасности, что козни враговъ правительства и порядка обнаружены, что, однимъ словомъ, открытъ «большой заговоръ». Если въ обществѣ и находились люди, которые хорошо понимали, что заговоръ этотъ не стоитъ, чтобы о немъ и говорили, что все это не что иное какъ ловкій маневръ бездѣльниковъ, чтобы придать себѣ важность, за то масса общества, удаленная отъ близости главнаго театра дѣйствій, «провинція» была настолько легковѣрна и педальнозорка, что еще относилась серьезно къ подобнымъ штукамъ и въ самомъ дѣлѣ полагала, что отечество избавилось отъ страшной опасности. Вотъ эту-то общественную массу, которую правительство считало удобнымъ держать въ страхѣ, обманывая ее мнимыми заговорами, и обманывая самымъ безсовѣстнымъ образомъ, и просвѣщаетъ Бёрне, приближая къ ней грозное привидѣніе и говоритъ: Смотрите! заговоръ дѣйствительно есть, но не заговоръ молодежи, а заговоръ полиціи, заговоръ правительства противъ общества. «Правительственная газета увѣряетъ, что

во многихъ нѣмецкихъ земляхъ существуетъ развѣтвленный союзъ, имѣющій цѣлію превратить Германію въ республику. Газета говоритъ далѣе, что для того, чтобы выработать этотъ планъ, во многихъ мѣстностяхъ образовались союзы, частью правильно организованные, частью заключающіеся въ *сліяніи принциповъ и образа мыслей*. Газета говоритъ еще, что апостолы свободы кочуютъ по Германіи, чтобы среди народа посѣять сѣмена недовольства. Предполагая даже, что все это правда, какъ они утверждаютъ, и что чисто материнская нѣжность, съ которою полиція заботится о своихъ дѣтяхъ, не простерла слишкомъ далеко своей попечительности, то все-таки еще нѣтъ преступленія, которое могло бы оправдывать воспослѣдовавшія строгія мѣры. *Планъ* республики, который долженъ еще быть *выработанъ, сѣмена* недовольства, которыя должны быть еще *разброшены*, все это, по справедливости говоря, не составляетъ еще и тѣни отъ тѣни заговора». Бёрне со смѣхомъ, въ которомъ слышатся стоны наболѣвшей груди, какъ нельзя болѣе справедливо спрашиваетъ правительство, долго ли оно будетъ еще играть эту жалкую и недостойную комедію, долго ли оно будетъ еще, въ своей безсильной злобѣ противъ прогрессивныхъ, свободныхъ идей, наполнять, по наущенію своихъ алчныхъ клевретовъ, тюрьмы и крѣпости сотнями юношей, чуть не дѣтей.

Правительственная газета, говоритъ далѣе Бёрне, объявляя о заговорѣ мнѣній, сама того не желая, «открыла великую и истинную тайну. Дѣйствительно существуетъ заговоръ, разбросавшій свои вѣтви не только по Германіи, но по цѣлой Европѣ. Заговорщики не знаютъ другъ друга, они не видятся между собою, они не имѣютъ никакихъ связующихъ ихъ между собою знаковъ, цѣли, пути, и все-таки между всѣми ими существуетъ братство— братство именно въ образѣ мыслей. Но этотъ союзъ направленъ противъ всяческихъ злоупотребленій власти, находящейся въ рукахъ прислужниковъ, противъ всякаго беззаконія, противъ всякаго произвола, и онъ достигнетъ своей цѣли, несмотря ни на какія полиціи». Это единственный заговоръ, съ которымъ не можетъ совладать никакое правительство, и чтобы оно ни дѣлало, чтобы ни придумывало, какимъ бы инквизиторскимъ пыткамъ ни подвергало оно людей, связанныхъ общимъ свободнымъ образомъ мыслей, заговоръ этотъ, въ силу прогресса, въ силу вѣчнаго безостановочнаго движенія человѣчества впередъ, будетъ съ каждымъ днемъ крѣпнуть и разбрасывать свои вѣтви все шире и шире. Правда, подобный заговоръ не доставляетъ заговорщикамъ быстраго торжества, но тѣмъ не менѣе онъ опаснѣе для деспотическихъ правительствъ всякаго другого заговора, потому

что его нельзя вырвать съ корнемъ, и всякая новая жертва въ средѣ заговорщиковъ только укрѣпляетъ ихъ силу.

Бёрне, хорошо знакомый со всѣми іезуитскими продѣлками и макіавелистическими замашками абсолютныхъ порядковъ, настойчиво преслѣдуетъ прусское правительство своею злою насмѣшкой и ставитъ ему такіе вопросы, которые не могутъ не коробить и не приводить въ бѣшенство. Вы говорите, обращается онъ къ оффиціальной газетѣ, что арестованы только немногія лица, но какъ же это согласить съ тѣмъ, что вы и ваши клевреты кричите каждый день о томъ, что страну одолѣваетъ внутренній врагъ, что самыя злыя козни направлены противъ цѣльности и благополучія государства, что тайная интрига, баснословный заговоръ, привлекшій къ себѣ даже нѣкоторыхъ изъ высокопоставленныхъ лицъ, опутали возмутительною сѣтью всѣ слои общества? Какъ согласить все это съ вашими наускиваніями на всѣхъ порядочныхъ людей, на весь честный людъ, виновный только въ томъ, что онъ чувствуетъ крайнее омерзѣніе къ вамъ, жалкимъ и грязнымъ писакамъ, къ вамъ, недостойнымъ слугамъ недостойнаго произвола? Какъ согласить это съ вашими ежедневными доносами на всѣхъ, кто не съ вами, на всѣхъ, кто мало-мальски честно служитъ своему обществу? «Если заговоръ дѣйствительно такъ распространенъ, какъ это утверждаютъ, если слѣдствіе дало уже такіе важные результаты, отчего же тогда найдено такъ мало подозрительныхъ лицъ, которыхъ слѣдовало арестовать.... Еще болѣе удивительно, прибавляетъ Бёрне, сознаніе правительственной газеты, что безъ особенно важныхъ основаній для подозрѣнія, у многихъ лицъ были захвачены бумаги, чтобы добыть улики противъ дѣйствительно виновныхъ». Кричать о страшномъ пожарѣ, охватившемъ необъятное пространство въ то время, когда подъ носомъ зажглась спичка, для того чтобы немедленно потухнуть—все это давно хорошо знакомый маневръ внутренней политики абсолютныхъ правительствъ, которыя руководятся въ этомъ случаѣ правилами, честность которыхъ «извѣстна каждому».

Ничто не доставляло Берне такого большого удовольствія, какъ разоблачать тѣ лицемѣрныя правительственныя мѣры, которыя выдавались за особенно либеральныя. Тамъ гдѣ произволъ сказывается грубо, тамъ гдѣ онъ дѣйствуетъ открыто, тамъ онъ менѣе опасенъ, потому что никого не можетъ обманывать—всѣ очень хорошо знаютъ тогда, какъ слѣдуетъ относиться къ тому или другому правительственному дѣйствію. Другое дѣло, когда этотъ произволъ прикрывается личиною благонамѣренности, когда онъ натягиваетъ на себя маску либерализма, такъ какъ въ та-

комъ случаѣ масса недальновидныхъ людей принимаетъ фальшивую монету за настоящую, люди впадаютъ въ блаженное состояніе самодовольства, озлобляются даже противъ тѣхъ, болѣе дальновидныхъ людей, которые понимаютъ, что пока сущность дѣла не измѣнилась, ничто не измѣнилось, и что слѣдовательно нельзя жить иначе, какъ подъ постояннымъ страхомъ новыхъ и неожиданныхъ ударовъ. Бёрне хорошо понималъ, что тамъ гдѣ самодовольство, тамъ нѣтъ и быть не можетъ истинныхъ и быстрыхъ успѣховъ въ общественной жизни, и потому всѣми силами предохранялъ онъ отъ него нѣмецкую націю. «Не поддавайтесь обману», кричалъ онъ каждый разъ, какъ какое-нибудь изъ нѣмецкихъ правительствъ, въ припадкѣ необыкновеннаго великодушія, торжественно оповѣщало страну о томъ, что оно рѣшилось облагодѣтельствовать націю тѣмъ или другимъ мнимо-либеральнымъ закономъ, тою или другою мнимо-либеральною мѣрою. Такъ крикнулъ онъ: «не поддавайтесь обману», когда баварское правительство издало новый законъ о свободѣ печати. Чтó нужно, спрашиваетъ Берне, чтобы предохранить и правителей и народы отъ пагубныхъ и часто непоправимыхъ ошибокъ? Отвѣтъ, который онъ самъ себѣ даетъ, какъ нельзя болѣе простъ: нужна свобода, нужно, чтобы люди всѣхъ сословій могли свободно пользоваться на благо государства всѣми своими умственными способностями, всею своею опытностью. Для этого слѣдуетъ, чтобы люди, пользуясь свободой рѣчи, могли обсуждать открыто всѣ вопросы въ народныхъ собраніяхъ, и свободою печати, во всѣхъ книгахъ, журналахъ, газетахъ. «Такимъ только путемъ, говоритъ Берне, образуется *нравственная* демократія, которая воспрепятствуетъ порожденію столь опасной и столь бѣдственной *численной* демократіи». Общественное мнѣніе тоже, что бушующее море, которое разрываетъ плотины, шлюзы, все, чтò препятствуетъ его свободному теченію, и заливаетъ собою огромныя пространства, все уничтожая на своемъ пути. Оставьте же этому морю свободное теченіе, не заграждайте его пути и вліяніе его на страну будетъ только благодѣтельно. «Правительства, которыя подавляютъ свободу рѣчи, потому что истины, распространяемыя ею, для него несносны, поступаютъ какъ дѣти, которыя закрываютъ глаза, чтобы ихъ не видѣли. Безполезныя старанія. Тамъ гдѣ опасаются свободнаго слова, тамъ смерть его не принесетъ мира безпокойнымъ душамъ. Призраки умерщвленныхъ мыслей нисколько не менѣе пугаютъ боязливаго притѣснителя, подавившаго ихъ, чѣмъ эти самыя мысли, но только живыя». Бёрне писалъ это наканунѣ того, что для цѣлой Германіи долженъ былъ быть обнародованъ новый законъ о печати;

онъ опасался, чтобы этотъ законъ не былъ похожъ на тотъ законъ о свободѣ печати, который былъ объявленъ въ Баваріи. Какъ ни тяжело было положеніе печати, но Бёрне боялся, что оно сдѣлается еще хуже, и потому спѣшилъ излить свои жалобы, опасаясь, чтобы черезъ нѣсколько недѣль каждая жалоба не сдѣлалась «безполезною и наказуемою». Баварскій эдиктъ о свободѣ печати, говорилъ онъ, постоянно противорѣчитъ своему собственному названію, такъ какъ «о *свободѣ* въ немъ нигдѣ ничего нѣтъ, а напротивъ вездѣ только говорится объ *ограниченіи*». Бёрне не удовлетворялся тѣмъ, что книги могли выходить безъ цензуры, потому что онъ понималъ смыслъ іезуитскихъ словъ, говорившихъ, что издатели, сочинители и типографщики могутъ не представлять сочиненій въ цензуру, если только при изданіи дорогихъ книгъ и для обезпеченія изданія они сами не пожелаютъ представить ихъ въ цензуру. «Напугать трусливыхъ людей, прибавляетъ Бёрне, вѣдь очень легко».

Политическія статьи Бёрне, появлявшіяся въ «Вѣсахъ», были такъ-сказать первыми бомбами, послѣ глухого затишья пущенными въ крѣпкую стѣну абсолютизма. Бомбы эти были пущены съ такою силою и такъ мѣтко, что въ непріятельскомъ лагерѣ тотчасъ же произошло смущеніе, вызванное конечно опасеніемъ, чтобы онѣ не пробили бреши въ уродливомъ, но вѣковомъ зданіи произвола. Надменные, но вмѣстѣ трусливые, его защитники тотчасъ направили свои трубки, чтобы разглядѣть, кто этотъ смѣлый и дерзкій застрѣльщикъ, что это за человѣкъ, который осмѣливался возвышать свой голосъ въ вакханальный періодъ реакціи, когда она праздновала свое торжество дикими пиршествами, которыми служили для нея конгрессы Карлсбадскій, Ахенскій, Веронскій. Всѣ съ удивленіемъ разглядывали человѣка, который рѣшается говорить о правахъ народа въ то время, когда Священный Союзъ былъ въ апогеѣ своей силы, и когда инквизиторская коммиссія для преслѣдованія «демагогическихъ происковъ», какъ Сатурнъ, пожирала самыхъ лучшихъ дѣтей Германіи. Имя Лудвига Бёрне занесено было въ толстую книгу жертвъ и отмѣчено краснымъ крестомъ. Къ счастію, Бёрне не принадлежалъ къ тому робкому разряду людей, которые въ смущеніи отступаются при первомъ косомъ взглядѣ, брошенномъ на нихъ кѣмъ - нибудь изъ сильныхъ міра.

Чѣмъ бóльшимъ успѣхомъ пользовались статьи Бёрне, тѣмъ сильнѣе становилось въ немъ желаніе, неутомимо работать на пользу Германіи, такъ какъ онъ видѣлъ, что разбрасываемыя имъ сѣмена не упадаютъ на безплодную, песчаную почву. Онъ

не могъ не сознавать, какое благотворное вліяніе онъ долженъ былъ имѣть и дѣйствительно имѣлъ на современное ему общество, и потому въ немъ сильно было желаніе расширить свою сферу дѣятельности. «Вѣсы» выходили только отъ времени до времени, отдѣльными книжками, между тѣмъ каждодневныя событія давали слишкомъ большую пищу для публициста, чтобы не возбудить въ немъ охоты, потребности высказывать чаще свои воззрѣнія на общественныя дѣла, чаще развивать свои идеи, болѣе постоянно, болѣе непрерывно вести свою политическую пропаганду. Острое перо Бёрне томилось бездѣйствіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстность, которую успѣлъ онъ уже пріобрѣсти себѣ, привлекла къ нему вниманіе различныхъ издателей, которые старались воспользоваться талантомъ Бёрне, чтобы начать, подъ его флагомъ, какое-нибудь выгодное дѣло. Бёрне дѣлались различныя предложенія. Между прочимъ ему предлагали написать исторію войны 1813 и 1814 годовъ, съ цѣлію выставить, какъ много сдѣлала для Германіи Россія. Ему предлагали доставить всевозможные матеріалы вмѣстѣ съ самыми выгодными условіями. Бёрне категорически отклонилъ отъ себя подобное предложеніе, говоря, что онъ никогда не поддастся на такую удочку и никогда не станетъ содѣйствовать тому, чтобы доставить въ Германіи преобладаніе русскимъ интересамъ. Такой отвѣтъ какъ нельзя болѣе понятенъ со стороны человѣка, горячо сочувствовавшаго идеямъ французской революціи. Если Бёрне отклонилъ подобное предложеніе, то онъ съ радостью ухватился за другое, сдѣланное ему однимъ изъ извѣстныхъ издателей—принять на себя редакцію ежедневной газеты. Съ 1-го января 1819 года стала выходить «Газета вольнаго города Франкфурта» подъ редакціею Бёрне. Въ продолженіи шести мѣсяцевъ Бёрне самымъ дѣятельнымъ образомъ работалъ надъ этой газетой, въ продолженіи шести мѣсяцевъ онъ бился съ цензурою, вооруженною большими ножницами, какъ бьется рыба объ ледъ, и все напрасно. Онъ велъ самую ожесточенную партизанскую войну съ франкфуртскими цензорами, прибѣгая къ самымъ утонченнымъ военнымъ хитростямъ, онъ изощрялся въ умѣніи писать двусмысленно, чтобы читатель могъ дополнять его мысль тѣмъ, что онъ вставлялъ между строчекъ, но все тщетно. Цензура одолѣвала его, не давала ему свободно вздохнуть. Въ этой борьбѣ Бёрне чувствовалъ, что онъ изнемогаетъ напрасно, и что лучшее, что онъ можетъ сдѣлать, это отказаться отъ редактированія «Газеты вольнаго города Франкфурта». Истощивъ весь запасъ своего терпѣнія, онъ рѣшился на эту тяжелую мѣру, и послѣ шести мѣсяцевъ его редакціи газета перешла въ другія руки. «Эти шесть

мѣсяцевъ, замѣчаетъ его біографъ, стоили ему много ночныхъ бдѣній, денежныхъ штрафовъ, самыхъ остроумныхъ мыслей, яркихъ истинъ, пропавшихъ безслѣдно, и они ему ничего не принесли кромѣ убѣжденія, что подъ Дамокловымъ мечомъ цензуры можно научиться только одному — усовершенствовать свой стиль нѣкоторыми тонкими оттѣнками, нѣкоторыми дипломатическими намеками и граціозными двусмысленностями. Бёрне часто говорилъ шутя, что «введеніе свободы печати повредитъ выработкѣ нѣмецкаго стиля; писать тонко, остроумно, осторожно, граціозно можно только тогда, когда съ нами заигрываетъ кошечка-цензура». Бёрне смѣялся сквозь слезы досады, и какъ могло быть иначе, когда онъ чувствовалъ, что ему преграждаютъ такимъ образомъ путь къ непосредственному и непрерывному дѣйствію на общество.

За эти шесть мѣсяцевъ пытки, за эту неровную борьбу съ цензурою, онъ жестоко отомстилъ ей, осмѣявъ ее въ одной изъ самыхъ мѣткихъ своихъ статей, которой онъ далъ названіе: «Достопримѣчательности франкфуртской цензуры». Болѣе благородной и вмѣстѣ болѣе дѣйствительной мести трудно было придумать. «Цензура! восклицаетъ Бёрне. Слово, которое самаго легкомысленнаго, веселаго, беззаботнѣйшаго вѣтрогона превращаетъ въ меланхолика, серьезное размышленіе доводитъ до изумленія и ужаса, угрюмѣйшаго ворчуна заставляетъ разражаться неудержимымъ хохотомъ! Слово въ одно и тоже время страшное и смѣлое, возвышенное и мизерное, удивительное и дюжинно-нелѣпое, смотря по тому, знаменательные ли и важные результаты преслѣдуетъ и достигаетъ онъ, или у него въ виду цѣль чисто ребяческая, да и то ею не достигаемая». Какъ ни расположенъ Бёрне смѣяться, сколько ни настраиваетъ онъ себя на этотъ ладъ, но лишь только онъ произноситъ слово: цензура, какъ тотчасъ злоба подступаетъ къ его груди, и онъ не успокоивается, пока не выльется на бумагу. «Всякій честный, всякій мыслящій нѣмецкій гражданинъ негодуетъ и плачетъ, когда видитъ, какія бѣдствія паносятся неискусными руками на дорогое отечество. Будь этимъ противникомъ свободы народа злоба, мы могли бы сказать: «станемъ сражаться съ нею»; будь этимъ противникомъ глупость, мы могли бы сказать: «отнесемся къ ней съ состраданіемъ и станемъ просвѣщать ее». Но этотъ противникъ — филистерство, эта отвратительная, нѣмецкая смѣсь узкости сердца и плоскости ума, сражаться съ которою можно только ея же собственнымъ оружіемъ, а для употребленія въ дѣло этого послѣдняго не хватитъ достаточно самоуниженія ни у кого, кто только чувствуетъ и понимаетъ себя».

Сравненіе своего дурного положенія съ положеніемъ кого-нибудь другого, еще болѣе дурнымъ, значительно облегчаетъ и утѣшаетъ, но подобное сравненіе приноситъ мало пользы, оно заставляетъ человѣка примиряться съ своимъ плохимъ положеніемъ и не искать выхода и перехода къ лучшему. Къ подобному сравненію Бёрне никогда не прибѣгалъ; онъ сравнивалъ положеніе своей націи съ положеніемъ другихъ націй, но не менѣе, а болѣе свободныхъ, чѣмъ нѣмецкая, и потому никогда и ни въ чемъ не бывалъ доволенъ собственнымъ отечествомъ. Онъ приходилъ въ ужасъ отъ нѣмецкой цензуры, потому что въ другихъ странахъ онъ видѣлъ, что положеніе печати несравненно свободнѣе. Къ тѣмъ же сосѣднимъ странамъ, гдѣ слово томилось въ тяжелыхъ оковахъ, гдѣ цензура свирѣпствовала въ сто разъ сильнѣе чѣмъ въ Германіи, онъ никогда не обращался серьезно; развѣ иногда заглядывалъ онъ къ нимъ, чтобы посмѣяться и передать какой-нибудь курьезный фактъ. Такъ, напр., разсказываетъ Бёрне объ одномъ любопытномъ фактѣ изъ прежней исторіи русской цензуры: «Посыпьте голову пепломъ, нѣмецкіе цензоры, говоритъ онъ, такой исторіи вамъ не изобрѣсти никогда. Въ 1813 году, одинъ русскій хотѣлъ издать описаніе своего путешествія по Франціи въ 1812 году. Цензура не нашла въ книгѣ ничего предосудительнаго кромѣ заглавія; это послѣднее показалось ей неприличнымъ, какъ указаніе на то, что русскій путешествовалъ по Франціи въ 1812 году, т.-е. въ то время, когда это государство вело войну съ Россіею. Для устраненія этого неудобства, цензоръ уничтожилъ заглавіе «Путешествіе по Франціи», замѣнивъ его словами: «Путешествіе по Англіи» и вездѣ, гдѣ въ книгѣ встрѣчалось слово Франція, очутилось названіе Англія.» У себя дома, въ Германіи, Бёрне возмущался не столько строгостью, сколько снисходительностью цензуры, потому что снисходительность, по его мнѣнію, только доказывала безполезность и ненужность строгости. «Гдѣ цензура казнитъ, тамъ она дѣлаетъ то, что ей слѣдуетъ дѣлать по должности, и поэтому никого не сбиваетъ съ толку; но право миловать ни въ какомъ случаѣ не должно быть предоставлено ей; это право только придаетъ еще болѣе тиранический характеръ ея власти, потому что позволяетъ ей поступать совершенно произвольно, убивать или оставлять въ живыхъ, смотря по желанію». Въ своей полной остроумія статьѣ Бёрне разсказываетъ нѣсколько случаевъ изъ цензурной практики, случаевъ, по его мнѣнію, особенно замѣчательныхъ по своему крайнему уродству. Излишне было бы передавать эти случаи, такъ какъ для насъ они не представляютъ ровно ничего удивительнаго; примѣры по-

разительнаго произвола цензоровъ, примѣры ихъ необычайной глупости, запрещеніе невинныхъ мѣстъ, подъ опасеніемъ, что въ нихъ скрывается что-нибудь коварное, вымарываніе всего, что заподозрѣвается только какимъ-нибудь особенно дальновиднымъ цензоромъ въ самомъ неправдоподобномъ намекѣ на высокопоставленныя лица—все это было слишкомъ хорошо и еще недавно знакомо нашимъ читателямъ, чтобы стоило на этомъ останавливаться. Бёрне боролся самымъ настойчивымъ образомъ съ франкфуртскою цензурою и можно смѣло сказать, что ни одного шага онъ не уступалъ безъ отчаяннаго боя. Цензура вычеркиваетъ ему изъ статьи цѣлую страницу, Бёрне, не церемонясь, замѣщаетъ ее цѣликомъ точками. Точки эти привлекали къ статьѣ еще большее вниманіе, дѣлались догадки, быть можетъ еще болѣе невыгодныя, чѣмъ вымаранныя мѣста. «Полиція, разсказываетъ Бёрне, прислала мнѣ письменное приглашеніе воздерживаться, подъ опасеніемъ штрафа, отъ всякихъ точекъ». Приглашеніе это, по поводу котораго Бёрне разсуждаетъ о томъ, что на него не имѣли ни малѣйшаго права налагать подобной обязанности, какъ будто произволъ заботится о томъ, нарушаетъ онъ чье-нибудь право или нѣтъ — было формулировано, какъ нельзя болѣе категорически. «Такъ какъ такой образъ дѣйствій противенъ всякому порядку, то и было отдано распоряженіе, чтобы исключаемыя цензурою мѣста не были замѣщаемы точками или черточками, но чтобы редакція соединяла разрозненныя этимъ пробѣломъ части періода такимъ образомъ, чтобы не было замѣтно никакого перерыва въ текстѣ». Кромѣ того было приказано, чтобы пустыя мѣста въ концѣ газеты были наполняемы объявленіями или пропущенными уже цензурою статьями. «Съ этою цѣлію, говорилось въ приказѣ, редакція обязана постоянно имѣть у себя достаточный запасъ такихъ объявленій или статей». Все это милыя наставленія, къ которымъ нельзя оставаться равнодушнымъ. Что̀ дѣлаетъ Бёрне послѣ прочтенія такихъ внушительныхъ увѣщаній? Онъ пишетъ статью, въ которой приводитъ выписку изъ какой-то другой газеты, разсказывавшей о нелѣпости прусской цензуры. Бёрне понималъ хорошо, что говорить о пошлости прусской цензуры все равно, что говорить о пошлости франкфуртской или всякой другой. Цензура вычеркнула ему весь этотъ разсказъ. «Исключеніе моимъ франкфуртскимъ цензоромъ, передаетъ Бёрне, всего вышеприведеннаго мѣста не особенно удивило меня; я уже совершенно привыкъ къ турецкому гнету, и еслибы цензоръ пожелалъ вычеркнуть самого меня изъ списка живыхъ, я, съ терпѣливостью барашка, протянулъ бы ему мою шею. Поэтому я

безъ спора выпустилъ непропущенное мѣсто, воздержался, согласно распоряженію цензуры, отъ всякихъ точекъ, но образовавшійся отъ этой вымарки пробѣлъ наполнилъ разными невинными и занимательными объявленіями; такимъ образомъ, только особенно проницательный читатель могъ замѣтить, что цензорскій мечъ снова казнилъ въ этомъ мѣстѣ нѣсколько опасныхъ для общественнаго порядка и спокойствія фразъ. Я сдѣлалъ это pour égayer la matière, но полиціи моя шутка показалась нисколько не забавною, и она, чтобы дать удовлетвореніе своей оскорбленной дочери—цензурѣ, привлекла меня къ суду и подвергнула наказанію».... Дѣйствительно, за свою остроумную шутку: наполненіе середины статьи объявленіями, докторъ Бёрне, какъ значилось въ опредѣленіи суда, приговаривался къ уплатѣ десяти талеровъ штрафа, съ возложеніемъ на него судебныхъ издержекъ. Вмѣсто того, чтобы быть совершенно довольнымъ, что такъ дешево отдѣлался за шутку, Бёрне оскорбился этимъ рѣшеніемъ, и подалъ аппелляціонную жалобу. Не даромъ же онъ изучалъ юридическія науки. Въ этой аппелляціонной жалобѣ Бёрне приводитъ всѣ свои бѣдствія, какъ редактора, всѣ муки, которыя доставляла ему цензура. «Она не слѣдуетъ, говоритъ онъ, никакимъ принципамъ, — ни справедливости, ни мягкосердечія, ни благоразумія. У нея нѣтъ никакихъ правилъ, никакихъ постороннихъ указаній, никакихъ собственныхъ мнѣній. Въ ней неизмѣнчива только ея измѣнчивость, постоянно только ея непостоянство». Онъ горько жалуется на то, что редакторъ можетъ выбиваться изъ всѣхъ силъ, чтобы не преступить священныхъ границъ, допускаемыхъ цензурою, а все-таки каждый день можетъ подвергаться опасности быть притянутымъ къ отвѣтственности. Съ чѣмъ сообразоваться, когда сегодня цензура допускаетъ говорить о самыхъ непріятныхъ для правительства вещахъ, а завтра преслѣдуетъ за проповѣдь самыхъ невинныхъ принциповъ, непонятыхъ ею, и потому показавшихся ей опасными. «Однимъ словомъ, жалуется Бёрне, цензура поступала одинаково непостижимо какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда она не препятствовала печатанію, такъ и въ тѣхъ, когда она являлась преградою; ея «дозволено» и «не дозволено» были равно изумительны».

Еще болѣе рѣзко, чѣмъ на цензуру, нападаетъ онъ въ своей жалобѣ на произволъ высшаго полицейскаго управленія, которое присвоило себѣ всяческія власти: издавать законы, которымъ оно требуетъ строгаго повиновенія, строго слѣдить, чтобы законы, изданные полиціею, не нарушались, производить слѣдствіе надъ нарушителями, судить ихъ, налагать наказанія, и все это собственною властью. «Такимъ образомъ, остроумно замѣчаетъ

Бёрне въ своей аппелляціи, здѣшняя полиція является настоящею энциклопедіею всевозможныхъ государственныхъ правъ, и для практическаго ознакомленія нашей учащейся молодежи со всѣми цивилистическими и экономическими ученіями можно посылать ее въ одно изъ нашихъ полицейскихъ бюро, вмѣсто того, чтобы заставлять посѣщать университеты, гдѣ ей приходится слушать лекціи по десяти различнымъ отраслямъ юриспруденціи и политики». Совѣта этого можно было и не давать нѣмецкимъ правительствамъ, потому что они и безъ того уже заставляли молодежь проходить практическій курсъ судопроизводства и политики, засаживая ихъ въ тюрьмы и крѣпости, находя эти послѣднія для молодежи болѣе полезными, а для себя болѣе спокойными, чѣмъ всяческіе университеты. Но что болѣе всего приводило Бёрне въ негодованіе—это административный произволъ полиціи, ея угрозы «непремѣнной кары» за всякое нарушеніе предписанныхъ ею правилъ, въ томъ числѣ и цензурныхъ. Человѣкъ совершаетъ убійство, и онъ впередъ можетъ знать, какому наказанію подлежитъ онъ за такое злодѣяніе, такъ какъ существуетъ для этого положительно опредѣляющій наказаніе законъ; человѣкъ же произноситъ какое-нибудь неосторожное слово, бросаетъ непріятную для властей мысль и ему только угрожаютъ «непремѣнной карой», не говоря, что̀ это именно за кара? Человѣка за выраженіе его мысли наказываютъ; казалось бы, что болѣе возмутительнаго ничего нельзя придумать; нѣтъ, оказывается этого мало, и человѣку еще говорятъ: берегитесь, если вы согрѣшите еще разъ, то будете подвергнуты «болѣе строгому взысканію». Эта угроза невыносима для Бёрне. «Если я хорошо понимаю, что̀ значитъ *болѣе строгое взысканіе*, то полиція хотѣла этимъ сказать, что повтореніе подобнаго нарушенія закона повлечетъ за собою усиленіе наказанія. Полиція составила себѣ свое особенное убѣжденіе, что при каждомъ повтореніи проступка наказаніе должно возрастать въ геометрической прогрессіи. Каждый, кому извѣстно изъ математики страшно быстрое возрастаніе геометрической прогрессіи, пойметъ поэтому, что франкфуртскій журналистъ, подвергнутый сегодня въ первый разъ нѣсколькимъ талерамъ штрафа, черезъ нѣсколько недѣль весьма легко можетъ быть уже колесованъ за повтореніе цензурныхъ проступковъ. Это очень прискорбно»! Такъ заканчиваетъ Бёрне свою аппелляціонную жалобу, тонъ которой разумѣется не могъ особенно понравиться высшей инстанціи. Авторъ аппелляціи прибавляетъ, что она не имѣла благопріятнаго исхода, и что штрафъ его еще увеличили на пять талеровъ за его «дурной стиль».

Таковъ былъ послѣдній актъ его дѣятельности, касавшійся

редактированія ежедневной газеты. «Газета вольнаго города Франкфурта» перешла въ совершенно иныя руки и стала проповѣдывать идеи, прямо противоположныя идеямъ Бёрне. Онъ не могъ остаться совершенно равнодушнымъ къ участи газеты, на которую потратилъ столько силъ и въ такое короткое время, и въ статьѣ необыкновенно правдивой и рѣзкой показалъ всю глубокую ложь, которою проникнуты понятія враждебнаго ему лагеря. Въ этой статьѣ, которая носитъ названіе «Газета вольнаго города Франкфурта», онъ опрокидываетъ обвиненія, направленныя противъ либераловъ и обнаруживаетъ во всѣхъ ея грандіозныхъ размѣрахъ фальшь ихъ противниковъ. «Либераловъ, говоритъ Бёрне, упрекаютъ ихъ противники въ томъ, что они стараются поселить раздоръ, чтобы во время давки, подобно ворамъ, лучше воспользоваться самимъ; раболѣпныхъ же писателей обвиняютъ, что они подкуплены деньгами или тщеславіемъ, и что они не что иное какъ презрѣнные шпіоны. Эти не понимаютъ, какъ возможно безъ платы или надежды на добычу бороться ради одной любви къ свободѣ и къ праву: тѣ же не могутъ постичь, чтобы были природные рабы, которые, не подкупленные никѣмъ, могли по склонности своего сердца обожать холопскій образъ мыслей». Газета, надъ которой онъ работалъ шесть мѣсяцевъ, перешла въ руки людей послѣдней категоріи и онъ считалъ своею обязанностью предупредить читателей, чтобы они не довѣряли той іезуитской пропагандѣ, которая велась съ такимъ упорствомъ. Не та ложь опасная, которая высказывается въ грубой рѣзкой формѣ, гораздо опаснѣе та полуистина, которая старается проникнуть въ сердца честныхъ людей; съ этою послѣднею нужно бороться изо всѣхъ силъ. «Темный цвѣтъ, говоритъ Бёрне, не требуетъ яркаго освѣщенія, чтобы всѣ видѣли, что онъ темный, но свѣтъ необходимъ для обманчивыхъ, грязныхъ цвѣтовъ». Этотъ обманчивый грязный цвѣтъ, и сдѣлался цвѣтомъ «Газеты вольнаго города Франкфурта». Она принялась разсказывать устарѣлую басню о томъ, какъ опасно ступать на непрочный ледъ, какъ вредно хватать идеи, прежде ихъ полной зрѣлости, объ идеяхъ, которыя не могутъ годиться для дѣйствительной жизни и тому подобномъ вздорѣ,—басню, которая годится для народа, пока онъ находится въ младенческомъ состояніи, но которая можетъ только вызвать смѣхъ и возбудить негодованіе взрослаго народа. Бёрне съ суровымъ упрекомъ обращается къ газетѣ за то, что она осмѣливается прибѣгать къ пошлому маневру: всегда всю вину во всякомъ вопросѣ сваливать на либеральную партію. Бёрне останавливается надъ соболѣзнованіемъ, выражаемымъ франк-

фуртской газетой, что черезъ явленія подобныя убіенію Коцебу «сосѣднія Германіи страны получаютъ обильный матеріалъ для разсужденій столько же горькихъ, сколько и компрометтирующихъ честь нѣмецкаго народа». Очевидно, что подобною фразою «Газета свободнаго города Франкфурта» желала уязвить людей либеральнаго образа мыслей, дѣлая ихъ какъ бы солидарными съ одиночнымъ фактомъ убійства. Бёрне какъ нельзя болѣе хорошо знакомый съ извѣстнымъ пріемомъ, который заключается въ обобщеніи отдѣльнаго преступленія, совершеннымъ какимъ-нибудь безумнымъ фанатикомъ, въ приписываніи одиночнаго факта проискамъ цѣлой партіи, заранѣе обдуманному плану цѣлой сѣти заговорщиковъ, съ цѣлію разумѣется привлечь къ отвѣту какъ можно большее число лицъ, Бёрне легко разоблачаетъ этотъ старый пріемъ и говоритъ обществу: не вѣрьте, это чистая ложь! Бёрне понималъ, что дѣло въ этомъ случаѣ камарильи, обманывающей и общество и само правительство, заключается въ одномъ: напугать правительство и увѣрить его, что всюду противъ него замышляются козни, и что если бы не она, камарилья, то давно бы уже самая жизнь правителя была въ опасности, однимъ словомъ, заставить правителя смотрѣть на эту камарилью, какъ на самый твердый оплотъ престола. Результатъ извѣстный: на камарилью падаетъ проливной дождь всевозможныхъ наградъ и милостей. «Еслибы вы самомъ дѣлѣ, говоритъ Бёрне, обращаясь къ партіи интригановъ и продажныхъ писателей, такъ дорожили уваженіемъ вашихъ сосѣдей, то, безъ сомнѣнія, намъ было бы лучше жить. Преступленіе Занда дало французамъ поводъ къ горькимъ размышленіямъ, но порицаніе ихъ было обращено не на нѣмецкій народъ. Они указали, какъ подавленное стремленіе къ свободѣ должно прорываться въ подобныхъ безумныхъ потѣхахъ; они указали, какъ мистическая ночь среднихъ вѣковъ, которою вы окружаете себя, чтобы подъ ея прикрытіемъ могла развиваться аристократическая заносчивость, склонила нѣкоторыхъ лицъ изъ народа къ тому, чтобы сойти съ прямого демократическаго пути; они указали, съ какимъ лукавствомъ хотите воспользоваться вы наглымъ поступкомъ одного человѣка, чтобы ограничить свободу милліоновъ людей. Нѣтъ, нѣтъ, кричитъ Бёрне, не указывайте на сосѣдей, не говорите о французахъ, потому что они рѣшились доставить себѣ побѣду путемъ крови, путемъ тысячи преступленій. Горе вамъ, если нѣмцы послѣдуютъ поданному примѣру!» Если кровь кипитъ въ Бёрне, когда онъ говоритъ о подобныхъ уловкахъ враговъ народной свободы, если желчь выливается у него въ цѣломъ потокѣ грозныхъ упрековъ, то на устахъ его появляется саркастическая

улыбка, когда онъ начинаетъ говорить, объ увѣщаніяхъ, разсыпаемыхъ «защитниками порядка», и о томъ, съ какою нѣжностью толкуютъ они о противникахъ рабства, о защитникахъ свободы, которые, какъ неосторожныя дѣти, бросаются на непрочный ледъ, которые хотятъ сорвать плоды съ дерева, прежде чѣмъ наступила пора зрѣлости, и потому только портятъ работу серьезныхъ людей и мѣшаютъ сами дѣлу полнаго освобожденія народа. «Старая пѣсня», отвѣчаетъ на все это Бёрне, давно уже слышали мы о непрочномъ льдѣ, о незрѣлыхъ плодахъ, объ осуществленіи прекрасныхъ идей въ будущемъ и т. д., и т. д. «Пора зрѣлости!» восклицаетъ Бёрне, да кто же долженъ ее опредѣлить, «неужели среди тридцати милліоновъ нѣмцевъ нѣсколько царедворцевъ осмѣливаются мечтать» принять на себя это рѣшеніе. «Плоды еще не созрѣли», утверждаютъ точно также угодливые писатели. «Дурное пугало», замѣчаетъ ех-редакторъ «Газеты вольнаго города Франкфурта», и еслибы мы стали ожидать, пока большіе арендаторы государства намъ крикнутъ: теперь клюйте! мы бы уже опоздали, такъ какъ всѣ деревья были бы уже общипаны». Точно также стара пѣсня и о томъ, что вредно выдвигать впередъ слишкомъ либеральныя идеи, которыя не отвѣчаютъ потребностямъ времени. Вздоръ, отвѣчаетъ на это Бёрне, нація никогда еще не страдала оттого, что передовыми людьми выставлялись слишкомъ либеральныя идеи, и слишкомъ часто горько платилась за то, что не хотѣла слѣдовать новымъ идеямъ. «Требуйте больше, чтобы меньше получить», таковъ долженъ быть девизъ народа, которому всегда стараются урѣзать его права и расширить его обязанности. Нѣмцы должны слѣдовать примѣру французовъ, которые получили отказъ, когда требовали конституціонной монархіи, доставшейся имъ только тогда, когда они стали требовать республики. Лишнія требованія никогда не вредятъ, только требованія эти должны быть выражены въ рѣшительной формѣ. Требуйте, говоритъ Бёрне того же, что требовали французы, требуйте: «независимости отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній, народнаго представительства посредствомъ ежегоднаго парламента, защиту и святость личности, свободу ремеслъ и торговли, уничтоженія цеховъ; уничтоженія привилегій, равенства передъ закономъ; полную вѣротерпимость, гласное судопроизводство; судъ присяжныхъ; свободу печати, отвѣтственность министровъ и низшихъ чиновниковъ».

Лишенный возможности издавать ежедневную газету, Бёрне долженъ былъ опять ограничиться отъ времени до времени выходившими «Вѣсами». Отвѣдавъ сладкаго, онъ не могъ примириться съ горькимъ, не могъ примириться съ тѣмъ, что вмѣсто

непрерывнаго вліянія на свое общество, онъ снова будетъ въ состояніи только изрѣдка наносить удары сгнившему, но не развалившемуся еще, порядку, изрѣдка только освѣщать обществу своимъ ярко горящимъ факеломъ его истинный путь къ достиженію свободы. Бёрне не могъ съ этимъ примириться, и потому рѣшился еще разъ попытать счастія и... задумалъ сдѣлаться редакторомъ опредѣленнаго періодическаго журнала. Въ іюнѣ пересталъ онъ быть редакторомъ «Газеты вольнаго города Франкфурта», а въ іюлѣ того же года онъ разослалъ объявленіе объ изданіи еженедѣльнаго журнала подъ названіемъ «Полетъ времени» (Zeitschwingen).

Чѣмъ долженъ былъ наполняться главнымъ образомъ новый журналъ, это хорошо можно видѣть изъ послѣднихъ страницъ его объявленія, на которыхъ Бёрне говоритъ: «Большіе господа очень любятъ, чтобы мы, мелкая прислуга, пускались только въ возвышенныя и отвлеченныя соображенія, а низкую ручную работу предоставляли имъ—чтобы мы взлетали за облака и тамъ наблюдали теченіе планетъ, а о движеніи земныхъ вещей оставили всякое попеченіе; чтобы мы разрѣшали алгебраическія задачи въ то время, какъ они будутъ подводить итоги своимъ барышамъ, полученнымъ чистою, наличною монетою. Результатъ изъ всего этого выходитъ плохой. Много благомыслящихъ и благонамѣренныхъ людей попадаютъ тутъ въ просакъ. Вотъ уже тридцать лѣтъ большіе господа грозно кричатъ имъ: «не увлекайтесь теоріями, которыя не могутъ быть примѣнены на практикѣ»; а наши-то милые ученые еще пуще разгорячаются отъ этого, начинаютъ еще усерднѣе защищать свои принципы и тѣмъ сильнѣе запутываются въ сѣти, которыя протянуты подъ ихъ ногами. Большіе господа только того и желали, чтобы на этотъ разъ мы имъ не оказали повиновенія. Между тѣмъ, все на свѣтѣ идетъ своимъ чередомъ. Сократъ пользовался огромнымъ авторитетомъ потому, что свелъ философію съ неба на землю, и такимъ образомъ онъ сдѣлался учителемъ человѣчества. Если мы хотимъ способствовать счастію людей, то должны свести политику съ облаковъ на землю. Ни одного голоднаго вы не накормите трактатомъ о безпошлинномъ ввозѣ хлѣба, ни одного больного не излечите руководствомъ къ терапіи, никакую гражданскую свободу не создадите посредствомъ сочиненія Монтескьё. Хлѣбныя сѣмена бросаются въ землю для потомства, а современникамъ нуженъ готовый хлѣбъ». Бёрне не разъ возвращался къ этой темѣ, не разъ говорилъ онъ нѣмцамъ: не улетайте въ облака, оставайтесь больше на землѣ! Онъ обращался съ этимъ совѣтомъ къ нѣмецкимъ ученымъ, которые

все больше и больше погружались въ философію, и часто въ филистерскую философію, въ прямой ущербъ дѣйствительной жизни.

Философія поощряется правительствами, потому что въ Германіи, говоритъ Бёрне, «стѣснить философію значитъ расширить свободу, а расширить философію значитъ не что иное, какъ стѣснить свободу». Гдѣ причина этого явленія?—въ разъединеніи науки съ жизнію. «Соедините вмѣстѣ науку, искусство, жизнь. Разъединенныя, онѣ пребываютъ въ рабскомъ состояніи, а господа ихъ—не вы, въ разъединеніи наука блѣдна, искусство худощаво, жизнь болѣзненна. Неужели вы можете вѣчно только стряпать и никогда не подавать на столъ? Неужели вы не хотите имѣть свое восьмнадцатое столѣтіе, какъ имѣли его французскіе ученые». Однимъ словомъ, Бёрне неотступно требуетъ одного: чтобы люди больше занимались практикой, нежели теоріею, или по крайней мѣрѣ теорію постоянно старались прикладывать къ жизни. Какой прокъ отъ того, что въ ученомъ трактатѣ будетъ подробно развито, какъ люди могутъ быть свободны, когда въ дѣйствительности они будутъ оставаться рабами. Отъ этого никому не легче. Трактатами нельзя кормить людей, точно также какъ соловья не кормятъ баснями. «Если мы можемъ, говоритъ Бёрне, содѣйствовать распространенію человѣческаго счастія, то должны больше говорить о явленіяхъ жизни, чѣмъ о ея правилахъ..... поэтому должно (и я буду поступать именно такъ) чаще говорить о лишеніяхъ народа, чѣмъ о его правахъ, жарче о государственномъ управленіи, чѣмъ о формѣ государственнаго устройства, больше о повседневныхъ явленіяхъ гражданской жизни, обнаруживающихся въ домашнемъ кругу и на улицѣ, чѣмъ о законодательныхъ принципахъ и крупныхъ политическихъ вопросахъ».

Какъ ни прекрасна была начерченная программа, какъ ни отвѣчала она тому, что должно быть программой такого замѣчательнаго публициста, какимъ представляется Бёрне, но программѣ этой не суждено было осуществиться настолько, насколько онъ этого желалъ. Тщетны оказались надежды Бёрне, что еженедѣльному журналу легче будетъ жить на свѣтѣ, чѣмъ его «Франкфуртской газетѣ», напрасно мечталъ онъ, что изданіе ея въ другомъ мѣстѣ, а не въ самомъ Франкфуртѣ, избавитъ ее отъ гнета франкфуртскихъ цензоровъ, что цензура Оффенбаха будетъ милостивѣе цензуры «вольнаго города» — ничуть не бывало. Тоже, что было съ «Газетой вольнаго города Франкфурта», тоже повторилось и съ «Полетомъ времени», тѣ же притѣсненія, тоже безсмысленное кастрированіе статей, таже глупость въ преслѣдованіи. Бёрне скоро долженъ былъ еще разъ убѣдиться, что издавать журналъ такъ, какъ онъ того желалъ, пропо-

дывать въ немъ его идеи, его мысли и взгляды на вещи—немыслимо; что нужно или нѣсколько умѣрить свой пылъ, свое негодованіе, свое остроуміе даже, или прекратить изданіе журнала.

Бёрне предпочелъ послѣднее. Еще до того, что появленіе «Полета времени» окончательно прекратилось, онъ въ одномъ изъ нумеровъ, предчувствуя уже близкую и неизбѣжную кончину журнала, напечаталъ статью подъ названіемъ «Завѣщаніе Полета времени». Чтò дѣлать независимому и честному публицисту, какъ бы спрашиваетъ Бёрне, когда для него становится невозможнымъ говорить обо всемъ, что имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ политикѣ и къ правительству? А чтò не имѣетъ отношенія къ деспотическому правительству? Такъ-называемыя «сильныя» правительства, но въ сущности слабыя и трусливыя, потому что хуже огня боятся они прикосновенія къ себѣ всякаго живого слова, во всемъ, даже въ томъ, что вовсе къ нимъ не относится, готовы видѣть намекъ на себя (согласно извѣстной русской поговоркѣ: на ворѣ и шапка горитъ). Говорите о всемъ, о чемъ вамъ угодно, говорятъ публицисту, но только не касайтесь прямо насъ, высоко стоящихъ, порицайте все, но только не порицайте нашихъ дѣйствій! Хотите говорить о правительствѣ, отлично, но говорите такъ, чтобы всѣ видѣли, понимали, что вы относитесь къ нему съ уваженіемъ; хотите говорить о внѣшнихъ дѣлахъ, еще лучше, но не говорите только того, что не отвѣчаетъ нашимъ намѣреніямъ; хотите бесѣдовать о внутреннихъ дѣлахъ, не останавливайтесь, но только подъ условіемъ, чтобы вы говорили: «какъ все прекрасно въ нашемъ счастливомъ отечествѣ», потому что говорить другое, значило бы возбуждать недовѣріе къ правительству, и бросать въ него подозрѣніе, что оно не управляетъ съ достаточною мудростію; говорите о высшихъ классахъ, но говорите съ почтеніемъ, потому что высшіе классы служатъ опорою трона; хотите толковать о простомъ, бѣдномъ народѣ, толкуйте, но только убѣждайте его при этомъ, что онъ вовсе не бѣдный и не несчастный, что такимъ онъ и долженъ быть и что ему непозволительно даже знать что-нибудь лучшее, такъ какъ иначе вы возбуждаете въ народѣ недовольство его судьбою, а мудрое отеческое правительство не можетъ терпѣть никакого недовольства, такъ какъ всякое недовольство доказываетъ вольнодумство и потому самому пагубно и оскорбительно для нѣжной заботливости владыкъ народа. Всякое же уклоненіе отъ подобнаго увѣщанія влечетъ за собою неизбѣжную кару закона. Однимъ словомъ, въ деспотическихъ правительствахъ существуетъ оффиціальный образъ мыслей и всякій человѣкъ, осмѣливающійся не раздѣлять

его, тотчасъ объявляется подозрительнымъ и врагомъ порядка. Какъ долженъ говорить о различныхъ предметахъ осторожный журналистъ, Бёрне отлично опредѣляетъ въ своемъ «Завѣщаніи». Осторожный журналистъ, по его мнѣнію, долженъ заниматься «астрономіею, за исключеніемъ кометъ, потому что онѣ служатъ предвѣстниками войны и народныхъ бѣдствій, — географіей, пропуская мѣста, гдѣ находятся минеральныя воды, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ собираются конгрессы,—алгеброй, но безъ включенія въ нее плюсовъ и минусовъ, ибо они подлежатъ вѣдѣнію финансоваго управленія,—психологіей, не пускаясь только въ ученіе о душѣ знатныхъ людей,—богословіемъ, за исключеніемъ вопроса о Священномъ Союзѣ,—политическою экономіею, но только домашнею, частною,—юриспруденціею, выключая уголовное судопроизводство, относящееся къ обязанностямъ чиновниковъ, — философіею безъ всякаго ограниченія, — полезнымъ ученіемъ о клинообразномъ письмѣ, коническомъ сѣченіи и коренныхъ словахъ нѣмецкаго языка, — затѣмъ, механикой, оптикой, этикой, реторикой, математикой, макробіотикой, динамикой, статикой, всевозможными *иками*, за исключеніемъ только *политики*, такъ какъ она принадлежитъ исключительно правительству». При такихъ условіяхъ трудно было издавать политическій журналъ, дыханіе «Полета времени» съ каждымъ днемъ становилось тяжелѣе. Бёрне, чувствуя, что наступила смертельная агонія, поторопился написать «завѣщаніе», которое должно было только ускорить смерть издыхавшаго журнала. Онъ проволокъ свое существованіе еще нѣкоторое время, и затѣмъ скатился въ ту тьму, въ ту пропасть, въ которую лютая реакція сталкивала все честное, все живое. Бёрне долженъ былъ быть еще благодаренъ, что «Полетъ времени» въ своемъ паденіи не увлекъ за собою и его редактора. Впрочемъ нужно сказать, что редакторъ этотъ принялъ нѣкоторыя мѣры предосторожности.

Еще до окончательнаго прекращенія «Полета времени» Бёрне, усталый, измученный, раздраженный всѣми ненавистными выходками деспотическаго порядка, бросилъ на время Франкфуртъ, и отправился въ небольшое странствованіе по Рейну. Онъ побывалъ въ Майнцѣ, Кобленцѣ, Кёльнѣ, Боннѣ, и вездѣ онъ встрѣчался съ людьми, которые такъ недавно еще играли роль и считались звѣздами чуть не первой величины. Онъ видѣлся съ Герресомъ, съ Шлейермахеромъ, съ Шлегелемъ, Арндтомъ, и хотя Бёрне относился съ уваженіемъ и съ добродушіемъ къ этимъ людямъ отжившей романтической школы, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рѣшительно отказывался имѣть съ ними что-нибудь общаго въ политическомъ отношеніи. Ему не нравятся ихъ

старческіе политическіе взгляды, онъ боится ихъ любви къ историческому праву и антипатіи къ новому, къ живому. «Еслибы они получили господство, плохо бы пришлось нѣмецкому народу» писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ госпожѣ Воль, съ которою въ продолженіи всей своей остальной жизни, т.-е. чуть не двадцать лѣтъ, онъ сохранялъ самыя лучшія, самыя дружескія отношенія.

Возвратившись во Франкфуртъ послѣ нѣсколькихъ недѣль, Бёрне долженъ былъ снова покинуть родной городъ, и на этотъ разъ уже не совсѣмъ добровольно. «Полетъ времени» продолжалъ еще выходить, блѣдный, болѣзненный, съ печатью смерти на челѣ. По пріѣздѣ во Франкфуртъ Бёрне, тотчасъ же узналъ, что начальствующія лица съ особеннымъ вниманіемъ читаютъ его журналъ и при этомъ сверхъ мѣры интересуются его личностью. Подобное вниманіе правительства не предвѣщало ничего хорошаго. Бёрне, и еще больше его друзья понимали это какъ нельзя лучше, они знали, что всѣ крѣпости были переполнены, они знали, что центральная слѣдственная коммиссія, учрежденная въ Майнцѣ для преслѣдованія «революціонныхъ происковъ и демагогическихъ союзовъ», свирѣпствуетъ со всею силою, что по всей Германіи распространилась страшная зараза—отвратительный политическій гнетъ, явившійся какъ результатъ временной побѣды принципа абсолютной власти надъ принципомъ народнаго самоуправленія. Каждый свободный шагъ, каждое свободное слово преслѣдовалось, какъ политическое преступленіе, и каралось со строгостью военнаго положенія. Подобныхъ преступленій Бёрне совершилъ слишкомъ много, чтобы у правительства не было желанія упрятать его куда-нибудь подальше. Какъ ни переполнены были казематы, но для такого человѣка, какъ Бёрне, для оппозиціоннаго и притомъ радикальнаго политическаго писателя, у заботливаго правительства всегда найдется лишній тюремный подвалъ. Друзья совѣтовали Бёрне поскорѣй убраться изъ родного города, и Бёрне соглашался, понимая всю опасность своего положенія. Медлить было нечего. Бёрне попросилъ выдать ему паспортъ, просьба его не была уважена. Худшаго предзнаменованія не могло быть. Рѣшимость и энергія не покинули Бёрне, онъ бросилъ Франкфуртъ, пѣшкомъ пришелъ въ Дармштадтъ и оттуда бѣжалъ въ Парижъ. Съ этого времени оканчивается осѣдлая жизнь Бёрне, и онъ начинаетъ скитаться по свѣту.

Евг. Утинъ.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ

ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. Историческая записка, составленная по порученію Совѣта университета, ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ исторіи Востока *В. В. Григорьевымъ*. С.-Петербургъ. 1870.

V *).

Прошло десять лѣтъ со времени студентскихъ безпорядковъ въ Петербургскомъ университетѣ — періодъ, повидимому, достаточный для того, чтобы улечься страстямъ и начаться исторіи. Между тѣмъ, мы видѣли, что даже въ «Исторической Запискѣ» о Петербургскомъ университетѣ, составленной по порученію университетскаго Совѣта ординарнымъ профессоромъ В. В. Григорьевымъ, исторіографъ, коснувшись той эпохи университетской жизни, не нашелъ къ объясненію ея другого средства, какъ отослать читателей къ новѣйшему произведенію Всеволода Крестовскаго «Панургово Стадо». Мы очень хорошо понимаемъ, что со стороны г. Григорьева такая ссылка была не болѣе какъ полемическій пріемъ, — недостойный его положенія исторіографа; г. Григорьевъ пожелалъ внести въ свою исторіографію тотъ же духъ, которымъ отличались фельетонисты извѣстнаго закала, исполняющіе данныя имъ особыя порученія. Конечно, было бы приличнѣе въ «Исторической Запискѣ», предназначавшейся быть памятникомъ пятидесятилѣтія университета, устранить фельетон-

---

*) См. выше, апр. 765 стр.

ные разсчеты и отнестись къ прошедшему спокойно, sine ira et studio. Такова, повидимому, была священная обязанность г. Григорьева; не знаемъ, почему онъ ею пренебрегъ, но во всякомъ случаѣ такое пренебреженіе съ его стороны возлагаетъ на насъ прямую обязанность принести послѣднюю дань уваженія къ дорогой памяти мѣста лучшей нашей дѣятельности и избавить исторію любимаго нами университета отъ ссылокъ на нечистые источники, къ числу которыхъ нельзя не отнести романы г. Вс. Крестовскаго. Вотъ почему мы и рѣшились предложить съ своей стороны простую исторію того времени: такая исторія послужитъ, надѣемся, не только къ возстановленію истины, но и къ нѣкоторому назиданію.

Начало университетскихъ безпорядковъ скрывается въ цѣлой предшествующей эпохѣ и потому не можетъ быть связано ни съ какимъ отдѣльнымъ фактомъ. Къ концу 50-хъ годовъ, когда чрезвычайно быстро начала оживать внутренняя дѣятельность университета, совмѣстно съ оживленіемъ въ нынѣшнее царствованіе всей общественной жизни, различные, отдѣльные, часто маловажные случаи начали обнаруживать не разъ одно обстоятельство, которое при прежнемъ состояніи университета проходило незамѣченнымъ. Въ основѣ университета покоился Уставъ 1835 года, но на дѣлѣ, во всѣхъ своихъ частностяхъ, онъ давно былъ отмѣненъ различными инструкціями, министерскими и попечительскими распоряженіями. Попечительство Мусина-Пушкина, занявшее собою десятилѣтіе 1845 — 55 г., расшатало окончательно силу Устава: власть попечителя рѣшала и опредѣляла все, а отъ Устава едва сохранилось нѣсколько параграфовъ въ цѣлости. По удаленіи Мусина-Пушкина, въ Совѣтѣ зародилась справедливая мысль о необходимости положить конецъ такому хаосу, сдѣлать сводъ различнымъ узаконеніямъ, съ тѣмъ, чтобы дать строго законное основаніе всѣмъ функціямъ и отношеніямъ жизни университета, которыя, давно вышедши изъ рамокъ Устава 1835 года, въ послѣднее время начинали отражать въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ столь памятное и во многихъ отношеніяхъ столь отрадное пробужденіе самой общественной жизни.

Попечительство князя Г. А. Щербатова началось именно такою работою, которая повела сама собою къ составленію цѣлаго проекта реформы университетскаго устава. Пока собирались мнѣнія профессоровъ и разбирались въ Совѣтѣ подъ председательствомъ попечителя, попечитель разрѣшилъ предварительно студентамъ учредить сборникъ, имѣть кассу, собираться, однимъ словомъ устроить то студентское корпоративное самоуправленіе, внезапное уничтоженіе котораго и послужило поводомъ къ ка-

тастрофѣ 1861 г. Общество студентовъ стало такимъ образомъ организоваться съ вѣдома власти, подъ наблюденіемъ попечителя, но безъ всякаго непосредственнаго вліянія на эту организацію ученаго университетскаго сословія, потому что по уставу 1835 г. весь надзоръ за студентами и вся университетская полиція переданы были попечителю и инспектору студентовъ, всѣ же отношенія профессоровъ къ студентамъ заключались въ чтеніи лекцій и производствѣ экзаменовъ. Справедливость требуетъ при этомъ сказать, что студентское общество устраивалось и существовало въ то время очень мирно и спокойно. Кто желалъ бы составить себѣ понятіе о добромъ оживленіи университетской молодежи той эпохи, тому могутъ служить нѣкоторымъ указаніемъ оставшіеся два тома студентскаго сборника, о которыхъ, какъ мы увидимъ, самъ г. Григорьевъ отзывается съ величайшею похвалою.

Съ выходомъ въ отставку князя Щербатова, попечительская власть перестала вникать въ студентское общество, перестала руководить имъ и контролировать, и продолжала жить эта община предоставленною сама себѣ. Съ 1860 года идетъ потому цѣлый рядъ маленькихъ происшествій, произвольныхъ движеній, вспышекъ и столкновеній съ попечительскою властью, которыя, при нѣкоторомъ умѣньи взяться за дѣло, можно было бы и предупредить, и исправить, и направить къ лучшему. Въ октябрѣ 1860 г., кассиръ студентовъ Б. уличенъ былъ въ растратѣ 1000 р. изъ кассы, относительно которыхъ онъ отозвался, что потерялъ ихъ на улицѣ. Студенты ходатайствовали о томъ, чтобы имъ разрѣшено было произвести судъ надъ провинившимся, и обратились ко мнѣ, какъ къ профессору уголовнаго права, съ просьбою руководить ихъ поэтому дѣлу. Я устроилъ, съ разрѣшенія попечителя, нѣчто въ родѣ суда съ присяжными, объ общемъ введеніи котораго въ нашу жизнь тогда уже ходили слухи. Сходка выбрала пятерыхъ судей, обвинительный актъ составленъ былъ депутатами и редакторами сборника. Обвиняемый содержался въ карцерѣ и имѣлъ двухъ защитниковъ. Два засѣданія посвящены были разбору дѣла, спросу обвиняемаго и свидѣтелей, рѣчамъ обвиненія и защиты; потомъ я поставилъ вопросы, судьи удалились и послѣ полуторачасового совѣщанія, въ одиннадцать часовъ вечера, въ аудиторіи № XI, устроенной амфитеатромъ, среди глубочайшаго молчанія многочисленной, слѣдившей за исходомъ процесса публики, признали бывшаго кассира виновнымъ въ растратѣ денегъ и заслуживающимъ исключенія изъ университета. Потомъ это заключеніе представлено было начальству и утверждено попе-

чителемъ. Съ началомъ 1861 года волненіе между студентами усилилось, и наконецъ, 8 февраля 1861 г. на университетскомъ актѣ, когда профессоръ Костомаровъ долженъ былъ прочесть рѣчь о К. Аксаковѣ, дѣло дошло до настоящихъ безпорядковъ. Высшее начальство распорядилось, чтобы для сокращенія акта рѣчь эта не читалась, и чтобы актъ ограничился прочтеніемъ отчета. Произошелъ шумъ, публика и студенты громко требовали рѣчи Костомарова, ректоръ съ трудомъ успокоивалъ толпу и успокоилъ ее только посредствомъ обѣщанія, что Костомаровъ прочтетъ свою рѣчь въ формѣ публичной лекціи, что́ и было исполнено.

Конецъ февраля и начало марта 1861 г. прошли въ новыхъ столкновеніяхъ между студентами и властью, принимавшихъ все болѣе крупные размѣры. Профессора до того времени оставались совершенно въ сторонѣ, такъ какъ уставъ 1835 г. не давалъ Совѣту никакого административнаго вліянія на студентовъ: въ попечительство Мусина-Пушкина, какъ мы замѣтили, власть попечительская забрала въ себя всю администрацію. Но безпорядки въ мартѣ приняли такой характеръ, что дальнѣйшее устраненіе отъ дѣла для профессоровъ сдѣлалось нравственною невозможностью. Съ другой стороны, и сама власть сочла полезнымъ призвать профессоровъ къ содѣйствію. Вслѣдствіе письма попечителя къ пр. Кавелину, въ мартѣ составлена была коммиссія изъ четырехъ профессоровъ, которой предоставлено было упорядочить студентскую общину и составить проектъ устава или правилъ для студентовъ, которыя объяснили бы имъ ихъ права, а вмѣстѣ и обязанности. Желая впередъ внушить безусловное довѣріе къ этимъ правиламъ, коммиссія пригласила къ себѣ для выслушанія желаній студентовъ 8 человѣкъ, которые были выбраны студентскимъ обществомъ. Со дня открытія коммиссіи всѣ безпорядки исчезли, и до конца апрѣля, когда проектъ правилъ былъ оконченъ, не было примѣра нарушеній порядка.

Члены коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ Кавелина, составляли проектъ по частямъ, читали составленное при студентахъ, дебатировали, исправляли, дополняли, и посредствомъ обоюдныхъ уступокъ приходили къ результатамъ, которыми хотя и неудовлетворялись вполнѣ представители студентовъ, но которымъ они однакоже изъявляли совершенную готовность подчиниться. Роль, которую намъ пришлось бы играть при осуществленіи этой организаціи, все же была бы нелегкая, невеселая; но дѣло выиграло бы много, такъ какъ всякіе дальнѣйшіе безпорядки были бы теперь нарушеніемъ правилъ, между тѣмъ, какъ до того времени студенты видѣли предъ собою одну только власть и волю начальства. Главныя черты проекта заключались

въ слѣдующемъ. Общая сходка подъ предсѣдательствомъ избираемаго на одинъ годъ профессора, обсуждающая дѣла касающіяся общества студентовъ и выбирающая должностныхъ лицъ по студентскому самоуправленію. Тотъ же профессоръ предсѣдательствуетъ въ комитетѣ изъ 5-ти выборныхъ студентовъ, завѣдующемъ кассою, библіотекою, изданіемъ сборника. Всякое предложеніе сходкѣ должно быть предварительно обсуждаемо комитетомъ, отъ котораго зависитъ допустить его или не допустить. Всякія иныя сходки строго запрещены. Судъ надъ студентами, изъ трехъ профессоровъ, долженъ рѣшать, безъ участія студентовъ, дѣла о проступкахъ, за которые полагаются арестъ или карцеръ, и съ участіемъ избираемыхъ по жребію студентовъ, въ родѣ присяжныхъ, дѣла о проступкахъ, влекущихъ за собою исключеніе изъ университета. Подробный уголовный уставъ грозилъ строгими взысканіями за всякія попытки не-университетской агитаціи. Весь планъ предполагаемаго устройства разсчитанъ былъ на то, что его вынесетъ на своихъ плечахъ масса, состоящая изъ молодыхъ людей среднихъ, умѣренныхъ, болѣе пассивныхъ, нежели активныхъ; натуры же горячія, порывистыя придется обуздать сильными домашними мѣрами, не прибѣгая къ публичной власти; наконецъ, въ виду новыхъ порядковъ, они и сами оставили бы университетъ.

Само собою разумѣется, что наши правила составлялись исключительно въ томъ предположеніи, что общій характеръ управленія университетомъ будетъ тотъ же, то-есть, что будетъ продолжаться система возможно мягкихъ мѣръ и преобразованія не внезапнаго, но весьма постепеннаго, причемъ сохранено будетъ изъ существующаго уже все, что только можно сохранить, а именно корпоративное устройство студентовъ. Мы понимали очень хорошо, что университетъ можетъ существовать безъ корпораціи студентовъ, но мы знали также, что корпорація студентовъ можетъ быть сдѣлана безвредною и можетъ приносить свою долю пользы, чему служатъ примѣромъ университеты германскіе и изъ русскихъ Дерптскій. Извѣстно, что въ Германіи студентскія корпораціи даже совершенно отчуждаютъ студентовъ отъ всего, что́ лежитъ внѣ интереса ихъ студенческой жизни и совершенно охлаждаютъ ихъ къ политикѣ.

Проектъ правилъ былъ представленъ на разсмотрѣніе попечителя, а отъ него пошелъ на утвержденіе министра. Между тѣмъ, въ концѣ мая и въ началѣ іюня 1861 г., внезапно перемѣнились и обстоятельства, и личный составъ управленія, и система. Вышеупомянутый проектъ правилъ былъ оставленъ въ сторонѣ и даже заподозрѣнъ, какъ нѣчто вредное; во всякомъ случаѣ, ему не

дали никакого движенія. Новое министерство рѣшило составить новый проектъ, въ основаніе котораго должны были лечь начала, утвержденныя 31-го мая 1861 г. Эти новыя начала содержали отмѣну форменной одежды, что составляло издавна предметъ и нашихъ желаній и студентскихъ, запрещеніе всякихъ сходокъ, и *ограниченіе числа освобождаемыхъ отъ взноса за слушаніе лекцій двумя студентами на каждую изъ губерній, входящихъ въ составъ учебнаго округа.* Появленіе распоряженія 31-го мая почти совпало съ назначеніемъ министромъ народнаго просвѣщенія адмирала Путятина и попечителемъ кавказскаго генерала Филипсона. Такъ какъ распоряженіе сдѣлано было въ самомъ началѣ университетскихъ каникулъ, то оно и прошло незамѣтно, но можно было предвидѣть, что внезапное упраздненіе студентскихъ учрежденій, уже несовмѣстныхъ съ распоряженіемъ 31-го мая, не обойдется безъ сопротивленія и безпорядковъ при открытіи курсовъ послѣ каникулъ, а ограниченіе числа бѣдныхъ студентовъ, освобождаемыхъ отъ платы за слушаніе лекцій, возбудитъ ропотъ въ массѣ ихъ товарищей [1]).

VI.

Лѣтомъ 1861 года, я ѣздилъ за границу, и возвратившись въ августѣ, засталъ лекціи еще не открытыми. Вслѣдствіе отпуска я не имѣлъ возможности принимать участіе въ лѣтнихъ засѣданіяхъ Совѣта и его работахъ, а эти работы были не малыя. По закрытіи лекцій, въ началѣ іюня, новый министръ предложилъ Совѣту университета обсудить, какъ можно скорѣе, мѣры для введенія въ дѣйствіе высочайшаго повелѣнія 31-го мая и составить правила для студентовъ. Для послѣдняго дѣла совѣтъ назначилъ особую коммиссію изъ профессоровъ, оставшихся на вакаціи въ городѣ, подъ предсѣдательствомъ пр. Чебышова. Членами коммиссіи были: пр. Чубиновъ, Стасюлевичъ, Сухомлиновъ, Утинъ, Андреевскій и Пыпинъ. Задача коммиссіи была тяжелая: высшее начальство, безъ сомнѣнія, было воодушевлено лучшими намѣреніями въ томъ смыслѣ, что оно желало

---

[1]) Историч. зап. В. В. Григорьева, прим. 502: «Волненія эти—говоритъ г. Григорьевъ—могли имѣть источникомъ разныя побужденія, но несомнѣнно, что главнымъ къ нимъ поводомъ, въ глазахъ студентовъ, было требованіе новыхъ правилъ, которымъ всѣ, безъ исключенія, студенты обязывались къ ежегодному взносу 50 руб. сер. за право слушанія лекцій, вслѣдствіе чего лишались доступа къ высшему образованію всѣ тѣ молодые люди, которые не имѣли средствъ къ выполненію этого требованія.»

возстановленія порядка; съ этой стороны, не могло быть и не было никакого различія между стремленіями начальства и профессоровъ. Но мѣры, предложенныя начальствомъ къ достиженію порядка, заключали въ себѣ новый источникъ безпорядковъ. Приходилось исполнить чужую, хотя и добрую волю, но, какъ было видно по всему, совершенно незнакомую съ новою для нея средой. При такомъ затруднительномъ и почти безвыходномъ положеніи, коммиссія рѣшилась по возможности смягчить ту строгость закона, которая неизбѣжно повлекла бы за собою безпорядки и жертвы безпорядковъ, и примирить сколько возможно обязательныя для университета требованія высшей власти съ условіями прежней студентской жизни; съ этою цѣлью коммиссія заимствовала почти цѣликомъ отъ Дерптскаго университета его студентскія правила, извѣстныя тамъ подъ именемъ матрикулъ, которыя впослѣдствіи сдѣлались столь ненавистными, совершенно независимо отъ воли ихъ составителей. Несмотря на все пристрастіе г. Григорьева, онъ однако даетъ понять, что матрикулы, составленныя коммиссіею, и матрикулы, введенныя въ дѣйствіе, были не одно и тоже: «Правила, составленныя означенною коммиссіею — говоритъ г. Григорьевъ, представлены были 7-го августа, по одобреніи ихъ совѣтомъ, г. попечителю учебнаго округа. Сентября 2-го были онѣ возвращены къ немедленному исполненію, *съ нѣкоторыми перемѣнами* (курсивъ автора), сдѣланными въ нихъ попечителемъ по указанію г. министра народнаго просвѣщенія». Вся сила и была именно въ этихъ «нѣкоторыхъ перемѣнахъ». Имя «матрикулъ» стало впослѣдствіи ненавистнымъ, именно потому, что съ ними соединилось представленіе о всѣхъ тѣхъ стѣснительныхъ мѣрахъ, которыя пали на университетскую жизнь съ новою системою, и которыя были закрѣплены тѣми «нѣкоторыми перемѣнами». Но возвратимся къ *первоначальному* содержанію матрикулъ.

Каждый студентъ долженъ былъ получить особую книжку, которая бы замѣняла ему прежній видъ на жительство и вмѣстѣ съ тѣмъ составляла бы для него памятную книжку: въ нее вписывались бы книги, взятыя изъ библіотеки, экзаменныя отмѣтки и т. п. На первыхъ страницахъ книжки должны были помѣщаться правила поведенія и отношеній студента къ начальству и къ новому полицейско-административному устройству. Во главѣ этого устройства поставлены два новыя учрежденія, которыхъ мы давно добивались: избираемый совѣтомъ изъ среды его проректоръ, долженствующій замѣнить прежняго инспектора студентовъ, и профессорскій судъ надъ студентами изъ трехъ ежегодно избираемыхъ судей-профессоровъ. Коммиссія предложила разрѣшить каждому

подсудимому студенту взять себѣ въ защитники кого-нибудь изъ товарищей. Это обстоятельство повело бы къ тому, что судоговореніе было бы устное; дѣло разбиралось бы гласно, при открытыхъ дверяхъ, въ присутствіи всѣхъ желающихъ быть на судѣ студентовъ. Гласный судъ въ университетѣ при открытыхъ дверяхъ опережалъ бы судебную реформу, которая имѣлась въ то время въ виду еще въ весьма неопредѣленныхъ предначертаніяхъ. Коммиссія не могла допустить сходокъ, формально запрещенныхъ повелѣніемъ 31-го мая; но такъ какъ новый законъ ничего не упоминалъ о студентскихъ кассахъ, читальной, библіотекѣ, для завѣдыванія же этими учрежденіями нужны лица, то коммиссія рѣшила, что эти учрежденія будутъ завѣдываемы выборными изъ студентовъ. Выборное начало предполагало выборы, выборы предполагаютъ собраніе, слѣдовательно, по заключенію коммиссіи, разъ въ годъ имѣло бы мѣсто собраніе студентовъ подъ руководствомъ и наблюденіемъ проректора и ректора для выборовъ и замѣщенія должностей. Касательно изъятія отъ взноса денегъ бѣдняковъ, неимѣющихъ средствъ вносить по 50 р. въ годъ за слушаніе лекцій, коммиссія ничего не могла постановить, въ виду прямого указанія закона; была только надежда, что эта мѣра окажется временною.

Въ чемъ же состояли «нѣкоторыя перемѣны», которымъ подверглись правила, по представленіи ихъ министру? Министръ исключилъ изъ проекта единственныя двѣ вещи, которыя могли хотя нѣсколько сгладить переходъ отъ существующаго къ новому порядку, а именно защиту на судѣ и выборы на должности. Завѣдывающихъ кассою, библіотекою и т. д. долженъ былъ *назначать*, изъ среды студентовъ, по своему усмотрѣнію проректоръ. Въ тоже время въ проектъ включены подробности хотя и второстепенныя, но не совсѣмъ понятныя по своей цѣли и назначенію. Возстановлены переходныя испытанія съ перваго курса на второй. Всякій студентъ, невыдержавшій переходнаго экзамена, долженъ былъ подлежать исключенію изъ университета. Профессорскій судъ увеличенъ присоединеніемъ къ тремъ профессорамъ-судьямъ депутатовъ, по два отъ каждаго факультета, къ которому будутъ принадлежать подсудимые. Служители аудиторій или педеля, которыхъ предполагала ввести коммиссія и которыхъ она хотѣла одѣть въ черные фраки съ серебрянными цѣпями на плечахъ, получили подробно описанный полувоенный мундиръ и право ареста. Между тѣмъ приближалось время открытія лекцій.

VII.

Ректоръ П. А. Плетневъ уѣхалъ давно въ маѣ, за границу и еще не возвращался. Должность ректора исправлялъ въ его отсутствіе деканъ филологическаго факультета Измаилъ Ивановичъ Срезневскій. Особыми повѣстками созваны мы были въ совѣтъ, въ самомъ началѣ сентября, подъ предсѣдательствомъ новаго попечителя, которому мы должны были быть представлены. Новый попечитель открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой онъ просилъ насъ относиться къ нему не какъ къ чужому, потому что «мы здѣсь, какъ въ семьѣ». Затѣмъ онъ сказалъ, что ѣдетъ отъ министра и везетъ въ корректурѣ послѣднюю редакцію правилъ для студентовъ, съ измѣненіями, подѣланными въ этой редакціи министромъ, и что эти правила онъ намъ прочтетъ. Передъ чтеніемъ кто-то изъ членовъ Совѣта спросилъ, окончательно ли утверждены эти правила и подлежатъ только исполненію, или могутъ быть измѣнены еще и дополнены, значитъ допускаютъ критику? Попечитель отвѣчалъ намъ просьбою дѣлать замѣчанія. Началось чтеніе статьи за статьею, прерываемое преніями и сужденіями, изъ которыхъ легко можно было видѣть, что Совѣтъ не совсѣмъ одобряетъ то, чего отъ него трѣбуютъ, и не въ состояніи будетъ исполнить все то, чего отъ него ожидаютъ. Наши замѣчанія клонились къ тому, что измѣненія, сдѣланныя въ правилахъ, не практичны, а нѣкоторыя обременительны; что, напримѣръ, подвергать исключенію невыдержавшихъ экзамена, значитъ располагать экзаменаторовъ къ снисхожденію, между тѣмъ, какъ напротивъ того надлежитъ быть какъ можно строже въ требованіяхъ отъ экзаменующихся студентовъ; что тяжело исключать бѣдняковъ за неимѣніе 50 р.; что проректоръ не можетъ назначать самъ по своему усмотрѣнію директоровъ кассы, библіотеки и т. д. Намъ отвѣтили, что выборное начало не можетъ быть терпимо, что если имъ обусловливается существованіе кассы, библіотеки, сборника, то эти учрежденія должны быть исключены изъ университета. За стѣнами университета они могутъ существовать на сторонѣ какъ угодно. Мы заявляли, что при подобныхъ условіяхъ едва ли найдется кто-либо изъ насъ, кто бы взялъ на плеча тяжелую должность проректора. Засѣданіе такъ и кончилось безъ какихъ бы то ни было результатовъ.

Вскорѣ потомъ послѣдовало предложеніе Совѣту избрать проректора изъ профессоровъ. Выборы должны были произойти 6-го сентября поутру.

По принятому обычаю, въ виду важности засѣданія пред-

стоящаго Совѣта, собралось около 10-ти членовъ на предварительное совѣщаніе. Вопросъ состоялъ въ томъ: есть ли возможность будущему проректору, при новой обстановкѣ, которую ему давали перемѣны въ правилахъ, дѣйствовать съ успѣхомъ? Сначала, одинъ Стасюлевичъ поддерживалъ мнѣніе, что отказываться отъ проректорства не слѣдуетъ, такъ какъ эта должность, при всей ея дурной обстановкѣ, даетъ, хотя и небольшія, средства къ защитѣ студентовъ отъ крайнихъ и крутыхъ мѣръ. Но доводы противнаго мнѣнія одержали верхъ: Стасюлевичъ уступилъ большинству, и всѣ единогласно рѣшили отказаться отъ проректорства, а на Стасюлевича возложили обязанность выразить нашу общую мысль въ Совѣтѣ 6-го сентября.

Засѣданіе Совѣта 6-го сентября было весьма замѣчательно, какъ предварительная повѣрка направленій въ средѣ самого Совѣта. Оказалось, что въ этой средѣ на безусловную поддержку во всѣхъ мѣропріятіяхъ попечитель можетъ разсчитывать только со стороны трехъ, четырехъ человѣкъ; всѣ остальные присоединились къ взгляду, высказанному на предварительномъ совѣщаніи. Какъ ни блистательно было въ матеріальномъ отношеніи положеніе, предназначаемое проректору, никто не рѣшался брать на себя эту тяжесть, зная, что ему надо идти на открытую войну со студентами, и что Совѣтъ не можетъ стать за него грудью. Рѣчь Стасюлевича произвела впечатлѣніе: въ ней проводилась параллель между профессорскимъ проректоромъ по проекту коммиссіи и чиновническимъ проректоромъ по редакціи правилъ, передѣланныхъ министромъ. Очевидность невозможности держаться на этомъ постѣ была столь велика, что каждаго по одиночкѣ изъ людей сколько-нибудь способныхъ занять этотъ постъ Совѣтъ упрашивалъ взять его, но не нашлось охотниковъ. Совѣтъ подписалъ единогласно протоколъ въ которомъ было выражено, что Совѣтъ не можетъ представить ни одного кандидата для занятія должности проректора по причинѣ труднаго положенія, въ которое поставленъ будетъ проректоръ по *измѣненнымъ* правиламъ для студентовъ.

Постановленіемъ Совѣта опредѣлилась и на будущее время его пассивная роль; но другой роли не могло и быть среди готовящихся событій. Совѣтъ не рѣшался выйти изъ того положенія, которое ему принадлежало по уставу 1835 года и не принялъ предлагаемыхъ ему административно-полицейскихъ обязанностей по отношенію къ студентамъ, потому что предвидѣлъ послѣдствія крутого перелома: онъ нашелъ себя вынужденнымъ остаться въ сторонѣ. Съ минуты, когда дѣло рѣшительно пошло на безусловное, безъ всякихъ смягченій, упраздне-

дѣльникамъ, значитъ намъ приходилось собраться въ слѣдующій же день вечеромъ, 25-го сентября, то нѣсколько человѣкъ товарищей-профессоровъ, бывъ вечеромъ у К. Д. Кавелина, принимавшаго знакомыхъ по воскресеньямъ, согласились, что слѣдуетъ взять починъ возбужденія слѣдствія надъ студентами за безпорядки 23-го сентября и подать въ этомъ смыслѣ предложеніе Совѣту.

Перехожу теперь къ описанію событій 25-го сентября, которыя подраздѣляются на весьма извѣстное шествіе студентовъ въ Колокольную улицу и на гораздо менѣе извѣстное засѣданіе Совѣта.

IX.

Чтобы понять эти событія надо принять въ соображеніе: 1) что у студентовъ была уже давно своя готовая организація, въ редакторахъ и депутатахъ по кассѣ. Кромѣ того, они имѣли полную возможность устроиться кружками въ теченіи того потеряннаго для лекцій полумѣсяца, который предшествовалъ открытію курсовъ. Сговорившихся какъ дѣйствовать была можетъ быть неполная сотня, но она-то и давала цѣлому движенію тонъ и направленіе. 2) Надо также вспомнить, что въ обществѣ петербургскомъ начала шестидесятыхъ годовъ было сильное расположеніе къ студентамъ и ко всякому вообще движенію, въ какихъ бы формахъ оно ни проявлялось, легальныхъ или даже не совсѣмъ легальныхъ. Въ исторіи петербургскаго общества весь періодъ отъ Крымской войны до настоящей минуты можетъ быть раздѣленъ на двѣ почти равныя половины. Первая часть этого періода представляетъ собою работу мысли, законодательную подготовку всевозможныхъ реформъ, изъ которыхъ крестьянская стояла на первомъ планѣ, а судебная на второмъ; полный разгулъ самыхъ смѣлыхъ надеждъ, при которомъ невозможное казалось легко осуществимымъ. Вторая часть представляетъ медленное введеніе въ дѣйствіе реформъ, работу дробную, мелкую, практическую. Между обѣими частями точно глубокую борозду провели 1862 и 1863 годы, когда открыто высказалось обратное движеніе, начавшееся собственно еще раньше: нѣсколько единичныхъ примѣровъ увлеченія въ средѣ русскаго общества, а потомъ въ особенности польскій вопросъ, заставили большинство отказаться отъ всякаго либерализма, послѣ чего, эти недавніе либералы стали стольже крайними реакціонерами. Университетская исторія совпадала съ самымъ сильнѣйшимъ разгаромъ умственнаго движе-

нія въ обществѣ, движеніемъ, которое произвело крестьянскую реформу и другія преобразованія и не унималось, хотя видимо наставали другія времена. Это настроеніе общества отражалось и на студентахъ; съ другой стороны, оно вселяло въ студентахъ надежду, что на ихъ сторонѣ будетъ общественное мнѣніе столицы.

Не бывъ свидѣтелемъ шествія въ Колокольную улицу, я опишу его по тому, что̀ слышалъ отъ очевидцевъ. Съ ранняго утра огромныя толпы осаждали университетъ, кто за книгами въ читальную, кто для занятій въ кабинетахъ, большинство подъ видомъ того, что оно является освѣдомиться у начальства, почему закрытъ университетъ и какъ долго будутъ они лишены преподаванія лекцій и обречены на бездѣйствіе. Въ университетъ не пускали никого. Попечитель находился въ своемъ кабинетѣ (который онъ избралъ себѣ въ зданіи университета), но велѣлъ сказать, что его нѣтъ.—«Такъ какъ попечителя нѣтъ въ университетѣ, то пойдемте къ нему на квартиру въ Колокольную», сказали другъ другу молодые люди и отправились по нѣскольку человѣкъ въ рядъ длинною колонною чрезъ Невскій Проспектъ, сопровождаемые множествомъ любопытныхъ, не постигающихъ цѣли этой процессіи. Квартира попечителя въ Колокольной охраняема была полиціею и жандармами. Такъ какъ студенты двигались весьма медленно, то пока они дошли до Колокольной, уже тамъ были с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ Игнатьевъ, оберъ-полиціймейстеръ Паткуль и рота стрѣлковаго батальона, шедшая занимать караулы и остановленная на пути. Столкновеніе вооруженной силы со студентами могло произойти съ минуты въ минуту, когда появился на улицѣ и самъ попечитель, ѣдущій изъ университета слѣдомъ за студентами.—Попечитель явился миротворцемъ, просилъ военное начальство и полицію воздержаться отъ всякихъ дѣйствій и не вмѣшиваться въ его такъ-сказать семейное объясненіе со студентами; студентамъ онъ объявилъ, что не можетъ принять ихъ у себя, но готовъ объясниться съ ними въ университетѣ, куда онъ намѣренъ тотчасъ же отправиться. Студенты отнеслись къ этимъ словамъ недовѣрчиво, такъ что для доказательства, что онъ говоритъ искренно, попечитель пошелъ пѣшкомъ въ сопровожденіи студентовъ на Невскій, и только близъ Гостиннаго двора ему можно было сѣсть на дрожки, которыя прослѣдовали потомъ, подъ эскортомъ студентскимъ, шагъ за шагомъ чрезъ Дворцовый мостъ въ университетъ. Въ университетѣ его поджидали в. г. г. Игнатьевъ, о.-п. Паткуль; изъ профессоровъ присутствовали только И. И. Срезневскій и А. В. Никитенко. Совѣщанія происходили внизу, въ длинной

комнатѣ Совѣта. Студентамъ, остававшимся на улицѣ и на дворѣ университета, предложено объяснить свои требованія посредствомъ депутатовъ. Студенты выбрали трехъ депутатовъ, но не иначе, какъ получивъ отъ попечителя увѣреніе, что эти депутаты не будутъ арестованы. Депутаты были спрошены о томъ, подчиняются ли студенты раздачѣ имъ матрикулъ. Депутаты отвѣчали, что пріемъ матрикулъ послѣдуетъ со стороны студентовъ только по необходимости и безъ всякаго намѣренія исполнять ихъ. Вопросъ о матрикулахъ такъ и остался нерѣшеннымъ. Желая успокоить студентовъ и заставить ихъ разойтись, попечитель выразилъ надежду, что курсы будутъ открыты на слѣдующей недѣлѣ, 2-го октября. Толпы разсѣялись и къ четыремъ часамъ университетъ уже опустѣлъ.

Въ 6 часовъ вечера, въ той же комнатѣ Совѣта внизу, занятой во всю ея длину столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, сталъ собираться университетскій Совѣтъ. Большинство его членовъ только теперь узнавало о происшедшемъ. И. И. Срезневскій предупредилъ, что засѣданіе будетъ происходить въ присутствіи попечителя. Явился г. попечитель и открылъ засѣданіе рѣчью, которой содержаніе было почти слѣдующее: «Послѣ печальныхъ событій нынѣшняго дня вы, м.м. г.г., конечно сами убѣждены, что правительство не уступитъ ни на шагъ; всякая уступка была бы слабостью. Матрикулы должны быть введены, правила для студентовъ должны быть приведены въ исполненіе, но такъ какъ и. д. проректора и его помощники дискредитированы, то министръ рѣшилъ возложить раздачу матрикулъ на болѣе вліятельныя лица, то-есть на самихъ профессоровъ. Матрикулы должны быть раздаваемы въ засѣданіяхъ факультетовъ. Деканъ каждаго факультета будетъ ихъ раздавать торжественно студентамъ своего факультета по очереди, отбирая отъ каждаго студента честное слово, что онъ подчинится правиламъ содержащимся въ матрикулахъ. Отказывающійся дать это слово будетъ исключенъ. Отношенія давшихъ слово къ начальству будутъ основываться такимъ образомъ на добровольномъ подчиненіи и уговорѣ».

Всѣ замолкли, чувствовалось приближеніе весьма рѣшительной минуты. К. Д. Кавелинъ прервалъ это молчаніе замѣчаніемъ, что профессорамъ неудобно и даже невозможно раздавать правила, противъ редакціи которыхъ они имѣли основаніе протестовать, и которыя считаютъ точно также и теперь неудобоисполнимыми. На это замѣчаніе послѣдовалъ категорическій отвѣтъ, что *государственная служба имѣетъ свои требованія, и что кто не хочетъ нести обязанностей ея, воленъ ее оставить.* Затѣмъ пошли

иныя замѣчанія со стороны другихъ членовъ Совѣта. Заявлено было между прочимъ, что полицейскія обязанности не входятъ въ кругъ дѣятельности профессоровъ по уставу 1835 г., а другого устава пока не существуетъ; что въ самихъ матрикулахъ написано, что матрикулы раздаются студентамъ проректоромъ, слѣдовательно неудобно при самомъ введеніи матрикулъ нарушать одну изъ первыхъ статей правилъ, отбирая въ тоже время слово отъ студентовъ, что правила будутъ со всею точностью исполняться. Дѣлаемы были замѣчанія, что раздача матрикулъ профессорами, обнаруживая непослѣдовательность со стороны Совѣта, уронитъ его совершенно задаромъ, нисколько не содѣйствуя цѣли предполагаемой начальствомъ и не принося никакой пользы правительству. Протестующихъ голосовъ было много, предложеніе попечителя поддерживали только трое: Срезневскій, Никитенко и Савичъ. Такъ какъ единогласія далеко не было, то попечитель потребовалъ, чтобы его предложеніе пущено было на голоса. Голосованіе было открытое, результатъ его былъ таковъ, что за предложеніе попечителя подано было 14, а противъ него 15 голосовъ[1]). Этотъ результатъ вышелъ въ противность всѣмъ ожиданіямъ; предложеніе пущено было на голоса совсѣмъ неожиданно, и при отбираніи голосовъ, вслѣдствіе вышеупомянутыхъ словъ попечителя К. Д. Кавелину, подразумѣвалось, что вотировать *противъ*, значитъ тоже самое, что *подавать въ отставку*. Попечитель былъ видимо пораженъ и сказалъ, послѣ минутнаго размышленія: «М.м. г.г., я бы могъ присовокупить мой голосъ къ 14 голосамъ, причемъ бы образовалось 15 голосовъ противъ 15, а такъ какъ при равенствѣ голосовъ предсѣдатель даетъ перевѣсъ, то мое предложеніе прошло бы, но я не желаю пользоваться этимъ преимуществомъ и находя, что мое предложеніе не нашло въ Совѣтѣ поддержки, доложу о случившемся министру». Попечитель послѣ этихъ словъ оставилъ засѣданіе.

Послѣ ухода его, засѣданіе продолжалось, и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только-что происшедшаго, Совѣтъ принялъ единогласно два предложенія. Одно, приготовленное мною наканунѣ того дня, о томъ, чтобы Совѣтъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи ему нарядить слѣдствіе надъ виновниками въ безпорядкахъ[2]). Другое предложеніе сдѣлано было Кавелинымъ. По

---

[1]) Галстунскій, Березинъ, Андреевскій, Утинъ, Кавелинъ, Благовѣщенскій, Спасовичъ, Пыпинъ, Сухомлиновъ, Костомаровъ, Павловъ, Сомовъ, Мухлинскій, Стасюлевичъ и Бекетовъ.

[2]) Такъ какъ у меня сохранилась черновая этой рѣчи, то я позволю себѣ помѣстить ее здѣсь:

этому предложенію Совѣтъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи ему войти въ разсмотрѣніе вопроса, не могутъ ли быть допущены нѣкоторыя облегченія для бѣдныхъ студентовъ, относительно взноса 50-рублевой платы, разсрочкою платежей и тому подобными средствами. Мы разошлись поздно вечеромъ. Ночью того

Мм. гг. Вчера г. министръ выразилъ желаніе, чтобы мы, члены совѣта, содѣйствовали ему по мѣрѣ возможности въ успокоеніи волненія между студентами. Мы ничего не отвѣчали г. министру, потому что и отвѣчать не могли, онъ къ намъ обращался какъ къ совѣту in corpore, мы не могли ему отвѣчать viritim. Но мы въ долгу отвѣтомъ, и мнѣ кажется, что теперь всего удобнѣе обсудить, какъ могли бы мы исполнить ожиданія начальства. Я полагаю, что еслибы даже мы и хотѣли оставаться пассивными зрителями совершающихся въ университетѣ событій, то мы бы не могли этого сдѣлать, не подвергаясь вполнѣ заслуженнымъ упрекамъ. Говорятъ, что въ субботу взломаны были двери, ведущія въ большую актовую залу; говорятъ, что на сходкѣ студентовъ оказано было неуваженіе къ лицу, которое должно считаться представителемъ совѣта и коему нанесенное оскорбленіе мы должны принимать за наше собственное. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ спокойныя занятія наукою невозможны. Если мы располагаемъ извѣстнымъ вліяніемъ на наше юношество (а я полагаю, что мы располагаемъ, потому что къ каждому изъ насъ обращается множество студентовъ ежеминутно съ вопросами о томъ что̀ имъ дѣлать), то мы должны употребить нынѣ это вліяніе, въ противномъ случаѣ начальство можетъ насъ заподозрить въ попустительствѣ безпорядкамъ, въ злорадостномъ бездѣйствіи и выжиданіи того, чтобы дѣла дошли до крайности и чтобы натянутая струна лопнула. Съ другой стороны, есть еще обстоятельство, которое не можетъ насъ не обезпокоивать—это судьба тѣхъ молодыхъ людей, надъ которыми теперь нависла гроза. Я полагаю, что обязанности наши не ограничиваются только чтеніемъ лекцій и производствомъ испытаній, что мы имѣемъ и другія, нравственныя обязанности въ отношеніи къ нимъ. Мы не знаемъ, какія мѣры предполагаетъ въ отношеніи къ нимъ высшее начальство, можетъ быть Измаилу Ивановичу извѣстно что-нибудь объ этихъ мѣрахъ, можетъ быть министерство намѣрено само отъ себя нарядить слѣдствіе, можетъ быть оно намѣрено слѣдствіе и судъ поручить обыкновеннымъ судебнымъ властямъ, но можетъ быть оно и само еще не рѣшило какой путь избрать. Въ первыхъ двухъ случаяхъ намъ, конечно, дѣлать нечего, но въ послѣднемъ мы могли бы оказать огромную и ничѣмъ незамѣнимую услугу министерству, университету и студентамъ, взявъ на себя иниціативу въ дѣлѣ раскрытія и пресѣченія безпорядковъ. Мы это можемъ сдѣлать очень просто: просить, чтобы намъ дано было нарядить изъ среды себя коммиссію для предварительнаго разбора дѣла о безпорядкахъ, случившихся 23-го сентября и представленія потомъ по этому дѣлу своихъ соображеній. Позвольте мнѣ изложить вкратцѣ всѣ выгоды, которыя мы могли бы извлечь изъ подобнаго образа дѣйствій.

Ссылаясь на вчерашнія слова Изм. Ив., я утверждаю, что въ безпорядкахъ, т.-е. въ сходкѣ, участвовала только меньшая часть молодежи, а между тѣмъ всѣ страдаютъ нынѣ отъ прекращенія лекцій. Желательно, чтобъ эта остановка была какъ можно менѣе продолжительна. Наша иниціатива можетъ сократить этотъ срокъ и ускорить развязку.

Исключимъ тѣхъ студентовъ, которые въ сходкѣ не участвовали, и остановимся на тѣхъ, кои участвовали. И изъ нихъ мнѣ кажется немногіе виноваты. Большинство увлечено было любопытствомъ, неопытностью, заразительностью примѣра, наконецъ тѣмъ, что это время для студентовъ переходное и что то̀, что̀ нынѣ запрещается, весьма недавно составляло фактъ совершенно законный. Намъ прежде всего надобно

же дня, съ 25-го на 26-е, арестовано человѣкъ 30 изъ студентовъ и вольнослушателей, считаемыхъ зачинщиками движенія. Эти аресты коснулись преимущественно студентовъ, бывшихъ редакторами сборника или депутатами кассы за послѣднее время, причемъ не обошлось безъ весьма обыкновенныхъ въ подобныхъ случаяхъ промаховъ, состоящихъ въ томъ, что вмѣсто настоящихъ дѣятелей задержано нѣсколько однофамильцевъ, и что вмѣсто руководителей попались многіе люди совершенно невиновные въ агитаціи.

X.

Мѣры, предпринятыя противъ предполагаемыхъ зачинщиковъ студентскаго движенія, считались, повидимому, достаточными для

постараться выгородить эту массу людей увлекшихся и увлеченныхъ, и поставить ихъ внѣ отвѣтственности.

Затѣмъ останутся настоящіе виновные. Число ихъ вѣроятно не велико. Я не думаю, чтобы кто либо изъ насъ былъ того мнѣнія, что ихъ надобно оставить безъ всякаго взысканія, но я думаю, что взысканія, нами налагаемыя или предлагаемыя, будутъ справедливѣе и сообразнѣе съ виною, нежели взысканія, налагаемыя внѣ-университетскими властями. Насъ никто не заподозритъ въ желаніи дать происшествію преувеличенные размѣры. Нами будетъ руководить чистѣйшая любовь къ истинѣ во всей ея простотѣ. Мы не связаны и относительно средствъ взысканія. Гдѣ законъ уголовный грозитъ мѣрами, которыя могутъ отразиться на всей будущей жизни молодыхъ людей, мы можемъ употребить дисциплинарныя мѣры, болѣе кроткія, но вмѣстѣ съ тѣмъ достаточныя для охраненія на будущее время порядка. Притомъ недостаточно ограничиваться установленіемъ одной матеріальной стороны событія; справедливость требуетъ, чтобы были уважены и всѣ тѣ второстепенныя обстоятельства, которыя могутъ усиливать или уменьшать вину, а этихъ обстоятельствъ никто не въ состояніи такъ хорошо оцѣнить, какъ мы, знакомые со всѣми подробностями быта студентовъ.

Наконецъ, еще одно замѣчаніе. Мы имѣемъ весьма важное преимущество передъ всѣми властями внѣ-университетскими: намъ вѣрятъ студенты. Они полагаются на наши правосудіе, добросовѣстность и честность. Я разговаривалъ со многими студентами и узналъ, что изъ всѣхъ новыхъ учрежденій вводимыхъ нынѣ, одного они всего больше желали—профессорскаго суда; его не ввели до сихъ поръ, и полагаю, что это была со стороны начальства важная ошибка.

Меня спросятъ, можетъ быть, какъ будетъ дѣйствовать коммиссія? Очень просто. Она призоветъ бывшихъ редакторовъ, депутатовъ, всѣхъ студентовъ, принимавшихъ въ сходкахъ болѣе или менѣе живое участіе; она ихъ переспроситъ, она попроситъ г. инспектора и его помощниковъ о сообщеніи надлежащихъ объясненій и свѣдѣній, потомъ представитъ дѣло съ своимъ заключеніемъ на обсужденіе Совѣту, съ тѣмъ, чтобы Совѣтъ далъ ему ходъ сообразный съ тѣмъ, что было коммиссіею обнаружено чего будутъ требовать обстоятельства.

Можетъ быть наше представленіе о коммиссіи не удостоится того, чтобы его уважили, но во всякомъ случаѣ мы очистимся посредствомъ него передъ собственною совѣстью и будемъ носить въ себѣ сознаніе, что мы сдѣлали все возможное для блага дорогого для всѣхъ насъ университета.

укрощенія студентовъ, хотя опытъ доказалъ, что онѣ далеко не были достаточными. Затѣмъ, что касается до той пассивной оппозиціи, которую попечитель встрѣтилъ въ средѣ Совѣта, постановлено было слѣдующее. Утромъ 26-го сентября, во вторникъ, разосланъ былъ намъ циркуляръ, въ которомъ сообщалось, что г. министръ, не довольствуясь общимъ результатомъ голосованія по предложенію попечителя, и принимая въ соображеніе, что не всѣ члены Совѣта присутствовали въ засѣданіи, желаетъ имѣть отъ каждаго изъ членовъ Совѣта письменный отзывъ по этому вопросу съ изложеніемъ основаній его мнѣнія. Въ циркулярѣ были обстоятельно прописаны содержаніе предложенія попечителя и содержаніе мнѣнія К. Д. Кавелина, причемъ предлагаемо было каждому изъ насъ присоединиться къ одному изъ двухъ этихъ заключеній посредствомъ рапортовъ, которые должны были быть поданы И. И. Срезневскому въ среду, не позже 5 часовъ. Цѣль этого циркуляра, заставлявшаго профессоровъ высказаться категорически и документально, могла бы быть достигнута, и большинство голосовъ въ пользу предложенія попечителя, не образовавшееся 25-го числа, могло бы пожалуй теперь образоваться въ Совѣтѣ, если бы не встрѣтились два непреодолимыя препятствія, на которыя циркуляръ, кажется, не разсчитывалъ: 1) думали, что студенты достаточно укрощены, между тѣмъ какъ ихъ движеніе развивалось и росло, молодежь жужжала точно пчелы, выгнанныя изъ улья, собирались кружки, предполагаема была со стороны студентовъ подача адресса и общее сходбище въ среду передъ университетомъ; 2) полагали, что большинство профессоровъ, состоящее изъ людей весьма спокойныхъ и дорожащихъ своимъ матеріальнымъ положеніемъ, не рѣшится подтвердить по-одиночкѣ и на письмѣ своихъ голосовъ, данныхъ устно и въ собраніи совѣта. Между тѣмъ вышло совсѣмъ другое: къ намъ присоединились два-три человѣка изъ тѣхъ, которые были противнаго намъ мнѣнія въ засѣданіи 25-го сентября. Такъ какъ голосованіе 25-го сентября раздѣлило довольно опредѣлительно наше ученое сословіе на два лагеря, причемъ въ нашемъ оказалось 15 человѣкъ, то эти 15 человѣкъ и были приглашены собраться въ среду утромъ въ мою квартиру для обсужденія, какой отвѣтъ дать на послѣдній циркуляръ. Во время нашихъ совѣщаній опять на улицѣ произошли событія, которыя обратили на себя все вниманіе и министерства и правительства, и заставили забыть о нашихъ отвѣтахъ, отнимая у нихъ всякое значеніе. События эти были слѣдующія.

Въ среду, около часу пополудни, толпа студентовъ, еще болѣе

многочисленная нежели въ предыдущіе дни, осаждала университетъ, домогаясь или того, чтобы выпущены были товарищи, или чтобы всѣхъ взяли подъ стражу и позволили раздѣлить участь товарищей. Составленный въ этомъ смыслѣ адресъ подписывался на дворѣ университета. Произносились рѣчи, куча дровъ заступала мѣсто каѳедры. Множество любопытныхъ всякаго званія, офицеры и штатскіе, занимали всю набережную Невы. Носились самые нелѣпые слухи о томъ, что во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ происходятъ сходки, и что воспитанники ихъ готовятся дѣлать демонстрацію и выручать такимъ образомъ студентовъ. Въ залѣ Совѣта находились военный генералъ-губернаторъ, оберъ-полиціймейстеръ и министръ народнаго просвѣщенія (первое посѣщеніе имъ университета). На-готовѣ была и вооруженная сила: полицейскіе, жандармы и батальонъ Финляндскаго полка, который, выстроившись передъ самымъ университетомъ, отрѣзалъ студентовъ на дворѣ отъ студентовъ и публики на набережной. Чуть-чуть не дошло до столкновенія между войскомъ и студентами; наконецъ студенты разошлись около трехъ часовъ, войска возвратились въ казармы, но усиленные патрули ходили по Васильевскому острову весь вечеръ обходомъ; аресты продолжались. То, что происходило въ среду, повторялось регулярно, однообразно, по той же, можно сказать, программѣ и въ слѣдующіе дни: собирались студенты, являлась и полиція и войско, кончалось тѣмъ, что брали подъ стражу кое-кого изъ публики и изъ студентовъ и отправляли въ крѣпость, послѣ чего сборища разсѣявались съ приближеніемъ обѣденнаго времени. Прошла молва, что въ воскресенье, 1-го октября, на Невскомъ воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній будутъ сходиться, дружиться, изъявлять свое сочувствіе студентамъ. Демонстраціи, конечно, не было, но по Невскому сновали толпы публики непроходимыя, отъ Аничкина моста до Адмиралтейства, между тѣмъ, какъ военные караулы были усилены, войска стояли въ манежѣ 1-го корпуса и расположились по коридору и въ шинельной университета; сдѣлано было распоряженіе о подчиненіи вѣдѣнію генералъ-губернатора двора, сѣней и нижняго корридора въ университетѣ. Само собою разумѣется, что эти приготовленія на всякій случай дѣлались не для студентовъ, а для публики, хотя въ сущности эта публика, при ближайшемъ знакомствѣ съ нею, оказалась бы совсѣмъ неспособною возбуждать какія бы то ни было опасенія. Для мужика, извощика, купца движеніе студентское была вещь совершенно непонятная. Въ Москвѣ при подобныхъ же обстоятельствахъ простонародье помогало арестовать и вязать студентовъ. Въ С.-Петербургѣ оно

безучастно глядѣло, какъ «студенты бунтуютъ». Даже въ мелкомъ и среднемъ чиновничьемъ классѣ, а также въ иныхъ группахъ петербургскаго общества, претендующихъ на извѣстную культуру, сочувствіе къ студентамъ было весьма умѣренное, боязливое и, такъ, сказать, платоническое. Въ публикѣ родилась мысль о томъ, что недурно бы составить адресъ и поднести его по возвращеніи Государя Императора изъ Крыма. На подписныхъ листахъ къ проектируемому адресу собрано около тысячи подписей, больше охотниковъ не нашлось, собиратели поплатились, и все предпріятіе потерпѣло страшнѣйшее *fiasco*.

XI.

Отъ студентовъ перехожу къ профессорамъ. Наше большинство совѣщалось, какъ я сказалъ, въ среду объ отвѣтѣ на циркуляръ министра. Всѣ были согласны относительно содержанія отвѣта, каждый старался дать ему иную редакцію; впрочемъ, мы чувствовали, вслѣдствіе дошедшихъ до насъ слуховъ о томъ, что происходило на Васильевскомъ острову, что туча висѣвшая надъ нами прошла и что теперь никому нѣтъ собственно дѣла до нашихъ рапортовъ и донесеній. Таже туча разражалась теперь надъ студентами, и такъ какъ ежеминутно можно было ожидать какой-нибудь большой бѣды, кроваваго столкновенія, то мы рѣшили слѣдить за всѣмъ происходящимъ, собираться ежедневно то у того, то у другого изъ насъ поочереди, просить, ходатайствовать, стараться всячески о смягченіи по возможности зла нашимъ вмѣшательствомъ, не покидая въ тоже время строго легальной почвы и не выходя изъ предѣловъ, предоставляемыхъ намъ университетскимъ уставомъ. Тогда же, въ среду, мы отправили депутацію просить попечителя о сдѣланіи нѣкоторыхъ перемѣнъ въ правилахъ для студентовъ или покрайней мѣрѣ о непубликованіи ихъ (правила эти еще *не были* напечатаны). Попечитель выслушалъ депутацію, благодарилъ за совѣты, обѣщалъ принять наши доводы въ соображеніе. Впрочемъ, правила уже печатались въ ту самую минуту и на слѣдующій день утромъ газеты помѣстили какъ подлинный текстъ правилъ, такъ и форму матрикулъ.

Въ четвергъ, 28-го сентября, мы собирались у И. Е. Андреевскаго. Рѣшено было подать адресъ министру, ходатайствуя за арестованныхъ студентовъ. Редакція адреса была безукоризненно почтительная, въ такомъ тонѣ и духѣ, чтобы ее могли подписать всѣ члены Совѣта безъ различія партій. Члены ученаго универ-

ситетскаго сословія просили министра, какъ начальника, коего попеченію ввѣренъ университетъ, о возможномъ облегченіи участи юношей, заслуживающихъ снисхожденія по молодости своей и неопытности.

Въ пятницу происходило еще большее собраніе у Н. М. Благовѣщенскаго, въ которомъ участвовали, кромѣ членовъ Совѣта, адъюнкты и доценты. Нашъ адресъ имѣлъ успѣхъ; его подписали не запинаясь всѣ, не исключая декановъ, и даже люди совершенно противныхъ нашему направленій (Ленцъ, Гоффманъ, Воскресенскій, Савичъ, самъ Срезневскій). Дошло до нашего свѣдѣнія, что наряжена слѣдственная коммиссія надъ студентами, и что депутатомъ назначенъ А. В. Никитенко. Мы отправили депутацію просить его, чтобы онъ отказался отъ этой должности, которая требовала юридическихъ познаній, такъ что выполнить ее могъ бы только кто-либо изъ членовъ юридическаго факультета.

Въ субботу, 30 сентября, наша депутація (по одному члену отъ каждаго изъ четырехъ факультетовъ) поднесла адресъ министру, который принялъ ее весьма холодно и сухо. Депутатомъ къ слѣдствію назначенъ И. Я. Горловъ.

За отказомъ Совѣта отъ раздачи матрикулъ, необходимо было придумать иной способъ приведенія въ исполненіе правилъ для студентовъ. Рѣшено было осуществить эту раздачу посредствомъ городской почты. Послѣ 1 октября явились объявленія въ газетахъ о томъ, что, по распоряженію министра, студентамъ, желающимъ продолжать учиться въ университетѣ, предоставляется подать по городской почтѣ прошеніе на имя ректора съ просьбою о выдачѣ матрикулы, причемъ нежелающіе получить матрикулы предваряемы были, что они вслѣдствіе неподачи просьбъ въ срокъ зачислены будутъ выбывшими изъ университета и всѣ бумаги будутъ имъ возвращены по мѣсту ихъ жительства чрезъ полицію. Это распоряженіе министерства поставило студентовъ въ тупикъ и породило между ними величайшее раздвоеніе и споры. Брать матрикулы или не брать? съ этимъ вопросомъ обращались къ намъ поминутно студенты. Мы совѣтовали студентамъ подчиниться и просить о выдачѣ матрикулъ. Мы имъ ставили на видъ, что всякое дальнѣйшее противодѣйствіе будетъ крайне безполезно и непрактично, что немыслимо, чтобы всѣ, изъ числа полуторы тысячи студентовъ, дѣйствовали за одно, тѣмъ болѣе, что между ними есть многіе, которые вполнѣ зависятъ, отъ своихъ семействъ, есть многіе, для которыхъ стипендіи даютъ хлѣбъ насущный и составляютъ единственное средство существованія. Изъ числа 1,500 найдется какихъ-нибудь 300 человѣкъ, которые во что бы то ни стало попросятъ матрикулъ или за

которыхъ просить будутъ ихъ родители и родственники, а при 300 студентахъ университетъ можетъ существовать и даже существовалъ въ весьма недавнее еще время. Наши совѣты студентамъ не имѣли никакого успѣха, страсти дѣйствовали слишкомъ сильно, а извѣстно, что на страсть никакое убѣжденіе не дѣйствуетъ. Кавелинъ получилъ множество ругательныхъ писемъ по почтѣ. Наши предсказанія студентамъ однако сбылись. До окончанія срока подано было до 500 прошеній о выдачѣ матрикулъ отъ студентовъ и вольныхъ слушателей. Многочисленность прошеній объясняется какъ тѣмъ разладомъ, который былъ неизбѣжно порожденъ между студентами вопросомъ о подачѣ прошеній по почтѣ, такъ и тѣмъ, что полиціи удалось наконецъ напасть на слѣдъ организаціи, заправлявшей движеніемъ и выловить нѣкоторыхъ главныхъ руководителей, накрывъ одну изъ сходокъ и отправивъ до 19 человѣкъ въ крѣпость, гдѣ общее число заключенныхъ по студентскому дѣлу простиралось до 80 человѣкъ. Лишенное многихъ предводителей, студентское общество раздѣлилось и сильно спорило. Маленькая драма видимо клонилась къ концу, къ развязкѣ.

XII.

Таково было положеніе дѣла, когда попечитель созвалъ опять Совѣтъ въ засѣданіе 8 октября, въ воскресенье въ 12 часовъ дня. Нижній корридоръ наполненъ былъ солдатами. Собраніе было весьма многочисленное, почти въ полномъ составѣ. Возлѣ попечителя сидѣлъ только-что возвратившійся изъ-за границы П. А. Плетневъ. Попечитель сообщилъ, что открытіе вновь университета, дѣло окончательно рѣшенное, но начальство желаетъ выслушать мнѣнія профессоровъ насчетъ того, какого числа должны быть открыты курсы и какія мѣры должны быть предприняты для охраненія спокойствія внутри университета? Кавелинъ поставилъ вопросъ весьма понятный въ настоящемъ нашемъ положеніи: такъ какъ наши совѣты и представленія повели только къ тому, что мы имѣли несчастіе навлечь на себя неудовольствіе начальства, можемъ ли мы и теперь говорить откровенно все то, что думаемъ, не опасаясь того, что слова наши будутъ истолкованы въ дурную сторону? Андреевскій и Стасюлевичъ замѣчали, что такъ какъ мы не участвовали въ распоряженіяхъ по закрытію университета, и такъ какъ мы собственно не знаемъ, существуютъ ли и нынѣ тѣ причины, которыя вызвали это закрытіе, то мы и сказать ничего не въ состояніи по этому во-

просу. Бесѣда видимо не клеилась и прерывалась ежеминутно. Попечитель озабоченъ былъ соображеніями о томъ, сколько должно быть поставлено служителей аудиторій (педелей) для водворенія тишины въ университетѣ, пять, десять, или пятнадцать человѣкъ, на что никто изъ насъ не могъ ничего ни посовѣтовать, ни объяснить. Наше молчаніе не удовлетворяло предсѣдательствующаго, который видимо ожидалъ еще чего-то, и не добившись коллективнаго отвѣта потребовалъ, чтобы каждый изъ насъ сказалъ что онъ думаетъ о настоящемъ положеніи дѣлъ и о способахъ выйти изъ этого положенія? Плетневу приходилось говорить по порядку первому. Почтенный и искренно уважаемый нами старецъ произнесъ рѣчь, которая произвела на всѣхъ глубокое впечатлѣніе и которой сущность заключалась въ слѣдующемъ: «Я двадцать слишкомъ лѣтъ исправляю должность ректора, прошу довѣриться моей опытности. Никакіе полицейскіе порядки не помогутъ и удвоенное или утроенное число служителей аудиторій не будетъ въ состояніи охранить порядокъ. Студентами можно управлять, но на то нужна извѣстная нравственная сила, силу эту надо найти, открыть и на нее опереться...» При этомъ случаѣ Плетневъ сталъ разсказывать про былое, приводить примѣры образцоваго порядка на лекціяхъ, экзаменахъ, и случаи, когда одно слово ректора, сказанное во-время, успокоивало толпу и разсѣявало сходки.—Чего же вы желаете, господа? спросилъ попечитель. «Отмѣны правилъ и передачи намъ заботъ объ усмиреніи студентовъ».—Это вещь невозможная, правительство не можетъ отступать разъ на что-нибудь рѣшившись. «О правительствѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи,—отвѣчали ему; дѣло идетъ только о начальствѣ. Никогда не поздно сознать ошибку и сойти съ ненадлежащаго пути на надлежащій. Мы всѣ готовы оказать начальству всевозможную помощь и поддержку. Мы нисколько не заботимся о формѣ, лишь бы спасена была сущность. Начальство не желаетъ отмѣнять правилъ, ихъ можно и не отмѣнять явнымъ образомъ, стоитъ только развязать намъ руки и предоставить намъ, Совѣту, дѣйствовать на нашу отвѣтственность. Мы выберемъ проректора, но этому проректору должно быть предоставлено право созывать студентовъ, выслушивать ихъ прошенія и жалобы, единичныя и коллективныя, распрашивать ихъ о предполагаемыхъ къ введенію порядкахъ, представлять проекты чрезъ Совѣтъ на утвержденіе къ министру, съ нѣкоторою увѣренностью, что министерство не откажется утвердить проекты, планы и правила организаціи студентовъ, кои будутъ приняты и одобрены Совѣтомъ. На этихъ основаніяхъ мы беремся и теперь возстановить пошатнувшійся порядокъ». Такія мнѣнія слы-

шались со всѣхъ сторонъ. Попечитель возражалъ, спорилъ, но встрѣчалъ всюду полнѣйшее единодушіе. — Вы ставите, господа, на вѣсы: или университетъ, или Россія? «Нѣтъ, мы только спрашиваемъ: что̀ вы предпочитаете имѣть, университетъ безъ матрикулъ, или матрикулы безъ университета?» — Чѣмъ же дурны и неудобны матрикулы? кто ихъ получилъ, тотъ подчинился имъ, вольная воля всякому молодому человѣку войти на этихъ условіяхъ или не входить.

Одинъ изъ профессоровъ замѣтилъ на это, что теорія свободнаго договора не можетъ быть примѣняема къ подобнымъ отношеніямъ, потому что это повело бы къ разсматриванію и самого государства, какъ договора, — то-есть поставило бы насъ на точкѣ зрѣнія давно всѣми покинутой. Притомъ не всякій такой мнимый договоръ свободенъ. Назначьте таксу на хлѣбъ по 1 рублю за фунтъ; сколько тысячъ людей умретъ съ голоду при такой мнимой свободѣ покупать хлѣбъ по таксѣ! Высшее образованіе также нужно, какъ и хлѣбъ насущный для общества, а на него наложена слишкомъ высокая такса для бѣдныхъ.» — Слѣдовательно, это ваше общее мнѣніе, господа, мнѣніе всѣхъ васъ? — «Всѣхъ, всѣхъ безъ исключенія!» (Никитенко, Савичъ были съ нами заодно). Попечитель сказалъ, что онъ доложитъ о происходившемъ министру, что наше заключеніе можетъ быть и резонно, но едвали будетъ принято. Тѣмъ кончилось послѣднее засѣданіе Совѣта по старому уставу 1835 года. Въ этомъ засѣданіи опредѣлительно и рѣзко поставленъ былъ вопросъ объ автономіи университета, которая не принадлежала университету по уставу 1835 г., но была понимаема нами какъ одно изъ условій будущей организаціи и осуществлена если не въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее понимали, то до извѣстной степени, однако, согласно нашимъ понятіямъ, въ уставѣ 1863 года. Еслибы намъ предоставили въ этотъ моментъ, согласно нашему заключенію, возстановить спокойствіе, взявъ волнующуюся молодежь въ руки законнаго порядка, то мы бы нашлись въ положеніи далеко неудобномъ и весьма непріятномъ, но мы бы пошли на проломъ и сдѣлали бы должное. Впрочемъ до того не дошло, такъ какъ наше предложеніе не было принято. Изъ газетъ мы узнали, что университетъ будетъ открытъ въ среду, 11 октября. Особымъ циркуляромъ отъ 9 октября 1861, № 5335, мы были извѣщены о возобновленіи лекцій; циркуляръ оканчивался слѣдующими словами: «гг. профессорамъ должно быть объявлено, что правительство ожидаетъ отъ каждаго изъ нихъ добросовѣстнаго и точнаго исполненія своего дѣла и не сомнѣвается, что они употребятъ съ своей стороны всѣ зависящія отъ нихъ средства къ объясне-

нію студентамъ ихъ обязанностей и къ отвращенію безпорядковъ, которыхъ возобновленіе можетъ повести къ печальной необходимости совсѣмъ закрыть университетъ».

XIII.

Не будучи пророкомъ, всякій могъ угадать и предсказать, что студенты соберутъ всѣ силы, чтобы произвести послѣднюю уличную демонстрацію передъ университетомъ по поводу его открытія. Прибавимъ къ тому, что погода какъ нельзя болѣе способствовала демонстраціи, осень стояла великолѣпная, теплая, чрезвычайно рѣдкая для петербуржцевъ. Обѣ двери, ведущія въ университетъ, и малая отъ набережной Невы и большая со стороны биржевого сквера были снабжены крѣпкими замками и задвижками. У дверей стояли сторожа, не пускавшіе никого безъ предъявленія матрикулъ. Въ среду, 11 октября, университетъ былъ почти совсѣмъ пустъ, ходило по корридорамъ какихъ-нибудь полсотни слушателей, да и изъ нихъ многіе совсѣмъ не заглядывали въ аудиторіи, а видимо желали только посмотрѣть, что̀ дѣлается въ университетѣ, и запугивая «матрикулистовъ» совѣтовали имъ не бывать на лекціяхъ. Въ четвергъ, 12 октября, пустота въ университетѣ была еще бо̀льшая, лекціи не читались по полнѣйшему отсутствію слушателей, за то въ вогнутомъ полукругѣ передъ парадною дверью университета, насупротивъ сквера, стояла густая толпа молодыхъ людей «матрикулистовъ» и «нематрикулистовъ», насильно добивающаяся входа въ университетъ подъ разными предлогами, за книгами, бумагами, въ музей, лабораторію, канцелярію. Весьма многіе «матрикулисты», упрекаемые своими товарищами, отказавшимися подчиниться новымъ правиламъ, рвали свои матрикульныя книжки и бросали ихъ на мостовую, такъ что пропасть бумагъ валялась вдолѣ всего фасада университетскаго зданія. Вскорѣ потомъ за появленіемъ военной силы студенты, находившіеся въ полукругѣ у двери, заключены были въ этомъ пространствѣ и отрѣзаны отъ площади тройною цѣпью полицейскихъ, конныхъ жандармовъ и солдатъ финляндскаго и преображенскаго полковъ. Безъ всякаго сопротивленія, по требованію команды, окруженные такимъ образомъ были отведены подъ эскортомъ на дворъ университета чрезъ заднія ворота этого двора со стороны Малой Невы и таможни, послѣ чего эти ворота были заперты. На дворѣ арестованные стояли нѣкоторое время шутя, громко разговаривая, куря папироски, между тѣмъ, какъ полиція записывала ихъ

фамиліи. Въ 2 часа перепись была кончена, заднія ворота опять отворились и солдаты выстроились въ двѣ шеренги, чтобы конвоировать арестантовъ. Въ эту минуту вся биржевая площадь и набережная Невы усѣяны были густыми толпами публики, среди которой сновали малыми группами студенты, не попавшіе подъ арестъ. Какъ только замѣчены были приготовленія для препровожденія арестантовъ въ крѣпость, разсѣянные вдоль всего протяженія университетскаго зданія свободные студенты хлынули къ заднимъ воротамъ проститься съ взятыми подъ стражу товарищами. На воздухъ взлетали кидаемыя вверхъ фуражки, дѣлаемы были знаки платками, раздались крики: «и мы съ вами! отведите и насъ въ крѣпость!» Данъ былъ приказъ оцѣпить и заарестовать кричащихъ; приказъ этотъ исполнила рота преображенцевъ, причемъ нѣкоторые студенты получили ушибы прикладами ружей, а кандидату естественныхъ наукъ Лебедеву нанесенъ былъ ударъ штыкомъ по головѣ до крови. Вторая кучка арестантовъ была нѣсколько больше первой, ее задержали и отправили вслѣдъ за первою въ Петропавловскую крѣпость. Въ крѣпости помѣщалось уже около сотни человѣкъ, къ нимъ прибыло сто человѣкъ первой и до 130 человѣкъ второй группы арестантовъ, освобождено около 30 человѣкъ, попавшихся случайно, оставалось 300. Такъ какъ въ крѣпости не было достаточнаго числа помѣщеній, то всѣ заарестованные 12 октября, въ четвергъ, отправлены на пароходахъ въ Кронштадтъ. Для производства слѣдствія наряжена особая коммиссія, и депутатомъ отъ университета назначенъ въ эту коммиссію И. Е. Андреевскій. Слѣдствіе началось въ октябрѣ, продолжалось въ ноябрѣ и, не дошедши до суда, кончилось тѣмъ, что 6 декабря 1861 г. послѣдовала высылка пятерыхъ студентовъ, признанныхъ наиболѣе виновными, въ дальнія губерніи подъ надзоръ полиціи и исключеніе изъ университета 32 человѣкъ, которымъ однако это обстоятельство не помѣшало держать потомъ экзаменъ на ученыя степени въ качествѣ вольныхъ слушателей.

Хотя университетъ продолжалъ считаться оффиціально открытымъ, но въ сущности пользы отъ открытія было мало; по одному только физико-математическому факультету продолжались кое-какія занятія, по остальнымъ они совершенно прекратились, потому что даже студенты «матрикулисты» считали какъ бы священною обязанностію не бывать въ аудиторіяхъ, такъ что и мы, профессора, перестали ходить на лекціи. Притомъ даже и снабженная матрикулами молодежь обнаруживала, какъ то мы предвидѣли, наклонности къ безпорядкамъ, были попытки дѣлать сходки въ курильной и на одной изъ нихъ под-

вергся оскорбленію дѣйствіемъ кто-то изъ субъ-инспекторовъ. Университетъ, существуя только на бумагѣ, перестал работать въ дѣйствительности и пробылъ въ этомъ положеніи вплоть до 20 декабря, когда, по докладу министра народнаго просвѣщенія, онъ былъ вторично и окончательно закрытъ до пересмотра университетскаго устава. Это было едва ли не послѣднее дѣйствіе бывшаго министра. Тотчасъ же потомъ назначенъ былъ на эту должность А. В. Головнинъ.

Между тѣмъ, въ послѣднія пять-шесть недѣль управленія министерствомъ гр. Путятина, пока разыгрывалась до конца студентская исторія, проходя различные фазисы, держался, совѣщался и дѣйствовалъ Совѣтъ университета. Совѣтъ, не будучи въ состояніи воспрепятствовать столкновенію высшей власти со студентами, старался только по мѣрѣ возможности смягчать мѣры строгости и ходатайствовать. Министерство вслѣдствіе того еще болѣе обвиняло большинство Совѣта если не въ томъ, что оно возбуждало и поддерживало безпорядки, то въ томъ, что оно не оказало мѣрамъ правительства безусловной поддержки, на которую министерство видимо разсчитывало. Но послѣ развязки студентской исторіи и прекращенія на дѣлѣ всякихъ учебныхъ занятій, причины, соединявшія воедино большинство членовъ, перестали существовать; каждый изъ его членовъ пошелъ своею дорогою, такъ что̀ вопросъ о томъ, чѣмъ каждому дальше быть и что̀ дѣлать? сталъ вопросомъ чисто индивидуальнымъ, рѣшаемымъ уже не коллективно, а каждымъ порознь, смотря по своимъ личнымъ взглядамъ, соображеніямъ и обстоятельствамъ. Нѣкоторые изъ насъ нашли полезнымъ и согласнымъ съ обязанностями своими къ университету выжидать перемѣнъ, оставаться на мѣстѣ, сохранить свои способности и силы на будущее время. Ихъ ожиданія оправдались, перемѣны наступили довольно скоро; эти лица и теперь продолжаютъ въ университетѣ свою полезную учебную дѣятельность. Другіе же члены Совѣта сочли съ своей точки зрѣнія необходимымъ выйти изъ университета и подать прошеніе объ отставкѣ. Такая точка зрѣнія имѣла свои не менѣе важныя основанія и побужденія, помимо вышеприведеннаго замѣчанія попечителя, напомнившаго намъ, что слѣдуетъ выходить въ отставку тѣмъ, кто считаетъ невозможнымъ исполнять приказанія по службѣ. Вообще тяжело и невыносимо было чувство невозможности помочь дѣлу, при самыхъ добрыхъ желаніяхъ и искреннихъ предложеніяхъ услугъ, которыя были однако, какъ мы видѣли, отвергнуты. Наконецъ, до нѣкоторой степени можно было думать, что отставка наша поможетъ дѣлу хотя отрицательно, съ ущербомъ для насъ лично: проше-

ніе объ отставкѣ было уже не одно разсужденіе, а дѣйствіе: оно могло послужить доказательствомъ искренности нашего убѣжденія въ невозможности идей новаго министерства, а слѣдовательно и въ необходимости иного порядка вещей. Къ числу профессоровъ, раздѣлявшихъ такое мнѣніе, принадлежали пять человѣкъ: К. Д. Кавелинъ, Б. И. Утинъ, М. М. Стасюлевичъ, А. Н. Пыпинъ и я. Не желая, чтобы нашъ выходъ имѣлъ видъ демонстраціи, мы рѣшились подать наши прошенія не разомъ, а по одиночкѣ. Прежде всего подалъ въ отставку Кавелинъ, потомъ я хлопоталъ о перемѣщеніи меня изъ университета въ училище Правовѣдѣнія на каѳедру уголовнаго права, чего и достигнулъ 4-го декабря 1861 г. [1]). Всѣ остальные подали прошеніе въ теченіе ноября. Вслѣдъ за нами удалился и нашъ ректоръ Плетневъ.

---

[1]) Я позволю себѣ исправить одну, касающуюся меня неточность въ запискѣ г. Григорьева. Г. Григорьевъ исключаетъ меня изъ числа уволенныхъ изъ университета по прошенію въ концѣ 1861 г. (№ 503 ссылки, примѣчаній и дополненій) и приводитъ (№ 512), что я оставленъ за штатомъ въ іюлѣ 1863 г., изъ чего прямо слѣдовало бы заключить, что я пробылъ все время съ 1861 по 1863 г. и объ увольненіи не ходатайствовалъ. Что это невѣрно, въ томъ ссылаюсь я на нижеслѣдующія доказательства:

1) Въ аттестатѣ моемъ значится: согласно разрѣшенію министра народнаго просвѣщенія перемѣщенъ на службу и. д. профессора уголовнаго права въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія 1861 г. декабря 4-го.

2) У меня сохранилось оффиціальное письмо отъ ректора П. А Плетнева, отъ 9-го февраля 1862 г.: «Вслѣдствіе поданнаго вами прошенія объ увольненіи васъ отъ службы при Спб. университетѣ, для представленія объ этомъ попечителю, я предварительно входилъ въ сношеніе съ директоромъ Императорскаго училища правовѣдѣнія, о доставленіи мнѣ свѣдѣнія, когда именно послѣдуетъ окончательное опредѣленіе вашего высокоблагородія въ должность профессора означеннаго училища. Такъ какъ это свѣдѣніе получено было 12-го декабря и вслѣдъ затѣмъ послѣдовало 20-го декабря высочайшее повелѣніе о закрытіи университета, по которому всѣ бывшіе профессоры оставлены были за штатомъ, то излишне было бы испрашивать разрѣшенія высшаго начальства на увольненіе васъ отъ службы при закрытомъ уже Спб. университетѣ. Нынѣ по воспослѣдованію высочайшаго повелѣнія о предоставленіи права всѣмъ оставшимся за штатомъ профессорамъ Спб. университета причисляться къ министерству народнаго просвѣщенія съ правами учебной службы и съ сохраненіемъ прежняго содержанія ихъ по службѣ въ университетѣ, я покорнѣйше прошу васъ, м. г., доставить мнѣ къ 12-му сего февраля отзывъ вашъ о томъ, желаете ли вы быть причисленнымъ на изложенныхъ правахъ къ министерству народнаго просвѣщенія, или останетесь при прежнемъ желаніи вашемъ, выраженномъ въ поданномъ прошеніи объ увольненіи васъ вовсе отъ службы при Императорскомъ Спб. университетѣ. Примите и т. д. П. Плетневъ.»

3) По сохранившейся у меня черновой, я отвѣчалъ слѣдующее: «Причины, заставившія меня просить въ октябрѣ прошлаго года о переводѣ меня на службу въ Императорское училище правовѣдѣнія съ отчисленіемъ отъ Спб. университета, большею частію уже теперь не существуютъ, но не существуетъ также самъ универси-

XIV.

Этимъ я долженъ бы былъ закончить собственно разсказъ объ университетскихъ событіяхъ 1861 г., насколько я былъ въ нихъ самъ дѣйствующимъ лицомъ и очевидцомъ; но не могу не прибавить при этомъ случаѣ еще одну черту, характеризующую духъ времени, тогдашній либерализмъ и вообще пониманіе обществомъ сущности университетскаго вопроса въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

С.-петербургскій университетъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ до крушенія его въ 1861 году, былъ университетъ не нѣмецкій, не французскій, не англійскій, но свой, оригинальный, русскій, такой, какимъ его создали потребности общества. Устроенъ былъ онъ на довольно широкихъ основаніяхъ, несмотря на недостатки устава 1835 года, и имѣлъ свои особенности и преданія. Сама даже студентская община, узаконенная распоряженіемъ князя Щербатова, не была созданіемъ новымъ; я самъ помню, что элементы ея существовали еще въ сороковыхъ годахъ. Программа кратковременнаго министерства графа Путятина состояла, сколько извѣстно, въ томъ, чтобы преобразовать университеты въ закрытыя заведенія на подобіе англійскихъ, съ тюторами, сожительствомъ студентовъ, и разными иными затѣями аристократическаго англійскаго воспитанія, переложенными на скорую руку кое-какъ на наши нравы. Въ странѣ, имѣющей мало преданій и не дорожащей ими, никто почти не отстаиваетъ учрежденія, которому грозитъ опасность, и частые переходы отъ одной крайности къ другой, составляютъ явленіе самое обыкновенное. Когда опасность стала грозить петербургскому университету, нашлись многіе, которые предпочли отдать его, не защищая, но такъ какъ они не желали все-таки имѣть закрытый университетъ, то они и противопоставили этому закрытому университету иной, какъ будто бы наилиберальнѣйшій изо всѣхъ, какіе можно придумать, вольный университетъ

тетъ, въ которомъ, состоя, я могъ быть полезенъ министерству народнаго просвѣщенія моимъ преподаваніемъ уголовнаго права. Вотъ почему я не желаю быть причисленнымъ къ министерству народнаго просвѣщенія и имѣю честь почтительнѣйше просить ваше превосходительство дать ходъ прошенію моему объ отставкѣ.»

4) Отставки однако я не получилъ, потому что новый министръ, когда къ нему поступило дѣло объ увольненіи меня, предложилъ мнѣ принять участіе въ работахъ по составленію новаго университетскаго устава, вслѣдствіе чего я и былъ причисленъ къ *министерству* приказомъ 7-го марта 1862 г. № 8. Въ ученомъ комитетѣ мнѣ была поручена разработка отдѣла о правахъ учащихся (см. Журналы засѣданій ученаго комитета по проекту устава университетовъ. С.-Петербургъ, 1862 г.).

à la française, по образцу и типу Collége de France, который не исключаетъ однако парижской Сорбонны, Школы права и Школы медицины; но это упустили изъ виду наши мыслители. Вмѣсто настоящаго учебнаго заведенія предлагаема была публикѣ система безусловно открытыхъ публичныхъ лекцій, читаемыхъ совершенно даромъ. Это учрежденіе никого бы не подвергало испытанію, не раздавало бы ученыхъ степеней, не допускало бы никакой студентской корпораціи, потому что собственно оно и не вмѣщало бы въ стѣнахъ своихъ учащихся, а просто только на атомы разбитую и не образующую никакихъ группъ публику. Такъ какъ вольный университетъ представлялъ бы заведеніе столь же публичное, сколь публичны рынокъ, церковь, улица, то соблюденіе порядка лежало бы въ стѣнахъ его на обязанности обыкновенной городской полиціи. Этотъ проектъ, покрытый дешевымъ либерализмомъ точно лакомъ, прельщалъ людей не очень разборчивыхъ изъ публики тѣмъ, что вводятъ преподаваніе безусловно даровое для учащихся. Онъ прельщалъ и правительство совершеннымъ упраздненіемъ корпораціи учащихся и введеніемъ полиціи въ самыя аудиторіи; онъ подкупалъ профессоровъ освобожденіемъ ихъ отъ всякихъ хлопотъ въ сношеніяхъ съ молодежью; наконецъ, онъ могъ нравиться всѣмъ вообще необыкновенною простотою, съ которою при этой системѣ разрубался бы гордіевъ узелъ многотруднаго университетскаго вопроса. Въ самомъ разгарѣ университетской исторіи, тотчасъ послѣ шествія въ Колокольную нѣсколько членовъ университетскаго совѣта (Костомаровъ, Сухомлиновъ, Соколовъ, Бекетовъ), ходили къ министру и пробовали, не разрѣшатъ ли имъ осуществить идею вольнаго университета (подобное разрѣшеніе могло бы послужить выходомъ изъ непріятнаго положенія министерства по отношенію къ университету). Въ срединѣ октября, тотчасъ послѣ послѣдней сходки студентовъ предъ университетомъ, Костомаровъ напечаталъ статью въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ которой дѣлилъ заведенія, посвященныя наукѣ, на воспитательно-учебныя и образовательно-ученыя и доказывалъ, что всѣ смуты, волненія и безпорядки въ университетѣ происходятъ отъ того, что всѣ относятся къ университету какъ къ заведенію педагогическому, между тѣмъ какъ онъ долженъ быть учрежденіемъ только культурнымъ и просвѣтительнымъ безъ всякихъ цѣлей воспитательныхъ.

Многое можно было возразить почтенному Николаю Ивановичу, а прежде всего пришлось бы указать на несвоевременность его предложенія. Несвоевременно было бросать камень въ старый университетъ, въ ту минуту, когда надъ нимъ разражались всѣ

громы небесные. Притомъ всѣ доводы были построены въ этомъ планѣ на очевидномъ парадоксѣ. Старому университету ставилось въ вину тó именно, въ чемъ онъ не былъ ни на волосъ повиненъ, а именно его упрекали, будто бы онъ—будучи заведеніемъ педагогическимъ, не былъ въ то же самое время великимъ центромъ культуры и просвѣщенія. Въ видѣ новости, проектъ предлагалъ тоже самое, чтò въ полной мѣрѣ существовало въ старомъ университетѣ, куда могъ заходить всякій, какъ богатый такъ и бѣдный, мужчина и женщина, безъ всякихъ билетовъ и безъ всякой платы. — Подъ видомъ коренного разрѣшенія вопроса, проектъ только выбрасывалъ университетъ на улицу. Публика находилась бы на лекціи прямо подъ рукою городской полиціи; до сихъ поръ профессора имѣли право, по крайней мѣрѣ, ходатайствовать за провинившихся студентовъ, по проекту всякая нравственная связь была бы пресѣчена между профессоромъ и его аудиторіею, потому что аудиторія его—это протекающая чрезъ залу и ежеминутно мѣняющаяся публика, которую болѣе занимаетъ, чѣмъ поучаетъ, наемный популяризаторъ науки.—Проектъ Костомарова осуждалъ студентскую корпорацію, какъ анахронизмъ, какъ средневѣковое учрежденіе, не принимая вовсе въ соображеніе, что студентская корпорація не вмѣщаетъ въ себѣ никакихъ признаковъ замкнутаго средневѣковаго цеха, что она не имѣетъ и не желаетъ имѣть никакихъ привилегій и преимуществъ, что она могла бы составлять осуществленіе права людей, принадлежащихъ къ одному званію или сословію и имѣющихъ одинаковые интересы, сойтись и посовѣщаться объ этихъ интересахъ; наконецъ, она могла бы подготовлять юношей къ жизни практической, къ искусству говорить и разсуждать о предметахъ непосредственно касающихся ихъ быта, къ тому какъ имъ сдѣлаться современемъ толковыми и полезными гражданами, радѣющими о благѣ общественномъ. — Вольный университетъ представлялъ собою механическое дѣленіе труда, введенное въ дѣло народнаго просвѣщенія и господствующее вполнѣ и исключительно. Сколько каѳедръ, столько профессоровъ, назначаемыхъ и смѣщаемыхъ министерствомъ, зависимыхъ отъ министерства и никогда не собирающихся вмѣстѣ, потому что и совѣщаться-то имъ не о чемъ.—Наконецъ, даже сама польза отъ безплатнаго преподаванія подлежала критикѣ и могла казаться сомнительною. Нѣтъ ничего предосудительнаго въ томъ, если достаточные люди вносятъ деньги за ученье, лишь бы бѣдные пользовались въ этомъ отношеніи возможными льготами. Плата за лекціи съ достаточныхъ служитъ ручательствомъ нѣкоторой самодѣятельности со стороны университета, средствомъ завести

новыя каѳедры, имѣть доцентовъ, устроить кабинеты и музеи, не прибѣгая всякій разъ за пособіемъ къ правительству. Плату за слушаніе преподаванія можно было бы согласовать съ свободою посѣщенія лекцій гостями, публикою; можно бы взимать плату не съ билетовъ за лекціи, а съ экзаменовъ и дипломовъ, давая притомъ бѣднымъ людямъ отсрочку въ платежѣ, пока они не обзаведутся по выходѣ изъ университета.

Противникомъ Костомарова явился Стасюлевичъ въ тѣхъ же «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», но такъ какъ время было не такое, которое бы допускало свободную защиту или по крайней мѣрѣ разборъ вопроса о корпораціи, слѣдовательно нельзя было высказать вполнѣ своихъ мыслей, и на сторонѣ Костомарова стало множество голосовъ въ литературѣ, и публика видимо тяготѣла къ его идеѣ, привлекаемая кажущеюся ея новизною. Идеѣ этой дано было даже нѣкоторымъ образомъ и осуществиться. Послѣ выпуска бывшихъ студентовъ изъ крѣпости и изъ Кронштадта, ихъ взялъ подъ свое спеціальное покровительство любезный, популярный, гуманный, новый военный генералъ-губернаторъ А. А. князь Италійскій графъ Суворовъ-Рымникскій. Давались бѣднымъ пособія, оказывалось покровительство нуждающимся; разрѣшено вмѣсто закрытаго университета устроить публичныя лекціи въ огромныхъ залахъ Городской Думы. Лучшіе и любимѣйшіе профессора какъ университетскіе, такъ и другихъ учебныхъ заведеній, были приглашены читать эти лекціи и читали ихъ при громадномъ стеченіи публики. Но онѣ кончились печальнымъ образомъ на лекціи самаго главнаго защитника вольнаго университета.

Однимъ словомъ, наши защитники вольнаго университета не нашли на практикѣ подтвержденія своихъ идей о томъ, что стóитъ только уничтожить историческій университетъ, съ его общиннымъ устройствомъ, кассою бѣдныхъ студентовъ, библіотекою и т. д.—и дѣло пойдетъ отлично. Даже г. Григорьевъ вынужденъ теперь сознаться въ противномъ, и намъ пріятно указать въ его трудѣ хотя на одно мѣсто, выступающее изъ общаго тона обвинительнаго акта. «Не было—говоритъ онъ (стр. 310)—казалось бы, *ничего предосудительнаго* въ томъ, что любители музыки изъ студентовъ соединялись по нѣскольку разъ въ годъ, чтобы давать публичные концерты въ пользу недостаточныхъ товарищей своихъ (безъ сомнѣнія!); мысль печатать лучшія изъ студентскихъ работъ, получающихъ существованіе по разнымъ поводамъ, была *очень хорошею мыслью*, такъ какъ между работами этими встрѣчаются нерѣдко весьма замѣчательныя; *добрымъ дѣломъ*, повидимому, была и забота студентовъ объ устройствѣ

вспомогательной кассы для наиболѣе нуждающихся изъ нихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе достойныхъ. Но все это дѣлалось, къ сожалѣнію, такъ, что приносило болѣе вреда, чѣмъ пользы.» Итакъ, самъ г. Григорьевъ не видитъ въ студентскихъ порядкахъ конца 50-хъ годовъ «ничего предосудительнаго»; во многомъ лежала «очень хорошая мысль»; многое было «добрымъ дѣломъ». Очевидно, бѣда состояла только въ томъ, что все это дѣлалось не такъ, какъ слѣдуетъ. А чего же хотѣли профессора того времени? Они именно и желали, чтобы все это дѣлалось такъ, какъ слѣдуетъ. Мы раздѣляли, слѣдовательно, вышеприведенные взгляды г. Григорьева на студентскій журналъ, кассу и т. п., и просили только начальство позволить намъ устроить все это, какъ слѣдуетъ. Въ виду такой цѣли работала Кавелинская коммиссія въ мартѣ и апрѣлѣ 1861 г.; этими же мыслями была воодушевлена совѣтская коммиссія въ іюнѣ и іюлѣ того же года; съ тѣмъ же сознаніемъ Совѣтъ не осмѣлился принять на себя матрикулъ съ «нѣкоторыми перемѣнами»; наконецъ, въ самую критическую минуту, 8-го октября, Совѣтъ изъявилъ полную готовность взять на себя отвѣтственность за все, если ему будетъ дозволено распоряжаться, не утрачивая авторитета. Но ему предоставляли невозможную задачу: исполнить безусловно предписаніе начальства и въ тоже время сохранить свой авторитетъ; повиноваться и повелѣвать; между тѣмъ первое лишало его силъ для второго.

Что же, спрашиваемъ мы въ заключеніе, нашелъ г. Григорьевъ общаго между университетскими событіями 1861 г. и романомъ Всев. Крестовскаго «Панургово стадо»? Насколько справедливы заказныя обвиненія литературныхъ кондотьери, восклицающихъ, что профессора того времени оставались равнодушны къ судьбѣ студентовъ и играли въ оппозицію? Но пусть иные фельетонисты черпаютъ изъ всякихъ романовъ свои соображенія и отвѣтъ на предложенный выше вопросъ; мы останемся въ надеждѣ, что многіе предпочтутъ свидѣтельство очевидца, высказанное среди бѣлаго дня и не въ царствѣ мертвыхъ, а при жизни массы людей, переживших эту уже давнопрошедшую эпоху.

В. Спасовичъ.

12-го апрѣля 1870 г.

НОВАЯ КНИГА ДИКСОНА

о

РОССІИ.

Free Russia. By W. H. Dixon. 2 vol. London, 1870.

У насъ привыкли думать и говорить, что Европа не знаетъ насъ и даже не старается насъ понять; а славянофилы прибавляютъ, что она и не можетъ насъ понять, потому что судитъ о насъ на основаніи своей цивилизаціи, которая есть цивилизація узкая и фальшивая. Для патріотизма извѣстной пробы очень пріятно утѣшать себя этими мыслями: что бы о насъ ни говорили, этотъ категорическій отвѣтъ устраняетъ всякую критику. Но собственно, это мнѣніе не совсѣмъ основательно. Правда, масса европейцевъ нерѣдко имѣетъ самыя вздорныя понятія о Россіи (какъ и масса нашихъ соотечественниковъ имѣетъ вздорныя понятія о Европѣ), и литература — въ особенности новѣйшая, преисполнена множествомъ пустыхъ книгъ о Россіи; но не всѣ европейцы имѣютъ такія понятія, и въ литературѣ есть весьма серьезныя книги, цѣнность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Начиная съ Герберштейна и Флетчера въ шестнадцатомъ столѣтіи, съ Олеарія въ семнадцатомъ и до послѣдняго времени иностранная литература о Россіи представляетъ рядъ писателей, для которыхъ русская жизнь вовсе не была секретомъ, которые умѣли достаточно освоиться съ ней и умно о ней судить. Правда, также, что писатели о

новой Россіи обыкновенно мало походили на Герберштейна и Олеарія, и число книгъ пустыхъ возрасло съ умноженіемъ иностранцевъ, заѣзжавшихъ въ Россію и имѣвшихъ претензію писать о ней, но тѣмъ не менѣе и здѣсь, въ книгахъ европейскихъ путешественниковъ, историковъ и публицистовъ было сказано очень много вѣрнаго, хоть часто и очень жесткаго,—начавъ хоть съ аббата Шаппа, Рюльера или Массона до Эрмана, Коля, автора Revelations of Russia, Блазіуса, даже маркиза Кюстина (несмотря на всю его дурную репутацію), до Гакстгаузена, Германа, Шницлера, Шлоссера, Гервинуса, и т. д. Независимо отъ того, какую цѣну эти писатели имѣли для своихъ литературъ, они имѣютъ серьезное значеніе и для насъ. Они способствовали и нашему изученію своего отечества и отчасти замѣняли недостатокъ свободной литературы у насъ: въ исторіи они разсказывали многое, чего и до сихъ поръ не касаются русскіе историки, въ описаніяхъ бытовой жизни и нравовъ изображали такія стороны, описаніе которыхъ было недоступно для русскаго писателя, или иногда такія, которыя еще мало и представлялись сознанію русскаго общества. Несправедливо было бы сказать, будто иностранцы не были къ намъ безпристрастны и правдивы; напротивъ, лучшія книги ихъ свидѣтельствуютъ о положительномъ сочувствіи къ усиліямъ націи стать на дорогу просвѣщенія и цивилизаціи; мудрено винить ихъ, когда они осуждали въ русскомъ характерѣ и жизни то, что осуждается нашей собственной исторіей и собственнымъ сознаніемъ впослѣдствіи.

Эти лучшія книги были отголоскомъ европейскаго общественнаго мнѣнія. Европейскій писатель приступалъ къ намъ съ готовымъ критеріумомъ—тѣми понятіями о цивилизованной жизни, которыя если еще и не вполнѣ осуществлены въ европейской жизни на практикѣ, то всѣми образованными людьми признаны въ принципѣ. Результатъ ихъ наблюденій давалъ мѣрку русской цивилизаціи. Она была очень невысокая въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіи; иностранцамъ бросалось въ глаза много азіатскаго, хотя и тогда въ ихъ отношеніи къ русскимъ было много мягкости, какъ напр. у Олеарія,—они видѣли въ нихъ народъ, принадлежащій Европѣ по происхожденію и по религіи. Съ восемнадцатаго столѣтія они еще больше признаютъ эти связи, но до послѣдняго времени ихъ продолжаетъ поражать въ русской жизни смѣсь извѣстной европейской образованности и восточной патріархальности и грубости нравовъ и общественнаго устройства. Они находили это и въ то время, когда мы не только зачислили себя къ народамъ, какъ слѣдуетъ образо-

ваннымъ, но даже собирались поучать и самую Европу, когда мы, не задумываясь, объявили гнилой ея цивилизацію и предвѣщали торжество нашей собственной. Но европейскіе критики не увѣровали въ мистическій мессіанизмъ русскаго народа, и были правы: въ самой жизни не происходило никакихъ явленій, которыя бы оправдывали этотъ мессіанизмъ; напротивъ, она шла уже извѣстными путями. Развитіе и успѣхи Россіи ознаменовывались тѣмъ, что она усвоивала уже извѣстныя европейскія идеи, учрежденія, нравы, матеріальныя усовершенствованія; ея отсталость выражалась присутствіемъ тѣхъ остатковъ средневѣкового порядка вещей, отъ котораго уже освободилась Европа. Наконецъ, то своеобразное, чтó представляла Россія, какъ представляетъ всякая страна по условіямъ климата, географическаго положенія, расы, прошедшей исторіи и т. д.,—до сихъ поръ не показывало ничего такого, чтó бы заставляло искать для Россіи какихъ-нибудь особенныхъ законовъ развитія и ставить ее внѣ обыкновенныхъ условій и требованій цивилизаціи. Это своеобразное иностранцы умѣли понимать весьма удовлетворительно; въ примѣръ можно указать Гакстгаузена, книга котораго была полезна и для нашего собственнаго изученія нашихъ земскихъ экономическихъ отношеній, или напр. Гервинуса, который не менѣе проницательно опредѣлялъ черты новѣйшей русской исторіи.

Это европейское мнѣніе, какъ мы замѣтили, нерѣдко восполняло недостатокъ свободной критики, который оказывался въ собственной нашей литературѣ, и къ этому мнѣнію нельзя бы оставаться равнодушнымъ, потому что въ концѣ концовъ тѣмъ, какъ объ насъ думаютъ, опредѣляются и наши отношенія и политическія столкновенія съ Европой. Но ребячество нашего общественнаго развитія было таково, что эта независимая литература была даже совсѣмъ недоступна для русскаго читателя: въ то время, когда мы грозили свергнуть «ложную» западную цивилизацію и воздвигнуть на ея развалинахъ свою собственную, намъ не дозволялось даже читать того, чтó писали о нашей цивилизаціи. Не только новѣйшія путешествія и историческія книги, въ которыхъ находилась слишкомъ строгая критика русской жизни, но даже старыя книги не были дозволены: такъ, почти триста лѣтъ давности не спасали отъ запрещенія книгу англичанина Флетчера. Въ это самое время мы съ пренебреженіемъ бросали «иностранныя очки», когда намъ предлагали иногда познакомиться съ выводами европейской науки или съ европейской критикой русской исторіи, — мы забывали при этомъ, что только благодаря «иностраннымъ очкамъ», которыя разъ насильно надѣлъ намъ Петръ Великій, мы сдѣлались и тѣмъ, что

есть. Не въ томъ дѣло конечно, чтобы отказываться отъ собственнаго сужденія, а просто въ томъ, чтобы по крайней мѣрѣ не затыкать ушей отъ чужихъ аргументовъ, и не жаловаться на зеркало...

Эти обстоятельства нашей литературы напомнила намъ книга Диксона, заглавіе которой мы выписали. Имя этого писателя очень извѣстно русской публикѣ по вышедшимъ въ послѣдніе годы русскимъ переводамъ его «Новой Америки», «Духовныхъ Женъ» и «Святой Земли». Первая изъ названныхъ книгъ имѣла даже два перевода. Новое его сочиненіе также очень способно было бы заинтересовать русскаго читателя нѣкоторыми подробностями.

У насъ книга Диксона была уже осуждена и отринута при первомъ слухѣ о ней. Профессоръ московскаго университета Капустинъ, на котораго Диксонъ сослался однажды въ своей книгѣ, нашелъ нужнымъ (въ газетѣ «Голосъ») рѣшительно отказаться отъ всякаго участія въ ней и самымъ суровымъ образомъ осудить ее, какъ преисполненную однимъ грубымъ незнаніемъ и ошибками. Просмотрѣвши книгу, намъ почти пришла охота защищать Диксона, — напомнить по крайней мѣрѣ «облегчающія обстоятельства». Мы съ Диксономъ не стояли ни въ какихъ отношеніяхъ, и, можетъ быть, дѣло разъяснится болѣе безпристрастнымъ образомъ.

Г. Капустинъ объясняетъ, что Диксонъ хотѣлъ предупредить книгу другого англійскаго путешественника, Чарльза Дилка, и потому писалъ очень наскоро и поспѣшно; — поспѣшность дѣйствительно большая, потому что Диксонъ былъ въ Россіи очень недавно. «Особенно прискорбно, — замѣчаетъ г. Капустинъ,—что г. Диксонъ, ради эффекта, наполнилъ свое сочиненіе разными диковинками и такими воззрѣніями, какихъ, конечно, онъ не могъ слышать ни отъ одного русскаго». Къ сожалѣнію, никакъ не можемъ согласиться съ почтеннымъ профессоромъ. Въ книгѣ Диксона есть конечно диковинки, можетъ быть и эффектныя,—но между ними есть много такихъ, которыя вовсе не выдуманы Диксономъ, а дѣйствительно существуютъ въ русской жизни, и англійскаго писателя нельзя винить за то, что нѣкоторыя изъ нихъ онъ, худо ли хорошо ли, показываетъ. Г. Капустинъ смѣло увѣряетъ, что своихъ странныхъ воззрѣній Диксонъ «не могъ слышать ни отъ одного русскаго» — напротивъ, мы увидимъ, что Диксонъ не могъ и услышать многія изъ нихъ иначе какъ отъ русскихъ; другія воззрѣнія конечно принадлежатъ самому Диксону.

Г. Капустинъ выражаетъ еще прискорбіе, что «есть въ Европѣ народъ, о которомъ можно толковать не стѣсняясь ни-

чѣмъ, не зная его языка, не давши себѣ труда познакомиться съ его жизнію хотя бы изъ вторыхъ рукъ». Такая страна дѣйствительно есть; и ошибка иностранцевъ въ сужденіяхъ о Россіи—такая привычная вещь, что мы предположили ихъ впередъ и въ книгѣ Диксона. Ихъ скучно пересчитывать и опровергать, и можно останавливаться на нихъ развѣ только затѣмъ, чтобы указать ихъ какъ признакъ продолжающагося невниманія Европы къ внутреннему развитію страны. Въ этомъ смыслѣ незнаніе и ошибки Европы имѣютъ свое характеристическое значеніе. Это незнаніе очень прискорбно для насъ, но если тутъ кого винить, то конечно слѣдуетъ въ томъ винить и насъ самихъ,—быть можетъ, насъ самихъ прежде всего. Народъ и общество должны *сами* заставить изучить себя. До сихъ поръ мы не могли заставить Европу дѣлать это. Европу интересовало только знать нашу дипломатію и нашу армію. Это было существенное, что ей было нужно, и это она знала. Затѣмъ, географически Россія извѣстна достаточно, и если мы хотимъ, чтобы насъ изучали иначе, внимательнѣе, глубже, какъ мы напр. желаемъ изучать не только Германію, Францію, Англію, даже Швейцарію, нужно, чтобы наша жизнь, наше внутреннее содержаніе представляли для Европы почти въ такомъ же родѣ, нѣчто поучительное, нѣчто оригинальное и самобытное, или по умственному интересу, или по общечеловѣческимъ историческимъ воспоминаніямъ, или по благотворности учрежденій, по развитію промышленности, образованности, школы и т. д...

Въ ожиданіи этого, европейское незнаніе Россіи и русской жизни не представляетъ ничего удивительнаго; и вѣроятно, это будетъ продолжаться еще не мало времени. Но степень этого незнанія все-таки мѣняется, и мѣняется также характеръ непосредственныхъ личныхъ впечатлѣній.

Диксонъ, конечно, не Гервинусъ, и не Гакстгаузенъ. Это одинъ изъ обыкновенныхъ, заурядныхъ европейскихъ писателей о Россіи. Книга его не серьезная книга, а легко набросанныя впечатлѣнія и наблюденія путешественника, рядъ фельетоновъ; но при всемъ томъ она любопытна. Въ ней нѣтъ ничего, особенно для насъ новаго, — но нѣсколько анекдотическихъ свѣдѣній, собранныхъ самимъ Диксономъ, очень любопытны: она говоритъ иногда о вещахъ, которыя еще не пріобрѣли гражданства въ русской печати; наконецъ, она интересна какъ образчикъ мнѣній иностранцевъ о современной Россіи.

Самъ авторъ имѣлъ въ виду не только однѣ впечатлѣнія путешествія, не однѣ картины русской жизни, представлявшіяся ему случайно; напротивъ, онъ хотѣлъ объяснить цѣлое обще-

ственное положеніе, внутреннюю политику нынѣшней Россіи. Заглавіе его книги, въ менѣе громкомъ стилѣ, означаетъ Россію послѣ изданія Положеній 19 февраля, и послѣ другихъ реформъ, измѣняющихъ во многомъ прежній порядокъ вещей. Въ какой же степени авторъ выполняетъ свою задачу?

Диксонъ вообще очень ловкій писатель. Прежде всего, это умный наблюдатель и прекрасный разсказчикъ. Онъ ловко умѣетъ оріентироваться въ своемъ предметѣ, часто съ большимъ искусствомъ угадываетъ, или легко понимаетъ по чужимъ указаніямъ его характеристическія черты и результаты своихъ наблюденій излагаетъ въ яркихъ наглядныхъ картинахъ. Выборъ сюжетовъ, которыми онъ до сихъ поръ занимался, весьма разнообразенъ: Новая Америка, мистическая духовная любовь, Святая Земля, мрачная исторія Тоуэра; онъ одинаково легко переносится въ эти различныя области жизни и исторіи, и это разнообразіе какъ будто составляетъ потребность его таланта: его воображеніе ищетъ новыхъ картинъ, съ пестрыми оригинальными красками, съ новымъ, завлекающимъ, слегка таинственнымъ содержаніемъ. Диксонъ не методическій разсказчикъ, который обстоятельно, и скучновато, передаетъ свои впечатлѣнія; напротивъ, онъ предпочитаетъ быстрые общіе очерки, иногда съ легкимъ фантастическимъ колоритомъ, хотя вообще его наблюдательность отличается очень реальнымъ характеромъ. Это разнообразіе оригинальныхъ сюжетовъ конечно выгодно и съ книгопродавческой точки зрѣнія. Всего слабѣе онъ бываетъ тамъ, гдѣ онъ хочетъ давать изображаемымъ явленіямъ общія теоретическія объясненія, гдѣ предметъ требуетъ болѣе серьезнаго вниманія и изученія, чѣмъ у него бываетъ.

Эти качества обнаруживаются и въ «Свободной Россіи». Страна была ему совершенно чужая, но онъ недурно для иностранца описываетъ то, что́ видѣлъ самъ; зато общія соображенія о внутренней политикѣ, какъ увидимъ, совсѣмъ слабы. Авторъ въ предисловіи указываетъ свою программу слѣдующимъ образомъ:

«*Свободная Россія*—слово, которое теперь у всѣхъ на устахъ въ этой великой странѣ; это — имя и вмѣстѣ надежда новой имперіи, родившейся въ Крымскую войну. Въ былыя времена Россія была свободна, даже такъ, какъ были свободны Германія и Франція. Она пала предъ азіатскими ордами; и татарская система продолжалась, если не въ формѣ, то въ духѣ, до этой войны; но когда это столкновеніе кончилось, старая Россія возродилась. Эту новую страну — которая надѣется быть мирной, хочетъ быть свободной—я и пытался нарисовать.

«Путешествія мои, теперь только-что конченныя, приводили меня отъ Полярнаго моря къ Уральскимъ горамъ, отъ устьевъ Вислы къ проливу Еникале, включая посѣщеніе четырехъ святынь — Соловецкой, Печерской, Юрьевской и Троицкой. Цѣлью моей было изображать живой народъ, мнѣ приходилось много говорить о богомольцахъ, монахахъ и приходскихъ священникахъ; о деревенскихъ судахъ и патріархальной жизни; нищихъ, бродягахъ и раскольникахъ; о казакахъ, калмыкахъ и киргизахъ; о рабочихъ артеляхъ, мѣщанскихъ правахъ и дѣленіи земель; о студенческихъ волненіяхъ и тягостяхъ солдатской жизни; однимъ словомъ, о человѣческихъ силахъ, которыя лежать въ основаніи внѣшней политики нашего времени и производятъ ее.

«Два путешествія, сдѣланныя въ прежніе годы, помогли мнѣ понять реформы, которыя открываютъ запертую имперію прошлаго царствованія и превращаютъ въ свободную Россію царствующаго нынѣ императора».

Диксонъ дѣйствительно всего больше говоритъ о народѣ, и нерѣдко съ бóльшимъ знаніемъ его, чѣмъ обыкновенно представляютъ иностранные писатели о Россіи. Повидимому, онъ имѣлъ иногда опытныхъ спутниковъ или переводчиковъ; по крайней мѣрѣ онъ умѣлъ освоиться съ народнымъ бытомъ, замѣчать характеристическія явленія: разговоры, приводимые имъ, похожи на правду. Онъ вообще старался познакомиться съ учрежденіями и нравами: онъ знаетъ условія сельскаго и городского быта, говоритъ о крестьянской общинѣ, городскомъ устройствѣ, о положеніи духовенства, съ особеннымъ интересомъ останавливается на старообрядствѣ и расколѣ и т. д.; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ присматривался къ реформамъ нынѣшняго царствованія, которымъ приписываетъ величайшее значеніе въ національномъ развитіи Россіи, разсказываетъ довольно вѣрно процессъ составленія Положеній; онъ видѣлъ новые суды и съ удивленіемъ говоритъ о томъ, какъ легко прививаются эти учрежденія, какое знаніе дѣла и тактъ обнаруживаютъ судьи и присяжные; сообщаетъ о преобразованіяхъ въ духовномъ управленіи и т. д. Для *англійской* литературы книга Диксона безъ сомнѣнія будетъ пріятнымъ пріобрѣтеніемъ.

Судя безотносительно, мы конечно найдемъ въ ней много недостатковъ, и довольно крупныхъ. Разсказы о народной жизни и изображеніе реформъ не свободны отъ ошибокъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ увлекается фантазіей какъ Дюма. Всего неудачнѣе у Диксона тѣ части его книги, гдѣ онъ говоритъ собственно объ обществѣ, его интересахъ, его отношеніяхъ къ реформамъ и т. п. Авторъ дѣлаетъ здѣсь самыя грубыя ошибки,

даже неизвинительный для умнаго человѣка. Конечно, сужденія, которыя онъ дѣлаетъ, часто вѣроятно только повторяютъ то, что онъ слышалъ въ этомъ обществѣ; но умному человѣку слѣдавало выбирать себѣ руководителей съ большой осторожностью особенно въ такомъ обществѣ, какъ русское... Послѣдствія неразборчивости и оказались въ книгѣ Диксона нѣкоторыми мнѣніями, свойственными «Вѣсти» или «Московскимъ Вѣдомостямъ» и очень странными въ книгѣ англійскаго писателя.

Мы полагаемъ, что читателю небезъинтересно будетъ познакомиться съ впечатлѣніями англійскаго путешественника, и потому укажемъ ихъ въ главныхъ чертахъ, насколько это возможно. Прежде всего мы приведемъ заключительный выводъ, который покажетъ общую точку зрѣнія и основное впечатлѣніе автора. Въ послѣдней главѣ своей книги Диксонъ опредѣляетъ значеніе настоящаго момента русской исторіи и русской жизни, и находитъ его — нѣсколько неожиданно для русскаго читателя — въ томъ, что со времени Крымской войны Россія перестала быть татарской и *впервые* дѣлается европейской. Въ своемъ живописномъ стилѣ, Диксонъ говоритъ такъ:

«Крымская война возвратила народъ къ его національной жизни.—«Севастополь! говорилъ мнѣ еще недавно одинъ генералъ,—Севастополь погибъ, для того, чтобы наша страна была свободна».—Татарское царство, основанное Іоанномъ Грознымъ, преобразованное Петромъ Великимъ, продолжало существовать по духу, даже когда одѣвалось въ западныя имена и формы, до той поры, какъ союзники высадились съ своихъ транспортовъ. Пораженное при Альмѣ, разбитое при Балаклавѣ, это царство сдѣлало свое послѣднее усиліе на высотахъ Инкермана.... Севастополь сталъ развалиной. Не осталось камня на его мѣстѣ, который бы разсказалъ объ его прежнемъ величіи... Властелинъ, крѣпость и царство пали; ихъ дѣло на землѣ было довершено до послѣдняго акта. Эта развалина есть ихъ могила.

«Азіатская Россія кончилась, и Россія европейская пробилась къ жизни.

«Подчиненный «Великому Хану», московскій князь въ старыя времена былъ такимъ же зависимымъ владѣтелемъ, какъ въ новѣйшее время валахскій господарь, египетскій паша. Оказывая подданство, платя дань своему татарскому господину, князь правилъ вмѣсто него, принималъ его костюмъ и обычаи, участвовалъ въ его битвахъ и принималъ на жалованье его офицеровъ и войска....

«Татарская система была система деревенская, какъ у всякаго пастушескаго и хищнаго племени, — деревня для слугъ, и

лагерь или резиденція для властителя. Русская система была смѣшанная, какъ въ Германіи и Франціи; деревня для земледѣльца, городъ для боярина, купца и ремесленника. Старые русскіе города были богаты и свободны; они управлялись своими законами, народными собраніями и избирательными князьями. Новгородъ, Москва, Псковъ, Владиміръ, Нижній были образцами сотни цвѣтущихъ городовъ; но когда московскій князь вырвалъ у хана свою независимость, въ шестнадцатомъ столѣтіи, онъ принялъ татарскую политику — ослаблять свободные города и сосредоточить всю власть въ своемъ лагерѣ. Этотъ лагерь была Москва, которую Иванъ поставилъ подъ военный законъ, и управлялъ ею палкой, по азіатскому способу. Дворъ сдѣлался татарскимъ дворомъ. Одежда и обычаи Бахчисарая были образцомъ для Кремля; женщины были заперты въ терема; установилось татарское различіе между бѣлымъ и чернымъ (знатный и подлый). Съ того времени какъ великіе князья сдѣлались царями, они стали называться бѣлыми, поселяне — черными; и бѣдняки всѣхъ классовъ, жили ли они въ городахъ или въ деревняхъ, назывались пренебрежительно, какъ всегда называли ихъ магометанскіе господа, — крестьянами (христіанами), имя, перешедшее къ крѣпостнымъ и оставшееся за ними до тѣхъ поръ, пока на русской почвѣ были крѣпостные.

«Оставляя Москву, Петръ Великій дѣйствовалъ только какъ крымскій татаринъ, который перемѣстилъ свой лагерь изъ Эски-Крыма въ Бахчисарай. Лагерь была его страна, и лагерь его былъ тамъ, гдѣ онъ останавливался на нѣсколько времени. Въ старой Россіи, какъ въ Германіи и Франціи, власть была историческая; въ Крымской Татаріи, какъ въ Турціи и Бухарѣ, она была личная. Иванъ Грозный ввелъ личную систему; Петръ Великій расширилъ ее. Въ свои лучшіе дни Россія имѣла знатное сословіе, какъ сословіе городское и сословіе сельское; но эти признаки славнаго прошедшаго мало-по-малу исчезли. «Въ моей имперіи нѣтъ знатныхъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ я сдѣлаю знатными», говорилъ Петръ. «Въ моей имперіи нѣтъ знатныхъ, кромѣ тѣхъ, съ кѣмъ я говорю и пока я говорю», сказалъ Павелъ. Областные правители сдѣлались пашами, съ правомъ жить (кормиться) на счетъ областей, которыми они посылались управлять; то-есть, съ правомъ брать съ народа пищу, питье, домъ, собакъ, лошадей, женщинъ по волѣ его властителя.

«Эта татарская система, хотя смягчаемая отъ времени до времени то изящными фразами, то мистическимъ патріотизмомъ, существовала до недавняго времени. При этой системѣ, государь былъ все, народъ — ничто; армія — орда, знать — оффи-

ціальная чернь, церковь—департаментъ полиціи, общины—толпа рабовъ.

За тѣмъ слѣдуетъ характеристика прошлаго царствованія, которой мы не приводимъ.

«Когда нынѣ царствующій императоръ—такъ продолжаетъ Диксонъ—вступилъ на престолъ, чѣмъ было его государство? Имперія была разрушеніе. Союзники стояли на ея почвѣ; порты ея были закрыты; корабли потоплены; армія была въ бѣдственномъ состояніи. Смотря отъ Невы къ Темзѣ, онъ не могъ увидѣть ни одного друга, къ которому бы могъ обратиться за помощью въ бѣдѣ. Система (принятая прежде) была доведена до совершенства; уединеніе страны было полное. Но какимъ же образомъ эта система, воздвигнутая такою цѣною, упала до такой полной степени въ томъ самомъ пунктѣ, гдѣ она казалась всего сильнѣе?

«Въ ея арміяхъ считался милліонъ людей. Какимъ образомъ эти массы не въ состояніи были защитить своей почвы? Онѣ были дома; онѣ знали страну; онѣ привыкли къ ея равнинамъ, къ ея лѣтнему зною и зимнимъ снѣгамъ. Притомъ онѣ сражались за все то, что̀ дорого людямъ на землѣ... Непріятельскія войска были малочисленны, далеко отъ дому и сражались только изъ гордости и за плату. Какъ могли подобныя войска удержаться на русской почвѣ»?

Авторъ говоритъ далѣе, какъ подъ конецъ стала раскрываться истина. Становилось ясно, что милліонъ войска поставленъ противъ сотни милліоновъ энергическихъ и предпріимчивыхъ непріятелей. Всѣ свободные народы были противъ системы, и самая нація, которою эта система такъ сурово управляла, была противъ нея. Народъ не стоялъ за войсками въ этой войнѣ противъ западныхъ державъ...

Приведенный нами взглядъ англійскаго писателя на прошедшее нашей исторіи можетъ показаться черезчуръ рѣзкимъ, преувеличеннымъ, враждебнымъ, а инымъ можетъ показаться и оскорбительнымъ. Мы не станемъ ни защищать, ни опровергать его: мы привели его только съ тѣмъ, чтобы дать образчикъ господствующихъ европейскихъ взглядовъ на Россію, въ которыхъ мы всегда должны были видѣть много суроваго и неблагопріятнаго. Мы не будемъ также останавливаться на фактическихъ ошибкахъ, которыя есть въ приведенномъ отрывкѣ,—эти ошибки не измѣняютъ сущности дѣла. Слова Диксона показываютъ еще разъ, въ какой рѣзкой противоположности русская жизнь находилась къ общимъ привычкамъ европейской мысли и европейской общественности. Диксонъ въ этомъ случаѣ не говоритъ ничего особеннаго и оригинальнаго, напротивъ; онъ повторяетъ очень распространенное европей-

ское воззрѣніе; оно высказывалось въ такой же опредѣлительной формѣ много разъ и до него, и притомъ не рѣдко людьми, которыхъ нельзя было обвинить въ легкомысленномъ отношеніи къ предмету или въ незнаніи Россіи... Европа до послѣдняго времени дѣйствительно смотрѣла на насъ, какъ на что-то ей чуждое. Формы русской жизни были такъ непохожи на формы европейскія, что въ Европѣ не признавали за Россіей единства цивилизаціи и, — она отдѣлялась отъ насъ. Какъ бы мы ни считали несправедливыми ея суровые отзывы, въ этомъ ея отчужденіи были основанія, которыя мы признавали и сами — въ другой формѣ; въ послѣднее время, въ идеалистическомъ заблужденіи, мы сами начали старательно отдѣлять себя отъ Европы, только ссылаясь на то, что мы носимъ въ себѣ зерна другой, высшей, для Европы непонятной и недоступной, цивилизаціи, которою мы нѣкогда обновимъ міръ. Понятно, что этотъ аргументъ не имѣлъ никакой силы, какъ опроверженіе приведенныхъ европейскихъ мнѣній о состояніи нашего умственнаго и общественнаго развитія. Этой будущей цивилизаціи, которою мы хвалились, еще не было, критеріумомъ могла конечно служить только та цивилизація, какая существуетъ, т.-е. цивилизація въ ея нынѣшнемъ европейскомъ содержаніи. По этому критерію объ насъ и судили, тѣмъ болѣе, что вся новѣйшая исторія Россіи состояла въ постепенномъ усвоеніи себѣ этой европейской цивилизаціи. Сущность этой цивилизаціи долго была недоступна для русской жизни; она подвергалась даже суровымъ преслѣдованіямъ, когда случалось, что ее понимали сколько-нибудь серьезно и свободно, — но никакая вражда къ этой сущности не могла остановить практическихъ вліяній цивилизаціи; у насъ все-таки стремились воспользоваться ея матеріальными результатами, ея житейскими примѣненіями. Идеальное славянофильство, которое теперь тоже присоединилось къ врагамъ этой цивилизаціи, простодушно забываетъ, что эти матеріальныя примѣненія, эти практическія вліянія все больше и больше охватываютъ нашу жизнь, и ведутъ ее на европейскую дорогу, сколько бы ни упиралось словянофильство... Въ Европѣ чувствовалось это враждебное отношеніе и правительствъ въ прежнія времена, и самого общества; и потому формы русской жизни характеризовались такъ, какъ онѣ характеризуются у Диксона... Завоевавши себѣ политическое вліяніе въ Европѣ, Россія не пріобрѣла нравственно-равноправнаго мѣста между европейскими націями. Единственныя чувства, которыя она возбуждала, были страхъ и вражда. Въ Россіи опасались громадной силы, грозящей цивилизаціи; Наполеонъ, говорятъ, пред-

сказывалъ, что Европа черезъ пятьдесятъ лѣтъ будетъ революціонной или казацкой; съ двадцатыхъ годовъ въ Европѣ начинаетъ господствовать опасеніе русскаго могущества и забота о необходимости поставить оплотъ противъ русскаго нашествія и т. д. По свойствамъ быта, медленности развитія, въ Россіи видѣли вообще союзницу застоя и реакціи,—какъ это и было дѣйствительно во многихъ изъ ея столкновеній съ европейскими дѣлами съ конца XVIII вѣка и до недавнихъ временъ. Если сама Россія относилась недовѣрчиво и недружелюбно къ европейской жизни, къ ея мысли и наукѣ, къ ея борьбѣ съ отживающими историческими началами и страстнымъ усиліямъ найти новыя области мысли и новыя формы жизни, словомъ ко всему, что было для нея наиболѣе драгоцѣнно, то становится совершенно понятной и эта обратная вражда: она была именно пропорціональна нашему отчужденію и нашему застою.

Что это было именно такъ, въ этомъ можно было убѣждаться тѣмъ, что эта враждебность исчезала, какъ скоро являлись поводы думать, что Россія не грозитъ цивилизаціи, а напротивъ сама начинаетъ уступать вліяніямъ европейскаго просвѣщенія; всякій истинный успѣхъ Россіи въ дѣлѣ цивилизаціи принимался въ Европѣ съ дѣйствительнымъ сочувствіемъ. Примѣръ мы находимъ и у Диксона, который и здѣсь опять выражаетъ не только свое личное мнѣніе.

Этотъ самый писатель, отъ котораго по приведеннымъ словамъ мудрено бы ждать добраго слова, этотъ писатель исполненъ величайшаго уваженія и сочувствія къ нынѣшнему царствованію. Онъ не разъ возвращается къ реформамъ этого царствованія, въ которыхъ видитъ залогъ будущаго блага Россіи, и каждый разъ его сочувствіе выражается самымъ эмфатическимъ образомъ. Ему кажется, что въ этой «Свободной Россіи», которую онъ описываетъ, онъ чувствуетъ себя въ знакомой сферѣ; если здѣсь еще не господствуютъ вполнѣ, то уже проникли и стали на прочномъ основаніи тѣ стихіи, въ которыхъ однихъ жизнь кажется возможна для европейскаго человѣка. Предположивъ полное измѣненіе принципа, управляющаго громадной націей, европейское мнѣніе конечно должно будетъ принять иной характеръ. Если это измѣненіе дѣйствительно, то измѣняются и прежнія отношенія къ странѣ и народу; опасенія исчезаютъ, на ихъ мѣсто является теплое желаніе успѣха и довѣріе. Рѣзкая филиппика переходитъ у Диксона въ слѣдующій панегирикъ:

«Новый государь началъ свое царствованіе дѣлами милосердія. Сотни тюремныхъ дверей отворились, тысячи ссыльныхъ были освобождены отъ оковъ. Съ западными державами заклю-

ченъ былъ почетный миръ, и мечта о походѣ на Стамбулъ была оставлена. Имперія въ семьдесятъ милліоновъ найдена была достаточно обширной, чтобы довольствоваться тѣмъ, что есть. Уступивши для мира часть Бессарабіи, императоръ Александръ показалъ, что у него нѣтъ восточной алчности къ пріобрѣтенію территорій.

«Обезпечивъ границы, Александръ обратилъ свой взглядъ на народъ и области, лежавшія на его попеченіи. Огромное большинство его сельскаго населенія были крѣпостные. Ни одинъ изъ десяти не умѣлъ читать; ни одинъ изъ пятидесяти не умѣлъ подписать своего имени. Множество его народа стояло далеко отъ оффиціальной церкви. Крѣпостные были сильно угнетаемы помѣщиками, старовѣры были сурово преслѣдуемы монахами; и однакоже эти два класса составляли силу страны. Если надо было искать силы внѣ арміи и оффиціальныхъ классовъ, то гдѣ можно было найти ее, какъ не въ этихъ крѣпостныхъ, въ деревняхъ, не въ этихъ старовѣрахъ въ городахъ? Больше нигдѣ. Какъ можно было примирить съ государствомъ, присоединить къ національной силѣ эти населенія, страдавшія отъ физическаго гнета и отъ религіозной ненависти?

«Изучая людей, которыми онъ призванъ былъ править, императоръ низшелъ къ своему народу — жилъ на берегахъ его рѣкъ и въ его сельскихъ общинахъ, проходилъ отъ Арктическаго моря до Каспійскаго, отъ Вислы до Уральскихъ рудниковъ, преклонялся съ нимъ въ Соловецкомъ монастырѣ и у Троицы, вступалъ съ нимъ въ разговоры на дорогахъ, наблюдалъ его въ лѣсахъ и рудникахъ,—пока почувствовалъ, что онъ видѣлъ русской земли больше, зналъ русскій народъ больше, чѣмъ кто-нибудь изъ министровъ его двора.

«При свѣтѣ знанія, пріобрѣтеннаго съ такими стараніями, онъ открылъ великій крестьянскій вопросъ, и чувствуя себя сильнымъ въ своемъ подробномъ знакомствѣ съ своей страной, онъ имѣлъ счастливое мужество настоять на своемъ принципѣ «Свобода съ Землей», противъ мнѣній его совѣтовъ и комитетовъ въ пользу «Свободы безъ Земли».

«Этотъ актъ еще не былъ исполненъ во всѣхъ частяхъ, когда онъ началъ свою великую реформу въ арміи. Онъ уничтожилъ сѣченье и побои въ строю. Онъ открылъ въ лагерѣ школы, облегчилъ производства и поднялъ участь солдата съ нравственной стороны не меньше, чѣмъ съ матеріальной.

«Университеты были преобразованы въ мирномъ смыслѣ. Шпаги были уничтожены, мундиры были оставлены, и корпоративныя привилегіи отняты. Воспитаніе было освобождено отъ

связи съ военнымъ лагеремъ. Мирные профессора заняли каѳедры, и молодые люди, слушавшіе лекціи, стояли на одномъ уровнѣ съ своими товарищами, подчинены тому же начальству и однимъ общимъ законамъ. Школы стали свободны...

«За этой перемѣной слѣдовала та громадная реформа въ судебномъ вѣдомствѣ, которая перенесла сужденіе преступленій изъ полицейскаго управленія въ правильные суды, замѣняя чиновника, всегда дѣйствующаго произвольно и часто подкупнаго, безпристрастными присяжными, дѣйствующими въ союзѣ съ образованнымъ судьей.

«Въ тоже время онъ открылъ тѣ мѣстные парламенты, уѣздныя и губернскія земскія собранія, которыя учатъ людей думать и говорить, выслушивать и рѣшать—вѣрить аргументу, уважать противное мнѣніе и пріобрѣтать добродѣтели, необходимыя для публичной жизни.

«Въ заботахъ объ этихъ реформахъ явился еще болѣе щекотливый вопросъ о реформѣ церковной...

«Повидимому, каждая изъ этихъ великихъ реформъ въ такой странѣ, какъ Россія, потребовала бы цѣлой жизни; но при смѣломъ и человѣколюбивомъ правителѣ, всѣ онѣ совершаются рядомъ одна съ другой» и т. д.

Авторъ находитъ, что эта свободная Россія есть Россія мирная; что русскій народъ, собственно говоря, вовсе не есть народъ воинственный, и что какъ скоро «право вотировать объ общественныхъ вопросахъ сдѣлается его обычаемъ», онъ больше и больше будетъ склоняться къ мирной политикѣ. Война предстоитъ Россіи только въ одномъ направленіи, на востокѣ, гдѣ Россіи нужно обезпечивать свои границы, и по мнѣнію Диксона, англичанамъ нѣтъ основанія опасаться здѣсь успѣховъ Россіи, потому что она «будетъ сражаться за весь міръ, за порядокъ, законъ и цивилизацію», что «Россія въ Бухарѣ, будетъ значить—и англичане въ Бухарѣ».

Таково общее представленіе англійскаго путешественника о русскихъ дѣлахъ. Хотя онъ самъ въ теченіе своего разсказа указываетъ вещи, которыя должны бы нѣсколько видоизмѣнить его заключенія или точнѣе опредѣлить ихъ, хотя и здѣсь есть явные недосмотры, этотъ панегирикъ опять интересенъ, какъ примѣръ европейскихъ мнѣній о современной Россіи. Возвратимся къ содержанію книги.

Всего больше автора занимала религіозная жизнь. Весь первый томъ вполнѣ занятъ разсказами этого рода. Диксонъ началъ свое послѣднее путешествіе съ Архангельска, откуда онъ сдѣлалъ прежде всего поѣздку въ Соловецкій монастырь. Цѣлый

рядъ главъ: «Религіозная жизнь», «Богомольцы», «Отецъ Іоаннъ», «Владыка», «Переѣздъ богомольцевъ», «Монастырское хозяйство», «Чудеса», «Черное духовенство», «Расколъ», «Староверы» и т. д. посвящены довольно подробному описанію монастыря и общимъ религіознымъ и церковнымъ вопросамъ, которые при этомъ ему представлялись. Содержаніе второго тома разнообразнѣе; нѣсколько главъ и здѣсь опять заняты описаніями церковной жизни «Кіевъ», «Юрьевскій монастырь», «Новгородъ Великій», «Св. Филиппъ», «Библія», «Приходскіе священники»; но затѣмъ изображаются «Дороги», «Лѣсныя сцены», «Патріархальная жизнь», «Деревенская республика», «Города», «Крѣпостное право», «Освобожденіе», «Цехъ и артель», «Хозяева и рабочіе», «Тайная полиція», «Губернаторы», «Открытые суды» и проч. Нѣсколько образчиковъ дадутъ читателю понятіе о характерѣ его впечатлѣній.

Диксонъ, какъ мы видѣли, расположенъ смотрѣть на русскую жизнь скорѣе съ большимъ оптимизмомъ, но онъ замѣчаетъ однако угловатости русской цивилизаціи и нравовъ, въ которыхъ находитъ нѣчто восточное. Такое впечатлѣніе встрѣчаетъ его съ первыхъ шаговъ на русской почвѣ: въ Архангельскѣ онъ не находитъ ни набережной, ни дока, ни пристани, на которую они могли бы сойти съ своего парохода:

«Съ берега вамъ не подаютъ никакой помощи. Кромѣ нѣсколькихъ портовъ въ Палестинѣ, вы нигдѣ не найдете, чтобы богатая торговля велась такими простыми средствами... Отправляясь въ городъ, вы узнаете, что въ Архангельскѣ нѣтъ отелей какъ въ Алеппо; нѣтъ даже, какъ есть въ Алеппо, публичнаго хана (караванъ-серая). Пораженные этими особенностями, вы обращаетесь къ картѣ и замѣчаете, что дѣйствительно Архангельскъ лежитъ немного восточнѣе Мекки и Требизонда».

Онъ нѣсколько разъ обращается подобнымъ образомъ къ картѣ, когда говоритъ также о русской религіозности и народныхъ сектахъ; однажды и русскій администраторъ напомнилъ ему турецкаго бея.

За то на Диксона сильное впечатлѣніе произвелъ Соловецкій монастырь. Прибывъ на островъ вмѣстѣ съ богомольцами на монастырскомъ пароходѣ, онъ, по принятому порядку, вмѣстѣ съ ними осматривалъ святыню, являлся на церковныя службы и пользовался монастырскимъ гостепріимствомъ; но, кромѣ того, благодаря рекомендательному письму архангельскаго владыки и любезности соловецкаго архимандрита, онъ видѣлъ всѣ достопримѣчательности монастыря, и всего больше былъ пораженъ монашескими работами.

«Эти монахи знаютъ, кажется, всѣ мастерства... При осмотрѣ этихъ работъ, вы встрѣчаете цѣлый рядъ неожиданностей. Съ перваго взгляда вся эта выставка кажется сномъ, и вы едва можете представить себѣ, что эти вещи дѣлаются монахами, на уединенномъ островѣ, въ теченіе восьми мѣсяцевъ изъ двѣнадцати запертомъ отъ міра бурями мокраго снѣга и ледяными пустынями.

«Эти монахи дѣлаютъ тисненныя кожаныя шапки и пояса; они пишутъ масляными красками и рѣжутъ на деревѣ; они выдѣлываютъ и дубятъ кожу; они дѣлаютъ желѣзныя вещи; прядутъ и мотаютъ нитки; полируютъ камни; изготовляютъ обувь и поярковыя шляпы; дѣлаютъ оловянную посуду; сушатъ плоды; рубятъ и очищаютъ лѣсныя деревья; вырѣзываютъ бумажные цвѣты; строятъ телѣги и сани; вышиваютъ воротнички; обжигаютъ кирпичъ; плетутъ корзинки; выламываютъ и обтесываютъ камни; разрисовываютъ разливательныя ложки; расписываютъ иконостасы, часовни и обители; льютъ воскъ; вьютъ веревки и канаты; дѣлаютъ якори и свайки; вяжутъ и шьютъ, и работаютъ своей иглой во всѣхъ отрасляхъ полезнаго и декоративнаго искусства. Во всѣхъ этихъ отрасляхъ индустріи, вещь, которую они выдѣлываютъ, есть образецъ добросовѣстной работы.

«Многіе монахи находятъ поприще для своихъ талантовъ на фермѣ... Нѣсколько человѣкъ предпочли болѣе поэтическій трудъ садовниковъ... Здѣшній медъ чистый и хорошій.

«Монастырскую пекарню стоитъ посмотрѣть....

«Пивоварня въ своемъ родѣ не уступаетъ пекарнѣ по своему совершенству...

«Въ связи съ этимъ стоятъ мастерскія, гдѣ вырѣзываютъ посуду и разрисовываютъ ложки...

«На одномъ углу вала, обращенномъ къ солнцу, помѣщается фотографія, и недалеко отсюда, въ новыхъ зданіяхъ, находятся кельи, гдѣ занимаются живописью и работой на финифти...

«Но отцы гораздо больше гордятся, и не безъ основанія, своими работами на морѣ, чѣмъ даже своими работами на сушѣ. Многіе изъ нихъ живутъ на бортѣ...

«Одинъ достопочтенный отецъ зоветъ меня послѣ службы посмотрѣть его судно и докъ, въ которомъ оно стоитъ. Построенная и оснащенная дома, «Надежда» имѣетъ въ моихъ глазахъ такую прелесть, какую имѣютъ весьма немногіе корабли. Пароходъ, сдѣланный монахами на Ледовитомъ морѣ, есть въ своемъ родѣ такой же высокій подвигъ ума, какъ башня Антверпенскаго собора, или фасадъ каѳедрала въ Уэлльсѣ. Мысль построить этотъ пароходъ возникла въ монашескомъ мозгу; его

линіи начерчены были монашескимъ перомъ; монахи срубили для него деревья, выковали болты, выткали парусину и свили канаты. Монахи собрали его; монахи разрисовали его каюту, набили его диваны и подушки. Монахи спустили его на воду, и спустивши, плаваютъ на немъ отъ порта до порта».

Новый предметъ удивленія для путешественника, когда на Соловецкомъ островѣ ему показали докъ.

«И этотъ докъ, о которомъ съ гордостью говорилъ отецъ Іоаннъ, оказывается еще не простой, а сухой докъ (dry dock). А докъ, даже обыкновенный, есть одинъ изъ тѣхъ признаковъ, по которому можно положительно судить о высотѣ, достигнутой народомъ, — какъ можно объ этомъ судить по крѣпости городской стѣны, по великолѣпію судебныхъ мѣстъ, по красотѣ публичныхъ садовъ. Въ Россіи доки чрезвычайно рѣдки. Дюжина портовъ въ Имперіи не можетъ похвалиться докомъ. Въ Архангельскѣ нѣтъ дока; въ Астрахани нѣтъ дока; въ Ростовѣ нѣтъ дока. Вы найдете такую вещь только въ городахъ, какъ Рига и Одесса, построенныхъ и занимаемыхъ иностранцами. Сухой докъ въ Соловкахъ есть единственный примѣръ этого рода во всей собственной Россіи. Въ Кронштадтѣ есть сухой докъ; но Кронштадтъ въ балтійскихъ провинціяхъ (!?)—это нѣмецкій портъ, съ нѣмецкимъ именемъ. Единственное сооруженіе этого рода, существующее на русской почвѣ, есть произведеніе монашеской предпріимчивости и искусства».

Слова Диксона о Кронштадтѣ конечно перешли мѣру справедливости, но мнѣніе остается характеристично.

Англійскій путешественникъ старался сколько можно изучить всѣ стороны и подробности соловецкой жизни, которая интересовала его, какъ образчикъ народной религіозности. Онъ припоминаетъ старую исторію Соловецкаго монастыря, его основаніе и распространеніе, пересказываетъ осаду монастыря англійскимъ флотомъ въ послѣднюю войну, по монастырской редакціи, которая напомнила ему средніе вѣка своимъ легендарнымъ колоритомъ. Наконецъ онъ желалъ видѣть монастырскія тюрьмы, которыхъ конечно не показываютъ обыкновеннымъ поклонникамъ и путешественникамъ, и дѣйствительно успѣлъ видѣть эти тюрьмы и заключенныхъ. Отъ самихъ заключенныхъ онъ успѣлъ спросить ихъ имена, а впослѣдствіи разузналъ и ихъ исторію: одна изъ этихъ исторій, повидимому очень давняя, въ особенности отличается печальнымъ интересомъ... Диксонъ разсказываетъ, что онъ надѣялся сдѣлать что-нибудь для двухъ соловецкихъ заключенныхъ; но старанія его остались

напрасны. (См. главы 1-го тома: «Николай Ильинъ» и «Адріанъ Пушкинъ»).

Въ разсказахъ о религіозной жизни, Диксонъ естественно долженъ былъ говорить о народныхъ религіозныхъ представленіяхъ, о русскихъ святыняхъ, мощахъ, чудесахъ, богомольяхъ, подвижникахъ, юродивыхъ, наконецъ о старовѣрствѣ и расколѣ. Все это онъ узналъ для иностранца довольно аккуратно; въ Москвѣ онъ посѣщалъ Преображенское и Рогожское кладбища. Диксонъ разсказываетъ, какъ слѣдуетъ, о знаменитомъ Иванѣ Яковлевичѣ, и о поклоненіи, которое ему оказывала благочестивая Москва, и по этому поводу замѣчаетъ между прочимъ:

«Когда я пишу эти слова, у меня на столѣ лежитъ экземпляръ «Московскихъ Вѣдомостей», газеты, которую издаетъ Катковъ—и здѣсь помѣщена статья, предлагающая воздвигнуть Ивану Яковлевичу общественный монументъ въ той деревнѣ, гдѣ родился этотъ бѣдный сумасшедшій.»

Мы не припомнимъ, чтобъ г. Катковъ напечаталъ въ своей газетѣ такое предложеніе; но если Диксонъ и введенъ былъ кѣмъ-нибудь въ заблужденіе относительно факта, то сущность его придумана недурно — г. Каткову совсѣмъ въ пору такое предложеніе.

О старообрядствѣ и расколѣ Диксонъ выражается слѣдующимъ образомъ:

«Эти тайныя секты и партіи (о которыхъ онъ говорилъ уже раньше) были бы развѣ только любопытной частностью,—не болѣе,—еслибы онѣ стояли одиноко, жили и умирали своими собственными силами. Въ такомъ случаѣ онѣ едвали бы имѣли больше важности, чѣмъ англійскіе левелёры (Levellers) и американскіе «выходцы» (Come-outers); но эти русскіе диссиденты представляютъ собой симптомъ болѣзни въ тѣлѣ имперіи,—не самую болѣзнь. Онѣ живутъ отвращеніемъ народа къ оффиціальной церкви.

«Въ Англіи и Америкѣ не знаютъ, что въ Россіи рядомъ съ оффиціальной церковью существуетъ народная церковь. Въ Англіи и Америкѣ не подозрѣваютъ, что эта народная церковь существуетъ въ неутомимой враждѣ и вѣчномъ столкновеніи съ оффиціальной церковью. И однако же въ этомъ существенномъ фактѣ находится ключъ ко всякой оцѣнкѣ русскаго прогресса и русскаго могущества.»

Приписывая старовѣрству такое значеніе, Диксонъ приводитъ разныя подробности, въ которыхъ находитъ доказательства своего мнѣнія. Во-первыхъ, ихъ многочисленность.

«Сколько считается ихъ?

«Одинъ епископъ, много путешествовавшій въ своей странѣ, говорилъ мнѣ, что ихъ десять или одиннадцать милліоновъ. Одинъ министръ сообщалъ мнѣ, что ихъ шестнадцать или семнадцать милліоновъ. «Половина народа, даже теперь, старовѣры», говорилъ одинъ священникъ: «больше трехъ четвертей будутъ старовѣры, какъ скоро мы будемъ свободны.» Мой собственный опытъ заставляетъ меня думать, что этотъ священникъ говорилъ правду».

Одинъ нѣмецъ, тридцать лѣтъ жившій въ Россіи, и знающій народъ, сообщалъ Диксону свое мнѣніе, что четыре человѣка изъ пяти въ Россіи или старовѣры теперь, или будутъ старовѣрами завтра, если только они узнаютъ, что правительство оставитъ ихъ въ покоѣ. По словамъ Диксона, это даже превышаетъ его предположенія.

Онъ приблизительно вѣрно передаетъ нѣсколько анекдотическихъ подробностей изъ ихъ прежней судьбы и нынѣшнихъ отношеній къ церкви. Но желаніе придать особую рельефность своимъ картинамъ старовѣрства завело Диксона слишкомъ далеко: вѣроятно не дослышавъ того, чтó ему разсказывали, онъ говоритъ наконецъ дѣйствительныя «диковинки». Онъ разсказываетъ напримѣръ, какимъ образомъ старовѣры, богатые всякими матеріальными средствами, поддерживаютъ другихъ раскольниковъ, молоканъ и духоборцевъ. «Эти сектаторы научились беречь свои тайны и бороться съ преслѣдователемъ его собственнымъ плотскимъ оружіемъ. Они держатъ своихъ шпіоновъ. У нихъ есть секретные фонды. Они даютъ своимъ друзьямъ мѣсто въ прессѣ (?). Они посылаютъ агентовъ ко двору, которыхъ императоръ никогда и не подозрѣваетъ (!). Они имѣютъ сношенія съ монахами и священниками [1]), съ епископами и адъютантами; они нерѣдко занимаютъ положеніе монаха и священника, епископа и адъютанта» и т. д. Какъ будто Диксонъ наслушался разсказовъ самого г. Ливанова. По словамъ Диксона, какой-то «совѣтъ» (the Council) *каждый день* получаетъ неожиданные доклады, что такой-то человѣкъ, извѣстный своимъ благочестіемъ и благотворительностью, есть раскольникъ. Этого мало. По словамъ его, въ настоящее время правительство руководится относительно раскола болѣе благоразумными взглядами чѣмъ было прежде,— «этотъ великій вопросъ, величайшій изъ всѣхъ домашнихъ вопросовъ, изучается во всѣхъ отношеніяхъ. Въ правительственныхъ кружкахъ—чтó бы ни говорили монахи—уже чувствуется,

---

[1]) Поанглійски стоитъ: with monks and ministers, мы не рискнули подумать, что рѣчь идетъ о настоящихъ министрахъ.

что въ Россіи нельзя сдѣлать съ успѣхомъ ничего, если только это не понравится старовѣрамъ (!!). Всякое новое предложеніе въ совѣтѣ министровъ (какъ мнѣ разсказываютъ) встрѣчается вопросомъ: что́ скажутъ на это старовѣры?»

Откуда набрался Диксонъ такого вздора?

Но чего хотятъ эти старовѣры въ настоящее время, — кромѣ свободы стараго обряда, — почему они имѣютъ такое громадное значеніе во всемъ вопросѣ русскаго прогресса, это мудрено понять изъ Диксона. По словамъ его, «эти старовѣры настолько же враги оффиціальной имперіи, насколько враги оффиціальной церкви», — но если рядомъ съ этимъ самъ же Диксонъ, изображая богатство и благотворительность старовѣровъ, говоритъ, что «если вы пойдете въ университетъ, вы найдете, что бо́льшую часть стипендій даютъ старовѣры» (что даже и неправда), — то какъ мирится это содѣйствіе университету, принадлежащему именно оффиціальной имперіи, съ ихъ враждой къ оффиціальной имперіи? Значитъ, или вражда очень поверхностна, или старовѣры сами мало понимаютъ чего хотятъ, и стало быть, «Совѣту» нечего спрашивать, «при каждомъ предложеніи», о томъ, что́ скажутъ старовѣры?

Легко представить себѣ, что Диксонъ является партизаномъ вѣротерпимости; въ вопросѣ старообрядства и раскола онъ принимаетъ сторону притѣсненныхъ противъ «управленія монаховъ»; точно также, указывая на противоположность и несогласія бѣлаго и чернаго духовенства, беретъ сторону перваго. Существующій порядокъ вещей относительно религіозной терпимости онъ изображаетъ съ своей точки зрѣнія такъ:

«Въ Москвѣ, — говоритъ онъ, — человѣкъ свободенъ теперь имѣть какую угодно вѣру, какъ былъ бы свободенъ въ Стамбулѣ; хотя въ обоихъ этихъ городахъ онъ долженъ пользоваться своей свободой, сохраняя уваженіе должное отдѣльнымъ человѣкомъ массѣ. Онъ не долженъ мѣшаться въ господствующую религію. Онъ не долженъ шутить съ послѣдователями этой религіи; хотя въ другихъ отношеніяхъ онъ можетъ быть совершенно свободенъ. Вполнѣ владѣя полемъ, церковь не хочетъ позволять нападать на себя, еслибы даже ей вздумалось напасть на васъ съ огнемъ и мечомъ.

«Въ Москвѣ, мусульманинъ можетъ обращать еврея; въ Стамбулѣ, армянинъ можетъ пытаться обратить копта; но горе мусульманину въ Россіи, который заманиваетъ христіанина въ свою мечеть, христіанину въ Турціи, который заманиваетъ мусульманина въ свою церковь! Какъ на высшемъ, такъ и на

низшемъ планѣ, право пропаганды принадлежитъ господствующей власти. Въ Россіи монахъ можетъ стараться обратить раскольника; раскольникъ будетъ сосланъ въ Сибирь, еслибы ему случилось обратить монаха. Совершенно параллельное правило принято въ Турціи и Персіи, гдѣ мулла можетъ стараться обратить гяура; но гяуръ будетъ битъ и заключенъ въ тюрьму, еслибы онъ имѣлъ несчастье обратить муллу.

«Нѣкоторые люди могутъ подумать, — заключаетъ Диксонъ, что еще мало выиграно, когда терпимость останавливается на свободной мысли и запрещаетъ свободное слово. Въ Англіи и Америкѣ это показалось бы извѣстной и избитой истиной; но правила, примѣнимыя въ Москвѣ не тѣ, какія были бы нужны въ Лондонѣ и Нью-Іоркѣ. Выигрышъ очень великъ, когда человѣку позволяютъ спокойно молиться».

И Диксонъ разсказываетъ примѣръ, какимъ образомъ цѣлое село, въ которомъ къ началу нынѣшняго царствованія считалось оффиціально только четыре старообрядца, теперь все принадлежитъ старообрядству, потому только, что прекратилась необходимость скрываться.

Въ другихъ случаяхъ Диксонъ также успѣлъ замѣтить нѣсколько характеристическихъ вещей, понятыхъ или растолкованныхъ ему вѣрно. Такъ онъ разсказываетъ о провинціальной администраціи, о губернаторскомъ управленіи, по поводу котораго приводитъ одну очень курьезную исторію, неизвѣстную въ нашей печати, — о сельскомъ самоуправленіи, объ артеляхъ, которыя Диксону очень нравятся, хотя онъ справедливо находитъ, что онѣ должны быть развиты далѣе и т. п. Есть вѣрныя замѣчанія о «русскихъ нѣмцахъ», о нѣкоторыхъ мѣстныхъ областныхъ интересахъ и отношеніяхъ. Онъ получилъ достаточное понятіе о характерѣ нѣкоторыхъ высшихъ управленій; онъ часто возвращается къ святѣйшему правительствующему синоду, посвящаетъ особую главу дѣятельности тайной полиціи и приводитъ объяснительные примѣры, и т. п. Въ народной жизни его между прочимъ поражаетъ обиліе кабаковъ и множество пьяныхъ людей.

Диксонъ слышалъ нѣчто и о предполагаемыхъ реформахъ, и о текущихъ вопросахъ управленія и законодательства; но здѣсь по преимуществу господствуютъ диковинки,—очевидно, не всегда его сочиненія, а диковинки, *выслушанныя* въ обществѣ. Описывая «Лѣсныя сцены» — кажется въ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ, гдѣ онъ проѣзжалъ—Диксонъ между прочимъ разсказываетъ о бѣглыхъ и бродягахъ (Runaways), съ шайками

которыхъ онъ встрѣчался въ тамошнихъ лѣсахъ. По словамъ его, «великая драма, которая совершается теперь въ этой странѣ вертится на вопросѣ, поднятомъ о бродягахъ. Можетъ ли русскій крестьянинъ жить по закону (under law)? Еслибы по испытаніи оказалось, что значительная часть русскаго крестьянства раздѣляетъ эту страсть къ бродячей жизни,—какъ нѣкоторые надѣются, и еще больше боятся,—Великій Опытъ окажется неудачнымъ (?), и гражданская свобода будетъ потеряна на сотню лѣтъ (?). Факты, собранные по этому предмету министромъ внутреннихъ дѣлъ, были переданы въ спеціальный комитетъ, назначенный отъ короны. Этотъ комитетъ въ настоящее время обсуждаетъ этотъ вопросъ; но еще не было принято никакого заключенія, и нельзя указать никакого предположенія для устраненія этого зла».

Мы не совсѣмъ понимаемъ, о какомъ комитетѣ идетъ здѣсь рѣчь, который долженъ рѣшать, удаченъ или неудаченъ былъ Великій Опытъ.

Вопросъ о крестьянской общинѣ и самоуправленіи Диксонъ трактуетъ въ главѣ съ громкимъ названіемъ «Коммунизмъ». Разсказывая о порядкахъ въ сельской общинѣ, онъ приводитъ между прочимъ одинъ примѣръ, гдѣ община притѣсняла человѣка, который, принадлежа къ ней, жилъ внѣ ея, какъ она выжимала изъ него деньги, пользуясь своей властью, и изъ этого онъ заключаетъ, что такая община (т.-е. община, притѣсняющая предпріимчивость отдѣльныхъ лицъ) едва ли содѣйствуетъ высшимъ цѣлямъ, для которыхъ существуютъ общества. Положеніе вопроса объ общинѣ онъ указываетъ въ такихъ словахъ:

«Эти деревенскія республики составляютъ открытый вопросъ, о которомъ каждодневно идетъ борьба въ каждомъ правительственномъ вѣдомствѣ, въ каждомъ органѣ печати. Люди, которые расходятся по всѣмъ другимъ предметамъ, соглашаются въ восхваленіи сельскихъ общинъ. Люди, которые согласны по всѣмъ другимъ предметамъ, расходятся относительно достоинства и недостатковъ сельской общины.

«Многіе изъ даровитѣйшихъ реформаторовъ желаютъ, чтобы она развилась; роялисты, какъ Самаринъ и Черкаскій, и республиканцы, какъ Герценъ и Огаревъ, видятъ въ этихъ деревенскихъ обществахъ сѣмена новой цивилизаціи для Востока и Запада. Люди науки, какъ Валуевъ, Бунге и Безобразовъ, напротивъ, видятъ въ этихъ общинахъ только зло, только наслѣдство отъ мрачныхъ вѣковъ, которое должно исчезнуть, когда взойдетъ заря личной свободы», и т. д.

Диксонъ повторяетъ общеизвѣстныя вещи въ пользу и противъ общины, какъ обыкновенно у насъ говорятъ, — находитъ, что при нашемъ порядкѣ сельскаго землевладѣнія невозможенъ западный пауперизмъ, что «у всякаго есть изба, поле, корова; быть можетъ, лошадь и телѣга» и т. п. (хотя бы люди мерли иногда отъ голода какъ мухи, и хотя бы у крестьянъ «выбивали» иногда подати, продавая послѣднюю корову и послѣднюю телѣгу). Диковинки встрѣчаются опять и здѣсь; между прочимъ въ вышеприведенной фразѣ русскому читателю нѣсколько удивительно встрѣтить имя г. Валуева рядомъ съ Бунге и Безобразовымъ, въ качествѣ людей науки: дѣятельность г. Валуева въ опредѣленіи подобныхъ литературныхъ и научныхъ вопросовъ была дѣятельность министра внутреннихъ дѣлъ.....

Тѣ части книги Диксона, гдѣ онъ вдается въ текущіе общественные вопросы, вообще самыя слабыя; пониманіе этихъ вещей всего труднѣе вообще дается иностранцамъ, и гораздо лучше Диксона знающимъ русскую жизнь. Мы видѣли, что его общій отзывъ о современной эпохѣ нашей исторіи есть настоящій панегирикъ; въ томъ же тонѣ онъ нѣсколько разъ возвращается къ этому предмету, — но нигдѣ онъ не умѣлъ ближе и реальнѣе указать дѣйствительное пространство реформъ, ихъ практическое исполненіе, ихъ отношеніе къ обществу и т. п. Между тѣмъ рядомъ онъ сообщаетъ факты, которые странно противорѣчатъ съ выставленными имъ общими заключеніями.

Указавъ совершенно новый періодъ русской исторіи съ Крымской войны, періодъ широкихъ европейскихъ преобразованій, создавшихъ «Свободную Россію», Диксонъ не знаетъ куда дѣвать ему различные факты, принадлежащіе этой же Россіи, но не соотвѣтствующіе ея новому эпитету. Онъ не понимаетъ хорошенько какимъ образомъ идутъ собственно реформы, насколько рѣшительна ихъ иниціатива, гдѣ препятствія къ ихъ цѣльному, не кастрированному осуществленію и т. д. Онъ забываетъ, что въ исторіи общества, собственно говоря, никогда не бываетъ скачковъ, и что въ данномъ случаѣ Россія до Крымской войны, описанная имъ въ такихъ яркихъ чертахъ, не могла такъ быстро измѣнить своихъ самыхъ существенныхъ свойствъ. Вслѣдствіе того, Диксонъ, какъ и множество другихъ иностранцевъ, —даже какъ наши славянскіе братья, — не умѣетъ объяснить общественныхъ и правительственныхъ противорѣчій, которыя обнаруживаются изъ приводимыхъ имъ фактовъ: онѣ остаются не разрѣшенными, или объясняются произвольно.

Мы сдѣлаемъ еще двѣ-три выписки изъ его книги.

Описывая реформы, предпринятыя императоромъ, Диксонъ указываетъ на сопротивленіе, которое надо было побѣдить. «Встрѣтивъ оппозицію отъ трехъ самыхъ сильныхъ партій въ Имперіи — отъ чернаго духовенства, которое чувствуетъ, что власть ускользаетъ изъ его рукъ,—отъ старыхъ генераловъ (old military chiefs), которые думаютъ, что солдатъ надо держать въ порядкѣ палкой, — отъ расточительности аристократіи, которая предпочитаетъ Гомбергъ (вѣроятно Гомбургъ?) и Парижъ скучной жизни въ своихъ имѣніяхъ—императоръ тѣмъ не менѣе съ постоянствомъ стремится къ своимъ цѣлямъ. Удивительно ли, что его обожаютъ крестьяне, мѣщане и приходскіе священники всѣ, кто желаетъ жить въ мирѣ, воздѣлывать свои поля, смотрѣть за своими лавками, и приносить свои молитвы».

Эти слова заставляютъ предполагать какое-то странное положеніе вещей, котораго нѣтъ конечно на самомъ дѣлѣ. Во первыхъ, едвали авторъ имѣлъ какія-нибудь данныя къ такому неравному распредѣленію вѣрноподданническихъ чувствованій между различными сословіями, и сословія обдѣленныя въ этомъ случаѣ конечно сочтутъ для себя оскорбительнымъ такое распредѣленіе. Во-вторыхъ, авторъ имѣетъ очень странныя понятія объ оппозиціи, будто бы до такой степени затрудняющей дѣло реформы. Авторъ какъ будто забылъ, что онъ описываетъ неограниченную монархію, которая въ практическомъ объемѣ и идеѣ власти не измѣнилась со временъ Петра; рѣчь объ оппозиціи, какъ ее повидимому разумѣетъ Диксонъ, совершенно невозможна въ приложеніи къ русской жизни.

Еще страннѣе то, что говоритъ Диксонъ о тайной полиціи и о святѣйшемъ синодѣ (главы: «Адріанъ Пушкинъ» и «Тайная полиція»). Церковь, по его изображенію, представляется какъ нѣчто совершенно ни отъ чего независимое; святѣйшій синодъ какъ учрежденіе, которое можетъ не обращать вниманія на волю и мнѣнія верховной власти и т. п. «Тайная полиція» изображается какъ нѣчто въ родѣ старинной испанской инквизиціи, которая, какъ извѣстно, стояла выше самого короля; тайная полиція, дѣйствующая особеннымъ образомъ, административными, экстралегальными мѣрами, стоитъ какъ будто внѣ всеобщаго порядка вещей: «they are highly conservative, not to say despotic, in their views; and said to feel a particular joy when thwarting legal proceedings and overruling judgments given in the courts of law», и т. д, говоритъ Диксонъ, считая это учрежденіе какъ будто какой-то независимой силой, внѣ общаго порядка правительственныхъ учрежденій. Понявъ его, какъ часть въ цѣломъ,

какъ одну изъ правильно организованныхъ функцій управленія, Диксонъ гораздо лучше уразумѣлъ бы и всю дѣятельность административнаго механизма, и не наговорилъ бы вещей, переходящихъ въ совершенное ребячество.

Въ понятіяхъ о народѣ Диксонъ также создаетъ себѣ фантастическія представленія. Русскій народъ кажется ему восточнымъ по своей религіозности.

«Ночью и днемъ, отъ колыбели до могилы, русскій какъ будто живетъ съ Богомъ; отдавая на служеніе ему столько времени и денегъ, сколько никто даже и не помышляетъ отдавать на западѣ. Подобно своему арабскому брату (?), славянинъ есть существо религіозное; и пропасть, отдѣляющая такихъ людей отъ человѣка саксонскаго и галльскаго племени, шире, чѣмъ можетъ представить себѣ читатель, не видѣвшій никогда восточнаго города».

Диксонъ придаетъ своему взгляду видъ доказательности, собирая въ одну общую характеристику славянина нѣсколько извѣстныхъ народныхъ обычаевъ или благочестивыхъ привычекъ и на ряду съ ними исключительные признаки религіозности старообрядческой или раскольничьей. «Войдите въ русское жилище (shed) — вы встрѣтите часовню. Каждая комната въ этомъ жилищѣ освящена, потому что въ каждой комнатѣ есть икона, домашній алтарь, и домашній богъ», и т. д. Русскому читателю понятно, конечно, въ чемъ дѣло; но къ сожалѣнію англійскій читатель будетъ введенъ авторомъ въ заблужденіе. Диксонъ какъ будто забываетъ, что народныя массы, сохранившія нѣсколько патріархальный бытъ, всегда религіозны, будетъ ли это на востокѣ, у славянина, или на западѣ, у человѣка саксонскаго, галльскаго или романскаго племени. Внѣшнее благочестіе тѣмъ больше, чѣмъ проще жизнь, чѣмъ меньше умственный горизонтъ. Суевѣріе французскаго или итальянскаго поселянина относительно мадонны ничѣмъ не уступитъ русскому народному суевѣрію. По характеристикѣ Диксона подумаешь, что русскій человѣкъ только и дѣлаетъ, что молится; англійскому читателю и въ голову не придетъ, что у русскаго человѣка это благочестіе имѣетъ свои границы, что онъ умѣетъ смотрѣть и на эту сторону съ своей практической точки зрѣнія, что въ его умѣ во всякомъ случаѣ несравненно больше реалистическаго смысла, чѣмъ у «восточнаго человѣка» (an Oriental), какимъ его изображаетъ Диксонъ.

Англійскій путешественникъ столько самъ придавалъ значенія этой сторонѣ народной жизни, что ему начинаетъ представ-

ляться, будто здѣсь и заключается ея существенная черта и основной характеръ народа. Къ сожалѣнію, онъ мало вникалъ въ другія отношенія этой жизни, и мы находимъ у него самыя странныя толкованія вещей, которыя не мудрено было бы понять въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. Диксонъ разсказываетъ напр. о несчастномъ Антонѣ Петровѣ, причисляя его къ «фанатикамъ и обманщикамъ», которые «воспользовались недовольствомъ крестьянъ (послѣ освобожденія), чтобы произвести бунтъ.» Онъ самъ разсказываетъ, какія фантастическія представленія имѣли тогда многіе изъ крестьянъ объ актѣ освобожденія, и однако считаетъ нужнымъ карать «фанатиковъ и обманщиковъ», поднимавшихъ бунты. Теперь всѣ, кажется, достаточно понимаютъ, что всѣ эти такъ называемые «бунты», «волненія» и т. п. происходили отъ того, что сама крестьянская масса, почти вся и почти вездѣ, не въ состояніи была уразумѣть «положеній» по недоступности ихъ юридическаго языка, что воспитанная въ недовѣріи вѣками крѣпостнаго права, она и здѣсь съ недовѣріемъ относилась къ мѣстнымъ властямъ, объявлявшимъ ей новый порядокъ вещей; наконецъ, что собственныя ожиданія массы относительно «воли,» которой она чаяла цѣлые вѣка, ожиданія, нѣсколько преувеличенныя воображеніемъ, не совпадали съ тѣмъ, что постановлялось «положеніями».

Мы не будемъ останавливаться на частныхъ ошибкахъ и недосмотрахъ англійскаго путешественника,—въ родѣ того напр., что въ Кіевѣ народъ онъ называетъ то польскимъ, то русскимъ; вмѣсто пещера или печера пишетъ «печь»;—но не можемъ не остановиться на нелѣпостяхъ, какія написаны Диксономъ по поводу послѣднихъ студентскихъ волненій. Онъ объясняетъ ихъ такъ. Въ нынѣшнее царствованіе университеты также были преобразованы. Учащіеся поставлены въ обыкновенное гражданское положеніе: прежде они составляли особую корпорацію, были во всемъ подчинены только своему начальству, носили военные мундиры и шпаги и т. д. Теперь все это было уничтожено, мундировъ и шпагъ нѣтъ, «право пѣть пѣсни и освистывать пьесы въ театрѣ отнято» (!), студенты подчинены общей городской полиціи и обыкновеннымъ судамъ.

«Эти перемѣны непопулярны у студентовъ, которые воображаютъ, что ихъ достоинство умалилось отъ того, что они лишились мундировъ и шпагъ (!); и нѣкоторые изъ этихъ молодыхъ людей, исповѣдующихъ въ тоже время республиканскія и коммунистическія идеи, кричатъ объ ихъ корпоративныхъ отличіяхъ и жаждутъ прежнихъ временъ» (т. е. временъ мундира, шпаги и т. д.).

Изъ этой одной тирады читатель можетъ видѣть, что въ свѣдѣніяхъ Диксона объ этомъ предметѣ господствуетъ большая путаница: мундиры и шпаги уничтожены уже семь лѣтъ тому назадъ, и сколько извѣстно, помышленія студентовъ до сихъ поръ еще не направлялись къ мундиру и шпагѣ, къ праву пѣть пѣсни и свистать въ театрѣ, и вообще къ «прежнимъ временамъ», о которыхъ Диксонъ очевидно имѣетъ весьма недостаточное понятіе. Нынѣшніе студенты даже и не знаютъ, какія были эти времена. Затѣмъ Диксонъ приводитъ еще другія подробности въ такомъ же неясномъ и путанномъ родѣ. Онъ не замѣчаетъ, что это очень противорѣчитъ тому, что́ разсказываетъ самъ же онъ послѣ приведенной тирады: какъ послѣ первыхъ волненій (1869 года) студентамъ отъ высшей власти «назначаются стипендіи», какъ поступаетъ съ этими стипендіями университетское начальство, какъ студенты снова волнуются, какъ они требуютъ себѣ контроля надъ раздачей стипендій, какъ они заботятся о «бѣдныхъ студентахъ», о «платѣ за лекціи» и проч. Если, по его же собственному изложенію фактовъ, рѣчь идетъ все только о бѣдныхъ студентахъ и о стипендіяхъ, то гдѣ же здѣсь мундиры, шпаги, «право пѣть пѣсни и свистать въ театрѣ?»

Мы не знаемъ подробностей университетскихъ безпорядковъ и не думаемъ защищать студентовъ, производившихъ эти безпорядки, но упомянутый разсказъ Диксона очевидно есть чистая нелѣпость, нападеніе на молодежь, недостойное уважающаго себя писателя, и что́ бы ни говорилъ г. Капустинъ, нелѣпости этой «диковинки» выслушаны Диксономъ отъ русскихъ консерваторовъ самаго дурного тона.

Диксонъ говоритъ о русскихъ общественныхъ партіяхъ, о консерваторахъ, о тѣхъ, кого ему отрекомендовали за «красныхъ» (Reds), о старой и юной Россіи, о панславизмѣ, о Польшѣ и Малороссіи. Консерваторовъ онъ безъ сомнѣнія видѣлъ достаточно; кажется, что онъ отчасти видѣлъ и «красныхъ»;—нѣкоторыя отдѣльныя мнѣнія тѣхъ и другихъ онъ передаетъ довольно рельефно; но вообще понятія его объ этихъ вещахъ очень неясны и спутаны.

Наши замѣтки были написаны, когда дошли до насъ отзывы англійскихъ журналовъ о книгѣ Диксона. Они вообще признаютъ за ней свои достоинства, хвалятъ наблюдательность

и живописный стиль автора, находятъ въ книгѣ много новаго для англійскихъ читателей, отдаютъ ей справедливость, что она устраняетъ нѣкоторыя англійскія предубѣжденія противъ Россіи; но нѣкоторые изъ критиковъ хорошо замѣтили и тѣ недостатки, которые мы указывали въ книгѣ Диксона. Они почувствовали противорѣчіе въ его выводахъ и въ его фактахъ; они сводятъ эти противорѣчія и достигаютъ гораздо болѣе справедливыхъ заключеній объ истинномъ положеніи русской реформы. Они не даютъ ей тѣхъ обширныхъ размѣровъ, за ея иниціативой не признаютъ такой рѣшительности и энергіи; доказательство своего взгляда они указываютъ въ неровностяхъ управленія, въ непослѣдовательномъ выполненіи преобразованій, въ сохраненіи различныхъ старыхъ учрежденій, которыя не должны бы имѣть мѣста при новыхъ вводимыхъ принципахъ. Эти замѣчанія весьма справедливы, и показываютъ, что при всемъ незнакомствѣ большинства иностранной литературы съ подробностями русской жизни — незнакомствѣ, о которомъ свидѣтельствуетъ и книга Диксона, — въ цѣломъ эта литература умѣетъ составить себѣ вѣрное понятіе о сущности положенія. Новая Россія и въ критикахъ Диксона возбуждаетъ сочувствіе, но они съ бо́льшимъ тактомъ опредѣлили размѣры и характеръ русскаго прогресса.

Д.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е мая, 1870.

Начало административной реформы вообще. — Нынѣшній проектъ. — Единство власти и децентрализація.—Новая сѣть желѣзныхъ дорогъ.—Желѣзно-дорожные результаты.—Расходы земства на народное образованіе.—Сравненіе съ бюджетомъ министерства народнаго просвѣщенія.—Служебныя права женщинъ.—Доступъ къ высшему образованію.—Консерватизмъ легкомыслія.

Внесеніе новыхъ началъ въ наше провинціальное управленіе и въ судъ неизбѣжно должно было обнаружить обветшалость многихъ частей управленія, созданныхъ первоначально для того, чтобы служить органами совсѣмъ иныхъ началъ, или же разсчитанныхъ на такой кругъ дѣйствія, который теперь, вслѣдствіе введенія новыхъ учрежденій, измѣнился. Земскія учрежденія, напримѣръ, представили уже собою административную реформу, основанную на началахъ самоуправленія и отчасти децентрализаціи. Но эта реформа не только не устраняла надобности въ реформѣ самой правительственной мѣстной администраціи, а напротивъ создавала новую побудительную причину къ ея ускоренію. Нельзя потому не признать вполнѣ естественнымъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ озаботилось мыслію о необходимости реформы въ устройствѣ мѣстной коронной администраціи, или выражаясь короче—о необходимости административной реформы вслѣдъ за реформами крестьянскою, земскою, судебною, контрольною, акцизною, которыя произвели значительныя измѣненія въ прежнемъ кругѣ дѣйствія мѣстныхъ властей.

О проектѣ административной реформы, составленномъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, было много толковъ въ печати и въ обществѣ, въ толкахъ этихъ проявлялось такое единодушіе, какое у насъ рѣдко оказывается по общественнымъ вопросамъ, единодушіе, представлявшее весьма ясный и опредѣленный приговоръ общественнаго мнѣнія. Мнѣніе это высказалось рѣшительно противъ административной реформы въ томъ видѣ, какъ она была начертана проектомъ. За проектъ высказывались

только отдѣльные голоса нѣкоторыхъ администраторовъ in spe, которые толковали, что мѣстная правительственная власть ослаблена произведенными реформами, что въ виду ихъ необходимо усилить ее и именно возвысить значеніе и расширить кругъ дѣйствій главныхъ ея представителей—губернаторовъ, такъ что даже самый проектъ административной реформы получилъ названіе «проекта объ усиленіи губернаторской власти».

Въ настоящую минуту проектъ уже взятъ назадъ, стало быть разбирать его въ подробности нѣтъ нужды. Но вопросъ все-таки остается на очереди; административная реформа все-таки необходима, необходимо между прочимъ и точнѣйшее опредѣленіе обязанностей губернатора, которыя въ сущности никогда и не были опредѣлены точно, а въ теченіи слишкомъ тридцати лѣтъ, минувшихъ по изданій наказа губернаторамъ, и въ особенности вслѣдствіе реформъ послѣднихъ лѣтъ, очевидно, стали еще болѣе неопредѣленными. Полнымъ «хозяиномъ губерніи», какъ опредѣляетъ его назначеніе текстъ закона, губернаторъ если и бывалъ въ прежнее время, то такимъ дѣлали его не постановленія, въ силу которыхъ онъ участвуетъ во всѣхъ главныхъ учрежденіяхъ губерніи, и имѣетъ столько обязанностей, что всѣхъ ихъ равномѣрно исполнить не въ состояніи, а развѣ благодаря личному вліянію, авторитету связей или отдаленности губерній или, наконецъ, исключительному положенію, въ которое она поставлена. Что законъ, предоставляющій губернатору участіе во всѣхъ губернскихъ учрежденіяхъ, очерчивающій ему крайне-обширный кругъ обязанностей, самъ по себѣ еще не создавалъ губернатору авторитета полнаго хозяина губерніи—это было извѣстно давно. Это сознавала и сама правительственная власть. А такъ какъ, при прежнемъ режимѣ, власть эта стремилась осуществить на дѣлѣ полновластіе своихъ высшихъ представителей въ провинціяхъ, то она сама прибѣгала для этого къ тому реальному средству, которое одно создавало такое полновластіе въ отдѣльныхъ, исключительныхъ случаяхъ, а именно возвышала личное положеніе губернаторовъ, соединяя въ ихъ лицѣ власть военную съ властью гражданской, или нѣчто въ родѣ личнаго авторитета генералъ-губернаторовъ, которые тою же властію внутри имперіи, за исключеніемъ столицъ, были отмѣнены. Такимъ образомъ почти въ половинѣ всего числа нашихъ внутреннихъ губерній явились начальники губерній со званіемъ: военный губернаторъ губернскаго города и гражданскій губернаторъ всей губерніи. Это былъ продуктъ стремленія власти къ приданію начальникамъ губерніи въ извѣстной мѣрѣ полновластія и вмѣстѣ продуктъ сознанія, что одной обширности и многообразія губернаторскихъ обязанностей, какъ онѣ опредѣлены закономъ, для этого было недостаточно.

Становиться въ настоящее время по вопросу объ административ-

ной реформѣ исключительно или хотя бы только преимущественно на точку зрѣнія усиленія губернаторской власти, какъ то отчасти дѣлалъ проектъ, а въ особенности его немногіе защитники—значило становиться положительно на точку зрѣнія прежняго режима, то-есть эпохи предшествовавшей реформамъ. Вотъ чѣмъ объясняется единодушіе, съ какимъ общественное мнѣніе высказалось противъ проекта. Оно не могло не сознать, что нелогично выводить изъ произведенныхъ реформъ въ видѣ необходимаго послѣдствія такой фактъ, который имъ предшествовалъ, и скорѣе противорѣчитъ имъ, чѣмъ истекаетъ изъ нихъ путемъ логики. Оно сознаетъ, что выводить изъ произведенныхъ реформъ новую реформу административную логично можно только для развитія тѣхъ же началъ, которыя легли въ основаніи реформъ земской и судебной, а не изъ началъ, которыя бы служили имъ контрастомъ, противовѣсомъ, и были бы призваны какъ бы для того, чтобы оградиться, отчураться отъ сдѣланнаго.

Проектъ внесенный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, повторяемъ, теперь уже не подлежитъ подробному разсмотрѣнію; но коснувшись важнаго вопроса о реформѣ провинціальной администраціи, мы считаемъ необходимымъ высказать въ нѣсколькихъ словахъ наше мнѣніе, какъ объ общемъ смыслѣ нынѣшняго проекта, такъ и о раціональномъ основаніи для проекта будущаго.

Въ основаніе реформъ крестьянской, земской и судебной положены два великія начала: общественнаго самоуправленія и полной самостоятельности судебной власти. Коль скоро административная провинція является предъ нами какъ сложная функція общественнаго организма и бюрократическаго механизма, уже становится немыслимымъ безусловное единство власти. Бюрократическое управленіе и самоуправленіе имѣютъ для себя различные источники, а судъ по самому принципу своему нуждается въ полной независимости; въ виду этихъ органическихъ элементовъ провинціи невозможно такое расширеніе власти бюрократической, которое доходило бы до разъясненія законовъ, съ обязательною силою и для земства и для суда, какъ предполагалось въ проектѣ. Принципы «единства власти и децентрализаціи», которыми объясняли проектъ, не могутъ быть осуществлены въ административной реформѣ въ смыслѣ полновластія губернатора, не нарушивъ тѣмъ самыхъ основныхъ началъ прежнихъ реформъ; ибо осуществленіе единства власти въ этомъ смыслѣ означало бы *смѣшеніе властей*, а принципъ децентрализаціи въ томъ же смыслѣ означалъ бы усиленіе одной бюрократической инстанціи въ ущербъ общественному самоуправленію, которое и служитъ единственно-раціональнымъ и плодотворнымъ началомъ истинной децентрализаціи.

Бюрократическая децентрализація по губерніямъ ничего не значитъ, если ей соотвѣтствуетъ усугубленіе централизаціи въ каждой

губерніи, въ лицѣ губернатора. Противорѣчіе принциповъ «единства власти» и «децентрализаціи», какъ они были поняты проектомъ— началамъ самоуправленія и самостоятельности выборныхъ и судебныхъ властей слишкомъ очевидно, чтобы стоило здѣсь обращаться къ конкретнымъ примѣрамъ; для этого достаточно сопоставленія общихъ формулъ и указанія на ихъ противорѣчіе.

Новое устройство провинціальной администраціи для того, чтобы оно было истиннымъ послѣдствіемъ уже произведенныхъ реформъ, и соотвѣтствовало бы не произвольнымъ бюрократическимъ теоріямъ, а дѣйствительной потребности, должно быть уже основано на принципѣ не «единства власти», а «раздѣленія властей», и не децентрализаціи въ смыслѣ передѣлокъ въ бюрократической іерархіи, а децентрализаціи въ смыслѣ расширенія круга дѣятельности земства, которое облегчило бы администрацію, оживило бы институтъ земства болѣе значительными интересами и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительно разрѣшило бы задачу объ ускореніи хода мѣстныхъ дѣлъ, безъ опасенія произвола мѣстныхъ вершителей, такъ какъ за земствомъ неуклонно слѣдитъ избирательство.

Оставимъ теперь въ сторонѣ отношенія реформы администраціи къ органамъ самоуправленія и суда и перейдемъ къ значенію проекта собственно въ бюрократической, то-есть коронно-административной средѣ. Реформа здѣсь, очевидно, нужна. Мы можемъ, напримѣръ, находить излишними тѣ обширныя обязанности и права, которыя даны губернатору по разсмотрѣнію всѣхъ постановленій земскихъ собраній, но мы никакъ не можемъ понять того закона, въ силу котораго губернаторъ къ прямому органу своей власти, къ губернскому правленію, имѣетъ въ настоящее время, на дѣлѣ, гораздо менѣе отношеній, чѣмъ къ земскому собранію—органу власти общественной. Земское собраніе не существуетъ еще вполнѣ само по себѣ и объ этомъ можно только жалѣть; но что губернское правленіе на дѣлѣ существуетъ само по себѣ, а губернаторъ, занятый множествомъ разнообразнѣйшихъ обязанностей — самъ по себѣ, этому можно только удивляться. Реформа, повторяемъ, очевидно нужна и для потребностей собственно коронно-административной сферы. Но должна ли *опредѣлительность* правъ губернатора доходить до того, чтобы всѣ мѣстныя отрасли другихъ вѣдомствъ были низведены до роли членовъ губернаторскаго совѣта—къ чему проектъ былъ близокъ—это вопросъ, на который мы никакъ не рѣшимся отвѣчать утвердительно даже съ точки зрѣнія дѣйствительныхъ выгодъ самой администраціи. Всемогущество администраціи всегда фатально для нея самой, потому что оно на дѣлѣ кончается личнымъ всемогуществомъ администраторовъ.

Наша печать сильно возстала противъ предположенія проекта въ этомъ смыслѣ; въ обществѣ также много толковали о сатрапахъ, о не-

удобствахъ генералъ-губернаторскаго правленія, о томъ, что самъ министръ внутреннихъ дѣлъ, когда мѣстные органы всѣхъ вѣдомствъ будутъ совершенно покорены подчиненными ему губернаторами, сдѣлается въ дѣйствительности primus inter pares, и наконецъ, что владѣя всею мѣстною администраціею, да еще провинціальною стражею, о которой упоминала полицейская часть проекта, и которой поспѣшили дать названіе «опричины» въ виду десятскихъ и сотскихъ нашей «земщины», онъ будетъ не только первымъ, но, такъ-сказать, единственнымъ министромъ.

Во всемъ этомъ было много и преувеличенія. Прежде всего надо помнить, что значеніе министра у насъ опредѣляется вовсе не тѣмъ, много ли чиновниковъ ему подчинено въ провинціи, а тѣмъ, что онъ— непосредственный органъ верховной власти, съ самостоятельнымъ ходатайствомъ передъ нею, и правомъ объявленія ея воли. Если графъ Аракчеевъ былъ въ дѣйствительности первымъ министромъ, то это зависѣло именно отъ ограниченія остальныхъ министровъ въ только-что названныхъ нами правахъ. Итакъ, главные начальники отдѣльныхъ отраслей администраціи сохранили бы все свое значеніе, а пока осталось бы это значеніе, и подчиненные ихъ въ провинціи не были бы отданы подъ произволъ «сатраповъ». Что касается «опричины», какую представляла бы губернская полицейская стража изъ вольнонаемныхъ конныхъ и пѣшихъ стражниковъ, то мы право не предвидѣли бы, почему такая полиція въ селахъ была бы опаснѣе, чѣмъ въ городахъ, и не видимъ никакого «залога гражданской независимости» въ нашихъ десятскихъ и сотскихъ, которые бываютъ тоже вольнонаемные, бываютъ и по выбору, иногда по довѣрію, а иногда за дурное поведеніе и неплатежъ податей. Мы готовы подписать обѣими руками слова проекта, что «уѣздной полиціи у насъ не существуетъ, и, слѣдовательно, надо ее создать.» Воры и разбойники гораздо болѣе изобилуютъ на нашихъ дорогахъ, чѣмъ «твердые защитники гражданской самостоятельности» въ рядахъ нашихъ десятскихъ и сотскихъ; а противъ вора и хорошій опричникъ лучше, чѣмъ никто. Но только вотъ расходъ на содержаніе этой уѣздной стражи, положенный проектомъ болѣе 3½ милл. руб., и треть котораго упала бы на губернскій земскій сборъ, нравится намъ гораздо менѣе; уже и безъ того слишкомъ достаточно обязательныхъ расходовъ лежитъ на земствѣ.

Безусловное подчиненіе губернаторамъ представителей всѣхъ отраслей управленія въ губерніи, низведеніе послѣднихъ на степень членовъ губернаторскаго совѣта, повторяемъ, представляется намъ сомнительно полезнымъ и съ точки зрѣнія успѣшности хода дѣлъ въ коронной администраціи. Составители проекта здѣсь какъ будто увлеклись примѣромъ нашей нынѣшней военной организаціи. Въ самомъ дѣлѣ, послѣдняя реформа въ военномъ вѣдомствѣ создала именно то

«единство власти» въ провинціи и ту «децентрализацію», какія были въ виду у составителей проекта. Мы говоримъ объ учрежденіи военныхъ округовъ. Здѣсь, подъ высшимъ начальствомъ министра, въ лицѣ начальниковъ округовъ соединено и командованіе войсками и военное хозяйство; всѣ мѣстныя управленія военно-административныхъ отраслей, какъ-то: интендантская, артиллерійская, инженерная и проч. непосредственно подчинены начальнику округа. Представители этихъ отдѣльныхъ отраслей администраціи въ провинціи, какъ-то: интендантъ, начальникъ инженернаго управленія и артиллерійскаго и т. д. подчинены начальнику округа и всѣ вмѣстѣ составляютъ состоящій подъ его предсѣдательствомъ совѣта округа. Такимъ образомъ вполнѣ осуществлено единство власти, и децентрализація въ извѣстной мѣрѣ достигнута тѣмъ, что военно-окружнымъ совѣтамъ предоставлена бо́льшая власть, чѣмъ какою пользовались прежде военно-административныя учрежденія въ провинціи, какъ-то: провіантскія и коммисаріатскія коммисіи и т. д.

Но то, что возможно въ «военномъ вѣдомствѣ», невозможно въ «гражданскомъ вѣдомствѣ», потому уже, что «гражданское вѣдомство» есть Россія, а не вѣдомство. Съ одной стороны, здѣсь сами власти имѣютъ различное происхожденіе и назначеніе, съ другой — каждая изъ нихъ восходитъ въ порядкѣ подчиненности до такой инстанціи, которая сама вполнѣ независима. Изъ этого опредѣленія логически истекаютъ два послѣдствія: во-первыхъ, что въ провинціи единство власти осуществлено быть не можетъ, а требуется для успѣшности ихъ дѣйствія именно точнѣйшее раздѣленіе ихъ; во-вторыхъ, что единство власти, то-есть солидарность различныхъ органовъ власти можетъ быть осуществлено не *снизу*, а *сверху*, то-есть установленіемъ полной солидарности между высшими административными центрами, между органами высшаго управленія, руководящими управленіемъ мѣстнымъ въ его различныхъ отрасляхъ. Эта солидарность, существованіе кабинета однороднаго, имѣющаго свою опредѣленную програму, важна не только въ дѣлахъ высшей политики, она важна и для стройности направленія дѣлъ мѣстной администраціи, и она одна можетъ съ успѣхомъ устранить тѣ мѣстныя препирательства, на которыя указываютъ защитники принципа «единства власти».

Нынѣшній же проектъ, взглянувъ на дѣло съ поверхностной точки зрѣнія единства мѣстной бюрократіи, привелъ бы не къ уменьшенію такихъ препирательствъ, а напротивъ къ умноженію ихъ. Къ этому вело бы, во-первыхъ, право губернаторовъ пріостанавливать исполненіе постановленій всѣхъ мѣстныхъ коронныхъ и общественныхъ учрежденій; при подчиненности мѣстныхъ коронныхъ учрежденій вполнѣ независимымъ центральнымъ органамъ, это право губернаторовъ въ большинствѣ случаевъ вело бы только къ пререканіямъ, которыя раз-

рѣшались бы въ разныхъ случаяхъ различно, смотря по авторитету лицъ высшаго управленія. Право губернаторовъ издавать разъясненія закона, обязательныя для всей мѣстной коронной и общественной администраціи, повело бы къ тому, что въ разныхъ губерніяхъ изданы были бы разныя объясненія одного и того же закона, что, не говоря уже о странности такого бюрократическаго происхожденія многоразличнаго мѣстнаго законодательства, приводило бы къ окончательной путаницѣ въ рѣшеніи дѣлъ касающихся нѣсколькихъ губерній. Оговоренное при этомъ въ проектѣ право земства протестовать противъ губернаторскихъ разъясненій не уменьшило бы такого многоразличія, а еще болѣе усложнило бы его, такъ какъ въ одной губерніи губернаторское разъясненіе было бы, положимъ, отмѣнено министромъ внутреннихъ дѣлъ вслѣдствіе того, что земское собраніе той губерніи рѣшилось протестовать противъ этого разъясненія, а въ другой губерніи разъясненіе совершенно подобное осталось бы въ силѣ оттого только, что тамошнее земство не догадалось или не рѣшалось заявить противъ него протестъ. Наконецъ, отнятіе у суда права, при сужденіи частныхъ лицъ за неисполненіе постановленій администраціи, опредѣлять степень законности самыхъ этихъ постановленій, нарушая самостоятельность судебной власти, ослабляя самое значеніе закона, низводя его до степени равной съ административными предписаніями, дало бы также тотъ результатъ, который неминуемо истекаетъ изъ ослабленія авторитета закона, стоящаго выше не только частныхъ лицъ, но и самихъ администраторовъ, то-есть умножило бы иски и ходатайства въ высшихъ инстанціяхъ.

Доказывая несостоятельность принциповъ, положенныхъ въ основаніе нынѣшняго проекта административно-полицейской реформы, мы должны сдѣлать въ заключеніе двѣ оговорки. Во-первыхъ, аргументація наша не идетъ далѣе самого даннаго проекта; мы разсматривали его, какъ нѣчто совершенно отдѣльное, нисколько не приписывая ему значенія какой-либо исповѣди политическихъ убѣжденій министерства внутреннихъ дѣлъ. Мало того, мы склонны думать, что само возникновеніе его въ министерствѣ имѣло характеръ случайный и что онъ вовсе не представляетъ собою, такъ сказать, послѣдняго слова начальника этого управленія. Каковъ бы ни былъ проектъ реформы всей губернской администраціи, проектъ этотъ неизбѣжно будетъ касаться въ бо́льшей или меньшей степени всѣхъ отраслей управленія, а потому довольно сомнительно, чтобы проектъ такой реформы могъ пройти съ перваго раза, и въ первоначальномъ видѣ, въ томъ изъ нашихъ высшихъ учрежденій, которое состоитъ именно изъ главныхъ начальниковъ всѣхъ отраслей управленія. Дѣло это не могло сдѣлаться съ перваго раза,—и въ настоящемъ случаѣ, по несовершенству самого проекта, этому можно только радоваться. Административной реформѣ

не легко пройти чрезъ комитетъ министровъ; но тѣмъ не менѣе, по существу дѣла лучше всего, чтобы проекты подобной реформы поступали прямо именно въ комитетъ министровъ, а не въ какую-либо особую коммисію для выработки основныхъ предположеній, которыя потомъ, при обсужденіи проекта законодательнымъ порядкомъ, могли бы служить уже предвзятыми, предварительно одобренными основами, которыхъ обсужденіе уже не касалось бы. Указывая на всю деликатность положенія министерства внутреннихъ дѣлъ въ начертаніи и проведеніи проекта подобной всеобъемлющей реформы, повторяемъ, что на нынѣшній проектъ мы нисколько не смотримъ, какъ на послѣднее его слово и искренно желаемъ ему удачнаго разрѣшенія этого вопроса на иныхъ началахъ, указываемыхъ самою сущностью прежде произведенныхъ реформъ. Преобразованная администрація должна быть приведена въ соглашеніе съ осуществленными уже реформами земскою и судебною; только подъ этимъ условіемъ новая администрація будетъ въ государственной жизни шагомъ впередъ, а не назадъ.

Изъ мыслей, принятыхъ въ соображеніе нынѣшнимъ проектомъ, заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, быть сохраненною та, которая касается губернскихъ совѣтовъ, но не въ смыслѣ подчиненія ими всѣхъ отраслей управленія одному губернатору, а въ смыслѣ оживленія, дѣйствительного осуществленія коллегіальнаго принципа въ управленіи губерніею. Нынѣшнія губернскія правленія, по составу своему, слишкомъ зависимы отъ губернатора и, кромѣ того, они не столько совѣщательныя, сколько исполнительныя, распорядительныя мѣста, причемъ еще надо замѣтить, что многіе важные предметы губернаторскаго управленія изъяты отъ ихъ круга вѣдѣнія. Губернаторъ, какъ начальникъ мѣстнаго управленія, разумѣется, необходимъ, и его власть исполнительная, особенно же полицейская, могла бы быть окончательно сосредоточена въ его канцеляріи, съ тѣмъ, чтобъ затѣмъ совѣтъ губерніи, не будучи мѣстомъ распорядительнымъ, подобно нынѣшнему губернскому правленію, представлялъ дѣйствительно независимую коллегію для обсужденія общихъ по губерніи дѣлъ, при чемъ авторитетъ такой коллегіи могъ бы только выиграть отъ допущенія въ нее съ совѣщательнымъ голосомъ представителей земства.

Хроникѣ, слѣдящей за ходомъ нашего общественнаго развитія, чаще всего приходится обращаться къ тѣмъ дѣламъ, въ которыхъ мы наиболѣе отстали, и въ которыхъ должны стремиться по возможности вознаградить потерянное время. Неудивительно потому, что въ хроникѣ дѣло народнаго образованія и устройства желѣзныхъ дорогъ являются у насъ на очереди чаще всѣхъ другихъ, и нерѣдко рядомъ, при чемъ невольно напрашивается на мысль сравненіе, какъ скоро идетъ одно изъ этихъ дѣлъ и какъ медленно другое. Развитіе желѣз-

ныхъ дорогъ оставляетъ далеко позади себя развитіе школъ, вѣроятно потому, что покрытіе Россіи школьною сѣтью не могло сдѣлаться предметомъ концессій. Желѣзныхъ дорогъ, уже отстроенныхъ по настоящее время, мы имѣли, по послѣднему извѣстію «Журнала министерства путей сообщенія», до 8,517 верстъ. Работа такъ кипитъ, что уже послѣ 1 января 1870 г. вновь открыто для движенія 769 верстъ. До 4 тысячъ верстъ дорогъ еще строится, а между тѣмъ потребности нашего пространства таковы, что мы не только не приближаемся къ окончанію нашей желѣзно-дорожной сѣти, но уже имѣется въ виду правительства, для осуществленія въ ближайщемъ времени, предпочтительно предъ другими, еще желѣзныхъ путей на протяженіи немного меньшемъ противъ тѣхъ, которыя уже готовы.

Планъ постепеннаго проведенія дорогъ, утвержденный въ декабрѣ 1868 года, оказался уже недостаточнымъ въ виду той массы ходатайствъ о разрѣшеніи новыхъ линій, которою осаждаютъ правительство и города и частные предприниматели. И эти ходатайства возрастаютъ въ числѣ такъ, что въ теченіи одного только прошлаго года выдано разрѣшеній частнымъ лицамъ на производство изысканій—138, между тѣмъ, какъ въ 1868 году было выдано только 32, а въ прежніе года, начиная съ 1862 г. по 2, 1 и 4 въ годъ.

Необходимость программы для постепеннаго развитія сѣти очевидна: и капиталы и рабочія силы должны быть призываемы сперва на тѣ линіи, которыя для государства нужнѣе. Такая новая программа выработана комитетомъ желѣзныхъ дорогъ и окончательно утверждена. Но утвержденная нынѣ программа такъ обширна, что вѣроятно потребуется еще дополнительное распредѣленіе включенныхъ въ нее линій на категоріи. Въ утвержденномъ планѣ мы отмѣтили линіи преимущественно стратегическія, линіи смѣшаннаго характера, экономическо-стратегическаго, линіи преимущественно торговыя и, наконецъ, — линіи не обѣщающія доходности, но необходимыя для оживленія отчужденныхъ пространствомъ мѣстностей.

Стратегическія соображенія играли большую роль и въ нынѣшнемъ планѣ; первою въ немъ названа линія отъ Смоленска до Бреста, неимѣющая почти никакого экономическаго значенія. Сюда же принадлежитъ огромная линія отъ Ростова до Владикавказа, при чемъ однако ничего не сказано о вѣтви съ Владикавказа къ Петровску, которая важна для военныхъ цѣлей по отношенію къ Средней Азіи. Оренбургъ предполагается соединить съ центромъ имперіи тремя смыкающимися линіями, которыя примкнутъ къ ряжско-моршанской дорогѣ, то-есть соединятъ оренбургскій военный округъ съ московскимъ, именно линіями: отъ Оренбурга до Бузулука, отъ Бузулука до Самары и отъ Самары, чрезъ Пензу, до Моршанска. Соединеніе Оренбурга съ центромъ имперіи безспорно имѣетъ стратегическое значеніе.

Но еще больше такого значенія, и именно въ ближайшемъ практическомъ смыслѣ, могло бы имѣть желѣзнодорожное соединеніе туркестанскаго военнаго округа съ оренбургскимъ, однимъ словомъ, дорога выдвигающаяся въ степь. Для военныхъ надобностей какъ туркестанскаго края, такъ и ближайшей Зауральской Области важно не то, чтобы можно было быстро двинуть подкрѣпленія, напр. изъ рязанской губерніи въ Оренбургъ; наличныхъ силъ оренбургскаго округа вполнѣ достаточно для экстренныхъ случаевъ, какой представился напримѣръ весною прошлаго года. Всего важнѣе, чтобы эти-то оренбургскія войска могли быть поспѣшно двинуты въ степь. Теперь, въ экстренныхъ случаяхъ для этого приходится нанимать верблюдовъ по всякой цѣнѣ, отбросивъ въ сторону уже рѣшительно всѣ хозяйственныя формальности. Въ царствѣ польскомъ проектируется двѣ небольшія дороги также стратегическаго характера. Говоря о стратегическихъ дорогахъ, замѣтимъ, что въ новой программѣ не оговорено, въ какой пропорціи постройка ихъ должна входить въ общее количество разрѣшаемыхъ ежегодно верстъ. Будемъ надѣяться, что прежнее, высочайше утвержденное правило о томъ, чтобы въ этомъ отношеніи не заходить за максимумъ 500 верстъ въ годъ.

Дорогами смѣшаннаго характера должно признать линію отъ станціи Лозовой на Азовской дорогѣ до Севастополя и отъ одного изъ пунктовъ елисаветградско-кремчугской линіи до Николаева. Изъ нихъ наиболѣе торговаго значенія, конечно, будетъ имѣть дорога въ Севастополь, во-первыхъ, какъ соединеніе Полтавской, Екатеринославской и Херсонской губерній съ портомъ на Черномъ морѣ, отдаленномъ отъ Одессы, во-вторыхъ, какъ единственный рельсовый путь въ Крыму, ибо о Θеодосійской линіи въ новой программѣ не упомянуто.

Относительно дорогъ по преимуществу экономическихъ или торговыхъ, предпочтеніе, очевидно, должно быть дано тѣмъ, которыя обѣщаютъ наибольшую доходность. Странно было бы, напримѣръ, откладывать разрѣшеніе на постройку мелкихъ вѣтвей, каковы линіи: отъ Скопина до Тулы, отъ Ливенъ до елецко-орловской дороги [1]), отъ Роменъ до харьково-кременчугской дороги, отъ Азовской дороги до Маріуполя, на заводъ Юза [2]); или такую очевидно доходную линію, какъ кишиневско-ясская, для того только, чтобы прежде непремѣнно окончено было соединеніе важнѣйшихъ линій, или построены вновь болѣе важныя линіи, или наконецъ потому, что какая-либо дорога ведетъ за

[1]) По слухамъ, эту дорогу правительство предполагаетъ строить само, узкоколейною, на что уже испрошенъ кредитъ.

[2]) По слухамъ, г. Юзъ, уже получившій концессію, продалъ ее и вошелъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи строить дорогу раньше завода, такъ что постройка дороги стала сомнительною.

границу. Такимъ образомъ, постройка большихъ линій безусловно мѣшала бы постройкѣ малыхъ, между тѣмъ какъ малыя линіи не могутъ значительно мѣшать постройкѣ большихъ.

Наиболѣе важное значеніе для развитія системы нашихъ торговыхъ дорогъ, будутъ имѣть упоминаемыя въ планѣ линіи: отъ Роменъ до Ландварова (близъ Вильны), отъ Шавель до Динабурга и отъ Бреста до Бердичева, съ вѣтвью до Радзивиллова. Первая открываетъ прямой путь къ Либавскому порту губерніямъ: Черниговской, Харьковской, Полтавской, и при посредствѣ упомянутой уже намъ вѣтви отъ Роменъ до одного изъ пунктовъ харьково-кременчугской дороги, соединитъ Либаву со всѣмъ югомъ и съ Чернымъ моремъ, представивъ третью линію балтійско-черноморскаго соединенія. Небольшая линія отъ Шавель до Динабурга важна тоже по отношенію къ Либавѣ, такъ какъ она открываетъ доступъ къ этому порту всему району варшавско-петербургской и орловско-динабургской линій. Что касается бресто-бердичевской линіи, то торговое значеніе ея очевидно, и при открытіи обширныхъ путей въ Либаву, едвали слѣдуетъ доводить протекціонизмъ до неразрѣшенія бресто-бердичевской линіи потому только, что она ведетъ къ Пруссіи.

Первымъ и главнѣйшимъ соображеніемъ при устройствѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи было не ожиданіе доходовъ съ нихъ, даже не потребность соединить готовые промышленные центры, очевидно, нуждавшіеся въ такомъ соединеніи, а необходимость, такъ-сказать, излечить имперію отъ подавляющаго избытка пространства, соединить отчужденныя ея части и дать промышленности возможность возникнуть открытіемъ ей сбыта. Съ этой, первоначальной точки нашего отправленія въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ представляются въ числѣ наиболѣе нужныхъ, наименѣе подлежащихъ отсрочкѣ нѣкоторыя такія линіи, которыя, не обѣщая большой доходности, могутъ открыть доступъ ко внутреннему рынку мѣстностямъ бѣднымъ, отдаленнымъ, пока даже малонаселеннымъ. Предоставленіе правительственной гарантіи здѣсь уже является не только ободреніемъ для частной предпріимчивости, а настоящею субсидіею, налогомъ на государство для оживленія нѣкоторыхъ его оконечностей, находящихся еще въ состояніи оцѣпенѣнія.

Нынѣшній планъ упоминаетъ о трехъ такихъ путяхъ, а именно предполагаетъ соединеніе Вологды съ Волгою, у Ярославля, соединеніе Сѣверной Двины съ р. Вяткою и соединеніе Камы съ Тоболомъ. Два первыхъ пути направляются прямо на сѣверъ и, соединяя басейнъ Сѣв. Двины съ желѣзно-дорожною и судоходною системами имперіи, должны обезпечить, по крайней мѣрѣ, существованіе населенія Сѣвера въ неурожайные годы и затѣмъ положить прочное начало оживленію его. Сѣверное населеніе, несмотря на свою малочисленность, крайне нуж-

дается въ заработкахъ; а какъ только будутъ удобныя сообщенія, производительность непремѣнно оживится тамъ, гдѣ дешевы земля и топливо. Къ дорогамъ того же рода мы относимъ и уральскую, которая въ планѣ проектирована пока весьма неопредѣленно, какъ соединеніе Камы съ Тоболомъ, то-есть не предрѣшая вопроса о сѣверномъ или южномъ ея направленіи. Замѣтимъ, однако, что въ планѣ относительно ея оговорена на первомъ мѣстѣ «необходимость удовлетворить нуждамъ горнозаводской промышленности», и затѣмъ уже согласованіе ея «по возможности» съ потребностями сибирскаго транзита. Но главное значеніе уральская линія должна, очевидно, имѣть не какъ мѣстная горно-заводская дорога и не какъ ярмарочная, а какъ начало большой рельсовой артеріи, которая приблизитъ Сибирь ко внутренности имперіи и въ особенности—къ петербургскому порту.

Возникшій недавно новый вопросъ въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ, именно вопросъ объ узкоколейныхъ путяхъ принятъ также въ соображеніе планомъ, который предполагаетъ удешевить постройку линій вологодско-ярославской, вятско-двинской и вѣтви отъ Волги къ заволжскимъ солянымъ озерамъ посредствомъ «допущенія нѣкоторыхъ измѣненій въ техническихъ условіяхъ».

Между линіями включенными въ планъ, какъ мы уже сказали, очереди не установляется, и послѣдовательность въ ихъ постройкѣ должна будетъ опредѣлиться затѣмъ практически; сверхъ включенныхъ въ планѣ линій, по прежнему, разрѣшается дѣлать дополнительныя представленія о такихъ «питательныхъ вѣтвяхъ», которыя будутъ признаны необходимыми.

По подробному оффиціальному отчету о желѣзно-дорожныхъ сборахъ за прошлый годъ, сборы поднялись по всѣмъ дорогамъ. Общее количество сборовъ на всей сѣти дало за годъ безъ малаго 65 мил. рублей. По поверстному сбору, самыми производительными дорогами, изъ большихъ, остаются николаевская (27,282 р. съ версты), московско-рязанская, рязанско-козловская и нижегородская (послѣдняя между исчисленными; она даетъ 16 т. р. съ версты). Московско-курская уже стала первою за нею (даетъ 11½ т. р. съ версты). Итакъ, наши желѣзно-дорожные результаты и относительно доходности весьма благопріятны. Линіи совсѣмъ малодоходныя (не причисляя къ нимъ петербурго-варшавской, которая даетъ все-таки 7,059 р. съ версты), составляютъ малую часть нынѣшней сѣти. Но въ будущемъ нашей сѣти предстоитъ распространиться именно нѣсколькими такими большими линіями, которыя обѣщаютъ мало дохода, такъ что посредство государства понадобится въ этомъ дѣлѣ еще надолго.

Намъ не разъ случалось говорить о трудностяхъ, представляющихся земству въ дѣлѣ народнаго образованія. Изъ этихъ трудностей главная,

разумѣется, вообще умѣренность денежныхъ средствъ, которыми земство располагаетъ, пользуясь ограниченнымъ правомъ обложенія. Вслѣдствіе того, говорили мы, нельзя ожидать отъ земства такого сильнаго почина въ дѣлѣ образованія, который могъ бы въ короткое время дать первоначальному обученію то значительное развитіе, которое намъ настоятельно нужно, и стало быть, такой починъ должно взять на себя государство въ такихъ же размѣрахъ, если не бо̀льшихъ, какіе представляетъ намъ желѣзно-дорожное дѣло. Теперь мы имѣемъ подъ рукой поучительные факты по отношенію земства къ народному образованію: въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатана вѣдомость расходамъ земствъ великорусскихъ и нѣкоторыхъ южныхъ губерній по народному образованію за 1867 и 1869 годы, составленная по отчетамъ губернаторовъ. Года эти, изъ которыхъ первый принадлежитъ къ первому трехлѣтію существованія земства, избраны были для составленія вѣдомости потому, что въ нихъ получились отчеты наиболѣе полные. Несмотря на то, данныя, помѣщенныя въ вѣдомости, еще далеко не полны. Однако и въ настоящемъ видѣ они могутъ послужить для сравненій, нелишенныхъ поучительности.

Что прежде всего поражаетъ въ вѣдомости, это огромное различіе въ расходахъ на образованіе земствъ разныхъ губерній и въ одной губерніи разныхъ уѣздовъ. Сумма итоговъ по губерніямъ колеблется между 117,700 рублями, которые удѣляетъ на образованіе земство Вятской губерніи (за 1869 годъ) и 9,800 рублями, которыми обходится земство губерніи Петербургской. Само собою разумѣется, что болѣе населенныя губерніи могутъ располагать бо̀льшими средствами; но дѣло въ томъ, что разница въ земскихъ бюджетахъ народнаго образованія далеко не соотвѣтствуетъ, во многихъ случаяхъ, разницѣ въ цифрѣ населенія. Мы составили себѣ таблицу, въ которой губерніи, упоминаемыя въ оффиціальной вѣдомости, помѣщены въ порядкѣ цифръ издержекъ земства на народное образованіе и, затѣмъ, въ порядкѣ цифръ населенія этихъ губерній, какъ онѣ показаны въ «Статистическомъ Временникѣ», и оказывается, что иныя губерніи, стоящія въ первомъ спискѣ на первыхъ мѣстахъ, во второмъ занимаютъ мѣста ниже среднихъ и наоборотъ. Такъ напримѣръ, Тамбовская губернія, стоящая *второю* по числу населенія (1 м. 974 души) въ спискѣ расходовъ земства на образованіе занимаетъ *четырнадцатое* мѣсто (около 23½ т. р. въ 1869 году), въ числѣ всего 21 сравниваемыхъ губерній. Полтавская губернія въ спискѣ населенія стоитъ на *третьемъ* мѣстѣ (1 м. 911 т. душъ), а въ спискѣ расходовъ земства на образованіе на *одиннадцатомъ* мѣстѣ (около 27½ т. р.); Орловская—по населенію *осьмая* (1 м. 533 т. душъ), по расходамъ на образованіе *шестнадцатая* (менѣе 23 т. р.).

Неудивительно, положимъ, что Вятская губернія, съ населеніемъ 2 мил. 220 т. душъ, даетъ мѣстному земству возможность расходо-

вать на образованіе болѣе 117½ т. р.; она занимаетъ первое мѣсто въ обоихъ спискахъ. Но неудивительно ли, что третьею за нею, то-есть четвертою въ нашемъ спискѣ, по земскимъ расходамъ на образованіе является губернія Таврическая, которая въ спискѣ населенія стоитъ 21-ю, то-есть послѣднею въ числѣ сравниваемыхъ? Таврическая губернія, со своимъ населеніемъ въ 3⅔ раза меньшимъ противъ Вятской (606 т. душъ) издерживаетъ на народное образованіе, въ лицѣ земства, сумму только въ 2½ раза меньшую противъ Вятской (болѣе 47½ т. р.), но больше чѣмъ вдвое превышающую издержки такихъ губерній, которыя, какъ Тамбовская и Полтавская, имѣютъ населеніе втрое бóльшее противъ населенія Таврической губерніи.

Наименѣе благопріятное отношеніе между цифрою населенія и цифрою земскихъ расходовъ на образованіе замѣчается, послѣ Таврической, въ губерніяхъ: Московской (въ спискѣ населенія — седьмая, въ спискѣ расходовъ вторая), Харьковской (по населенію пятая, по расходу вторая), и Владимірской (по населенію десятая, а по расходу на образованіе четвертая).

Изъ цифръ расходовъ на образованіе земствъ уѣздныхъ наиболѣе значительны цифры бердянскаго уѣзднаго земства (таврич. губ.)— 21 т. р., сарапульскаго (вятск. губ.) — 17,600 р. и старобѣльскаго — 16,600 р. Правда, всѣ эти три уѣзда принадлежатъ къ числу наиболѣе населенныхъ въ имперіи; но справившись о населенности ихъ, мы увидимъ, что это обстоятельство, т.-е. населенность и здѣсь недостаточно объясняетъ разницу въ бюджетахъ образованія, ибо эти три уѣзда по числу населенія стоятъ какъ разъ въ обратномъ порядкѣ цифрамъ бюджетовъ на образованіе, именно изъ нихъ первый по населенности уѣздъ старобѣльскій (282 т. д.), второй — сарапульскій (260 т. д.), и бердянскій (161 т. д.)—послѣдній. Отмѣтимъ, мимоходомъ, весьма значительный фактъ, что по губернской смѣтѣ смоленскаго земства назначена сумма (12 т. р.) на устройство въ Вязьмѣ гимназіи; это есть первая земская гимназія. Но это усиліе смоленскаго земства по необходимости почти исчерпало средства, какими оно могло располагать на народное образованіе вообще. По неполнотѣ вѣдомости мы, къ сожалѣнію, не можемъ сказать такъ ли это и за 1869 годъ, ибо цифръ для Смоленской губерніи за прошлый годъ не показано. Но вообще устройство земствомъ гимназій—дѣло сомнительной пользы, въ виду настоятельной необходимости обращать всѣ по возможности средства на первоначальное обученіе; исключеніе составляютъ именно только женскія гимназіи; потому что дѣло образованія женщинъ даже въ среднемъ обществѣ у насъ столько же настоятельно, какъ и дѣло грамотности народныхъ массъ. Желательно, чтобы и частныя пожертвованія для основанія учебныхъ заведеній и стипендій, пожертвованія, бывающія весьма значительными, обра-

тились наконецъ преимущественно на учрежденіе учительскихъ семинарій, отъ котораго зависитъ ходъ настоятельнѣйшаго у насъ дѣла первоначальнаго обученія. Такой въ высшей степени сочувственный примѣръ представляетъ заявленное въ истекшемъ мѣсяцѣ пожертвованіе Э. Д. Нарышкинымъ капитала въ 250 тысячъ рублей, для учрежденія въ Тамбовѣ института для приготовленія учителей въ народныя училища. Вотъ дѣло истинно просвѣщеннаго патріотизма, сознающаго что̀ именно въ данный моментъ наиболѣе необходимо отечеству, и высочайшій рескриптъ превосходно назвалъ это пожертвованіе «историческимъ дѣяніемъ на благо общественное».

Но возвратимся къ выводамъ изъ оффиціальной вѣдомости. Изъ сравненія расходовъ земства на образованіе за 1867 и 1869 годы оказывается утѣшительный результатъ, что въ общей сложности по сравниваемымъ 20 губерніямъ расходъ этотъ болѣе чѣмъ удвоился (съ 262 т. р. возрасъ до 609 т. р.). Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ возрастаніе это поразительно: въ Таврической на 1869 годъ опредѣлено въ десять разъ болѣе, чѣмъ было опредѣлено на 1867 годъ; въ Тамбовской губерніи — (которая все-таки еще не далеко ушла въ этомъ отношеніи)—почти въ девять разъ; въ Нижегородской и Московской губерніяхъ—въ пять разъ и т. д. Но есть, къ сожалѣнію, и примѣръ противоположный, именно въ Новгородской губерніи, гдѣ въ 1869 году назначено 3-мя тысячами р. меньше чѣмъ въ 1867 году; быть можетъ были и еще такіе примѣры, которыхъ мы не знаемъ, потому что свѣдѣній о назначеніяхъ на 1869 годъ относительно нѣсколькихъ губерній, упоминаемыхъ въ вѣдомости, не помѣщено.

Въ общности изъ вѣдомости этой оказывается, что наше земство, несмотря на всю ограниченность своихъ средствъ, приноситъ на дѣло народнаго образованія пожертвованія весьма значительныя и — что̀ весьма замѣчательно — не далеко отстающія отъ тѣхъ средствъ, какими до сихъ поръ считаетъ возможнымъ обходиться въ дѣлѣ первоначальнаго обученія государство, съ его громаднымъ бюджетомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ росписи на 1870 годъ по расходамъ министерства народнаго просвѣщенія назначена сумма 2 м. 352 тысячи рублей, что̀ даетъ около 36½ т. р. на губернію. На 21 сравниваемыхъ нами губерній это составитъ около 756½ т. р. Между тѣмъ, земство въ этихъ губерніяхъ (по назначеніямъ 1869 г. для 20 губ. и 1867 года для одной, именно Вятской) даетъ 726½ т. р., т.-е. въ среднемъ размѣрѣ почти по 34½ т. р. на губернію!

Но сравненіе между издержками земства и министерства на первоначальное образованіе въ 21 губерніи, о которыхъ мы говоримъ, можетъ оказаться еще болѣе рѣшительно въ честь земства, если принять въ соображеніе, что средства, отдѣляемыя имъ на народныя школы, министерство распредѣляетъ между губерніями далеко не равномѣрно и, ставя въ этомъ дѣлѣ на первый планъ побужденія поли-

тическія, всего менѣе заботится именно о тѣхъ 21 великорусскихъ и южныхъ губерніяхъ, о которыхъ мы говорили. Министерство народнаго просвѣщенія наиболѣе вниманія обращаетъ на первоначальное образованіе какъ на средство усиленія русскаго элемента на окраинахъ, цѣль справедливую въ самой себѣ, но при которой не слѣдуетъ все-таки упускать изъ виду, что вѣрнѣйшимъ средствомъ нравственнаго прикрѣпленія окраинъ къ центру Россіи должно быть именно возвышеніе умственнаго развитія, умственной силы въ этомъ центрѣ. Въ теченіи послѣдняго мѣсяца обнародованы новые штаты молодечнянской учительской семинаріи и, по слухамъ, министерство исходатайствовало 30 т. р. на постройку помѣщеній для городскихъ училищъ въ губерніяхъ югозападныхъ: Волынской, Подольской, Кіевской. Эти двѣ новыя мѣры представляютъ только продолженіе преимущественно политическаго направленія дѣятельности министерства. Школы, гдѣ бы онѣ ни были основаны, и сколько бы ихъ ни было основано, всегда— благодѣяніе, и смѣшно было бы возражать противъ открытія ихъ въ одномъ мѣстѣ даже и то, что въ другомъ мѣстѣ онѣ необходимы; слава Богу, что устроилось помѣщеніе для школы, гдѣ бы то ни было. Но если касаться политическихъ соображеній, то необходимо повторить, что вѣрнѣйшимъ притягательнымъ средствомъ для окраинъ будетъ усиленіе умственнаго магнита въ центрѣ; какъ бы сильно мы ни старались намагнитить окрайныя полосы, но безъ притягательной силы центральнаго магнита онѣ все-таки не будутъ сплочены; а крѣпкій центральный магнитъ притянетъ и немагниченное желѣзо. Самымъ вѣрнымъ содѣйствіемъ министерства народнаго просвѣщенія русской политикѣ было бы вообще развитіе русскаго народнаго просвѣщенія.

Итакъ, весьма можетъ статься, что по сравненію дѣйствительныхъ издержекъ на начальное образованіе земства и министерства въ великорусскихъ губерніяхъ, земства даютъ на этотъ предметъ даже положительно болѣе, чѣмъ министерство. Такой результатъ, на который наводятъ насъ данныя оффиціальной вѣдомости расходамъ земства на народное обученіе, признаемся, представляется намъ довольно неожиданнымъ. Но слѣдуетъ ли толковать его въ томъ смыслѣ, что такъ какъ земство дѣлаетъ для этого дѣла столько же сколько министерство, а можетъ быть и болѣе, то съ послѣдняго снимается этимъ обязанность придать дѣлу рѣшительный ходъ, въ которомъ оно, очевидно, нуждается? Правда, ст. 2 положенія о земскимъ учрежденіяхъ возлагаетъ на нихъ, между прочимъ, и попеченіе о народномъ образованіи, и въ училищныхъ совѣтахъ засѣдаютъ также члены избранные земствомъ, которые обязаны представлять земскимъ собраніямъ ежегодные отчеты. Но ни положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, ни положеніе о народныхъ училищахъ никакъ не ставятъ дѣло начальнаго образованія въ исключительную обязанность одного земства и не снимаютъ главной обязанности въ этомъ дѣлѣ съ министерства

народнаго просвѣщенія. Попеченіе о народномъ образованіи вмѣнено въ обязанность, между прочимъ, и приходскимъ попечительствамъ, такъ какъ въ положеніи объ этихъ попечительствахъ сказано, что они заботятся и объ устройствѣ школъ. Но принять на себя исключительно устройство школъ приходскія попечительства не могутъ уже потому, что они не могутъ учреждать налоговъ. Въ этомъ отношеніи и положеніе земства, хотя неодинаково, но нѣсколько сходно съ положеніемъ приходскихъ попечительствъ, такъ какъ и земское право обложенія ограничено весьма существеннымъ образомъ. Но еслибы приходу и удалось собрать значительныя средства на содержаніе школы или нѣсколькихъ школъ, развѣ это снимало бы съ земства обязанность по отношенію къ народному образованію въ этомъ приходѣ? Напротивъ, это пожертвованіе прихода обязывало бы земство оказать приходу особое вниманіе и поддержать его особыми средствами, для примѣра, и въ виду залога, что пожертвованіе земства здѣсь падетъ на особенно-благодарную почву.

Вотъ точно тоже самое должно сказать и объ обязанностяхъ министерства по дѣлу первоначальнаго обученія, въ виду усилій и пожертвованій земствъ. Общіе выводы изъ оффиціальной вѣдомости оказываются утѣшительными, и въ виду этой доказанной готовности земствъ приносить жертвы на великое, истинно-національное дѣло распространенія образованія въ массахъ, дѣлается вдвойнѣ обязательнымъ для государства обратить на это дѣло болѣе значительныя средства, чтобы серьезно двинуть его впередъ, и не на окраинахъ только, а и въ самомъ сердцѣ имперіи. Пожертвованія земствъ весьма значительны для нихъ, по сравненію съ ихъ средствами. Но дѣло первоначальнаго обученія все-таки не пойдетъ впередъ быстрыми шагами на тѣ крохи, какія представляются земскими деньгами и деньгами даваемыми министерствомъ до сихъ поръ. Какихъ-нибудь 2½ милліоновъ рублей изъ бюджета въ 476¾ милліоновъ рублей на такое настоятельное дѣло—очевидно, слишкомъ мало. Намъ кажется, что изъ обнародованной нынѣ вѣдомости о расходахъ земства на народное образованіе истекаетъ въ конечномъ выводѣ не только право земства на благодарность, но еще и нравственная обязанность для министерства народнаго просвѣщенія.

Выше мы сказали, что рядомъ съ дѣломъ первоначальнаго обученія у насъ можетъ быть поставлено, по важности, дѣло образованія женщинъ въ среднемъ обществѣ. Это послѣднее дѣло тѣмъ настоятельнѣе, что безъ него не можетъ получить значительнаго примѣненія и рѣшеніе вопроса о допущеніи женщинъ къ высшему образованію и въ такъ-называемыя либеральныя профессіи. Между тѣмъ правительство, которое, въ этомъ именно дѣлѣ, однимъ благосклоннымъ взглядомъ можетъ произвесть болѣе добра, чѣмъ въ иныхъ дѣлахъ долго-

временными усиліями, вовсе не оказывается враждебнымъ допущенію женщинъ къ служебно-административному труду. Начало сдѣлано, какъ извѣстно, по телеграфному вѣдомству, за которымъ, по слухамъ, предполагали послѣдовать вѣдомство почтовое и контрольное. Почтовое вѣдомство имѣетъ въ этомъ отношеніи вполнѣ убѣдительный примѣръ въ иностранныхъ государствахъ. Наконецъ, если точно извѣстіе, сообщенное «Московскимъ Вѣдомостямъ» изъ достовѣрнаго, по ихъ словамъ, источника, то на дняхъ поступило въ государственный совѣтъ представленіе объ установленіи общихъ правилъ по опредѣленію женщинъ на должности, такъ какъ имѣется въ виду допускать ихъ къ занятіямъ не только по одному телеграфному, но и по другимъ вѣдомствамъ.

Рядомъ съ такимъ просвѣщеннымъ настроеніемъ правительства необходимо должно идти и открытіе женщинамъ пути къ высшему образованію. И въ томъ, какъ и въ другомъ было бы однако странно, допуcтивъ принципъ, ограничивать его примѣненіе разными изъятіями въ ущербъ женщинамъ. Такъ, напр., говорили и писали, что медицинскій совѣтъ министерства внутреннихъ дѣлъ постановилъ въ принципѣ допустить женщинъ къ слушанію лекцій въ медицинскихъ факультетахъ, съ предоставленіемъ имъ права заниматься медицинской практикой, *но безъ выдачи имъ дипломовъ* на ученыя степени. Трудно понять, чѣмъ оправдывалось бы такое ограниченіе, кромѣ развѣ желанія отрицать *буквою* тотъ самый принципъ, который былъ бы провозглашенъ *дѣломъ*. Но если этотъ слухъ и неточенъ, то мы все-таки имѣемъ несомнѣнный фактъ подобнаго ограниченія въ самомъ телеграфномъ вѣдомствѣ, которому принадлежалъ починъ въ этомъ дѣлѣ: женщины, работающія наравнѣ съ мужчинами, не пользуются правами государственной службы, между прочимъ и правомъ на пенсіи. Спрашивается, какой смыслъ имѣетъ такое ограниченіе? Если женскій трудъ вообще оплачивается хуже, если, какъ писала недавно одна учительница изъ Москвы, на самое допущеніе женщинъ къ возможности заработывать себѣ кусокъ хлѣба начальники учебныхъ заведеній смотрятъ какъ на милость, даже какъ на благотворительность, между тѣмъ какъ за мужчинами они признаютъ полное право получить жалованье отъ казны, то не государству ли именно слѣдуетъ подать въ этомъ отношеніи поучительный примѣръ? Въ этомъ вопросѣ, повторяемъ, отъ одного примѣра, взгляда правительства зависитъ почти половина дѣла. Допущеніе женщинъ къ государственной службѣ во многихъ отрасляхъ администраціи, съ правами государственной службы, было бы огромнымъ шагомъ для измѣненія въ самомъ обществѣ такого отношенія къ женскому труду, которое основано на чистомъ предразсудкѣ.

Въ настоящее время въ нашемъ обществѣ вопросъ о правѣ женщинъ на самостоятельный трудъ все еще считается какою-то философскою проблемою, а не простымъ, весьма серьёзнымъ и неотлож-

нымъ дѣломъ. Мы еще далеки въ этомъ отношеніи отъ общества англійскаго, которое однакоже никакъ нельзя упрекнуть въ недостаточной крѣпости семейныхъ основъ. Крѣпость ихъ въ англійскомъ обществѣ, безъ всякаго сомнѣнія, выше чѣмъ у насъ, гдѣ союзы эти и заключаются и разрываются съ замѣчательнымъ легкомысліемъ. Въ этомъ отношеніи не слѣдуетъ брать за образецъ то немногочисленное образованное среднее общество, которое существуетъ въ нашихъ столицахъ, особенно же въ Петербургѣ, а надо обращаться къ жизни провинціальной. Между тѣмъ, въ Англіи, несмотря на дѣйствительную крѣпость семейныхъ связей, вопросъ о правахъ женщинъ на самостоятельность доросъ до того, что даже высшіе слои общества, наименѣе уступчивые въ общественныхъ реформахъ, принимаютъ участіе въ агитаціи по предоставленію женщинамъ права политическаго избирательства (недавно на митингѣ въ этомъ смыслѣ говорили сынъ графа Росселля виконтъ Эмберли, и его жена).

Мы же, будучи въ семейныхъ связяхъ далеко не консервативны въ лучшемъ смыслѣ этого слова, ощущаемъ большую склонность заявлять консервативную заботливость, какъ только рѣчь коснется до общаго вопроса о правахъ женщинъ на самостоятельность, на высшее образованіе и трудъ. И такую склонность заявляютъ не только легкомысленные шутники, но люди образованные, серьезные и даже поставленные въ такое спеціальное положеніе относительно женскаго образованія, которое должно бы обязывать ихъ къ особенной въ этомъ дѣлѣ сдержанности слова. Едва успѣли открыться нѣсколько университетскихъ курсовъ для женщинъ, какъ распространился слухъ, что начальство нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній препятствуетъ посѣщенію ихъ служащими въ тѣхъ заведеніяхъ учительницами. Начальникъ здѣшнихъ женскихъ гимназій г. Осининъ отозвался на этотъ слухъ объясненіемъ, что «никакого подобнаго запрещенія не было», но при этомъ сознался, что слухъ могъ произойти отъ того, что *одной* учительницѣ были даны имъ «нѣкоторые совѣты и предостереженія». При чемъ г. начальникъ женскихъ гимназій счелъ долгомъ выразить мысль, что посѣщеніе учительницами высшихъ курсовъ «не можетъ подвергнуться ни нареканію, ни запрещенію» (о поощреніи, конечно, не можетъ быть и рѣчи?), лишь бы только посѣщеніе публичныхъ лекцій «не послужило поводомъ и предлогомъ для сходокъ, неимѣющихъ ничего общаго съ содержаніемъ лекцій». Это странное, чтобы не сказать болѣе, объясненіе повело къ полемикѣ, въ которой г. Осинину возражали, что если онъ и не налагалъ общаго запрещенія, то тотъ же смыслъ могло получить, среди подчиненныхъ ему лицъ, и частное его «предостереженіе», а профессоръ Бекетовъ засвидѣтельствовалъ, что никакихъ сходокъ на лекціяхъ физически быть не можетъ, такъ какъ слушательницы расходятся немедленно по окончаніи лекцій. На это г. Осининъ, возразилъ, что сходки подъ предлогомъ

лекцій все-таки могутъ быть, хотя и не въ самомъ томъ помѣщеніи, гдѣ лекціи читаются. Вмѣстѣ съ тѣмъ, г. Осининъ изобразилъ свои опасенія при видѣ того «лихорадочнаго безпокойства», отрывочности и поверхностности, какими должно, по его мнѣнію, сопровождаться желаніе учиться, бросающееся изъ залы 6-й гимназіи въ залу 5-й гимназіи, отъ Чернышева моста къ Аларчину мосту и отъ физики къ геометріи, а отъ геометріи къ естествовѣдѣнію.

Хотя при этомъ профессоръ Осининъ и заявляетъ свое убѣжденіе въ необходимости «открыть у насъ правильно, разумно организованные высшіе женскіе курсы», которые «вполнѣ соотвѣтствовали бы своей высокой цѣли», тѣмъ не менѣе все вмѣшательство почтеннаго педагога въ это дѣло очевидно имѣетъ практически характеръ отрицательный. Находить нынѣ открытые курсы безполезными и даже вредными по «лихорадочному безпокойству», ими возбуждаемому, потому только, что со временемъ можно будетъ поговорить объ учрежденіи курсовъ болѣе полныхъ, не есть ли слѣдовать примѣру тѣхъ господъ, которые возставали противъ первыхъ попытокъ либеральныхъ преобразованій вообще, увѣряя вмѣстѣ съ тѣмъ въ полномъ своемъ сочувствіи духу такихъ преобразованій, но только въ будущемъ, а не въ настоящемъ, въ томъ отдаленномъ и идеальномъ будущемъ, когда всякія преобразованія возможно будетъ совершать и вполнѣ, и правильно, и безъ лихорадочнаго безпокойства?

Теорію этихъ господъ можно бы назвать теоріею «о журавлѣ въ небѣ», какъ средствѣ для практическаго противодѣйствія реформамъ.

И неужели дѣло высшаго женскаго образованія у насъ уже приняло столь широкіе размѣры, до такой степени неотразимо увлекло всѣхъ женщинъ, что педагогу изъ всего дѣла представляется уже только одна необходимость, именно, какъ бы принять мѣры противъ излишней лихорадочности, увлеченія и отвратить возможность злоупотребленій? Помилуйте, дѣло началось только вчера, едва еще поставлено, а вы уже думаете только о мѣрахъ сдерживанія, предупрежденія и пресѣченія! Если ужъ спеціальный педагогъ не находитъ сказать ничего болѣе объ открытыхъ для женщинъ публичныхъ курсахъ, какъ увѣщаніе къ сдержанности, то что́ же скажутъ тѣ главы семействъ, которыхъ практическое легкомысліе такъ хорошо уживается съ безусловнымъ консерваторствомъ въ теоріи? Остается порадоваться, что опасеніе сходокъ «подъ предлогомъ» телеграфнаго дѣла не помѣшало правительственной власти открыть женщинамъ доступъ къ самостоятельному труду, и пожелать, чтобы правительство примѣромъ предоставленія женщинамъ служебныхъ правъ оставило нашихъ легкомысленныхъ консерваторовъ безъ слушателей ихъ проповѣдей и безъ приверженцевъ ихъ анекдотическаго міровоззрѣнія.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го мая 1870.

Разбойничество въ Греціи и его причины. — Статья Адама Бэдью. — Бюджетная рѣчь Лоу. — Предложеніе объ осмотрѣ монастырей въ Англіи. — Положеніе дѣлъ въ Ирландіи. — Министерскій кризисъ въ Австріи. — Испанскія дѣла на полуостровѣ и въ Америкѣ. — Смерть Лопеца.

Какъ русскій человѣкъ, выѣхавъ за границу, непремѣнно побываетъ въ Парижѣ, такъ точно англійскій туристъ, забравшись въ южную Европу, навѣрное очутится въ Аѳинахъ, гдѣ онъ употребитъ всѣ усилія къ тому, чтобы провѣрить на мѣстѣ всѣ историческія указанія «Путеводителя Муррэя». Проживая въ Аѳинахъ съ нѣкоторымъ комфортомъ и имѣя обильный источникъ денегъ, англичанину легко можетъ придти въ голову мысль посѣтить и окрестныя историческія мѣстности «колыбели европейской цивилизаціи», особенно если онъ изучалъ Грота и восхищался поэтическимъ талантомъ и великими идеями Байрона. Но представьте себѣ, что нашъ туристъ англичанинъ — членъ посольства, что вмѣстѣ съ нимъ готовы отправиться въ историческую прогулку и нѣкоторые изъ его друзей, и секретарь итальянскаго посольства, и даже дамы. Не то ученая, не то веселая компанія извѣщаетъ о своемъ намѣреніи вліятельныхъ въ греческомъ правительствѣ лицъ, — тѣ, съ своей стороны, предлагаютъ англичанамъ конвой изъ жандармовъ, такъ какъ въ окрестностяхъ хотя и спокойно, но все-таки случаются нѣкоторыя шалости. Въ назначенный день компанія отправилась на Мараѳонское поле. Погода стояла превосходная, солнце весело свѣтило, жандармы блестѣли въ новыхъ мундирахъ, все шло хорошо, туристамъ все улыбалось, — вотъ и Мараѳонское поле близко, и наши путешественники уже заговорили объ историческихъ воспоминаніяхъ, о воинахъ Мильтіада, какъ вдругъ со всѣхъ сторонъ веселаго общества выходятъ какіе-то странные люди, съ пистолетами въ рукахъ и острыми ножами въ зубахъ — это тоже древніе воины, но только не воины Мильтіада, — это просто греческіе бандиты. Жан-

дармы, какъ увидали бандитовъ, пустились-было въ перестрѣлку, но такъ какъ разбойники отвѣчали тѣмъ же и продолжали приближаться, то почтенные жандармы рѣшились дать поскорѣе тягу, предоставивъ туристовъ на волю Божію, которая и побудила ихъ безпрекословно покориться своей судьбѣ. Одного изъ англичанъ и обѣихъ дамъ бандиты освободили, наказавъ имъ представить выкупъ въ нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ за остальныхъ туристовъ.

Странный фактъ, который мы сейчасъ разсказали, случился недавно, и извѣстіе о немъ, уже обѣжавшее всю Европу, вызвало многіе толки и даже дипломатическія представленія. Какъ,—восклицаютъ англичане и итальянцы—и члены нашего посольства не могутъ быть обезпечены въ Греціи отъ разбойническихъ рукъ, даже если ихъ оберегаютъ королевскіе жандармы! Отчего бы намъ не отправить нѣсколько полковъ съ Мальты на помощь Георгію I — вторитъ имъ лондонская газета «Times». Само аѳинское правительство пришло въ сильный переполохъ и дало отставку военному министру, полковнику Сутцосу, который можетъ быть и не виноватъ вовсе въ нападеніи разбойниковъ, хотя въ исторіи Греціи бывало, что и министры входили въ прямыя сношенія съ бандитами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и въ данномъ случаѣ нападеніе на туристовъ задумано было не на Мараѳонскомъ полѣ, а гдѣ-нибудь въ Аѳинахъ, даже на площади передъ королевскимъ дворцомъ. Разбойничество, захватъ богатыхъ людей, выкупъ — все это явленія весьма обыкновенныя въ Греціи, — разбойничество сдѣлалось тамъ особенною отраслью промышленности, оно хорошо организовано и пользуется довольно широкою популярностью. Если это печальное явленіе возбудило къ себѣ всеобщее вниманіе Европы только теперь, то лишь благодаря такому необыкновенному факту, какъ захватъ секретарей посольствъ: если секретарей захватываютъ, то могутъ захватить и пословъ, да и самъ греческій король не можетъ быть послѣ этого въ полной безопасности. Положимъ, разбойники постараются, въ видахъ на хорошій выкупъ, доставить ему всевозможный комфортъ, но все-таки такая перспектива не особенно утѣшительнаго свойства. Между тѣмъ, случается, напримѣръ, что бандиты иной разъ оставляютъ у себя «на память» наружную часть ушей или добрый кончикъ носа. Случается, что просто убиваютъ плѣнныхъ, если вмѣсто выкупа за разбойниками посылаютъ королевскихъ жандармовъ. Такъ случилось и теперь: преслѣдуемые войсками, бандиты сперва влекли плѣнныхъ за собою, но когда замѣтили, что спасеніе невозможно, хладнокровно перерѣзали всѣхъ англичанъ и итальянца.

Какъ бы то ни было, всматриваясь попристальнѣе въ фактъ существованія разбойничества въ Греціи, мы начинаемъ различать въ немъ что-то знакомое, что-то такое, что̀ встрѣчается нынѣ повсюду, даже въ наиболѣе цивилизованныхъ государствахъ Европы. Не гово-

римъ о нѣсколькихъ корреспонденціяхъ изъ нашихъ губерній, гдѣ вы навѣрное наткнетесь на какой-нибудь варварскій грабежъ гдѣ-нибудь въ сельскомъ захолустьѣ. А что̀ такое бандитизмъ въ южной Италіи? а ужасныя убійства въ Ирландіи?... Газета «Times», конечно, и туда послала бы нѣсколько полковъ съ Мальты, но пошлютъ ли эти полки— вотъ вопросъ.

Разбойничество въ Греціи—это есть война бѣдныхъ, голодныхъ людей противъ богатыхъ и довольныхъ, — это та самая болѣзненная язва, которая въ болѣе цивилизованныхъ государствахъ носитъ названіе «пауперизма», переходящаго по временамъ въ гарротёрство, какъ на лондонскихъ улицахъ, или въ истребленіе помѣщиковъ, какъ въ сельскихъ округахъ Ирландіи. Разбойничество хорошо организованное возможно только въ странахъ, гдѣ масса населенія принадлежитъ къ сельскому сословію, гдѣ есть высокія горы и дремучіе лѣса, гдѣ мало проложено дорогъ и гдѣ ручьи и рѣчки еще не осѣдланы мостами, гдѣ внутренняя торговля почти не существуетъ, гдѣ на крестьянъ смотрятъ лишь какъ на источникъ государственныхъ доходовъ и рекрутскихъ наборовъ. Дикая природа — дикіе нравы; отчужденность отъ образованныхъ классовъ, скудная простота жизни, невѣжественное отношеніе ко всему окружающему, суевѣрія и предразсудки — вотъ гдѣ корень пренебреженія какъ къ своей собственной жизни, такъ и къ чужой; рекрутскій наборъ и подати доставляютъ обильный матеріалъ для нравственнаго ожесточенія противъ всего общественнаго строя, въ которомъ одни богатые избавлены отъ рекрутчины и имѣютъ всякую возможность свободно наслаждаться всѣмъ, что̀ создала въ продолженіи безчисленныхъ вѣковъ человѣческая страсть къ роскоши. Разбойники—это удалые, энергическіе люди изъ крестьянскаго сословія, смутно понимающіе несправедливость угнетеннаго состоянія крестьянъ, ожесточенные лишь отдѣльными фактами бюрократическаго насилія. Весь экономическій, соціальный вопросъ съуживается въ ихъ умахъ, въ образѣ такого-то и такого-то богача, наслаждающагося всѣми благами жизни подлѣ такой-то деревни, гдѣ воспитывался въ горѣ и нуждѣ самъ будущій бандитъ; — дальше такого представленія бѣдный человѣкъ не идетъ, но это представленіе столь жестоко и сильно мучитъ и раздражаетъ его, что малѣйшая личная обида со стороны установленныхъ властей можетъ бросить его въ ряды разбойничьей шайки. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что прежде чѣмъ идти въ банду, онъ не разъ сообщитъ землякамъ свои злыя мысли о несправедливости отношеній между богатыми и бѣдными людьми, и несомнѣнно также, что въ землянкахъ эти мысли не встрѣчали почти никакихъ возраженій,—напротивъ, иногда имъ даже сочувствовали, и это сочувствіе возбуждало и укрѣпляло въ душѣ голоднаго бѣдняка желаніе мести, которое затѣмъ переходило и въ

дѣйствіе, такъ какъ форма мстительной дѣятельности—разбойничество—была уже давно отлита и господствовала съ незапамятныхъ временъ.

Пропаганда разбойнической мести надъ богатыми идетъ тѣмъ успѣшнѣе среди крестьянскаго сословія, чѣмъ сильнѣе отдѣлено оно отъ другихъ общественныхъ классовъ, и такъ какъ эта пропаганда проходитъ передъ крестьяниномъ въ продолженіи всей его жизни, то въ простыхъ, но одушевленныхъ разсказахъ о подвигахъ той или другой разбойничьей шайки, то въ дѣйствительныхъ фактахъ кровавой расправы съ богатыми людьми или съ тѣми крестьянами, которые стояли на сторонѣ общественнаго порядка и сельской безопасности,—такъ какъ онъ постоянно имѣетъ лишь одинъ общественный интересъ, выходящій изъ круга обычной деревенской жизни, и этотъ интересъ—разбойничество, его успѣхи и неудачи, то не трудно понять, что въ крестьянинѣ можетъ возникнуть мистическое отношеніе къ подвигамъ бандитизма,—одно слово: «разбойникъ» будетъ возбуждать въ немъ и благоговѣйный страхъ, и благоговѣйное сочувствіе. Всѣ проницательные путешественники по такимъ странамъ, гдѣ господствуетъ вѣковое разбойничество, свидѣтельствуютъ о томъ, что тамошніе поселяне дѣйствительно не то сочувствуютъ разбойникамъ, не то боятся ихъ. Въ этомъ-то настроеніи и заключается главная причина процвѣтанія разбойничества и спасенія разбойническихъ шаекъ отъ преслѣдованія войска.

Въ Греціи бандитизмъ принялъ, кажется, уже такіе размѣры, что и сами жандармы состоятъ изъ бандитовъ, ибо чѣмъ же объяснить ихъ постыдное бѣгство въ описываемомъ нами случаѣ? Въ неаполитанскомъ королевствѣ въ старыя времена сами короли заключали союзные договоры съ бандитами въ случаяхъ вторженія непріятельской арміи. Впрочемъ, при королѣ Оттонѣ и въ Греціи министры не разъ пользовались содѣйствіемъ разбойниковъ во время выборовъ въ законодательное собраніе. Даже при нынѣшнемъ королѣ, аѳинская «буле» во время своихъ преній, не разъ представляла такія рѣчи первыхъ министровъ и вождей оппозиціи, изъ которыхъ очевидно, что если обѣ стороны и не вступаютъ въ союзы съ бандитизмомъ, то во всякомъ случаѣ имѣютъ основанія подозрѣвать другъ друга въ подобныхъ союзахъ. Разбойничество, однимъ словомъ, явленіе весьма обыкновенное въ Греціи, и всѣ ихъ подвиги считаются въ Аѳинахъ чуть ли неотъемлемою частью самой общественной жизни: въ С.-Петербургѣ аѳинскій грекъ чувствовалъ бы себя крайне неловко, не слыша вовсе о захватахъ и выкупѣ то одного, то другого богатаго человѣка: въ томъ-то и заключается печальная сторона соціальнаго вопроса, что богатые люди относятся къ своему положенію съ крайнею безпечностью и скорѣе сживаются съ мыслью даже объ опасности ихъ собственной жизни, чѣмъ съ мыслью о необходимости такъ переустроить

общественный бытъ, чтобы богатство въ немъ перестало служить предметомъ грабительской зависти въ невѣжественныхъ странахъ, или революціоннаго ожесточенія въ странахъ значительно цивилизованныхъ.

Посмотримъ теперь, какія такія соціальныя и юридическія формы обусловливаютъ въ Греціи столь печальное явленіе, какъ организованное разбойничество. Слѣпые защитники эллинскаго племени и эллинскаго правленія увѣряютъ всѣми правдами и неправдами, что племя и религія тутъ ни при чемъ, что главная причина разбойничествъ заключается въ томъ турецкомъ и мусульманскомъ игѣ, которое тяготѣло надъ Греціею многіе вѣка; но со времени основанія независимаго греческаго королевства прошелъ періодъ двухъ поколѣній, и отчего же разбойничество не только не ослабѣло, но еще дошло до такой дерзости, что стало захватывать даже иностранныхъ представителей коронованныхъ особъ? Греческое племя, слѣдовательно, и при полной свободѣ православія, является такимъ же способнымъ къ подвигамъ бандитовъ, какъ и во время мусульманскаго владычества. Что война съ турками за независимость способствовала развитію разбойничества — въ этомъ сомнѣваться едвали возможно; она способствовала двоякимъ образомъ: возбужденіемъ въ массѣ невѣжественнаго населенія дѣятельнаго протеста противъ общественныхъ несправедливостей, и такимъ разореніемъ земледѣльческихъ классовъ, слѣды котораго видны до сихъ поръ. Само освобожденіе, произведенное при помощи иностранныхъ державъ, не дало тѣхъ благотворныхъ результатовъ, какіе мы видимъ въ странахъ, освободившихся изъ-подъ чужеземнаго ига по собственному почину и собственными силами, напримѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ. Покровительствующія державы не только не дали греческому народу устроить свои дѣла посвоему, но сами, совершенно непрошенныя, создали въ Греціи такой порядокъ вещей, отъ дурныхъ послѣдствій котораго греки не могли избавиться даже посредствомъ революціи, изгнавшей изъ Аѳинъ полу-идіота короля, навязаннаго греческому народу иностранными державами. Баварцы, пріѣхавшіе въ Грецію съ королемъ Оттономъ, оставили почти всѣ дурныя стороны турецкаго управленія въ прежнемъ состояніи; какъ люди, воспитавшіеся въ бюрократической школѣ Германскаго Союза, они усердно занялись истребленіемъ всѣхъ формъ самоуправленія, спокойно существовавшихъ во времена турецкаго владычества; — въ нынѣшней Греціи централизація доведена до послѣднихъ предѣловъ, хотя далеко не въ той полированной формѣ, какъ во Франціи. Правительство обѣщалось строить мосты, возложивъ на крестьянъ всю остальную дорожную повинность, но мосты оставались лишь проектами на бумагѣ, и всѣ крестьянскія работы оказались просто Сизифовымъ трудомъ. Рекрутская повинность легла всею своею тягостью на тѣхъ же крестьянъ, а къ чему нужны были Греціи солдаты? правительство не спраши-

вало, хотя независимость Греціи обезпечивается и въ настоящее время могущественною силою покровительствующихъ державъ: Россіи, Англіи и Франціи. Армія простиралась до 15 — 20 тысячъ человѣкъ и уносила въ себя цѣлую треть всѣхъ государственныхъ доходовъ; — такое положеніе вещей, впрочемъ, существуетъ и въ настоящее время: цѣлые милліоны драхмъ тратятся на содержаніе жандармовъ, которые при первой опасности превосходно показываютъ хвосты и копыта своихъ лошадей. Народныхъ школъ почти нѣтъ. Только одна седьмая часть земной поверхности Греціи находится въ обработкѣ; остальныя шесть частей, хотя къ земледѣлію по бо̀льшей части весьма пригодны, остаются заброшенными, составляя неприкосновенную собственность казны или разныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, играющихъ здѣсь роль собаки на сѣнѣ, несмотря на то, что жатвы хлѣба никогда не бываютъ столь обильны, чтобы накормить все населеніе Греціи: значительную долю ежегоднаго потребленія хлѣба составляетъ хлѣбъ, привозимый въ Грецію изъ Одессы. Рѣдкій крестьянинъ имѣетъ собственный кусокъ земли; громадное большинство крестьянъ сидитъ на государственной землѣ, многіе обработываютъ помѣщичьи поля по половинной системѣ, при чемъ помѣщикъ обязанъ давать избу, земледѣльческія орудія и сѣмена. Чуть-ли не самымъ главнымъ собственникомъ греческой земли является духовенство, которое, поэтому, размножилось до невѣроятной степени: въ одной провинціи Мореѣ, въ 1863 году, поповъ и монаховъ считалось 2,680 человѣкъ, то-есть они составляли почти одну пятую часть всего населенія; — вотъ уже гдѣ подлинно долженъ бы былъ возникнуть настоящій рай, но тамъ-то какъ разъ и свирѣпствуетъ разбойничество. Цифра крестьянскаго населенія возрастаетъ лишь весьма слабо.

Но самымъ вреднымъ орудіемъ для благосостоянія Греціи оказывается такъ-называемый десятинный налогъ съ произведеній земли, а именно система сбора этого налога. Вотъ какъ описываетъ ее аѳинскій корреспондентъ газеты «Times», отъ 16-го февраля:—«Какъ только золотистый цвѣтъ жатвъ начинаетъ радовать сердце сельскаго хозяина, вся его жизнь становится крайне жалкою вслѣдствіе того, что онъ лишается всякой власти надъ своимъ хлѣбомъ. Правительство имѣетъ право лишь на десятую часть произведеній (въ качествѣ поземельнаго налога), но въ силу этого самаго права сборщикъ податей становится распорядителемъ всей жатвы, пока не будетъ отмѣрена десятина. Земледѣлецъ не имѣетъ права, безъ дозволенія сборщика, даже снять свой хлѣбъ. Сжатые снопы онъ не смѣетъ увезть въ свою ригу, но долженъ доставить ихъ въ открытое гумно,—здѣсь ему нужно получить новое дозволеніе, чтобы смолотить привезенный хлѣбъ. Ввести въ дѣло молотилки сборщики податей не позволяютъ. Самымъ замѣчательнымъ прогрессомъ въ здѣшней земледѣльческой промышлен-

ности оказывается лишь то, что греческій и албанскій крестьянинъ не подлежатъ законамъ Моисея въ ихъ обращеніи съ домашнимъ животными, когда онъ молотитъ зерно. Вѣяніе производится здѣсь при помощи Этезійскихъ вѣтровъ, подбрасываніемъ въ воздухъ, посредствомъ деревянной лопаты, окрошекъ, соломы, мякины и зеренъ. По окончаніи этой грубой и утомительной операціи подъ палящимъ лучемъ іюльскаго солнца, онъ получаетъ, наконецъ, третье дозволеніе—отмѣрить правительству требуемый десятинный налогъ, и только потомъ земледѣлецъ пріобрѣтаетъ наконецъ право увезть въ свою ригу все, что уцѣлѣло отъ птицъ и мышей, обильно продовольствовавшихся его жатвою въ продолженіи цѣлыхъ шести недѣль. Разсчитываютъ, что эта операція убавляетъ урожай пшеницы на 10 процентовъ, такъ что крестьянинъ лишается ежегодно по крайней мѣрѣ 20 процентовъ своего урожая на одну лишь уплату поземельнаго налога. Еще бо́льшее зло этой системы налога состоитъ въ томъ, что она препятствуетъ введенію въ крестьянское хозяйство раннихъ посѣвовъ и удерживаетъ его на обработкѣ хлѣбовъ низшаго сорта. Очевидно также, что при этой системѣ только отличныя земли, или находящіяся вблизи хорошаго рынка могутъ вполнѣ вознаграждать земледѣльческій трудъ». Кромѣ явнаго ущерба земледѣлію, поземельный налогъ въ Греціи способствуетъ поддержанію зависимости крестьянъ отъ всякихъ лихоимцевъ, служащихъ сборщиками налога; нѣтъ никакого сомнѣнія, что за каждое изъ трехъ дозволеній, описанныхъ корреспондентомъ, крестьянинъ вноситъ хорошую взятку, такъ какъ малѣйшее промедленіе въ упомянутыхъ сельскихъ работахъ можетъ наносить громадные убытки. Можно полагать, что 20 процентовъ, высчитанныхъ корреспондентомъ, представляютъ далеко не всѣ постороннія издержки, съ которыми связано для греческихъ крестьянъ ихъ единственное дѣло.

Корреспондентъ «Times» увѣренъ, что въ этомъ налогѣ заключается главная причина всѣхъ бѣдствій нынѣшней Греціи, такъ какъ отъ хлѣбныхъ операцій находится въ прямой зависимости почти три четверти всего тамошняго населенія; и онъ предлагаетъ даже проектъ полнаго уничтоженія налога, который даетъ теперь одну пятую часть всей суммы государственныхъ доходовъ, то-есть 6 милліоновъ драхмъ [1]). Мы не сомнѣваемся, что этотъ налогъ дѣйствительно составляетъ одну изъ главныхъ причинъ не только дурного земледѣлія въ Греціи, но и несомнѣннаго спутника бѣдственнаго положенія сельскихъ классовъ—разбойничества. Однако ожидать отъ нынѣшняго правительства Греціи такой радикальной мѣры, о которой мечтаетъ корреспондентъ «Times», едва-ли возможно. Греческое правительство, насколько можно судить по всей его дѣятельности съ

---

[1]) Драхма около 25 копѣекъ на наши деньги.

1863 года, не имѣетъ опредѣленной системы управленія, что ясно уже изъ одного факта министерскихъ перемѣнъ, которыхъ состоялось, впродолженіи семилѣтняго царствованія, 25! До какой удивительной безтактности доходитъ правительство въ разныхъ даже мелкихъ дѣлахъ, можетъ служить желаніе представить на барельефѣ монументъ предположеннаго воздвигнуть въ честь 50-лѣтняго юбилея греческой независимости, высадку короля Оттона на греческую землю: греческій народъ изгналъ Оттона для того, чтобы избрать въ короли болѣе способнаго человѣка, какого онъ надѣялся найти въ Георгіѣ I, и при Георгіѣ ставятъ появленіе Оттона въ Грецію въ число великихъ событій исторіи греческаго народа! Положимъ, что для постороннихъ, рѣшительно все равно, еслибы на юбилейномъ монументѣ греческой независимости была бы представлена даже какая-нибудь радостная аллегорія о турецкомъ владычествѣ надъ Греціею, но въ Аѳинахъ и вообще вездѣ въ Греціи, гдѣ еще не забыли изгнанія короля Оттона, подобный фактъ можетъ возбуждать лишь сильное неудовольствіе. Потому можно сомнѣваться, чтобы греческое правительство научилось государственной мудрости вслѣдствіе какихъ-нибудь дипломатическихъ представленій или отзыва посланника изъ Аѳинъ, какъ это сдѣлало англійское правительство по поводу убіенія секретаря его посольства въ Аѳинахъ. Въ фактѣ похищенія и убіенія туристовъ Англія пожинаетъ теперь лишь то, что сама посѣяла въ Греціи лѣтъ сорокъ тому назадъ. Всякія власти дѣйствуютъ гораздо согласнѣе съ требованіями своего народа, когда ихъ предоставляютъ самимъ себѣ, на полную и прямую отвѣтственность передъ собственнымъ народомъ, когда власти знаютъ, что никакая иностранная помощь не придетъ охранять ихъ отъ справедливой мести раздраженнаго ими населенія. Греція вовсе не такая варварская страна, которая вовсе не знаетъ, что́ значитъ цивилизація, но она не можетъ уйти вся въ быстрый потокъ цивилизаціи, до тѣхъ поръ, пока ея не предоставятъ самой себѣ, собственному разуму и собственному «безумію».

Напрасно европейская дипломатія озабочивается теперь мыслью, какимъ образомъ уничтожить въ Греціи разбои; ей слѣдуетъ подумать о мѣрахъ противъ себя: не эта-ли самая дипломатія еще недавно связывала грекамъ руки, когда они, во время кандійскаго возстанія, попытались выступить взрослыми людьми. Однимъ словомъ, если разбои въ Греціи порождены внутреннимъ дурнымъ хозяйствомъ, то съ другой стороны, этими разбоями несчастная Греція обязана не мало и европейской дипломатіи.

Дипломатическое неудовольствіе Англіи останется, по всей вѣроятности, безъ всякихъ серьезныхъ для Греціи послѣдствій: жизни убитымъ оно не воротитъ, внутренней политики греческаго правительства не измѣнитъ, однимъ словомъ—если достигнетъ чего-нибудь,

то развѣ вознагражденія въ пользу родственниковъ погибшихъ англичанъ, да смертной казни всѣхъ разбойниковъ, участвовавшихъ въ поимкѣ и умерщвленіи секретаря англійскаго посольства. Подобное торжество дипломатіи едва ли можетъ возбудить восторгъ въ сердцахъ англійской націи.

Между тѣмъ, англійская нація, хотя несомнѣнно встревоженная печальною участью одного изъ своихъ представителей въ Греціи, гораздо внимательнѣе слѣдитъ за извѣстіями изъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ теперь идутъ пренія о таможенномъ тарифѣ и появилась интересная статья генерала Адама Бэдью (Badew), адъютанта и личнаго друга президента Гранта, подъ заглавіемъ: «Наши отношенія къ Англіи». Статья эта перепечатана въ мартовской книжкѣ лондонскаго журнала «Macmillan's Magazine». Объ американскомъ таможенномъ тарифѣ мы поговоримъ, когда пренія, возбужденныя о немъ въ вашингтонскомъ конгрессѣ, придутъ къ благополучному концу. Теперь же коснемся дипломатической распри между Англіею и Америкою по поводу косвеннаго участія Англіи въ междоусобной войнѣ сѣверныхъ Штатовъ съ южными. Статья генерала Бэдью тѣмъ особенно важна, что она представляетъ возможность окончательнаго примиренія между Соединенными Штатами и Англіею. Пробывъ послѣдніе четыре мѣсяца въ Англіи, генералъ приходитъ, на основаніи своихъ личныхъ наблюденій въ англійскомъ обществѣ, къ тому заключенію, что теперь наступилъ удобный моментъ для примиренія, и что для этой цѣли нужно со стороны Англіи лишь признаніе своей несправедливой оплошности въ дозволеніи «Алабамѣ» и другимъ конфедеративнымъ крейсерамъ выйти въ открытое море. Эта оплошность дѣйствительно существовала, и потому требованіе признанія ея не заключаетъ въ себѣ ничего ни безразсуднаго, ни дерзкаго со стороны Америки. Бэдью находитъ, что и Америка и Англія настроены въ настоящую минуту весьма миролюбиво, и что именно теперь есть «особенныя причины», почему этимъ обѣимъ державамъ не слѣдуетъ оставаться въ натянутомъ положеніи. «Онѣ обѣ стоятъ во главѣ современнаго прогресса. Въ Америкѣ устранено крупное препятствіе, черное пятно свободы; послѣ дикой борьбы, она снова теперь представляется путеводною звѣздою для всѣхъ чужестранцевъ, которые интересуются свободою и развитіемъ человѣческихъ правъ. Въ Англіи идетъ безпрестанно впередъ безшумная революція, — съ каждымъ днемъ бѣдные люди пріобрѣтаютъ тамъ все больше подпоры, положеніе ихъ улучшается, ихъ привилегіи расширяются, различіе между сословіями исчезаетъ, нація дѣйствительно становится все демократичнѣе... Во главѣ управленія находится либеральная партія—тѣ самые люди, которые были всегда друзьями Соединенныхъ Штатовъ. Герцогъ Аргайль, графъ Грэнвилль,

графъ Кимберли, Джонъ Брайтъ, Уилліамъ Форстеръ были стойкими защитниками Союза въ продолженіи всей войны». Ту же самую либеральную партію видитъ генералъ у кормила правленія и въ Соединенныхъ Штатахъ, и потому не замѣчаетъ причинъ, почему бы обѣ стороны не могли съ полнымъ взаимнымъ довѣріемъ взяться за дѣло примиренія. Столь авторитетное заявленіе стóитъ того, чтобы на него обратить вниманіе, тѣмъ болѣе, что интересы цивилизаціи, развитіе свободы и благосостоянія всѣхъ народовъ могутъ значительно пострадать отъ военнаго столкновенія такихъ державъ, какъ Англія и Соединенные Штаты. Можно съ нѣкоторою положительностью утверждать, что мнѣнія генерала Бэдью раздѣляются самимъ Грантомъ, а это очень много значитъ при той широкой популярности, которою пользуется въ Америкѣ нынѣшній президентъ не только среди республиканской партіи, но отчасти и среди «демократовъ», которые благоволятъ къ нему за то, что онъ способствовалъ полному возстановленію Южныхъ Штатовъ въ конгрессномъ представительствѣ, безъ ущерба достоинству Южныхъ Штатовъ, а также за хорошее управленіе финансами, честь котораго, впрочемъ, слѣдовало бы приписать скорѣе министру финансовъ, Боутвеллю, чѣмъ самому Гранту. Это управленіе совершается, вообще говоря, до того блистательно, что возбуждаетъ зависть даже въ Англіи, гдѣ тоже финансы находятся въ отличномъ порядкѣ.

Изъ рѣчи, произнесенной канцлеромъ казначейства Лоу (Lowe) въ палатѣ общинъ, 11-го апрѣля, когда онъ представлялъ бюджетъ на будущій финансовый годъ, очевидно, что Англія въ послѣднія четырнадцать лѣтъ, со времени окончанія крымской кампаніи, успѣла уменьшить свой государственный долгъ на 60 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ [1]) и пріобрѣсти въ государственную собственность телеграфы (чтó обошлось ей въ 7 милліоновъ фунтовъ), которые стали уже приносить чистый годовой доходъ въ нѣсколько сотъ тысячъ фунтовъ. Въ нынѣшней смѣтѣ расходы на армію и флотъ снова уменьшены слишкомъ на 900 тысячъ фунтовъ (весь расходъ на эти обѣ отрасли военнаго дѣла простирался на 24 милліона фунтовъ). Государственныя смѣты на будущій годъ представляютъ избытки доходовъ надъ расходами въ 4,487,000 фунтовъ, лишь незначительную часть которыхъ — 331 тысячу — министръ просилъ оставить въ резервѣ; остальные милліоны фунтовъ предположено употребить на небольшую операцію для уменьшенія государственнаго долга и на отмѣну и сокращеніе нѣкоторыхъ налоговъ: уменьшается на-половину сборъ таможенныхъ пошлинъ съ сахара, уменьшается на одинъ пенсъ ($2^3/_8$

[1]) Фунтъ стерлинговъ равняется 6 руб. 25 копѣйкамъ на наши деньги.

копѣйки) пяти-пенсовый (съ каждаго фунта) подоходный налогъ, отмѣняется окончательно штемпельная пошлина съ газетъ и убавляется на-половину (то-есть, до полупенса) почтовый сборъ за пересылку всѣхъ газетъ, листъ которыхъ не превышаетъ по вѣсу 14½ лотовъ;—отмѣнены еще другіе болѣе мелкіе налоги. На сахаръ отдѣлено изъ избытка 2,350,000 фунтовъ, на пенсъ подоходнаго налога 1,250,000 фунтовъ, на облегченіе и распространеніе печатнаго слова до 200 тысячъ фунтовъ. Многіе члены парламента, особенно радикальной стороны его, упрекали министра за напрасное пониженіе подоходнаго налога, иные изъ нихъ даже заявляли желаніе повысить этотъ налогъ до семи пенсовъ съ фунта, чтобы полученною изъ этого источника суммою государственныхъ доходовъ произвести широкую операцію погашенія государственнаго долга, или уменьшить нѣкоторыя пошлины, лежащія тяжкимъ бременемъ на бѣдныхъ классахъ. Но Лоу старался увѣрить палату, что его распредѣленіе «избытка» лучше требуемаго радикалами;—послѣдніе, впрочемъ, не требовали пустить ихъ предложеніе на голоса, даже не формулировали своего требованія.

Менѣе успѣшно боролось министерство 29-го марта противъ предложенія консерватора Ньюдегэта о назначеніи особой парламентской коммиссіи для осмотра всѣхъ монастырскихъ учрежденій въ Соединенномъ-Королевствѣ, а также для опредѣленія условій, на которыхъ они могутъ владѣть имуществами, находящимися теперь въ ихъ распоряженіи. Генеральный солиситоръ убѣждалъ палату общинъ отвергнуть предложеніе Ньюдегэта, но при голосованіи *за* предложеніе оказалось 131 голосъ, а *противъ* только 129. Этотъ парламентскій фактъ произвелъ сильную бурю среди лицъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, которыя увидѣли въ парламентскомъ осмотрѣ монастырей посягательство на независимость ихъ религіи. Они знать не хотѣли, что въ послѣднее время англійскіе суды нѣсколько разъ были свидѣтелями споровъ начальствъ монастырей съ монахами и монахинями, и что изъ этихъ споровъ оказалось, что въ нѣкоторыхъ монастыряхъ «дисциплина» надъ монахинями была такого свойства, противъ которой не могли не возмущаться всѣ свободные люди, особенно въ такой странѣ, какова Англія. Католики хлопотали лишь о томъ, какъ бы устранить непріятное для нихъ рѣшеніе палаты общинъ по предложенію Ньюдегэта, они собирали множество сходокъ во всѣхъ частяхъ королевства изъ всѣхъ классовъ общества, и громко протестовали противъ религіознаго «насилія», но эти сходки не могутъ кассировать парламентскаго рѣшенія, и если побудятъ правительство къ чему-либо по этому вопросу, то развѣ къ назначенію, вмѣсто парламентской коммиссіи, коммиссіи королевской. Разница между этими коммиссіями та, что въ первую изъ нихъ назначаются лишь члены

парламента по назначенію самой палаты общинъ, между тѣмъ какъ послѣдняя составляется самимъ правительствомъ и не изъ членовъ парламента только, но также изъ другихъ компетентныхъ лицъ всѣхъ партій. Такъ какъ въ парламентѣ католиковъ весьма мало, то парламентская коммисія могла бы быть составлена палатою общинъ изъ однихъ лишь протестантовъ; въ королевской же коммиссіи нѣсколько членовъ непремѣнно будутъ католики. Королевскую коммиссію, поэтому, нельзя будетъ обвинить въ пристрастіи. Нѣкоторые органы католицизма заявили уже, что они будутъ довольны королевской коммиссіею. Агитація тѣмъ не менѣе продолжается, — ожесточенію ея много способствуетъ протестантскій фанатикъ Морфи, какъ разъ теперь начавшій снова свои проповѣди противъ католицизма. Вездѣ, куда бы онъ ни появлялся, между протестантами и католиками непремѣнно возгарается драка и страдаютъ отъ пущенныхъ камней стекла въ церковныхъ рамахъ. Въ Гринвичѣ лекціи Морфи оберегались не только полиціею, но и солдатами. Одинъ особенно ревностный католикъ все же улучилъ удобную минуту и отпустилъ пару пощечинъ Морфи, но полиція захватила буяна, и его приговорили къ тяжкимъ работамъ на одинъ мѣсяцъ.

Въ Ирландіи стало гораздо тише съ тѣхъ поръ, какъ сталъ тамъ дѣйствовать новый законъ, направленный противъ аграрныхъ злодѣйствъ. Этотъ законъ уполномочиваетъ мѣстныя власти захватывать всѣхъ подозрительныхъ лицъ и судить ихъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, а также захватывать всѣ нумера газетъ, въ которыхъ напечатано что-нибудь такое, чтó могло бы способствовать упроченію дурныхъ отношеній между земледѣльцами и землевладѣльцами; — газетамъ, впрочемъ, предоставляется право доказывать передъ судомъ присяжныхъ несправедливость правительственнаго ареста, и если присяжные вынесутъ оправдательный приговоръ, издатель можетъ потребовать и получить приличное вознагражденіе за всѣ проторы и убытки тоже по оцѣнкѣ присяжныхъ. До сихъ поръ, въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, не захвачено ни одного нумера, хотя городскія газеты продолжали по прежнему, но въ болѣе мягкой формѣ, агитировать даже въ пользу отдѣленія Ирландіи отъ Англіи.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ событій въ современной Европѣ является новый министерскій кризисъ въ Австріи, начавшійся съ выхода министра Гискры изъ послѣдняго кабинета и окончившійся полнымъ паденіемъ конституціонной дѣятельности въ вѣнскомъ парламентѣ. Первый кризисъ, происходившій три мѣсяца тому назадъ, кончился побѣдою нѣмецкой партіи; нынѣшній кризисъ вызываетъ на министерскія мѣста приверженцевъ федеративной системы. Во главѣ но-

ваго министерства поставленъ графъ Потоцкій, бывшій министромъ земледѣлія въ кабинетѣ графа Таафе и вмѣстѣ съ Таафе и Бергеромъ вышедшій въ отставку. Графъ Таафе тоже входитъ въ составъ новаго кабинета, въ качествѣ министра военныхъ дѣлъ. Въ числѣ другихъ лицъ, уже принявшихъ предложеніе, называютъ Чабушнигга, депутата крайней лѣвой стороны, которому поручается портфель министерства внутреннихъ дѣлъ, и австрійскаго итальянца Депретиса, которому ввѣряютъ управленіе финансами. Потоцкій употреблялъ всѣ свои усилія на то, чтобы въ новомъ кабинетѣ занялъ видное мѣсто вождь лѣвой стороны вѣнскаго парламента, Рехбауеръ, но послѣдній представилъ такую программу, которую новые министры никакъ не могли принять во всѣхъ подробностяхъ, хотя въ принципѣ и важнѣйшихъ чертахъ ея были совершенно согласны. Рехбауеръ требовалъ удовлетворенія по тремъ пунктамъ. Нужно, прежде всего, преобразовать весь парламентъ, какъ нижнюю палату его, такъ и верхнюю, — нужно, чтобы члены нижней палаты избирались не мѣстными сеймами, какъ теперь, а путемъ непосредственнаго избранія и притомъ поголовною подачею голосовъ, а не искусственными группами шмерлинговой сословной системы; верхняя же палата парламента должна служить, какъ въ вашингтонскомъ конгрессѣ, представительницею федеративнаго строя въ государствѣ, то-есть, состоять по ровному числу членовъ изъ каждой отдѣльной области Цислейтаніи. Въ планѣ этомъ нѣтъ ничего новаго, такъ какъ его предлагали еще въ 1849 году, въ кремзирскомъ парламентѣ, и графъ Потоцкій принималъ его вполнѣ. Вторымъ условіемъ своего вступленія въ министерство Рехбауеръ ставилъ вполнѣ либеральное разрѣшеніе всѣхъ остальныхъ вопросовъ, необходимыхъ для дополненія конституціонныхъ перемѣнъ, происшедшихъ въ послѣднее время въ Австріи, то-есть, онъ требовалъ полной отмѣны конкордата съ папскимъ дворомъ; — и въ этомъ пунктѣ графъ Потоцкій шелъ на соглашеніе съ Рехбауеромъ. Третьимъ условіемъ Рехбауера было требованіе сокращенія государственныхъ расходовъ, особенно по смѣтамъ военнаго министерства. Потоцкій и въ этомъ вопросѣ держался не слишкомъ упорно, но онъ требовалъ, чтобы Рехбауеръ не ставилъ опредѣленныхъ положеній по этому вопросу,—Рехбауеръ, напротивъ, объявилъ, что онъ не вступитъ въ министерство до тѣхъ поръ, пока императоръ не подпишетъ всѣхъ его требованій; ясно было, что Рехбауеръ просто не хотѣлъ вступить въ новое министерство, и переговоры между нимъ и Потоцкимъ прекратились, хотя, конечно, они могутъ возобновиться еще разъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что отказъ Рехбауера состоялся не по политическимъ причинамъ, но въ силу разныхъ закулисныхъ интригъ, которыя ведутъ теперь нѣмецкіе депутаты, сильно раздраженные пол-

нымъ фіаско своей централистской политики. До какой степени эти люди проникнуты узкимъ эгоизмомъ, лучше всего показываетъ слѣдующій случай съ однимъ изъ вождей нѣмецкой партіи Кайзерфельдомъ, тоже считающимся крайнимъ нѣмецкимъ либераломъ. Когда между Рехбауеромъ и Потоцкимъ шли переговоры о составѣ и программѣ новаго министерства, оба они обратились къ Кайзерфельду съ просьбою принять участіе въ ихъ переговорахъ, — послѣдній объявилъ имъ, что ему некогда, такъ какъ ему предстоитъ завтра произнесть въ палатѣ заключительную рѣчь (Кайзерфельдъ былъ предсѣдателемъ палаты); но Кайзерфельдъ, въ своей заключительной рѣчи, высказывается какъ разъ въ пользу прошлаго министерства и дѣлаетъ недвусмысленные намеки на мнимое ренегатство Рехбауера. Если такова политическая честность и прямота вождей самой либеральной части нѣмецкой партіи, то легко себѣ представить, какой хаосъ въ головѣ и сердцѣ существуетъ у австрійскихъ нѣмцевъ мѐньшаго калибра. Впрочемъ, политическое безсиліе и шаткость убѣжденій можно принять за отличительный признакъ всѣхъ партій и національностей въ Австріи: всѣ онѣ крѣпки и непримиримы только въ то время, когда состоятъ въ оппозиціи, да это, впрочемъ, не такъ и трудно—нужно только безпрестанно говорить: «нѣтъ».

Разложеніе партій не обѣщаетъ ничего хорошаго для Австріи, для государственной идеи о совокупномъ существованіи всѣхъ земель, находящихся подъ скипетромъ габсбургскаго дома. Если этому министерству не удастся составить что-либо прочное и незыблемое, то едвали можно сомнѣваться въ томъ, что въ австрійскихъ земляхъ снова установится абсолютистская система. Уже теперь среди прежнихъ нѣмецкихъ либераловъ раздаются отъ времени до времени голоса въ пользу «просвѣщеннаго деспотизма» (aufgeklaerter Despotismus), но что́ же будетъ, когда новое министерство пойдетъ еще дальше по пути либеральныхъ мѣръ и дастъ жизнь всѣмъ національностямъ? Нѣмецкіе либералы и такъ устали, а тутъ вдругъ поголовная подача голосовъ или превращеніе верхней палаты въ американскій сенатъ; послѣднее доведетъ аристократовъ и клерикаловъ до самаго отчаяннаго раздраженія, а въ поголовной подачѣ голосовъ представится имъ прекрасное орудіе для всевозможныхъ манипуляцій на выборахъ; шаткость политическихъ убѣжденій въ противникахъ сдѣлаетъ остальное, и Австрія снова очутится въ реакціи, а отъ такихъ господъ, какъ графы Кламъ-Мартиницъ, Эгбертъ Белькреди, Лео Тунъ и т. п. ожидать *просвѣщеннаго* деспотизма, значитъ рѣшительно не понимать ихъ непріятнаго и несноснаго положенія, значитъ полагать, что они перестали думать о конкордатѣ, несмотря на то, что они постоянно говорятъ о немъ, или перестали мечтать о военной силѣ, когда они только и толкуютъ, что о древности своего происхожденія и необходимости за-

ботъ объ устройствѣ одной лишь арміи. Деспотизмъ, который заведутъ въ странѣ эти аристократы и клерикалы, будетъ старымъ, *австрійскимъ* деспотизмомъ, безъ всякой примѣси просвѣщенія, и само собою разумѣется, что онъ только усилитъ болѣзненный процессъ въ имперіи, которая легко можетъ склониться къ окончательному распаденію или къ полному уничтоженію.

Монархизмъ въ Австріи удержится лишь въ томъ случаѣ, если онъ успѣетъ примирить между собою всѣ національности, всѣ разнообразные слои цивилизаціи, нароставшей самымъ причудливымъ образомъ во всѣхъ частяхъ громадной имперіи, всѣ безчисленные интересы, возникшіе въ различныхъ частяхъ государства съ тѣхъ поръ, какъ желѣзныя дороги, телеграфъ и свобода торговли ввели Австрію въ общій кругъ европейской жизни и пробудили въ разныхъ углахъ ея бойкую торговую и промышленную дѣятельность, о которой прежде, лѣтъ двадцать тому назадъ, никто и не думалъ. Клерикалы и аристократы остались тѣми же реакціонерами: они ничему не научились и ничего не забыли, а прогрессъ между тѣмъ произвелъ въ умахъ другихъ классовъ обществъ весьма широкіе успѣхи и позволяетъ существованіе монархіи въ Австріи лишь подъ условіемъ полной свободы личной и коллективной дѣятельности людей—свобода же всегда была и останется лучшею примирительницею всевозможныхъ интересовъ. О городѣ Вѣнѣ теперь нельзя уже говорить, какъ въ 1848 году, что это резиденція императора, и больше ничего: Вѣна стала центромъ громадныхъ торговыхъ и промышленныхъ сношеній всѣхъ земель, по которымъ протекаетъ Дунай, и, однажды сдѣлавшись такимъ центромъ, она не можетъ отказаться отъ охраненія своего новаго положенія,—она не сдастся безъ самой ожесточенной, отчаянной борьбы, а вѣдь съ нею и за нея выскажется весь средній классъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣмецкихъ земляхъ. Всѣ эти нѣмецкія земли скорѣе уйдутъ, вмѣстѣ съ Вѣною, въ какое-нибудь новое сочетаніе съ остальными частями Германіи, чѣмъ пожертвуютъ своею національною и промышленною независимостію въ пользу удержанія такой имперіи, въ которой нѣмцы будутъ задавлены славянскими племенами. Съ другой стороны, конечно, и славянскія племена не покорятся безъ самаго упорнаго боя всѣмъ эксплуататорскимъ происками Вѣны. Присоедините къ этому возникшій теперь въ Австріи рабочій вопросъ, который окончательно сбиваетъ съ толку всѣхъ тамошнихъ государственныхъ людей,—и вы поймете,—съ какимъ удивительнымъ хаосомъ приходится имѣть дѣло министрамъ, желающимъ спасти имперію посредствомъ либеральныхъ преобразованій: а никакія другія не спасутъ.

Хаосъ продолжаетъ до сихъ поръ царить и въ Испаніи. Погоня за разными кандидатами на королевскій тронъ потерпѣла, какъ кажется,

рѣшительное фіаско. Кандидатовъ было много, но всѣ ихъ права уже сданы въ архивъ: одни сами отказались, другихъ родственники не отпускали, а другихъ забраковали сами испанцы; оставался одинъ герцогъ Монпансье, за котораго крѣпко держалась партія уніонистовъ, имѣвшая въ правительствѣ одного изъ своихъ видныхъ представителей, адмирала Топете. Но и герцогъ Монпансье оказался въ скоромъ времени «невозможнымъ» кандидатомъ: всѣ его попытки попасть въ члены мадридскаго парламента оказались неуспѣшными, но эти неудачи не отнимали надежды на возможность успѣха въ будущемъ, какъ вдругъ одно неожиданное обстоятельство сдѣлало герцога героемъ въ такомъ происшествіи, которое его рѣшительно компрометтируетъ. Донъ Энрико Бурбонскій, убитый на дуели съ герцогомъ Монпансье, имѣлъ у испанцевъ довольно хорошую репутацію въ политическомъ отношеніи, такъ какъ онъ былъ признанъ изгнанною королевою крайне вреднымъ для ея трона человѣкомъ гораздо прежде изгнанія Монпансье. Во всякомъ случаѣ, посадить на королевскій тронъ человѣка, обагреннаго человѣческою кровью, было неудобно, и вся прогрессистская партія (то есть-партія маршала Прима) рѣшительно заявила, что она никакъ не допуститъ передачи герцогу Монпансье королевской власти;—вслѣдъ за такимъ заявленіемъ, которое состоялось по поводу одного финансоваго проекта, адмиралъ Топете подалъ въ отставку, и новое министерство составилось исключительно изъ однихъ прогрессистовъ, сторону которыхъ держатъ, конечно, и республиканцы; уніонисты же вошли въ союзъ, впрочемъ, невольный—съ клерикалами: изабеллистами и карлистами. Послѣдніе дѣлали нѣсколько попытокъ къ возстанію, но всѣ онѣ подавлены; они старались также, при содѣйствіи нѣкоторыхъ непримиримыхъ республиканцевъ, воспользоваться дѣятельнымъ недовольствомъ низшихъ классовъ противъ новаго рекрутскаго набора, но и этотъ революціонный маневръ, хотя вызвалъ кровавыя столкновенія народа съ войсками въ Барселонѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ въ Каталоніи, а также въ Андалузіи, однако окончился полнымъ пораженіемъ противниковъ нынѣшняго порядка вещей. Республиканцы, повидимому, окончательно примиряются съ настоящимъ положеніемъ Испаніи и желаютъ развивать свободу и благосостояніе путемъ одной лишь мирной агитаціи; клубъ ихъ, составившійся въ Мадридѣ, даже издалъ манифестъ противъ барселонскихъ революціонеровъ.

Въ Америкѣ, на островѣ Кубѣ, дѣла испанцевъ тоже поправились и, если вѣрить послѣднимъ извѣстіямъ изъ Мадрида, возстаніе окончательно прекратилось. Несомнѣнно, что возстаніе въ послѣднее время потерпѣло значительныя пораженія, но такъ какъ по американскому телеграфу все еще передаются депеши, въ которыхъ говорятъ о такихъ стычкахъ между правительственными войсками и инсургентами,

въ которыхъ послѣдніе теряютъ по сотнѣ человѣкъ, то можно сомнѣваться въ окончательномъ прекращеніи возстанія — тѣмъ болѣе, что по оффиціальнымъ испанскимъ извѣстіямъ возстаніе на островѣ Кубѣ уже нѣсколько разъ окончательно прекращалось.

Прекращалась нѣсколько разъ и парагвайская война, но окончательно прекратилась она лишь съ 1-го марта, когда погибъ главный виновникъ, президентъ Парагвая, Лопецъ, человѣкъ, во всякомъ случаѣ, весьма замѣчательный, какъ по своему личному мужеству и энергіи, такъ и по рѣдкой способности внушать къ себѣ полное довѣріе управляемой націи. Парагвайская война продолжалась пять лѣтъ и ее вели три сильныя державы: Бразилія, Аргентинская республика и Урагвай противъ одно-милліоннаго народа, живущаго на небольшой территоріи между рѣками Параною и Парагваемъ. Союзники, по своей численности, были въ двадцать разъ сильнѣе Парагвая, но парагвайскій народъ былъ крѣпокъ и могучъ удивительною привязанностью къ своему отечеству и президенту, который правилъ страною диктаторски, но столь мудрымъ образомъ, что въ Парагваѣ не было ни одного нищаго и ни одного бродяги. Война возгорѣлась вслѣдствіе того, что Бразильская имперія — это послѣднее гнѣздо невольничества—произвела вооруженною рукою государственный переворотъ въ Урагваѣ, на сѣверной границѣ котораго лежитъ та часть имперіи, гдѣ особенно распространено невольничество. Само собою разумѣется, что этотъ переворотъ произведенъ былъ съ цѣлію поставить во главѣ урагвайскаго правительства ту политическую партію, которая была за выдачу невольниковъ, бѣгавшихъ въ Урагвай изъ Бразиліи. Лопецъ возсталъ противъ вмѣшательства Бразиліи въ урагвайскія дѣла, и быстро двинулся сперва въ предѣлы Бразиліи, а потомъ въ Урагвай; въ послѣднемъ походѣ онъ самовольно прошелъ по территоріи Аргентинскихъ республикъ, что́ и послужило ближайшимъ поводомъ къ вмѣшательству аргентинцевъ въ парагвайскую войну.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА.

ВТОРОЙ ПЛЕБИСЦИТЪ ВТОРОЙ ИМПЕРІИ.

24-го апрѣля, 1870.

Вы вѣроятно замѣтили въ моихъ предыдущихъ письмахъ, что хотя я и не оспоривалъ добрыхъ намѣреній кабинета, и даже самого императора, но все-таки не могъ воздержаться отъ нѣкотораго скептицизма на счетъ успѣха попытки политическаго обновленія, за которое такъ горячо принялись послѣ общихъ выборовъ. Въ самомъ дѣлѣ, мое недовѣріе оправдалось и все опять теперь стало сомнительнымъ. Конечно, мнѣ нѣтъ причины этому радоваться, но не могу не замѣтить, что я отчасти предвидѣлъ такой результатъ. Чтобы разъяснить оборотъ, который приняли дѣла, слѣдуетъ возвратиться къ нѣкоторымъ пунктамъ, на которые я уже, кажется, обращалъ ваше вниманіе. Положеніе министерства было съ самого начала въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ довольно щекотливо: отказывая ему въ распущеніи палаты, императоръ впередъ его парализировалъ; онъ отнималъ у него такимъ образомъ всякую возможность найти ту парламентарную основу, безъ которой его существованіе немыслимо. Это упрямство императора, выразившееся въ отклоненіи необходимѣйшаго условія либеральной перемѣны, безъ сомнѣнія, происходило просто отчего-то въ родѣ суевѣрнаго страха. Я вамъ уже говорилъ, что Наполеонъ III, который только на развалинахъ палатъ могъ возвести свой престолъ, считаетъ себя теперь какъ бы обязаннымъ не ускорять своимъ рѣшеніемъ законнаго срока дѣятельности палатъ. Однако, вѣрно и то, что его сопротивленіе было не безъ нѣкотораго разсчета и задней мысли. Новые выборы безвозвратно завершили бы мирный переворотъ въ либеральномъ смыслѣ; имперія была бы преобразована, но прежнее вліяніе императора, и что́ мы здѣсь называемъ личной властью, было бы безвозвратно потеряно. Императоръ располагаетъ еще большинствомъ теперешней палаты; онъ бы лишился этого преимущества въ палатѣ свободно избранной. Такое соображеніе имѣло навѣрно большой вѣсъ, тѣмъ болѣе, что было поддерживаемо всѣми реакціонерными вліяніями, которыя не перестаютъ господствовать при дворѣ. Впрочемъ, каковы бы ни были его побужденія, императоръ остался непреклоненъ, а министерство виновато, что взялось за преобразованіе имперіи на невозможныхъ условіяхъ: оно располагало въ палатѣ сравнительно малозначущей фракціей, именно только лѣвымъ центромъ; представители

одной этой партіи искренно считали либеральную имперію возможною. Правая сторона и даже правый центръ менѣе отъ него зависѣли, чѣмъ отъ императора и отъ г. Руэ. Лѣвая, находящаяся въ слишкомъ эксцентрическомъ положеніи, ничего не значила. При такихъ условіяхъ, кабинетъ держался, какъ бы сказать, на воздухѣ. Каждый знаетъ, какъ онъ метался то справа на лѣво, то слѣва на право, подчинялся обстоятельствамъ вмѣсто того, чтобы себѣ подчинить ихъ. Прибавьте еще, что какъ скоро министерство не могло думать о распущеніи палаты, оно также не могло смѣло приступить къ избирательной реформѣ, а въ этомъ именно должны были бы заключаться естественныя занятія нынышней сессіи; оно какъ будто принуждено было жить день за день и заниматься отдаленными предметами, такъ какъ ему было воспрещено приступать къ ближайшему и необходимому. Отсюда всѣ обширные проекты децентрализаціи, преобразованія высшихъ училищъ, изслѣдованія по вопросу о желѣзныхъ дорогахъ и пр.

Все это прекрасно, потому что слѣдуетъ многое преобразовать во Франціи, но всѣ эти проекты должны бы дождаться того времени, когда либеральная имперія войдетъ въ свое нормальное положеніе, то-есть когда установилось бы вполнѣ парламентарное правленіе. Безпрестанные запросы лѣвой, часто даже несвоевременные — ибо лѣвая совершенно лишена политическаго такта, напоминали правительству о главныхъ потребностяхъ минуты и такимъ-то образомъ министерство постепенно принуждено было, сперва въ лицѣ г. Дарю, объявить, что оно займется избирательной реформой, а потомъ въ лицѣ г. Эмиля Олливье, что оно отступается безусловно отъ жалкой системы правительственныхъ кандидатуръ. На этомъ-то знаменательнымъ фактѣ, кажется, останавливалось мое послѣднее письмо. Это былъ моментъ, весьма короткій, когда министерство пріобрѣло большую популярность, и когда противъ него возстали реакціонерныя вліянія. Стало ясно, что конецъ правительственныхъ кандидатуръ, устраненіе вмѣшательства правительства въ выборы положитъ рѣшительно конецъ и личному правленію. Дѣла принимали серьезный оборотъ, требовалось скорое рѣшеніе. Къ этой минутѣ слѣдуетъ отнести начало ловкой интриги, которая теперь снова подняла весь вопросъ о парламентарномъ правленіи. Министръ юстиціи, въ пылу юношеской довѣрчивости къ себѣ, задумалъ-было этой смѣлой выходкой подчинить себѣ императора, подчинить себѣ все окружающее, и такимъ образомъ исправить ошибку, которую сдѣлалъ, принявъ отвѣтственность, не выговоривъ себѣ заранѣе условій. Онъ бросилъ за бортъ правительственныя кандидатуры, не получивъ на то согласія императора и не предупредивъ своихъ товарищей. Такой поступокъ испугалъ и раздосадовалъ императора. Бывшіе министры самовластной имперіи, Руэ и Персиньи поняли, что для нихъ наступило время дѣйствовать. Они представили

императору, что онъ погибнетъ, если не положитъ преграды естественному развитію этого положенія. Но къ какому средству прибѣгнуть? Кабинетъ такъ популяренъ, что не было возможности безцеремонно уволить его. Надобно было подъ него подкопаться, и за это взялись очень ловко. Между различными вопросами, касающимися избирательной реформы, былъ одинъ самый настоятельный, именно о назначеніи мэровъ; общинные совѣты въ нынѣшнемъ году должны быть возобновлены. Въ разгарѣ самоуправства, конституція 1852 г. постановила, что мэры назначаются правительствомъ, и что они могутъ быть избираемы даже и не изъ среды общинныхъ совѣтовъ. Такое постановленіе клонилось не къ умиротворенію, а къ безполезнымъ, даже вреднымъ, столкновеніямъ; самые умѣренные люди были въ этомъ убѣждены. Иные требовали, чтобы мэры избирались общимъ голосованіемъ, другіе, чтобы выборъ зависѣлъ отъ общинныхъ совѣтовъ. Самые скромные желали, чтобы по крайней мѣрѣ правительство выбирало ихъ изъ среды этихъ совѣтовъ. Всѣ единодушно соглашались, что тутъ слѣдуетъ что-нибудь сдѣлать. Вопросъ о мэрахъ былъ включенъ въ программу обоихъ центровъ, изъ которыхъ вышло министерство. Но нужно было обратиться къ сенату, чтобы измѣнить статью конституціи относительно этого предмета.

Въ тоже время сенату предстояло рѣшить другой вопросъ, независимо отъ внутренняго преобразованія. По конституціи 1852 г., сенату было предоставлено право составить уложеніе для Алжиріи. Никогда не удавалось сенату удовлетворить тамошнихъ колонистовъ; ихъ справедливыя жалобы все болѣе и болѣе усиливались, такъ что общественное мнѣніе во Франціи стало видимо тревожиться. Колонисты требовали три вещи: 1) освобожденіе отъ военнаго управленія; 2) подчиненіе Алжиріи законодательному собранію, а не исключительно сенату; 3) имѣть право посылать своихъ представителей въ законодательную палату. Эти требованія были уважены правительствомъ и большинствомъ законодательнаго собранія. Но нужно было еще, чтобы сенатъ отказался добровольно отъ преимущества, дарованнаго ему конституціею. Министерство рѣшилось представить почтенному собранію въ одно время проекты сенатскихъ постановленій о назначеніи мэровъ и о передачѣ законодательному собранію законодательной власти относительно Алжиріи. Здѣсь дѣло усложняется и интрига выступаетъ на видъ. Надобно напомнить, что уже давно существовала тайная вражда между обоими собраніями, именно по вопросу объ учредительной власти; ибо лѣвая сторона требовала предоставленія этой власти исключительно избирательной палатѣ, а лѣвый центръ полагалъ раздѣлить эту власть съ императоромъ и сенатомъ. Получивъ эти два предложенія, сенатъ, по наущенію своего предсѣдателя Руэ, дѣлаетъ видъ, будто бы онъ встревоженъ и желаетъ противиться этимъ измѣ-

неніямъ. У министровъ сенаторы спрашиваютъ, требуются ли отъ нихъ только эти уступки, или же намѣрены еще потребовать другихъ и въ такомъ случаѣ не лучше-ли измѣнить все, что̀ нужно, въ одно время. Министерство поддалось этимъ обманчивымъ внушеніямъ. Оно предвидѣло борьбу только съ сенатомъ и думало удовлетворить требованіямъ лѣвой стороны и лѣваго центра. Избирательному собранію оно не намѣрено было передать всю учредительную власть, но полагало упрочить конституцію, исключивъ изъ нея все то, что̀ могло быть предоставлено власти законодательнаго корпуса. Письмомъ на имя г. Эмиля Олливье императоръ далъ свое согласіе, и кажется всѣ были довольны этимъ результатомъ. Министерство принимается за дѣло упрощенія конституціи. Но тутъ-то явилась мысль о воззваніи къ народу, уловка давно уже подготовленная господами Персиньи и Руэ. Народъ скрѣпилъ своимъ голосованіемъ верховную единичную власть 1852 г., не требуется-ли повторить ту же церемонію въ 1870 г.? Что̀ можетъ быть приличнѣе, своевременнѣе, торжественнѣе для ревнителей свободы! Вотъ что̀ изобрѣтатели плебисцита успѣли внушить одному изъ главнѣйшихъ и простодушнѣйшихъ министровъ, г. Дарю; онъ воспламеняется, находитъ, что это прекрасно, и берется сдружить императора съ этою мыслію. Наполеону конечно такое предложеніе очень понравилось. Дѣло сперва было обсуждаемо императоромъ съ г. Дарю, безъ вѣдома остальныхъ министровъ.

Потомъ убѣдили и г. Олливье, который сначала противился. Третьяго изъ числа главныхъ министровъ, г. Бюффе́, увѣдомили уже только тогда, когда все было условлено. Онъ тоже сперва удивлялся, сопротивлялся, наконецъ уступилъ. Но тутъ встревожилось въ свою очередь общественное мнѣніе. Когда зашла рѣчь о томъ, чтобы проекту новой конституціи дать окончательное освященіе путемъ плебисцита, народнаго голосованія, тогда только догадались, что въ проектѣ есть такой параграфъ, который, собственно говоря, отмѣняетъ всѣ сдѣланныя уступки и предоставляетъ императору возможность принять снова диктатуру. Я говорю о статьяхъ 5-й и 13-й, которыя даютъ императору право обращаться по своему усмотрѣнію къ народному голосованію, при чемъ постановка вопросовъ, а стало быть и опредѣленіе отвѣтовъ вполнѣ предоставлены на волю императора. Либеральная партія рѣшительно возстала противъ этого, и г. Бюффе́ потребовалъ, чтобы эти статьи были исключены изъ проекта. Къ нему присоединился и г. Дарю, бывшій самымъ горячимъ защитникомъ плебисцита. Но императоръ оказалъ такую настойчивость, какой не выказывалъ давно. Онъ объявилъ министрамъ, что протестовать имъ слѣдовало раньше, и сверхъ того, что династія Бонапартовъ считаетъ неотмѣннымъ своимъ преимуществомъ право прямого обращенія къ народу. Г. Бюффе́ подалъ въ отставку, за нимъ послѣдовалъ г. Дарю, еще одинъ или два изъ мини-

стровъ объявили, что выйдутъ изъ кабинета тотчасъ послѣ плебисцита. Такимъ образомъ, кабинетъ 2-го января, единственный, какимъ можетъ располагать вторая имперія, совсѣмъ разстроился. Г. Олливье остается министромъ, но онъ подчинился правой сторонѣ и сдѣлался орудіемъ той именно политики, которую думалъ замѣнить новою. Едва-ли не слѣдуетъ признать, что либеральная имперія уже потерпѣла крушеніе. Одному г. Олливье не устоять противъ реакціи, несмотря на всю самоувѣренность.

Во всякомъ случаѣ, общественное мнѣніе сильно разочаровано, и это не минутное настроеніе, а именно результатъ опыта и размышленія. Плебисцитъ кажется все страшнѣе по мѣрѣ того, какъ онъ приближается. Теперь уже не только думаютъ о томъ, что путь плебисцитовъ даетъ императору возможность подвергать все передѣлкѣ, когда ему угодно, но и начинаютъ сознавать, что сама система плебисцитовъ и система свободнаго правленія несовмѣстимы, такъ какъ парламентъ, надъ которымъ постоянно виситъ угроза обращенія правительственной власти къ народу, никогда не пріобрѣтетъ достаточно авторитета по отношенію къ коронѣ; одной перспективы плебисцита будетъ достаточно, чтобы обуздать его. Надо однако замѣтить, что императоръ играетъ теперь въ игру очень опасную и что гг. Руэ и Персиньи, думавшіе только о томъ, какъ бы создать препятствія для кабинета или подновить обаяніе второй имперіи, не имѣли достаточно прозорливости, чтобы предвидѣть всѣ опасности этой игры. Народное голосованіе, безъ сомнѣнія, отвѣтитъ утвердительно, но если за такой отвѣтъ будетъ большинство слабое, то этотъ фактъ будетъ для имперіи бѣдственнымъ пораженіемъ. Какъ бы то ни было, вѣдь все-таки ставится вопросъ о самой династіи. А если соблюденіе такой формальности необходимо для простой перемѣны въ конституціи, то тѣмъ болѣе оно необходимо при перемѣнѣ правленія, т.-е. при вступленіи на престолъ Наполеона IV. И въ то время опять будетъ худо, если большинство голосовъ окажется менѣе значительно, чѣмъ оно было въ 1851 и 1852 годахъ; если оно оказалось бы вполовину меньше, то это было бы почти разрушеніемъ имперіи. Такимъ путемъ монархія становится какъ бы избирательною и приближается къ республикѣ.

Результатъ предвидится между половиною десятимилліоннаго числа избирателей, т.-е. между минимумомъ въ пять милліоновъ и максимумомъ въ семь-шесть милліоновъ голосовъ—это былъ бы еще результатъ довольно скромный. Итакъ, хотя дѣло было поведено ловко въ смыслѣ интриги, но быть можетъ не вполнѣ осмотрительно съ точки зрѣнія имперіи и династіи. Въ этомъ виноваты реакціонеры, которые во что бы то ни стало хотѣли остановить имперію отъ дальнѣйшихъ шаговъ по либеральному склону. Объ основной мысли, вну-

шившей плебисцитъ, свидѣтельствуетъ рѣчь, произнесенная г. де-Персиньи въ сенатѣ: «императоръ не снялъ всеоружія», сказалъ этотъ ораторъ; «при системѣ обращенія къ народу, онъ сохраняетъ все могущество и всѣ средства имперіи полновластной». Это совершенная правда, спрашивается только, будетъ ли такое откровенное сознаніе благопріятно для результата плебисцита. Впрочемъ, могу завѣрить васъ, что императоръ впередъ зналъ, что̀ скажетъ герцогъ Персиньи, и каждое слово этого заявленія было зрѣло обдумано ими вмѣстѣ.

Все это приводитъ въ сильное волненіе и правительство, и партіи, такъ что всѣ другіе вопросы отложены въ сторону. Теперь правительство, однажды взявшись за плебисцитъ, должно стараться о его успѣхѣ. Что̀ же останется отъ обѣщаній г. Олливьѐ относительно невмѣшательства? Ничего, конечно; онъ долженъ будетъ самъ дѣлать то, въ чемъ упрекалъ своихъ предшественниковъ. Онъ уже имѣлъ неловкость сказать въ палатѣ, что правительство будетъ побуждать народъ къ голосованію. И въ самомъ дѣлѣ, побуждать его надо, ибо что̀ же наши крестьяне понимаютъ въ вопросахъ объ отвѣтственности министровъ и въ системѣ двухъ палатъ? Треть ихъ не умѣетъ и читать. Все это даетъ самому голосованію характеръ комедіи, такъ что люди, понимающіе политическіе вопросы, изъ уваженія къ себѣ, воздерживаются отъ этого голосованія. Но невѣжественную массу поведутъ къ голосованію какъ стадо, и она конечно рѣшитъ вопросъ утвердительно, такъ что результатъ интересенъ только по отношенію къ той цифрѣ, какою именно выразится это большинство. Многіе воздержатся, а многіе подадутъ голосъ за имперію, боясь революціи. Эта послѣдняя тенденція въ печати представляется газетою «Journal des Débats». Давно уже страхъ предъ революціею служитъ главною опорою правительства. Многимъ крестьянамъ достаточно сказать, что *нѣтъ* означаетъ республику, и они будутъ вотировать *да*. Оппозиція лѣвой стороны совѣтуетъ, конечно, вотировать за «нѣтъ», но, съ ловкостію, которою вообще не отличается, прячетъ при этомъ свое республиканское знамя, видъ котораго тотчасъ далъ бы правительству полмилліона или милліонъ лишнихъ голосовъ. Манифестъ лѣвой, относительно говоря, такъ умѣренъ, что его могъ бы подписать г. Тьеръ. Посмотримъ, что̀ будетъ происходить на сходкахъ въ теченіи десяти дней предшествующихъ голосованію. Если революціонныя страсти сильно обнаружатся на нихъ, то польза для правительства будетъ большая.

Нѣкоторые наивные люди воображаютъ, что плебисцитъ по крайней мѣрѣ положитъ конецъ всѣмъ недоумѣніямъ и возобновитъ союзъ между правительствомъ и народомъ. Эти люди близоруки. Конечно, все это будетъ по наружности либерально, ибо какъ ни судить о вотируемыхъ реформахъ, а все-таки отрицать ихъ значенія нельзя. Но здѣсь наружность и буква значатъ не много. Главное въ томъ, что кон-

ституціонныя формы и гарантіи устраняются на практикѣ тѣмъ самымъ дѣйствіемъ, которое призывается для освященія ихъ въ теоріи. Черезъ головы своихъ министровъ и палатъ, внѣ нормальныхъ условій правленія, императоръ самъ непосредственно обращается къ народу; актъ чисто личный и представляющій примѣръ для повторенія, по волѣ императора же. При такихъ условіяхъ, конституціонныя формы такъ и останутся одиѣми формами, и министры и палаты лишатся всякаго значенія, и результатъ этотъ будетъ тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ значительнѣе окажется большинство при плебисцитѣ. Съ семью милліонами голосовъ императоръ получитъ всю свою прежнюю силу; положимъ, онъ не возьметъ назадъ своихъ уступокъ, но это будетъ и не нужно, ибо и при нихъ онъ тогда не встрѣтитъ ничьего сопротивленія. Старый духъ будетъ дѣйствовать въ новыхъ формахъ, министры и палаты будутъ существовать со своими правами, но не имѣя достаточно авторитета, чтобы ими пользоваться. Имперіи снова развяжутся руки, но тѣмъ самымъ она будетъ поставлена въ искушеніе и можетъ впасть въ такія ошибки, которыя снова пробудятъ въ классахъ образованныхъ сознаніе, уже угасавшее-было, именно: что свобода, достоинство и безопасность націи несовмѣстимы съ самымъ инстинктомъ наполеоновской династіи. Если это сознаніе вновь укрѣпится, то положеніе дѣлъ станетъ столь же революціоннымъ и опаснымъ, какъ было прежде.

Въ поставленной здѣсь альтернативѣ есть другая опасность: если большинство окажется слабое, то опасности не будетъ свободѣ, но опасность станетъ угрожать существованію имперіи. Тотъ или другой результатъ зависитъ отъ того, въ какую сторону склонятся лишнихъ милліона два голосовъ. Чтобы дополнить эту картину опасности и неувѣренности, прибавлю, что успѣхъ плебисцита будетъ зависѣть въ разительной степени уже оттого, какова будетъ погода въ день голосованія, именно, въ воскресенье 8 мая; если пойдетъ дождь, то успѣхъ плебисцита будетъ весьма скомпрометтированъ. Спрашивается, благоразумно ли ставить судьбы націи въ зависимость отъ такихъ случайностей? Не благоразумнѣе ли было бы предоставить свободѣ развиться изъ правильнаго хода учрежденій? Но надо рѣшительно думать, что императоръ сдѣлалъ уступки только въ половину искренно или несовсѣмъ сознательно. А впрочемъ, мы любимъ театральные эффекты. Какъ бы то ни было, жребій брошенъ!

Одна изъ интересныхъ сторонъ голосованія, это—вопросъ, будетъ ли духовенство дѣйствовать въ пользу правительства. Собственно говоря, этого вопроса не должно бы и быть: наше правительство поддерживаетъ свѣтскую власть папы, и католическое духовенство, въ свою очередь, должно было бы поддерживать такое правительство. Но

вы, конечно, знаете, что Наполеону III уже не разъ приходилось жаловаться на неблагодарность духовенства. Въ настоящее время вопросъ этотъ зависѣлъ прежде всего отъ того, въ какое отношеніе правительство станетъ къ собору. Бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Дарю, человѣкъ честный, но весьма неразсудительный, повелъ это дѣло очень неловко. Галликанская партія, во главѣ которой стоитъ г. Дюпанлу, епископъ орлеанскій, отвергаетъ догматъ непогрѣшимости папы и успѣла убѣдить г. Дарю, что французское правительство можетъ обуздать «непогрѣшимость». Г. Дарю сперва написалъ письмо не оффиціальное, но однакожъ предназначенное для прочтенія папы и кардинала Антонелли, въ которомъ угрожалъ отозваніемъ нашихъ войскъ. Это было большое неблагоразуміе и, если позволите такъ выразиться, просто—глупость, потому что такой угрозы исполнить нельзя. Встрѣтивъ сопротивленіе, г. Дарю, поощряемый своими галликанскими друзьями, придумалъ послать въ Римъ особаго уполномоченнаго; на заявленіе объ этомъ, уже оффиціальное, кардиналъ Антонелли отвѣчалъ ироническимъ отклоненіемъ. Наконецъ, г. Дарю пришлось ограничиться посылкою къ постоянному нашему посланнику въ Римѣ, г. Баннвиллю, нѣкоторыхъ инструкцій относительно пунктовъ, касающихся интересовъ Франціи и всего католическаго міра, въ программѣ собора. Эти инструкціи выражены въ нотѣ, посланной въ Римъ въ послѣдніе дни министерства г. Дарю; она теперь обнародована. Всѣ увѣрены, что она будетъ имѣть столь же мало успѣха, какъ и прежнія попытки слишкомъ усерднаго министра. По всѣмъ извѣстіямъ изъ Рима, ультрамонтанская партія оказывается непреклонною, да и нельзя по справедливости требовать, чтобы она отступилась отъ того, что она считаетъ долгомъ провозглашать сущею истиною. Всѣ благоразумные люди во Франціи сильно порицаютъ это вмѣшательство правительства и видятъ исходъ не въ такомъ или иномъ соглашеніи съ Римомъ, а въ радикальномъ отдѣленіи государства отъ церкви. Но этого правительство еще не хочетъ, а можетъ быть и не можетъ сдѣлать, да и сами галликанцы, партія средняя, несамостоятельная, этого вѣроятно не захотѣла бы, такъ какъ она упала бы сама въ полное ничтожество безъ помощи государства. Я имѣю причины думать, что ультрамонтанская партія поставитъ условіемъ своего содѣйствія правительству во время голосованія—отреченіе отъ попытокъ сдѣланныхъ г. Дарю, по крайней мѣрѣ, меня увѣряютъ, что въ этомъ смыслѣ выскажется «Univers» г. Луи Вёлльó, и я склоненъ думать, что правительство уступитъ, потому что оно готово сдѣлать все, чтобы только обезпечить успѣхъ голосованія.

Прежде, чѣмъ покончить съ этимъ вопросомъ, сообщу вамъ фактъ, о которомъ пока не упоминала ни одна газета, но о которомъ я знаю

навѣрное, именно, что, видя неуспѣхъ г. Дарю, галликанцы недѣли три, четыре тому назадъ замышляли дѣйствовать въ Римѣ чрезъ г. Тьера, который тамъ имѣетъ вѣсъ, какъ одинъ изъ главныхъ совѣтниковъ экспедиціи въ Римъ, въ 1849 году, и постоянный защитникъ свѣтской власти папства. Говорятъ, папа отзывается о немъ всегда очень любезно. Сообразивъ все это, отцы-галликанцы отправили въ Римъ одного изъ своей среды, епископа констанцскаго, съ цѣлію склонить правительство къ отправленію, въ качествѣ особаго уполномоченнаго, въ Римъ г. Тьера, а его самого склонить къ принятію этого порученія, во имя интересовъ католицизма. Г. Дарю пришелъ въ восхищеніе и окончательно убѣдилъ самого императора, чтобы отправить г. Тьера въ Римъ, въ такомъ качествѣ, какое онъ самъ призналъ бы болѣе соотвѣтственнымъ, т.-е. въ качествѣ оффиціальнаго уполномоченнаго или инкогнито, съ самыми обширными, во всякомъ случаѣ, полномочіями. Тьера г. Дарю умолялъ о согласіи, такъ-сказать на колѣняхъ, но тотъ отказалъ и хорошо сдѣлалъ, потому что, въ случаѣ весьма вѣроятнаго неуспѣха, онъ сдѣлался бы въ высшей степени смѣшонъ. Подобная участь ожидаетъ нѣкоторыхъ другихъ изъ парламентскихъ людей прежняго времени, какъ напр., гг. Гизò и Одилона-Барро́, которые слишкомъ поторопились соединиться съ министерствомъ 2 января и получатъ за это плохую награду, если, какъ все предвѣщаетъ, партія реакціонернаго бонапартизма вслѣдъ за плебисцитомъ возьметъ опять дѣла въ свои руки. Г. Эмиль Олливье, во всемъ этомъ, выигралъ все-таки кресло во французской академіи; тамошній великій избиратель г. Гизо отворилъ предъ нимъ ея двери. Это избраніе г. Олливье́ въ академію было платой за назначеніе сына г. Гизо директоромъ департамента иностранныхъ исповѣданій.

Возвращаюсь къ плебисциту, такъ какъ всѣ остальныя дѣла теперь важны единственно настолько, насколько они къ нему относятся. Въ массѣ земледѣльческаго населенія значительное вліяніе имѣютъ только священники и администраторы. Нѣтъ надобности говорить, что оппозиціонныя газеты въ эти глубоко лежащіе слои не проникаютъ. Если священники, мэры и мировые судьи будутъ дѣйствовать за одно, то за плебисцитъ будетъ единогласно сельское населеніе почти всей Франціи, но даже если бы священники и стали въ оппозицію, состоится все-таки огромное большинство. Городская буржуазія, по моему мнѣнію, отчасти не приметъ участія въ голосованіи, а рабочіе раздѣлятся между отвѣтомъ отрицательнымъ и простымъ уклоненіемъ отъ подачи голоса. Тѣ газеты, которыя ими читаются, вообще рекомендуютъ первое изъ этихъ средствъ, но какъ слышно, сами ассоціаціи рабочихъ, которыя все расширяются, склоняются въ пользу второго.

Что касается вліянія на нихъ главныхъ нашихъ владѣльцовъ заводовъ, то оно, во-первыхъ, сомнительно само въ себѣ, во-вторыхъ, тамъ гдѣ оно есть, неизвѣстно будетъ ли оно употреблено ими въ пользу правительства. Банкиры и важнѣйшіе парижскіе негоціанты сильно хлопочутъ объ успѣхѣ плебисцита и даже жертвуютъ, для пропаганды въ этомъ смыслѣ, съ щедростію вполнѣ британскою, которая не въ ихъ нравахъ. Фабриканты же вообще не очень усердствуютъ; они недовольны правительствомъ за свободу торговли и кажется не ожидаютъ многаго отъ коммиссіи, которой поручено изслѣдованіе коммерческаго вопроса. Стачки рабочихъ, которыя стали такъ часты и многочисленны, тоже не могутъ содѣйствовать благопріятному настроенію въ средѣ фабрикантовъ, такъ какъ онѣ суть послѣдствія закона о свободѣ стачекъ, созданнаго г. Эмилемъ Олливье.

Откуда исходитъ это движеніе, выражающееся въ стачкахъ, которыя слѣдуютъ одна за другою, какъ вспышки какого-то подземнаго пожара? Нѣкоторые убѣждены въ существованіи во всемъ этомъ дѣлѣ прочной организаціи и обширнаго плана, но еслибы дѣло было такъ, то движеніе имѣло бы иной характеръ. Въ дѣйствительности, стачки слѣдуютъ одна за другою; одна кончится, безъ особой удачи для рабочихъ, а другая откроется за нею. Въ большихъ механическихъ мастерскихъ въ Крезо́ и Фуршамбо́ рабочіе возвратились къ работамъ (которыя въ Крезо́ были прерваны дважды), недобившись уступокъ. Таковъ же будетъ, вѣроятно, исходъ и нынѣшней стачки литейщиковъ въ Парижѣ. Движеніе сообщилось и рабочимъ сахарно-рафинировальныхъ заводовъ; предложенныя имъ уступки они отклонили, какъ незначительныя, по ихъ мнѣнію, но вѣроятно въ концѣ примутъ ихъ. Всего печальнѣе фактъ, что рабочіе болѣе и болѣе укрѣпляются въ мысли, что они классъ—по преимуществу эксплуатируемый, и выдѣляютъ свое дѣло изъ дѣла всего общества. Они считаютъ себя угнетенными капиталомъ и признаютъ за собой право мести за это. Изъ всѣхъ трехъ главныхъ фабричныхъ странъ, во Франціи именно воззрѣнія этого рода наиболѣе распространены въ рабочемъ классѣ, и надо сознаться, что этому способствовали многіе писатели, побуждаемые идеею ложно-понятаго демократизма. Англійскій рабочій, давшій нашимъ примѣръ стачекъ, менѣе склоненъ къ обобщеніямъ и дѣйствуетъ просто съ цѣлью непосредственно увеличить свое благосостояніе. Въ Германіи пропаганда Шульце-Делича отчасти сдерживаетъ это движеніе. Но во Франціи именно наиболѣе утвердилась идея о двухъ націяхъ: *эксплуататоровъ* и *эксплуатируемыхъ*. Преувеличенное чувство права, чувство чисто эгоистическое, ослабленіе сознанія о долгѣ, тупое незнаніе экономическихъ законовъ и условій историческаго развитія — вотъ то умственное и нравственное положеніе, изъ

котораго возникъ нашъ соціализмъ. Все, что могло обуздать страсти, клонится къ исчезновенію, ибо французскій умъ не можетъ ничѣмъ замѣнить прежнія вѣрованія и преданія, однажды утраченныя. Семейная жизнь разнуздалась, ослабла, и души, отрекшіяся отъ католицизма, остаются обыкновенно совсѣмъ пустыми. Рабочій классъ смѣшиваетъ свои желанія съ требованіями самой справедливости. Нынѣшнее движеніе въ рабочей средѣ представляетъ еще только зачатки того, что будетъ современемъ, и я опасаюсь, что въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ онъ предвѣщаетъ намъ дѣйствительную соціальную войну, изъ которой Франція выйдетъ скорѣе разоренною, чѣмъ обновленною. Когда подумаешь объ этихъ грозныхъ признакахъ, то приходитъ на мысль, важенъ ли и самъ вопросъ о плебисцитѣ и хорошо ли дѣлаетъ либеральная партія, затрудняя своими требованіями правительство. Но правительство должно найти въ самомъ себѣ средство для своего упроченія и своей силы. Одно бездѣйствіе либераловъ не обезпечило бы его существованія. Этого не сдѣлаетъ и плебисцитъ, каковъ бы ни былъ его результатъ. *Чѣмъ большинство окажется значительнѣе, тѣмъ легче будетъ правительству погубить себя.* Уже и теперь реакція не считаетъ нужнымъ прятать своихъ картъ. «Парламентаризмъ—не болѣе какъ временная форма; истинная же форма демократическаго правленія есть постоянное обращеніе къ народу»—вотъ что печатаютъ правительственныя газеты.

Формула плебисцита уже напечатана вчера, сегодня напечатанъ манифестъ императора, который, какъ говорятъ, будетъ разосланъ непосредственно къ каждому изъ десятимилліонной массы избирателей: вообразите, какого труда и какихъ денегъ это будетъ стоить. Обѣщаютъ еще и манифестъ министровъ, хотя непонятно, для чего имъ именно выступать въ такомъ дѣлѣ, которое предполагаетъ временное устраненіе всего механизма управленія, для непосредственнаго сообщенія между императоромъ, сообщеніемъ, въ которомъ творецъ будетъ стоять лицомъ къ лицу съ хаосомъ, какъ при началѣ всѣхъ вещей. Что касается текста плебисцита, то имъ недовольны многіе даже изъ тѣхъ, которые хотятъ отвѣчать утвердительно. Они находятъ, что формула эта слишкомъ сложна, и это правда. Народу предлагается утвердить не только нынѣшнія, но всѣ реформы, послѣдовавшія въ теченіи 10-ти лѣтъ. Это просто нелѣпо, и навѣрное $^{99}/_{100}$ избирателей не будутъ знать, что имъ предлагаютъ утвердить. Боюсь, что все это за границею покажется очень смѣшно, и вижу, что англійскія и нѣмецкія газеты стали подтрунивать надъ нами еще не зная самаго текста плебисцита. Но надо признать, что разъ рѣшившись на плебисцитъ, правительство должно было поступить такъ, какъ оно поступило. Если вся верховная законодательная власть принадлежитъ

всей общности гражданъ, то все, что не утверждено собраніемъ всего народа, то и не имѣетъ окончательной силы. Утвержденіе имъ однихъ общихъ принциповъ оставило бы безъ силы саму конституцію. Впрочемъ, голосованіе и однихъ общихъ принциповъ было бы все-таки смѣшно, такъ какъ основные принципы въ родѣ министерской отвѣтственности, двухпалатной системы и т. п. рѣшительно непонятны для большинства.

Здѣсь мѣсто поговорить о новой конституціи. Она, по формѣ, удовлетворительна и въ нѣкоторыхъ существенныхъ пунктахъ содержитъ торжественное отреченіе отъ конституціи 1852 года и составляетъ прямую ей противоположность. Императоръ, дѣйствительно, приноситъ какъ бы покаяніе, возстановляя то парламентарное правленіе, которое самъ не только разрушилъ, но еще осыпалъ насмѣшками и оскорбленіями въ памятную годину. Отвѣтственность министровъ, которая выставлялась пагубою, возстановляется, сенатъ изъ учредительнаго собранія дѣлается просто первою палатою, а законодательное сословіе получаетъ вновь многія изъ утраченныхъ имъ привилегій. Однимъ словомъ, парламентскій аппаратъ почти полонъ и могъ бы выдержать сравненіе съ иными иностранными конституціями, еслибы не это нелѣпое право обращенія къ народу, которое все портитъ. Сохраненіе его значитъ, что императоръ желаетъ имѣть помощниковъ— отвѣтственныхъ министровъ и палаты, но не желаетъ имѣть дѣйствительной преграды произволу, такъ что все дѣло сводится къ формамъ, а не доходитъ до сущности. Прибавлю еще, что новая наша конституція столь же бѣдна гарантіями личной свободы, правъ гражданъ, сколько прежняя. Она есть только перечисленіе правъ императора и государственныхъ собраній, но относительно правъ каждаго гражданина она ограничивается ссылкою на «великіе принципы 89 года, основаніе французскаго политическаго права», но не опредѣляетъ правъ гражданина въ смыслѣ обезпеченія свободы всѣхъ и каждаго, не упоминаетъ ни о личной свободѣ, ни о свободѣ религіозной, ни даже о свободѣ промышленности, которая все еще неполна, такъ какъ право печатанія остается еще монополіею. Все это коренныя права, и ихъ необходимо было бы включить въ договоръ между націею и династіею, но объ этомъ не подумали и теперь, какъ не подумали прежде, и принципы 89 года будутъ и впредь нарушаемы разными регламентами и бывшими примѣрами, ничего съ этими принципами общаго не имѣющими, и даже установленными отчасти до революціи.

Пропускъ, на который я указываю, тѣмъ болѣе достоинъ сожалѣнія, что конституція можетъ стать дорогóю просвѣщеннымъ гражданамъ именно только по тѣмъ непосредственнымъ гарантіямъ, какія она имъ представляетъ, и только за эти гарантіи они могутъ постоять

въ случаѣ нужды и даже ополчиться съ восторгомъ на защиту такой конституціи. Но наша конституція, какъ она ни исправлена, касается болѣе интересовъ императора, чѣмъ гражданъ, которые могутъ интересоваться ею развѣ только въ смыслѣ оплота противъ революціи, а такой интересъ, такое сочувствіе создаютъ силу не дѣйствующую, а только отрицательную. Она не удовлетворила даже принца Наполеона, который вдругъ уѣхалъ въ Швейцарію во время преній о ней въ сенатѣ. Говорятъ, его оскорбилъ тотъ пунктъ, которымъ императору предоставляется, въ случаѣ если нѣтъ прямого наслѣдника, право усыновить или назначить преемника по своему усмотрѣнію. Статья эта теперь имѣетъ значеніе только теоретическое, такъ какъ у императора есть сынъ, но принцъ Наполеонъ увидѣлъ въ ней нарушеніе своихъ правъ, и говорятъ, имѣлъ по этому поводу рѣзкое объясненіе съ императоромъ. Нѣкоторыя газеты при этомъ случаѣ заговорили о правахъ принца Пьера Бонапарта, героя отёльской трагедіи. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ принцъ — сынъ брата Наполеона I-го, старшаго чѣмъ отецъ принца Наполеона, Жеро́мъ. Но говорить о его правахъ все-таки несерьезно, такъ какъ онъ съ самаго начала былъ устраненъ отъ престолонаслѣдія по причинамъ, восходящимъ еще къ его отцу: принцъ Пьеръ принадлежитъ только къ *гражданскому*, а не къ *политическому* семейству императора.

Кстати, замѣтьте и при этомъ случаѣ, какъ скоро забываютъ французы и какъ имъ трудно думать объ одной вещи, не забывая другой. Всего четыре недѣли тому назадъ оправданіе принца Пьера верховными присяжными произвело настоящій скандалъ; теперь о немъ уже не говоритъ никто, даже и оппозиція, которой интересъ заключался бы въ эксплуатированіи этого факта. Я, признаюсь, принадлежу къ числу тѣхъ, кого полное оправданіе принца удивило. Правда, на лицо было одно показаніе друга Нуара, г. Фонвьелля; я лично считаю его вѣрнымъ, потому что считаю г. Фонвьелля честнымъ человѣкомъ, но какъ присяжный, я не принялъ бы этого свидѣтельства за достаточную улику. Но вѣдь и независимо отъ него выясненъ фактъ, что принцъ началъ разговоръ, имѣя въ карманѣ пистолетъ и держа руку на этомъ пистолетѣ. Полагаютъ, что на присяжныхъ въ Турѣ неблагопріятно подѣйствовали страстныя, крайнія выходки противной стороны, но и принцъ держалъ себя далеко не вполнѣ удовлетворительно. Пристрастіе, выказанное въ его пользу президентомъ суда и прокурорскою властью, возмутило всѣхъ добросовѣстныхъ людей. Но, повторяю, обо всемъ этомъ теперь уже вовсе не думаютъ. Медицинскіе студенты нѣсколько разъ освистали одного изъ лучшихъ своихъ профессоровъ, доктора Тардьё за поданное имъ, въ качествѣ эксперта мнѣніе, показавшееся слишкомъ выгоднымъ для принца, и

медицинскій факультетъ закрытъ на мѣсяцъ. Но студенты, вѣроятно, забудутъ все это дѣло, какъ всё, и при открытіи школы о немъ не будетъ и рѣчи.

Прокламацію императора вообще не признаютъ удачною. По формѣ она скромна, но по мысли она вполнѣ соотвѣтствуетъ принципу самовластія, внушившему плебисцитъ. Она не упоминаетъ о либеральномъ движеніи, изъ котораго вышла новая конституція и не выражаетъ призыва странѣ раздѣлить съ императоромъ, въ лицѣ ея представителей, управленіе дѣлами и отвѣтственность. Нѣтъ, императоръ говоритъ все только о своихъ добрыхъ намѣреніяхъ, показывая видъ, будто онъ все это дѣлаетъ *motu proprio*, по образцу папы. «Отвѣтствуйте *да*», говоритъ онъ, «и я не перестану трудиться для благосостоянія и величія Франціи». Этотъ языкъ не соотвѣтствуетъ ходу дѣлъ. Никакой благоразумный человѣкъ не можетъ сомнѣваться, что императоръ и всегда желалъ трудиться для благосостоянія и величія Франціи, но дѣло въ томъ, что онъ не всегда успѣвалъ въ этомъ и потому-то именно страна, путемъ выборовъ, выразила ему желаніе не полагаться во всемъ именно на него, а снова заняться самой своими дѣлами. Лучше было бы просто сознаться, что ошибки были послѣдствіемъ диктатуры. Это поставило бы «непримиримыхъ» въ затруднительное положеніе и покорило бы всѣхъ колеблющихся. Обнародована прокламація слишкомъ рано: цѣлыхъ двѣ недѣли остается, чтобы критиковать ее, а критиковать ее очень легко. Такую прокламацію лучше уже было выпустить въ послѣднюю минуту. Много ожидаютъ отъ разсылки ея поименно каждому избирателю, и въ самомъ дѣлѣ найдутся простодушные люди, на которыхъ подѣйствуетъ этотъ шарлатанизмъ, болѣе цесарскаго, чѣмъ величественнаго характера. Ко дню плебисцита, разумѣется, пустятъ въ ходъ и всю машину даровъ и обѣщаній, которая обыкновенно приводится въ дѣйствіе въ пользу оффиціальныхъ кандидатовъ. Будутъ, напримѣръ, обѣщаны концессіи такихъ желѣзныхъ дорогъ, которымъ безъ плебисцита пришлось бы долго ожидать утвержденія. Одинъ знакомый мнѣ профессоръ, очень почтенный, впрочемъ, человѣкъ, давно искалъ денежныхъ средствъ для учрежденія большого международнаго заведенія, и вдругъ сегодня его призываютъ къ императору, который принялъ его съ отличіемъ. Завтра или послѣ завтра, «оффиціальная газета», навѣрное, сообщитъ, что императоръ пожертвовалъ столько-то на превосходное предпріятіе г. Х.... Предпріятіе его, въ самомъ дѣлѣ, обѣщаетъ пользу, но не будь плебисцита, ему бы долго дожидаться императорскаго пожертвованія. Разсказываю вамъ это какъ примѣръ того, чтó будетъ происходить среди агитаціи предстоящихъ двухъ недѣль.

Резюмируя, для заключенія, всѣ мои мысли о настоящей минутѣ,

скажу, что предстоящая драма, пожалуй, въ концѣ концовъ послужитъ въ пользу такой партіи, которая недавно, казалось, теряла уже всѣ свои шансы и самое право на успѣхъ, именно партіи орлеанистской, и которая не имѣла бы причины продолжать существованіе при полномъ либеральномъ преобразованіи имперіи. Право этой партіи на успѣхъ не таково, какъ право республиканцевъ или легитимистовъ, которые, впрочемъ, совсѣмъ исчезаютъ. Здѣсь дѣло не въ лицахъ, какъ бы ни были достойны уваженія орлеанскіе принцы, а въ системѣ. Вся сила ея въ томъ, что она представляетъ извѣстное соединѣніе порядка съ законною свободою, а усвоивая себѣ эту систему, имперія лишала ихъ всякой основы. Вотъ почему 2-е января не одну партію не поразило такъ сильно, какъ именно орлеанистскую. Многіе участники ея открыто присоединялись къ либеральной имперіи, а кто оставался вѣрнымъ, по чувству привязанности, тотъ сознавалъ себя обезоруженнымъ и дѣло свое считалъ проиграннымъ. Теперь все это измѣнилось. Плебисцитомъ императоръ обнаружилъ, что онъ не понимаетъ или не хочетъ парламентарнаго правленія, и орлеанистская партія, тѣмъ самымъ, вновь находитъ себѣ опору, оживляется надеждою, даже преувеличенною. Быть можетъ, настанетъ еще и день орлеанизма, но не смѣю завѣрить, что этотъ день будетъ предвозвѣстникомъ долгихъ дней. Орлеанизмъ слишкомъ честенъ, чтобы дѣлать съ демократіей фокусы, въ родѣ тѣхъ, какіе дѣлаетъ императоръ, и, какъ мнѣ кажется, не довольно силенъ, чтобы снесть демократію и ужиться съ нею.

На этотъ разъ я пишу вамъ только о политикѣ; въ драматическомъ мірѣ нѣтъ ничего новаго, а въ мірѣ литературномъ только одна новость—философское сочиненіе г. Тэна «О разсудкѣ»; о немъ я поговорю въ слѣдующій разъ.

Н.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Русская женщина въ XVI-мъ и XVII-мъ вѣкѣ.

Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII стол. Сочиненіе И. Забѣлина. Москва, 1869.

Ничто такъ не опредѣляетъ характеръ и состояніе цивилизаціи всякой страны и каждой эпохи, какъ то положеніе, которое занимаетъ въ обществѣ женщина, а потому нисколько не удивительно, что новый трудъ г. Забѣлина, хотя посвященный спеціально весьма талантливому и добросовѣстному изслѣдованію домашняго быта русскихъ царицъ въ XVI и XVII вѣкахъ, представляетъ тѣмъ не менѣе глубокій общій интересъ. Авторъ не могъ ограничиться кропотливыми, микроскопическо-мелкими подробностями о жизни нашихъ царицъ. Кому въ самомъ дѣлѣ неизвѣстно, что женщина въ древнемъ русскомъ обществѣ жила въ затворничествѣ, въ высокомъ терему, въ крайнемъ подчиненіи и послушаніи, что житье-бытье царицъ и царевенъ оберегалось еще строже и было еще печальнѣе? Еслибъ изслѣдователь ограничился такою узкою задачею, то дѣйствительно сказать тутъ что-нибудь новое и оригинальное довольно трудно; но г. Забѣлинъ взялъ тему широкую: домашній бытъ русскихъ царицъ былъ самъ продуктомъ цѣлаго міра нравственныхъ и соціальныхъ явленій нашей древности, а потому эти послѣднія занимаютъ только почетное мѣсто въ изслѣдованіи нашего ученаго, и его трудъ является довольно подробнымъ культурно-историческимъ очеркомъ всего русскаго народа, освѣщеннымъ здравымъ, реальнымъ взглядомъ на нашу старину, безъ того прикрашиванія и сантиментальности, которыя такъ часты въ нашей исторической литературѣ. Г. Забѣлинъ—не идилликъ въ исторіи, не робкій партизанъ такъ-называемаго «родового быта», или «семьи-общины», этого идеальнаго представленія славянофиловъ о нашемъ древнемъ бытѣ; онъ ищетъ свою болѣе или менѣе самостоятельную точку зрѣнія на историческія событія и старается согласить противорѣчія въ изслѣдованіяхъ о нашей старинѣ. Господствующія идеи въ его сочиненіи, которыми поясняетъ онъ тѣ или другія явленія въ нашемъ древнемъ обществѣ, — византійство и родовое на-

чало; послѣднее понимаетъ онъ, впрочемъ, не какъ юридическое и политическое «учрежденіе», а какъ стихію жизни, входящую во всѣ факты, проницающую ихъ, дающую имъ свою окраску, формирующую ихъ, но нигдѣ не воплощающуюся въ особое учрежденіе. «Родъ» не искуственная какая-нибудь форма, выработанная развитіемъ общества, а непосредственная, естественная форма человѣческой жизни, произведенная естественною силою рожденія. При такомъ взглядѣ на родовой бытъ нисколько не исключается община. Русская земля расплодилась по преимуществу первобытною силою нарожденія, родъ былъ непосредственнымъ дѣятелемъ въ образованіи народной массы, то-есть растительною органическою клѣточкою, основою строенія каждаго племени и всего народа; община явилась суммою такихъ родовыхъ клѣточекъ, т.-е. суммою не отдѣльныхъ лицъ, а отдѣльныхъ хозяйствъ или дворовъ, въ которыхъ замкнулись отдѣльные роды или семьи; во дворѣ жила семья, то-есть отцы и дѣти, и родитель по естественнымъ причинамъ становился главою и властителемъ своей семьи, опекуномъ тѣмъ болѣе властнымъ, что общественной опеки въ младенческомъ народѣ не могло быть.

Развивая далѣе это положеніе, нашъ авторъ говоритъ, что такъ-называемая славянофилами семейная община есть община родовая, семья семей, родъ есть въ то же время и община съ правами извѣстнаго равенства и представительства. Дворъ «своей внѣшнею стороною, тою стороною, что онъ есть собственность или часть общей земской собственности, является единицею общиннаго быта... Сидѣнье племени на одной землѣ, владѣнье угодьями этой земли, общее *тягло* на защиту или въ дань, какое неизбѣжно являлось отъ сидѣнья-владѣнья на той землѣ,—все это само собою становилось общимъ дѣломъ земли и создавало общинную жизнь». Но представителемъ въ общихъ земскихъ дѣлахъ являлись не всѣ лица общины, а хозяева земской единичной собственности, т.-е. хозяева двора. Такимъ образомъ, дѣло было не въ личности, не въ нравственномъ ея значеніи и смыслѣ, стало быть, не въ нравственномъ равенствѣ лицъ, а въ имущественномъ. Если не личная свобода, а земское имущество составляло почву для дѣйствій каждаго члена общины, то здѣсь не было мѣста для выработки личности нравственной, а вмѣстѣ съ нею юридической и политической свободы: относительную независимость и наибольшую свободу дѣйствій давало только богатство и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи земская община дѣйствительно выдѣляла аристократію богатства, которая обыкновенно и заправляла всѣми движеніями общины, опредѣляла и выражала ходъ ея исторіи. Пластическое доказательство такого именно значенія древней русской общины г. Забѣлинъ видитъ въ новгородской общинѣ, которая приняла варяговъ для того,

чтобы водворить въ общинѣ порядокъ, уничтожить вражду родовъ («и вста родъ на родъ»), а потомъ, черезъ шестьсотъ лѣтъ, по той же причинѣ, богатые и знатные роды призвали новыхъ варяговъ — московскихъ государей. «Наша древняя община ничего не выработала, да и не могла ничего выработать для нравственнаго и соціальнаго освобожденія личности», говоритъ г. Забѣлинъ; какая же нравственная сила служила основаніемъ древнему обществу? Родительское патріархальное начало или стихія родительской опеки, стихія старшей воли, идеаломъ которой было родовое старшинство. Это старшинство одно почиталось выше всякихъ другихъ достоинствъ человѣка, оно одно и было главнымъ, начальнымъ достоинствомъ человѣческой личности. Эта опека проникла всюду и все подчинила своимъ воззрѣніямъ. «Это было начало началъ нашего развитія, такое крѣпкое начало, по которому русскій народъ даже и до сихъ поръ понимается и ведется, какъ малолѣтокъ, недоросль, требующій на всякомъ шагу, во всѣхъ его жизненныхъ стремленіяхъ и движеніяхъ, неусыпныхъ заботъ и попеченій родительскихъ».

Византійство послужило въ исторіи нашего общества только развитію и укрѣпленію этой опеки, такъ что древній домострой, съ одной стороны, въ лицѣ старшаго, воспитывалъ, утверждалъ и освящалъ самый безграничный произволъ, полную необузданность воли, съ другой, въ лицѣ каждаго младшаго, воспитывалъ, утверждалъ и освящалъ безпрекословное послушаніе, безграничное приниженіе личности, полное дѣтство и раболѣпство воли. Самая идея свободы понималась матеріально, какъ и идея воли, и свобода значила собственно освобожденіе отъ чужой воли, а слѣдовательно пріобрѣтеніе своей воли. Такой законъ являлся общимъ складомъ жизни въ физическомъ, нравственномъ, служебномъ, общественномъ и политическомъ отношеніяхъ, и онъ, а не татарская идея, объясняетъ развившееся въ Москвѣ самодержавіе. Подчинивъ себѣ всѣ явленія жизни, опека создала тотъ душный міръ, изъ котораго вырваться можно было только съ силою богатыря, и, какъ крайность, она производила другую крайность— богатырство необузданной воли. Для дѣйствій этой воли необходимо было поле — для однихъ такимъ полемъ была власть, для другихъ, угнетенныхъ и недовольныхъ—степь. Отсюда—разбойная жизнь, казачество, бродяжничество, расколъ съ его широкимъ отрицаніемъ въ разныхъ толкахъ.

Каково же было положеніе женщины въ такомъ обществѣ? Во времена языческія, женщина, повидимому, находилась въ лучшемъ положеніи, то-есть имѣла такое же самостоятельное общественное значеніе, какъ и мужчина. То былъ вѣкъ силы и отваги, вѣкъ дѣлъ по преимуществу мужественныхъ, которыя составляли важный идеалъ для

мужчины и освящались даже религіозными представленіями о загробной жизни: умереть побѣжденнымъ значило поступить въ рабство къ побѣдителю на томъ свѣтѣ. Естественно, что свобода дѣйствій, которая, само собою разумѣется, въ представленіи о мужественномъ дѣлѣ и отвагѣ, распространялась и на женщину, и ее выдвигали на богатырскіе подвиги: она является удалою поленицею въ народной былинѣ, она, во время войнъ Святослава съ греками, участвуетъ въ битвахъ въ мужскомъ одѣяніи и сражается съ мужскою храбростію. Она, въ лицѣ Ольги, всякое дѣло хочетъ дѣлать и знать самолично, и дѣлаетъ его съ такимъ полнымъ разумѣніемъ, такъ устраиваетъ землю, что народъ назвалъ ее «мудрою» и сохранилъ о ней такую земскую и добрую память, какъ ни объ одномъ князѣ. Мудрость-хитрость являлась въ томъ вѣкѣ не только положительнымъ свойствомъ ума, но вѣщею силою, приближавшею человѣка къ богамъ, и языческій идеалъ присвоиваетъ женщинѣ вообще даръ гаданій, чаръ, даръ пророчества, даръ знать тайны естества, то-есть владѣть добрыми и злыми силами природы. Все это должно было давать женской личности самостоятельное общественное значеніе. И дѣйствительно мы видѣли эту самостоятельность въ томъ, что мужчины по обоюдному согласію съ дѣвушками умыкали себѣ женъ, и бракъ, слѣдовательно, зависѣлъ не столько отъ воли родителей, сколько отъ согласія самой невѣсты. Но съ принятіемъ христіанской вѣры, смягчившей нравы и обычаи, внесшей въ жизнь новыя идеи, самостоятельность женской личности постепенно исчезла, заключивъ міръ ея интересовъ единственно семьею въ самомъ тѣсномъ значеніи этого слова. И это зависѣло не отъ самой сущности ученія Христа, а отъ того, что наши учители, греки, внесли къ намъ вмѣстѣ съ христіанствомъ свою умственную и нравственную культуру въ произведеніяхъ своей литературы, то-есть византійскій складъ понятій о многихъ предметахъ жизни, и именно тотъ складъ понятій, какой въ ту пору господствовалъ въ умахъ византійскаго духовенства. Имѣя дѣло съ разлагавшимся, растлѣннымъ византійскимъ міромъ, христіанская проповѣдь безпощадно отрицала его и всѣ свои идеалы главнымъ образомъ сосредоточила въ аскетизмѣ, въ монашескомъ воззрѣніи на міръ и его заботы; безпощадное, всестороннее отрицаніе обветшалыхъ жизненныхъ формъ, идя послѣдовательно, отрицая всевозможные пороки ума, отвергло, наконецъ, и самую науку, и на все, на умъ, на чувства, на жизнь наложило оковы крайняго рабства и неподвижности. Если въ извѣстной степени такое явленіе было законно въ обществѣ разваливавшемся, если тамъ оно могло принести нѣкоторые полезные плоды, то въ обществѣ молодомъ, свѣжемъ, на почвѣ дѣвственной и простодушной, оно могло только дѣйствовать губительно. А между тѣмъ византійскія понятія цѣликомъ перешли на нашу почву и стали отрицать древній русскій житейскій міръ, вы-

росшій въ чистой непосредственности и дѣтской наивности. Все житейское сдѣлалось «поганымъ» или «грѣховнымъ», цѣлый міръ эстетическихъ силъ народа, вся народная поэзія была отвергнута. Эти византійскіе взгляды, дѣйствуя на мужчину, въ тоже время гораздо сильнѣе дѣйствовали на женщину, ибо противъ женщины, этого воплощеннаго «соблазна», которая въ Византіи, даже на престолѣ ознаменовала себя позорными дѣяніями, обличенія были направлены спеціально: въ аскетическомъ воззрѣніи она являлась типомъ нравственнаго безобразія, причиною всѣхъ золъ — «отъ жены начало грѣху и тою вcѣ умираемъ»,—Содомомъ и Гоморромъ, отъ котораго слѣдовало бѣжать безъ оглядки. Самая красота стала называться «лукавствомъ», самая природа женщины заподозрѣвается въ нечистотѣ за извѣстные физіологическіе факты, и даже естественное, природное назначеніе женщины—родить дѣтей—провозглашено нечистымъ и поганымъ: «въ которомъ храмѣ (комнатѣ) мати дитя родитъ, недостоитъ влазити въ него по три дня; потомъ помыютъ всюду и молитву сотворятъ, которую творятъ надъ осквернившимся сосудомъ, и такъ влазитъ». Книжные умники возбуждаютъ и такой вопросъ: «а что если случится, платъ женскій въ одежду вшити попу, можетъ ли онъ въ той одеждѣ служити?» Подобныя воззрѣнія на женщину легко прививались въ юномъ, простодушномъ обществѣ, жаждавшемъ вѣры, свѣта и истины. Мужчина начиналъ смотрѣть на себя свысока, сталъ выдвигать впередъ свое достоинство и проникаться мыслію, что женщинѣ не подобаютъ мужскія дѣла, что она существо низшее, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже «поганое», которое слѣдуетъ отдалять отъ свѣта, отъ общества. Надо взирать, говорили, на колыбель нашего просвѣщенія — на Цареградъ — какъ тамъ? Тамъ истинная вѣра и истинный свѣтъ,—и младенчествующіе умы воспринимали азіатскія, восточныя понятія, совершенно чуждыя славянству. Да, какъ въ Цареградѣ? Въ Цареградѣ, въ храмѣ Софіи, женщины становятся по лѣвую сторону и скрываются за занавѣсами. Примѣръ добрый и плодотворный. Кормчая тщательно напоминала, что жена должна быть «въ молчаніи и въ покореніи мужу своему», что она сотворена для мужа, а не мужъ для нея, что неподобаетъ мужу называть жену госпожею, но женѣ мужа «лѣпо звати господиномъ». Женщина пріобщается св. таинъ не у «царскихъ вратъ, гдѣ мужчины, а изъ другихъ дверей, что противъ жертвенника»; при вѣнчаніи она получаетъ перстень желѣзный, а не золотой; сдѣлавшись женою, обязана покрывать свои волосы до гроба, и «опростоволоситься» считалось невообразимымъ срамомъ. Самое устройство брака измѣнилось: явились десятилѣтніе мужья и восьмилѣтнія жены, обрученіе производилось и раньше; стало быть, тутъ ужъ нечего спрашивать о согласіи жениха и невѣсты, и дѣло повер-

шали между собою ихъ родители. Женщина окончательно поставлена была въ разрядъ вѣчно-малолѣтныхъ, и отсюда самъ собою родился теремъ, гдѣ она оберегалась, какъ въ монастырѣ, отъ всякаго грѣха и соблазна.

Теремъ — такое же произведеніе византійской, постнической идеи, какъ и самое приниженіе женской личности. Идеалъ постничества явился очень рано, еще при внукахъ св. Владиміра, дѣвы-княжны постригаются, собираютъ черноризицъ, устроиваютъ монастыри и умерщвляютъ плоть свою. Это былъ единственный путь не только для спасенія, но и для самостоятельнаго, сколько-нибудь независимаго, положенія въ общественной жизни. Нравственныя стремленія женщины только въ монашескомъ идеалѣ и находили себѣ удовлетвореніе; единственные подвиги ея — построеніе церквей, основаніе монастырей и умерщвленіе плоти. Когда въ Кіевѣ въ 1089 году умеръ митрополитъ, инокиня Янка, сестра Мономаха, ходила въ греки и привезла оттуда — митрополита Іоанна скопца; увидавшіе его кіевляне говорили: «это мертвецъ пришелъ», но этотъ мертвецъ былъ живое олицетвореніе идеаловъ дѣвства. «Иноческій образъ» становится съ XI вѣка высшею цѣлью жизни не только для женщинъ, княгинь и княженъ, но и для мужчинъ, князей, которые передъ кончиною принимаютъ схиму. И переходъ изъ дома въ монастырь не былъ рѣзокъ, ибо и домашній бытъ устроивался по монастырскому образцу, съ тою же благочестивою обстановкою и монотонностію. Церковь прежде всего вмѣшалась въ домашній бытъ, и византійскимъ номоканономъ, съ котораго взятъ былъ уставъ Ярослава Великаго, указана женщинѣ та роль, которую отнынѣ она должна была играть: уставъ этотъ выдѣлилъ женскую личность отъ общаго суда и подчинилъ ее суду церковному, наравнѣ съ иноческимъ чиномъ, общественными сиротами, вообще наравнѣ съ людьми, не имѣвшими въ міру-обществѣ самостоятельнаго значенія; церковный судъ сдѣлался оберегателемъ женской чести и женскаго достоинства; не общество, а церковь подавала женщинѣ руку помощи, и, естественно, церковные идеалы были ей ближе, чѣмъ мужчинѣ. Замкнутая въ свой тѣсный домашній кругъ, являясь членомъ не общественнаго, свѣтскаго міра, а только тѣсно-семейнаго, женщина постепенно уединялась въ теремѣ или уходила въ теремъ-крѣпость, монастырь. Когда именно, въ какомъ вѣкѣ явился теремъ—неизвѣстно, но, по всей вѣроятности, онъ нарождался постепенно, по мѣрѣ того, какъ крѣпла и развивалась аскетическая идея. Въ XVI и XVII в., онъ былъ уже въ полномъ цвѣту, и распространенію его не мало способствовала борьба за самовластіе между князьями, когда и мужчина долженъ былъ держать себя бережно: теремъ защищалъ уже не только

отъ грѣха, но отъ всякихъ лиходѣевъ и враговъ. Наступаетъ полное затворничество. «Женщина считается честною, говоритъ Герберштейнъ, тогда только, когда живетъ дома взаперти и никуда не выходитъ.... Весьма рѣдко позволяется имъ ходить въ храмъ, а еще рѣже въ дружескія бесѣды, развѣ уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ, когда онѣ не могутъ навлекать на себя подозрѣнія». Другой иностранецъ, Бухау, свидѣтельствуетъ, что въ половинѣ XVI вѣка, знатные люди не показывали своихъ женъ и дочерей не только постороннимъ людямъ, но даже братьямъ и другимъ родственникамъ и въ церковь позволяли имъ ходить только во время говѣнія, чтобы пріобщиться св. таинъ, или иногда въ самые большіе праздники.

Если отъ теремовъ знатныхъ лицъ мы поднимемся въ теремъ царицъ, то увидимъ, что послѣднія дѣлались жертвами не одного семейнаго начала, но также государственныхъ идей. Царица назначалась для продолженія рода московскихъ государей; въ этомъ заключался весь смыслъ ея существованія; личность царицы совершенно исчезала за личностью родительницы и если она не исполняла этой роли, то отсѣкалась, какъ безплодная вѣтвь. Понятно, что собиратели Руси ревниво относились къ своему наслѣдственному и пріобрѣтенному владѣнію и не хотѣли, чтобъ оно перешло въ родъ братьевъ или дядей; оберeганіе собственной жизни и будущаго поколѣнія своего сдѣлалось для нихъ настоятельною, неизбѣжною потребностью. И это было тѣмъ труднѣе, что московскій владыка постоянно находился въ средѣ непріязненной, также неразборчивой на средства, какъ были неразборчивы и сами собиратели земли, сплотившіе Русь «путемъ захвата, насилія, коварства, предательства; путемъ всѣхъ пороковъ, какіе обыкновенно порождаетъ борьба необузданнаго своеволія и самовластія». Принявъ на себя всѣ грѣхи своего рода, московскій государь долженъ былъ окружить себя дружинниками, которые, изъ самовластныхъ вотчинниковъ, поневолѣ сдѣлались его холопами, понимавшими, однакожъ, дѣло его, какъ дѣло личное, а вовсе не государственное: въ ихъ глазахъ, онъ прежде всего былъ грабитель, а они— жертвы, повинные только въ томъ, что не были въ состояніи съ нимъ бороться. Обязанные служить этому сильному врагу своему, принужденные бросить открытую борьбу, они тѣмъ сильнѣе держались за средства слабыхъ, угнетенныхъ и порабощенныхъ, т.-е. за козни, заговоры, предательства, доносы, клевету, порчу и отраву, которая, по суевѣрнымъ представленіямъ вѣка, являлась обыкновенно въ образѣ волшебства и чародѣйства. Московскій владыка, проводя начала самовластія и единовластія, естественно продолжалъ оскорблять, унижать и изводить противную себѣ среду; послѣдняя платила ему тѣмъ же, но тайно, изъ-за угла. Въ такой борьбѣ не могло быть особенно

любовныхъ и сердечныхъ отношеній, и не мудрено, что отрава, извѣстная вообще подъ именемъ порчи, сдѣлалась самымъ сподручнымъ орудіемъ. Конечно, порча бывала и безвредна, но не даромъ же передъ этимъ страшилищемъ трепетали всѣ люди московскаго государства, начиная съ самого царя: онѣ знали по опыту, по многочисленнымъ примѣрамъ, что въ порчѣ часто игралъ существенную роль ядъ. И насъ не должно это удивлять, ибо въ то время защищать себя отъ врага — значило самому первому напасть на него, а побѣдить врага — значило истребить его. Къ тому же человѣческая жизнь цѣнилась тогда весьма дешево, а жизнь врага низводилась до понятія о простой, ненужной вещи.

Какъ легко относились къ чужой жизни даже въ концѣ XVII-го вѣка, когда борьба уже утихла, но старыя традиціи продолжали жить, видно изъ примѣра такого сравнительно мягкаго и безспорно весьма благочестиваго государя, каковъ былъ Алексѣй Михайловичъ. Сынъ Аѳанасія Ордына-Нащокина бѣжалъ тайно за границу; Алексѣй Михайловичъ послалъ къ отцу своего подъячаго и велѣлъ сказать, чтобъ онъ не очень печалился, что государь не оставитъ его своею милостію, но чтобъ онъ всячески «промышлялъ» о своемъ сынѣ, сулилъ бы 5, даже 10 тысячъ рублей за то, чтобъ его привести; «а если его такимъ образомъ промышлять нельзя, и если Аѳанасію надобно, то сына его *извести бы тамъ...*» Такія приказанія очевидно оправдывались традиціями, если отдавались такъ спокойно. Но чтобъ дойти до нихъ людямъ благочестивымъ, надо было имѣть не особенно великую увѣренность въ своей силѣ. Власть московскаго государя была безгранична, но онъ долженъ былъ чувствовать, что она построена на кровавыхъ развалинахъ, что вокругъ его завистники и недруги, служащіе ему ради своего прибытка; онъ по неволѣ долженъ былъ сдѣлаться подозрительнымъ, и это качество, развиваясь въ той или другой царственной личности, смотря по обстоятельствамъ и темпераменту, болѣе или менѣе, иногда доходило до размѣровъ колоссальныхъ, полуумныхъ, какъ въ Грозномъ.

Окруженный корыстнымъ, растлѣннымъ дворомъ, московскій государь долженъ былъ держать себя вѣчно какъ осажденный, постоянно ожидая, что его или его домашнихъ изведутъ и испортятъ. Посмотрите на эту веселую картину царскаго обѣда, гдѣ питье и ѣства испытывались, прежде чѣмъ попадутъ въ руки государя, всѣми подающими въ глазахъ принимающаго. Ключникъ долженъ былъ испытывать, ставя ѣству на столъ, передъ дворецкимъ; дворецкій долженъ былъ испытывать, отдавая ее стольнику, нести передъ государя; кравчій, принимая блюдо отъ стольника, долженъ былъ покушать въ глазахъ государя, прежде чѣмъ ставить къ нему на

столъ; чашникъ, поднося пить государю, самъ отливалъ себѣ прежде въ ковшъ и пилъ; тоже дѣлалось и съ лекарствами: близкіе къ государю люди, будучи здоровыми, пили лекарства, которыя назначались царю, когда подавали ихъ ему. Естественно, что такая подозрительность развивала огромное шпіонство, коварство и предательство. «Пустое дѣло, пустое слово, говоритъ г. Забѣлинъ, тотчасъ дѣлалось государственнымъ преступленіемъ, возбуждало страшные розыски, немилосердныя пытки, и всегда оканчивалось, если не полною гибелью, то полнымъ разореніемъ виновныхъ, ссылкою и подобными житейскими несчастьями. Государева особа охранялась не народною любовью, а ужасомъ доноса, розыска, пытки, ужасомъ знаменитаго «слова и дѣла», котораго настоящій смыслъ находился именно въ дворцовыхъ покояхъ и оттуда уже распространялся на всю землю.

Характеръ дворцовыхъ отношеній особенно хорошо рисуется при выборахъ государевыхъ невѣстъ. Такъ какъ государствомъ управляли не земскія народныя силы, а силы государева двора, первенствовавшія скрытно и въ боярской думѣ, то быть въ особенномъ приближеніи къ государю значило захватить въ свои руки наибольшую часть власти, стать небольшимъ самовластителемъ около большого, и сіять, хотя заимствованнымъ, но все-таки яркимъ свѣтомъ, распространяя его на своихъ приближенныхъ. Самый легкій способъ попасть въ такое положеніе было черезъ государеву супругу, родные которой тотчасъ же становились въ число первыхъ людей. Конечно, въ интересахъ государственныхъ московскому государю было пріятнѣе завязывать узы родства съ равными себѣ, съ государями иностранными, но по разнымъ причинамъ это не удавалось. Оставалось обратиться къ русскимъ; но какъ тутъ поступить? Завязать узы родства съ наиболѣе знатными родами—значило постепенно возвеличить ихъ и создать въ нихъ, пожалуй, соперниковъ себѣ въ будущемъ; лучше всего перенести выборъ супруги на всѣхъ, сдѣлать его всенароднымъ, хотя и въ ограниченномъ смыслѣ, но распространить его на все служилое сословіе, руководствоваться при выборѣ только достоинствами дѣвушки, чтобъ она отличалась «дородствомъ, красотою и разумомъ». И тутъ-то начиналась борьба, тутъ-то возникали всевозможныя козни, пускались въ ходъ коварство, клевета, и порча. Близкія къ государю лица, ревниво оберегая свою власть, съ ненавистью должны были относиться къ новымъ людямъ, которые приходили вмѣстѣ съ избранною невѣстою царя. Сколько терзаній, сомнѣній, сколько плановъ возникало въ головахъ близкихъ дворовыхъ лицъ въ то время, когда царь, не спѣша, разсматривалъ сотни невѣстъ, изъ сотни выбиралъ десятки, изъ десятковъ нѣсколько дѣвицъ, и, наконецъ, изъ нѣсколькихъ одну сіявшую ростомъ, дородствомъ

и красотою, не говоря о разумѣ, который могъ приниматься въ соображеніе только отчасти. И вотъ эта избранница на высокую чреду государевой супруги провозглашалась царевною, иногда съ перемѣною имени, вводилась въ царскіе хоромы, гдѣ оставляли ее до времени сватьбы на попеченіи дворовыхъ боярынь и постельницъ, женъ вѣрныхъ и богобоязливыхъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто тотчасъ же занимали ближайшія родственницы избранной невѣсты. Но счастье было еще далеко; борьба розыгрывалась только именно въ то время, когда избранница становилась царевною. Тутъ же сторожили ее сотни ревнивыхъ глазъ, подмѣчали всякое движеніе ея, всякое слово; простого нездоровья достаточно было, чтобъ нашептать государю, что невѣста его страдаетъ неизлечимою болѣзнью, что родные ея скрыли это, что болѣзнь эта угрожаетъ здоровью и самого государя. И не разъ козни эти достигали своихъ цѣлей. Вообразите себѣ эту настоящую драму, которою не воспользовался еще ни одинъ изъ нашихъ драматурговъ: съ одной стороны, царь, которому хитро нашептываютъ такъ-называемые преданные люди, и онъ борется между чувствомъ любви къ избранницѣ своего сердца, и чувствомъ недовѣрія къ ней; съ другой, въ женской половинѣ дворца, тревога этой избранницы и родныхъ ея. Какой срамъ и несчастіе быть изгнанной изъ царскихъ покоевъ и попасть въ ссылку, погибнуть не только самой, но стать причиною гибели всего семейства! Вся наша древняя, затхлая, душная, исполненная суевѣрія, холопства и своекорыстія жизнь выступала тутъ во всемъ своемъ блескѣ, въ тѣхъ крупныхъ чертахъ, которыя такъ присущи неразвитому обществу. Наибольшій романическій интересъ представляетъ исторія первой невѣсты Михаила Ѳеодоровича, Марьи Хлоповой. Юный царь полюбилъ ее со всѣмъ пыломъ юности; но приближенные его, Салтыковы, нашли средство дать ей отравы, которая и обнаружилась рвотою и ломаніемъ «всего нутра»! Молодая, крѣпкая натура дѣвушки выдержала; Салтыковы пытались усилить отраву въ лекарствѣ, но родные Марьи благоразумно устранили это лекарство. Однакожъ говоръ пошелъ, Салтыковы нашептывали царицѣ-матери и вмѣстѣ съ нею самому царю. Собрался семейный совѣтъ, на которомъ рѣшено было, что «нареченная царица къ государевой радости не прочна»! Михаилъ, находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ матери, съ великою скорбью уступилъ свою возлюбленную, съ которою провелъ въ бесѣдахъ нѣсколько недѣль и успѣлъ сильно къ ней привязаться: Марью Хлопову «сослали съ верху» вмѣстѣ съ роднею въ Тобольскъ, потомъ перевели въ Верхотурье. Прошло нѣсколько лѣтъ, а государь все отказывался жениться, питая тайную надежду, съ возвращеніемъ отца своего изъ плѣна, переселить мать и обвѣнчаться-таки

съ Марьею. Филаретъ Никитичъ дѣйствительно принялъ сторону сына, Марью перевели въ Нижній, послали ее освидѣтельствовать—она оказалась здоровою, назначили слѣдствіе, открыли слѣды интриги Салтыковыхъ, которые повинились, что «сего ради тако сотворихомъ, понеже намъ удаленнымъ быти царева лица и сана своего лишитися». Салтыковыхъ сослали, но царица-мать такъ рѣшительно воспротивилась женитьбѣ сына на Хлоповой, что пришлось отказаться. Какъ сильно было чувство къ ней молодого царя, можно судить потому, что онъ цѣлыхъ семь лѣтъ не покидалъ мысли соединиться бракомъ съ избранною имъ подругою. Вѣрность по истинѣ примѣрная!

Царица оберегалась, въ теремѣ и во время выѣздовъ, самымъ тщательнымъ образомъ; ни одинъ мужчина не могъ ее видѣть; экипажъ ея всегда былъ закрытъ; выѣзжала она или рано поутру или въ вечеру, а иногда ночью. Во время пышныхъ поѣздовъ къ Троицѣ и въ другіе отдаленные монастыри, царицу сопровождали дѣвицы и прислужницы, въ алыхъ юбкахъ и бѣлыхъ шляпахъ, верхомъ, сидя на лошадяхъ, какъ мужчины. Царица, посѣщая монастыри, входила въ церковь огражденная красными сукнами; ни монахи, ни игуменъ ее обыкновенно не видали. Иностранцы удивлялись тому «уваженію», которымъ пользовалась русская царица. «Русскіе, говорили они, не смѣютъ не только говорить свободно о своей царицѣ, но даже и смотрѣть ей прямо въ лицо. Изъ тысячи придворныхъ едвали найдется одинъ, который можетъ похвалиться, что онъ видѣлъ царицу или кого-либо изъ сестеръ и дочерей государя. Даже и врачъ никогда не могъ ихъ видѣть. Когда однажды, по случаю болѣзни царицы, необходимо было призвать врача, то прежде чѣмъ ввели его въ комнату къ больной, занавѣсили плотно всѣ окна, чтобы ничего не было видно, а когда нужно было пощупать у нея пульсъ, то руку ея окутали тонкимъ покровомъ, чтобъ медикъ не могъ коснуться тѣла». «Подобное уваженіе» легко однако, объясняется тѣмъ, что всякое, даже неумышленное нарушеніе требованій недоступности царицы строго преслѣдовалось: нерѣдко, вслѣдствіе нечаянной встрѣчи съ царицей, начинались розыски и допросы, не было ли какого злого умысла. Но если царицъ никто не видалъ, онѣ все видѣли: уличныя увеселенія, пріемы пословъ и проч. смотря въ окна, въ неплотно-притворенныя двери. Внутренній міръ этой затворницы, все видѣвшей невидимки, не лишенъ психологическаго интереса, хотя матеріаловъ для анализа у насъ и нѣтъ. Проникала ли любовь посторонняго мужчины за эти крѣпкіе затворы? Теремъ, оберегавшій всякую женщину, разумѣется, вовсе не развивалъ въ ней требованія нравственнаго долга, и нарушенія обѣта любить одного, безъ сомнѣнія, бывали часты. Есть возможность предполагать, что сердечныя отношенія Елены Глинской, матери Грознаго, къ Овчи-

нѣ-Телепневу-Оболенскому, сдѣлавшемуся впослѣдствіи ея наперсникомъ, начались раньше смерти Василья, который, женившись 26 лѣтъ на Соломоніи Сабуровой, прожилъ съ нею 20 лѣтъ и не имѣлъ дѣтей. Онъ развелся съ нею за «неплодіе». Женившись на Еленѣ Глинской, онъ четыре года не имѣлъ дѣтей,—на пятый, когда великому князю было уже 50, родился Грозный, потомъ, черезъ два года, Георгій. Молодой Овчина-Телепневъ-Оболенскій былъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ великому князю людей. Во время свадьбы его онъ находился въ числѣ дѣтей боярскихъ четвертымъ у брачной постели, вмѣстѣ съ дворовыми боярынями, вдовами ближнихъ бояръ Челядниныхъ, Еленою и Аграфеною. Послѣдняя была ему сестра, и потомъ была избрана въ мамы къ новорожденному малюткѣ Грозному. Сверхъ того, ему тогда же было назначено «колпакъ держати у великаго князя и спати у постели и въ мыльнѣ мытися съ великимъ княземъ», что обыкновенно поручалось самымъ приближеннымъ, такъ-сказать, домашнимъ людямъ. Нравственную распущенность свою теремъ ярко обнаружилъ при Софьѣ Алексѣевнѣ, и старовѣры говорили: «царевна Софья была блудница и жила блудно съ боярами, да и другая царевна, сестра ея... и бояре ходили къ нимъ и ребятъ тѣ царевны носили и душили, а иныхъ на дому кормили...» Постоянные подвиги царевны дѣйствительно доказывали сомнительныя нравственныя начала. Во время борьбы своей съ Петромъ, она ѣздитъ въ дѣвичьи монастыри и все по ночамъ, чтобъ во время этихъ ночныхъ бдѣній удобнѣе вести переговоры со стрѣльцами, всегда ее сопровождавшими, слушаетъ акаѳисты, молится, совершаетъ панихиды по своимъ родителямъ, и чѣмъ дѣятельнѣе предается она благочестивымъ занятіямъ, тѣмъ рѣшительнѣе ведетъ заговоръ противъ Петра и его семейства и, конечно, ни мало не отступаетъ передъ мыслію о конечной погибели брата. Въ послѣднее время въ нашей исторической литературѣ были попытки идеализировать Софью Алексѣевну; по нашему мнѣнію, г. Забѣлинъ смотритъ на нее гораздо реальнѣе. По его мнѣнію, у этой царь-дѣвицы, не было и не могло быть убѣжденія, что общество спасается не постническимъ идеаломъ, а идеаломъ полной, всесторонней свободы, и потому она не искала настоящей свободы, а искала лишь приличной формы, приличной по мнѣнію вѣка одежды для своего дѣвическаго своеволія. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ ея дѣйствія носятъ на себѣ печать фарисейскаго постничества и византійскихъ образцовъ.

Г. Забѣлинъ проводитъ весьма правдоподобную параллель между Константинополемъ во времена его политическихъ и общественныхъ смутъ, и Москвою въ концѣ XVII столѣтія. Такое же религіозное движеніе, такія же козни и вѣчныя интриги во дворцѣ, стрѣльцы неистовствуютъ въ самыхъ внутреннихъ покояхъ дворца, ревнители стараго

благочестія неистовствуютъ въ Грановитой Палатѣ, ведя съ патріархомъ публичный споръ о вѣрѣ, въ присутствіи царицы и царевенъ. Весьма неудивительно, что Софія увлеклась житіемъ Пульхеріи, которая начала управлять Византіей 19-ти лѣтъ за малолѣтствомъ брата своего Ѳеодосія и приняла титулъ Августы. Отличаясь набожностью и благочестіемъ, она въ этихъ добродѣтеляхъ воспитала и брата своего, который и выросши остался подъ сестриной опекой. Впослѣдствіи она разсорилась съ братомъ и была изгнана изъ царскихъ чертоговъ, но не надолго: снова принявъ въ свои руки бразды правленія, она пережила своего брата и до самой смерти управляла государствомъ. Эта византійская исторія, конечно, извѣстна была Софіи, и въ ней она могла найти вдохновеніе для того, чтобъ, смутивъ государство, удалить отъ престола дѣтей мачихи, и тогда занять въ русской Византіи первенствующее положеніе. И это удалось ей при помощи лицемѣрія, хитрости и друзей терема, каковыми являлись попы, дьяконы, пѣвчіе, разные старцы и старицы, богомольцы, нищіе и проч. Посредствомъ этого сброда, которому теремъ давалъ въ извѣстные дни особые пиры, извѣстные подъ именемъ «кормки нищихъ», Софьѣ Алексѣевнѣ не трудно было владѣть народными умами, вести благопріятную для себя пропаганду, пускать въ народъ сплетни и слухи, переписываться съ стрѣльцами и хоронить концы. Достигнувъ возможности распоряжаться государственною казною, теремъ сталъ сыпать деньгами, принималъ тайно поповъ, дарилъ имъ серебрянную дворцовую посуду, раздавалъ своимъ приверженцамъ оружіе изъ царскихъ кладовыхъ. Теремъ созрѣлъ для интригъ подобнаго рода; не даромъ же онъ былъ отброшенъ отъ міра и ревниво оберегался — въ немъ копошились страстишки, постоянно таясь и вырабатывая орудія слабыхъ и угнетенныхъ.

Софья Алексѣевна стояла на концѣ многовѣковой исторіи терема, которая не дала намъ ни одной замѣчательной женской личности или давала такихъ, какъ эта царь-дѣвица и боярыня Морозова—обѣ произведенія той же постнической, византійской идеи. Боярыня Морозова явила собою примѣръ по истинѣ богатырской силы, но эта сила была потрачена на безплодную борьбу, за древнее благочестіе при скромнѣйшемъ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Тѣ страданія, которымъ она добровольно себя подвергнула, нисколько неуступаютъ мученицамъ первыхъ вѣковъ христіанства. Она была супругою Глѣба Ивановича Морозова, одного изъ первыхъ бояръ Алексѣя Михайловича, родного брата знаменитаго царскаго дядьки и пѣстуна, Бориса Ивановича, управлявшаго при молодомъ царѣ всѣмъ государствомъ. Но не по мужу только была она знатною—Соковнины, изъ рода которыхъ она происходила, также принадлежали къ близкимъ, домашнимъ людямъ

дворца. Будучи духовною дочерью знаменитаго протопопа Аввакума, она строго исполняла правило церковное и келейное, не оставляя его и тогда, когда бывала «вверху», у царицы или сестеръ государя. Оставшись молодой вдовой по смерти своего мужа, съ сыномъ, она предалась благочестію со всею вѣрою своей крѣпкой, сильной натуры, и увлекла сестру свою, княгиню Евдокію Урусову. Домъ ея былъ прибѣжищемъ старицъ, старцевъ и юродивыхъ и всѣхъ людей древняго благочестія, противъ которыхъ въ то время поднято было гоненіе. Царь сначала терпѣлъ ея супротивность, но потомъ, пылая ревностью о вѣрѣ, приказалъ схватить ее вмѣстѣ съ сестрою, отобралъ за себя ея богатое имѣніе, и для Морозовой настали тяжкіе дни. Вмѣстѣ съ сестрою ее заключили въ оковы. Сперва, впрочемъ, старались подѣйствовать на нее просьбами и угрозами; Морозовой напоминали о сынѣ, говорили, чтобъ она его пожалѣла и своимъ прекословіемъ не причиняла бы разоренія его дому. «Перестаньте мнѣ о сынѣ говорить», отвѣчала она имъ. «Обѣщалась Христу, моему свѣту; и не хочу обѣщанія измѣнить до послѣдняго вздоха; ибо Христу живу, а не сыну». Ее посадили на стулъ и приковали ее за шею цѣпью. «Слава тебѣ Господи, яко сподобилъ мя еси Павловы узы возложить на себя», воскликнула она, цѣлуя цѣпи. Умеръ сынъ ея; «никоніанцы» отнесли это къ божьему наказанію за сопротивленіе матери. Она пала на землю предъ образомъ, плача и рыдая, и говорила жалобно: «увы мнѣ, чадо мое! погубили тебя отступники». Ее начали пытать, обнаживъ до пояса, завязавъ назадъ руки, и подняли на стряску. Она съ пытки продолжала порицать «лукавое отступничество» палачей. Снявъ съ пытки, ее положили, рядомъ съ другими, вынесшими такую же пытку, съ княгиней Урусовой и Марьей Даниловой, на снѣгъ, голыми спинами, съ выломанными назадъ руками. Онѣ лежали такъ часа три. Потомъ принесли мерзлую плаху и клали ее на груди несчастныхъ; подносили ихъ къ огню и угрожали жечь. Данилову, кромѣ того, положили при ногахъ Морозовой и Урусовой, били въ пять плетей немилосердно, въ двѣ перемѣны—сначала по хребту, потомъ по животу. Морозова, видя такое безчеловѣчіе, заплакала и сказала дьяку: «Это-ли христіанство, чтобы такъ человѣка мучить!» Ее бы сожгли, еслибъ не заступничество родныхъ во дворцѣ. Ограничились жестокимъ заточеніемъ ея вмѣстѣ съ сестрою въ земляной тюрьмѣ въ Боровскѣ, гдѣ онѣ страдали отъ спертаго воздуха такъ, что имъ дѣлалось дурно; сорочекъ ни перемѣнить, ни мыть было нельзя; въ верхней худой одеждѣ, которую нельзя было скидать отъ холода, развелось множество насѣкомыхъ, не дававшихъ имъ покою ни днемъ, ни ночью; пища ихъ состояла изъ сухарей и воды, да и то, когда давали сухарей—не давали воды, когда

давали пить—не давали сухарей; при этомъ обѣ онѣ были въ оковахъ. Урусова умерла черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, прося передъ смертью сестру свою: «Отпой мнѣ отходную: чтó ты знаешь, ты говори, а чтó я припомню, то я сама проговорю.» И узница надъ узницей, обѣ въ цѣпяхъ, плача, совершали отходную. Въ Москвѣ думали, что послѣ смерти сестры, Морозова обратится на путь истины и послали увѣщевать ее. Она отвѣчала: «Нынѣ-ли, когда я вкусила столько сладкихъ подвиговъ, хотите меня отлучить отъ добраго и прекраснаго Господа моего? Уже четыре года ношу эти оковы, и радуюсь, и не перестаю лобызать эту цѣпь, поминая Павловы узы». Чувствуя приближеніе смерти, изнемогая отъ голода, она попросила караулившаго ее воина, чтобъ онъ вымылъ ей сорочку: «Не подобаетъ мнѣ, чтобъ это тѣло въ нечистой одеждѣ легло въ нѣдрахъ своей матери земли». Воинъ исполнилъ ея просьбу, и она тихо скончалась. Повторяемъ—это богатырская сила, но ушла она за какую идею? А эта идея, какъ и та, во имя которой мучили Морозову, держала русскій народъ на низкомъ уровнѣ развитія. Петръ засталъ ее уже въ судорогахъ: она разлагалась отъ собственнаго гніенія, но, несмотря на энергическія мѣры Петра, идея эта такъ сжилась съ русскимъ организмомъ, что до сихъ поръ даетъ себя чувствовать и даже находитъ своихъ панегиристовъ.

Мы должны упомянуть еще объ одномъ явленіи въ жизни русской женщины, которое давало ей самостоятельность; по самому смыслу общественнаго строя, женщина пріобрѣтала самостоятельность, когда дѣлалась главою дома; все это могло случиться тогда лишь, когда, по смерти мужа, она оставалась «матерью вдовою», т.-е. вдовою — матерью сыновей. Въ этихъ случаяхъ женщина играла мужскую роль, и личность ея пріобрѣтаетъ сильныя самостоятельныя черты въ общественной жизни и въ историческихъ событіяхъ. Таковы были св. Ольга, Мареа Борецкая, Елена Глинская. Впрочемъ, этихъ типовъ, исключая Ольги, г. Забѣлинъ почти не касается, такъ какъ они были явленіемъ случайнымъ, хотя они же показывали, что русская женщина и въ «прохладномъ» теремѣ сохранила свои существенныя черты душевной силы.

Къ сочиненію г. Забѣлина прилагаются рисунки древнихъ русскихъ нарядовъ, на которые также повліяла частію Византія; матеріалы, состоящіе изъ разныхъ записокъ — расходныхъ, матеріальныхъ и денежныхъ, кроильныя, издѣльныя и проч., и указатель предметовъ, упоминаемыхъ въ матеріалахъ.

Опытъ улучшенія быта крестьянъ: Соч. *Г. А. Теплова*. М. 1869. стр. 248 и XXIX.

Г. Тепловъ, «пользуясь дозволеніемъ нашего мудраго и либеральнаго правительства», написалъ «критику на выкупную операцію», которую онъ «осуждаетъ, какъ переводящую принудительно крестьянъ съ издѣльной повинности на денежную, какъ навязывающую имъ непрошенную (?) и часто дорогую поземельную собственность, и наконецъ, какъ препятствующую ихъ свободному передвиженію послѣ временно-обязаннаго періода». Это г. Тепловъ говоритъ въ предисловіи. На стр. 72 онъ начинаетъ снова: «Пользуясь правомъ, дарованнымъ намъ нашимъ мудрымъ и либеральнымъ правительствомъ» и проч. По правдѣ сказать, это право, дарованное вмѣстѣ съ другими и г. Теплову, привело его къ мысли сочинить книжку совершенно безполезную, хотя задался онъ недурною мыслью—разсказать о томъ, какимъ образомъ онъ улучшилъ бытъ крестьянъ въ своемъ имѣніи еще до Положенія 19 февраля 1861 г. Такія сказанія, при условіи полнѣйшей откровенности, могли бы быть полезны, какъ матеріалъ для будущей исторіи нашей цивилизаціи; но признанія г. Теплова не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что бы не было извѣстно, и напрасно онъ опасается озлобленія противъ него критики за то, что онъ сѣкъ крестьянъ, давая имъ по 25-ти розогъ, если они не могли внести штрафу въ 50 коп. за прогульный день. Мы знаемъ факты болѣе характерные: г. Тепловъ, по крайней мѣрѣ, оцѣнилъ стоимость каждаго удара розги, равняющуюся, по его экономическимъ соображеніямъ, 2 коп.,—другіе дѣлали это безъ всякой оцѣнки. У г. Теплова, такимъ образомъ, каждый крестьянинъ зналъ, сколько ему розогъ дадутъ, если онъ не явится по какимъ либо причинамъ на работы, примѣрно, 20 разъ въ году—онъ получалъ за это всего 500 розогъ, если не хотѣлъ заплатить 10 р.; но бывали и такіе владѣльцы, отъ которыхъ никто не могъ бы получить никакихъ статистическихъ свѣдѣній. Мы, поэтому, считаемъ своимъ долгомъ сказать, что опредѣленіе цѣнности розги со стороны г. Теплова—заслуга весьма реальная; но, къ сожалѣнію, не можемъ согласиться съ нимъ, что онъ своимъ сочиненіемъ разрѣшилъ «міровую задачу». Совсѣмъ напротивъ, намъ кажется, что онъ никакой задачи не разрѣшилъ, хотя постоянно ссылается на Моля, Бастіа, Курсель-Сенеля, Адама Смита, апостола Павла и своего дѣда, Григорія Николаевича Теплова.

Такъ какъ просвѣщенному міру извѣстны упомянутыя имена и ихъ заслуги, имя же дѣда г. Теплова извѣстно мало, то мы считаемъ нелишнимъ сказать, что, по совѣту этого дѣда, какъ утверждаетъ его

внукъ, «состоялось прикрѣпленіе къ однимъ мѣстамъ жителей Малороссіи», и что въ запискѣ, сочиненной имъ по этому поводу и поданной императрицѣ Елизаветѣ, «говорится о непроизводительности и вредѣ праздношатанія, не заслуживающаго названія гражданской свободы». Праздношатаніе дѣйствительно не заслуживаетъ названія гражданской свободы, но и крѣпостное право также такого названія не заслуживаетъ. А все сочиненіе г. Теплова, написанное «по праву дарованному ему мудрымъ и либеральнымъ правительствомъ», клонится именно къ тому, что у насъ крестьянъ освободили не такъ, какъ хотѣлъ г. Тепловъ, что освободить ихъ слѣдовало совершить медленнымъ путемъ, постепенно, вводя регулированіе обязательнаго труда и всѣ тѣ порядки, которые процвѣтаютъ теперь въ Остзейскомъ краѣ. Поздно же г. Тепловъ хватился за такую мысль: она давнымъ-давно была высказана на тысячу ладовъ въ извѣстномъ литературномъ органѣ, и сначала приводила поклонниковъ принциповъ Положеній 19 февраля въ негодованіе, а потомъ стала только смѣшить ихъ. Наивнѣе всего то со стороны г. Теплова, что онъ будто и не зналъ объ этомъ и, сокрушаясь объ участи освобожденныхъ негровъ, которые будто бы «неспособны къ самостоятельному труду», спрашиваетъ: всѣ ли обитатели русской территоріи, при распространеніи европейской цивилизаціи, могутъ избѣгнуть участи негровъ и индійцевъ? И начинаетъ онъ сокрушаться объ обитателяхъ русской территоріи; но, припомнивъ, что въ Галиціи «прогрессъ совершился», хотя будто бы «четвертая доля населенія погибла отъ радикальныхъ мѣръ», спрашиваетъ опять: «полезно ли подвергать нашъ православный, національный людъ подобному испытанію, когда у насъ есть возможность достигнуть тѣхъ же цѣлей въ лучшей мѣрѣ и безъ всякихъ пожертвованій»? Конечно, это должно быть очень трогательно для «православнаго и національнаго люда», но ужъ видно такая наша горькая судьба: пускай погибаетъ онъ отъ радикальныхъ мѣръ, но не благоденствуетъ по мѣркѣ такихъ экономистовъ, какъ г. Тепловъ, который желаетъ раздѣлить населеніе на способныхъ работать и на неспособныхъ, и притомъ на способныхъ и неспособныхъ въ извѣстныхъ степеняхъ. «Свобода, говоритъ онъ, въ выборѣ правъ, но права въ мѣру исполненія обязанностей». И, однакожъ, онъ не позволяетъ крестьянамъ выбирать права, и прямо назначаетъ имъ «права въ мѣру исполненія ими обязанностей». Согласитесь, что это несправедливо и нелогично даже съ точки зрѣнія г. Теплова, ибо, если принять его положеніе, то слѣдуетъ сначала сказать крестьянину: «выбирай себѣ права»; положимъ, что онъ выберетъ себѣ право помѣщичье—вѣдь это можетъ быть; если вы ему откажете, то какія основанія приведете на счетъ незаконности его выбора? Что онъ не можетъ быть хорошимъ помѣщикомъ? Но, во-первыхъ,

это надо испытать — Разумовскіе, у которыхъ служилъ дѣдъ г. Теплова, вышли прямо изъ крестьянъ и были хорошими помѣщиками — во-вторыхъ, крестьянинъ можетъ вамъ отвѣчать: я хочу быть дурнымъ помѣщикомъ — вѣдь были же дурные помѣщики! Чтó вы ему отвѣтите? Правда, г. Тепловъ приводитъ изреченіе апостола Павла: «аще кто не хощетъ дѣлати—ниже не ястъ», и этимъ превосходнымъ изреченіемъ поразитъ крестьянина; но послѣдній опять возразитъ, что онъ знаетъ помѣщиковъ, которые ничего не дѣлаютъ, но сладко ѣдятъ и пьютъ. Тутъ придется уже замолчать, если остаться вѣрнымъ опредѣленію г. Тепловымъ свободы. Впрочемъ, г. Тепловъ человѣкъ совершенно благонамѣренный и прогрессивный: онъ только никакъ не можетъ себѣ усвоить самыхъ простыхъ экономическихъ принциповъ, и, вслѣдствіе того, въ головѣ его происходитъ невообразимая путаница понятій. Такъ, напр., авторъ не одобрилъ Положенія 19-го февраля преимущественно за то, что знакомый г. Теплову докторъ купилъ землю, населилъ ее купленными на своэъ крестьянами, и при эманципаціи разорился; но потомъ авторъ одобряетъ это Положеніе за то, что самъ онъ благоденствуетъ, ибо доходы его увеличились послѣ 1861 г., и онъ «считаетъ священнымъ долгомъ принести дань глубочайшей признательности нашему мудрому правительству». Книжка вѣроятно для того и написана, чтобъ правительство знало, что есть Г. А. Тепловъ, который не только отъ эманципаціи не разорился, но разбогатѣлъ. Мы тѣмъ съ большею охотою готовы пропагандировать это любопытное обстоятельство, что, какъ замѣчаетъ г. Тепловъ, его «благосостояніе вліяетъ и на крестьянъ, доставляя имъ значительныя средства для прокормленія и обогащенія».

Исторія пластики съ древнѣйшихъ временъ до нашего времени. Вильгельма Любке. Переводъ съ нѣмецкаго *В. Чаева.* Изданіе К. Т. Солдатенкова, съ 231 рисункомъ въ текстѣ. Москва. 1870. Стр. XVI и 668.

Такіе труды, какъ «Исторія Пластики», занимая почетное мѣсто въ европейской литературѣ, у насъ должны цѣниться еще выше, такъ какъ уровень нашего художественнаго образованія сравнительно чрезвычайно низокъ. Сочиненіе Любке, являющееся въ хорошемъ переводѣ г. Чаева, есть первая попытка написать общую исторію пластики, и потому, какъ сознается и самъ авторъ, не свободно отъ пробѣловъ; но оно вполнѣ самостоятельное сочиненіе, и авторъ употребилъ долгіе годы на личное знакомство съ памятниками искусства въ разныхъ странахъ. Выборъ та-

кого сочиненія для перевода на русскій языкъ можно назвать тѣмъ болѣе удачнымъ, что оно, не будучи лишено опредѣленнаго взгляда, важнаго въ каждомъ серьезномъ историческомъ трудѣ, отличается отсутствіемъ тенденціознаго искаженія. Въ богатыхъ подобными произведеніями литературахъ, тенденціозность можетъ еще не мѣшать ни сбыту его, ни пользѣ; у насъ же, гдѣ даже и между людьми, спеціально посвятившими себя искусству, нѣтъ простого историческаго знанія искусства,—у насъ такъ-называемая тенденціозность совершенно безполезна, если не вредна. Желая возможно большаго распространенія этой книги, мы не можемъ не поздравить г. Солдатенкова съ тѣмъ, что въ послѣднее время онъ чаще и чаще издаетъ такіе капитальные труды, какъ настоящее сочиненіе и какъ «Исторія искусства» Куглера; подобныя предпріятія возможны только человѣку, обладающему значительными средствами. Наше издательское дѣло совсѣмъ заснуло со временъ Смирдина, который разорился на немъ, благодаря отсутствію знающихъ руководителей и другимъ болѣе неблагопріятнымъ условіямъ, въ которыхъ находилась и наша литература и развитіе общества; г. Солдатенковъ въ положеніи гораздо лучшемъ во всѣхъ отношеніяхъ, и ему слѣдуетъ только твердо идти по избранному пути, устранивъ изъ него случайности. Такъ какъ мы говоримъ о книгѣ посвященной искусству, то будетъ кстати сказать, что наше русское искусство не нашло еще себѣ ни талантливаго историка, ни цѣнителя; нѣкоторые отдѣлы его могли бы быть однако обработаны, еслибъ была возможность разсчитывать на ихъ изданіе, такъ какъ, къ сожалѣнію, даже обработанныя сочиненія не находятъ себѣ издателей. Недавно прочли мы, что существуетъ исторія русской гравюры, составленная Д. А. Ровинскимъ, въ которую вошло самое полное и обстоятельное описаніе съ полными текстами нашей народной гравюры, извѣстной подъ именемъ лубочныхъ картинокъ. Было бы въ высшей степени желательно появленіе этой исторіи въ печати.

ПОПРАВКА.

На стр. 237, строч. 10 св. напечатано: *точныхъ;* — слѣдуетъ: *точкахъ.*

М. Стасюлевичъ.